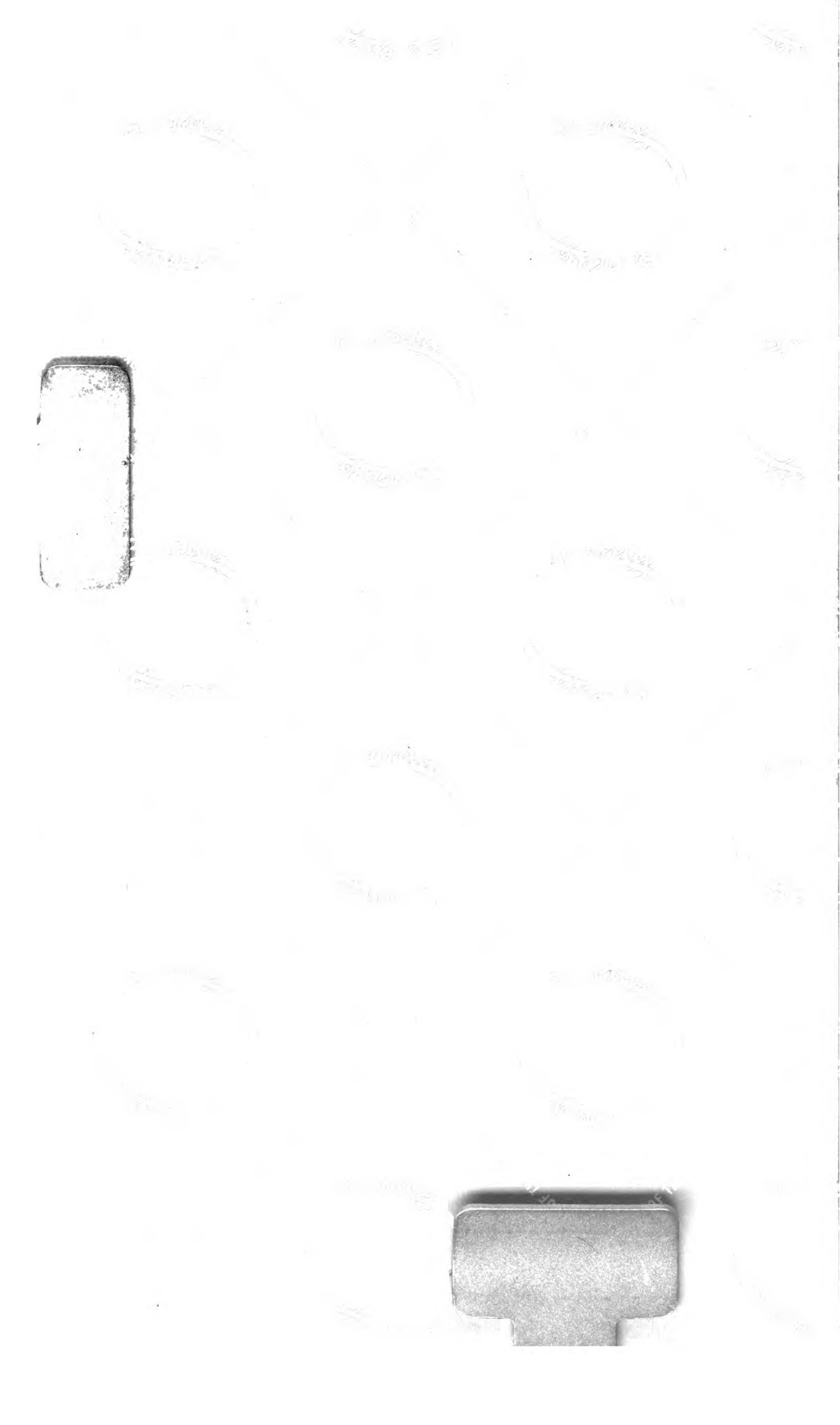

UC-NRLF
$B 598 644

Годъ V-й. № 7-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

И

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ІЮЛЬ

1896 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1896.

ОТЪ КОНТОРЫ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ».

Лицамъ, пользующимся разсрочкой и не уплатившимъ за второе полугодіе, высылка журнала съ іюльской книжки прекращена.

СОДЕРЖАНІЕ.

Годъ V-й. № 7-й.

МІРЪ БОЖІЙ

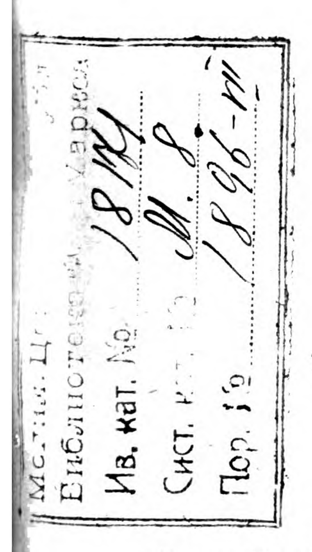
ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

И

САМООБРАЗОВАНІЯ.

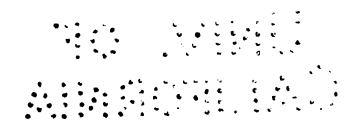

ІЮЛЬ

1896 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1896.

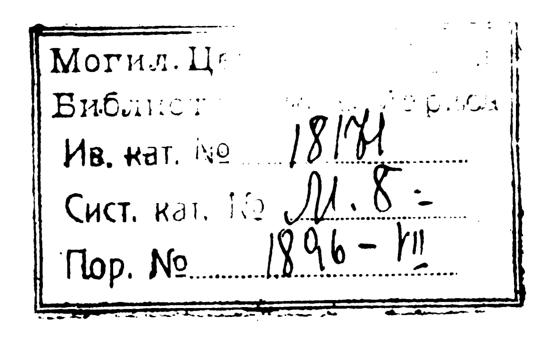
Дозволено цензурою 25-го іюня 1896 года. С.-Петербургъ.

AP50
M47
1896:7
MAIN

СОДЕРЖАНІЕ.

88427

ПИСЕМСКІЙ.

I.

Алексѣю Феофилактовичу Писемскому во всей русской литературѣ, точнѣе, въ исторіи русскаго общественнаго сознанія, выпала едва ли не самая исключительная и въ полномъ смыслѣ странная участь. Повидимому, у писателя были—если не всѣ, по крайней мѣрѣ, главнѣйшія основанія разсчитывать на прочную славу и признательность соотечественниковъ. Большой и даже очень большой художественный талантъ у него никто не оспаривалъ и не могъ оспаривать; неподкупность и искренность его литературной дѣятельности также признавалась, она печатно и громогласно была засвидѣтельствована даже такими горячими и тяжелыми на этотъ счетъ судьями, какимъ былъ юношески-откровенный Писаревъ... Чего же еще требуется для увѣнчанія писательскаго имени?

И между тѣмъ, лавры и вѣнки миновали Писемскаго. Правда, слава сначала будто весьма ласково улыбнулась ему. Въ теченіе, по крайней мѣрѣ, десяти лѣтъ его имя было окружено почетомъ и всеобщимъ интересомъ, на страницахъ самыхъ строгихъ журналовъ блистало рядомъ съ именемъ Тургенева, и критики затруднялись рѣшить, какое изъ нихъ звѣзда первой и второй величины. Но это были мимолетные и невозвратные дни. Немногіе годы популярности и почетной извѣстности скоро и безслѣдно потонули въ потокѣ длинныхъ тягостныхъ лѣтъ вражды, насмѣшекъ и даже презрѣнія. Но и на этомъ не кончилась жестокая игра судьбы. Въ смѣхѣ и гнѣвѣ все-таки есть извѣстная страсть, нѣкоторое чувство интереса къ предмету нападеній. Для писателя существуетъ нѣчто несравненно болѣе горькое,—молчаніе, т. е. забвеніе и нравственная смерть. И оно тяжелѣе всего, когда простираетъ свою власть одинаково на современниковъ и на потомство.

Писемскій именно въ этой формѣ вынесъ свою кару.

Задолго до кончины онъ постепенно умиралъ духовно среди старыхъ и молодыхъ поколѣній. Лишь изрѣдка и кое-гдѣ упоминалось его имя и подвергались поверхностному, нерѣдко злорадному суду его новыя произведенія. Когда, наконецъ, пришла смерть, за гробомъ не оказалось ни друзей-читателей, ни поклонниковъ таланта. По словамъ очевидцевъ, всего четыре кареты провожали писателя къ могилѣ, не говорилось сильныхъ рѣчей и періодическая печать холодно и оффиціально отдавала послѣдній долгъ покойнику...

И это не потому, чтобы некому было говорить и писать, не потому, чтобы русское общество вообще не умѣло и не желало оплакивать своихъ утратъ.

Нѣтъ. Всего недѣлю спустя смерть другого писателя вызвала всеобщій трауръ русской интеллигенціи и у многихъ только просто грамотныхъ людей исторгла искреннія слезы. А еще позже похороны третьяго писателя превратились въ «день скорби» для всѣхъ, кому только вѣдома русская литература... И оба покойника были литературные сверстники сподвижники Писемскаго,—скончавшись въ славѣ, они и за могилой остались любимыми авторами свой родины.

А между тѣмъ, для него до сихъ поръ не настало «потомство», то потомство, которое—принято думать—возмѣщаетъ несправедливости и исправляетъ ошибки современниковъ. До сихъ поръ рѣдко кто сочтетъ одинаково настоятельнымъ долгомъ прочесть сочиненія Тургенева, Достоевскаго, Гончарова и Писемскаго. Послѣдній авторъ, будто, что-то если не совсѣмъ лишнее, то постороннее для русской классической литературы, нѣчто въ родѣ какого-нибудь современнаго журнальнаго беллетриста. Развѣ только случайность и скука могутъ заставить насъ раскрыть книги писателя, когда-то стоявшаго въ одномъ ряду съ своими даровитѣйшими соперниками, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже опережавшаго ихъ.

Какой смыслъ этого факта? Было бы безполезно и неосновательно пускаться въ мелодраматическія жалобы на извѣстное наше равнодушіе и нелюбопытство. Того и другого особенно по временамъ у насъ бываетъ вполнѣ достаточно, и все-таки одною ссылкой на общественные изъяны мы рѣшили бы вопросъ односторонне. Несомнѣнно, естѣ доля вины и на другой сторонѣ.

Какъ бы общество ни стояло низко по своей умственной культурѣ и отзывчивости, оно всегда ищетъ въ литературѣ и беретъ у нея то, что̀ ему *нужно* и что для него *важно* въ данную ми-

нуту. Популярность Писемскаго начала падать съ первой половины шестидесятыхъ годовъ. Этимъ и объясняется, почему старый приговоръ оказался такимъ прочнымъ и вліятельнымъ.

Направь противъ Писемскаго оружіе насмѣшки и негодованія другіе люди и въ другое время, его звѣзда не покинула бы своего зенита и онъ съ своими творческими силами несомнѣнно выигралъ бы сраженіе. Но нравственно-литературная и въ особенности гражданская авторитетность его противниковъ, по крайней мѣрѣ въ глазахъ современныхъ свидѣтелей борьбы, рѣшили вопросъ не въ его пользу. Таковъ, въ общихъ чертахъ, смыслъ рѣшительнаго драматическаго момента въ личной жизни и литературной дѣятельности Писемскаго.

Дальнѣйшій ходъ событій былъ далеко не такого свойства, чтобы устранить или хотя бы отчасти смягчить этотъ моментъ. Напротивъ. Судьбы русскаго общественнаго развитія неуклонно создавали нарочитый темный фонъ, на которомъ прошлое являлось въ новомъ, часто почти идеальномъ свѣтѣ. Идеи и настроенія этого прошлаго пріобрѣтали все бо́льшую внушительность и обязательность, и его приговоры, особенно въ области литературно-общественной мысли, менѣе всего рисковали подвергнуться пересмотру и отмѣнѣ. Въ результатѣ грозная туча, налетѣвшая когда-то на Писемскаго, многіе годы висѣла и, слѣдуетъ признать,—продолжаетъ висѣть до сегодня надъ его именемъ и его произведеніями.

Мы заранѣе можемъ согласиться, — подобныя кары не совершаются безвинно надъ какими бы то ни было дѣятелями. Но относительно Писемскаго вопросъ въ сильнѣйшей степени усложняется. На писателя возстали именно тѣ, кто раньше осыпа́лъ его восторженными хвалами и свидѣтельствовалъ объ его нравственной и литературной правоспособности. Она не могла исчезнуть и, какъ увидимъ, дѣйствительно не исчезла до самаго конца, а между тѣмъ, положеніе самого автора въ общественномъ мнѣніи потерпѣло настоящую катастрофу. И—что особенно любопытно—тѣнь, легшая на злополучный періодъ жизни Писемскаго,—распространилась и на его лучшіе ранніе годы, *цѣликомъ* окутала его талантъ и личность и въ ряду писателей-современниковъ его фигурѣ присудила мѣсто Марино Фальеро.

Уже самъ по себѣ подобный эпизодъ, совершившійся на памяти еще живыхъ поколѣній, представляетъ великій психологическій и историческій интересъ. Достаточно самаго поверхностнаго представленія о немъ, чтобы почувствовать здѣсь нѣчто *исключительно-русское*, національное, бытовое въ самомъ строгомъ смыслѣ,

чтобы въ личной драмѣ Писемскаго признать единственную въ своемъ родѣ главу европейской литературы. И эта глава могла быть написана только *нами* и при совершенно опредѣленныхъ условіяхъ *нашего* общественнаго просвѣщенія.

Для насъ, слѣдовательно, независимо отъ общаго влеченія къ талантливому писателю, въ характеристикѣ Писемскаго и его дѣятельности существуетъ еще особенная привлекательная сторона. Предъ нами рѣдкій случай особенно яркаго и устойчиваго проявленія общественной мысли, разлада интеллигентнѣйшей публики съ однимъ изъ даровитѣйшихъ представителей художественнаго слова. Процессъ и тяжущіеся, очевидно, заслуживаютъ всего нашего вниманія во всѣхъ отношеніяхъ. Біографія и частныя «приключенія» русскихъ писателей вообще довольно часто смахиваютъ на курьезы и экстренныя происшествія, невѣдомыя въ лѣтописяхъ другихъ литературъ. Но врядъ ли какой еще другой русскій писатель, кромѣ Писемскаго, можетъ бросить столь своеобразный свѣтъ на самобытнѣйшія черты нашей *интеллигенціи* и русскаго *литературнаго дѣятеля*.

Намъ трудно будетъ во всемъ объемѣ воспользоваться выгодами нашего вопроса по очень простой причинѣ. Процессъ, оригинальная тяжба публики съ писателемъ, возникшая тридцать лѣтъ назадъ, не закончилась, въ сущности—даже не перешла въ юридически-спокойное, безпристрастное разбирательство дѣла. Настроенія и чувства, даже не благопріобрѣтенныя, а унаслѣдованныя отъ старшихъ, все еще замѣняютъ личное знакомство съ предметомъ и самостоятельную вдумчивость въ него. Предубѣжденіе, т. е. безсознательно-воспринятое и стихійно-развившееся представленіе — могущественнѣйшій врагъ истины и справедливости. И мы, говоря о Писемскомъ, принуждены считаться именно съ этой силой, и счеты, конечно, становятся тѣмъ рискованнѣе, чѣмъ больше законныхъ основаній у современныхъ читателей питать чувства признательности и уваженія къ бывшимъ противникамъ нашего автора.

Но мы отнюдь не намѣрены интересующую насъ личность превращать въ героя и не питаемъ ни малѣйшей склонности во что бы то ни стало создавать побѣдителей изъ побѣжденныхъ и жертвъ изъ торжествующихъ. Мы увѣрены, сильнѣйшій адвокатъ Писемскаго—самъ Писемскій, и нуждается онъ только въ одной для всякаго талантливаго писателя съ нашей стороны вполнѣ обязательной услугѣ — въ тщательномъ изученіи его таланта и его произведеній. Близкое личное знакомство съ Писемскимъ-авторомъ лучше всего разрѣшитъ спорные вопросы, и наша

задача на столько же проста, на сколько и непритязательна. Мы желаемъ опредѣлить собственно не размѣры художественнаго таланта Писемскаго: это сдѣлано давно и безповоротно. Наша цѣль—раскрыть психологическую и нравственную сущность даровитой творческой натуры нашего писателя, привести въ связь съ этой сущностью—смыслъ и содержаніе многочисленныхъ произведеній Писемскаго и установить ихъ историческое и общественно-культурное значеніе въ русской литературѣ.

Рѣшеніе этой задачи прямымъ и, намъ думается, вполнѣ естественнымъ путемъ распутаетъ прискорбный многолѣтній процессъ и вполнѣ точно опредѣлитъ роли обѣихъ сторонъ. А главное, мы разсчитываемъ въ результатѣ нашихъ разсужденій оставить у нашихъ читателей то самое убѣжденіе, какое вызвало насъ на предстоящую работу. При какихъ бы то ни было общественныхъ направленіяхъ, при всевозможныхъ литературныхъ вкусахъ и увлеченіяхъ публики, при самомъ горячемъ и искреннемъ отношеніи къ общимъ вопросамъ и судьбѣ гуманныхъ и просвѣтительныхъ идей, Писемскій долженъ занимать одно изъ виднѣйшихъ и прочныхъ мѣстъ въ ряду нашихъ художниковъ слова и поборниковъ мысли. Да, *поборниковъ мысли*, какъ бы это смѣло ни звучало,—мысли, проникающей творческія созданія истиннаго таланта, даже если бы обладатель таланта преднамѣренно и не стремился къ этому и самъ лично не сознавалъ всей значительности своихъ «поэтическихъ сновъ».

II.

Исконнымъ и неизлѣчимымъ недугомъ русскихъ людей считается чрезвычайная склонность и способность къ подражанію всему иноземному. Всѣ европейскіе народы, попеременно, были учителями и учениками другъ у друга, и цивилизація ничто иное, какъ громадная, безпрестанно обновляющаяся ланкастерская школа. Но ни одному народу не приходилось научиться столь многому и въ столь короткое время, какъ намъ, и естественно, съ нами происходило то же самое, что бываетъ съ наголодавшимся человѣкомъ.

Онъ стремится во что бы то ни стало воспользоваться пищей, мысль о томъ, дѣйствительно ли она полезна и легко ли ее будетъ переварить, его не безпокоитъ во время процесса питанія. Это механическое поглощеніе, а не органическое усвоеніе. Картину такого именно поглощенія представляетъ исторія европейскихъ идей и вкусовъ на русской почвѣ. Естественно, съ самаго

начала здѣсь оказалось множество нездоровыхъ, уродливыхъ явленій, гораздо больше, чѣмъ, напримѣръ, во Франціи въ періодъ англоманіи или во всей Западной Европѣ въ эпоху испаноманіи и галломаніи. И уродливость, и пестрота были тѣмъ ярче, что въ Россіи одновременно царили всевозможныя «маніи», между тѣмъ какъ на Западѣ роли дающихъ тонъ націй смѣнялись и размежевывались по извѣстнымъ столѣтіямъ.

Въ результатѣ—русскій человѣкъ такъ и остался типичнымъ *Jean de France*, рѣдкостнымъ произведеніемъ природы, у котораго тѣло родилось въ Россіи, а сердце принадлежитъ той или другой заграничной коронѣ. Иностранцы это отлично знаютъ, давно привыкли всю высшую умственную жизнь и даже искусство нашего отечества считать своего рода «удѣломъ» западной старой культуры, и до послѣднихъ дней не могутъ помириться съ мыслью, чтобы мы, даже въ лицѣ завѣдомо геніальныхъ художниковъ литературы, могли сказать что-либо *свое*, *русское*, для европейца новое и небезполезное. По крайней мѣрѣ, нашелся же, два года тому назадъ, французскій академикъ, взявшій на себя задачу—обличить величайшихъ русскихъ романистовъ въ компиляціи и подражательности французской беллетристикѣ! Положимъ, подобная мысль могла придти въ голову только образцово невѣжественному и легкомысленному парижанину фельетонисту, въ родѣ Леметра. Но вѣдь фельетонный болтунъ въ то же время и «безсмертный», а потомъ—такого сорта господа точнѣе всѣхъ серьезныхъ критиковъ и ученыхъ отражаютъ идеи и инстинкты большинства своихъ современниковъ, и первенствующій французскій журналъ, давшій у себя мѣсто вздорной фанфаронадѣ Леметра, засвидѣтельствовалъ этимъ совершенно опредѣленную психологію своихъ подписчиковъ и читателей.

Если такъ просвѣщенные европейцы судятъ о новѣйшихъ фактахъ нашей литературы, даже и для нихъ поразительныхъ по талантливости и значительности содержанія, что же могутъ думать они о болѣе раннихъ нашихъ успѣхахъ въ той же области? Здѣсь даже и не представляется, въ сущности, вопроса, потому что сами же русскіе критики коротко и ясно заявятъ о всемогуществѣ и неограниченности западныхъ вліяній и извѣстную фразу Бѣлинскаго «русская литература—растеніе пересадочное», распространять вширь и вглубь, мало считаясь съ людьми и обстоятельствами. А между тѣмъ, благодарнѣйшей и въ высшей степени поучительной задачей было бы точно намѣтить предѣлы этой «пересадки» и отдѣлить прививки отъ ствола, экзотическіе фрукты отъ туземныхъ плодовъ.

Потому что стволъ и его собственные *почвенные* соки жили и энергично развивались въ самыя, повидимому, счастливыя времена европейской оранжерейной культуры. Въ исторіи нашей литературы давно замѣтна одна оригинальная, ей исключительно свойственная черта—преобладаніе сатиры надъ всѣми другими жанрами. Большинство даровитѣйшихъ русскихъ писателей—сатирики или всецѣло, или въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ. Даже такія могучія лирическія натуры, какъ Пушкинъ и Лермонтовъ, написали по сатирическому роману и даже гуманнѣйшій талантъ Тургенева не могъ уклониться отъ общаго теченія, и отъ «Рудина» до «Нови» приносилъ обычныя жертвы національной музѣ русской поэзіи. Это—фактъ общепризнанный, но, сколько намъ извѣстно, не было подчеркнуто его внутреннее содержаніе. А оно-то именно и является сущностью русской сатиры и въ то же время, слѣдовательно, русской литературы.

Наша сатира, отъ начала до послѣднихъ дней, при всей своей разносторонности, жесточайшіе и упорнѣйшіе удары всегда направляла на *русскихъ европейцевъ*, осмѣивала и часто жестоко поражала прежде всего Иванушекъ съ французскими сердцами—все равно, въ костюмѣ ли «петиметровъ» Кантемира или въ новѣйшемъ маскарадномъ уборѣ революціонера «Дыма» и «Нови». Рѣшительно ни въ одной странѣ, ни въ одномъ обществѣ такъ безпощадно не встрѣчали всякаго рода обезьянничанье, какъ у насъ. Мы усерднѣе и смѣшнѣе всѣхъ подражали чужимъ нравамъ, беззавѣтнѣе и наивнѣе увлекались чужими идеями, но мы за то также самоотверженнѣе и искреннѣе всѣхъ другихъ сознались въ своемъ грѣхѣ.

У лучшихъ русскихъ писателей особеннымъ сочувствіемъ пользуется мотивъ, съ которымъ никакъ не могутъ примириться европейскіе критики и читатели. Иноземцамъ онъ покажется искусственнымъ, мелодраматическимъ вымысломъ, даже фарсомъ. Мы говоримъ о публичномъ покаяніи героевъ Достоевскаго и гр. Толстого. Въ дѣйствительности, разумѣется, не каждый день встрѣчаются сцены Раскольникова и Никиты, но вѣдь и вообще не каждый день и не у каждаго человѣка звучатъ сокровеннѣйшія струны его нравственнаго міра. А между тѣмъ, именно эти звуки и говорятъ намъ о подлинной основной правдѣ человѣческой личности.

Такъ и «мелодраматическій» эффектъ русскихъ писателей. Онъ подсказанъ имъ инстинктивнымъ чутьемъ народной психологіи, и мы заговорили о немъ именно потому, что онъ какъ нельзя вѣрнѣе соотвѣтствуетъ основному характеру русской сатиры. Народъ,

создавшій самыхъ жалкихъ и смѣшныхъ «Иванушекъ», одновременно выдвинулъ и самыхъ сильныхъ и правдивыхъ судей надъ своими уродливыми дѣтищами. Ни въ одной литературѣ нельзя найти такихъ горькихъ сарказмовъ и уничтожающихъ каррикатуръ на «чужеманію», ни одинъ народъ съ такимъ мужествомъ и постоянствомъ не вскрылъ своихъ траги-комическихъ духовныхъ недуговъ. Всѣ насмѣшки иностранцевъ надъ русскими «мѣщанами въ дворянствѣ», надъ «полуцивилизованными скиѳами», надъ «дрессированными медвѣдями», дѣтски-кроткія и банальныя рѣчи сравнительно съ отечественными стрѣлами по адресу тѣхъ же пасынковъ европейскаго просвѣщенія. Съ другой стороны, французская напримѣръ, сатира прошлаго вѣка противъ «англомановъ»—полюбовная семейная бесѣда рядомъ съ художественной живописью русскихъ поэтовъ, даже не сатириковъ,—на темы объ екатерининскихъ вольтерьянцахъ, московскихъ чайльдъ-гарольдахъ и позднѣйшихъ «хористовъ» новѣйшихъ идей. Да, можно смѣло признать, русская литература сторицей искупила свой національный грѣхъ и, явившись на первыхъ порахъ дѣйствительно «пересадочнымъ растеніемъ», сама болѣе всего способствовала искорененію чужеземныхъ плевелъ, и въ результатѣ, претворяя здоровые чужіе соки въ свою кровь, создала *свою* туземную «породу» талантовъ и плодовъ.

Но борьбой съ наноснымъ недужнымъ европеизмомъ русская сатира не ограничилась. Характеръ всякой борьбы зависитъ отъ силы сопротивленія и отъ нравственныхъ свойствъ противника. Въ данномъ случаѣ, предметомъ нападеній оказывались люди высшихъ, руководящихъ классовъ, значительные, слѣдовательно, по своему положенію и въ то же время почти всегда лично ничтожные. Вся *нравственная* сила ихъ, всѣ претензіи на *личную* исключительность оправдывались только ихъ прикосновенностью къ «высшему просвѣщенію», т. е. къ европейскимъ модамъ—все равно, костюмнымъ или умственнымъ. Русскій «Иванушка» считалъ себя существомъ высшей породы именно потому, что жилъ въ Парижѣ и вывезъ оттуда нѣсколько, по его мнѣнію, тончайшихъ манеръ и умнѣйшихъ мыслей. Если бы снять съ него французскій кафтанъ, запретить ломаться и говорить французскія фразы, подлинный русскій глупецъ такъ и остался бы глупцомъ безъ всякой подмѣси и иллюзіи. Но соусъ иностранной кухни, хотя бы даже самый недоброкачественный, мгновенно превращаетъ доморощеннаго дурака въ «интереснаго кавалера», и здѣсь же подвертывается романтическая представительница прекраснаго пола, кровью сердца и лепетомъ устъ подписывающая это превращеніе. Фон-

визиновская комедія пребудетъ неизмѣнной, и по составу, и по ролямъ дѣйствующихъ лицъ, и по мотивамъ комизма. Иванушки могутъ поумнѣть съ теченіемъ времени и одновременно Совѣтницы уступятъ мѣсто болѣе достойнымъ жертвамъ, но сущность останется та же: собственное ничтожество натуры, природная ограниченность ума и картинно накинутый на плечи модный плащъ. У Иванушки онъ состоялъ изъ обезображенныхъ морсо энциклопедической философіи, у Онѣгина—изъ незаконно-присвоенной байронической мизантропіи, у дальнѣйшихъ героевъ — изъ безсмысленно заученныхъ «послѣднихъ словъ науки». А рядомъ, и попрежнему, будетъ витать то или другое—сначала «романтическое» и «чувствительное» созданіе, потомъ femme emancipée «безъ предразсудковъ», въ родѣ г-жи Кукшиной.

Все это, конечно, только поддонки тѣхъ самыхъ направленій и идей, во имя коихъ они лицедѣйствуютъ преимущественно предъ дамскимъ партеромъ, и въ дѣйствительности они неизмѣримо вреднѣе для идей, чѣмъ самые ожесточенные враги вообще всякаго умственнаго развитія. Десятокъ Иванушекъ—а ихъ всегда много—можетъ до такой степени уронить благороднѣйшую мысль, проведши ее чрезъ свой мозгъ и языкъ, какъ этого не сдѣлаетъ ни одинъ талантливѣйшій и умнѣйшій противникъ той же мысли. Опаснѣйшее оружіе противъ людей и мыслей и, въ особенности, въ глазахъ большой публики—смѣхъ, между тѣмъ, отъ великаго до смѣшного, дѣйствительно, не болѣе шага: эта истина оправдывается ежедневно и при всевозможныхъ случаяхъ. Иванушки какъ разъ дѣлаютъ этотъ роковой шагъ и серьезнѣйшую пьесу серьезнѣйшимъ образомъ превращаютъ въ фарсъ.

Съ подобнымъ бытовымъ жанромъ пришлось имѣть дѣло русской литературѣ, и притомъ—жанромъ, необычайно распространеннымъ и живучимъ. Едва только былъ поверженъ на землю одинъ Jean de France, на смѣну ему вставалъ другой, еще болѣе «интересный» и, слѣдовательно, еще болѣе опасный. Въ результатѣ, наша сатира усвоила въ высшей степени своеобразное настроеніе. Оно вполнѣ отвѣчало горячему и непрерывно-настоятельному развитію борьбы, и въ то же время непосредственно опредѣлялось отрицательными доблестями врага. Въ противовѣсъ безсмысленному, рабски-покорному, мнимо-европейскому обезьянству Иванушекъ сложился типъ его безпощаднаго гонителя, въ разгаръ войны усвоившій и весьма часто открыто проявлявшій не менѣе крайнія нравственныя свойства, только противоположнаго характера. Намъ легко назвать ихъ. Они были подсказаны русскимъ сатирикамъ не теоріями и не тенденціями, а совершенно

естественными инстинктами—*національнаго достоинства* и *здраваго смысла*. Во имя одного—сатира возставала противъ нравственнаго ничтожества своихъ жертвъ, во имя другого—выставляла на всеобщій позоръ ихъ умственное уродство. И тотъ, и другой протестъ, по силѣ увлеченія своими основными принципами, неизбѣжно долженъ былъ подняться на высоту, равную тлетворному дѣйствію ненавистнаго недуга.

Такъ на самомъ дѣлѣ и оказалось.

III.

Наши поэты съ совершенной ясностью сами раскрыли психологію русской сатиры. Припомните, напримѣръ, одинъ изъ монологовъ Чацкаго, навлекшій особенно много нареканій на героя и даже на автора. Чацкій раздраженъ встрѣчей съ французикомъ изъ Бордо и въ особенности чувствами Иванушекъ дамскаго пола, онъ начинаетъ громить рабскій, безтолковый европеизмъ своихъ соотечественниковъ, договаривается до прославленія «старины святой» и даже—китайскихъ нравовъ.

Чацкій все это высказываетъ въ страстномъ порывѣ оскорбленнаго національнаго чувства. Онъ, конечно, отнюдь не облекся бы въ долгополую московскую ферязь и убѣжалъ бы изъ Китая еще скорѣе и дальше, чѣмъ изъ Москвы. Но сущность его рѣчи—его задушевнѣйшее личное чувство, онъ дѣйствительно до глубины сердца оскорбленъ психопатическими припадками европействующихъ дамъ и въ порывѣ молодой искренности говоритъ больше, чѣмъ хотѣлъ бы.

Это—примѣръ возбужденнаго національнаго самолюбія.

Другой—по поводу раздраженнаго здраваго смысла—тургеневскій романъ «Дымъ», крайне рѣзкія, отчасти каррикатурныя фигуры передовой молодежи рядомъ съ простымъ, умнымъ человѣкомъ—Литвиновымъ. Здѣсь уже самъ авторъ, очевидно, поддался гнѣвному настроенію и охватилъ неудержимымъ презрѣніемъ всякое слово, всякій жестъ новѣйшихъ Иванушекъ.

Оба примѣра мы нарочно взяли у авторовъ, менѣе всего страдающихъ національной гордостью и недовѣріемъ къ европейскимъ идеямъ. Чацкій отнюдь не послѣдователь Карамзина и Тургеневъ не славянофилъ, одинъ будетъ искать «оскорбленному чувству уголокъ», между прочимъ, и въ той странѣ, откуда появился столь возмутившій его французикъ, а другой отъ молодости до преклонныхъ лѣтъ оставался «западникомъ», и оба они невольно повысили тонъ своего негодованія и презрѣнія предъ вопіющимъ отечественнымъ зломъ.

Что же будутъ чувствовать другіе, не столь гибкіе по натурѣ и не такъ склонные къ культурной разносторонности, у кого стихійная прикованность къ народной почвѣ и національная цѣльность духовнаго склада исключаютъ свободную воспріимчивость къ какимъ бы то ни было внѣшнимъ вліяніямъ и въ особенности къ идеямъ? Это могутъ быть въ высшей степени умные люди, богато одаренные во многихъ отношеніяхъ, но инстинктивно недовѣрчивые къ теоретическимъ новшествамъ, вообще ко всему, что непосредственно не вытекаетъ изъ наглядной реальной дѣйствительности. Для нихъ не существуетъ отвлеченной красоты идеала, и вопросъ о жизненности, практической плодотворности совершенно покрываетъ собой всякое представленіе объ *общихъ* достоинствахъ той или другой идеи.

Легко понять, что подобное міросозерцаніе особенно успѣшно должно было выработаться на русской почвѣ. Оно являлось прямо неизбѣжнымъ логическимъ противовѣсомъ отчаянному и въ полномъ смыслѣ комическому донъ-кихотству разнаго сорта лицедѣйствующихъ «европейцевъ», и такъ-называемый «здравый смыслъ» и «національное чувство» пріобрѣтали тѣмъ больше нравственнаго значенія, чѣмъ усерднѣе Иванушки дискредитировали идеи и чужеземныя вѣянія. Писателю и самому простому смертному отнюдь не требовалось быть стремительнымъ патріотомъ и членомъ славянофильской партіи, чтобы подобно, напримѣръ, тому же Тургеневу, искренно защищать «народную правду», пристальное, проникновенное изученіе русской народной жизни и «смиренное» до послѣдней степени вдумчивое отношеніе къ нравственному и внѣшнему строю крестьянскаго быта, чтобы, наконецъ, подобно тому же «западнику», нарисовать съ нескрываемымъ сочувствіемъ фигуру почвеннаго русскаго человѣка, въ лицѣ мужика Хоря.

Этотъ Хорь, чей «здравый смыслъ охотно подтрунитъ надъ сухопарымъ нѣмецкимъ разсудкомъ»—замѣчательнѣйшая фигура въ нашей литературѣ, и настоящій эпическій герой нашей дѣйствительности. Въ немъ именно воплощены черты тѣхъ рускихъ людей, которые съ великими художественными силами ополчились на великую язву русскаго просвѣщенія, и на полѣ долголѣтней битвы подчасъ даже измѣняли мудрому, спокойному юмору Хоря, впадали въ сильныя чувства и крѣпкія слова.

Мы могли бы вызвать предъ читателемъ длинный рядъ борцовъ и эпизодовъ борьбы, но для насъ достаточно будетъ нѣсколько страницъ изъ этой поистинѣ воинственной литературы.

«Здравый смыслъ» и національное чувство выступаютъ на сцену у первыхъ же гонителей русской галломаніи. Уже Сума-

роковъ поётъ гимны русскому языку, его *старинной* красотѣ и жестоко издѣвается надъ «глупостью» тѣхъ, кто «по французски бредитъ». У Фонвизина — неизвѣстно противъ чего яростнѣе нападки и безпощаднѣе смѣхъ, противъ ли русскаго невѣжества въ лицѣ Простаковой или европейскаго просвѣщенія въ лицѣ Иванушки. Именно европейскаго просвѣщенія. Знаменитый авторъ «Недоросля» первый показалъ, какъ легко борьба противъ уродствъ россійскаго европеизма переходитъ въ отрицательную критику вообще европейскихъ идей и порядковъ, какъ «здравый смыслъ» и вообще *естественныя* добродѣтели *простого* человѣка—душа, сердце—рѣшительно и непримиримо противоставляются уму, книгамъ и даже образованности.

Стародумъ, т. е. самъ авторъ, среди всевозможныхъ проповѣдей о гуманности, просвѣщеніи и въ особенности о чувствительности и добродѣтели, высказываетъ «истину», на первый взглядъ безобидную, но на самомъ дѣлѣ чреватую самыми удивительными послѣдствіями.

«Я боюсь для васъ нынѣшнихъ мудрецовъ», говоритъ Стародумъ Софьѣ. «Мнѣ случилось читать изъ нихъ все то, что переведенно по русски. Они, правда, искореняютъ сильно предразсудки, да воротятъ съ корня добродѣтель».

Неизвѣстно, въ какихъ французскихъ «философскихъ» книгахъ *на русскомъ языкѣ* Стародумъ могъ вычитать такіе ужасы. На сколько извѣстно, именно *по русски* никакъ нельзя было имѣть и читать подобныхъ произведеній, въ особенности въ эпоху «Недоросля». Очевидно, у автора чувства устремились дальше дѣйствительности, и онъ вскорѣ это доказалъ своими впечатлѣніями заграничнаго путешествія.

Если въ комедіи еще можно было отличить Иванушку отъ подлиннаго ученика французской философіи, въ письмахъ все слилось въ одну, одинаково мрачную, картину и писатели оказались, пожалуй, даже хуже какого угодно русскаго Jean de France. Напримѣръ, въ одномъ письмѣ Фонвизинъ пишетъ: «*Д'Аламберты, Дидероты* въ своемъ родѣ такіе же шарлатаны, какихъ видалъ я всякій день на бульварѣ; всѣ они народъ обманываютъ за деньги, и разница между шарлатаномъ и философомъ только та, что послѣдній къ сребролюбію присовокупляетъ безпримѣрное тщеславіе».

Такъ можно было выражаться, особенно какъ разъ о двухъ названныхъ философахъ, только въ состояніи полнѣйшаго ослѣпленія извѣстнымъ *общимъ* настроеніемъ. Естественно, во Франціи оказывается почти все хуже, чѣмъ въ Россіи, даже обществен-

ныя отношенія и правосудіе ниже русскихъ крѣпостническихъ порядковъ съ Простаковыми и Скотиниными во главѣ и русскихъ судовъ съ добродѣтелями фонвизинскаго Совѣтника. Въ результатѣ вся французская нація обманъ считаетъ «правомъ разума», а «кавалеры св. Людовика»—воры по принципу и по привычкѣ... Авторъ возвращается домой съ твердымъ намѣреніемъ—«быть снисходительнѣе къ тѣмъ недостаткамъ, которые оскорбляли меня въ моемъ отечествѣ».

И между тѣмъ, Фонвизинъ менѣе всего мракобѣсъ и Киѳа Мокіевичъ русскаго патріотизма. Онъ только человѣкъ съ твердымъ «здравымъ смысломъ» и глубокимъ національнымъ чувствомъ, столкнувшійся съ позорными дѣтищами отечественнаго обезьянничества. Не обладая достаточными культурными свѣдѣніями и идейной чуткостью, онъ подвелъ рѣшительный итогъ по неполнымъ, хотя и вполнѣ достовѣрнымъ даннымъ. Благодушная иронія Хоря надъ «сухопарымъ нѣмецкимъ разсудкомъ» превратилась у сатирика въ желчный смѣхъ и даже ненависть.

Одинъ Фонвизинъ съ подобной психологіей не представлялъ бы большого интереса, если бы за нимъ не шелъ рядъ другихъ, еще болѣе талантливыхъ и «здравомыслящихъ» русскихъ писателей.

Въ послѣднее время—трудно и сказать въ который уже разъ—подвергся новому тщательному разбору вопросъ о Крыловѣ. Геніальный баснописецъ, рядомъ съ превосходными и по истинѣ мудрыми притчами и поученіями, написалъ нѣсколько аллегорій и исторій весьма сомнительнаго свойства. Ихъ смыслъ и совершенно очевидное содержаніе искони повергало въ недоумѣніе самыхъ искреннихъ почитателей крыловскаго таланта и его «дѣдовской» мудрости.

Многіе, до послѣднихъ дней, считаютъ нравственнымъ долгомъ—во что бы то ни стало защитить баснописца отъ невыгодныхъ для его репутаціи подозрѣній, пускаются въ тонкій разборъ знаменитыхъ сказаній о водолазахъ, о сочинителѣ... Въ дѣйствительности Крыловъ не нуждается ни въ тонкихъ толкованіяхъ, ни въ защитительномъ краснорѣчіи.

Вся его философія—вовсе не его личное оригинальное достояніе. Это все тотъ же Хорь и наиболѣе «странныя» идеи Крылова цѣликомъ можно найти въ изреченіяхъ Стародума и письмахъ Фонвизина. «Здравый смыслъ», практическая «сметка» и догадка стоятъ противъ «дерзкаго ума» и еще болѣе «дерзкихъ умствованій». Чѣмъ уступаетъ фонвизиновская характеристика французскихъ писателей въ парижскомъ письмѣ отъ 14-го

іюня 1778 года, отъ изображенія сочинителя въ крыловской баснѣ, написанной много лѣтъ спустя послѣ смерти «Даламбертовъ» и «Дидеротовъ»? Рѣшительно—ни однимъ словомъ. Крыловъ только прибавилъ историческіе, по его мнѣнію, непосредственные плоды философіи, т.-е. бѣдствія французской революціи. Фонвизинъ находилъ, что философы хуже *бульварныхъ шарлатановъ*: рѣчь шла о мирномъ времени,—Крыловъ, имѣя въ виду политическую смуту, объявитъ сочинителя преступнѣе *разбойника* съ большой дороги. Настроеніе и его основа въ обоихъ случаяхъ тождественны.

Тоже и водолазы. Еще Стародумъ произнесъ Софьѣ цѣлое обвинительное слово противъ ума и «нынѣшнихъ мудрецовъ», именно *дерзкаго* ума, съ неудержимой силой стремящагося къ осуществленію своего *умственнаго* идеала. Такой умъ—полнѣйшая противоположность «здравому смыслу», обладающему способностью считаться со всевозможными обстоятельствами и послѣдствіями. Потому что «здравый смыслъ» ничто иное, какъ прямое внушеніе, производимое на человѣка наглядной дѣйствительнвстью, «мудрая» комбинація внѣшнихъ силъ и личнаго выигрыша, «пребѣглый умъ», по выраженію Фонвизина, или «дерзкій умъ», по выраженію Крылова—чистая, хотя часто и замысловатая теорія, безплодное или вредное умствованіе. Отсюда побѣда огородника-практика надъ «философомъ»-теоретикомъ», позорное пораженіе «механика-мудреца» и трагическая смерть «дерзкаго» водолаза.

Но, вы замѣчаете, «мудрость» поэта весьма различна въ исходной идеѣ и въ окончательномъ выводѣ. Теоріи, вычитанныя изъ книгъ и построенныя безъ всякаго отношенія къ жизни и ея естественному развитію, конечно, отрицательное явленіе, литературная дѣятельность, направленная на идеализацію «порока», величайшее преступленіе, хитроумное мудрованіе надъ простыми вещами—глупая комедія. Все это—несомнѣнныя истины, но въ рукахъ автора онѣ утрачиваютъ свой *частный* характеръ, противоставляются *общимъ* добродѣтелямъ нравственности, мудрой простотѣ, природной даровитости. Въ результатѣ—потерпѣвшими оказываются идеи, науки, книги вообще, а не ихъ каррикатурныя отраженія, торжествуетъ здравый смыслъ, сметка и догадка. И такова цѣль самого автора. Иначе онъ не написалъ бы въ тонѣ *общаго разсужденія* исторіи съ сочинителемъ и разбойникомъ, не подчеркнулъ бы въ столькихъ притчахъ жалкую роль «ученой» мудрости и «книжной» науки и въ баснѣ «Червонецъ» не повторилъ бы съ буквальной точностью фонвизинскаго разсужденія на счетъ опасности, вмѣстѣ съ уничтоженіемъ предразсудковъ,

«грубости»—уничтожить также и добродѣтель, «испортить нравы» и «ослабить духъ».

Очевидно, писатель больше боится просвѣщенія, чѣмъ жаждетъ его. Онъ не говоритъ намъ: хотя идеи и просвѣщеніе въ головахъ глупцовъ и производятъ уродливую смуту, просвѣщеніе все-таки необходимо. Нѣтъ. У Крылова, какъ и у его предшественника, другой порядокъ мыслей. Хотя въ ученьи «мы зримъ» «многихъ благъ причину», все-таки «дерзкій умъ» гибеленъ и просвѣщенье «часто нравовъ развращенье». Въ результатѣ—не столько борьба съ учеными глупцами и просвѣщенными уродами, сколько недовѣріе къ наукѣ и просвѣщенью.

И первоисточникъ этого настроенія намъ давно извѣстенъ; Крыловъ едва ли не еще болѣе энергичный гонитель отечественныхъ европейцевъ, чѣмъ Фонвизинъ, вся его сатирическая дѣятельность вдохновлена проповѣдью противъ галломаніи и «щегольства» Иванушекъ обоего пола. Его «здравый смыслъ», еще болѣе народный и національный, чѣмъ у автора «Недоросля», долженъ былъ еще энергичнѣе возмущаться нравственнымъ ничтожествомъ и умственнымъ рабствомъ соотечественниковъ. Въ результатѣ у Крылова—типъ французовъ нахальнѣйшій и болтливѣйшій въ мірѣ парикмахеръ, знатокъ политики: онъ «съ такою же легкостью вертѣлъ государствами, какъ пудреною кистью». Воспитанникъ подобныхъ просвѣтителей графъ Припрыжкинъ, распутный петиметръ. Онъ—раззоритель цѣлаго края—городовъ и деревень, французская нація—покорительница народовъ, она взимаетъ за всевозможные пустяки и духовную отраву такую дань, какой не собиралъ и Римъ. Такимъ мотивамъ посвящена журнальная и драматическая сатира Крылова. Прибавимъ еще также старую тему—о тщеславіи, сварливости и себялюбіи писателей и ученыхъ. Послѣ этого сколько угодно можно оговариваться въ пользу науки и просвѣщенія, необычайно яркіе образы и сцены изъ области *пороковъ* и *преступленій* людей, будто бы просвѣщенныхъ, будутъ покрывать мрачнымъ, по крайней мѣрѣ тѣневымъ фономъ—вообще просвѣщеніе. У сатирика, столь усердно живописующаго отрицательныя стороны западныхъ идей и вообще литературы и отчасти науки, несомнѣнно живетъ то самое настроеніе, какое въ наше время заставило гр. Толстого пошлости и глупости тунеядныхъ, *хорошо воспитанныхъ* господъ обозвать плодами *просвѣщенія*.

Крыловъ и даже Фонвизинъ, вѣроятно, не подписали бы всѣхъ новѣйшихъ изреченій въ духѣ Жанъ-Жака, но ихъ тяготѣніе въ эту сторону очевидно и оно явилось въ результатѣ совершенно законной, но слишкомъ полемической защиты здраваго смысла и

національнаго чувства отъ шутовства и рабства инстинктовъ Иванушекъ и Припрыжкиныхъ. Вмѣсто того, чтобы строго и спокойно разграничить каррикатурное явленіе отъ здоровой дѣйствительности, авторы всю силу «страсти и гнѣва» направили на каррикатуру и подчасъ, несомнѣнно, даже противъ собственной воли дискредитировали и то, что было нормальнаго и желательнаго въ извѣстной области.

Этотъ процессъ съ замѣчательной яркостью и послѣдовательностью обнаружился у самаго сильнаго художника того же типа. И именно этотъ художникъ преимущественно любопытенъ для насъ; онъ ближе всѣхъ другихъ по роду таланта и по многимъ психологическимъ особенностямъ къ Писемскому. Недаромъ нашъ авторъ «страстно знакомился» съ великимъ сатирикомъ и занимался «внимательнымъ изученіемъ и повѣркой его эстетическихъ положеній». Мы увидимъ, и увлеченіе, и работа должны были явиться у Писемскаго инстинктивно. Здѣсь осуществлялось ничто иное, какъ глубокое сродство художественныхъ душъ.

IV.

Во всѣхъ европейскихъ литературахъ врядъ ли можно указать писателя, превосходящаго автора «Мертвыхъ душъ» талантомъ открывать мелочи и пошлости человѣческой жизни и врядъ ли кто изъ русскихъ сатириковъ собралъ больше подобныхъ «перловъ», чѣмъ собрано ихъ въ поэмѣ и комедіяхъ Гоголя. И между тѣмъ, рѣшительно ни у кого такой могучій геній сатиры не уживался рядомъ съ задушевнѣйшимъ и нерѣдко восторженнымъ лиризмомъ. Это не творческій лиризмъ, онъ не создастъ живыхъ художественныхъ образовъ, но онъ способенъ со всею силой прочувствованной правды выразить настроеніе, набросать картину, ослѣпить васъ блескомъ мгновенныхъ движеній растроганнаго сердца, и въ особенности въ минуты невольной грусти, меланхолическихъ впечатлѣній, дорогихъ воспоминаній.

Здѣсь Гоголь—великій лирикъ. Изображеніе дѣтскихъ дорожныхъ впечатлѣній или характеристика судьбы двухъ писателей—одни изъ поэтичнѣйшихъ «стихотвореній въ прозѣ», какія только знаетъ наша литература. Это—пространныя «отступленія», но искры того же лиризма разсѣяны всюду, по всѣмъ произведеніямъ автора. Онѣ часто едва замѣтны, бросаются поэтомъ будто случайно и безъ всякаго намѣренія, но знаменитый конецъ первой части «Мертвыхъ душъ» ничто иное, какъ снопъ такихъ же искръ. Гимнъ русской тройкѣ и русскому прогрессу, столь сму-

тившій Бѣлинскаго, отнюдь не новый какой-либо симптомъ гоголевскаго настроенія. Подобнаго гимна слѣдовало ожидать на каждой страницѣ, и можно только удивляться, какъ долго поэтъ таилъ въ себѣ именно *эту* «вьюгу вдохновенія». Оно безпрестанно прорывалось у него въ наиболѣе сильныя минуты творчества и въ словахъ поэта неизмѣнно сквозилъ тогда какой-то затаенный влюбленный восторгъ и глубокое нѣжное чувство.

Предметъ восторга—русская народность, точнѣе, нравственная личность русскаго человѣка. Для Гоголя это своего рода муза и къ ней онъ обращается всякій разъ, когда желаетъ отмѣтить яркой чертой характеръ героя, рѣзкое явленіе или необычайно привлекательное сильное настроеніе. Тонъ рѣчи подчасъ наивенъ, отдаетъ слишкомъ непосредственнымъ первобытнымъ чувствомъ, но такова участь всѣхъ стихійныхъ, искреннихъ движеній человѣческой натуры.

И здѣсь собственно нѣтъ ни преднамѣреннаго патріотизма, ни какого-либо партійнаго азарта, нѣтъ вообще ни малѣйшаго слѣда *теоріи*, *принциповъ*, такъ-называемаго общественнаго символа. Это простое изліяніе души, проявленіе инстинкта, а не мысли. Тотъ же Гоголь жестоко посмѣется надъ патріотами-фанатиками, но безпрестанно будетъ обнаруживать тѣ самыя чувства, какія волнуютъ едва не до слезъ стараго Бульбу по поводу, будто бы, исключительной способности русскихъ людей быть товарищами и стоять другъ за друга.

И въ результатѣ страницы геніальной сатиры надъ вопіющими уродствами *русской* жизни пестрятъ лирическими восклицаніями: «Эхъ! русскій народецъ! не любитъ умирать своею смертью!» «И какой же русскій не любитъ быстрой ѣзды!»... Всякій русскій непремѣнно задумываетъ «о разгулѣ широкой жизни», именно этотъ «бойкій народъ» выдумалъ «чудо-тройку», и въ апоѳеозѣ картина «ярославскаго расторопнаго мужика» отнюдь не похожаго на «ямщика въ нѣмецкихъ ботфортахъ»... Такой контрастъ необходимъ для авторскаго лиризма: расторопность, широкая натура, простота должны быть оттѣнены безплоднымъ хитроуміемъ, комической сухопаростью и скопидомской солидностью «нѣмца». И здѣсь ничего нѣтъ шовинистскаго, нѣтъ даже пресловутой «національной гордости» въ карамзинскомъ стилѣ,—одно лишь сердечное, несказанно-любовное влеченіе къ родной натурѣ, свойственное одинаково и великому писателю, и послѣднему изъ его героевъ.

Но уже въ лирическомъ изліяніи появляется непремѣнно контрастъ, въ другихъ случаяхъ онъ можетъ принять крайне рѣзкія, хотя, попрежнему, отнюдь не тенденціозныя формы. Просто русскій

«здравый смыслъ» примется смѣяться надъ «сухопарымъ нѣмецкимъ разсудкомъ», и тогда мы будемъ читать каррикатурнѣйшее изображеніе русскихъ, говорящихъ на иностранныхъ языкахъ, а еще позже можетъ совершенно исчезнуть добродушный юморъ и «высокій восторженный смѣхъ», иронія надъ «механикомъ-мудрецомъ» можетъ перейти въ грубую филиппику противъ «сочинителя» и птичья физіономія, неизбѣжная при англійскомъ разговорѣ, уступитъ мѣсто явно нетерпимому чувству къ «дурачью», желающему «открыть ларчикъ инструментомъ, а не просто», и путешествующему для этого именно—въ Англію... Любопытно это совпаденіе гоголевскихъ рѣчей съ крыловской мудростью, и оно простирается еще дальше.

Напримѣръ, полковникъ Кошкаревъ и Костанжогло—ихъ роли и характеры—по существу будто списаны съ героевъ крыловской басни «Философъ и огородникъ». На одной сторонѣ книги, слѣпое подчиненіе теоріямъ и наносному чужому уму, на другой — непоколебимый здравый смыслъ, практичность, совершенно простой незамысловатый трудъ, вообще здѣсь русскій народный умъ,— тамъ «дурь изъ чужи». О глупости и каррикатурности Кошкарева нечего было бы и спорить: это фактъ очевидный, но онъ даетъ право Костанжогло, т.-е. самому автору, поднять жестокую войну противъ вообще какихъ бы то ни было идеальныхъ стремленій, не оправдываемыхъ настоятельными практическими нуждами. Въ воинственномъ порывѣ будутъ захвачены и «политическіе экономы», «дуракъ на дуракѣ сидитъ и дуракомъ погоняетъ»; глупцы педагоги и профессора: они «множествомъ всякихъ свѣдѣній и предметовъ» мѣшаютъ «самобытному развитію ума» и не обучаютъ юношей «ручнымъ ремесламъ, укрѣпляющимъ тѣло», и въ особенности преподаватели «съ новыми взглядами и новыми углами и точками воззрѣній» и «донъ-кишоты», заводящіе необычайно мудреныя школы и больницы и практикующіе «человѣколюбіе». Все это повергается въ прахъ гоголевскимъ русскимъ идеальнымъ человѣкомъ, достигшимъ «имущества существеннаго, а не мечтательнаго».

Правда, Костанжогло считаетъ нужнымъ оговориться: «конечно, въ грамотѣ нѣтъ ничего дурного, скорѣе хорошее». Но обратите вниманіе на эту оговорку—*скорѣе хорошее*. Это значитъ, пожалуй, допустимъ, можетъ быть, надо полагать—недурно учить мужика грамотѣ, а все-таки грамота—изъ области «мечтательнаго имущества», а не «существеннаго», и даже вреднаго: «выйдетъ изъ школы такой человѣкъ, что никуда не годится, ни въ деревню, ни въ городъ, только что пьяница, да чувствуетъ свое достоинство»...

Вы скажете: это, конечно, бываетъ. Да, но для Костанжогло это не случайное явленіе, а законъ, онъ не хочетъ знать о трезвыхъ и годныхъ ученикахъ школы, для него нужны непремѣнно никуда негодные пьяницы. То же самое и о высшемъ просвѣщеніи. Польза его подлежитъ великому сомнѣнію.

Напримѣръ, Костанжогло «учился на мѣдныя деньги», а Хлобуевъ «слушалъ лекціи въ университетѣ»; но какое же можетъ быть сравненіе? Это сознаетъ даже самъ Хлобуевъ и мы должны съ особеннымъ вниманіемъ прислушаться къ его рѣчамъ. Она должна въ будущемъ не одинъ разъ припомниться намъ...

Чичиковъ пороки русскаго человѣка приписываетъ недостатку просвѣщенія. Хлобуевъ, очевидно, вдохновленный авторомъ, не рѣшается такъ опредѣленно рѣшить вопросъ.

«Богъ вѣсть отчего! Вѣдь вотъ мы и просвѣтились. Я слушалъ лекціи въ университетѣ, а что изъ того, что я былъ въ университетѣ? Ну, чему я выучился? Порядку жить не только не выучился, а еще какъ бы больше выучился искусству побольше издерживать денегъ на всякія новыя утонченности да комфорты, больше познакомился съ такими предметами, на которые нужны деньги».

Но, можетъ быть, Хлобуеву наука пошла не въ прокъ по его же винѣ, и что собственно самъ университетъ неповиненъ въ прискорбныхъ результатахъ «просвѣщенія»? Выходитъ, нѣтъ. Хлобуеву желательно на всѣхъ пунктахъ разбить «донъ-кишотовъ».

«Оттого ли, что я безтолково учился? Нѣтъ, вѣдь такъ и другіе товарищи. Два, три человѣка извлекли себѣ настоящую пользу, да и то оттого, можетъ быть, что и безъ того были умны, а прочіе вѣдь только и стараются узнать то, что портитъ здоровье да и выманиваетъ деньги. Такъ изъ просвѣщенія-то мы все-таки выберемъ то, что погаже; наружность его схватимъ, а его самого не возьмемъ».

И въ окончательномъ выводѣ, по мнѣнію Хлобуева, неурядицы въ личной и общественной жизни русскаго человѣка происходятъ не отъ невѣжества, а «отчего-то другого». Отчего именно?—отвѣтъ дается фигурой и философіей Костанжогло, необычайно горячаго защитника русской самобытности и практическаго смысла. «Смотрите на пользу, а не на красоту», осаживаетъ онъ невинный восторгъ Чичикова красивыми видами. «Въ сторону красоту! Смотрите на потребности!» И когда этотъ идеальный русскій человѣкъ излагаетъ свою почвенную мудрость, свободную отъ всякаго доказательства, автору рисуется изъ ряду вонъ торжественный моментъ. «Лицо его поднялось кверху, морщины исчезли. Какъ

царь, въ день торжественнаго вѣнчанія, сіялъ онъ весь и, казалось, какъ бы лучи исходили изъ его лица...»

И подумать, — весь этотъ спектакль по поводу смѣтъ и разсчетовъ, какъ «всякая дрянь даетъ доходъ»!..

Вотъ до какого лиризма оказалось возможнымъ дойти послѣ совершенно, повидимому, безобидныхъ изліяній въ честь русской отваги и широкой натуры. Но мы и здѣсь не должны представлять, будто поэтъ рѣзко уклонился въ сторону. Напротивъ, все зданіе выросло ровно и послѣдовательно на давно уже заложенномъ фундаментѣ. Рѣзкая, безъ всякихъ ограниченій отповѣдь по адресу русскихъ любителей иностранныхъ языковъ, носила въ зернѣ всѣ позднѣйшія выходки Костанжогло противъ «донъ-кишотовъ», забавная характеристика «необыкновеннаго подлеца», ученаго, созидающаго какую угодно «истину» на вздорномъ и беззастѣнчивомъ подборѣ и толкованіи цитатъ, сцена изъ фарса съ политическими экономами «дурачьемъ» и педагогами такого же качества, а въ заключеніе удивительное единодушіе ни въ чемъ не похожихъ другъ на друга людей—Костанжогло и Хлобуева какъ разъ на счетъ сомнительной пользы просвѣщенія.

Авторское настроеніе до такой степени ясно и такъ рѣзко подчеркивается при всякомъ удобномъ случаѣ, что никакихъ недоразумѣній здѣсь быть не можетъ. Европейское просвѣщеніе и университетская наука представлены Кошкаревымъ и Хлобуевымъ, а никѣмъ другимъ, и «Несравненный Александръ Ивановичъ», «диво-воспитатель», здѣсь не у мѣста, потому что онъ съ своими «ручными ремеслами» и практическими уроками относительно «службы» менѣе всего могъ создать «донъ-кишотовъ» школъ и больницъ и всякаго «человѣколюбія». Противъ Кошкарева и Хлобуева стоятъ Костанжогло и Муразовъ, оба сильные исконными доблестями крыловскихъ положительныхъ героевъ—смѣткой, практическимъ смысломъ и полной неприкосновенностью къ чужеземнымъ ересямъ и «дерзкому уму».

Разъясняя, такимъ путемъ, чувства и идеи русскихъ оригинальнѣйшихъ писателей, мы отнюдь не стремимся уличить ихъ въ мракобѣсіи, въ принципіальной защитѣ невѣжества и самобытной грубости нравовъ. Мы только желаемъ показать, до какихъ предѣловъ у многихъ даровитѣйшихъ нашихъ поэтовъ доходила защита народнаго здраваго смысла противъ неразумія и уродствъ туземныхъ европейцевъ, оборона національныхъ основъ жизни противъ рабскаго маскарада въ чужеземныхъ костюмахъ.

Какой же общій смыслъ этого явленія?

V.

Названные нами поэты, при всемъ разнообразіи талантовъ, отличаются однѣми и тѣми же важнѣйшими основами художественнаго творчества и практическаго міросозерцанія. Всѣ они—сатирики въ искусствѣ и необычайно *цѣльныя*, *крѣпкія натуры* въ національномъ смыслѣ. Такая цѣльность и органическая сила граничатъ часто съ неподатливостью и односторонностью въ вопросахъ обще-культурнаго развитія. Русская національность выработала два крайнихъ типа. Съ одной стороны, люди, въ высшей степени отзывчивые на внѣшнія воздѣйствія чужой, болѣе яркой и увлекательной дѣйствительности, крайне доступные всевозможнымъ культурнымъ вліяніямъ. Это—представители извѣстной русской способности усваивать иностранные языки, иноземные обычаи, чьи угодно теоріи съ легкостью и пониманіемъ, недоступными другимъ націямъ. Но рядомъ искони существовалъ другой типъ и особенно рѣзко выдвинулся, конечно, въ противовѣсъ крайнимъ увлеченіямъ слишкомъ усердныхъ питомцевъ и учениковъ Европы. Это—типъ, воплощающій старую московскую исключительность, до Петра совершенно искренне презиравшій всѣхъ «бусурмановъ», а послѣ Петра не перестававшій относиться съ подобнымъ чувствомъ къ «космополитической» новой столицѣ. Для русскихъ этого типа во всякомъ европейскомъ новшествѣ невольно чуется что-то *стихійно* чуждое, непріятное, а подчасъ и ненавистное. Ихъ первое впечатлѣніе при всякой западной идеѣ или фактѣ изъ иноземной жизни,—недовѣріе или снисходительная иронія.

Вы помните, какъ Хорь слушаетъ разсказы о чужестранныхъ порядкахъ?—молча и хмуря густыя брови. Умному мужику, очевидно, требуется не малое усиліе мысли, чтобы вникнуть въ смыслъ того или другого сообщенія и не мало внутренней борьбы, чтобы признать въ какомъ-либо явленіи «порядокъ». Такой человѣкъ не понесется навстрѣчу самому блестящему идеалу, не придетъ въ мгновенный восторгъ отъ великолѣпнѣйшей перспективы завоеваній европейской культуры. Иному его соотечественнику достаточно прочесть книжку или совершить прогулку по парижскимъ бульварамъ и театрамъ, чтобы перевести себя въ другую философскую и нравственную вѣру. Хорь, напротивъ, будетъ долго приглядываться къ чужеземнымъ диковинкамъ, по правиламъ «русскаго человѣка» тщательно ощупывать ихъ, соображать всѣ сопутствующія и возможныя въ будущемъ обстоятельства. Но и этотъ процессъ Хорь продѣлаетъ только въ спокойныя и свѣтлыя минуты. Въ другомъ менѣе, счастливомъ настроеніи ему ни-

чего не стóитъ просто отвернуться отъ незнакомаго ему предмета, — отвернуться безъ всякихъ другихъ основаній, кромѣ развѣ такихъ, напримѣръ, соображеній:

«Знаемъ мы ваше просвѣщеніе и ваши европейскія идеи! Вонъ Хлобуевъ учился въ университетѣ, Кошкаревъ былъ заграницей, а чтó изъ нихъ вышло? Какой толкъ? Одинъ въ конецъ раззорилъ имѣніе, и другой на пути къ тому же. А вотъ Костанжогло учился на мѣдныя деньги, отродясь не бывалъ заграницей и слышать о ней не хочетъ, а между тѣмъ первый помѣщикъ въ округѣ!..»

Для насъ это разсужденіе можетъ не имѣть ни малѣйшей доказательной силы, но для человѣка предубѣжденнаго, *по натурѣ* мало доступнаго воздѣйствіямъ чужой цивилизаціи — въ особенности ея отвлеченнымъ созданіямъ,—нѣсколько частныхъ примѣровъ окончательно рѣшаютъ *общій* вопросъ. И это будетъ результатомъ не преднамѣренной патріотической нетерпимости или слишкомъ первобытнаго заматорѣлаго нравственнаго міра, напротивъ, русскіе этого типа могутъ быть гораздо проницательнѣе и искреннѣе на счетъ неустройствъ собственной жизни и отрицательныхъ сторонъ народнаго быта и народной психологіи, чѣмъ ихъ европейсвующіе соотечественники, могутъ быть также примѣрно чуткими, художественно-развитыми личностями, но только въ области здраваго смысла и національнаго инстинкта. Они, напримѣръ, несомнѣнно безпощаднѣе и глубже вскроютъ всевозможныя язвы фальшиваго европеизма, именно потому, что сами ни единымъ нервомъ не связаны съ этимъ европеизмомъ и всѣми силами своего умственнаго и душевнаго склада вооружены противъ него.

Если, положимъ, такому писателю представится случай изобразить московскаго Чайльдъ-Гарольда, онъ нарисуетъ картину безъ всякихъ «смягчающихъ обстоятельствъ», не станетъ прибѣгать къ оговоркамъ, полутѣнямъ, благодушнымъ шуткамъ и ужъ, конечно, не запишетъ себя въ число пріятелей героя, подобно поэту, лично не чуждому европейскихъ модъ и всякаго рода увлеченій отчасти въ онѣгинскомъ духѣ, по крайней мѣрѣ, въ годы легкомысленной молодости. Нашъ авторъ поступитъ совершенно иначе. Онъ до послѣдней нитки сорветъ мишуру съ просвѣщеннаго франта и покажетъ въ сердцѣ его такую мерзость запустѣнія, а въ головѣ такой хаосъ вздорныхъ идей и пошлыхъ мечтаній, что у читателя не останется ни малѣйшаго желанія сколько-нибудь позаимствоваться доблестями «интереснаго героя». Послѣ Евгенія Онѣгина все еще, пожалуй, будетъ биться сердце не одной Татьяны, но послѣ Батманова или Бахтіарова станетъ навѣрное совѣстно самой романтической провинціальной барышнѣ.

То же самое и во всѣхъ другихъ случаяхъ.

Писатель, лично пережившій сладостный юношескій трепетъ предъ новыми словами и идеалами, постарается впослѣдствіи спасти хотя бы кое-какіе лепестки въ увядшемъ вѣнкѣ Рудина. Правда, онъ жестоко ополчится противъ фразёра и безвольнаго мечтателя, но во имя благородныхъ мечтаній и хорошихъ идей онъ все-таки причалитъ его чёлнъ къ благородному берегу, онъ спасетъ «лучшую часть» своего героя, потому что въ этой части бьется или когда-то билось собственное дорогое чувство автора. И въ результатѣ, у многихъ читателей можетъ возникнуть даже недоумѣніе: ужъ не положительный ли, въ самомъ дѣлѣ, герой столь краснорѣчивый и въ концѣ исторіи столь симпатичный Рудинъ? Даже, Онѣгина нѣкоторые, слишкомъ стремительные критики, въ родѣ Писарева, отождествляли съ самимъ авторомъ: до такой степени сильна иллюзія *достоинствъ* разочарованнаго москвича!

Ничего подобнаго не произойдетъ съ нашимъ поэтомъ.

Эльчанинова или Шамилова ничей самый близорукій взоръ не сочтетъ перлами созданія и реальныя Наташи, при всемъ своемъ желаніи, не найдутъ у себя двухъ отвѣтовъ на вопросъ; стоило ли героинямъ увлекаться подобными героями? И причина столь рѣшительнаго впечатлѣнія все та же. Авторъ ни душой, ни тѣломъ не причастенъ рудинству, какъ совершенно чуждъ и чайльдъ-гарольдству. Всѣ эти повѣтрія не всколыхнули его необычайно устойчивой и положительной, въ народномъ русскомъ, смыслѣ, самобытной и крѣпкой натуры. Онъ отъ начала до конца игралъ роль скептически и насмѣшливо настроеннаго зрителя, и естественно подмѣтилъ много смѣшного и страннаго, много «недѣльнаго», что могло ускользнуть отъ снисходительнаго невольно милующаго взора другого автора.

Отсюда необычайно яркое и полное изображеніе всего жалкаго, комичнаго и пошлаго у европейцевъ изъ Москвы, отсюда наповалъ бьющая эпиграмма, цѣлый рядъ эпизодовъ и положеній, не оставляющихъ ни единаго положительнаго проблеска въ судьбѣ и характерѣ несчастной жертвы. Онѣгинъ окончитъ печально, трагикомически, получитъ жестокій урокъ своему театральному «холоду сердечному» и маскарадному разочарованію. Но что́ значитъ этотъ конецъ предъ участью Батманова, завершающаго свою демоническую карьеру при «богатой купчихѣ!» И насколько низменнѣе пятый актъ эльчаниновскаго фарса сравнительно съ послѣдней вполнѣ серьезной драмой Рудина!

Впослѣдствіи мы подробнѣе изложимъ эти факты и глубже

проникнемъ въ основы поразительнаго преобразованія однихъ и тѣхъ же психологическихъ и общественныхъ мотивовъ у писателей разнаго типа. Теперь намъ достаточно указать на исходные *личные* моменты, создающіе такую разницу въ авторскихъ отношеніяхъ къ тождественнымъ по существу явленіямъ.

Но творческій процессъ не ограничивается тѣмъ, что одинъ авторъ воспроизводитъ безусловно лишь темныя и мелкія черты, а другой даетъ доступъ нѣкоторому свѣту и старается поизящнѣе ретушировать картину. Результатъ получается въ высшей степени важный не только для характеристики героевъ, но и для нашего представленія о данныхъ общественныхъ условіяхъ, о данной средѣ. Разъ сатирикъ всю силу своего смѣха направилъ на отдѣльную личность, онъ тѣмъ самымъ *только ее* сдѣлалъ отвѣтственной за всѣ ея нравственныя уродства и смѣхотворныя приключенія, все вниманіе читателя онъ неизбѣжно сосредоточилъ на изъянахъ дѣйствующаго лица и отодвинулъ на задній планъ общій вопросъ о возникновеніи и развитіи подобныхъ личностей именно при извѣстныхъ обстоятельствахъ и среди извѣстныхъ людей. Вѣдь сущность была не въ томъ, что на свѣтѣ появляются обезьянствующіе гайльдъ-гарольды и лицедѣйствующіе преобразователи человѣчества, а въ томъ, что эти господа могутъ съ успѣхомъ проявлять свое обезьянство и лицедѣйство, что они находятъ зрителей и даже поклонниковъ. Важно, слѣдовательно, не столько заклеймить актера, сколько сочувствующій ему партеръ, важно, однимъ словомъ, вскрыть *смыслъ* факта, а не только констатировать фактъ. А этого достигнуть возможно при единственномъ условіи, когда писатель въ минуты издѣвательства надъ своей жертвой не упускаетъ изъ виду свойствъ почвы, взростившей такія плевелы, и отдаетъ себѣ ясный отчетъ въ связи того или другого каррикатурнаго явленія съ общимъ строемъ общественной жизни въ извѣстную эпоху.

Именно этой задачи и не выполняютъ сатирики, неумолимо безпощадные къ отечественному европеизму. Ихъ слишкомъ глубоко, безраздѣльно возмущаетъ фактъ уродливой подражательности самъ по себѣ, и они преслѣдуютъ его съ прямолинейной односторонностью во всевозможныхъ видахъ, степеняхъ и періодахъ развитія.

Иванушка, несомнѣнно, сорная и вредная трава, но зачѣмъ же изъ-за русскаго уродца всѣмъ французскимъ философамъ непремѣнно быть шарлатанами? Пристрастіе къ иностраннымъ языкамъ въ ущербъ родному, конечно, постыдно и безсмысленно, но неужели поэтому ѣздить въ Англію за промышленной наукой, заводить школы

и читать лекціи по политической экономіи—сплошная глупость и «донъ-кишотство»? Московскіе гайльдъ-гарольды, разумѣется, жалки и смѣшны, часто прямо гибельны для семейной и общественной нравственности, но неужели, благодаря этимъ явленіямъ, мы не должны признать ничего положительнаго въ байроническихъ вліяніяхъ на русскую молодежь и неужели, въ самомъ дѣлѣ, мы изъ просвѣщенія и изъ литературы непремѣнно «выберемъ то, что погаже»? Фразёры и артисты философіи—совершенно тунеядные продукты, но есть же какой-либо *историческій общественный* смыслъ въ спектакляхъ Рудина и даже Шамилова.

Всѣ эти вопросы, какъ бы ни были настоятельны даже въ исторіяхъ Иванушекъ и гайльдъ-гарольдовъ, получаютъ громадное значеніе въ дальнѣйшихъ проявленіяхъ нашего европеизма. Если Иванушка ломается и находитъ въ этомъ удовольствіе, то исключительно ради подходящей публики, и мораль сатиры въ дѣйствительности может оказаться совсѣмъ не той, какую вывелъ авторъ. Нужно устранить среду, удобную для подвиговъ Иванушекъ, т. е. преобразовать общество, казнить не Иванушекъ лично безусловно ничтожныхъ и безсильныхъ, а провѣтрить затхлый рабскій и варварскій воздухъ Совѣтницъ, Бригадировъ, Простаковыхъ, Скотининыхъ. А это значитъ, не подрывать кредитъ вообще просвѣщенія изъ-за глупцовъ, мнящихъ себя просвѣщенными, а всѣми силами способствовать его распространенію, вмѣсто фальшивой монеты пустить въ оборотъ подлинную и тѣмъ убить всякую незаконную спекуляцію.

То же самое будетъ справедливо и относительно позднѣйшихъ россіянъ съ сердцами той или другой зарубежной націи. Представьте, — Татьяна не существуетъ, что̀ тогда останется отъ эффектныхъ позъ Онѣгина? А какъ можетъ Татьяна не существовать? Очень просто. Пусть она получитъ другое воспитаніе и образованіе, пусть ея родители иначе станутъ понимать свой родительскій долгъ относительно дочерей, и Татьяны, вмѣсто сердечныхъ трепетовъ и поэтическихъ посланій въ честь Онѣгиныхъ, начнутъ встрѣчать подобныхъ «столичныхъ слетковъ», самое большее, недоумѣніемъ и смѣхомъ. Еще печальнѣе при такихъ условіяхъ сдѣлалась бы участь Батмановыхъ.

Выводъ, слѣдовательно, ясенъ: отдѣльныя извращенныя отраженія европейскихъ построеній и мода только *симптомы* болѣзни, настоящій больной—*среда* нашихъ героевъ, и настоящая болѣзнь—*общественная* темнота и апатія. Это столь естественное заключеніе не входитъ въ кругозоръ нашихъ сатириковъ, и для примѣра достаточно припомнить, въ какое смущеніе и даже негодованіе

пришелъ Гоголь отъ взглядовъ Бѣлинскаго на истинный смыслъ его произведеній... Критикъ взывалъ именно къ европейскому просвѣщенію, какъ противоядію противъ Чичиковыхъ, Сквозникъ-Дмухановскихъ и прочихъ внутреннихъ враговъ Россіи, а писатель— возводилъ въ перлъ созданія ученье на мѣдныя деньги и честное кулачество.

Такое недоразумѣніе возникло именно потому, что на сценѣ оказались уже не люди и не романическія чувства, а идеи. Галломановъ и англизированныхъ демоновъ еще, куда ни шло, можно принести въ жертву безъ различія «ранга и состоянія». Но картина совершенно мѣняется, когда дѣло идетъ не о салонныхъ и поэтическихъ увлеченіяхъ, а объ извѣстныхъ идеалахъ личной и общественной жизни.

Нашъ сатирикъ и здѣсь примѣнитъ свой обычный методъ, подвергнетъ развѣнчанію идейные отголоски Запада съ такимъ же непримиримымъ, подавляющимъ чувствомъ, какое раньше подсказали ему насмѣшки надъ модными костюмами и театральными позами. И на этотъ разъ нападеніе будетъ тѣмъ энергичнѣе и безповоротнѣе, чѣмъ серьезнѣе противникъ, но, сообразно съ энергіей и пыломъ борьбы, выростетъ и исконное недоразумѣніе. Сплошнымъ мрачнымъ фономъ будетъ охвачено *все* теченіе данной эпохи, выставлено на позоръ подъ какой-либо крикливой унизительной этикеткой.

Примѣръ подобной критики *идейныхъ* направленій былъ уже представленъ геніальнымъ сатирикомъ. «Теперь появилось въ русскомъ характерѣ донъ-кишотство, котораго никогда не было!»—вопитъ гоголевскій представитель здраваго смысла и «существенныхъ» благъ. Ему и на умъ не приходитъ, что въ донкихотствѣ далеко не одно сумасшествіе и не одинъ фарсъ, требуется еще кое-что, менѣе всего заслуживающее гнѣва и смѣха. Вѣдь человѣкъ сталъ тратить собственныя деньги на больницы и школы, изъ Собакевича и Чичикова, изъ героя животнообразной крѣпостнической жизни всякаго рода плутней «на законномъ основаніи» превратился въ безкорыстнаго рыцаря просвѣщенія и человѣколюбія! Пусть онъ выполняетъ свои новыя задачи не цѣлесообразно и даже понимаетъ ихъ плохо, но даже если бы только одному изъ десяти крестьянскихъ мальчишекъ удалось выучиться грамотѣ или одному изъ сотни больныхъ мужиковъ посчастливилось вылѣчиться благодаря человѣколюбію донкишота-помѣщика, то вѣдь эта крупица должна быть зачтена за цѣлыя горы «всякой дряни», приносящей доходъ сметливымъ русскимъ Пансамъ въ родѣ Костанжогло и Муразова.

Но для сатирика не существуетъ подобныхъ соображеній и счастливо придуманный эпитетъ «донкишотство» должно не оставить камня на камнѣ въ великомъ и крайне разнообразномъ движеніи.

То же самое повторится и съ другими врагами *европеизма во что бы то ни стало*, только мишень измѣнится, мѣсто донкишотства, т.-е. гуманитарнаго идеализма, займутъ несравненно болѣе реальныя общественныя и нравственныя стремленія новыхъ поколѣній. А такъ какъ болѣе *реальныя* стремленія неминуемо вызываютъ еще болѣе усиленный натискъ, новый сатирикъ того же типа обнаружитъ еще болѣе нетерпимости и личнаго азарта въ войнѣ противъ современныхъ «донкишотовъ», и результаты на этотъ разъ окажутся еще фальшивѣе въ глазахъ читателей и прискорбнѣе лично для самого автора.

Но сколько бы ни было здѣсь фальши и какія бы рѣзкія чувства ни возбуждалъ въ насъ писатель, онъ, какъ художникъ и какъ выразитель извѣстнаго міросозерцанія, совершенно искренъ и безусловно вѣренъ себѣ. Онъ вѣренъ себѣ не только *лично*, онъ съ неуклонной послѣдовательностью осуществляетъ цѣльный *типъ* русскаго человѣка и писателя. Мы объяснили нравственныя основы этого типа: здравый практическій смыслъ въ противовѣсъ теоріямъ и даже нерѣдко научнымъ идеямъ, могучее національное чувство, проникнутое стихійнымъ недовѣріемъ и подчасъ даже враждой къ произведеніямъ и результатамъ чужой культуры. Мы указали также, что такой типъ—прямое наслѣдство московской Руси. Онъ отнюдь не могъ исчезнуть при самыхъ настойчивыхъ правительственныхъ реформахъ и самыхъ горячихъ общественныхъ увлеченіяхъ въ духѣ европейской гражданственности и мысли. Напротивъ. При всякомъ новомъ отпрыскѣ этого духа на русской почвѣ должно было повторяться явленіе, подобное московскому церковному расколу, свѣжія новшества неизбѣжно вызывали старую, вѣками воспитанную національную исключительность и завязывалась новая, какъ и раньше, ожесточенная, и для нѣкоторыхъ борцовъ непримиримая борьба. Протопопъ Аввакумъ не только одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ воителей раскола, онъ типичнѣйшій русскій человѣкъ старой Москвы. И аввакумовская натура, ея національный складъ не могъ, разумѣется, вывѣтриться подъ какими бы то ни было внѣшними вліяніями: иначе дешево бы стоило вообще русское племя! Эта натура пережила и петровскую реформу и всевозможныя европейскія наслоенія въ русскомъ обществѣ, живетъ она и до сихъ поръ. Только изъ области религіи и житейскихъ отношеній она пере-

шла въ художественную литературу и свѣтскую мысль. И мы снова настоятельно подчеркиваемъ отличительный признакъ этого явленія: оно совершенно независимо отъ какихъ бы то ни было отвлеченныхъ, теоретически составленныхъ и логически доказанныхъ принциповъ. Это не партія, не славянофильство, напримѣръ, и еще менѣе—шовинизмъ, хотя, конечно, славянофильскія умозрѣнія въ сильной степени разсчитаны на «московскіе» инстинкты. Всякая партія непремѣнно стремится къ *формуламъ*, если возможно къ научнымъ, нравственнымъ или историческимъ обоснованіямъ своего символа. Ради этой цѣли весьма часто совершается публицистическое насиліе надъ фактами и выводами.

Ничего подобнаго не происходитъ въ мысляхъ нашего художника. Онъ, напротивъ, посмѣется надъ теоретическимъ правовѣріемъ людей партіи и изобличитъ той же сатирой ихъ «ученыя» продѣлки надъ жизненной правдой. Онъ останется вѣренъ лишь своей національной *стихіи*, не нуждающейся въ теоріяхъ и инстинктивно враждебной имъ—все равно, въ области славянофильства или западничества—на подкладкѣ общихъ идей. Его единственное *идейное* оружіе — *здравый смыслъ*, единственный политическій и общественный символъ — національный строй всей натуры. Мы видѣли, къ какимъ результатамъ, на военномъ положеніи, приводятъ эти несомнѣнно положительные задатки. И эти результаты менѣе всего исключительныя явленія; напротивъ, они типичны, они, при извѣстныхъ намъ условіяхъ, неизбѣжны, столь же естественны, какъ на противоположномъ полюсѣ самыя крайнія уродства рабской подражательности всему европейскому только потому, что оно европейское.

Наше вступительное разсужденіе по поводу Писемскаго вышло очень пространнымъ. Но всѣ установленные нами факты и общіе выводы цѣликомъ и вполнѣ приложимы къ нашему автору. Мы на каждомъ шагу, въ личномъ характерѣ, въ творчествѣ и въ частностяхъ произведеній Писемскаго будемъ встрѣчаться съ самыми яркими и повелительными отголосками только-что охарактеризованнаго нами нравственнаго и общественнаго типа человѣка и писателя. Общая характеристика освободитъ насъ отъ многочисленныхъ оговорокъ, отъ объясненій каждаго факта отдѣльно, отъ болѣе или менѣе правдоподобныхъ толкованій самыхъ спорныхъ и въ то же время самыхъ существенныхъ моментовъ въ литературной дѣятельности писателя. Мы расчитываемъ, что именно эти моменты и вся роль Писемскаго въ нашей литературѣ явятся предъ нами только однимъ изъ звѣньевъ изображенной нами цѣпи и, слѣдовательно, съ самого начала для насъ

исчезнуть всѣ поводы и побужденія впасть въ пристрастныя настроенія подавляющаго большинства критиковъ Писемскаго. Психологія въ основныхъ чертахъ намъ дана; остается исторія, какъ самая подлинная и точная иллюстрація этой психологіи и какъ частное развитіе оригинальнѣйшей русской натуры, представляемой на этотъ разъ даровитѣйшимъ художникомъ слова.

VI.

Писемскому нѣсколько разъ приходилось лично описывать свою жизнь и характеризовать свою литературную дѣятельность. Эти описанія и характеристики — отрывочны, слишкомъ кратки, не охватываютъ всей біографіи писателя и касаются только нѣкоторыхъ произведеній. Но даже и въ такомъ видѣ «признанія» самого автора полны интереса. Кромѣ того, Писемскій историческія свѣдѣнія о своей внѣшней и нравственной жизни безпрестанно дополнялъ автобіографическими эпизодами и героями въ своихъ сочиненіяхъ и на многія изъ этихъ добавленій указалъ самъ, какъ на совершенно подлинный матеріалъ для своей собственной біографіи.

Въ сущности, всѣхъ этихъ прямыхъ и косвенныхъ сообщеній для насъ достаточно. Правда, нѣкоторые важнѣйшіе моменты не въ личной жизни, а въ литературномъ развитіи Писемскаго, кажутся мало освѣщенными и, какъ увидимъ дальше, *результаты*, повидимому, не соотвѣтствуютъ *причинамъ* и *поводамъ*. Но въ такихъ случаяхъ намъ окажетъ существенную помощь возможно точно установленная *психологія* нашего автора, логика душевнаго міра восполнитъ пробѣлы въ исторіи внѣшнихъ фактовъ. Именно относительно Писемскаго этотъ процессъ слѣдуетъ считать вполнѣ цѣлесообразнымъ и надежнымъ въ виду органической цѣльности и самобытной послѣдовательности всей его натуры. Въ этомъ руководящемъ для насъ положеніи мы будемъ убѣждаться въ самые, на первый взглядъ, критическіе періоды художественнаго творчества и личныхъ настроеній Писемскаго.

Такое впечатлѣніе встрѣчаетъ насъ въ первыхъ же строкахъ наиболѣе подробной автобіографіи Алексѣя Ѳеофилактовича. Въ началѣ онъ предупреждаетъ читателя, что будетъ излагать исторію своей жизни подобно «лицамъ» «старинныхъ романовъ». Въ дѣйствительности изложеніе Писемскаго весьма мало походитъ на росказни романическихъ героевъ, да еще старинныхъ. Эти господа любили прикрасить свою рѣчь, въ особенности, когда дѣло шло о воспоминаніяхъ, набросить на прошлое чувствительную, под-

часъ драматическую дымку грусти и тихихъ сожалѣній о невозвратно минувшемъ, вообще изъ фактовъ создать болѣе или менѣе эффектную рамку для собственной интересной особы.

Ничего подобнаго въ повѣствованіи Писемскаго.

Его родъ—старинный дворянскій, одинъ изъ предковъ при Иванѣ Грозномъ ѣздилъ въ Лондонъ посломъ для осмотра племянницы королевы Елизаветы, предполагаемой невѣсты царя. Объ этомъ послѣ сохранились довольно подробныя и любопытныя свѣдѣнія. Несомнѣнно, это былъ типичный московскій человѣкъ XVI-го вѣка, положительный энергическій слуга своего государя, гордый независимый съ иноземцами, не чуждый рѣзкости и надменности—всего, что цивилизованнымъ джентльмэнамъ Европы могло казаться азіятской грубостью и варварствомъ. Писемскій провелъ въ Англіи нѣсколько мѣсяцевъ, переговоры о сватовствѣ шли медленно; это не могло нравиться послу и онъ далъ понять свое настроеніе англійскому двору совершенно не дипломатическимъ способомъ. Когда Писемскому предложили позабавиться охотой, онъ заявилъ: «Мы здѣсь за дѣломъ, а не за игрушками; мы послы, а не стрѣлки»...

Другой историческій предокъ нашего автора — преподобный Макарій Унженскій, основатель монастыря въ XIV вѣкѣ на рѣкѣ Унжѣ *).

Съ теченіемъ времени Писемскіе раздѣлились на нѣсколько вѣтвей и ближайшіе предки Алексѣя Ѳеофилактовича были люди бѣдные, по труду и образу жизни тѣ же крестьяне. Дѣдъ не зналъ грамотѣ, ходилъ въ лаптяхъ и пахалъ землю. Сыну его предстояла та же участь, если бы въ семейныя дѣла бѣдняка не вмѣшался богатый родственникъ, малороссійскій помѣщикъ. Онъ взялъ къ себѣ четырнадцатилѣтняго Ѳеофилакта Гавриловича съ цѣлью «устроить его судьбу». Но «устройство» оказалось весьма не высокаго полета. Питомецъ богача немногимъ поднялся выше своей родной семьи.

Прежде всего самое воспитаніе продолжалось всего около года. Юношу «пообмыли, пообшили, выучили грамотѣ». Такъ пишетъ Алексѣй Ѳеофилактовичъ въ автобіографіи, въ пьесѣ *«Ветеранъ*

---

*) О посольствѣ Писемскаго Карамзинъ. *Ист. госуд. росс.* Спб. 1821, IX, 420—7. Было замѣчено, что преп. Макарій Унженскій, именуемый, по словамъ Писемскаго, въ сонмѣ святыхъ Макаріемъ *Писемскимъ*, не носитъ этого фамильнаго имени въ Четьихъ-Минеяхъ и источникъ свѣдѣній нашего писателя остается неудостовѣреннымъ и даже неизвѣстнымъ. П. Полевой. *А. Ѳ. Писемскій по его собственнымъ автобіографическимъ замѣткамъ. Ист. В.* 1889, т. XXXVIII, стр. 283.

и новобранецъ» онъ поясняетъ подробнѣе важнѣйшій пунктъ въ воспитаніи своего отца, именно, что значило «выучили грамотѣ». Ветеранъ Лазаревъ, по заявленію Писемскаго, въ разсказѣ о своей ранней молодости передаетъ ничто иное, какъ біографію отца автора.

Отставной полковникъ такъ разсказываетъ деревенскому сосѣду о первыхъ опытахъ своей юности:

«Привезъ меня въ полкъ отпускной солдатикъ. Парень я былъ лѣтъ пятнадцати, а рожей къ ставцу сѣсть не умѣлъ: изъ бѣдныхъ вѣдь дворянчиковъ родомъ. Нынѣшніе годы, вонъ, съ крестьянскихъ мальчиковъ за выучку грамоты берутъ десять да двѣнадцать рублевъ, а за меня заплатили дьячку пять четвериковъ овсеца; подолбилъ я у него: азъ, Ангелъ, Ангельскій, Архангелъ, Архангельскій, буки, Богъ, Божество, вѣди, Величество — вотъ те и ученье все, съ этимъ и на службу поѣхалъ».

Служба предстояла сначала въ Крыму, потомъ на Кавказѣ и продолжалась въ дѣйствующихъ арміяхъ лѣтъ тридцать. У отца Писемскаго служба представляла единственную карьеру, единственный даже источникъ существованія, и онъ служилъ, пока хватало силы и не было пріобрѣтено извѣстное положеніе и матеріальное обезпеченіе. Лазаревъ продолжаетъ свой разсказъ на счетъ фрунтового образованія у унтеръ-офицера Соломенки «въ сажень ростомъ, рябого да чернаго, немного получше волка», потомъ о безвыходной бѣдности; разсказчику не на что было обмундироваться при полученіи перваго офицерскаго чина, только ставши поручикомъ, онъ могъ ѣсть «говядинку» каждый день, а «чаекъ пить съ капитановъ».

Тридцатилѣтняя служба увѣнчалась чиномъ маіора и, разумѣется, создала изъ стараго служаки своеобразную, физически и нравственно закаленную личность, спартанца въ обыденныхъ привычкахъ, строжайшаго почитателя дисциплины въ отношеніяхъ къ подчиненнымъ, все равно, солдатамъ, слугамъ или крестьянамъ, безукоризненно честнаго и прямого, съ равными и независимаго съ сильными. Именно эти качества восхищаютъ Лазарева у его начальниковъ, и они во всей неприкосновенности были перенесены заслуженнымъ воиномъ въ семью и крѣпостное хозяйство.

Писемскій отецъ женился сорока пяти лѣтъ на тридцати семилѣтней дѣвушкѣ и съ такой же энергіей и сознаніемъ долга занялся помѣщичьими дѣлами, какъ раньше выполнялъ фрунтовую службу. Ни о какихъ эстетическихъ наклонностяхъ, столь свойственныхъ русскимъ старымъ барамъ, не было и помину у владѣльца села Раменья. Даже чай составлялъ для него исклю-

чительную роскошь, другой ѣзды, кромѣ верховой, онъ не выносилъ; въ рессорномъ экипажѣ его тошнило, провести ночь въ натопленной комнатѣ для него было пыткой: кровь носомъ шла! Но за то въ практической жизни онъ являлся, по выраженію сына, человѣкомъ *поля*, *боя* и *нужды*.

Алексѣй Ѳеофилактовичъ неоднократно изображаетъ эти добродѣтели своего отца. Въ романѣ люди *сороковыхъ годовъ*, въ разсказахъ *Плотничья артель*, *Батька* разсѣяны дѣтскія впечатлѣнія автора, причемъ въ послѣднихъ двухъ произведеніяхъ самъ авторъ является дѣйствующимъ лицомъ съ своимъ подлиннымъ именемъ. И всюду возстаетъ одинъ и тотъ же образъ: почвенная натура, почти не тронутая просвѣщеніемъ и культурой, совершенно чуждая высшимъ умственнымъ интересамъ, вообще какимъ бы то ни было отвлеченнымъ идеаламъ и чувствамъ, но необычайно сильная здравымъ жизненнымъ смысломъ, неподдѣльно искренняя и по инстинктивнымъ влеченіямъ сердца добрая и даже рыцарственная.

Крѣпостные мужики, по словамъ Писемскаго-сына, «трепетали» его отца, но трепетать приходилось только «дуракамъ и лѣнтяямъ» и, по исконной мужицкой логикѣ, именно за это и уважали помѣщика его «подданные». Въ романѣ выведенъ нѣкій Макаръ Григорьевъ, одна изъ удачнѣйшихъ фигуръ вообще въ произведеніяхъ Писемскаго. Макаръ Григорьевъ — простой крѣпостной мужикъ, успѣвшій нажить не малыя деньги, грубый и совершенно некультурный въ своихъ обычаяхъ и нравахъ, но истинный мудрецъ въ вопросахъ мужицкой и вообще практической жизни. Авторъ относится къ нему съ явнымъ сочувствіемъ и даже уваженіемъ, пишетъ цѣлую главу подъ заглавіемп *Житейская мудрость Макара Григорьева* съ цѣлью показать, на сколько необразованный Макаръ Григорьевъ съ своимъ здравымъ смысломъ выше и сильнѣе мечтательнаго университетскаго идеолога. Мы еще встрѣтимся съ этимъ эпическимъ образомъ русскаго образцоваго мужика, какъ его представлялъ нашъ авторъ. Теперь мы хотимъ указать на удивительное совпаденіе «житейской мудрости» Макара Григорьева съ нравственными достоинствами Писемскаго-отца, какъ они рисуются по разсказамъ сына, и именно эти два человѣка одинаково близки сердцу самого художника.

Макаръ Григорьевъ—самъ мужикъ и крѣпостной—смотритъ на мужиковъ безъ всякихъ иллюзій, нисколько не стараясь выдѣлить самого себя изъ общаго круга. Онъ безпощадно иронизируетъ надъ гуманными затѣями молодого барина, надъ его слишкомъ любезнымъ и мягкимъ обращеніемъ съ приказчикомъ и съ нимъ

самимъ, Макаромъ Григорьевымъ. Для этого мудреца справедливость, и притомъ не отвлеченная, а самая наглядная—«каждому по дѣломъ его», выше гуманности и терпимости. И онъ не различаетъ своей «справедливости» отъ «строгости», потому что, по его мнѣнію, баринъ вѣчно долженъ быть на стражѣ противъ мужицкой лѣности и глупости. Упускать изъ виду эти, по представленію Макара Григорьева, исконные недуги деревенскаго міра, значитъ прямо совершать преступленіе предъ Богомъ и совѣстью, и ужъ, конечно, играть весьма нелестную роль въ умственномъ смыслѣ. Отсюда наставническій, снисходительно-насмѣшливый тонъ Макара Григорьева съ высоко-просвѣщеннымъ и безгранично добрымъ бариномъ. И въ результатѣ побѣда остается за «житейской мудростью»: такое, по крайней мѣрѣ, впечатлѣніе, должно возникнуть у читателя при явномъ внушеніи со стороны автора.

Особенно для насъ въ данномъ случаѣ любопытно слѣдующее разсужденіе Макара Григорьева въ самыя рѣшительныя минуты для молодого помѣщика, только что ставшаго полновластнымъ хозяиномъ:

«Поѣдете вы, сударь, теперь въ деревню... Ждать строгости отъ васъ нечего: строгаго господина никогда изъ васъ не будетъ, а тоже и поблажкой, сударь, можно все испортить дѣло. Я такъ понимаю, что господа теперь для насъ все равно, что родители: что хорошо мы сдѣлали, имъ долженствуетъ хвалить насъ, худо—наказать. Вотъ этого-то мы, пожалуй, съ нашимъ бариномъ и не съумѣемъ сдѣлать, а промежъ тѣмъ вы за всѣхъ насъ отвѣчать Богу будете, какъ пастырь за овецъ своихъ. Ежели какая овца отшатнется въ сторону, её плетью по боку надо хорошенько... У мужика шкура толстая: надобно, чтобъ онъ чувствовалъ, что его наказываютъ».

И мужики подтверждаютъ это воззрѣніе своего умнѣйшаго и по мужицки лучшаго собрата. Они плачутъ надъ могилой полковника Вихрова, и на вопросъ сына, за что такой почетъ его отцу, получается отвѣтъ:

«За справедливость!.. справедливъ ужъ очень былъ!»

Этотъ «справедливый» оплакиваемый мужиками помѣщикъ—Вихровъ, во многихъ отношеніяхъ двойникъ Писемскаго-отца. Такой же отзывъ слышимъ мы и отъ другого столь же дѣльнаго мужика, какъ и Макаръ Григорьевъ, Петра—героя *Плотничьей артели*. Петръ уже открыто направляетъ похвалы свои на отца автора разсказа, изображаетъ съ глубокимъ уваженіемъ строгаго барина и хозяйственнаго помѣщика и прямо говоритъ сыну, что

старикъ былъ «умнѣе» его: мужики тогда знали страхъ, не смѣли лѣниться и обманывать своего господина...

Для насъ не столько важны сами по себѣ нравственныя черты Писемскаго-отца, сколько поучительно отношеніе къ нимъ сына и вліяніе дѣтскихъ и юношескихъ впечатлѣній на будущаго писателя съ сатирическимъ талантомъ. Отецъ для нашего автора первая положительная личность русскаго человѣка—именно по своей натурѣ, по своимъ отношеніямъ къ жизни и людямъ. Всѣ воспоминанія о немъ сына проникнуты не только естественнымъ *сыновнимъ* чувствомъ, но и *общечеловѣческимъ*, мы хотимъ сказать—не только личной любовью, но и всесторонней идеализаціей. Отецъ для Писемскаго, даровитѣйшаго критика русской дѣйствительности, одно изъ прекраснѣйшихъ воплощеній русской національной природы, въ нравственномъ отношеніи — «строгій исполнитель долга», «неподкупной честности», *по натурѣ*,—безъ всякихъ теорій и просвѣтительныхъ вліяній, въ умственномъ—совершенный представитель здраваго смысла и житейской мудрости.

Въ атмосферѣ этого идеала росъ и воспитывался Алексѣй Феофилактовичъ. Отцовскій душевный складъ — самое реальное наслѣдство, полученное будущимъ художникомъ, а повседневное воздѣйствіе на ребенка и юношу простой, многозаботной, въ высшей степени положительной жизни родного дома, должно было только укрѣпить и развить природные задатки. Великій художественный талантъ не могъ разрушить исконной родовой почвы. Позднѣйшій потомокъ дѣловитаго, суроваго московскаго дворянина, внукъ лапотника-хлѣбопашца, сынъ человѣка боя и нужды, до конца остался вѣренъ семейнымъ преданіямъ. Безусловный сторонникъ наслѣдственности сказалъ бы, что предъ нами цѣлая раса опредѣленнаго типа, необычайно устойчивая, рѣзко отмѣченная національнымъ русскимъ характеромъ и въ теченіе вѣковъ не утратившая главнѣйшихъ основъ своей духовной личности. Но намъ не надо вдаваться ни въ какія общія мало надежныя соображенія: достаточно совершенно осязательныхъ фактовъ, чтобы съ возможной точностью опредѣлить господствующія черты въ семьѣ Писемскихъ и прослѣдить ихъ осуществленіе на самыхъ разнородныхъ поприщахъ—отъ крѣпостного хозяйства до творческаго искусства.

VII.

Бѣдность и неразлучныя съ ней униженія у самыхъ стойкихъ людей развиваютъ въ теченіе долгихъ лѣтъ раздражи-

тельность, крайне болѣзненную чуткость ко всякимъ, даже мнимымъ посягательствамъ на самолюбіе и личное достоинство. Гордость бѣдняка, по натурѣ благороднаго, но прошедшаго жестокую школу борьбы за существованіе, гораздо щекотливѣе, чѣмъ самый придирчивый point d'honneur сибарита-аристократа. Ему, истерзанному разочарованіями, неудачами и людскими капризами, чудится подчасъ злой умыселъ и затаенное оскорбленіе, гдѣ на самомъ дѣлѣ ничего подобнаго нѣтъ и чтобы ему повѣрить въ чье-либо чистосердечіе и доброту требуется часто немалое усиліе. Такъ на почвѣ больныхъ, вѣчно напряженныхъ нервовъ, прививается особаго рода практическій скептицизмъ и недовѣріе къ людямъ. Эти настроенія — простая логика фактовъ, неизбѣжно переживаемыхъ всякимъ среди мелочныхъ, но матеріально необходимыхъ столкновеній съ дѣйствительностью. Естественно, въ извѣстной мѣрѣ пессимистическое отношеніе къ жизни и къ человѣчеству въ такихъ случаяхъ одно изъ правилъ, точнѣе, одинъ изъ инстинктовъ «житейской мудрости».

Всѣ эти черты господствовали въ характерѣ Писемскаго-отца и перешли къ сыну. И въ автобіографіи, и въ автобіографическихъ произведеніяхъ нашего автора старикъ всюду рисуется гнѣвливымъ и раздражительнымъ до бѣшенства, и притомъ болѣзненно подозрительнымъ въ вопросахъ личнаго достоинства. Въ разсказѣ *Батька* предъ нами одна изъ обычныхъ, очевидно, сценъ въ семьѣ Писемскихъ. Легко угадать, какой особенно предметъ поднималъ кровь у самолюбиваго воина, владѣвшаго единственнымъ достояніемъ—нѣсколькими десятилѣтіями безпорочной службы. Малѣйшій намекъ на все, что казалось намекомъ на его нищету, доводилъ его до самозабвенія, и онъ могъ кричать облагодѣтельствовавшей его женѣ укоризны въ родѣ слѣдующихъ:

«А, ты госпожа, помѣщица здѣшняя!.. Ты все можешь знать и всѣмъ располагать; а я нищій... голышъ, приведенный сюда такъ, Христа ради?... Врете! Я господинъ всѣмъ вамъ: и тебѣ, и твоей челяди!»

Подобная сцена происходитъ и съ полковникомъ Вихровымъ.

Богатая генеральша намѣрена помочь полковнику въ воспитаніи сына, «блеснуть передъ нимъ собственнымъ великодушіемъ», по выраженію автора. Она хочетъ видѣть сына своего сосѣда гвардейцемъ, обѣщаетъ «поддерживать» молодого человѣка на службѣ и завѣщать то же самое своему наслѣднику. Но Вихровъ, во-первыхъ, не вѣритъ въ добрую волю сынка покровительницы, а ея ссылку на «законъ» перебиваетъ крайне рѣзкой отповѣдью:

«А мой сынъ никогда не станетъ по закону требовать себѣ того, что ему не принадлежитъ, или я его и за сына считать не буду». И долго полковникъ не можетъ успокоиться отъ назойливаго и обидно-покровительственнаго вмѣшательства знатной госпожи въ его личныя дѣла.

Совершенную противоположность отцу представляла мать будущаго писателя, и родственники Писемскаго съ этой стороны не менѣе любопытны для полной оцѣнки психологическаго состава его художественной натуры. Въ семьѣ Шиповыхъ, повидимому, въ такой же степени были развиты идеальныя черты стараго русскаго барства, въ какой—у Писемскихъ процвѣталъ житейскій реализмъ. И эти черты впослѣдствіи Писемскій воспроизводилъ въ своихъ романахъ съ не меньшимъ сочувствіемъ, чѣмъ «мудрость» и практическую положительность отцовской расы. И для насъ настоятельно важно опредѣлить теперь, по крайней мѣрѣ, въ общихъ чертахъ, въ чемъ состоялъ этотъ идеализмъ и какъ онъ могъ ужиться такъ легко съ «житейской мудростью» въ духѣ Макара Григорьева.

Опредѣленіе это очень не трудно и не замысловато. Идеализмъ родичей семьи Шиповыхъ ничто иное, какъ эстетика, прекраснодушіе, сибаритское поклоненіе красотѣ, чувствительности и сердечной незлобивости, однимъ словомъ, исконный романтизмъ крѣпостнической эпохи, превосходно извѣстный по роману Тургенева *Дворянское гнѣздо*. У хорошихъ людей «добраго стараго времени» было много благихъ намѣреній, даже большой запасъ человѣколюбія и гуманныхъ настроеній, но въ то же время полное неумѣніе осуществить въ дѣйствительности все это душевное богатство, любовь безъ дѣлъ или съ крайне наивными, непрочными, въ полномъ смыслѣ *поэтическими* дѣлами, намѣренія рядомъ съ безпомощностью и слѣпотой, чувства на почвѣ сладкихъ мечтаній и идиллическихъ представленій о самыхъ прозаическихъ предметахъ. Этотъ романтизмъ могъ принимать разнообразныя направленія: у натуръ художественныхъ на сцену являлись віолончель, стихи, всякаго рода собранія рѣдкостей и книгъ, у людей болѣе склонныхъ къ отвлеченному мышленію—причуды въ родѣ современнаго спиритизма, игра въ мистику и масонство, вообще въ безобидный, но съ виду необычайно серьезный и сложный маскарадъ, наконецъ, у дѣятельныхъ романтиковъ—крестьянскія фермы, англійскія машины и «народничество» въ духѣ Павла Кирсанова. Всѣ эти цвѣты праздности и прекраснодушія чаще всего оказывались пустоцвѣтами и служили только утѣхой для самихъ героевъ и потѣхой для нѣкоторыхъ скептическихъ зрителей, довольно, впрочемъ, рѣдкихъ въ цвѣтущій періодъ «старенькихъ романтиковъ».

Вотъ такого сорта идеализмъ коренился и въ семьѣ Шиповыхъ и родственной семьѣ Бартеневыхъ. Двухъ Бартеневыхъ—одного эстетика, другого «мыслителя», т.-е. масона и мистика Писемскій изобразилъ въ романахъ *Люди сороковыхъ годовъ* и *Масоны*. Есперъ Иванычъ—В. И. Бартеневъ, а полковникъ Мареинъ—Ю. И. Бартеневъ. Первый эстетикъ, необычайно усердный читатель книгъ, поклонникъ искусства, и, какъ это всегда водилось у подобнаго сорта «идеалистовъ», женской души и любви. Нашъ авторъ впадаетъ даже въ несвойственный ему лирическій тонъ, изображая своего тепличнаго и оранжерейнаго героя. Есперъ Иванычъ «при нѣкоторой брезгливости къ жизни, первѣй всего благороденъ, великодушенъ и возвышенъ въ своихъ чувствованіяхъ». Но отъ этихъ чувствованій никому ни тепло, ни холодно, кромѣ немногихъ избранниковъ, имѣющихъ, такъ сказать, доступъ во «внутренніе покои» барственной и художественной теплицы.

Полковникъ Мареинъ также отличается очень развитымъ эстетическимъ чувствомъ по части женской души и «необыкновенно поэтическихъ глазъ» нѣкоей дѣвицы Людмилы, но въ тоже время онъ рыцарь масонскаго ордена, т. е. его теплица нѣсколько пространнѣе и пестрѣе обставлена, чѣмъ у Еспера Иваныча. У того нѣтъ рѣшительно никакихъ общественныхъ инстинктовъ, у полковника—должны быть, по уставу, сектантскіе, общественные въ предѣлахъ «ордена». И Мареинъ дѣйствительно очень энергиченъ на своемъ поприщѣ, безпрестанно занятъ протекціями и рекомендаціями, всякаго новаго «брата» онъ обязанъ въ то же время сдѣлать и «человѣкомъ», т. е. вывести въ люди, какъ это понимается самыми обыкновенными «бабушками» относительно «племянниковъ». Случается Мареину нерѣдко «вскипѣть»: вообще это рыцарь, до крайности раздражительный и хлопотливый, тогда онъ призываетъ на помощь свои масонскія связи и вообще противъ зла—независимо отъ интересовъ «ордена». Тогда авторъ увѣряетъ насъ, что у его героя существуетъ «живая струйка гражданина»...

Да, развѣ только «струйка», потому что настоящій гражданинъ не станетъ всю жизнь купаться въ бездонномъ морѣ отнюдь не гражданскихъ струй, пробавляться, въ *лучшія минуты* своего духовнаго бытія, безсмысленными на русской почвѣ представленіями и смущать невинныхъ овецъ въ родѣ красивыхъ дѣвицъ и простодушныхъ капитановъ мистическими хитросплетеніями и этимъ туманомъ заслонять отъ глазъ правду живой реальной жизни.

Для насъ обѣ эти фигуры, отшельника-эстетика и пылкаго «мастера», занимательны, конечно, не сами по себѣ, а по ихъ положенію въ чувствахъ и мысляхъ нашего автора. Они оба въ ро-

манахъ Писемскаго играютъ роль положительныхъ явленій, безъ оговорокъ и тѣней. Для писателя глубоко симпатиченъ романтизмъ, выросшій въ тунеядномъ крѣпостническомъ царствѣ, почтененъ племенной аристократизмъ старенькихъ фантазёровъ и кавалеровъ. Онъ это заявитъ еще откровеннѣе въ лицѣ третьяго подобнаго героя, Бѣгушева, въ романѣ *Мпщане*. Этотъ великолѣпный, красивый баринъ, съ экзотическими вкусами, съ добрымъ сердцемъ, но уже не съ «нѣкоторой», а съ принципіальной и нетерпимой брезгливостью къ «жизни», противопоставленъ демократическимъ, «мѣщанскимъ» теченіямъ вѣка. Конечно, и «мѣщане», при такомъ сопоставленіи, отнюдь не «соль земли», совершенно напротивъ, но тѣмъ ярче оттѣняется великолѣпіе благороднаго утонченно-просвѣщеннаго созерцателя. Авторъ пишетъ даже нарочитое оправдательное слово своему «человѣку слова, а не дѣла...» Впослѣдствіи мы оцѣнимъ смыслъ этого и многихъ другихъ подобныхъ лирическихъ отступленій, теперь мы желаемъ только установить другую *положительную* область дѣтскихъ и юношескихъ впечатлѣній Писемскаго.

Съ одной стороны, отецъ—великій практикъ, представитель русскаго народнаго здраваго смысла, «исполненный житейской мудрости» и вмѣстѣ съ тѣмъ «необразованный, какъ простой солдатъ». Такова, по словамъ сына, умственная природа его отца; нравственная—«добрый и въ то же время бѣшеный»; это значитъ крайне чуткое самолюбіе, въ высшей степени раздражительная нервная система и открытое благородство сердца.

Съ другой стороны, мать, изъ семьи романтиковъ и идеалистовъ, «нервная, мечтательная, тонко-умная». Образованіе ея, конечно, далеко не обширное: за эстетиками-отцами не водилось грѣха серьезно воспитывать дѣтей, но, оговаривается сынъ, «при всей недостаточности воспитанія, прекрасно говорившая и любившая общительность». Въ разсказѣ *Батька* прибавляются и другія черты—глубокая сердечность, мягкость, сдержанность и присутствіе духа при вспышкахъ мужа. Однимъ словомъ, это женщина великой «душевной красоты», и сынъ свидѣтельствуетъ, что мать его, некрасивая въ болѣе молодые годы, съ лѣтами все дѣлалась красивѣе. Это бросалось въ глаза и его отцу.

Въ результатѣ—соединеніе неприкрашеннаго жизненнаго реализма и романтической чистой поэзіи, необычайно развитой практическій умъ и тонкая художественная натура. Возможно ли цѣлостное сліяніе столь, повидимому, различныхъ нравственныхъ задатковъ? Намъ этотъ вопросъ невольно долженъ представиться съ самаго начала: предъ нами откроется дѣятельность истиннаго «сына своихъ отцовъ», т. е. высоко-художественное *творчество*, въ полномъ смыслѣ стихійное, непосредственное, рядомъ съ са-

мымъ прозаическимъ, тоже непосредственнымъ, но только отнюдь не вдохновеннымъ и не идеальнымъ *міросозерцаніемъ*, мы хотимъ сказать—тѣсно привязаннымъ къ землѣ и къ дѣйствительности.

Для разрѣшенія даннаго вопроса мы могли бы указать примѣры въ русской литературѣ, уже давно знающей подобнаго рода психологію,—указать, конечно, не для безусловной характеристики именно нашего писателя, а для доказательства достовѣрности извѣстнаго *общаго психологическаго явленія*. Мы могли бы, положимъ, вспомнить объ одномъ изъ самыхъ жизненныхъ созданій Гончарова—о Петрѣ Иванычѣ Адуевѣ. По необычайно развитому практическому генію, этотъ герой преднамѣренно изображенъ рядомъ съ безпочвеннымъ легкомысленнымъ романтикомъ. Онъ—положительный мудрецъ и трезвый дѣятель, безпощадный врагъ всякихъ теорій и иллюзій. Но въ то же время эстетическими вкусами и разностороннимъ художественнымъ образованіемъ онъ гораздо выше своего романтическаго племянника. Онъ «знаетъ наизусть не одного Пушкина и имѣетъ прекрасную коллекцію фламандской школы»... При случаѣ Петръ Иванычъ, навѣрное, можетъ устроить настоящее ратоборство съ завзятыми знатоками всевозможныхъ «школъ» и «коллекцій», и здѣсь же, съ полной солидностью и знаніемъ дѣла оборудуетъ самую головоломную аферу. Таковъ Петръ Иванычъ Адуевъ, и никто не скажетъ, чтобы это былъ праздный вымыселъ авторской фантазіи. Напротивъ, поэтическій Александръ скорѣе нѣчто сочиненное, во всякомъ случаѣ менѣе удавшееся автору лицо. И въ результатѣ племянникъ кончаетъ дядюшкой, т. е. вступаетъ на тотъ же путь эстетическаго комфорта и корректнаго стяжанія «имущества не мечтательнаго». Указавши на столь разносторонніе таланты гончаровскаго героя, мы могли бы дальше раскрыть психологическую тайну этой разносторонности, даже проще—указать разгадку въ чичиковской характеристикѣ идеаловъ Костанжогло. «Оставивъ *общечеловѣческое*, позвольте обратить вниманіе на *приватное*», говоритъ деликатный Павелъ Иванычъ, однимъ ударомъ кисти давая нравственный обликъ всѣмъ старымъ и будущимъ Костанжогло.

Да, *приватное* для нихъ вся сущность человѣческаго бытія, все равно, будетъ ли это доходная «дрянь» или довольно раззорительная художественная «коллекція». Ни тамъ, ни здѣсь—для Костанжогло просто стяжателей и для Костанжогло стяжателей-эстетиковъ нѣтъ *общаго* смысла, а лишь утѣха собственной выхоленной плоти, и фламандская картина и стихотвореніе Пушкина для нихъ нѣчто въ родѣ послѣобѣденной рюмки ликера. На картинѣ, напримѣръ, представлена самая удручающая драма, положимъ, взрывъ въ угольныхъ копяхъ. Петру Иванычу любопытно

будетъ оцѣнить, *какъ* изображены разорванные на части трупы рабочихъ, или какъ «вырисованы» лица смертельно раненыхъ, вообще прикинуть данный жанръ и пейзажъ къ своему эстетическому аршину. А что, какое не *художество*, а *жизненное явленіе* скрывается за мазками и перспективами, этотъ вопросъ не входитъ въ душу Петра Иваныча, просто нѣтъ въ ней струны, созвучной подобнымъ не-художественнымъ безпокойствамъ. И Петръ Иванычъ, даже не переставая любоваться на картину, съ совершенной ясностью и невинностью духа можетъ пріобрѣсти «существенный» пай какъ разъ въ томъ самомъ предпріятіи, которое въ изобиліи поставляетъ художникамъ матеріалъ для самыхъ, на не практическій взглядъ, «безпокойныхъ» жанровъ. Петръ Иванычъ, конечно, выросъ изъ тѣхъ порядковъ, когда русскіе вольтерьянцы раздѣлывались съ «этимъ народомъ» на конюшнѣ по всѣмъ правиламъ отечественнаго искусства. Но тоже самое соединеніе «тонкаго просвѣщенія», или «высшихъ потребностей» съ полнѣйшимъ равнодушіемъ къ грубому матеріалу, на которомъ созидаются эти потребности и процвѣтаетъ комфортабельная культура, характеризуетъ одинаково и тургеневскаго Пѣночкина, и гоголевскаго Костанжогло, и гончаровскаго Адуева. Разница только въ оттѣнкахъ «приватныхъ» вкусовъ...

Повторяемъ, мы могли бы привести множество иллюстрацій изъ художественной литературы для интересующаго насъ психологическаго типа. Но литературные примѣры во многихъ отношеніяхъ неудобны. Прежде всего они слишкомъ рѣзки, ярки, слишкомъ цѣльны и потому внушаютъ невольное сомнѣніе почитателямъ только-что поименованныхъ героевъ въ дѣйствительности. Эти почитатели всегда могутъ сослаться на авторское воображеніе, поэтическую вольность. Потомъ, художественные образы иногда могутъ только въ *общихъ* чертахъ соотвѣтствовать опредѣленной реальной фигурѣ. И, наконецъ, ничего нѣтъ убѣдительнѣе, какъ нравственная исторія *личности*, вполнѣ совпадающая съ художественнымъ развитіемъ *писателя*. Такая группа фактовъ, естественно и неразрывно связанная однимъ и тѣмъ же принципомъ, не можетъ вызвать никакихъ сомнѣній и возраженій. Именно Писемскій, какъ писатель и какъ человѣкъ, представляетъ такой краснорѣчивый примѣръ. Мы ознакомились съ наслѣдственными основами его натуры, обратимся къ его личной жизни.

Ив. Ивановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОЗЗВАНІЕ БРЮСА КЪ ДРУЖИНѢ.

Сыны Шотландіи, впередъ!
Васъ на врага самъ Брюсъ ведетъ,
Побѣда славная васъ ждетъ,
    Иль смерть въ рядахъ бойцовъ!

***

Нашъ день насталъ—и грянетъ бой,
Эдварда рать идетъ грозой,
И намъ несетъ она съ собой
    Гнетъ рабства и оковъ.

***

Кто, не боясь позорныхъ узъ,
Способенъ жить, какъ рабъ и трусъ,
Пускай, расторгнувъ нашъ союзъ,
    Бѣжитъ передъ врагомъ;—

***

Но, кто, порвавъ насилья сѣть,
Уставшій плакать и терпѣть,
Свободнымъ хочетъ умереть,
    За мною, на проломъ!

***

Во имя женъ и сыновей,
Стряхнемъ на вѣки гнетъ цѣпей,
И кровью собственной своей
    Свой край освободимъ!

***

Впередъ, на недруговъ! дружнѣй!
За мной! И каждый взмахъ мечей
Да поражаетъ палачей!
    Умремъ, иль побѣдимъ!

Перев. **О. Н. Чумина**.

ВЪ СТРАНѢ СОПОКЪ.

(Изъ картинъ Забайкальской природы).

О, пасынокъ природы нелюбимый,
Несчастья край! — Ни голубыхъ озеръ,
Ни темныхъ рощъ... Пустыни нелюдимой
Грядами горъ стѣсненный кругозоръ.

Спѣша, иду на голую вершину,
Въ надеждѣ тамъ родной сыскать просторъ,
Открытый видъ на мирную долину,
Иль на густой въ коронѣ снѣжной боръ.

Забвенья мигъ — и вотъ мечтою смѣлой
Въ больномъ мозгу роскошный созданъ пиръ:
Не тамъ ли, тамъ, за этой гранью бѣлой,
Лежитъ и онъ, отчизны свѣтлый міръ?..

Вотъ верхъ скалы... О, тише, сердце, тише!..
Поднялся я — и слезы чуть сдержалъ:
Рядъ новыхъ горъ, еще мрачнѣй и выше,
Къ отчизнѣ путь сурово преграждалъ!..

Спускалась ночь. Кричала гдѣ-то птица,
Валился снѣгъ на свѣжій волчій слѣдъ.
— Мечтатель, стой! прочна твоя темница!
На родину пути отсюда нѣтъ.

П. Я.

ВЪ ВОДОВОРОТѢ.

(Изъ писемъ французской аристократки о Вандейскомъ возстаніи).

*(Окончаніе *).*

Мы проѣхали нѣсколько деревушекъ, которыя, своимъ раззоренньмъ видомъ ясно показывали, что здѣсь недавно происходили междоусобныя стычки. Плетни вездѣ были разрушены, крошечныя окна въ избушкахъ повыбиты, черепица на крышахъ разбита и обломками ея устлана грязь немощеной улицы.

Вездѣ царила тишина и полное безлюдье. Иногда изъ за полуразрушенныхъ воротъ выглядывала всклокоченная головка ребенка, и сейчасъ же пряталась при видѣ даже такихъ неопасныхъ путешественниковъ, какъ мы.

— Зачѣмъ мы ѣдемъ сюда, Бошанъ?—спросила я, наконецъ, у старика, прерывая тягостное молчаніе,—вѣдь и здѣсь были синіе, отчего же это мѣсто должно считаться безопаснѣе?

— Именно потому, что они уже здѣсь были, сударыня,—отвѣчалъ старикъ,—теперь они пошли впередъ, догонять нашу армію, и сюда ужъ не вернутся.

— Но почему же вы думаете, что они придутъ непремѣнно въ Табурель?

— На Табурель имъ прямой путь... Когда мы выѣзжали изъ воротъ замка, въ деревнѣ уже появились ихъ первые отряды... Поэтому, графъ такъ и торопилъ васъ отъѣздомъ.

Я замолчала; но тоска еще сильнѣе охватила мою душу. Можетъ быть, въ эту самую минуту, идетъ кровавая битва, можетъ быть, нашъ старый замокъ уже пылаетъ посреди увя-

*) См. «Міръ Божій», № 6, іюнь 1896 г.

дающей листвы столѣтнихъ деревьевъ и его горящіе обломки ломаютъ дряхлыя вѣтви, которые его такъ долго, такъ безконечно долго, обнимали съ дѣтской нѣжностью! И Генри дерется тутъ же, весь озаренный кровавымъ свѣтомъ пожара... можетъ быть, обагренный уже собственной кровью... А я ѣду куда-то, убѣгаю зачѣмъ-то, прячусь отъ какой-то опасности... Боже! Боже! Зачѣмъ я здѣсь, а не тамъ, въ Табурелѣ, около мужа? какъ смѣла я такъ трусливо убѣжать, покинуть мѣсто, гдѣ находиться—моя прямая обязанность!

— Вотъ мы и пріѣхали, сударыня, — сказалъ Бошанъ, соскакивая съ облучка и осторожно снимая съ телѣги уснувшую Люсиль.

Было уже совершенно темно.

Я, при помощи Бошана, соскочила съ телѣги и ощупью добралась до низенькой двери, которую старикъ открылъ ногой.

Мы вошли въ грязную избу, темную и низкую. Посрединѣ ея былъ глубокій каминъ съ горящимъ торфомъ, который бросалъ зеленоватое пламя на блѣдныя лица, сидѣвшія у стола за ужиномъ.

— Добро пожаловать, благородная госпожа, — сказалъ одинъ изъ хозяевъ, высокій старикъ, поднимаясь мнѣ на встрѣчу,—мы ждали васъ еще утромъ, о васъ говорилъ намъ графъ, когда у насъ вчера останавливался.

— Нельзя было пріѣхать раньше, пріятель, — отвѣчалъ за меня Бошанъ,—и то торопились и очень устали. А маленькая барышня, какъ заснула въ телѣгѣ, такъ до сихъ поръ и не просыпается... Покажи, куда бы ее уложить поудобнѣе?

Хозяинъ раздвинулъ занавѣски, за которыми скрывалась высокая кровать.

— Клади сюда барышню,—сказалъ онъ,—тутъ она будетъ спать вмѣстѣ съ барыней... ужъ извините, лучшаго помѣщенія нѣтъ.

Бошанъ возился съ Люсилью, а я стояла, молча прислонившись къ черной, закоптѣлой отъ дыма, перекладинѣ.

— Можетъ, госпожа поужинаетъ съ нами?—спросила маленькая розовая старушка, очищая мнѣ мѣсто передъ общей чашкой, въ которой дымилось какое-то кушанье изъ картофеля и капусты.

— Нѣтъ, благодарю васъ,—отвѣчала я,—мы такъ устали, что намъ не до ѣды.

— Такъ, можетъ, госпожа покушаетъ кислаго молока,— настаивала старушка, беря изъ рукъ мальчика кувшинъ, отъ котораго онъ только-что оторвалъ свои губы, и предлагая его мнѣ.

— Нѣтъ, спасибо, спасибо,—отвѣчала я,—мнѣ хочется уснуть поскорѣе.

— Пожалуйте, сударыня,—сказалъ Бошанъ, выходя изъ за занавѣски,—я уложилъ барышню и для васъ приготовилъ мѣстечко... Ужъ не взыщите, какъ умѣлъ.—И старикъ подвелъ меня къ кровати, задернулъ занавѣску и прибавилъ:

— Я переночую около лошади... Завтра она отдохнетъ и мы уѣдемъ назадъ... охъ, болитъ мое сердце за графа. Куда-то заведетъ его безумная храбрость безъ моего присмотра!

— Не хочешь-ли закусить?—спросилъ его старикъ,— вишь, какой хорошій хлѣбъ испекла сегодня моя хозяйка.

— А пожалуй,—отвѣчалъ Бошанъ, присаживаясь къ столу.

Мужчины закурили трубки. Горькій запахъ табаку ѣлъ мнѣ глаза и, смѣшанный съ дымомъ торфа, мѣшалъ дышать. Я готова была лишиться сознанія; но разговоръ, который въ это время завели хозяева съ Бошаномъ, скоро привелъ меня въ себя.

Я не вслушалась въ начало разговора, и только восклицаніе Бошана заставило меня прислушаться.

— И вы допустили, чтобы ихъ убили синіе!—воскликнулъ Бошанъ.

— А что жъ было дѣлать?—возразилъ старикъ,—прибѣгаютъ они ко мнѣ, запыхавшіеся, окровавленные, и кричатъ, чтобы я ихъ спряталъ... а сами не говорятъ, что синіе за ними по пятамъ бѣгутъ! Я повелъ ихъ на чердакъ. Только-что они туда влѣзли,—синіе въ двери. „Мы видѣли,—говорятъ,—что ты спряталъ двухъ разбойниковъ; видно, и ты въ заговорѣ съ ними!“ Сперва я запирался, ничего, молъ, не знаю, и не видалъ никого! Тутъ одинъ изъ синихъ и говоритъ: „Я обыщу весь домъ, и ужъ не обижайся, все сожжемъ, если они гдѣ-нибудь окажутся!“—и лѣзетъ на сѣновалъ! Что жъ мнѣ, по твоему, дѣлать? Вотъ, мальчишка стоялъ около и говоритъ: „Тамъ они!“ Ихъ взяли... Лучше, что ли, кабы у меня все сгорѣло, и они вмѣстѣ со всѣмъ?

— Ужъ я не знаю, что лучше,—отвѣчалъ Бошанъ,— только стыдно выдавать своихъ... Господь Богъ и дѣва Марія отвращаютъ лицо свое отъ предателей.

— Эхъ, братецъ,—возразила, вздыхая, старуха,—что жъ дѣлать? Нынче и не разберешь, кто врагъ тебѣ, а кто другъ... Вонъ у сосѣда три сына, и два дерутся вмѣстѣ съ синими противъ нашихъ.

— Говорятъ, — вмѣшался мальчикъ,—что Жака убилъ никто иной, какъ его братъ, Феликсъ, и на глазахъ у отца.

— Вотъ, поди ты, разберись въ этихъ дѣлахъ,—продолжала старуха, — ужъ такія времена! Съ ними нельзя бороться!

— Что же сдѣлали синіе съ двумя бѣглецами?—спросилъ Бошанъ.

— Что? Извѣстно что,—отвѣчалъ старикъ, запинаясь,—есть о чемъ спрашивать!

— Убили? И въ этомъ самомъ домѣ?

— Нѣтъ, вотъ здѣсь за перегородкой, гдѣ стоятъ быки.

— Безсовѣстные вы, вотъ что! — воскликнулъ Бошанъ, вставая изъ-за стола.

— Ну, вотъ! Да мы-то чѣмъ виноваты? — обиженно возразилъ старикъ,—сказано, синіе и безъ того шли наверхъ... а кому не жалко своего добра...

Бошанъ вышелъ, хлопнувъ дверью.

Хозяева нѣкоторое время сидѣли вокругъ стола безмолвно и неподвижно. Наконецъ, кто-то пошевелился и отодвинулъ скамейку.

— Охо-хо-хо, что же дѣлать, когда такія смутныя времена,—сказалъ старикъ, какъ бы еще оправдываясь передъ ушедшимъ Бошаномъ.

— Ужъ если Феликсъ убилъ Жака...—прибавила старуха и зѣвнула.

— Спать пора,—сказалъ подростокъ.

— И то, пойдемъ,—отвѣчалъ старикъ.

Они ушли и вскорѣ все стихло.

Долго я лежала неподвижно съ открытыми глазами... Ужасъ охватилъ меня...

Я представляла себѣ, что вотъ, сейчасъ, придутъ сюда синіе, и этотъ равнодушный старикъ выдастъ имъ меня и мою малютку. О, только бы ее оставили въ покоѣ. Потомъ мнѣ уже представилось, что этотъ крестьянинъ нарочно предложилъ мнѣ свое гостепріимство, чтобы удобнѣе предать насъ республиканцамъ... Эта безумная идея заставила меня вскочить съ постели...

Я сдѣлала нѣсколько шаговъ къ двери, ведущей въ садъ,

и тутъ только остановилась, вспомнивъ о спящей дѣвочкѣ. А въ это время, у стѣны, за перегородкой раздались громкіе стуки...

Я замерла, схватившись руками за голову.

Стуки продолжались, рѣзкіе, но правильные... Я прислушалась къ нимъ и немножко успокоилась: это быки стучали рогами о деревянную переборку, раздѣлявшую избу отъ ихъ помѣщенія.

Но спокойствіе мое продолжалось недолго.

Вскорѣ какой-то таинственный шорохъ нарушилъ нѣмую тишину ночи. Я старалась увѣрить себя, что это случайные звуки, которые слышатся каждому человѣку среди полнаго безмолвія, что это бредъ разстроеннаго воображенія; но доводы разума не могли побѣдить страха... Мнѣ казалось, что во дворъ входитъ потихоньку отрядъ республиканцевъ, намѣреваясь схватить меня и мою малютку; я даже слышала слабое бряцаніе оружія, заглушаемое шепотомъ свирѣпыхъ голосовъ... Слышала, какъ шуршала солома подъ тяжелыми ногами синихъ.

Я порывалась сойти съ мѣста, къ которому будто были прикованы мои ноги; но силы меня покинули, и я не могла сдѣлать шага къ кровати, гдѣ спокойно спала Люсиль. Я могла только прижать руки ко рту, желая сдержать дикіе крики ужаса, которые рвались у меня изъ груди.

Сколько простояла я такъ,—не помню; но, когда я очнулась—въ избѣ было свѣтло отъ раскрытой двери, у которой стоялъ Бошанъ.

— Сударыня, что съ вами? Вы совсѣмъ закоченѣли,—говорилъ старикъ, осторожно дотрогивась до моей холодной руки.

Я отскочила отъ него, отвѣчая на вопросъ пронзительнымъ крикомъ.

— Сударыня, прилягте, вы больны,—говорилъ растерявшійся старикъ,—Боже мой, что скажетъ графъ, узнавъ про это новое несчастье!

— Мама, ты ужъ проснулась?—раздался веселый голосъ Люсиль изъ-за занавѣски.

— Что это было со мною? — пробормотала я, глубоко вздыхая,—Бошанъ, это вы?

— Сударыня, пожалуйста прилягте, на васъ лица нѣтъ,—повторялъ Бошанъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—отвѣчала я, уже совсѣмъ очнувшись,—

нельзя намъ оставаться здѣсь ни минуты... Эти злодѣи предадутъ насъ... Я хочу сейчасъ же ѣхать назадъ къ Генри... Сейчасъ же.

— Да куда же вы теперь поѣдете? Табурель занятъ синими, а графъ—неизвѣстно гдѣ! И что же онъ будетъ дѣлать съ вами, если вы даже его и найдете?

— Все равно... Вездѣ лучше, чѣмъ здѣсь у этихъ разбойниковъ, предателей!

— Вы слышали, вѣрно, вчерашній разсказъ старика?—сказалъ Бошанъ.—Теперь понимаю ваше безпокойство... Но вы ошибаетесь, сударыня, не довѣряя этимъ людямъ! Они добры и сострадательны. А этихъ несчастныхъ, которыхъ они дали убить... что же дѣлать? Въ самомъ дѣлѣ, времена такія, что съ отдѣльнаго человѣка нечего и спрашивать! То ли еще дѣлается на свѣтѣ!

Я покачала головой.

— Увѣряю васъ, они очень добрые люди,—продолжалъ Бошанъ; — женщины каждый день выходятъ на дорогу съ кислымъ молокомъ и картофелемъ, чтобы кормить голодныхъ бѣглецовъ. Онѣ перевязываютъ раны, а мужчины развозятъ ихъ на телѣгахъ въ безопасныя мѣста... А тѣхъ двухъ синіе, все равно, нашли бы.

Но, видя, что эти доводы меня не убѣждаютъ, Бошанъ перешелъ къ другимъ утѣшеніямъ:

— Вѣдь синіе сюда больше не придутъ, они пошли къ Бретани... Надо потерпѣть немножко: скоро все кончится, и графъ самъ пріѣдетъ взять васъ отсюда... Вы поѣдете опять въ Шатильонъ, гдѣ теперь все уже спокойно, и заживете по старому.

Старику такъ хотѣлось меня утѣшить, успокоить, что я, наконецъ, улыбнулась.

— Ну, вотъ такъ-то лучше, — сказалъ онъ, — а теперь прилягте, да усните... А барышню я возьму погулять, чтобъ она вамъ не мѣшала.

Старикъ одѣлъ кое-какъ Люсиль въ ея платье бретанской крестьянки, взялъ ее на руки, задернулъ занавѣски кровати и сказалъ, уходя:

— Спите спокойно, я попрошу хозяевъ, чтобъ около избы не шумѣли.

И онъ ушелъ.

Я вытянулась на своемъ жесткомъ ложѣ, чувствуя страш-

ную усталость; но неотвязная мысль о возвращеніи къ Генри продолжала меня назойливо преслѣдовать.

Послѣ долгихъ сомнѣній и колебаній, я рѣшила, отдохнувъ хорошенько, уѣхать отсюда, хотя бы это и навлекло на меня гнѣвъ Генри... Я перестала трусить...

Довольно было одной такой ужасной ночи, чтобы убѣдиться, насколько легче выносить настоящую опасность, чѣмъ скрываться по разнымъ закоулкамъ, подвергая себя такимъ ужасамъ воображенія, передъ которыми блѣднѣютъ всѣ страхи дѣйствительныхъ страданій.

Принявъ это рѣшеніе, я крѣпко уснула и проснулась уже далеко за полдень, когда въ избѣ раздались шаги хозяевъ и зазвенѣла посуда, которую они приготовляли себѣ къ обѣду.

Я вскочила съ постели и, выйдя изъ-за занавѣски, увидѣла все семейство крестьянъ за обѣдомъ, изъ того же картофеля да кислаго молока съ чернымъ хлѣбомъ.

Только теперь я замѣтила, что оконъ въ избѣ не было, и только три двери, во дворъ, въ садъ и на улицу, освѣщали помѣщеніе.

— Хорошо ли почивали, сударыня?—спросилъ старикъ, вовсе не казавшійся мнѣ теперь гнуснымъ предателемъ,—на новомъ мѣстѣ, говорятъ, всегда нехорошо спится.

— Да мнѣ нехорошо спалось, — отвѣчала я, удивляясь тѣмъ страхамъ, которые переживала ночью, — хочу ѣхать опять въ Табурель... все равно, опасно вездѣ, лучше ужъ на своемъ мѣстѣ...

— Вамъ у насъ неудобно, сударыня, — сказала старушка,—мы понимаемъ это, но за то здѣсь васъ никто не тронетъ... и барышня ваша уже къ намъ привыкла, вонъ какъ хорошо играетъ съ моимъ внукомъ!

Я взглянула въ дверь въ садъ и увидѣла Люсиль сидящую рядомъ съ бѣлоголовымъ мальчикомъ.

— Да, да, сударыня,—сказалъ старикъ,—здѣсь вамъ безопаснѣе... Нѣсколько бѣглецовъ прошло сегодня мимо насъ изъ-за Луары; они говорятъ, что не сегодня-завтра къ синимъ изъ Парижа еще придетъ большое войско.

— Тѣмъ болѣе я должна быть около своего мужа... онъ можетъ нуждаться во мнѣ, онъ, можетъ быть, раненъ, а я до сихъ поръ ничего не знаю.

Хозяева сочувственно закивали головами.

— Слова нѣтъ, жена всегда должна быть около мужа,— согласился старикъ,—такъ повелѣлъ Іисусъ и Дѣва Марія...

вонъ, нашихъ бабъ сколько набралось въ войнѣ! Все вертятся возлѣ мужчинъ, то ружья имъ заряжаютъ, то косы острятъ, а то такъ и мужей дубасятъ палками, когда тѣ поворачиваютъ врагу спину...

— Да, да, вы правы,—отвѣчала я,—жена должна всегда быть около мужа. Вотъ поэтому-то и я уѣду сейчасъ же съ Бошаномъ въ Табурель.

— Съ Бошаномъ? Эге, да его уже и слѣдъ простылъ! Онъ уѣхалъ давно, только-что вы уснули.

— Бошанъ уѣхалъ? — воскликнула я, въ страшномъ испугѣ.

— Уѣхалъ, сударыня, и такъ торопился, что даже оставилъ у насъ телѣгу со всей сбруей, поскакалъ верхомъ на своей лошади.

Это неожиданное извѣстіе привело меня въ немалое смущеніе. Я знала, что Бошанъ торопится вернуться къ своему господину, но была увѣрена, что онъ подождетъ моего пробужденія; я надѣялась, засыпая, уговорить его взять меня съ собой. Но именно этого-то, вѣрно, онъ и боялся... Что жъ мнѣ теперь дѣлать?

Я никогда не оставалась одна, на свободѣ, я не привыкла самостоятельно управлять своими поступками; а между тѣмъ надо поскорѣе на что-нибудь рѣшиться...

— Въ такомъ случаѣ мнѣ придется ѣхать съ дочерью одной,—сказала я послѣ небольшого раздумья, — наймите мнѣ, пожалуйста, гдѣ-нибудь лошадь до Табуреля.

— Вотъ ужъ этого никакъ нельзя сдѣлать, сударыня,— отвѣчалъ старикъ,—хорошія лошади всѣ забраны въ войско; а нѣсколько клячъ, которыя остались, перевозятъ раненыхъ изъ Ріуфа въ Шатиньи.

— Ахъ Боже мой, что же дѣлать? Такъ нельзя ли купить гдѣ-нибудь въ ближайшемъ помѣстьѣ? Я заплачу сколько ни запросятъ, только бы добыть лошадь.

— Ближайшее помѣстьѣ отсюда въ сорока миляхъ; да и тамъ были недавно синіе, и увели весь скотъ.

— Какъ же быть?

— Да ужъ не знаю... Есть у насъ пара воловъ, но на нихъ ѣхать будетъ медленнѣе, чѣмъ идти пѣшкомъ, да и неудобно, въ случаѣ какой-нибудь опасности: они не умѣютъ скоро сворачивать съ дороги, а ужъ отъ синихъ съ ними ни въ какомъ случаѣ не скроешься.

Я стояла посреди избы совершенно подавленная такими непреодолимыми затрудненіями.

Что, въ самомъ дѣлѣ, мнѣ было дѣлать?

Люди, меня окружавшіе, не хотѣли, или не умѣли ничего мнѣ посовѣтовать; сама я, только-что вышедшая одна на тернистую дорогу жизни, не имѣла понятія, какъ преодолѣть это первое препятствіе... а между тѣмъ, дѣлать что-нибудь необходимо, потому что я несла отвѣтственность передъ Генри не только за себя, но еще и за свою дѣвочку, веселый смѣхъ которой донесся въ это время изъ сада въ избушку.

— Тогда придется ужъ идти пѣшкомъ,—сказала я, охваченная приливомъ мужества.

— Этакъ-то будетъ лучше всего,—отвѣчалъ старикъ, которому такое рѣшеніе казалось очень простымъ дѣломъ.

— А много ли намъ придется идти?—спросила я, чувствуя, какъ покидаетъ меня этотъ внезапный приливъ мужества и замѣняется опять малодушнымъ страхомъ.

— Сущіе пустяки, какихъ-нибудь двѣнадцать лье, ну, много-много пятнадцать, не больше... Если идти хорошо, къ ночи будете дома.

— Придется идти,—пробормотала я въ раздумьи, какъ бы удивленная тѣмъ, что фраза, брошенная вскользь и почти не бывшая намѣреніемъ, такъ скоро осуществилась, перейдя неожиданно въ дѣйствительность.

— Но вамъ надо подкрѣпиться, сударыня,—сказала старушка,—у васъ со вчерашняго дня во рту и маковой росинки не было.

— Спасибо,—отвѣчала я быстро, потому что, не смотря на терзавшій меня голодъ, ни за что не рѣшилась бы притронуться къ этому синему молоку, въ которомъ лежало пять грязныхъ деревянныхъ ложекъ, ни къ хлѣбу, черному, липкому, который я и увидала-то въ первый разъ въ жизни.

— Госпожа не привыкла къ мужицкой ѣдѣ, — сказала молодая дѣвушка, угадывая мои мысли,—погодите-ка, я ей сейчасъ приготовлю что-нибудь получше.

Она засуетилась, побѣжала въ курятникъ, сварила яишницу; затѣмъ принесла кувшинъ парного молока и, отрѣзавъ отъ хлѣба нѣсколько хорошо испеченныхъ корочекъ, торжественно поставила все это угощеніе на столъ.

— Кушайте, милая барыня,—сказала она весело:—теперь все чисто, не брезгуйте нашимъ хлѣбомъ-солью...

*

Я сѣла за столъ; дѣвушка привела Люсиль, и мы вмѣстѣ съ аппетитомъ позавтракали.

Затѣмъ я стала собираться въ путь. Старушка завернула мнѣ нѣсколько печеныхъ яицъ съ кускомъ хлѣба въ толстое полотенце и сказала:

— Это, сударыня, прошу васъ взять отъ насъ на дорогу... Мало ли что можетъ случиться? Иной разъ можно голодать много дней съ полными карманами золота...

— Благодарю васъ,—отвѣчала я, принимая подарокъ.

— Совѣтую вамъ взять еще что-нибудь теплое для маленькой барышни, вечера теперь бываютъ холодные. И вотъ еще, что я вамъ скажу: дитя не сможетъ идти долго, а нести ее на рукахъ вамъ будетъ очень трудно съ непривычки... Позвольте вамъ показать, какъ наши крестьянки дѣлаютъ въ такихъ случаяхъ. Видите, мы беремъ большой платокъ, завязываемъ его у себя на груди крестъ-на-крестъ и за спиной помѣщаемъ ребенка.

— Мама, мы развѣ опять уйдемъ?—спросила Люсиль.

— Да, дитя, опять, — отвѣчала я, не предчувствуя, сколько разъ еще придется мнѣ отвѣчать такимъ образомъ ребенку.

Черезъ часъ я стояла уже одна на большой дорогѣ, держа за ручку Люсиль.

Мальчикъ, указывавшій намъ путь, уже ушелъ домой, сказавъ на прощанье, что теперь надо идти все прямо до самаго замка, и что заблудиться на этой дорогѣ никакъ нельзя.

Я смотрѣла мальчику вслѣдъ, испуганно прислушиваясь къ звуку его шаговъ, которые замирали въ отдаленіи... Наконецъ, стало вокругъ насъ совершенно тихо. Впереди вилась узенькая колея дороги съ застывающей весенней грязью, по которой идти было такъ трудно! Съ обѣихъ сторонъ дорога замыкалась колючей изгородью; кое-гдѣ виднѣлись низкорослыя деревья съ корявымъ, изогнутымъ стволомъ; иногда вдали бѣлѣла яблоня, вся въ ароматномъ цвѣту; вездѣ было такъ тихо, точно тутъ за много-много миль вокругъ не жило ни одного человѣка.

А между тѣмъ, стоило только повернуть назадъ, туда, откуда еще привѣтливо смотрѣли на меня красныя крыши деревни, и я опять очутилась бы среди людей, нашла бы снова пріютъ, участіе, не утомляла бы своихъ ногъ, которыя уже начинали болѣть...

Хорошо бы вернуться обратно!

Я уже хотѣла сдѣлать это; но, вспомнивъ объ ужасной ночи, остановилась... Нѣтъ, ужъ лучше идти впередъ по незнакомой дорогѣ, лучше устать, голодать, подвергнуться дѣйствительной опасности, чѣмъ снова очутиться въ этой мрачной избѣ безъ оконъ, снова прислушиваться къ таинственнымъ звукамъ, которыми полна эта деревня, снова холодѣть отъ малодушнаго страха.

— Пойдемъ, мама,—сказала Люсиль, нетерпѣливо дергая меня за руку.

— Пойдемъ, дитя,—отвѣчала я, и мы пошли впередъ.

Дѣвочка скоро устала. Я завязала платокъ на груди крестъ-на-крестъ, какъ учила старушка, и посадила ребенка себѣ за спину.

Но идти такъ было вовсе не легко.

Я брела впередъ медленно, спотыкаясь. Каждый камешекъ, попадавшійся подъ ноги, причинялъ страданія, а холодный вѣтеръ леденилъ лицо и руки.

Усталая Люсиль просилась спать и стала плакать. Я шла впередъ, утѣшая ее, какъ умѣла.

Наконецъ, дѣвочка умолкла. Она охватила мою шею руками и уснула, склонившись головкой ко мнѣ на затылокъ.

Такъ шла я очень долго.

Уже солнце начало склоняться къ закату; въ воздухѣ сильно похолодѣло, я изнемогала отъ усталости, а впереди не видно было ни одного жилья, не говоря уже о нашемъ замкѣ. Только на горизонтѣ чернѣла узкая полоска лѣса.

Я рѣшила заночевать въ этомъ лѣсу и, собравъ всѣ силы, кой-какъ прибрела къ его опушкѣ.

Къ счастью, недалеко отъ дороги нашлась большая копна прошлогодняго сѣна и эта копна, показалась мнѣ теперь великолѣпнѣе самой мягкой постели.

Я разрыла сѣно, уложивъ туда спящую Люсиль, а затѣмъ и сама зарылась возлѣ нея поглубже, и сейчасъже чудесно заснула.

Звуки веселой пѣсни разбудили меня утромъ.

Солнце поднялось уже высоко надъ лѣсомъ, голубое небо ласково заглядывало къ намъ сквозь рѣдкую еще листву деревьевъ, птицы наполняли воздухъ щебетаніемъ и къ ихъ трескотнѣ присоединялся еще голосокъ Люсиль, которая сидѣла около меня, вся въ сѣнѣ и, тормоша меня за плечо, напѣвала:

«Братецъ Жакъ, братецъ Жакъ,
Что ты спишь такъ долго?»

Я вскочила, радостно вдыхая въ себя мягкій воздухъ. Я какъ-то совсѣмъ успокоилась. Такъ все было хорошо въ этой природѣ... И вдругъ у меня явилась надежда, что всѣ бѣдствія наши кончатся...

Мы весело истребили завтракъ, который дала намъ старуха, и вышли изъ лѣсу съ новыми силами. Сегодня дорога была гораздо оживленнѣе. Много женщинъ и дѣтей попадалось намъ на встрѣчу. Они оглядывались на насъ, удивленно качая головой; но я не обращала на это вниманія, желая наверстать потерянное время, воспользовавшись неожиданнымъ приливомъ мужества, котораго сегодня у меня было гораздо больше, чѣмъ вчера.

Стали попадаться и мужчины, въ перемежку съ женщищинами; вдали послышались глухіе раскаты грома.

Но громъ-ли это?.. Вѣдь небо совершенно ясно...

Я остановилась, пораженная внезапной мыслью, и только теперь стала соображать все, что вокругъ меня происходитъ.

Зачѣмъ бѣгутъ куда-то всѣ эти люди? Почему они всѣ бѣгутъ въ одну сторону, назадъ, и никто не идетъ со мною впередъ?.. И что это за громъ, за шумъ раздается впереди меня, становясь все явственнѣе.

— Стрѣляютъ?—спросила я одного изъ мужчинъ, торопливо шедшихъ мнѣ на встрѣчу.

— Э, милая,—отвѣчалъ онъ, не убавляя шагу,—стрѣляютъ ужъ со вчерашняго утра.

— Но гдѣ же сраженіе?—продолжала я спрашивать, заранѣе пугаясь отвѣта.

— Позавчера синіе пришли въ Шатиньи, раззорили его, а сегодня дерутся въ Ріуфѣ.

— Уже въ Ріуфѣ! А Табурель?..

— Его тоже позавчера раззорили и сожгли замокъ.

— Не знаете ли, гдѣ теперь графъ де-Морильонъ?— продолжала я допрашивать о Генри; но мои собесѣдники отошли уже далеко; отвѣтъ мнѣ дала другая партія, тоже торопливо шедшая мнѣ на встрѣчу.

— Графъ де-Морильонъ?—сказалъ кто-то на ходу:— онъ защищаетъ лѣсъ около Ріуфа, только едва ли долго продержится...

Слава Богу, Генри живъ! Это извѣстіе придало мнѣ новыя силы.

Прибавивъ шагу, я поспѣшила впередъ. Мое свиданіе съ мужемъ должно было произойти раньше, чѣмъ я предполагала, потому что Ріуфъ на моемъ пути былъ ближе, чѣмъ Табурель, и мысль о томъ, что намъ не придется сейчасъ же увидѣть мой милый старый замокъ въ развалинахъ, нѣсколько облегчала меня.

А на встрѣчу намъ попадалось народу все больше и больше. Наконецъ, появились и раненые на носилкахъ, сопровождаемыхъ женщинами.

Звуки выстрѣловъ становились все явственнѣе; скоро уже можно было замѣтить и дымъ, висѣвшій темной пеленой надъ лѣсомъ, за которымъ пряталась деревушка Ріуфъ.

— Гдѣ наши? Разбиты ли они?—спрашивала я у прохожихъ.

— Еще дерутся.

Наконецъ, мы обогнули лѣсъ и неожиданно очутились у праваго крыла нашей маленькой арміи.

Повидимому, синіе уже овладѣли Ріуфомъ. Въ деревушкѣ все было тихо: не доносилось оттуда ни выстрѣловъ, ни криковъ.

Наши стояли небольшой кучей, оттиснутые къ лѣсу. Съ ними была единственная пушка, та драгоцѣнная Марія-Жанна, присутствіе которой всегда такъ воодушевляло войско. Подлѣ нея стояло нѣсколько человѣкъ въ красныхъ платкахъ, повязанныхъ на головѣ, и съ такими же красными поясами. Мнѣ показалось, что въ одномъ изъ этихъ людей я узнала Генри.

Я кинулась впередъ, въ самый пылъ сраженія, съ безсознательной храбростью, не опасаясь ни на минуту ни за себя, ни за Люсиль, которая также не обнаруживала никакого страха.

Пробѣжавъ нѣсколько саженъ, я въ самомъ дѣлѣ увидала Генри. Махая ружьемъ, онъ что-то говорилъ, обернувшись къ своимъ лицомъ и спиною къ непріятелю.

— Да не бѣгите же! — услыхала я, наконецъ, и слова его:—отстрѣливайтесь, пока еще есть порохъ, дайте раненымъ дойти до деревни, или спрятаться въ лѣсу...—Но увѣщанія эти были напрасны! Его войско исчезало, разсѣяваясь между деревьями лѣса, а въ догонку имъ свистали пули республиканцевъ.

А я спѣшила впередъ, торопливо пробираясь между деревьями и бѣглецами, даже не думая объ опасности, которой подвергаю себя и Люсиль.

Наконецъ, я очутилась у небольшой группы, окружавшей пушку. Около Генри былъ и кюре Сенъ-Пьеръ, и нѣсколько десятковъ крестьянъ, отстрѣливавшихся отъ синихъ.

У лафета Маріи-Жанны лежалъ трупъ человѣка, въ которомъ я узнала графа де-Бопре... Надъ нимъ сидѣлъ старикъ Бошанъ, склонивъ низко на грудь сѣдую голову.

— Онъ умеръ!—воскликнула я такъ громко, что Генри, стоявшій въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, оглянулся на мое восклицаніе.

— Анжелика, ты-ли это?—вскричалъ онъ, — какъ ты сюда попала?

— Мнѣ не сидѣлось одной... прости, дольше терпѣть не было силъ,— отвѣчала я со слезами. Онъ только пожалъ мнѣ руку.

— Но тебѣ нельзя быть здѣсь... съ тобою Люсиль.

— Папа, папа, я хочу остаться съ тобою, — лепетала дѣвочка, тормоша отца за рукавъ.

Генри поцѣловалъ ее и окликнулъ Бошана.

Старикъ поднялъ лицо, по которому катились слезы. Увидавъ меня, онъ укоризненно покачалъ головой.

— Вы все-таки ослушались господина графа,—сказалъ онъ мнѣ, и я должна была сознаться, что упрекъ этотъ былъ совершенно заслуженъ.

Теперь я увидѣла ясно, что не только не могу ничѣмъ помочь Генри, но даже просто дѣлаюсь для него обузой.

— Бошанъ,—сказалъ Генри,—поручаю вамъ жену. Отвезите ее въ безопасное мѣсто и будьте при ней, пока я не пріѣду.

Бошанъ молчалъ; но такъ краснорѣчиво посмотрѣлъ на трупъ своего господина, что Генри угадалъ его мысли и поспѣшилъ на нихъ отвѣтить.

— Я сейчасъ же приступлю къ похоронамъ графа— сказалъ онъ;—обѣщаю вамъ не покидать Ріуфа прежде, чѣмъ надъ его могилою не будетъ поставленъ крестъ.

— Ну, госпожа, поѣдемъ назадъ, въ Шатиньи—сказалъ онъ, бросая послѣдній взглядъ на трупъ своего господина,— садитесь на лошадь, а на другую сяду я и возьму на руки маленькую барышню... Богъ дастъ, завтра вы будете въ безопасности, и мнѣ можно будетъ вернуться сюда.

— Заряжайте Марію-Жанну!—крикнулъ Генри,—наводите въ центръ...

Онъ торопливо пожалъ мнѣ руку, продолжая команду:

— Пали!

Раздался выстрѣлъ; въ отвѣтъ посыпалась ружейная трескотня синихъ, подошедшихъ очень близко къ лѣсу, благодаря густымъ кустарникамъ опушки.

Крестьяне подняли ружья и, перекрестившись, всѣ, какъ одинъ человѣкъ, отвѣтили на выстрѣлы выстрѣлами.

— Уѣзжайте же,—сказалъ Генри,—нѣкоторое время еще продержимся, а тамъ придется покинуть лѣсъ.

Нѣсколько человѣкъ уже копали землю для могилы графа де-Бопре. Кюре оставилъ свое ружье и съ двумя мальчиками подошелъ къ трупу служить литію. Бошанъ снялъ шляпу, перекрестился и повернулъ лошадь къ дорогѣ.

— Простите меня, добрый мой Бошанъ, — сказала я, пробираясь за нимъ подъ свистѣвшими пулями, — простите меня, что я лишаю васъ возможности похоронить вашего барина.

— Что дѣлать сударыня...—отвѣчалъ онъ,—буду молиться дорогой... Только бы успѣли похоронить его! Синіе ведутъ натискъ бойко.

Мы повернули изъ лѣса къ изгородямъ по обѣимъ сторонамъ дороги, выходившей изъ Ріуфа.

Дорога, пустынная у деревни, за лѣсомъ была полна оживленія: по этому пути спасались разбитыя войска бретонцевъ, тутъ же тянулась ихъ артиллерія, багажъ, остатки разбитой крестьянской арміи, отступленіе которой защищалъ Генри съ маленькой горстью своихъ сподвижниковъ.

Посреди этой сумятицы подвигаться впередъ было чрезвычайно трудно.

Множество женщинъ съ дѣтьми, сидѣвшихъ на телѣгахъ съ впряженными въ нихъ быками, загромождали дорогу; тутъ же, едва волоча ноги, брели раненые, наполняя воздухъ раздирающими стонами. Множество людей верхомъ давили пѣшеходовъ, которые посылали имъ вслѣдъ проклятія. Изъ сосѣднихъ фермъ появлялись все новыя и новыя группы гонимыхъ страхомъ, наводняя собой дорогу...

Наконецъ, ѣхать стало рѣшительно невозможно: нѣсколько телѣгъ, запряженныхъ быками, запрудили путь, потому что изнеможенныя животныя не хотѣли двигаться дальше. Они ложились на землю подъ яростными ударами кнута своихъ хозяевъ, и на всѣ ихъ проклятія отвѣчали жалобнымъ ревомъ.

Нетерпѣливая толпа стала перескакивать черезъ живот-

ныхъ, которыя брыкались... Люди падали съ воплями о помощи, но никто не помогалъ имъ подняться...

Меня притиснули къ забору такъ, что я не могла пошевелиться. Бошанъ былъ недалеко отъ меня съ Люсилью.

Намъ удалось проѣхать очень немного. Съ косогора, на которомъ я теперь стояла, мнѣ была видна опушка лѣса, небольшой отрядъ, столпившійся около Маріи-Жанны, и красная точка, мелькавшая то тамъ, то сямъ, въ которой, мнѣ казалось, я угадала платокъ на головѣ Генри.

Выстрѣлы продолжались съ одинаковымъ упорствомъ какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Наша мужественная, одинокая Марія-Жанна отстрѣливалась очень долго; но вдругъ, будто изнеможенная, умолкла, и красная точка, которую я сейчасъ-только видѣла возлѣ нея, вдругъ исчезла.

— Бошанъ! — крикнула я старику, — мужъ раненъ или убитъ! Оставьте меня, спѣшите къ нему! Всѣ бѣгутъ въ лѣсъ... Спѣшите, Бошанъ!

— Но какъ же вы-то останетесь здѣсь?

— Бошанъ, скорѣй, а то я не выдержу... Я умру тутъ же, передъ вами!

Старикъ уже хотѣлъ-было повернуть лошадь назадъ, но въ такой толпѣ это было невозможно. Онъ протискался къ изгороди, перескочилъ черезъ нее прямо съ сѣдла, и побѣжалъ по вспаханному полю, съ ребенкомъ на плечахъ. Я тоже хотѣла бѣжать за нимъ, но была такъ прижата къ забору, что не могла пошевелиться. Мнѣ нужна была чья-нибудь помощь, но лица окружающихъ меня людей были такъ суровы, что я не рѣшалась ни къ кому обратиться.

Наконецъ, взглядъ мой упалъ на молодого человѣка очень кроткаго вида, который топтался также около изгороди, на своей караковой лошади.

— Не поможете ли мнѣ перелѣзть черезъ заборъ,—сказала я ему,—мнѣ нужно назадъ къ Ріуфу...

— Ахъ, Боже мой! — отвѣчалъ мнѣ сѣдокъ, заливаясь слезами,—вѣдь я тоже женщина, уже второй день ищу моего мужа!

— Бѣдняжка!—сказала я,—но вы все-таки счастливѣе меня! Вы можете надѣяться встрѣтить вашего мужа здоровымъ, а моего сейчасъ ранили, а быть можетъ, и убили.

— Откуда вы это узнали?

— Я видѣла сейчасъ, какъ онъ упалъ! Его увозятъ въ лѣсъ, а я здѣсь...

— Я помогу вамъ,—сказала женщина, переставая плакать, — станьте на спину лошади и уцѣпитесь за вѣтви яблони... Такъ вамъ будетъ уже легко стать на изгородь, а оттуда вы спрыгнете.

И, благодаря помощи незнакомки, я черезъ минуту была уже по ту сторону забора и побѣжала къ лѣсу, скоро добѣжавъ до опушки.

Возлѣ Маріи-Жанны уже были республиканцы. Какъ разъ въ эту минуту они оборачивали ее къ лѣсу, за деревьями котораго пряталась масса бѣглецовъ; но, къ счастью, уже стемнѣло, и весенняя ночь избавила бѣдную Марію-Жанну отъ огорченія видѣть своихъ друзей, падающихъ подъ ея ядрами.

Одинъ изъ синихъ, увидавъ мелькавшее между деревьями мое платье, крикнулъ, подбѣгая ко мнѣ:

— А, трусиха! Зачѣмъ бѣжишь ты изъ деревни? Пошла назадъ, не пущу тебя уйти въ лѣсъ къ разбойникамъ.

— О, господинъ,—сказала я по бретонски, трепеща отъ страха открыть себя,—позвольте мнѣ идти! У меня раненъ мужъ и потерялся ребенокъ...

— Правду ли говоришь?—спросилъ солдатъ.

— Развѣ не видите, что я умираю съ отчаянія,—возразила я такимъ голосомъ, въ искренности котораго трудно было усомниться.

— Иди, несчастная, мнѣ жаль тебя!—и синій пустилъ меня.

Я поспѣшила впередъ; но черезъ минуту наткнулась на новую опасность: на лужайкѣ, мимо которой приходилось мнѣ идти, еще шла битва. Отрядъ синихъ разгонялъ послѣднія толпы... крестьянъ...

— Сдавайся!—кричали республиканцы,—отдай оружіе!..

— Отдайте намъ нашего Бога!—раздался въ отвѣтъ вопль отчаянія изъ середины толпы, и опять затрещали залпы.

Съ ужасомъ кинулась я въ сторону и побѣжала между кустарниками, стараясь быть подальше отъ этихъ выстрѣловъ, рѣзни, стоновъ, проклятій.

Наконецъ все стихло.

Нѣсколько успокоившись, я пошла потише, выкрикивая имя Генри или Бошана.

Въ отвѣтъ раздавались стоны раненыхъ, ютившихся подъ кустами; иногда мелькали молчаливыя фигуры, которыя ничего не отвѣчали на мои призывы, пытаясь поскорѣе скрыться за вѣтвями...

Я бродила по лѣсу, уже совершенно охрипнувъ отъ криковъ; наконецъ, какой-то человѣкъ, вѣрно, сжалившись надо мною, отвѣтилъ откуда-то изъ темноты:

— Вы ищете Бошана? Онъ прошелъ еще въ сумерки на большую поляну...

— Но гдѣ же эта большая поляна, какъ мнѣ найти ее?— спросила я.

— Это довольно трудно... Ищите зарева отъ костра... Тамъ собралось все наше войско: навѣрно они ужинаютъ.

— А не знаете ли, что случилось съ графомъ де-Морильонъ?

— Графа также понесли на большую поляну,—отвѣчалъ неизвѣстный.

— Понесли?!—въ ужасѣ вскрикнула я.

Не время было плакать.

— А не можете ли указать хоть бы какой-нибудь признакъ, по которому я могла бы пройти къ этой полянѣ?

— Держитесь влѣво отъ опушки.

Сколько времени еще продолжалось мое блужданье по лѣсу, сказать не могу; наконецъ, послышались женскіе голоса и между деревьями замелькали огненныя точки.

Я поспѣшила на огонь, и очутилась въ толпѣ женщинъ. Нѣкоторыя изъ нихъ несли корзины съ яйцами, мясомъ и бутылками, другія сгибались подъ тяжестью мѣшковъ съ хлѣбомъ. Впереди шли дѣти, освѣщая дорогу фонарями.

— Не знаете ли какъ пройти къ большой полянѣ,— обратилась я къ одной изъ женщинъ.

— Мы сами идемъ туда же,—отвѣчала она,—пойдемъ съ нами, ужъ недалеко.

Вскорѣ за деревьями замелькало розоватое зарево костра и мы вышли на большую поляну, пріютившую въ эту ночь почти все наше уцѣлѣвшее войско.

Наконецъ, я увидала Бошана, на колѣняхъ котораго спала Люсиль; а подъ деревомъ около него, на соломенномъ тюфякѣ, лежалъ Генри.

— Ахъ, госпожа, какъ я о васъ безпокоился!—сказалъ старикъ,—не пугайтесь, пожалуйста, господинъ графъ только раненъ,—прибавилъ онъ, замѣчая мой ужасъ.

— Да правда ли это?—спросила я.

Самъ Генри отвѣтилъ на этотъ вопросъ продолжительнымъ стономъ.

Слава Богу! При случаѣ, и стонъ любимаго человѣка

можетъ служить утѣшеніемъ,—вѣдь страданіе все-таки признакъ жизни.

Я нагнулась къ мужу. Глаза его были раскрыты; но въ ихъ мутной глубинѣ не мелькало сознаніе. Разорванная у плеча рубашка съ запекшейся кровью показывала, гдѣ была рана, которой еще даже не перевязали.

— Неужели при арміи нѣтъ ни одного врача? — спросила я Бошана.

— У насъ ихъ никогда и не было,—отвѣчалъ тотъ.

— Но какъ же быть? Его придется везти въ такомъ видѣ до Нанта.

— Что Богъ дастъ, — отвѣчалъ старикъ уклончиво,—а пока, сударыня, вамъ надо подкрѣпиться, поѣсть хорошенько и уснуть... Довѣрьте мнѣ уходъ за господиномъ. Мы, старики, спимъ мало; а вамъ отдыхъ необходимъ, силы очень понадобятся.

Я послушно съѣла все, что далъ мнѣ Бошанъ, и только послѣ ѣды почувствовала необыкновенную усталость. Глаза мои сомкнулись почти внезапно, и я упала на землю, объятая глубокимъ сномъ.

Утромъ Бошанъ едва разбудилъ меня, а надо было торопиться.

Вся армія была уже въ сборѣ. Всѣ торопились выйти изъ лѣса на большую дорогу, къ Луарѣ, спѣша поскорѣе переправиться на другой берегъ.

Генри лежалъ по прежнему на своемъ соломенномъ тюфякѣ, съ открытыми глазами. Дыханіе вырывалось изъ груди его со свистомъ. Онъ и сегодня не узналъ меня... Повидимому, онъ былъ въ горячкѣ.

Медлить нельзя было ни минуты. Всѣ торопились къ Луарѣ, точно на другомъ берегу ихъ ожидало спасеніе.

Бошанъ закуталъ безпомощное тѣло Генри въ чью-то старую изорванную шинель, примостилъ поудобнѣе его голову и, позвавъ четырехъ крестьянъ, велѣлъ имъ нести соломенный тюфякъ, на которомъ лежалъ ихъ вождь, вслѣдъ за арміей.

Добрые люди старались нести тюфякъ какъ можно осторожнѣе; но, не смотря на это, всякое неловкое движеніе ихъ вырывало изъ груди Генри стоны.

Бошанъ шелъ подлѣ носилокъ, съ Люсилью на плечѣ, я брела, стараясь не отставать отъ этой печальной группы; но мои изодранныя въ кровь, распухшія ноги скоро отка-

зались повиноваться; а между тѣмъ, нигдѣ нельзя было достать ни одной свободной лошади, телѣги же были заняты ящиками съ порохомъ и ранеными.

Нѣкоторое время я еще подвигалась кое-какъ впередъ, сдерживая стоны; но, наконецъ, споткнувшись о камень, упала, и не была въ силахъ подняться.

Бошанъ стоялъ около меня, сознавая свое полное безсиліе; Люсиль плакала, носильщики остановились, чтобы выразить мнѣ сочувствіе, а мимо насъ проходили люди, проѣзжали раненые, ѣхали обозы со всякой рухлядью, порохомъ, ружьями. Мы рисковали остаться одни на большой дорогѣ, по которой сейчасъ должны были прослѣдовать республиканцы.

— Вы бы посадили барыню въ телѣжку съ военной кассой,—бросилъ кто-то по пути совѣтъ Бошану,—совѣтъ, который и спасъ намъ всѣмъ жизнь.

— Боже мой, какъ это мнѣ самому не пришла въ голову такая простая вещь?!—кричалъ Бошанъ, посадивъ возлѣ меня Люсиль и догоняя обозы.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже возвращался къ намъ на большомъ сундукѣ, поставленномъ поперекъ телѣги, и меня водворили на его мѣсто.

А народу, по пути, все къ намъ прибывало да прибывало.

Бѣглецы, прятавшіеся въ кустарникахъ, выходили оттуда, чтобы подъ нашей защитой перебраться на другой берегъ Луары; крестьяне раззоренныхъ деревень бѣжали въ нашъ обозъ, мечтая о „томъ же берегѣ Луары". Иные бѣжали въ нашъ станъ разыскивать пропавшихъ родныхъ, другіе привозили порохъ, награбленный у синихъ; иные подъѣзжали съ фургонами провизіи.

Наша отступающая армія представляла странную картину!

Казалось, это—кочевало племя дикихъ цыганъ, а вовсе не французовъ. Тутъ можно было видѣть самые странные, фантастическіе костюмы. На плечахъ солдатъ, вмѣсто плащей, пестрѣли одѣяла, женскіе разноцвѣтные капюшоны покрывали ихъ головы; на иныхъ были даже восточные тюрбаны, очевидно, добытые изъ какого-нибудь разграбленнаго музея... Какой-то горожанинъ прибѣжалъ къ намъ въ прокурорской тогѣ, а на головѣ, поверхъ шерстяного колпака, у него была дамская широкополая шляпа.

На третій день нашего пути угнетенное состояніе Генри

вдругъ смѣнилось буйнымъ бредомъ. Онъ кричалъ, командовалъ, порывался вскакивать съ носилокъ, у которыхъ утомленные носильщики безпрестанно мѣнялись. Иногда онъ успокоивался; но начиналъ стонать такъ мучительно, что я молила Бога снова послать ему забытье...

Наконецъ, нашъ кортежъ подошелъ къ Луарѣ и присоединился къ огромной толпѣ, расположившейся бивакомъ на берегу, въ ожиданіи перевоза.

Ждать приходилось довольно долго, потому что въ распоряженіи перевозчиковъ было всего съ десятокъ дрянныхъ баркасовъ, сновавшихъ постоянно отъ одного берега рѣки къ другому. Какъ на бѣду, разливъ Луары былъ этой весной очень силенъ, и, при стремительномъ теченіи рѣки, переправа была далеко не безопасна.

Бошанъ оставилъ меня съ дѣвочкой около Генри, а самъ пошелъ къ баркасамъ. Черезъ полчаса онъ вернулся съ какимъ-то рыбакомъ, въ которомъ я съ трудомъ узнала кюре Сенъ-Пьера.

Старикъ пожалъ мнѣ руку, подошелъ къ соломенному тюфяку, на которомъ лежалъ Генри, и долго стоялъ возлѣ него, понуривъ голову.

— Вотъ какъ пришлось встрѣтиться!—сказалъ онъ, наконецъ,—а сколько было надеждъ и упованій...

— Онъ не приходитъ въ себя?—спросилъ кюре.

— Онъ до сихъ поръ еще ни разу не былъ перевязанъ,—отвѣчала я, глотая слезы.

— Боже мой, да вѣдь рана, вѣрно, уже загноилась! Я бы сдѣлалъ перевязку, но у меня нѣтъ никакихъ инструментовъ.

Кюре смочилъ рубаху Генри водой, отлѣпилъ присохшее полотно и долго смотрѣлъ въ зіяющую глубину кровавой раны. Генри стоналъ.

Я не могла слышать этихъ стоновъ и, закутавъ голову въ шаль, упала ничкомъ на землю.

— Вы хотите переѣзжать на тотъ берегъ? — спросилъ кюре, садясь около меня.

— Что же дѣлать иначе?—отвѣчала я, приподнимая голову.

— Теперь и оттуда идутъ уже тревожные слухи; говорятъ, синіе переводятъ войска на ту сторону, чтобы совсѣмъ разсѣять нашу армію... Не лучше ли вамъ идти обратно?

— Но вѣдь по пятамъ за нами гонятся также отряды синихъ,—сказалъ Бошанъ:—и ужъ если погибать, такъ вмѣ-

стѣ! Идутъ же всѣ за чѣмъ-то за Луару? Неужели всѣ стремились бы туда, если бы и тамъ предстояла опасность?

— Вчера мы убѣждали всѣхъ пришедшихъ, чтобы они вернулись обратно въ свои деревни; но никто насъ не слушаетъ! Слѣпой страхъ гонитъ ихъ впередъ и впередъ. А что предстоитъ имъ впереди? Если даже имъ удастся избѣжать встрѣчи съ синими,—что они будутъ дѣлать среди чужихъ людей, у которыхъ весной и для себя-то не хватаетъ хлѣба?

— Они наймутся временно на полевыя работы, и потомъ вернутся къ себѣ, когда все успокоится,—сказалъ Бошанъ.

— А свои-то поля оставятъ невоздѣланными!—замѣтилъ кюре, качая головой,—и будутъ голодать всю зиму?

— Что подѣлаешь, видно такъ Богъ хочетъ, — сказалъ Бошанъ.

— Какъ знаете,—сказалъ кюре, вставая,—только я долженъ еще разъ повторить вамъ, что за Луарой такъ же опасно, какъ и здѣсь... Но если ужъ вы рѣшились, я перевезу васъ завтра утромъ, когда толпа еще будетъ спать... для господина де-Морильона понадобится цѣлый баркасъ, а днемъ достать его рѣшительно невозможно.

— Развѣ вы занимаетесь перевозомъ?—спросила, я удивившись.

— Да, пришлось взяться за это дѣло вмѣстѣ съ нѣсколькими другими священниками, также не принявшими конституціонной присяги.

— И какъ ловко господинъ кюре управляетъ веслами,—воскликнулъ Бошанъ:—точно родился на морѣ!

— Что дѣлать, другъ мой, — возразилъ кюре съ улыбкой:—бѣда всему учитъ... Кто бы перевозилъ безъ насъ это трусливое, несчастное стадо! Я засталъ ихъ толпившимися на берегу, безъ баркасовъ, безъ лодокъ... отъ страха они готовы были броситься въ воду и плыть до „того берега", на которомъ ожидали ихъ тѣ же страхи... И такъ, до свиданія, завтра утромъ жду васъ у перевоза.

Кюре ушелъ.

Я обдумывала его совѣтъ, не зная, на что рѣшиться... Если за Луарой такъ же опасно, какъ и здѣсь, такъ зачѣмъ же туда и ѣхать? Неужели невозможно стряхнуть съ себя ту панику, которая охватила всѣхъ? Неужели нужно непремѣнно плыть за общимъ теченіемъ?

Опять я почувствовала себя отвѣтственной за свое поведеніе передъ мужемъ и дочерью; но, не привыкшая ни къ

малѣйшей самостоятельности, терялась, не зная, на что рѣшиться.

— Бошанъ, — начала я робко, — зачѣмъ намъ ѣхать дальше, если и тамъ насъ встрѣтятъ синіе?

Бошанъ въ это время стоялъ на колѣняхъ передъ Люсилью и заботливо и серьезно вытиралъ дѣвочкѣ мокрымъ полотенцемъ лицо и руки.

Онъ сперва кончилъ свое дѣло, посадилъ дѣвочку на одѣяло, далъ ей кусокъ хлѣба и уже тогда отвѣчалъ мнѣ довольно строго.

— Э, госпожа, такъ не годится! Надо что-нибудь дѣлать, или уже ничего не дѣлать... Сегодня вамъ кюре скажетъ, чтобы вы не ѣхали за Луару, и вы не поѣдете, а завтра кто-нибудь другой посовѣтуетъ ѣхать... что же, вы и его послушаете?

Я молчала, чувствуя всю справедливость упрека.

— Подумайте-ка сами, — продолжалъ онъ, нѣсколько мягче,—что мы будемъ здѣсь дѣлать? Войско синихъ, съ которымъ мы дрались, знаетъ въ лицо господина Генри... хорошо ли будетъ съ ними встрѣтиться? Я думаю, они насъ по головкѣ не погладятъ...

— Это вѣрно... вѣрно...—прошептала я, задрожавъ.

— А за Луарой войско новое, свѣжее, оно не знаетъ никого ни въ лицо, ни по фамиліи,—тамъ скрыться гораздо легче...

— Но гдѣ же мы тамъ спрячемся, Бошанъ?

— А въ нѣсколькихъ миляхъ отъ берега есть замокъ тетки покойнаго графа де-Бопре, госпожи Лебрассъ,—вотъ, туда и проберемся! Да что тутъ говорить! По моему, надо прежде кончать дѣло, а тамъ ужъ видно будетъ, хорошо ли вышло, или плохо. Не думайте, Бога ради, ни о чемъ, госпожа! Старайтесь поѣсть и заснуть... А пока посидите возлѣ графа, я пойду раздобыть мяса, чтобы сварить ему бульону... У него со вчерашняго дня во рту ничего не было.

Старикъ ушелъ.

Люсиль, окончивъ ужинъ, заснула на своемъ одѣялѣ, я сидѣла около Генри, прислушиваясь къ его дыханію; а вокругъ сновала масса народу, озлобленнаго, озабоченнаго, голоднаго, нетерпѣливаго отъ сраха и неизвѣстности...

И всю эту суматоху прикрывала теперь тихая, весенняя ночь, медленно сходившая съ неба на нашъ безпокойный лагерь.

Постепенно загорались костры во всѣхъ направленіяхъ берега и дымные столбы дрожащаго огня отразились въ водѣ. На небѣ засверкали звѣзды, въ лѣсу защелкали соловьи; откуда-то, издалека, вѣтеръ донесъ призывный звукъ церковнаго колокола... Неужели такъ близко отъ насъ ютилась гдѣ-то деревушка, тихая и смирная, въ которой уже звонили angelus!..

— Вотъ, сударыня, я принесъ и провизію, — раздался за мной бодрый голосъ Бошана:—будетъ тутъ и господину Генри, и вамъ; перепадетъ кое-что и на мою долю... Приподниму-ка я господина графа, а вы его покормите. А тамъ поѣдимъ и сами, да уснемъ, чтобы съ новыми силами завтра пуститься въ путь.

Еще до восхода солнца мы были уже перевезены на другой берегъ Луары.

Кюре пожалъ руку безчувственнаго Генри и сказалъ Бошану.

— Сегодня ночью получились свѣдѣнія о новой схваткѣ нашихъ съ синими... Республиканцы ушли дальше; но совершенно загородили дорогу въ глубь страны, имѣйте это въ виду при своемъ путешествіи.

— Какъ же они могли загородить дорогу? — съ недовѣрчивой усмѣшкой спросилъ Бошанъ,—развѣ нельзя пойти въ обходъ?

— Подробностей не знаю; говорятъ они ее *„зажгли“*.

— Зажгли? Дорогу?—и опять упрямая усмѣшка появилась на лицѣ Бошанъ.

— Прощайте! — закричалъ намъ кюре, и баркасъ его быстро поплылъ на прежній берегъ, къ нетерпѣливо ожидавшей его толпѣ.

— Странно,—бормоталъ Бошанъ, качая головой:—какъ это зажечь дорогу? Какой-нибудь дуракъ выдумалъ, а нашъ кюре и повѣрилъ.

Однако, въ справедливости необыкновеннаго извѣстія намъ пришлось убѣдиться въ тотъ же день, послѣ полудня.

Не отошли мы и двухъ лье отъ Луары, какъ заслышали запахъ горѣлаго лѣса.

— А вѣдь гдѣ-то горитъ! — крикнулъ кто-то изъ крестьянъ, несшихъ соломенный тюфякъ, на которомъ лежалъ Генри.

— Ну, такъ что жъ?—возразикъ упрямый старикъ равнодушно:—извѣстно, костеръ, армія пищу варитъ.

— Нѣтъ, пріятель, — возразилъ проходившій мимо солдатъ:—это костеръ, на которомъ синіе собрались изжарить всю нашу армію.

— Вѣрно, также хочешь сказать, что они зажгли дорогу?—сказалъ Бошанъ;—но какъ это такъ дорогу зажечь?

— А очень просто: нарубили лѣсу, вымостили имъ нѣсколько лье, между бревнами нанесли сухого хворосту, потомъ и зажгли...

— Вотъ оно что?—растерявшись, бормоталъ Бошанъ.

Дорога, шоссированная и утрамбованная, извивалась узенькой змѣйкой между двумя трясинами, покрытыми чудеснымъ изумруднымъ мохомъ. Другого пути не было. Приходилось или возвращаться назадъ къ Луарѣ, или идти по горячему костру, разведенному республиканцами. Несчастная разбитая армія предпочла послѣднее.

Мы подъѣхали къ дорогѣ, когда этотъ гигантскій костеръ уже былъ немного затушенъ.

Въ болотахъ виднѣлись огромныя обугленныя бревна, сваленныя туда бретонцами съ опасностью жизни; но горячая почва еще тлѣла и дымилась; каждый оборотъ колеса высѣкалъ изъ нея яркія искры.

— Тутъ пѣшкомъ не пройдешь,—сказалъ Бошанъ, чувствовавшій себя нѣсколько виноватымъ: — кто же могъ догадаться, что придумаютъ этакую чертовскую штуку?

— А ты бы видѣлъ, что было здѣсь вчера, пріятель,— замѣтилъ ему одинъ изъ крестьянъ въ толпѣ, которая, какъ и мы, не знала на что рѣшиться, — тутъ все горѣло! Нѣсколько лошадей взбѣсилось и потонуло въ болотѣ...

— Сегодня уже проѣхали фургоны съ ранеными, — сказалъ другой, — въ нѣсколькихъ лье отсюда есть монастырь кармелитокъ... Монахини не смѣютъ насъ принять къ себѣ, но онѣ обѣщали прислать еще лошадей и повозокъ.

— Въ какой сторонѣ монастырь?—спросилъ Бошанъ.

— Налѣво, на берегу Луары; но только тамъ очень легко наткнуться на синихъ: они сторожатъ дорогу.

Бошанъ передалъ мнѣ Люсиль и пошелъ по указанному направленію.

Прошло нѣсколько томительныхъ часовъ; я уже начинала безпокоиться о судьбѣ старика, какъ вдругъ со стороны монастыря послышался лошадиный топотъ и громыханье колесъ. На дорогѣ появилось десятка два лошадей и нѣсколько ста-

ринныхъ колымагъ. Въ одной изъ нихъ, запряженныхъ парой, сидѣлъ Бошанъ и, стегая изо всей силы лошадей, стремительно летѣлъ къ тому мѣсту, гдѣ были мы.

— Кладите скорѣе господина де-Морильона,—говорилъ онъ, осаживая лошадей;—пока тамъ будутъ драться изъ-за лошадей, мы успѣемъ переѣхать дорогу и прислать фургонъ обратно... Вамъ же, сударыня, я приготовилъ лошадь, на которую вы сядете верхомъ... въ фургонѣ не будетъ мѣста: тамъ сядутъ носильщики и положатъ тюфякъ съ господиномъ Генри къ себѣ на колѣни. Я буду править.

Всѣ мы поспѣшно исполняли приказанія старика, потому что никто изъ насъ не зналъ, что дѣлать съ собою и съ другими.

Я поспѣшила сѣсть на лошадь, которую Бошанъ выпрягъ изъ фургона, взяла Люсиль къ себѣ на колѣни и поскакала впередъ, чтобы ѣхать рядомъ съ Генри.

Какъ мы ни торопились, но выѣхать первыми намъ не удалось. По дорогѣ уже тянулись фургоны, нагруженные людьми, ѣхали всадники по два, по три на каждой лошади, которыя метались отъ жара, высѣкая изъ подъ копытъ снопы искръ. А у всадниковъ за плечами были ружья, за поясомъ заткнуты пороховницы и заряженные пистолеты... Путь нашъ былъ не длиненъ, но такъ ужасенъ, что среди толпы царило гробовое молчаніе.

И вдругъ, молчаніе это было нарушено громкимъ, безумнымъ крикомъ:

— Анжелика!...

Я вздрогнула, выпустивъ поводья. Лошадь, копыта которой горѣли отъ раскаленной почвы, понесла меня впередъ... Я неслась куда-то, инстинктивно прижимая къ себѣ рыдавшую Люсиль, а за мной въ догонку также несся крикъ:

— Анжелика! Анжелика!

Мнѣ удалось, наконецъ, остановить лошадь; но когда я приблизилась къ фургону, то тамъ уже крики замолкли...

Съ трепетомъ подняла я глаза на Бошана, и лицо его сказало мнѣ, что я уже знала...

Все было кончено: Генри умеръ...

—Схватите повода!—кричалъ старикъ,—держитесь крѣпче, иначе, вы съ ребенкомъ упадете на землю, и васъ раздавятъ ѣдущіе сзади.

Я машинально повиновалась. Держать повода казалось мнѣ теперь самой важной вещью въ мірѣ, и я держала ихъ.

всѣ силы сосредоточивъ на томъ, чтобы держать крѣпче эти повода, чтобы смотрѣть за лошадью, которая хотѣла нести меня куда-то, зачѣмъ-то...

Наконецъ, путь былъ конченъ. Мнѣ говорили потомъ, будто онъ продолжался всего нѣсколько минутъ, но мнѣ онъ кажется вѣчностью!

Я сошла съ лошади и сѣла, прислонясь къ дереву.

У фургона суетился Бошанъ, распоряжаясь носильщиками, подлѣ меня плакала Люсиль, прося чего-то; но я не имѣла силы ни двинуться съ мѣста, ни выговорить слова.

Чей-то голосъ, чужой, жестокій, безжалостный, говорилъ совершенно явственно: „Ужъ роютъ могилу"...

— Не хочу, не хочу...—кричала я, затыкая уши; а Люсиль, глядя на меня, рыдала еще сильнѣе.

Бошанъ подошелъ ко мнѣ, говорилъ что-то, но я не понимала ничего.., Онъ поднесъ къ моимъ губамъ какую-то фляжку: это была водка. Въ первый разъ почувствовала я у себя на губахъ этотъ жгучій напитокъ, и мнѣ показалось, что онъ обжегъ мнѣ губы.

— Ничего, ничего,—бормоталъ онъ.—Подкрѣпитесь... Я разбавлю водой.—И онъ ушелъ искать воды; но такъ какъ по близости колодца не оказалось, то онъ набралъ воды изъ колеи, полной недавно выпавшимъ дождемъ и принесъ мнѣ въ большой рюмкѣ. Я выпила мутную жидкость, упала на траву и уснула мертвымъ сномъ.

Утромъ надо было ѣхать дальше. Фургонъ пришлось отослать и я пошла къ лошади, стараясь не смотрѣть направо, гдѣ, подъ развѣсистой ивой, возвышался маленькій сырой холмикъ съ крестомъ изъ неоструганныхъ тоненькихъ вѣтокъ.

Но Бошанъ, взявъ меня за руку, какъ маленькаго ребенка, подвелъ меня къ могилѣ проститься съ прахомъ мужа.

Я опустилась на колѣни передъ холмикомъ, но плакать не могла. Такъ я и отошла отъ могилы, точно одеревенѣвъ отъ горя.

Тогда Бошанъ взялъ Люсиль на руки и, поднеся ее къ могилѣ и наклоняя головку дѣвочки къ землѣ, сказалъ: „Поцѣлуй, дитя, землю, гдѣ лежитъ твой папа"...

Мы поѣхали дальше.

До замка маркизы Лебрассъ, дѣйствительно, было недалеко; но онъ былъ разрушенъ; отъ прежняго великолѣпія остались только камни, да тлѣвшія головешки.

Очевидно, схватка происходила недавно, потому что въ паркѣ мы наткнулись на лужайку, гдѣ лежало нѣсколько тѣлъ въ республиканскихъ мундирахъ. Я топтала копытами эти беззащитные, не похороненные трупы, чувствуя при этомъ какое-то дикое злорадство.

Я была близка къ сумасшествію. Мы двигались безъ цѣли и смысла то впередъ, то назадъ, кружась на небольшомъ пространствѣ въ нѣсколько лье.

Иногда въ толпѣ раздавался крикъ:

— Синіе! синіе!

И всѣ разсыпались въ разныя стороны. Иногда тѣ же трусы нападали на республиканцевъ, чтобы раздобыть себѣ пищи.

Ночевали въ полѣ, въ лѣсу, на сѣнѣ или соломѣ; перестали пускать насъ въ избы, опасаясь мести синихъ.

Но на одной мельницѣ люди оказались добрѣе. Насъ не только пріютили, накормили, но даже хотѣли-было оставить ночевать, какъ вдругъ на сѣновалъ вбѣгаетъ дѣвочка, лѣтъ двѣнадцати, съ какими-то непонятными жестами и бормоча что-то.

— Это моя нѣмая дочка,—сказала хозяйка;—она говоритъ вамъ, что синіе близко и могутъ васъ выслѣдить...

— Откуда-жъ это она узнала?—спросилъ Бошанъ.

— А у насъ собаки пріучены; какъ завидятъ у околицы синіе мундиры, такъ и бѣгутъ съ лаемъ въ деревню.

— Я не встану, пусть убиваютъ, — сказала я равнодушно.

— И мнѣ все равно,—прибавилъ Бошанъ,—а ребенка спрячемъ.

— Какъ знаете, только потомъ на насъ не пеняйте,— сказала, уходя, хозяйка.

Черезъ нѣсколько времени мы услыхали шаги нѣсколькихъ человѣкъ, поднимающихся къ намъ на сѣновалъ, раздѣленный перегородкой на двѣ половины.

— Обшаривай углы! — раздался вблизи хриплый голосъ;—говорятъ, здѣсь спрятались разбойники.

Нѣсколько пикъ прокололи сѣно изъ-за перегородки.

— Бросьте, господа, ну ихъ!—сказалъ кто-то,—устали мы до смерти! Не убѣгутъ отъ насъ, поймаемъ и завтра.

— Это вѣрно,—отвѣчалъ другой голосъ,—тутъ хорошо и тепло... Можно отлично выспаться!

Тутъ „синій“ зѣвнулъ и растянулся на сѣнѣ въ двухъ ша-

гахъ отъ меня; товарищи послѣдовали его примѣру и скоро ихъ мирный храпъ донесся до насъ изъ-за перегородки.

Мнѣ припомнилась ночь, проведенная мною въ крестьянской избѣ,—та первая ночь внѣ дома, полная неопредѣленныхъ страховъ, безсмысленныхъ ужасовъ... Если бы мнѣ кто-нибудь тогда предсказалъ, что я должна буду лежать въ двухъ шагахъ отъ „синихъ", пришедшихъ изловить меня, что было бы со мною!

А теперь?

Теперь я повернулась на другой бокъ, и крѣпко уснула.

Утромъ рано явилась на сѣновалъ хозяйка мельницы и таинственно прошептала:

— Уходите скорѣй! Синіе только-что встали и ужъ обшариваютъ весь домъ... Спасайтесь, пока не догадались, что вы спали рядомъ съ ними.

— Но куда же мы дѣнемся? — воскликнулъ Бошанъ,— надоѣло бѣгать взадъ и впередъ по Божьему свѣту, ужъ изловили бы они насъ, что-ли?

— Ахъ нѣтъ, нѣтъ!—зашептала хозяйка,—я не могу допустить этого... они сожгутъ въ отместку нашъ домъ...

— Нельзя ли вамъ на время оставить у себя мою дѣвочку?—сказала я,—несчастный ребенокъ такъ истомился, что таскать его съ собой дольше невозможно. Возьмите Люсиль, прошу васъ, вы сдѣлаете мнѣ большее благодѣяніе...

Малютка посмотрѣта на меня съ укоромъ, покачала головой и разразилась рыданіями.

— Я не останусь, я не пойду къ чужой женщищинѣ,—лепетала она порывисто;—если я тебѣ надоѣла, мама, брось меня въ лѣсу, Люсиль съѣдятъ волки.

— Не плачь, дѣвочка,—сказала ей хозяйка,—я не могу тебя пріютить: синіе запрещаютъ брать къ себѣ дѣтей разбойниковъ.

— Куда же намъ дѣваться?

— Бѣгите въ лѣсъ,—посовѣтовала хозяйка,—тамъ есть огромное старое дерево, въ дуплѣ котораго вы можете свободно помѣститься съ своей дочкой...

— А куда же я дѣнусь?—сказалъ Бошанъ.

— Вы можете остаться у насъ, я скажу, что вы пріѣхали молоть муку... Синіе ищутъ только госпожу съ дѣвочкой.

Мнѣ ничего не оставалось больше, какъ согласиться. Хозяйка была такъ напугана, что я сама хотѣла поскорѣе бѣжать отсюда, опасаясь новой бѣды.

Выйти прямымъ путемъ было нельзя, потому что нѣсколько оконъ дома, гдѣ хозяйничали синіе, выходили на дворъ, поэтому, намъ пришлось вылѣзать изъ сарая по лѣстницѣ черезъ слуховое окошко.

Внизу встрѣтила насъ маленькая нѣмая, которая улыбалась, кивала головой и указывала на лѣсъ, жестами приглашая поторопиться.

Лѣсъ былъ тотчасъ же за огородомъ. Очевидно, многіе уже пользовались этимъ убѣжищемъ, потому что дѣвочка шла впередъ увѣренными шагами и черезъ нѣсколько минутъ подвела насъ къ огромному развѣсистому дубу. Затѣмъ, пошаривъ въ кустахъ, нѣмая отыскала тамъ небольшую веревочную лѣстницу, ловко взобралась съ нею на узловатыя вѣтви и бросила ее внизъ.

Приходилось взбираться...

Я полѣзла наверхъ, одной рукой держа Люсиль, другой хватаясь за вѣтки.

Черезъ минуту мы были уже въ своемъ новомъ жилищѣ, которое оказалось вовсе не такъ дурно; въ дуплѣ было много мягкаго сѣна, и такъ просторно, что я могла сидѣть, даже немного вытянувъ ноги.

Дѣвочка заглянула къ намъ, кивая головой, потомъ взглянула на небо и положила палецъ въ ротъ.

— Да, да, милая, принеси намъ ѣды!—сказала я ей въ отвѣтъ на это, точно она могла меня слышать.

Нѣмая кивнула еще разъ и исчезла. Я слышала, какъ она спрыгнула на землю, какъ прятала въ кусты веревочную лѣстницу; потомъ захрустѣли подъ ея ногами сухія вѣтви, и все стихло.

Такъ, я думаю, около полудня, по лѣсу раздалось хрустѣнье вѣтокъ, и черезъ минуту нѣмая нагнулась къ намъ, протягивая руку съ узелкомъ съ свѣжимъ хлѣбомъ и бутылкой теплаго молока. Улыбнувшись намъ, она жестами указала на деревню, какъ бы желая сказать, что туда идти еще опасно, и убѣжала. Стало темнѣть, пришла и ночь. Люсиль уснула у меня на колѣняхъ. Я сидѣла, прислушиваясь, не захруститъ ли вѣтка подъ ногами моихъ избавителей; но часы проходили, и никто не являлся.

Что, какъ хозяева оставили меня здѣсь нарочно, чтобы предать синимъ, а самимъ быть въ безопасности? Вѣдь сказала же эта злая женщина, что она не хочетъ нашей погибели только потому, что это случится въ ея домѣ. Я заплакала.

Люсиль проснулась отъ моихъ рыданій, и я едва могла успокоить ее. Дѣвочка, слава Богу, заснула опять.

Утромъ раздались чьи-то сдержанные шаги, прозвучали у самаго дерева, и стихли.

— Вы здѣсь, сударыня?—донесся до меня шопотъ Бошана.

— Здѣсь, здѣсь, дорогой мой!—отвѣчала я.

— Мнѣ говорили, что гдѣ-то въ кустахъ есть лѣстница; а я ее никакъ не найду,—говорилъ Бошанъ,—ну, все равно, я самъ выведу васъ изъ плѣна...

Онъ взлѣзъ на дерево, вынулъ изъ дупла Люсиль и положилъ ее на траву, а потомъ хотѣлъ сдѣлать то же со мною, но я оказалась потяжелѣе и мы оба упали на землю, къ великому удовольствію Люсили.

Ея дѣтскій, веселый смѣхъ казался такъ страненъ при нашемъ положеніи, что я вздрогнула. Бѣдная дѣвочка!

Я подошла къ Люсиль, схватила ее въ объятія, и сладкія слезы полились изъ моихъ глазъ. Онѣ облегчили меня; до сихъ поръ я не проронила слезы.

— Ну, сударыня, пора идти,—сказалъ Бошанъ;—я захватилъ съ собой провизіи на нѣсколько дней, теперь тепло, мы можемъ и не заходить въ деревни, а пробраться къ Луарѣ и переѣхать опять на свои мѣста.

— Правъ былъ кюре, Бошанъ, когда совѣтовалъ намъ остаться!

— Что дѣлать, я не могъ отступить отъ своего правила всегда кончать начатое дѣло... Да потомъ, кто его знаетъ, было ли бы лучше и тогда!

Мы вышли изъ лѣса; но долго идти я не могла и снова пришлось сдѣлать привалъ.

Мы присѣли на полѣ, гдѣ всходила уже прекрасная пшеница. Бошанъ сѣлъ ко мнѣ спиною, предложивъ о него опереться. Я положила голову къ нему на плечо, и задумалась.

— Бошанъ,—сказала я старику,—мнѣ пришла въ голову мысль, которая, вѣроятно, вызоветъ ваше негодованіе; но я все-таки ее вамъ скажу, чтобы посовѣтоваться.

— Вамъ не можетъ придти въ голову нехорошая мысль,—отвѣчалъ старикъ.

— Бошанъ, я такъ устала!.. Мнѣ такъ надоѣло скрываться, пугаться всякаго шелеста, все идти куда-то съ изодранными въ кровь ногами, что я чувствую себя не въ силахъ больше этого дѣлать.

— А какъ же иначе?

— Вонъ деревушка... Пойдемъ туда, будемъ жить, пока отдохнемъ хорошенько, не пугаясь имени синихъ...

— А если схватятъ?

— Ну такъ что-жъ? Лучше темница, лучше смерть, чѣмъ это мученье.

Старикъ долго молчалъ.

— Пойдемъ,—сказалъ онъ, наконецъ, вставая,—самъ я бы имъ такъ дешево не дался, но съ вами дѣло другое.

Мы прибрели къ деревнѣ и постучались въ первую попавшуюся избу. Изъ-за дверей выглянуло личико маленькой дѣвочки.

— Пусти насъ переночевать, малютка,—сказалъ Бошанъ.

— Дома никого нѣтъ, всѣ въ полѣ,—отвѣчала дѣвочка;— вы, вѣрно, разбойники, а у насъ въ деревнѣ живутъ синіе.

— Мы не боимся синихъ,—сказала я, входя въ домъ.

Черезъ минуту я уже лежала на жесткомъ, соломенномъ тюфякѣ, согрѣваемая пріятной теплотой торфа, который наполнялъ ѣдкимъ дымомъ избу, ѣлъ глаза и забирался въ легкія; но теперь мнѣ не было дѣла до такихъ пустяковъ! У меня была кровля, тюфякъ, на которомъ я могла растянуться, я не дрожала отъ холода, я была сыта и спокойна насчетъ дочери, и вовсе не боялась синихъ.

На слѣдующее утро насъ арестовали.

Въ тюрьмѣ я заболѣла; однако, благодаря небольшимъ удобствамъ, которыми меня окружили, я чувствовала себя теперь гораздо спокойнѣе, чѣмъ во время своихъ ужасныхъ скитаній и скоро стала поправляться.

Но, по мѣрѣ того, какъ я укрѣплялась физически, душевныя муки начинали терзать меня все сильнѣе и сильнѣе.

Я переживала вновь несчастія послѣднихъ мѣсяцевъ; я видѣла опять всѣ ужасы междоусобной войны; видѣла графа де-Бопре, лежавшаго навзничь около пушки; смотрѣла на Генри, умирающаго въ колымагѣ, которая трясется по тлѣющей дорогѣ... видѣла илистый холмъ съ крестомъ, пріютившійся подъ ивой...

Моего мрачнаго настроенія не могла разсѣять даже Люсиль, хотя ея веселый характеръ забавлялъ и развлекалъ не только всѣхъ другихъ женщинъ, сидѣвшихъ въ тюрьмѣ вмѣстѣ со мною, но и самихъ республиканцевъ. Ласковая дѣвочка завоевала всеобщую любовь. Ей дарили игрушки, кормили лакомствами, водили гулять въ городъ. Она

прибѣгала оттуда, полная живыхъ впечатлѣній, разсказывала всѣмъ новости, тормошила меня, и веселый голосокъ ея звонко раздавался во всѣхъ углахъ нашей тюрьмы.

Разъ сижу я у окошка, смотря на игры дочери, какъ вдругъ на дворѣ вижу старика Бошана.

Люсиль бросилась къ нему. Бошанъ взялъ ее на руки, поцѣловалъ и подошелъ къ моему окошку.

— Здравствуйте, сударыня, — давненько не видались,— сказалъ онъ весело,—какъ поживаете? Какъ видите, я, слава Богу, живъ и здоровъ! Вотъ вамъ радостная вѣсточка: война кончена, амнистія объявлена всѣмъ! Я уже свободенъ, и теперь надо хлопотать о васъ.

— Ахъ, Бошанъ, мнѣ ничего не надо,—отвѣчала я равнодушно.

— Что вы, что вы?—воскликнулъ старикъ,—не смотрите на меня такъ печально, помните, что послѣ дождя бываетъ ведро...

— Ничего не хочу помнить, Бошанъ! Я все стараюсь забыть...

— Ахъ, сударыня, сударыня, вамъ надо бы помнить хоть о дочери,—сказалъ Бошанъ строго;—развѣ ей мѣсто въ тюрьмѣ? Ужъ изъ-за нея одной вы должны постараться отсюда выйти.

Упрекъ дошелъ до моего сознанія; но не до сердца. Я равнодушно молчала.

— Аристократовъ освобождаютъ и помилываютъ не такъ легко, какъ простой народъ,—продолжалъ Бошанъ, увѣренный, что побѣдилъ мое равнодушіе;—поэтому-то вамъ надо лично попросить городской трибуналъ о своемъ освобожденіи.

— Я такъ слаба, что мнѣ трудно будетъ сдѣлать нѣсколько шаговъ дальше своей клѣтки...

— Ну, для этого силы должны найтись!—возразилъ Бошанъ; — свобода не такой пустякъ, чтобы для нея нельзя было потрудиться!

— Я не могу! Милый Бошанъ, не сердитесь на меня; повѣрьте мнѣ, если не хотите понять, повѣрьте, я не могу идти, я не съумѣю просить! Я такъ устала, такъ изнемогаю, что не въ силахъ даже движенія лишняго сдѣлать, хотя бы отъ этого зивисѣло все мое будущее счастіе.

Бошанъ посмотрѣлъ на меня очень печально.

— А знаете ли, что грозитъ всѣмъ, такимъ упрямымъ, какъ вы? Вѣдь такихъ переводятъ или въ Нантъ, гдѣ ужъ по головкѣ ихъ Каррье не погладитъ, а то повезутъ въ Парижъ, гдѣ тоже лучше не будетъ!

— Ахъ, мнѣ все равно! Я никому не сдѣлали зла; а если они захотятъ меня все-таки преслѣдовать, я противиться не стану... Говорю вамъ еще разъ, у меня нѣтъ силъ защищаться!

— Такъ я защищу васъ противъ вашей воли,—сказалъ старикъ, сердито топая ногою;—я и ваша дѣвочка, мы спасемъ васъ, не правда ли, Люсиль? Вѣдь ты хочешь освободить изъ тюрьмы свою маму?

— Зачѣмъ? Намъ и тутъ весело!—отвѣчалъ ребенокъ,—вчера мнѣ подарили такія вкусныя конфекты, а въ воскресенье поведутъ гулять.

— Ну, все-таки въ другомъ мѣстѣ тебѣ будетъ еще веселѣе,—сказалъ Бошанъ съ доброй улыбкой,—мы уѣдемъ къ твоей бабушкѣ, о которой мама твоя совсѣмъ забыла... У бабушки чудесный домъ передъ большимъ озеромъ, а на озерѣ много лодокъ, и на нихъ мы будемъ кататься...

Бошанъ мало-по-малу отходилъ съ Люсилью отъ моего окна къ воротамъ, и скоро скрылся за ними.

Я даже не окликнула его, не спросила, куда уноситъ онъ ребенка; все его поведеніе хотя и не казалось мнѣ естественнымъ, но не возбуждало моего вниманія. Я знала, что Люсиль съ нимъ въ безопасности, и больше ни о чемъ не думала. Я смотрѣла на нихъ, пока они мнѣ были видны, а потомъ закрыла глаза, погружаясь въ свою обычную усталую дремоту.

Прошло часа два, я все продолжала сидѣть, облокотившись о подоконникъ. Вдругъ въ тюрьмѣ засуетились; послышались какіе-то чужіе голоса, раздался шумъ шаговъ. Затѣмъ дверь моей камеры открылась и въ ней появилось нѣсколько веселыхъ республиканцевъ. На рукахъ у одного изъ нихъ сидѣла Люсиль, дружески обнимавшая его за шею.

— Это твоя мама, крошечная разбойница?—спросилъ ее этотъ человѣкъ.

— Ну, конечно, а развѣ вы сами не знаете?—отвѣчала дѣвочка;—она больная и я хочу увезти ее къ бабушкѣ въ деревню; Бошанъ говоритъ, что тамъ она поправится.

— У васъ, гражданка, очень умный и предпріимчивый ребенокъ,—сказалъ синій, привѣтливо мнѣ кланяясь.

— Это все, что мнѣ оставили въ жизни,—отвѣтила я.

— У васъ осталась еще молодость, здоровье, богатство и долгіе годы! Полноте смотрѣть на міръ такими мрачными глазами.

Я молчала.

— Знаете ли,—продолжалъ республиканецъ,—вѣдь эта маленькая птичка выхлопотала вамъ свободу?

— Мнѣ ничего теперь не нужно.

— Свобода нужна всѣмъ, гражданка, ваши слова очень ужъ малодушны... Положимъ, вы больны теперь; но, подумайте, вѣдь и болѣть на свободѣ куда пріятнѣе!

— Мама, не скучай! — сказала дѣвочка;—этотъ господинъ говоритъ, что мы можемъ уѣхать отсюда хоть завтра.

— Говори, дитя, не господинъ, а гражданинъ,—поправилъ ее одинъ изъ пришедшихъ, человѣкъ довольно свирѣпаго вида:—пріучайся съ юныхъ лѣтъ сбрасывать съ себя оковы рабства! Помни, что отнынѣ ты будешь жить въ странѣ, гдѣ нѣтъ ни господъ, ни рабовъ, а только одни свободные граждане.

Республиканцы любили говорить и слушать такія пышныя рѣчи. И теперь всѣ находившіеся въ моей камерѣ обратили глаза на оратора, благоговѣйно выслушивая то, что уже слышали, вѣрно, болѣе тысячи разъ за это время.

— И ты, гражданка,—продолжалъ ораторъ, обращаясь уже ко мнѣ, — должна искренно примириться съ республикой, потому что если она и отняла у тебя кой-какія пустыя побрякушки — привиллегіи, за то облегчила жизнь милліонамъ другихъ людей, которые раньше страдали подъ тяжестью несправедливости... Конечно, вы, аристократы, не на столько великодушны, чтобы примириться съ потерей своихъ побрякушекъ! Вы поднимаете народъ, вы учите его защищать собственное иго, которымъ вы давили его столько столѣтій... И несчастные вѣрятъ вамъ, они хотятъ убивать несущихъ имъ освобожденіе, стремятся снова надѣть свои цѣпи... Но правда торжествуетъ! Франція — добрая мать для всѣхъ своихъ дѣтей, хотя бы они были и неразумны. Франція защитила Вандею, не смотря на то, что та святотатственно подняла на нее руку! Великая Франція спасла свое заблудшее чадо, спасла противъ его воли!

— Да здравствуетъ Франція!—раздался вокругъ оратора восторженный кликъ.

Поощренный всеобщимъ восторгомъ, ораторъ хотѣлъ продолжать свою рѣчь, но республиканецъ, съ Люсилью на рукахъ, сказалъ ему мягко:

— Полно, Катонъ! Видишь, гражданка больна и ни въ чемъ передъ нами не виновата... Она вѣдь только слѣдовала за мужемъ, котораго любила.

Ораторъ, пожавъ плечами, замолчалъ. Молчали и всѣ въ камерѣ.

— Ну, дитя, разскажи-ка мамѣ, какъ ты за нее просила,—сказалъ Люсили ея пріятелъ.

— Какъ просила? Да просто... просила, и все тутъ,— отвѣчала дѣвочка.

— Ей кажется просто!—смѣясь, воскликнулъ республиканецъ,—и дѣйствительно, вышло все очень просто. Малютка пришла въ засѣданіе трибунала, пресерьезно стала передъ предсѣдателемъ и сказала ему необыковенно важно: „прошу васъ освободить изъ тюрьмы мою маму!“ Она была такъ мила въ эту минуту, что мы всѣ ею заинтересовались. „А кто твоя мама?“ спросили ее.—„Пойдемъ со мной, я покажу“, отвѣчала эта плутовка, и, такъ какъ засѣданіе уже кончилось, то многіе изъ насъ захотѣли пойти съ нею... Однако, намъ пора и уходить, прощай, малютка!

Республиканецъ поставилъ Люсиль на полъ. Дѣвочка не пускала его и спросила:

— А какъ васъ зовутъ? Я буду вспоминать васъ, когда уѣду отсюда.

— Какъ меня зовутъ?—переспросулъ республиканецъ,— раньше меня звали Жакомъ, но теперь я перемѣнилъ свое имя и зовусь Аристидомъ, въ честь одного великаго добродѣтельнаго грека.

— Отчего же тебѣ не понравилось имя Жакъ? Оно хорошенькое,—спросила Люсиль.

— Такъ сдѣлали у насъ всѣ, —смѣясь, отвѣчалъ другъ дѣвочки;—вотъ этого гражданина звали раньше Пьеромъ, а теперь онэ Сократъ, а этотъ,—онъ указалъ на свирѣпаго оратора,—прежде былъ Поль, а теперь Катонъ.

— Ну, а я буду помнить тебя Жакомъ, потому что то твое имя мнѣ и выговорить трудно, — сказала Люсиль и, кончивъ бесѣду, они разстались лучшими друзьями въ мірѣ.

— До свиданья, гражданка, — сказалъ республиканецъ, кланяясь мнѣ. — Завтра вы получите бумагу, которая дастъ вамъ свободу.

Въ самомъ дѣлѣ, утромъ въ моей камерѣ появилось нѣсколько человѣкъ съ трехцвѣтными шарфами. Въ числѣ ихъ были и наши вчерашніе знакомцы.

Люсиль кинулась къ своему другу, у котораго въ рукахъ была сложенная вчетверо бумага. Дѣвочка хотѣла выхватить у него этотъ драгоцѣнный листъ, но республиканецъ, смѣясь,

поднималъ высоко руку, и, какъ ни прыгала Люсиль, но никакъ не могла до него добраться.

— Ты должна съ малыхъ лѣтъ знать, — говорилъ ей этотъ добрый человѣкъ,—что въ мірѣ ничто не дается даромъ. Хочешь получить бумагу, такъ заплати за нее сначала.

— Что же ты за нее хочешь?—спросила дѣвочка, дрожа отъ нетерпѣнія.

— Хочу за нее какую-нибудь изъ твоихъ пѣсенокъ! Говорятъ, ты большая мастерица пѣть.

— О, да! да! Я умѣю пѣть,—подтвердила Люсиль, и это увѣреніе вызвало у всѣхъ добродушныя улыбки,—только я не знаю, что вамъ больше понравится?

Она озабоченно нахмурила лобъ, подошла ко мнѣ и, положивъ руки на колѣни, спросила.

— Мама, что же мнѣ спѣть этимъ господамъ?

— Что хочешь, дитя...

— Ахъ, знаю! знаю!—Люсиль отбѣжала отъ меня, хлопая въ ладоши,—я спою имъ военную пѣсенку... Только нужно, чтобы въ это время били въ барабаны, тогда выходитъ еще лучше!

Люсиль остановилась передъ слушателями и, пріосанившись, громко запѣла:

Друзья, давайте драться:
Людовика, вѣдь, надо защитить,
Республику намъ должно уничтожить,
И снова короля возстановить...
Да здравствуетъ король!
Республикѣ—погибель!

Дѣвочка пѣла громко, притопывая ногой и хлопая въ ладоши.

Боже мой! Это была пѣсня поселянъ-рекрутовъ, отправлявшихся противъ синихъ... Бѣдный ребенокъ, вѣроятно, выбралъ ее потому, что у насъ на родинѣ пѣніе этихъ строфъ сопровождалось всегда радостными криками... Люсиль перемудрила въ своемъ стремленіи доставить слушателямъ возможно большее удовольствіе.

Я хотѣла остановить ребенка, но побоялась, чтобы не было хуже. Сцены, одна другой страшнѣе, проносились въ моемъ воображеніи въ то время, какъ звонкій голосокъ Люсиль тщательно выводилъ рулады... Я видѣла себя уже въ Нантѣ передъ трибуналомъ кровожаднаго Карье; я видѣла

насъ на баркѣ, предназначенныхъ умереть въ волнахъ Луары, слышала крики неосторожной дочери, которую истязаютъ за ея смѣлость...

Но Люсиль сама перестала пѣть, замѣтивъ, что пѣсня ея не возбуждаетъ обычнаго восторга.

— Вамъ, вѣрно, не нравится? — сказала она полуобиженно полупечально,—а у насъ эту пѣсню пѣли очень часто, и даже кричали...

Въ камерѣ царило молчаніе.

Я полуоткрыла глаза, желая узнать, какое впечатлѣніе произвела на слушателей эта маленькая рѣчь; но, увидавъ мрачно-нахмуренныя лица, поспѣшила опять закрыть ихъ.

— А все-таки, вы должны отдать бумагу,—продолжала Люсиль,—вѣдь я спѣла вамъ пѣсенку, чего же вамъ больше.

— Возьми свою бумагу, бѣдное дитя ослѣпленныхъ роялистовъ,—сказалъ республиканецъ;—вѣдь, конечно, ты хотѣла намъ доставить удовольствіе.

— На, мама возьми!—воскликнула дѣвочка, бросая мнѣ на колѣни листъ, сложенный вчетверо.

Я облегченно вздохнула, точно очнувшись отъ ужаснаго кошмара.

Въ бумагѣ было слѣдующее:

„Свобода, равенство, миръ добрымъ, война злымъ, справедливость всѣмъ!

Дается амнистія гражданкѣ Анжеликѣ, бывшей графинѣ де-Морильонъ, которая лично объявила трибуналу города Кутиль, что она пряталась во время междоусобной войны только для сохраненія собственной безопасности".

Затѣмъ слѣдовали подписи.

— Благодарю васъ, граждане!—сказала я, чувствуя, какъ слезы подступаютъ къ моимъ глазамъ,—благодарю васъ за ваше великодушіе относительно этого ребенка... Я считаю себя навсегда вамъ обязанной.

— Очень радъ, гражданка, что вижу на лицѣ вашемъ нѣкоторое пробужденіе къ жизни,—отвѣчалъ Аристидъ-Жакъ,—желаю вамъ мира душевнаго, который поможетъ вамъ перенести ваше горе; а въ будущемъ желаю вамъ еще и счастія.

Республиканецъ открылъ мнѣ дверь въ корридоръ... Я была свободна!

Я взяла за руку Люсиль и вышла изъ тюрьмы на площадь, залитую солнцемъ, наполненную щебетаньемъ птицъ

и шумными голосами толпы, въ праздничныхъ платьяхъ и съ праздничными лицами.

— Сегодня здѣсь гражданское торжество,—сказалъ Аристидъ-Жакъ,—народъ опять пересаживаетъ новое дерево свободы, вмѣсто того, которое было срублено разбойниками во время возстанія.

Я остановилась на крыльцѣ тюрьмы, ослѣпленная солнечнымъ свѣтомъ, одурманенная свѣжимъ воздухомъ, который, точно помимо моей воли, врывался въ легкія, разливая по тѣлу живительную радость... Куда идти? Я не знала! Я была свободна, здорова, но міръ казался мнѣ такъ огроменъ, такъ пустъ, такъ необъятенъ... Я была одна съ моей дѣвочкой...

— Прощайте, гражданка!—сказалъ республиканецъ,—мнѣ пора отправляться на площадь.

— Прощай, добрый гражданинъ,—залепетала Люсиль.—Я люблю тебя и хочу на прощанье хорошенько съ тобой поцѣловаться.

Аристидъ-Жакъ поднялъ дѣвочку вверхъ, въ уровень съ своимъ лицомъ, и они крѣпко, крѣпко поцѣловались.

— Мама! теперь и ты поцѣлуй его также, — сказала Люсиль, поставленная обратно на полъ.

Республиканецъ, улыбаясь, посмотрѣлъ на меня. Я протянула ему руку.

— О, гражданка!—сказалъ онъ, крѣпко ее пожимая,—неужели нужно было пролить цѣлыя рѣки крови только для того, чтобы, наконецъ, увидѣть, что минута примиренія наступила?

— Не знаю—отвѣтила я печально.—Я никогда не желала никому зла.

— Въ томъ-то и бѣда!—отвѣчалъ Аристидъ-Жакъ,—что здѣсь, какъ и во всякой войнѣ, больше всего страдаютъ невинные!

Затѣмъ онъ приподнялъ еще разъ свою шляпу, быстро сбѣжалъ со ступенекъ балкона и смѣшался съ толпой, которая окружала возрожденное дерево свободы.

Черезъ два дня мы были уже въ Дю-Турѣ, у тетушки Клары; но ея тамъ не оказалось: она уѣхала въ Швейцарію.

Вотъ, дорогая мама, все, что пережила ваша Анжелика за это время...

Сейчасъ я сижу на балконѣ, увитомъ виноградомъ; передо мной цвѣтущіе кусты розъ раскинулись нѣжнымъ, пестрымъ ковромъ до темной зелени парка; воздухъ напоенъ благоуханіемъ; синее небо опрокинулось надъ тихой землей, какъ хрустальная чаша; солнце цѣлуетъ цвѣты и листья; вѣтеръ ласково качаетъ ихъ изъ стороны въ сторону, вдали звенитъ веселая женская пѣсня...

Боже, помилуй меня! Боже, пошли миръ моей истерзанной душѣ!.. Отчего эта мирная картина кажется мнѣ сномъ? Отчего истерзанная душа моя не хочетъ отдохнуть здѣсь, вмѣстѣ съ природой? Отчего она все рвется воспоминаніями назадъ, къ тѣмъ скорбнымъ страницамъ прошлаго, которыя иногда ей кажутся дикимъ бредомъ?...

Но вотъ, ко мнѣ подходитъ Люсиль, загорѣлая, возмужалая, съ печатью не-дѣтской серьезности на продолговатомъ лицѣ...

— Мама, отчего ты все плачешь? Отчего ты такая печальная?—говоритъ мнѣ моя дѣвочка.—Скажи, мамочка!

Но, вмѣсто отвѣта, изъ глазъ моихъ падаютъ слезы,—падаютъ медленно, тяжело...

Темные глаза Люсили пытливо останавливаются на моемъ лицѣ. Она теребитъ мою руку, повторяя:

— Мама, скажи же мнѣ, отчего ты плачешь? Въ голосѣ ея начинаетъ звучать уже чувство обиды.

Я радостно прислушиваюсь къ этой новой, серьезной ноткѣ; мнѣ вдругъ кажется, что эта шестилѣтняя дѣвочка можетъ уже понять мою печаль, раздѣлить мое горе.

— Я вспоминаю прошлое, дитя,—отвѣчаю я со вздохомъ облегченія.

Лицо ребенка мѣняется. Она морщитъ лобъ, на который легло облако печали, она старается что-то припомнить; но вдругъ глаза ея свѣтлѣютъ, на лицѣ появляется плутоватая улыбка.

— Ахъ, мама! И я вспомнила... Какъ ты тогда смѣшно упала съ дерева! Помнишь?

Плутовка хлопаетъ въ ладоши, хохочетъ и выбѣгаетъ въ садъ, гдѣ увидѣла голубую бабочку.

Сердце мое сжимается отъ ревнивой печали. Какъ?! Она уже забыла отца, котораго такъ недавно потеряла; она помнитъ только то, что заставляетъ ее весело смѣяться?

Но и слава Богу, что она ничего не помнитъ, слава Богу, что на душу нашей малютки не легло бремя чужихъ

грѣховъ и ошибокъ! Пожелаемъ же ей сохранить эту невозмутимую ясность духа какъ можно дольше; вѣдь суровые житейскіе уроки и такъ лишатъ ее скоро такого рѣдкаго блага...

Вотъ и конецъ моему разсказу, моя дорогая! Скучно отрываться отъ бесѣды съ вами, она мнѣ служила большимъ утѣшеніемъ.

Прощайте, мама... или, нѣтъ, до свиданія!

Пожелаемъ другъ другу терпѣнія, пожелаемъ нашей измученной родинѣ мира и спокойствія... быть можетъ, тогда и на нашу долю выпадетъ радость свиданія...

Юлія Безродная.

ЗА АТЛАНТИЧЕСКИМЪ ОКЕАНОМЪ.

ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ ЛЮДВИГА КРЖИВИЦКАГО.

Переводъ съ польскаго **В. Чепинскаго**.

*(Продолженіе *).*

Съ однимъ спутникомъ я удаляюсь отъ батареи жней на территорію сосѣдней фермы. Жниво безъ рытвинъ и ровное, какъ полъ, служитъ намъ дорогой. Потомъ мы выѣзжаемъ на лугъ, который, при незначительной ширинѣ, тянется безъ конца и въ одну, и въ другую сторону и, словно рѣка, рѣзко выдѣляется своей зеленью среди желтаго пространства. На этой полосѣ нескошенной травы стоитъ деревянный домикъ, совершенно одинокій, на разстояніи двухъ, а можетъ быть, и болѣе верстъ отъ ближайшаго жилища. Это элементарная деревенская школа, а лугъ, тянущійся по обѣ стороны ея, представляетъ ту землю, которою надѣлено мѣстопребываніе первоначальнаго образованія. На этой полосѣ луговъ есть нѣсколько такихъ школъ, на разстояніи четырехъ англійскихъ миль другъ отъ друга. Вблизи не видать ни одного деревца, никакой дороги, ни даже тропинки! Повсюду кругомъ разрослись лишь пышныя травы степного пространства. Мы сходимъ съ телѣги и стучимся въ двери, желая осмотрѣть внутренность деревенской школы. Къ сожалѣнію, напрасно! Никого нѣтъ, двери заперты на запоръ. Мнѣ приходится удовлетвориться тѣми подробностями, какія сообщаетъ сопровождающій меня дакотскій обыватель. Школы эти даютъ лишь первоначальное образованіе, притомъ самому молодому поколѣнію. Онѣ открыты только лѣтомъ, такъ какъ снѣжные заносы зимой преграждаютъ къ нимъ путь. Обученіе происходитъ лишь по воскреснымъ днямъ. Родители привозятъ сюда дѣтей, и въ то время, какъ сами они предаются забавамъ на лугу, мелюзга сидитъ въ избѣ и просвѣ-

---

*) См. «Міръ Божій», № 5, май 1896 г.

щается. Когда ребенокъ достаточно ужъ подросъ, родители отправляютъ его на зиму въ ближайшій городокъ, куда они очень часто и сами убѣгаютъ, спасаясь отъ деревенской скуки.

«Въ настоящее время мы можемъ похвалиться своей пшеницей, въ будущемъ же мы будемъ гордиться нашими школами!»—гордо заявилъ мнѣ мой проводникъ, когда мы, послѣ тщетнаго стука въ дверь, усаживались опять на телѣгу. Это не пустое хвастовство, лишенное всякаго основанія. Поселенцы на далекомъ Западѣ умѣютъ цѣнить благодѣянія просвѣщенія. Изъ всей территоріи штата выдѣлены три милліона акровъ земли, т. е. 6% всей площади, чтобы надѣлить ею школы. Просвѣщеніе получило въ собственность огромный капиталъ, изъ котораго можетъ черпать полной горстью и къ которому никто не смѣетъ прикасаться, кромѣ школьной администраціи. Въ настоящее время одна общественная школа приходится здѣсь на сто человѣкъ населенія.

Наконецъ, я нахожу ключъ къ загадкѣ, которая мучитъ меня съ самаго начала путешествія. Изъ окна вагона я видѣлъ въ полѣ небольшіе сѣрые домики съ заколоченными дверьми, и никакъ не могъ отгадать, какое они имѣютъ назначеніе. Я стою теперь какъ разъ передъ такимъ домикомъ. Это—небольшое четырехугольное зданіе съ рамой на томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно помѣщается дверь и куда вдвигается сверху одна доска за другой. Домикъ этотъ еще не имѣетъ крыши. Зерно изъ молотилки падаетъ прямо внутрь домика черезъ вышеупомянутую раму и, по мѣрѣ того, какъ уровень зерна повышается, вдвигается одна доска за другою, до самаго верху. Потомъ домикъ покрывается крышей. Въ болѣе крупныхъ имѣніяхъ существуютъ обыкновенно два такихъ домика. Находящійся здѣсь, вмѣстѣ со мной, американецъ не можетъ скрыть своего удивленія, видя, что я внимательно разсматриваю вещь, столь для меня необыкновенную. Это редакторъ земледѣльческой газеты, выходящей въ Грандъ-Форксѣ. Я разсказываю ему о нашихъ сараяхъ и кирпичныхъ амбарахъ. Янки удивляется маніи нашихъ помѣщиковъ, затрачивающихъ значительные капиталы совершенно непроизводительно. Я объясняю ему эту необходимость отсутствіемъ у насъ элеваторовъ и вообще характеромъ нашей хлѣбной торговли.

— Отчего же не строятъ у васъ домиковъ въ полѣ?—спрашиваетъ меня мой неумолимый спутникъ и записываетъ всѣ мои отвѣты. Онъ, должно быть, напишетъ въ своей газетѣ статью объ европейской рутинѣ.

Я пожимаю плечами и молчу. Но янки отнюдь этимъ не удовлетворяется и повторяетъ свой вопросъ.

— У насъ раскрали бы зерно,—отвѣчаю я и обрываю на этомъ разговоръ. Американецъ таращитъ на меня глаза, думая, что я смѣюсь надъ нимъ. Въ Америкѣ крадутъ милліоны въ банкахъ и шайки разбойниковъ съ цѣлью грабежа нападаютъ на поѣзда. Но кражи зерна тамъ не знаютъ: не существуетъ тамъ въ деревнѣ нищеты, которая принуждала бы къ этому.

28 августа, въ желѣзнодорожномъ поѣздѣ.

Поѣздъ идетъ обратно. Мы доѣхали до предѣловъ пшеничныхъ степей. На горизонтѣ глазъ нашъ видитъ пояса горъ. Тамъ уже не воздѣлываютъ пшеницы, а занимаются исключительно скотоводствомъ. Взоръ, утомленный видомъ жнивья, отворачивается отъ пейзажей, которые проносятся мимо оконъ.

Своеобразный это уголокъ земли. Дакота въ настоящее время имѣетъ всего 200.000 жителей, а изъ этого числа, по крайней мѣрѣ, 10% надо отнести на счетъ городского населенія. Эта горсть людей произвела въ прошломъ году такое количество пшеницы, что на долю каждаго жителя, безъ различія возраста и пола, жилъ-ли онъ въ городѣ или на фермѣ, выпало въ среднемъ 200 долларовъ брутто. Прибавьте къ этому еще стоимость другихъ сборовъ съ пашни и съ пастбищъ, такъ какъ другая, гористая половина Дакоты производитъ совершенно другіе продукты. Производительность человѣческаго труда проистекаетъ не только изъ плодородія почвы: она не менѣе, если не болѣе, обязана этимъ желѣзнымъ рукамъ, которыя хватаютъ колосья, этимъ бритвамъ, которыя ихъ срѣзаютъ, и другимъ желѣзнымъ чудовищамъ, призваннымъ земледѣльцемъ на помощь. На равнинахъ Дакоты занимается заря новаго будущаго въ земледѣліи. Все тамъ иначе дѣлается и имѣетъ другой видъ, нежели у насъ. Возьмемъ для примѣра хотя-бы тамошнее крестьянское поселеніе, т. е. такое, владѣлецъ котораго воздѣлываетъ землю собственными руками и не нанимаетъ рабочей силы со стороны. Оно занимаетъ, приблизительно, около 75 десятинъ, считая по нашему. Жнея-вязальщица въ теченіе одного дня можетъ скосить хлѣбъ съ 20 акровъ земли и связать его въ снопы. А потому фермеръ, если только у него имѣется помощникъ въ лицѣ сына подростка, можетъ въ четыре дня управиться со жнитвомъ, работая по восьми часовъ въ день. Работа, которая приноситъ столько заботъ нашему земледѣльцу, тамъ обходится безъ хлопотъ. Когда хлѣбъ уже уложенъ въ стоги, то пріѣзжаетъ предприниматель-механикъ, и если урожай былъ очень хорошъ, ему понадобится два дня, не болѣе, чтобы вымолотить всѣ сборы. Самая мѣшкотная работа—пахота.

Плугъ считается наиболѣе консервативнымъ орудіемъ въ земледѣльческомъ хозяйствѣ. Техническій прогрессъ какъ-то не сумѣлъ съ нимъ справиться. Но и для него пробилъ уже часъ! На большихъ фермахъ начинаютъ примѣнять паровой плугъ. Локомотивъ тащитъ за собою шесть сошниковъ и сразу вспахиваетъ довольно значительное пространство земли. Для небольшого поселенія это орудіе слишкомъ дорого, хотя, разумѣется, со временемъ появится и на его поляхъ. Конечно, фермеръ не станетъ заводить у себя такой дорогой машины—это было бы истиннымъ сумасбродствомъ и позволить себѣ его можетъ развѣ только какой-нибудь «передовой» помѣщикъ въ нашей странѣ. Найдется оборотливый предприниматель, который съ плугомъ будетъ объѣзжать болѣе мелкія фермы, подобно тому, какъ это въ настоящее время дѣлается съ молотилкой. Тогда фермеръ, владѣющій даже 150 десятинами и котораго Богъ благословилъ многочисленной семьей, сумѣетъ, если только захочетъ, обойтись безъ батраковъ!

Поистинѣ удивительныя стремленія развиваются на поляхъ Дакоты! Какъ нѣкогда отъ хозяйки ускользала одна домашняя обязанность за другою, захваченная расширяющимся круговоротомъ общественнаго раздѣленія труда, такъ и въ настоящее время подобный процессъ совершается на американской фермѣ. Механикъ освободилъ земледѣльца отъ молотьбы; вмѣсто сараевъ и амбаровъ, возвышаются странной формы элеваторы; наконецъ, быть можетъ, земледѣлецъ освободится отъ пахоты, и она перейдетъ въ чьи-нибудь руки изъ города! Это огромный переворотъ, который поведетъ далеко. Прежде, въ средніе вѣка, деревня представляла фундаментъ общественнаго строя, между тѣмъ какъ городъ имѣлъ небольшое значеніе, представляя лишь резиденцію свѣтской и духовной власти. Здѣсь, на далекомъ Западѣ, происходитъ обратное: деревня расплывается въ городѣ. Дѣло въ томъ, что эти техническія усоверщенствованія создаютъ пустоту въ деревнѣ. Фермеръ стремится къ очагамъ, гдѣ онъ можетъ найти общество и работу, и мало-по-малу пропитывается городскимъ, общественнымъ духомъ. Потомъ, разъ только самыя важныя работы исполняются людьми, пріѣзжающими сюда изъ города на нѣкоторое время, тогда такой земледѣлецъ, который воздѣлываетъ хлѣбъ только и сидитъ на фермѣ, становится пятымъ колесомъ въ телѣгѣ. Вотъ почему онъ и убѣгаетъ зимою съ фермы и отдаетъ своихъ муловъ на храненіе другому предпринимателю. Развѣ не можетъ, поэтому, наступить такой моментъ, когда въ степи не видно будетъ ни одного жилого дома, и только съ наступленіемъ весны раскинутся тамъ шатры и придутъ толпы изъ города, чтобы работать

въ полѣ и пользоваться чистымъ воздухомъ? Уже и въ настоящее время пріѣзжаютъ сюда—только не ради чистаго воздуха—наемные рабочіе, выписываемые большими фермами. А имѣнія, принадлежащія акціонернымъ обществамъ, уже буквально ведутся такимъ образомъ. На пространствѣ многихъ квадратныхъ миль въ теченіе цѣлаго года не слышно человѣческаго голоса, и лишь въ іюнѣ появляются здѣсь рабочіе, вооруженные косилками, автоматами для упаковки и прессомъ для выжиманія кирпичей изъ сѣна и, по истеченіи двухъ недѣль шумной жизни, на коврѣ изъ травы опять воцаряются тишина и безлюдіе.

Мы находимся на землѣ одной изъ секцій акціонерной фермы *Dalrymple'a*, пользующейся въ настоящее время всемирной извѣстностью. Она имѣетъ 70 тысячъ акровъ земли, въ томъ числѣ тридцать тысячъ пахатной! Тамъ служитъ цѣлая армія наемниковъ, организованная по военному образцу; вмѣсто нашихъ экономовъ, здѣсь имѣются механики, а чисто агрономическая наука здѣсь менѣе всего необходима. Дѣло въ томъ, что хозяйство здѣсь отличается удивительной простотой. Изъ году въ годъ весною пашутъ одни и тѣ же поля, не унаваживая ихъ; машина разбрасываетъ яровое зерно, которое, благодаря дѣйствію длинныхъ дней, свойственныхъ мѣстностямъ этой географической широты, можно косить уже во второй половинѣ августа; машина убираетъ хлѣбъ и вымолачиваетъ его. Плодоперемѣнная система здѣсь неизвѣстна; неизвѣстны также и другія изобрѣтенія такъ называемаго передового хозяйства. Впрочемъ, намъ приходится видѣть лишь немногое изъ разсказываемыхъ про эту ферму чудесъ. Мы стоимъ передъ паровой молотилкой, которая, какъ кажется, составляетъ шедевръ техники, ибо ни одна молотилка не требуетъ такого малаго количества рабочихъ силъ. Зерно падаетъ въ возы, которые тотчасъ же отъѣзжаютъ къ ближайшему элеватору и бросаютъ тамъ зерно въ раскрытую пасть этого послѣдняго. Такихъ амбаровъ имѣется нѣсколько въ имѣніяхъ *Dalrymple'a* и всѣ они стоятъ возлѣ желѣзной дороги.

Мы не долго остаемся на этомъ мѣстѣ. Повозки везутъ насъ версты за двѣ далѣе, чтобы показать намъ еще одну молотилку. Чего ради,—я этого, право, не знаю, развѣ что американцы хотятъ насъ убѣдить, что паръ окончательно воцарился на поляхъ Дакоты. Общество барышенъ сначала сопутствуетъ намъ на велосипедахъ, но потомъ скрывается изъ глазъ. Больше десяти этихъ снарядовъ стоитъ возлѣ элеватора. Велосипедъ, являющійся у насъ лишь игрушкой, сдѣлался въ Америкѣ орудіемъ, употребляемымъ для практическихъ цѣлей: въ Ньюіоркѣ я видѣлъ почтальоновъ, развозящихъ на немъ корреспонденцію.

29 августа, Hillsboro.

Небольшая станція, насчитывающая нѣсколько сотъ жителей. Когда мы очутились на ней, на землю спустились уже изрядные сумерки. Городокъ высыпалъ намъ на встрѣчу, чтобы принять насъ намъ прикалываютъ ленты, на которыхъ золотится колосъ пшеницы съ статистическимъ указаніемъ ежегодныхъ сборовъ на фермѣ Дальримпля. Само собою разумѣется, даже и въ этомъ американскомъ захолустьѣ существуетъ клубъ, который поспѣшилъ раскрыть передъ нами свои двери. Во тьмѣ ночной я едва отыскалъ деревянные мостки; иду по нимъ осторожно, ибо, сойдя съ нихъ, я очутился бы среди лужъ, ямъ и всякой сорной травы. Тутъ же стоятъ какіе-то деревянные балаганы. Одинъ изъ спутниковъ показываетъ мнѣ клубъ. Это деревянный домикъ, немного выше другихъ, первый этажъ котораго занятъ залой. Просторная комната съ эстрадой. Публика состоитъ изъ фермеровъ съ ихъ женами, на колѣняхъ у нихъ то здѣсь, то тамъ пищатъ малые ребята. Для подобнаго поселенія клубъ этотъ весьма значителенъ и ясно свидѣтельствуетъ о развитости общественной жизни. Здѣсь происходятъ политическія собранія и засѣданія масонскихъ ложъ, крестьяне-фермеры собираются сюда для развлеченія или для бесѣды. Быть можетъ, кто-нибудь изъ этихъ загорѣлыхъ, грубыхъ земледѣльцевъ подумаетъ о томъ, чтобы устроить здѣсь зимою университетскія лекціи! Вѣдь просвѣщеніе въ Америкѣ сходитъ съ своихъ мандаринскихъ высотъ и, выведенное изъ терпѣнія тѣмъ, что къ нему такъ медленно подвигаются, само идетъ на встрѣчу народнымъ массамъ. Сначала Индіана и Висконсинъ, а затѣмъ и Миннесота покрываются сѣтью «фермерскихъ институтовъ», образующихъ какъ бы подвижный крестьянскій университетъ. Въ небольшихъ городкахъ ближайшіе университеты обыкновенно устраиваютъ зимою филіи, и тамъ проходится популярный, но систематическій курсъ. Фермеры, освободившись отъ полевыхъ работъ, съѣзжаются сюда съ женами и дѣтьми, учатся и предаются забавамъ, однимъ словомъ, пріятно и съ пользою проводятъ зимній досугъ.

Кажется, я напалъ на слѣдъ той предупредительности, которую мы встрѣчаемъ здѣсь. Фермеръ далекаго Запада ропщетъ на желѣзнодорожныхъ тузовъ; тѣмъ не менѣе обоихъ ихъ связываетъ общность интересовъ. Въ свѣже-возникающихъ очагахъ культуры жизнь какъ бы взялась доказать, что земельная рента вовсе не представляетъ результата предусмотрительности собственника, а является лишь плодомъ общественнаго прогресса. Каждый пришлецъ, поселившійся на этой землѣ, всѣми силами хлопочетъ о

томъ, чтобы человѣческій потокъ, наплывающій сюда издалека и разливающійся по сосѣдству, оставилъ за собою, по возможности, болѣе толстый слой. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ больше прибываетъ колонистовъ, тѣмъ выше поднимаются цѣны на земли, и то, что вчера еще не стоило и гроша, сегодня цѣнится уже въ пятиалтынный. И мы, какъ кажется, привезены сюда лишь для того, чтобы потомъ въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ земного шара раструбить славу полей Дакоты. А тѣ, кто насъ везутъ, хвастаются своей заботливостью объ общественномъ благѣ передъ своими избирателями: «смотрите, какъ мы о васъ заботимся, и выбирайте насъ за это осенью въ конгрессъ!» Безусловно, мы являемся маріонетками, танцующими на аренѣ политической агитаціи, и сами того не подозрѣвая, произносимъ рѣчи для вящей пользы республиканцевъ и ихъ таможенной политики, а вмѣстѣ съ тѣмъ превозносимъ заслуги мѣстныхъ матадоровъ этого лагеря. Тамъ, гдѣ публика была впечатлительнѣе и понимала брошенныя полуслова, невозможно было замѣтить этого. Но въ Гиллисборо принимаютъ насъ крестьяне, которые, что бы тамъ ни говорили, даже и въ Америкѣ нуждаются въ томъ, чтобы класть имъ мудрость въ голову лопатой.

30-го августа, въ вагонѣ желѣзной дороги.

Часъ ѣзды, самое бо́льшее два, отдѣляетъ насъ отъ Миссисипи, и чѣмъ ближе къ рѣкѣ, тѣмъ болѣе роскошные виды раскидываются передъ нами. Мы находимся въ мѣстности естественныхъ парковъ. Поверхность изборождена тысячами холмовъ и тысячами котловинъ, среди которыхъ ютятся озера правильной круглой формы. Уже въ теченіе двухъ часовъ тянутся они по обѣимъ сторонамъ желѣзнодорожнаго пути, серебрясь въ зеленой оправѣ луговъ и рощъ.

Поѣздъ въѣзжаетъ на мостъ, висящій надъ пучиной. Это озеро Миннетонка, которое славится на всю заморскую республику. У пристани ждетъ насъ пароходъ, чтобы показать намъ прелести здѣшней природы. Дорогой намъ раздаютъ небольшія карты—это реклама одного изъ мѣстныхъ отелей, имѣющая въ виду нашу пользу и свою выгоду. Представимъ себѣ множество озеръ, большихъ и меньшихъ, разбросанныхъ невдалекѣ другъ отъ друга, между которыми шаловливая природа выдолбила тѣснины, а гдѣ она этого не сдѣлала, тамъ дѣло ея довершило человѣческое искусство. Такимъ образомъ, изъ соединенія множества озеръ возникла пучина Миннетонки. Поэтому, озеро отличается фантастическими формами, даже самое пылкое воображеніе едва ли могло

бы начертать болѣе причудливые контуры. Среди водъ торчатъ острова и островки, а порой въ лоно озера врѣзываются полуострова чудовищной формы. Можно подумать, что кто-то расположилъ эти языки земли, принявъ за образецъ могучее и вѣтвистое дерево. Поѣздка по озеру изобилуетъ неожиданностями. Пароходъ разсѣкаетъ прозрачную пучину, повидимому, закрытую со всѣхъ сторонъ. Два удара колеса—и передъ нами открывается тѣснина и, скользя по ней, глазъ замѣчаетъ другое безпредѣльное зеркало, мѣняющееся при лучахъ заходящаго солнца. Отъ одного рукава мы мчимся къ другому, отъ одного развѣтвленія къ другому. Берега словно играютъ съ нами: вотъ они приблизились къ пароходу, еще мгновеніе—и они умчались далеко, далеко, выгнувшись вправо и влѣво. А заходящее солнце еще усиливаетъ фантастичность картины: отъ холмовъ и языковъ протянулись длинныя тѣни, также изломанныя и искривленныя, и то, что уже было длиннымъ, кажется еще длиннѣе.

Вмѣстѣ съ силами природы, о красотѣ заботится и человѣческое искусство. Американецъ умѣетъ наслаждаться прелестями природы и, въ погонѣ за деньгой, не утратилъ чуткости къ красотѣ. Изъ роскошной зелени выглядываютъ виллы и домики, не менѣе фантастически разбросанные по берегамъ, перемежаются съ чащами, глядятся въ пучину, или же прячутся подъ лѣснымъ покровомъ за деревьями, и только тропинка къ водѣ, или скамейка, на берегу выдаютъ ихъ присутствіе. Какъ разъ противъ насъ расположился огромный отель безвкусной архитектуры съ крышей столь же изломанной и искривленной, какъ берега озера; кажется, что фронты этого отеля, мѣстами четырехъ-этажные, находятся на одномъ уровнѣ съ землею—до такой степени высота его уменьшается по сравненію съ чудовищной длиной корпуса. Говорить о комфортѣ нѣтъ надобности—онъ всегда неразрывно связанъ съ такого рода заведеніями. Надъ водами Миннетонки стоитъ около дюжины такихъ отелей, устроенныхъ согласно съ новѣйшими требованіями техники. Одни изъ нихъ расположились по берегамъ проливовъ, другіе отважились забраться даже на маленькіе островки, но всегда они одинаково значительны по своимъ размѣрамъ и вмѣщаютъ въ себѣ по сту и по нѣсколько сотъ номеровъ, не считая разумѣется, салоновъ, читаленъ, даже дѣтскихъ залъ. Не забыло своихъ обязанностей и государство, оно разбило публичные парки на полуостровахъ и островкахъ, сдѣлавъ ихъ такимъ образомъ доступными для всякаго. Вообще, въ Соединенныхъ Штатахъ можно считать за правило, что правительство дѣлаетъ достояніемъ націи уголки, отличающіеся своею красотою. Между прочимъ, въ этомъ

направленіи сдѣлано дѣло, которое только и возможно здѣсь, въ Америкѣ. Въ сѣверо-западномъ углу Віоминга разбитъ народный паркъ, занимающій пространство немногимъ меньше, чѣмъ штатъ Коннектикутъ на берегу Атлантическаго Океана. Среди дикой горной котловины льются воды озера Йеллостонъ (Yellowstone—желтый камень). Надъ нимъ громоздятся горы, изрѣзанныя въ твердыни, башни и башенки причудливой формы, раздѣленныя глубокими оврагами. Горные потоки и водопады, многочисленные гейзеры, расположенные террасами, густые лѣса, однимъ словомъ, самыя разнообразныя стихіи соединились для того, чтобы увеличить прелести этого *National park*, какъ съ гордостью говоритъ янки, чувствуя, что никто, кромѣ него, не дошелъ до идеи націонализаціи природы въ такихъ широкихъ размѣрахъ. Въ паркѣ выстроены отели, къ нему направляются желѣзнодорожныя линіи, съ каждымъ годомъ увеличивающіяся въ числѣ, и создаются всякія удобства. Педагоги поговариваютъ о томъ, чтобы дѣти со всѣхъ концовъ Соединенныхъ Штатовъ съѣзжались туда на лѣто, жили въ шатрахъ и изучали природу, упражняя свои мышцы и устраивая огромныя собранія.

Вернемся, однако, къ скромной нашей Миннетонкѣ. На берегу бѣлѣютъ пристани и отдыхаетъ безчисленное множество челновъ и яхтъ. Лѣтній сезонъ уже миновалъ, и холодъ порядочно даетъ себя чувствовать. Если бы не это, мы увидѣли бы другую картину. Въ іюнѣ бываетъ здѣсь шумно, на берегу того или другого рукава виднѣются лагери любителей рыболовства, надъ водами раздается музыка и крики гребцовъ, даже лѣтній университетъ на одномъ изъ островковъ читаетъ свои лекціи.

1-го сентября, Milwaukee.

Послѣдняя остановка! Мильвоке расположенъ на американской землѣ, но не янки образуютъ его населеніе. Оно состоитъ изъ нѣмцевъ, норвежцевъ и поляковъ и достигаетъ болѣе двухсотъ тысячъ человѣкъ. Всѣ кварталы, кромѣ торговаго, купаются въ зелени. Впрочемъ, я ошибся, такъ какъ необходимо сдѣлать еще одно исключеніе изъ этого правила, касающееся «польскихъ приходовъ». Изъ окна кареты я вижу одинъ изъ этихъ приходовъ, какъ на ладони. Небольшіе деревянные домики жмутся другъ къ другу, словно боятся американскаго одиночества. Меня поражаетъ ихъ архитектура, къ которой, впрочемъ, я уже достаточно присмотрѣлся въ Буффало. Къ двухъ-этажному зданію примыкаетъ другое, такой же ширины, но ниже, а къ этому послѣднему—третье, еще ниже. Такое зданіе можно принять за двѣ, три ступени, вынутыя изъ какой-нибудь огромной лѣстницы. Одно

лицо дало мнѣ ключъ къ рѣшенію этой загадки: каждая изъ этихъ ступеней возникала въ различное время, по мѣрѣ того, какъ хозяинъ оперялся. Такое объясненіе, повидимому, справедливо не во всѣхъ случаяхъ, потому что тутъ же кто-то сразу строитъ домъ въ формѣ лѣстницы. Быть можетъ, позднѣйшіе пришельцы, заставъ здѣсь такую архитектуру, не доискивались ея причинъ, но безъ обиняковъ сказали себѣ, что таковъ уже обычай «новой страны», и стали подражать ему, не желая выдавать себя за *greener'овъ*. Окруженный этими небольшими домиками, храмъ Божій кажется тѣмъ бо́льшимъ великаномъ и своею непропорціональностью придаетъ всей картинѣ видъ, мало согласующійся съ американскимъ духомъ. Особенно поражаютъ тяжелыя, неуклюжія башни. Не будемъ, однако, относиться презрительно къ этому сооруженію. У нашего американскаго соотечественника есть своя амбиція, и онъ хлопочетъ о томъ, чтобы въ Новомъ Свѣтѣ его не приняли Богъ знаетъ за кого. Конькомъ этой амбиціи являются именно такія башни. Онѣ поглощаютъ огромныя суммы денегъ. Храмъ, который я видѣлъ, сто́итъ, какъ я потомъ узналъ, больше 80.000 долларовъ, а изъ этой суммы около 30.000 дол. пошло на постройку башенъ.

Польская колонія въ Мильвоке принадлежитъ къ самымъ вліятельнымъ. Въ 1867 году здѣсь находилось всего только 30 семействъ, которыя и приступили къ основанію прихода, закладывая свои имущества. Ѣдущій въ одной со мною каретѣ нѣмецъ, мѣстный журналистъ, сообщаетъ мнѣ разныя подробности. Отъ него я знаю, что въ настоящее время здѣсь проживаетъ 5.000 польскихъ семей, которыя живутъ собственными своими приходами. По его словамъ, наши соотечественники вообще играютъ значительную роль въ политической жизни этого города. Они занимаютъ иногда самыя высокія общественныя должности, бываютъ даже сенаторами. Живутъ они здѣсь хорошо, большинство отцовъ имѣютъ собственные свои домики; они работаютъ, главнымъ образомъ, при постройкѣ домовъ и каналовъ и занимаются также нагрузкою товаровъ въ портѣ. Многіе изъ нихъ принадлежатъ въ окрестнымъ фермерамъ. Такое показаніе посторонняго человѣка имѣетъ больше цѣны, нежели похвальбы нашихъ земляковъ. Къ этому прибавлю еще, что въ приходскихъ школахъ обучается 4.000 дѣтей, что въ этомъ году основана высшая школа, гдѣ будутъ излагать, кромѣ польскаго, языки нѣмецкій и англійскій, математику и физику, а также стенографію, бухгалтерію и умѣнье писать на *typewriter'ахъ*. Учителями будутъ монахи и монахини. Я долженъ сказать, что учительскій персоналъ плохо подготовленъ и набранъ въ недостаточномъ числѣ—45 сестеръ и 5 учителей на 4.000 дѣтей!

Въ Мильвоке свѣжа еще память о его возникновеніи. Надъ озеромъ, тамъ, гдѣ начинается самый красивый кварталъ, стоитъ статуя перваго колониста, который поселился въ пустынѣ и положилъ начало городу. Только полвѣка отдѣляетъ насъ отъ этого момента. Невольно мы задумываемся надъ исторіей американскихъ городовъ и надъ поученіемъ, какое можетъ почерпать изъ нея обыватель. Въ теченіе какихъ-нибудь двухъ десятковъ лѣтъ мелкія поселенія превращаются въ очаги торговаго движенія съ многочисленнымъ населеніемъ. Цѣлые кварталы возникаютъ въ нѣсколько лѣтъ. Вотъ почему нигдѣ не встрѣтишь кривыхъ, неправильныхъ улицъ, развѣ ужъ въ какомъ-нибудь исключительномъ случаѣ наткнешься на что-либо подобное. Онѣ всегда прямехонькія, широкія и пересѣкаются подъ прямыми углами. Человѣкъ заранѣе назначаетъ для нихъ мѣсто и лишь впослѣдствіи застраиваетъ ихъ. Ему причиняетъ хлопоты только снабженіе именами улицъ, возникающихъ въ такомъ же множествѣ, какъ и грибы послѣ дождя. Вѣдь приходится окрестить одну или двѣ сотни артерій движенія. Исторія Соединенныхъ Штатовъ выручаетъ американца изъ этого затрудненія. Отцы-патріоты каждаго города повытаскивали всѣхъ президентовъ и вице-президентовъ, не забыли даже самыхъ выдающихся воякъ и украсили ихъ фамиліями углы улицъ. Совершенно не зная города, вы всегда напередъ можете указать названія двухъ, трехъ улицъ, и никогда не ошибетесь. Понятное дѣло, улицы идутъ одна за другою въ такомъ порядкѣ, въ какомъ слѣдовали президенты. Однако же этого матеріала не хватило, чтобы окрестить всѣ находившіяся улицы въ такихъ центрахъ, какъ Нью-Іоркъ, Филадельфія и другіе большіе города. Чтобы помочь этому, изобрѣли такой способъ именовать улицы, который порвалъ со всѣми традиціями и свидѣтельствуетъ о томъ, что американскіе города не возникали медленно въ теченіе вѣковъ, а улицы сразу вышли въ одинъ прекрасный день цѣлымъ батальономъ изъ человѣческаго мозга и были окрещены еще до своего рожденія. Въ этомъ отношеніи подспорье находили или въ алфавитѣ или въ цифрахъ, причемъ буквы и числа брались въ послѣдовательномъ порядкѣ. Въ Чикаго и въ Нью-Іоркѣ такіе кварталы тянутся на пространствѣ многихъ квадратныхъ миль. Мы сразу усматриваемъ тамъ человѣческую руку. Мы понимаемъ, что человѣческая воля съ самаго начала руководила возникновеніемъ города! Это поражаетъ всякаго пришельца изъ нашей части свѣта. У насъ все развивалось медленно, цѣлыми вѣками, и каждая эпоха наложила свой отпечатокъ на улицы и оставила какое-нибудь наслѣдіе, гласящее объ исторіи города. Мы не чув-

ствуемъ этого, такъ какъ для насъ это дѣло привычное, и лишь за Атлантическимъ океаномъ сознаемъ эту разницу. Здѣсь принялись даже за подобную систематизацію цѣлыхъ графствъ. Деревень въ Америкѣ нѣтъ—фермеры живутъ отдѣльными поселеніями. Найти кого-нибудь—дѣло подчасъ хлопотливое. Графство Контра-Коста (въ Калифорніи) изобрѣло способъ, устраняющій это затрудненіе. Не стану вдаваться въ подробности, а ограничусь лишь указаніемъ на то, что записная книжка въ нѣсколько страницъ можетъ вмѣстить въ себѣ адресную книгу цѣлаго заморскаго округа, дающую возможность разсчитать даже разстояніе одной фермы отъ другой. И тутъ опять схема!

Эти улицы, носящія названія цифръ, и аллеи, обозначенныя литерами, эти дороги, *a priori* проведенныя въ опредѣленныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга, это пространство, не уступающее по величинѣ цѣлой нашей губерніи и въ то же время приведенное въ систему такъ, что по даннымъ адресамъ мы можемъ узнать разстояніе между любыми двумя домами—все это, на первый взглядъ маловажное и второстепенное, имѣетъ, однако, болѣе глубокое значеніе. Подобный схематизмъ какъ-то странно дѣйствуетъ на пришельца. Онъ чувствуетъ, что атмосфера здѣсь не та, что въ Старомъ Свѣтѣ, гдѣ все имѣетъ свою исторію, все создавалось стихійно, гдѣ все словно провозглашаетъ, что само себя породило и навязало свою волю человѣку, избравъ его лишь выразителемъ своихъ стремленій. Здѣсь, на американской сторонѣ Атлантическаго Океана, мы всѣмъ существомъ сознаемъ, что все создано человѣкомъ. Мы, впрочемъ, только сознаемъ это, но у кореннаго американца это сознаніе внѣдрилось въ кровь и въ нервы! Доктрина, толкующая человѣческую исторію «матеріалистическимъ» способомъ, т.-е. ученіе о томъ, что матеріальныя условія существованія въ ходѣ историческаго развитія играли болѣе важную роль, нежели сознательная дѣятельность человѣка,—такая доктрина, по всей вѣроятности, никогда не родилась бы въ мозгу американскаго соціолога. Онъ, наоборотъ, выдвинулъ бы на первый планъ «идею»! Заморскимъ статистикамъ и публицистамъ не хватаетъ исторической точки зрѣнія, они преисполнены презрѣнія къ библіографической эрудиціи. Равнодушіе къ традиціи и абсолютное презрѣніе къ историческимъ условіямъ,—качества, въ которыхъ обыкновенно обвиняютъ въ Европѣ радикаловъ, составляютъ какъ бы вторую природу янки. Мы говоримъ о законахъ историческаго развитія, американецъ же не думаетъ о нихъ, даже просто-на-просто не умѣетъ о нихъ думать. Развѣ улицы его городовъ не говорятъ о томъ, что онѣ созданы человѣкомъ? Развѣ

цѣлыя графства не свидѣтельствуютъ о томъ, что они дѣло человѣческихъ рукъ? Развѣ въ Миннеаполисѣ не показываютъ пришельцамъ старичка, впервые поселившагося тамъ, а въ Мильвоке—статую перваго поселенца? Отсюда уже умъ дѣлаетъ дальнѣйшіе выводы: подобно тому, какъ мы создали улицы, мы можемъ создавать и исторію и улучшать общественныя отношенія. Надо пожить подольше въ Америкѣ, чтобы понять, какое дѣйствіе имѣетъ такое положеніе, являющееся плодомъ окружающей обстановки. Безъ историческаго прошлаго, среди безчисленныхъ доказательствъ того, что человѣческая воля создаетъ общественныя отношенія и что идея—всемогуща, янки въ политикѣ прибѣгаетъ совсѣмъ не къ такимъ аргументамъ, какъ мы.

Мы посѣщаемъ пивоваренный заводъ Пабста, само собою разумѣется, «величайшій въ мірѣ». Дорóгой я вступаю въ разговоръ съ мѣстнымъ нѣмцемъ объ общественныхъ отношеніяхъ въ Мильвоке. Различнымъ національностямъ здѣсь нѣтъ числа, представители однѣхъ зажиточны, другихъ—бѣдны, и занимаютъ положенія, уже по самой природѣ своей обусловливающія взаимный антагонизмъ. Нѣмецъ признаетъ, что противорѣчіе экономическихъ интересовъ существуетъ и подчасъ порождаетъ взаимную борьбу, но самымъ рѣшительнымъ образомъ отрицаетъ, что расовая вражда имѣетъ здѣсь такую же силу, какъ въ Европѣ. Онъ разсказываетъ мнѣ, что городская библіотека, двери которой безплатно открыты для всякаго, завела у себя отдѣлъ, исключительно посвященный національному вопросу. Она покупаетъ все, что только выходитъ на какомъ бы то ни было языкѣ и касается національности. Подобнымъ же образомъ управленіе библіотеки поступаетъ и въ отношеніи къ «соціальному вопросу».

— Пожалуй, это самый практичный способъ для разрѣшенія такихъ вопросовъ,—замѣтилъ нѣмецъ подъ конецъ разговора.

3-го сентября, Чикаго, выставка.

Странные люди эти американцы! Отъ наводненія рекламы, въ волнахъ которой трудно отличить правду отъ преувеличенія, истину отъ внѣшняго блеска, спасенія ищутъ въ психологіи. Всякій разъ, какъ я беру въ руки газету и развертываю листъ объявленій, передъ глазами моими проходитъ одинъ портретъ за другимъ. Врачъ предлагаетъ чудодѣйственную «медицину» и присоединилъ къ рекламѣ свое изображеніе, какъ бы говоря: взгляните на мою физіономію, въ ней нѣтъ ни лжи, ни подвоха... Такъ же поступаютъ гадалка, торговецъ мыломъ, неизвѣстный авторъ. Американецъ будетъ долго всматриваться въ портретъ, прежде чѣмъ попасться на приманку рекламы.

Психологія въ широкихъ размѣрахъ примѣняется въ ежедневной сутолокѣ заморской жизни. Тотъ, кто завоевалъ себѣ имя дѣльнаго и честнаго человѣка, будетъ щедро пользоваться кредитомъ, даже не имѣя ни гроша денегъ. Съ точки зрѣнія гешефта, честность не имѣетъ никакой теоретической стоимости, на практикѣ же она очень цѣнится.

Теперь, когда я сижу въ калифорнійскомъ зданіи и перелистываю страницы послѣдняго отчета школьнаго совѣта, мнѣ приходятъ на умъ эти портреты на объявленіяхъ. По свойственной ему практичности, обыватель заморской республики понялъ, что для того, чтобы быть дѣльнымъ педагогомъ, всякій долженъ смотрѣть на свою спеціальность не какъ на золотоносную жилу, а какъ на своего рода священство. Учитель долженъ быть мечтателемъ, какъ бы отрицаніемъ узко-практическаго духа, а также обладать полною свободою дѣйствій. Послушаемъ, что говоритъ объ этомъ оффиціальный отчетъ школьнаго инспектора изъ Санъ-Франциско: «Въ занятіяхъ должно быть извѣстное однообразіе,—читаемъ мы въ оффиціальномъ документѣ, — но китайская безжизненность въ сферѣ подробностей составляетъ величайшее несчастіе въ школьномъ дѣлѣ. Школьный пріютъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ быть машиной. При современной нашей системѣ находится достаточно мѣста для энтузіастовъ, у которыхъ въ головѣ есть идея. Увлеченіе—это необходимое условіе для успѣха въ дѣлѣ воспитанія. Если мы изъ году въ годъ станемъ отдавать школьное управленіе въ руки интеллигентныхъ энтузіастовъ, умѣющихъ оцѣнить значеніе возложенной на нихъ обязанности, то намъ не придется указывать имъ, что они должны дѣлать!»

На стѣнахъ играютъ всѣ цвѣта радуги. Здѣсь висятъ разноцвѣтные переплеты, тамъ мигаютъ звѣзды всевозможныхъ оттѣнковъ, круги, бумажныя и проволочныя картинки. Куда бы ни обратились наши взоры, вездѣ видны плоды дѣтскаго трудолюбія. Это выставка фребелевскихъ садовъ штата Огіо. Я вижу повсюду результаты упражненій, неизвѣстныхъ нашей фребелевской системѣ. Заморская изобрѣтательность откалываетъ своеобразныя колѣнца даже въ этой области.

Въ самомъ дѣлѣ, она выкидываетъ поистинѣ американскія штуки. Энтузіасткамъ предоставлена полная свобода, а онѣ доказываютъ, на что способно увлеченіе. Я съ любопытствомъ разсматриваю огромныя фотографіи, изображающія школу во время занятій, и отыскиваю лица учительницъ. Ихъ лица такъ и пышутъ здоровьемъ и довольствомъ, на устахъ играетъ улыбка, такая же улыбка, какую мы видимъ у матери, когда дѣлаемъ сни-

мокъ съ ея малютки, а она наслаждается тѣмъ, что мы любуемся здоровьемъ ея ребенка. Нѣтъ! на такую улыбку способны только энтузіастки, которыя твердо вѣруютъ, что, обучая дѣтвору, трудятся въ виноградникѣ Господнемъ. Ни одна изъ нихъ не оставитъ школы подъ надзоромъ старой мамы или тети, которая не только никогда никого не обучала, но, пожалуй, не умѣетъ подписать какъ слѣдуетъ своей фамиліи, и не станетъ бѣгать по частнымъ урокамъ, злоупотребляя довѣріемъ родителей. Даже въ томъ случаѣ, если бы она этого желала, то не сдѣлала бы этого уже потому, что за нею слѣдятъ другія энтузіастки. Вдоль и поперекъ Соединенныхъ Штатовъ замѣтно стремленіе къ тому, чтобы отобрать эти «сады» изъ рукъ частнаго гешефта. Появляются въ какомъ-нибудь городѣ энтузіастъ или энтузіастка, созываютъ митингъ обывателей и представляютъ имъ необходимость основанія школы. Одинъ, другой обязуются дѣлать ежегодно опредѣленный взносъ, учреждаютъ товарищество и основываютъ школу. Между богачами-американцами вошло также въ обычай, въ случаѣ смерти своего ребенка, основывать въ память его «садикъ», носящій его имя. Иногда пожертвованія бываютъ весьма крупныя: г-жа Станфордъ жертвуетъ для этой цѣли въ Санъ-Франциско болѣе 300.000 р. и сразу создаетъ семь школъ, на сто дѣтей каждая. Этому примѣру слѣдуютъ различныя религіозныя конгрегаціи, биржи, купеческія гильдіи, агентства. Такъ, напр., биржа Санъ-Франциско имѣетъ фребелевское заведеніе на 250 дѣтей. Всѣ подобныя учрежденія въ городѣ находятся подъ вѣдѣніемъ организованнаго товарищества, которое зорко слѣдитъ за всѣмъ и управляетъ финансами. Изъ частныхъ заведеній школы эти превращаются, такимъ образомъ, въ полу-общественное дѣло, а нѣкоторые города принимаютъ на себя руководство ими и включаютъ ихъ въ общую школьную систему, какъ послѣднее школьное звено. Энтузіастки этимъ не ограничиваются: онѣ основываютъ кружки, для изученія психологіи дѣтей, устраиваютъ систематическіе курсы для матерей и даже организуютъ митинги, на которыхъ присутствуетъ по тысячѣ родительницъ! Эти энтузіастки и создали фребелевское дѣло за моремъ.

3-го сентября, Чикаго, выставка.

Усталый хожу я по педагогической выставкѣ и разсматриваю школьный спортъ. Стѣны павильоновъ увѣшаны фотографіями, изображающими дѣтскіе бѣга, атлетическіе клубы, игры въ мячъ. На картинкѣ мы видимъ, какъ въ промежутки между уроками дѣти среди скамеекъ упражняютъ свои мускулы, мальчики вмѣстѣ съ дѣвочками. Въ другомъ мѣстѣ толпа подростковъ кружится въ

хороводѣ, или же школьная молодежь обучается военному искусству; дѣло въ томъ, что даже въ школахъ существуютъ батальоны, составленные изъ молодыхъ гражданъ и заранѣе искупающіеся въ дѣлѣ защиты отечества. Американская педагогика признаетъ мудрое правило прежнихъ временъ, что бодрый духъ можетъ жить только въ здоровомъ тѣлѣ. Она вполнѣ сознала ту истину, что выродившійся организмъ не можетъ проявить энергичнаго умственнаго дѣйствія, а если и проявитъ, то непремѣнно придастъ ему истерическій колоритъ. Вотъ почему гимнастика, а еще чаще другія физическія упражненія, не только полезныя, но и привлекательныя для молодыхъ мускуловъ, усердно предлагаются школьными руководителями. Нѣкоторые подумываютъ даже о націонализаціи гимнастическихъ учрежденій, другими словами о томъ: чтобы зданія вмѣстѣ съ аппаратами, необходимыми для упражненій, сдѣлались доступными для всѣхъ, подобно тому, какъ это достигнуто въ настоящее время относительно читаленъ.

Выставка колледжа города Амгерста. На стѣнѣ огромный планъ. Обширныя площади, лишенныя растительности и окруженныя деревьями. Это мѣста, предназначенныя для игръ въ мячъ, крокетъ и для другихъ развлеченій; по близости паркъ со строеніями, по которому протекаетъ вода. Какой-то одноэтажный домикъ, въ которомъ, вмѣсто нижняго этажа, видимъ вынутыя стѣны, такъ что образуется со всѣхъ сторонъ открытая галлерея. Это залъ для отдыха гимнастовъ! А вотъ еще огромныя таблицы съ обозначеніемъ антропометрическихъ измѣреній учениковъ, какъ вступающихъ въ колледжъ, такъ и покидающихъ школьную скамью. Въ гимнастическомъ залѣ упомянутаго заведенія стоятъ, какъ идеалъ организма, статуи «здоровыхъ» мужчины и женщины, т. е. отличающихся общимъ развитіемъ. Исторія школьной гимнастики ведетъ тамъ свое лѣтосчисленіе съ 1861 года. Всякіе два года какой-нибудь филантропъ жертвуетъ что-нибудь для этой цѣли: одинъ жертвуетъ въ фондъ конкурсныхъ наградъ, другой даетъ около 10.000 рублей на постройку гимнастическаго зала или на покупку поля для игры въ мячъ. Общая сумма такихъ пожертвованій достигаетъ въ настоящее время, приблизительно, до 350.000 рублей на наши деньги! Разумѣется, физическія упражненія имѣютъ въ виду только укрѣпить тѣло, сдѣлать ученика способнымъ къ болѣе напряженной умственной работѣ и дать ему здоровое и нравственное развлеченіе во время отдыха. Всѣ спорты развиваются на почвѣ клубовъ и, вырабатывая гибкость мускуловъ, создаютъ въ то же время способность къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ.

Привычка, пріобрѣтенная на школьной скамьѣ, становится

какъ бы второю натурой, которая остается въ человѣкѣ и въ зрѣломъ возрастѣ. Существуютъ большіе союзы, предающіеся, въ видѣ равлеченія, атлетическимъ упражненіямъ и имѣющіе свои площади, свои небольшіе дворцы, свои конкурсные фонды. Пока движеніе это только начинается, американцы сами признаются, что отстали въ этомъ отношеніи отъ англичанъ, но обѣщаютъ, что мигомъ догонятъ «старую мать» и даже перегонятъ ее *), такъ какъ сдѣлаютъ усовершенствованіе мышцъ всенароднымъ развлеченіемъ.

Фабричный шаблонъ сильно въѣлся въ заморскую жизнь и ядомъ своимъ отравилъ оригинальность. Вмѣсто старинныхъ часовъ, которые всѣ носили на себѣ отпечатокъ своего творца, машина выбрасываетъ на рынокъ тысячи экземпляровъ, похожихъ другъ на друга, какъ двѣ капли воды. Однообразіе царитъ въ Америкѣ во всѣхъ сферахъ, даже романъ и повѣсть возникаютъ въ кузницѣ шаблона: есть агентства, гдѣ служащіе слѣдятъ въ ежедневной печати за драматическими сюжетами, вырѣзываютъ ихъ и отдаютъ для обработки наемникамъ пера, а фирма продаетъ уже отъ себя изготовленный такимъ образомъ романъ. Казалось бы, что при воспитаніи каждая человѣческая душа подвергается также одинаковой дрессировкѣ, что ее запрягаютъ за одну и ту же книжку, кроятъ по одному и тому же образцу. Но этого нѣтъ. Не знаю, есть-ли еще какая-нибудь страна, гдѣ бы такъ глубоко сознавалось разнообразіе юношеской природы. Школа сдѣлалась тамъ эластичной, какъ резинка, не человѣческой мелюзгѣ приходится приспособляться къ ней, а сама школа приспособляется къ душѣ или, вѣрнѣе, къ способностямъ своихъ воспитанниковъ. Этимъ школа обязана энтузіастамъ. Они нанесли ударъ школьной рутинѣ и продолжаютъ работать надъ преобразованіемъ школьнаго дѣла.

«Сдѣлай школу привлекательной,—читаемъ мы въ одномъ изъ оффиціальныхъ докладовъ,—укрась стѣны нѣсколькими картинами, разбей пару зеленыхъ клумбъ, не для анализа, а ради украшенія. Одѣвайся со вкусомъ—кусочекъ цвѣтной ленты столько доставляетъ удовольствія дѣтворѣ! Отложи въ сторону всякую оффиціальную важность и поступай такъ, какъ будто ты находишься между равными, улыбнись, если случится что-нибудь смѣшное!»—вотъ совѣты, какіе подаетъ учительницамъ школьное начальство **). Руководители школъ рѣзко нападаютъ на однооб-

---

*) Они ее перегнали, какъ показали Олимпійскія игры этого года, гдѣ американцы взяли 10 наградъ, а англичане—3. *Ред.*

**) Интересно сравнить съ этими наставленіями «Правила для учителей» директора народныхъ училищъ Тульской губ., приведенныя у насъ въ отд. «На родинѣ», мартъ. Въ тѣхъ и другихъ правилахъ отразилась, какъ въ зеркалѣ, общественная атмосфера, свойственная каждой странѣ. *Ред.*

разный шаблонъ обученія. «Бюрократическіе принципы оказываются въ школѣ крайне пагубными и разрушительными. Пусть общество не глумится надъ природой, утверждая, что у всѣхъ дѣтей одинаковыя способности, и всѣ они должны быть воспитываемы по одному и тому же образцу. У каждаго ребенка своя индивидуальность. Слѣдуетъ осуждать однообразныя программы и однообразныя методы, какъ несправедливыя и неразумныя, если только онѣ примѣняются къ многочисленной толпѣ дѣтей». Такимъ образомъ, основное положеніе высказано ясно и опредѣленно въ теоріи. На практикѣ же оно осуществилось различно. Пожалуй, слѣдовало бы сказать: осуществляется, такъ какъ въ настоящее время школьныя власти борются самымъ энергичнымъ образомъ съ тѣми трудностями, какія возникаютъ на проторенной руководителями воспитанія дорогѣ. Въ Бруклинѣ справились съ этимъ, благодаря тому, что ввели въ среднія учебныя заведенія систему, нѣсколько напоминающую нынѣ дѣйствующую систему нѣмецкихъ университетовъ. Чтобы получить патентъ, ученикъ долженъ выдержать экзаменъ по всѣмъ предметамъ и прослушать цѣлый курсъ. Онъ можетъ дѣлать это не по классамъ, а по наукамъ; онъ можетъ находиться въ низшемъ классѣ языковъ и въ то же время— въ высшемъ классѣ математики. Въ штатѣ Массачусетсѣ дѣти, поступая въ школу, въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ, слушаютъ обыкновенно одинъ и тотъ же курсъ, но лишь только учитель узнаетъ ихъ способности, — они раздѣляются на двѣ группы, изъ которыхъ одна проходитъ курсъ наукъ въ четыре, а другая— въ шесть лѣтъ. Штатъ Вашингтонъ пошелъ въ этомъ отношеніи еще дальше, установивъ, вмѣсто двухъ, четыре ступени способностей. Все это пока лишь опыты. Что бы изъ нихъ ни вышло, очевидно, — заморская республика не сочувствуетъ и не желаетъ сочувствовать однообразному бюрократическому шаблону въ школьномъ дѣлѣ. Если на вторженіе машины въ сферу матеріальныхъ богатствъ она смотритъ, какъ на прогрессъ, то, съ другой стороны, не желаетъ, чтобы монотонность господствовала въ производствѣ обывательскихъ душъ. Она признаетъ за правило, что способности различны и не подводитъ ихъ подъ одну мѣрку. Пусть тотъ, кого природа щедрѣе наградила умственными дарованіями, быстрѣе развиваетъ таящіеся въ немъ задатки и скорѣе достигаетъ духовной зрѣлости.

(*Окончаніе слѣдуетъ*)

РОБЕРТЪ БЁРНСЪ.

Статья проф. С.-Петербургскаго унив. Тернера

Въ исторіи англійской литературы можно отмѣтить три періода сильнаго оживленія, совпадающихъ съ движеніями политическими или умственными; каждый изъ этихъ періодовъ возникалъ подъ вліяніемъ той или другой иностранной литературы, испытавшей ранѣе англійской подобное же возбужденіе. Первый изъ этихъ крупныхъ литературныхъ подъемовъ въ царствованіе королевы Елизаветы послѣдовалъ непосредственно за жестокой борьбой и смутами, потрясшими въ XIV и XV вѣкахъ всю Европу, главнымъ же образомъ Италію, и нашедшими себѣ исходъ въ реформаціи. Англійскіе драматурги черпали свое вдохновеніе изъ Италіи, изъ этого центра умственнаго движенія, достигшаго своего кульминаціоннаго пункта въ великомъ открытіи Галилея. Подобнымъ же образомъ, хотя въ меньшей степени, въ послѣднія десятилѣтія XVII вѣка, разложеніе старыхъ учрежденій и устройство англійскаго государства на новыхъ принципахъ, вызвало возрожденіе литературы въ царствованіе королевы Анны; въ это время Свифтъ, величайшій поэтъ-сатирикъ, и Попъ, величайшій поэтъ-дидактикъ, взявъ за образецъ французскихъ классиковъ, создали новый слогъ для прозаическихъ произведеній, новую форму эпиграмматическаго стиля. Въ концѣ прошлаго столѣтія умственное движеніе Франціи и современной Германіи повели къ коренному перевороту въ англійской литературѣ, главнѣйшіе представители которой Вордсвортъ, Байронъ, Шелли, служили проводниками новыхъ идей. Любопытно отмѣтить еще одну особенность, общую этимъ тремъ періодамъ процвѣтанія литературы. Каждый изъ нихъ даетъ цѣлую группу замѣчательныхъ писателей и каждый имѣетъ предвѣстниками выдающихся поэтовъ, которые появляются въ предшествовавшій періодъ по одиночкѣ или въ не-

большомъ числѣ. Такъ Мильтонъ и Драйденъ появились въ концѣ промежутка между первымъ и вторымъ періодомъ, а Бёрнсъ и Куперъ могутъ считаться предшественниками третьяго и послѣдняго періода.

Сила и свойство вліянія соціальныхъ, политическихъ и религіозныхъ теченій на направленіе ума и таланта писателя зависятъ въ значительной степени отъ особенностей его характера и склонностей. Какъ и слѣдовало ожидать, Куперъ, съ его болѣзненной застѣнчивостью и прирожденною любовью къ мирному спокойствію, инстинктивно противился всякимъ перемѣнамъ и всей душой сочувствовалъ сохраненію существующаго порядка. По его мнѣнію, высказанному въ строкахъ, посвященныхъ Вольтеру, жизнь бѣднаго деревенскаго ткача, «не смотря на его скудныя понятія и полное отсутствіе остроумія», счастливѣе и завиднѣе жизни блестящаго француза, со всей его славой и ученостью. Шумная борьба партій, смѣлое отрицаніе истинъ, освященныхъ вѣками, недостижимыя попытки «сдѣлать милліоны тѣмъ, чѣмъ могутъ быть лишь единицы»,—все это не вызывало сочувствія Купера. Онъ искалъ удовольствій и радостей въ однообразіи сельской жизни; весь характеръ поэта выразился въ слѣдующемъ изреченіи его: «Деревню создалъ Богъ, а города построили люди».

Совершенно другія свойства отличаютъ Бёрнса. Долгіе годы подавляющей бѣдности, когда сегодняшняя нищета была лишь точнымъ повтореніемъ вчерашней, не позволяли ему раздѣлять мнѣніе д-ра Панглосса, что этотъ міръ есть лучшій изъ міровъ.

Робертъ Бёрнсъ, столѣтняя годовщина смерти котораго будетъ справляться въ іюлѣ нынѣшняго года, родился 25 января 1759 г. въ «глиняномъ котеджѣ», въ окрестностяхъ Айры, недалеко отъ Алловей Кика, мѣста дѣйствія извѣстнаго ночного приключенія Тома О'Шентерса. Отецъ его, небогатый фермеръ, былъ человѣкъ безукоризненной честности, «чувства котораго всегда склонялись на сторону добродѣтели»; онъ постарался дать сыну возможно лучшее воспитаніе. Шести лѣтъ Робертъ ходилъ въ небольшую школу и тамъ основательно выучился англійскому языку и пріобрѣлъ нѣкоторое знаніе французскаго и математики. Въ это время отецъ его арендовалъ небольшую ферму въ Лохлеѣ но, вслѣдствіе неплодородной почвы и неимѣнія оборотнаго капитала, онъ не могъ извлекать изъ нея доходовъ и вскорѣ раззорился. Робертъ всячески старался помогать семьѣ; на 18-мъ году онъ ушелъ изъ дому и завелъ чесальню льна. Но предпріятіе не удалось, его мастерская загорѣлась во время одной попойки, и Бёрнсъ вернулся въ Лохлею. Между тѣмъ, дѣла отца его еще болѣе

запутались; возникъ споръ по поводу условій его аренды и судъ рѣшилъ дѣло не въ его пользу. Три года боролся онъ противъ судьбы и въ концѣ концовъ избѣжалъ тюремнаго заключенія только благодаря «смерти—этого лучшаго, вѣрнѣйшаго, добрѣйшаго друга бѣдняковъ». Робертъ, старшій изъ семерыхъ дѣтей, долженъ былъ содержать всю семью, получая доходу 70 р. въ годъ.

Въ одной изъ своихъ пѣсенъ «Robin» Бёрнсъ разсказываетъ что въ день рожденія его героя

«Дулъ январьскій вѣтеръ,
Дулъ въ лице Робину»,

и всю жизнь жестокій январьскій вѣтеръ не переставалъ преслѣдовать его; но у него было мужественное сердце, онъ всегда смѣло смотрѣлъ въ глаза суровой непогодѣ и встрѣчалъ ея удары бодрымъ смѣхомъ. Послѣ смерти отца, въ 1784 г., онъ вмѣстѣ со своимъ братомъ Жильберомъ взялся завѣдывать небольшою фермою въ Мосджилѣ. «Я читалъ книги по сельскому хозяйству, я считалъ снопы, ѣздилъ на базары; но, вслѣдствіе покупки дурныхъ сѣмянъ въ первый годъ и поздней жатвы во второй, мы потеряли все, что имѣли». Онъ работалъ въ полѣ, а сердце его билось горячимъ, благороднымъ стремленіемъ сдѣлать что-нибудь «для бѣдной старой Шотландіи, или хоть спѣть ей пѣсню»; онъ самъ разсказываетъ, что, ходя за телѣгой или за плугомъ, онъ не разставался съ старымъ сборникомъ пѣсенъ, читалъ, изучалъ и пѣлъ ихъ, «стихъ за стихомъ, тщательно подмѣчая, какія выраженія были вѣрны, нѣжны, возвышенны и какія просто напыщенны».

Читая исторію этого періода жизни Бёрнса, мы невольно вспоминаемъ Кольцова, поэта, одареннаго столь же благородными стремленіями, осужденнаго на несвойственную его натурѣ мелочную жизнь, обладавшаго, какъ кажется, большою нравственною энергіей: вотъ какими ужасающими чертами изображаетъ онъ свою жизнь въ Воронежѣ: «Я дома, одинъ и очень занятъ. Я закупаю скотъ, я надзираю за водочнымъ заводомъ, я рублю дрова въ лѣсу, я долженъ смотрѣть за хозяйствомъ, я работаю дома съ зари до полночи. Сердце мое утомлено. Но что мнѣ дѣлать, когда я заваленъ этой проклятой работой на скотобойнѣ и на постройкѣ».

И среди своихъ трудовъ, среди этой неприглядной обстановки, оба поэта продолжали питать въ сердцѣ идеалы любви, дружбы, продолжали поклоняться красотамъ природы и размышлять о судьбѣ человѣка, о тайнѣ жизни и смерти.

Въ Мосджилѣ Бёрнсъ встрѣтилъ Мэри Кемпбель, которой онъ посвятилъ наиболѣе трогательныя изъ своихъ пѣсенъ; тамъ же

онъ познакомился съ Джени Армуръ, дочерью одного каменьщика, «милою, веселою, молодою красавицей съ невиннымъ сердцемъ». Лучшія изъ его пѣсенъ написаны во время этихъ лѣтъ тяжелаго труда и бѣдности; но онѣ были изданы въ свѣтъ только въ 1786 году, когда поэту пришлось во что бы то ни стало уплатить долгъ отцу Джени; этотъ «образецъ добродѣтели» преслѣдовалъ его требованіями уплаты, выражая такимъ способомъ неудовольствіе за сближеніе дочери съ человѣкомъ, который своими свободными рѣчами и поступками казался ему подозрительнымъ. Изъ повиновенія отцу, Джени разсталась съ нимъ и отказалась выйти за него замужъ. Его разлучили съ любимой женщиной только потому, что онъ былъ бѣденъ; въ то же время внезапная и трагическая смерть Мэри поразила его сердце горемъ; онъ не имѣлъ возможности найти средства къ жизни на родинѣ, гдѣ сосѣди смотрѣли на него, какъ на пьяницу и безнравственственнаго человѣка; все состояніе его было прожито,—повидимому, ему оставался одинъ только выходъ, самый печальный и тяжелый,—покинуть родную страну, и вотъ, среди готовящейся бури, онъ пропѣлъ свою прощальную пѣсню Шотландіи:

«Не страшатъ меня вздымающіеся валы, не страшатъ роковые, убійственные утесы, не страшитъ смерть, грозящая со всѣхъ сторонъ; несчастнаго ничто не можетъ устрашить. Сердце мое сковано тяжелыми цѣпями, сердце мое болитъ отъ многихъ ранъ, эти раны всѣ открылись, эти цѣпи меня терзаютъ, когда мнѣ приходится сказать прости веселымъ берегамъ Айры».

Ему предложили мѣсто бухгалтера въ имѣніи нѣкоего г. Дугласа въ Ямайкѣ; но онъ не привелъ въ исполненіе свое намѣреніе покинуть родину, благодаря необыкновенному успѣху перваго тома своихъ пѣсенъ «Старое и новое» (Old and young). Вотъ что разсказываетъ одинъ изъ друзей семьи Бёрнса, Чарльзъ Геронъ: «всѣ и знатные, и простые, и серьезные, и веселые, и ученые, и невѣжды, были одинаково восхищены, взволнованы, очарованы. Я въ то время жилъ въ Галловеѣ, недалеко отъ Айршира, и помню, какъ простые пахари и поденщицы охотно платили за произведенія Бёрнса деньги, необходимыя имъ для покупки одежды». Никто не ожидалъ такого успѣха; первое изданіе, состоявшее всего изъ 600 экземпляровъ, разошлось въ два мѣсяца, и поэтъ получилъ сумму, казавшуюся ему въ то время цѣлымъ состояніемъ—двѣсти рублей.

Бёрнсъ переселился въ Эдинбургъ, гдѣ богатое, знатное и образованное общество всячески чествовало и прославляло его. Онъ держалъ себя съ полнымъ достоинствомъ среди ослѣпляю-

щаго ореола славы; онъ ни на минуту не потерялъ головы, не утратилъ своего независимаго образа мыслей, не домогался того, что, какъ онъ чувствовалъ, по праву принадлежало ему. Онъ не долго прожилъ въ столицѣ и уѣхалъ оттуда, когда замѣтилъ, что на него смотрятъ, какъ на чудо, какъ на счастливое пріобрѣтеніе для свѣтскихъ гостиныхъ разныхъ лэди, что онъ возбуждаетъ то же чувство любопытства, съ какимъ толпа любуется на представленія ученаго медвѣдя. Среди всѣхъ лицъ, оказавшихъ ему якобы покровительство, среди всѣхъ его титулованныхъ друзей никому не пришло въ голову доставить ему какое-нибудь занятіе, какую-нибудь должность, которая давала бы ему возможность жить самостоятельно; имъ казалось, что они сдѣлали достаточно, милостиво допустивъ айрширскаго пахаря въ свое общество. Не удивительно, что онъ вернулся домой въ Мосджиль со смѣшаннымъ чувствомъ горечи противъ пустого, себялюбиваго, большого свѣта, оставленнаго имъ въ Эдинбургѣ, и благородной гордости отъ сознанія того, что самъ онъ сдѣлалъ для своей неувядающей славы. Какъ должна была гордиться и радоваться мать его! Сжимая его въ объятіяхъ со слезами на глазахъ, она не могла ничего выговорить, кромѣ «О, Робертъ!»

Осенью 1788 г. явилось въ свѣтъ второе дополненное изданіе его поэмъ и изъ пяти тысячъ рублей, полученныхъ отъ издателя, онъ далъ 2.000 матери, а на остальныя деньги купилъ ферму въ Эллислэндѣ. Тогда Армуры забыли свое нерасположеніе къ нему; отецъ согласился на бракъ дочери съ Бёрнсомъ и поэтъ привѣтствовалъ вступленіе Джени въ ея новый домъ блестящимъ стихотвореніемъ: «J have a wife o' my ain» (У меня есть моя собственная жена).

Онъ, однако, не долго владѣлъ фермой; вскорѣ дѣла его такъ запутались, что онъ съ радостью принялъ мѣсто сборщика пошлинъ; въ концѣ 1791 г. онъ оставилъ Эллислэндъ и поселился въ Демпри. Мы не будемъ останавливаться на тѣхъ скандальныхъ исторіяхъ, которыя передаютъ нѣкоторые его біографы и критики относительно якобы безнравственнаго поведенія его въ эти послѣдніе годы жизни. «Эти писатели,—говоритъ Карлейль,—не понимаютъ одной важной вещи: настоящаго отношенія свѣта и ихъ собственнаго къ разбираемому автору и того тона, какимъ имъ и намъ слѣдуетъ говорить о подобнаго рода человѣкѣ». Принимая во вниманіе, что для человѣчества имѣетъ значеніе только величіе, а не слабости людей, подобныхъ Бёрнсу, мы ограничимся указаніемъ двухъ важныхъ фактовъ.

Прозъ, хорошо знавшій Бёрнса, утверждаетъ, что онъ всегда

амымъ аккуратнымъ образомъ исполнялъ свои служебныя обя-анности, тщательно слѣдилъ за воспитаніемъ своихъ дѣтей, что го «веселая Джени» съ негодованіемъ отрицала всѣ ходив-ія о немъ сплетни, какъ недостойную клевету, и что его братъ жильбертъ открыто и публично выступилъ въ защиту памяти оэта, горячо и страстно прославляя врожденное благородство и ужественную честность его души. Не забудемъ также, что въ ѣ годы, когда бѣдность особенно давила его, и когда «мясо ыло неизвѣстною пищею въ нашемъ домѣ», онъ умѣлъ честно ести свои дѣла, не дѣлая долговъ; этого, конечно, не могло бы ыть, если бы Бёрнсъ предавался тѣмъ порокамъ, которые при-исываютъ ему дурно освѣдомленные критики. Онъ умеръ, какъ килъ, въ величайшей бѣдности, 37 лѣтъ отъ роду; его послѣдняя ѣсня: «Fairest maid an Devon banks» (Красавица береговъ Де-юна) написана имъ на смертномъ одрѣ — и деньги, полученныя а нее, пошли на расходы по его собственному погребенію.

Чтобы правильно судить о произведеніяхъ Бёрнса, мы не олжны забывать, какими грубыми матеріалами онъ располагалъ, ли, лучше сказать, какъ онъ страдалъ полнымъ отсутствіемъ ма-теріала. Вслѣдствіе этого-то Бёрнсъ и представляетъ удивительное явленіе, къ которому трудно примѣнять мѣрку, прилагаемую къ умственнымъ свойствамъ другихъ людей. Все, что онъ дѣлалъ,—онъ дѣлалъ самостоятельно, собственнымъ оригинальнымъ способомъ. Нельзя говорить, что онъ сдѣлалъ слишкомъ мало потому, что ему не удалось привести въ исполненіе свой планъ написать большую поэму или народную драму. Все было противъ него, ему приходилось бороться со всевозможными трудностями, препятствовавшими раз-витію его генія. Время, въ которое онъ жилъ, было мрачное, пе-дантичное, прозаическое время. Тѣ изъ его соотечественниковъ, которые составили себѣ имя въ литературѣ, обязаны были своею извѣстностью произведеніямъ, не имѣвшимъ въ себѣ ничего шот-ландскаго; предметы, окружавшіе его, были именно того сорта, изъ котораго, по общему мнѣнію, нельзя извлечь ничего поэтич-наго; ежедневная «безпрерывная каторжная работа», за которой гибли его молодые годы, была именно одною изъ тѣхъ работъ, ко-торыя подавляютъ фантазію и убиваютъ воображеніе; темное про-исхожденіе закрывало для него обычные пути къ славѣ и отли-чіямъ. У него не было подъ рукой матеріала, годнаго для непо-средственнаго употребленія; онъ самъ долженъ былъ изготовлять тѣ орудія, съ помощью которыхъ строилъ свой дворецъ пѣсенъ. Приходится удивляться не тому, какъ мало онъ сдѣлалъ,—точно будто творенія поэта можно измѣрять количествомъ страницъ,—а,

напротивъ, изумляться той гигантской борьбѣ, какую ему приходилось вести съ препятствіями, окружавшими его на каждомъ шагу. Трудно найти біографію, болѣе достойную чтенія, чѣмъ эта исторія жизни крестьянина-поэта, который, не смотря на горькую бѣдность и нищету, сдѣлался учителемъ міра, облегчая и облагораживая своимъ геніемъ жизнь другихъ, хотя, можетъ быть, и не успѣлъ правильно устроить свою собственную.

Въ поэзіи Бёрнса есть извѣстная полнота, какую мы не встрѣчаемъ у другихъ стихотворцевъ, за исключеніемъ развѣ Шекспира. Посредствомъ какого-нибудь одного эпитета онъ возстановляетъ передъ нами цѣлую картину; одной короткой фразой онъ обрисовываетъ ясный и опредѣленный образъ.

Онъ не позволяетъ себѣ ни одного лишняго слова, которое ослабило бы страстную силу мысли, и въ одномъ неприкрашенномъ выраженіи, заимствованномъ изъ грубаго мѣстнаго діалекта, онъ оживляетъ передъ нами цѣлую сцену. Гибкость языка, составляющая главную прелесть лучшихъ пѣсенъ поэта, неизбѣжно пропадаетъ во всякомъ переводѣ и не можетъ быть вполнѣ оцѣнена тѣми, кто не знаетъ шотландскаго языка. Возьмите, напр., его яркое описаніе пирушки веселыхъ нищихъ, «as they held the splore *to drink their orra duddies*», «какъ они продолжали веселиться и пропивали свои лохмотья». Въ томъ же шутливомъ тонѣ разсказываетъ онъ споръ двухъ типичныхъ представителей современнаго консерватизма и реформы, обсуждающихъ сравнительныя достоинства стараго и новаго моста на Айрѣ. «Какими еще *clishmaclaver* (бранными словами) обмѣнялись бы противники, какую кровавую распрю затѣяли бы они, если бы для пролитія крови достаточно было одного негодованія,—этого никто не можетъ сказать». Или какъ можно передать на какомъ-либо другомъ языкѣ его живописную фразу «bickering brattle» въ описаніи маленькой полевой мышки, гнѣздо которой было разрушено плугомъ и которая въ ужасѣ спасается бѣгствомъ? Эти слова въ дѣйствительности изображаютъ не только торопливость испуганной мышки, но и хрустъ подъ лапками животнаго, бѣгущаго по сжатому полю. Но такъ какъ моя статья предназначена для иностранныхъ (русскихъ) читателей, то я не стану много говорить о слогѣ поэта; я упоминаю о немъ только, чтобы предупредить ихъ, что если они не понимаютъ истиннаго и полнаго значенія каждаго шотландскаго слова, употребляемаго Бёрнсомъ, они не могутъ замѣтить удивительнаго совершенства его языка, всей его неподражаемой силы и выразительности.

Правдивость можетъ служить мѣриломъ истинной поэзіи, и она-

то составляетъ тайну силы Бёрнса. Притворство противно ему; искренность является характерною чертою его пѣсенъ, какъ и его жизни. Страданія и радости, которыя онъ описываетъ,—не сказки, выдуманныя для возбужденія мимолетной симпатіи чувствительнаго читателя. Это вѣрное изображеніе чувствъ, которыя онъ самъ испыталъ и которыя онъ могъ смягчить, только передавая ихъ въ пѣсняхъ. Съ неподдѣльной искренностью высказываетъ онъ свои собственныя мысли и волненія, и читая, его мы плачемъ или радуемся не съ фантастическимъ героемъ, созданнымъ съ цѣлью доказать искусство автора, но съ самимъ поэтомъ. Въ то же время онъ не ищетъ какихъ-нибудь особенныхъ словъ для выраженія мыслей, которыя жгутъ его, онъ говоритъ со всѣмъ міромъ на своемъ собственномъ деревенскомъ діалектѣ, на которомъ онъ шепталъ слова любви айрширскимъ дѣвушкамъ. Только плохимъ риѳмоплетамъ приходится далеко и съ трудомъ искать словъ или сюжетовъ. Въ какихъ бы обстоятельствахъ ни находился истинный поэтъ, онъ вездѣ найдетъ источникъ вдохновенія, и окружающая жизнь, представляющаяся пошлою другимъ людямъ, для него полна священнаго значенія. По этому признаку можно узнать истиннаго поэта—и самая суровая судьба не властна погасить огонь, который горитъ въ душѣ его, или уничтожить созданія фантазіи, которыя утѣшаютъ его среди испытаній будничной жизни. Въ глазахъ беззаботнаго прохожаго Бёрнсъ ничѣмъ не отличался отъ всякаго другого крестьянина, работающаго въ полѣ; но онъ зналъ, что придетъ его время, и шелъ «гордо и радостно за своимъ плугомъ». Другіе часто уничтожали гнѣзда полевыхъ мышей, или топтали ногами маргаритки; но онъ первый открылъ поэтическую сторону такихъ обыденныхъ дѣйствій. Жизнь шотландскаго крестьянина шла цѣлые вѣка въ своей неизмѣнной простотѣ, но онъ первый открылъ въ ней оригинальную красоту и благородство. Народныя празднества и деревенскіе обычаи соблюдались съ полною точностью цѣлымъ рядомъ поколѣній; но пока онъ не описалъ ихъ въ идиллическихъ поэмахъ, полныхъ жизни, никто не воображалъ, что такое обычное сельское времяпрепровожденіе заключаетъ въ себѣ что-либо поэтичное. Онъ никогда не отворачивался отъ тѣхъ предметовъ, которые самъ наблюдалъ, и не стремился писать о томъ, что зналъ только по наслышкѣ или изъ книгъ, и вотъ почему стихотворенія Бёрнса стали частью родного языка Шотландіи: они вылились изъ сердца и обладаютъ силою истины.

Благодаря именно этому, пѣсни Бёрнса такъ интересны. Во всякомъ мелкомъ, обыденномъ явленіи находитъ онъ симпатичныя черты. Сердце его открыто для всѣхъ произведеній природы, и

взамѣнъ того наслажденія, какое она доставляетъ ему, онъ окружаетъ ореоломъ славы самыя ничтожныя изъ ея созданій. Онъ не изъ тѣхъ поэтовъ, которые могутъ воспѣвать только богинь или нимфъ, которые могутъ описывать только сцены, чуждыя обыденной жизни или даже землѣ вообще. Онъ предоставляетъ другимъ воспѣвать высокія и великія событія, самъ же находитъ достойные предметы для своихъ пѣсенъ въ окружающей его скромной обстановкѣ. Ничто живущее не оставляетъ его равнодушнымъ. Всякая птица поющая въ кустахъ, всякій цвѣтокъ раскрывающій свои лепестки на солнцѣ, наполняютъ душу его наслажденіемъ, краснорѣчиво говорятъ его сердцу. Скромная маргаритка, домашняя скотина, не находящая убѣжища отъ безжалостной бури, одинокая птичка, каравайка, нищій, дрожащій подъ дырявой крышей своей ветхой хижины,—всѣ они возбуждаютъ его любовь и сочувствіе не меньше, чѣмъ славные подвиги шотландскихъ героевъ, бившихся за независимость своей родины. Плевелы, растущіе среди ячменя, не напрасно взываютъ къ его жалости: онъ «отбрасываетъ полольную кирку и не трогаетъ дорогого символа».

Когда мысль правдива, для выраженія ея всегда найдется правдивая форма. Ни одинъ поэтъ не говорилъ такъ смѣло, какъ Бёрнсъ, когда онъ энергично обличаетъ тиранію и неправду. Не останавливаясь на его политическихъ пѣсняхъ, замѣтимъ только, что онѣ дышатъ дикой ненавистью и презрѣніемъ ко всѣмъ искусственнымъ отличіямъ, что онѣ внушены страстнымъ уваженіемъ къ человѣку, какъ человѣку. Скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ пѣсняхъ, въ которыхъ онъ говоритъ о церкви и религіи и которыя многими понимаются совершенно неправильно. По мнѣнію нѣкоторыхъ изъ его критиковъ, Бёрнсъ проповѣдывалъ атеизмъ, кощунственно насмѣхался надъ нравственностью. Это совершенно несправедливо. Намъ стоитъ только обратиться къ его «Cotter's Saturday Night», этой безподобной картинѣ домашней жизни родителей поэта, или прочесть нѣкоторыя письма къ друзьямъ, чтобы убѣдиться, что онъ не былъ врагомъ истиннаго благочестія, истинной чистоты души и тѣла. «Я вѣрю въ существованіе жизни за узкими предѣлами нашего настоящаго существованія»,—пишетъ онъ къ одному знакомому молодому человѣку, и въ то же время настоятельно совѣтуетъ ему, «ради душевнаго мира постоянно обращаться съ горячей молитвой къ Богу». Бёрнсъ нападаетъ не на религію, не на нравственность; мѣткія стрѣлы его презрѣнія и сатиры направлены противъ ханжества и лицемѣрія тѣхъ изъ его соотечественниковъ, которые надѣялись «заслужить небесное блаженство, превращая землю въ адъ», которые осуждали самыя

невинныя удовольствія и увеселенія, какъ тяжкія преступленія, и которые, «прикрываясь Священнымъ Писаніемъ», предавались тайнымъ грѣхамъ и скрытымъ порокамъ. Намъ стоитъ только открыть послѣдній томъ «Исторіи цивилизаціи» Бокля, чтобы видѣть, какія нелѣпости проповѣдывали шотландскіе священники во имя религіи; какъ въ 1719 г. эдинбургскіе пресвитеріане запретили купанье по субботамъ и понедѣльникамъ, такъ какъ оба эти дня слишкомъ близки къ воскресенью и въ нихъ нельзя допускать столь нечестивыхъ дѣйствій. Шотландскіе пресвитеріане доходили до того въ своемъ педантичномъ ограниченіи личной свободы, что, составляя правила управленія одной колоніей, ввели въ нихъ параграфъ, воспрещающій мужу цѣловать жену, а матери цѣловать своего ребенка въ «день субботній». Не трудно представить себѣ какъ подобное фарисейское лицемѣріе должно было возмущать человѣка въ родѣ Бёрнса, и нечего удивляться, если въ своей «Holy Fair» (Святой ярмаркѣ) *) онъ смѣло восклицаетъ: «одни опьянѣли отъ благочестія, другіе отъ водки».

Ко всѣмъ, исключая этихъ лжетолкователей христіанской религіи, этихъ «образцевъ добродѣтели», относился Бёрнсъ съ полнѣйшею терпимостью. Тѣ, кто всѣхъ ниже палъ, пользуются, вслѣдствіе самыхъ своихъ заблужденій, особеннымъ расположеніемъ его—такъ какъ любовь и милосердіе отличаютъ всякаго истиннаго человѣка—и Бёрнсъ суровъ, только когда обличаетъ строгость и нетерпимость лицемѣрныхъ святошъ. Ни одинъ моралистъ по профессіи не преподалъ намъ лучшаго урока снисходительности къ слабостямъ другихъ, не заставилъ насъ сильнѣе почувствовать, что хотя мы знаемъ заблужденіе нашего ближняго, знаемъ его грѣхъ, но никто изъ насъ не знаетъ, противъ какихъ сильныхъ искушеній ему приходилось бороться, какимъ горькимъ раскаяніемъ онъ, быть можетъ, искупилъ свою вину.

«Снисходительно гляди на своего собрата-человѣка. Еще снисходительнѣе на женщину сестру, когда они идутъ по ложному пути. Заблуждаться свойственно человѣку; одно всегда остается для насъ темнымъ: причина, *почему* они такъ поступили,—и другое, чего мы тоже не можемъ знать: насколько они раскаиваются въ своемъ поступкѣ».

Трудно, даже можно сказать невозможно отдать пальму первенства какой-нибудь одной пѣснѣ или поэмѣ Бёрнса. Любимою поэмой Карлейля были «Веселые нищіе». Тэнъ считаетъ ее «son chef

---

*) Такъ называется въ Западной Шотландіи богослуженіе, совершаемое на открытомъ воздухѣ.

d'oeuvre pareil à celui de Béranger, mais combien plus pittoresque, plus varie et plus puissant» (его лучшимъ произведеніемъ, сходнымъ съ пѣснью Беранже, но гораздо болѣе живописнымъ, разнообразнымъ и сильнымъ). Самъ Бёрнсъ обыкновенно называлъ «Tom O'Schanter» лучшимъ своимъ произведеніемъ, и мнѣ кажется, онъ былъ правъ. Въ этомъ стихотвореніи ярче, чѣмъ во всѣхъ другихъ, выступаютъ разнообразные оттѣнки его таланта, грустный юморъ, вакхическая веселость и драматическая сила въ описаніи ужаснаго и сверхъестественнаго. Стихотвореніе начинается картиной того, какъ въ базарный день, когда разумные люди уже разъѣхались по домамъ, любители поболтать и выпить беззаботно остаются за столомъ, попивая вино, не думая о длинномъ пути, предстоящемъ имъ, забывая о своихъ сердитыхъ, угрюмыхъ женахъ, которыя сидятъ дома «и сдвигаютъ брови, точно надвигающаяся туча, и няньчатся съ своей злобой, чтобы она не остыла». Первымъ среди этихъ гулякъ былъ негодный Томъ, который «съ ноября и до октября» никогда не былъ трезвъ ни въ одинъ базарный день, и добрая жена котораго, Кэтъ, часто предсказывала, что рано или поздно его найдутъ затонувшимъ въ Дунѣ. Но подобно другимъ своевольнымъ мужьямъ, Томъ оставался глухъ къ ея пронзительнымъ упрекамъ и разумнымъ предостереженіямъ.

«Ахъ, милыя дамы, какъ мнѣ грустно подумать, что мужъ презираетъ такъ много нѣжныхъ совѣтовъ, такъ много длинныхъ, умныхъ поученій жены!»

Разъ, вечеромъ, въ базарный день Томъ сидѣлъ около печки въ трактирѣ. Съ одной стороны рядомъ съ нимъ былъ трактирщикъ, его старый пріятель, котораго Томъ любилъ, какъ родного брата, «за то, что они вмѣстѣ пили по цѣлымъ недѣлямъ», съ другой была улыбающаяся трактирщица, всегда готовая подарить «тайную милость, сладкую и драгоцѣнную», своему старому другу. Страшная буря бушевала на дворѣ, но Томъ не обращалъ на нее никакого вниманія. «Хвала королямъ,—побѣдителямъ слава и Тому, онъ побѣдилъ все зло въ жизни!» Однако, всякое удовольствіе должно имѣть конецъ, и вотъ пришелъ часъ, когда Тому надобно было уйти; когда часы пробили двѣнадцать, онъ сѣлъ на свою сѣрую кобылу Мегъ и отправился домой при такой бурѣ, что «ребенокъ не могъ не понять, какъ много дѣла у чорта въ эту ночь». Но выпивка сдѣлала Тома смѣлымъ и, равнодушно презирая какъ дождь, такъ и огонь, онъ беззаботно ѣхалъ по грязи и слякоти, напѣвая старую шотландскую пѣсенку и поглядывая по сторонамъ, чтобы чортъ не схватилъ его какъ-нибудь незамѣтно. Наконецъ, онъ подъѣхалъ къ самому мрачному мѣсту на своемъ пути, къ Кикъ

Алловейю, «гдѣ страшное зрѣлище открылось удивленнымъ глазамъ Тома. Мертвецы, гробы которыхъ стояли подлѣ, точно открытые сундуки, безумно плясали подъ музыку чорта, который сидѣлъ на стѣнѣ кладбища въ образѣ черной собаки; каждый мертвецъ держалъ въ своей холодной рукѣ свѣчу. Большинство пляшущихъ были изсохшія красавицы, старыя, смѣшныя, и такія безобразныя, что «всякому мужчинѣ было бы тошно смотрѣть на нихъ»; но среди нихъ была одна дѣвица, ловкіе танцы которой такъ плѣнили и очаровали Тома, что онъ совсѣмъ лишился разума и закричалъ: «хорошо, отлично»! Въ одну секунду все стемнѣло и черти съ бѣшенствомъ погнались за Томомъ; единственнымъ спасеніемъ ему было доѣхать до Дуна прежде, чѣмъ они его схватятъ, такъ какъ злые духи не могутъ переѣзжать черезъ рѣки.

«Бѣги, бѣги скорѣй, Мегъ, торопись доскакать до сводняго камня моста, пусть твой задъ его скорѣй минуетъ, они вѣдь не смѣютъ переходить черезъ текучую воду. — Черти гнались за благородной Мегги, впереди всѣхъ гналась Нанни и съ яростью бросалась на Тома. Но она не знала всей силы Мегги; однимъ скачкомъ лошадь вынесла своего господина на безопасное мѣсто, но сѣрый крупъ ея еще былъ на берегу; злая вѣдьма ухватилась за него и отъ бѣдной Мегги осталась одна култышка».

Таково было опасное путешествіе Тома домой.

«Если этотъ правдивый разсказъ прочтетъ человѣкъ, который чувствуетъ склонность къ вину и красавицамъ, пусть онъ помнитъ, что ему, можетъ быть, придется дорого заплатить за свои удовольствія, пусть онъ не забываетъ, что случилось съ кобылой Тома О'Шантерса».

Бёрнсъ заслужилъ признательность потомства, главнымъ образомъ, своими небольшими пѣснями. Въ нихъ онъ весь высказывается, какъ поэтъ и какъ человѣкъ. Эти пѣсни пришлись настолько по вкусу его соотечественникамъ, что трудно найти самый бѣдный коттеджъ, гдѣ не было бы хоть одного экземпляра сочиненій любимаго поэта Шотландіи, трудно найти крестьянина, который не зналъ бы наизусть хоть нѣсколькихъ строфъ изъ его пѣсенъ. Флетчеръ утверждаетъ, что составитель пѣсенъ оказываетъ бóльшее вліяніе на народъ, чѣмъ законодатель; признавая эту истину, мы должны сказать, что ни одинъ поэтъ не оказывалъ этого вліянія такъ непосредственно, какъ Бёрнсъ. И это было вполнѣ здоровое вліяніе: въ значительной степени благодаря ему, шотландская литература послѣдующаго періода отличалась свободой отъ предвзятыхъ мнѣній въ области религіи и политики. Направленіе ея было въ общемъ мужественно, велико-

душно и благородно. При всей свободѣ своей рѣчи, Бёрнсъ никогда не былъ пошлымъ, вульгарнымъ, низменнымъ. Самый холодный и черствый человѣкъ не можетъ не быть тронутъ простымъ и страстнымъ тономъ его пѣсенъ, не можетъ не чувствовать, что они вылились изъ сердца, что это не простое чириканье, остроумно скрашенное реторическими фигурами. Онѣ отличаются своеобразной мелодіей, ихъ не надо перелагать на музыку, онѣ сами въ себѣ заключаютъ музыку.

Написанныя подъ вліяніемъ реальныхъ впечатлѣній, пѣсни Бёрнса столь же разнообразны, какъ и эти впечатлѣнія. Ради удобства, ихъ можно раздѣлить на четыре группы: любовныя пѣсни, пѣсни о домашней жизни, вакхическія пѣсни, патріотическія пѣсни. Въ первой группѣ мы находимъ грустно-патетическія строки, которыя Байронъ взялъ эпиграфомъ къ своей «Абидосской Невѣстѣ», которыя, по мнѣнію Скотта, заключаютъ эссенцію всѣхъ любовныхъ пѣсенъ, которыя такъ любилъ Лермонтовъ и которыя онъ перевелъ:

«Если бы мы не любили такъ нѣжно, если бы мы не любили такъ слѣпо, если бы мы никогда не встрѣчались или не разставались, наши сердца не разрывались бы отъ горя» *).

Замѣтимъ, что въ первой строчкѣ перевода или, лучше сказать, переложенія Лермонтова «еслибъ мы не дѣти были» введена новая идея, мало соотвѣтствующая оригиналу.

Изъ пѣсенъ, касающихся домашней жизни, укажемъ на: *John Anderson, my jo, John* (Джонъ Андерсонъ, мой другъ, Джонъ), въ которой описывается со всѣмъ сочувствіемъ души, чуткой ко всему доброму и святому въ натурѣ человѣка, исторія нѣжной привязанности, силу которой не ослабили годы, постоянство которой не поколебали несчастія. Старая жена напоминаетъ своему старому мужу давно прошедшіе дни ихъ перваго знакомства, когда его кудри, теперь бѣлыя, какъ снѣгъ, были черны, какъ воронье крыло, когда его лобъ, теперь изрѣзанный морщинами, былъ бѣлъ и гладокъ. Она напоминаетъ ему тѣ веселые, пріятные дни, какіе они проводили вмѣстѣ въ молодые годы, и призываетъ благословеніе на «покрытую снѣгомъ» голову своего старика, находитъ утѣшеніе въ той мысли, что какъ они вмѣстѣ всходили на гору жизни, такъ и теперь они пойдутъ подъ гору рука въ руку и вмѣстѣ уснутъ, достигнувъ пристани.

---

*) Если бы мы не дѣти были,
Еслибъ слѣпо не любили,
Не встрѣчались, не прощались—
Мы съ страданьемъ бы не знались
(*Лермонтовъ*).

Человѣкъ, который не увлечется беззаботнымъ весельемъ вакхическихъ пѣсенъ Бёрнса, можетъ быть названъ «кислятиной», употребляя выраженіе поэта. Онѣ съ такой смѣлой искренностью прославляютъ здоровое веселье и доброе товарищество, что самый трезвый изъ насъ невольно поддается ихъ очарованію. Лучшая изъ нихъ та, въ которой разсказывается, какъ Робинъ и его другъ Алланъ узнали, что Вилли сварилъ цѣлый гарнецъ солоду. Они тотчасъ явились попробовать пива и во всемъ христіанскомъ мірѣ нельзя было найти болѣе веселыхъ сердецъ, чѣмъ у этихъ друзей, которые просидѣли всю длинную, длинную ночь за пробой новаго пива. Необыкновенно удаченъ упрекъ лунѣ, вообразившей, будто, сіяя высоко и свѣтло на небѣ, она заманитъ ихъ идти домой, прежде чѣмъ они самымъ основательнымъ образомъ узнаютъ вкусъ новаго напитка:

«Это луна, я знаю ея рога, которыя сіяютъ тамъ, высоко, въ небѣ; она нарочно блеститъ такъ ярко, чтобы сманить насъ идти домой, но, клянусь душой, ей придется порядкомъ подождать».

Въ одномъ письмѣ м. Симе, одного изъ близкихъ друзей поэта, мы находимъ описаніе путешествія, которое они сдѣлали вмѣстѣ въ 1793 г.—«На другой день мы вернулись въ Дёмпри и этимъ окончилось наше странствіе. Я говорилъ вамъ, что среди страшной бури въ Кенмурскомъ лѣсу, Бёрнсъ вдругъ сильно задумался. Какъ вы думаете, о чемъ онъ думалъ? Онъ вмѣстѣ съ Брюсомъ шелъ въ атаку на англійскую армію при Баунокбёрнѣ, и я не мѣшалъ ему». Таково происхожденіе его знаменитой военной пѣсни, сочиненной подъ аккомпаниментъ яростной бури при шумѣ урагана. Читая ее, мы представляемъ себѣ, что именно такими словами предводитель-герой долженъ былъ возбуждать свои войска къ битвѣ за свободу. Тѣ, кто не чувствуетъ ея достоинствъ, до конца жизни не поймутъ ея красотъ, хотя бы мы написали цѣлую книгу по этому поводу.

«Шотландцы, проливавшіе кровь съ Уалласомъ, шотландцы, не разъ ходившіе въ битву съ Брюсомъ, привѣтъ вамъ на краю славней могилы или славной побѣды!

«Пришелъ день, пришелъ часъ великой битвы; смотрите, вонъ идутъ полчища гордаго Эдуарда. Эдуардъ! Цѣпи и рабство! Кто низкій измѣнникъ, кто ляжетъ въ могилу трусомъ, кто такъ подлъ, что хочетъ быть рабомъ? Измѣнники! Трусы! Бѣгите прочь!

«Кто за шотландскаго короля и законъ готовъ смѣло поднять мечъ свободы, биться свободнымъ человѣкомъ и умереть свободнымъ? Каледонцы! Тѣ за мной. Ради горя, ради страданія неволи, ради нашихъ сыновей, которыхъ ждутъ цѣпи рабства, мы го-

товы отдать всю кровь изъ нашихъ жилъ, но они будутъ... они будутъ свободны! Свергнемъ гордыхъ утѣснителей, съ каждымъ убитымъ врагомъ однимъ тираномъ меньше, съ каждымъ ударомъ свобода ближе! Впередъ! Побѣда или смерть!»

Свѣтъ давно произнесъ свой окончательный приговоръ надъ Бёрнсомъ, какъ поэтомъ и какъ человѣкомъ. Каковы бы ни были его недостатки, мы не можемъ желать, чтобы онъ былъ инымъ. Есть пороки, гораздо менѣе отталкивающіе, чѣмъ самодовольныя добродѣтели какого-нибудь Грандиссона. Горячій и увлекающійся по темпераменту, онъ всегда былъ вѣжливъ и кротокъ въ своихъ отношеніяхъ къ окружающимъ. Слуги и работники на фермѣ обожали его, и одинъ изъ нихъ разсказывалъ намъ, что за время жизни на фермѣ, онъ видѣлъ своего хозяина разсерженнымъ всего два раза. У него всегда было готово слово сочувствія для всѣхъ, а тѣмъ, кто былъ бѣднѣе его, онъ помогалъ болѣе щедро, чѣмъ позволяли его скудныя средства. Несчастные никогда не обращались къ нему съ просьбой напрасно, и когда онъ не былъ въ состояніи оказать имъ помощь, онъ дѣлалъ для нихъ то, чего никогда не соглашался сдѣлать для самого себя: онъ просилъ за нихъ у богатаго, и просилъ такъ настойчиво, такъ краснорѣчиво, что было невозможно отказать ему. Этотъ человѣкъ обладалъ тою глубиной, тѣмъ жаромъ чувства, которые составляютъ отличительную черту высшихъ натуръ; вотъ почему его такъ любили Скоттъ, Локгардъ, Стюартъ и Брайджесъ, эти знатоки человѣческаго сердца. Какъ поэтъ, онъ въ своей области не имѣетъ соперниковъ. Излишне щепетильныхъ людей можетъ оттолкнуть грубость нѣкоторыхъ его выраженій, но на здороваго читателя изученіе его произведеній не можетъ не произвести хорошаго впечатлѣнія.

Въ этомъ короткомъ и неполномъ очеркѣ мы останавливались, главнымъ образомъ, на лучшихъ сторонахъ его таланта и характера, но наши похвалы могутъ показаться преувеличенными только лицамъ, незнакомымъ съ Бёрнсомъ. Если иногда онъ уступалъ увлеченію страсти и искушеніямъ «обманчивыхъ лучей фантазіи», мы не должны забывать, что, во всякомъ случаѣ, «свѣтъ, который велъ его впередъ, былъ свѣтомъ, исходящимъ съ неба».

Пер. съ рукописи **А. Н. Анненская.**

ИЗЪ РОБЕРТА БЁРНСА.

(Перевела О. Н. Чюмина).

ДОВОЛЬСТВО СУДЬБОЮ.

Свободенъ и веселъ, я малымъ доволенъ;
Міръ Божій мнѣ кажется чудно приволенъ,
Я радуюсь солнцу, я радуюсь дню,
И призракъ заботы я пѣсней гоню.
Взгрустнется ль, порой, подъ ударомъ судьбы—
Я вспомню, что жизнь намъ дана для борьбы;
Веселье равняется звонкой монетѣ,
Свобода же — санъ высочайшій на свѣтѣ,
И этого сана лишить не могли
Великіе мужи ничтожныхъ земли.
Мой путь не безъ терній, но, разъ ужъ пройденъ,
Кто вспомнитъ, какъ труденъ былъ путнику онъ?
Фортуну слѣпую мы часто поносимъ,
Но, какъ бы ея ни звалися дары:—
Пѣснь, наслажденье, работа, пиры,—
На все отвѣчаю я: — милости просимъ!

ПѢСНЯ.

Я женатъ, и не для свѣта,—
Для меня — жена моя.
За душой одна монета,
Но ея не занялъ я.
Въ долгъ ничѣмъ я не ссужаю
Изъ сосѣдей никого.
Да и самъ не занимаю
У сосѣда ничего.

Не бывалъ я господиномъ,
И слугой, ни для кого,—
Но съ мечомъ моимъ стариннымъ,
Не страшусь я ничего!
Пусть мой голосъ мало значитъ,
Пусть живу я бѣднякомъ,—
Обо мнѣ никто не плачетъ,—
Я не плачу ни о комъ.

НА ЧУЖБИНѢ.

Я сердцемъ не здѣсь, я въ шотландскихъ горахъ.
Я мчусь, забывая опасность и страхъ,
За дикимъ оленемъ, за ланью лѣсной,—
Гдѣ бъ ни былъ, я—сердцемъ въ отчизнѣ родной!
Шотландія! смѣлыхъ борцовъ колыбель,
Стремленій моихъ неизмѣнная цѣль,
Съ тобой я разстался, но въ каждомъ краю
Люблю я и помню отчизну мою!
Простите, вершины скалистыя горъ,
Долинъ изумрудныхъ цвѣтущій просторъ,
Простите, поляны и рощи мои,
Простите, потоковъ шумящихъ струи;
Я—сердцемъ въ родимыхъ шотландскихъ горахъ,
Я мчусь, забывая опасность и страхъ,
За горнымъ оленемъ, за ланью лѣсной,—
Гдѣ бъ ни былъ, я—сердцемъ въ отчизнѣ родной!

ОТВЕРЖЕННЫЙ.

Разсказъ Юхани Ахо.

Переводъ съ финскаго.

(*Окончаніе* *).

V.

Два года прожилъ Юнну въ своей избенкѣ среди трясинъ и болота, и никто не приходилъ къ нему, никто ему не мѣшалъ.

Однажды — это было на третью весну — сидѣлъ онъ въ лѣсу на берегу озерка и удилъ рыбу, какъ вдругъ изъ глубины лѣсной чащи донесся до него какой-то странный звукъ. Это были какъ будто удары топора, за которыми слѣдовалъ трескъ падавшаго дерева. Но кто рубитъ лѣсъ въ эту пору? спрашивалъ онъ себя, удивленный случившимся. Прислушавшись внимательно, онъ убѣдился, наконецъ, что, дѣйствительно, деревья падали одно за другимъ. Звуки раздавались въ лѣсу цѣлый день вплоть до вечера и на слѣдующее утро стали слышны яснѣе, ближе. На третье утро взошелъ Юнну на холмъ, возвышавшійся позади избы и увидѣлъ оттуда, какъ одна большая сосна сперва покачнулась немного и затѣмъ упала. Черезъ минуту въ томъ же направленіи и точно такимъ же образомъ упала другая.

Онъ занялся вопросомъ, не сходить ли ему посмотрѣть, кто это тамъ идетъ сюда. Онъ думалъ надъ этимъ, когда возвращался домой, думалъ и за работой, и за ѣдой, и даже тогда, когда ложился спать, онъ все размышлялъ объ этомъ. Словомъ, звуки эти не давали ему покоя. И вотъ, однажды, выйдя изъ дому, направился онъ въ ту сторону, откуда слышались удары топора и доносились голоса людей, разговаривавшихъ между собой.

---

*) См. «Міръ Божій», № 6, іюнь 1896.

Въ лѣсу не было никого, но здѣсь лежала за то, вытянувшись въ струнку, масса срубленныхъ деревьевъ, на небольшомъ разстояніи одно отъ другого, и торчали, какъ при землемѣрныхъ работахъ, воткнутыя въ землю шесты. Весь этотъ лѣсъ принадлежалъ хозяину. Ужъ не продалъ ли онъ этой части? Пожалуй, у Юнну будетъ здѣсь сосѣдъ?

Пройдя немного вдоль просѣки, онъ увидѣлъ, что она огибаетъ холмы, идетъ затѣмъ вдоль болота и, наконецъ, тянется по прямой линіи на огромномъ разстояніи, такъ что чуть глазъ хватаетъ.

Онъ вернулся домой, но не могъ заснуть до самаго восхода солнца, мучась сомнѣніями, которыхъ такъ и не рѣшилъ. Работа подвигалась туго: онъ все время прислушивался и все время слышалъ въ отвѣтъ удары топора, которые приближались все болѣе и болѣе, пока, наконецъ, не затихли въ субботу передъ обѣдомъ. Въ воскресенье онъ вышелъ на новую просѣку. Она подвинулась уже дальше, и направлялась, повидимому, къ долинѣ, прямо на его избу. Въ понедѣльникъ, когда онъ, окончивъ свою работу надъ плетнемъ, вышелъ на лугъ, посмотрѣть, что́ дѣлается, удары топора раздались уже совершенно близко; звуки неслись съ опушки лѣса, тянувшагося за полемъ. Тамъ слышенъ былъ разговоръ и удары по стволу дерева, какъ вдругъ, въ одинъ прекрасный моментъ, упала большая сосна и два человѣка вышли изъ лѣсу на поляну.

Когда они, пройдя поле по межѣ, приблизились къ двору, то Юнну, который до сихъ поръ стоялъ неподвижно возлѣ избы, вошелъ въ нее и заперъ за собой дверь. Скоро онъ, однако, не вытерпѣлъ и выглянулъ въ окно, выходившее на дворъ. Тѣ же двое незнакомцевъ устанавливали посреди двора какую-то удивительную штуку на трехъ ногахъ, въ которую они смотрѣли сперва по направленію къ лѣсу, затѣмъ по направленію къ избѣ, какъ будто желая черезъ оконныя рамы попасть ему прямо въ глазъ и, такимъ образомъ, застрѣлить его.

Въ ту же самую минуту, кто-то прошелъ мимо оконъ, взялся за дверную ручку и вошелъ въ избу... Это былъ... Тахво... Онъ подошелъ къ Юнну, потрясъ его за руку и произнесъ, усаживаясь на скамью:

— Я привелъ Юнну дорогихъ гостей?

— Что это за народъ?—спросилъ Юнну.

— Это инженеры.

— Что же они тутъ дѣлаютъ?

— А вотъ, чистимъ мѣсто для полотна желѣзной дороги.

Въ эту минуту вошли сами господа.

— Здравствуй, здравствуй,—проговорили они громко.—Здѣсь, однако, дворъ стоитъ, а мы и не знали ничего о немъ... Что, вы здѣсь хозяинъ?

— Онъ и хозяинъ, и хозяйка; воздѣлываетъ землю и ходитъ за своей лошадью и коровой,—объяснилъ Тахво, между тѣмъ какъ Юнну, стоя возлѣ печки, смотритъ на вошедшихъ, не будучи въ состояніи выяснить себѣ, кто они такіе и чего имъ здѣсь нужно; но въ то же время ему казалось, что онъ видѣлъ ихъ гдѣ-то прежде.

А господа тѣмъ временемъ—это были два молодыхъ инженера—завладѣли избой, будто своей собственностью, сняли съ себя верхнее платье, вещи свои частью разбросали по лавкамъ, частью развѣшали по стѣнамъ, между тѣмъ, какъ Тахво раскладывалъ на столѣ дорожныя мѣшки со съѣстными припасами.

— Можно получить здѣсь молока?—спросили инженеры.

— Сходи-ка, Юнну, за молокомъ для господъ,—разъяснилъ Тахво.

Юнну повиновался противъ воли; пошелъ, досталъ изъ боченка молока, налилъ его въ крынку, взглянулъ, проходя изъ клѣти черезъ дворъ, на срубленную сосну, лежавшую на межѣ, и на тотъ удивительный инструментъ на трехъ ножкахъ, который стоялъ теперь среди поля и все еще продолжалъ смотрѣть на его избу, и, войдя въ комнату, поставилъ молоко передъ господами, послѣ чего онъ опять отошелъ въ уголъ къ печкѣ и оттуда сталъ смотрѣть на своихъ новыхъ гостей, нервно посасывая свою трубочку.

Пока господа ѣли, Тахво сообщилъ ему, что желѣзнодорожная линія пройдетъ черезъ это мѣсто, что она теперь намѣчается только и что работа начнется около осени. Дорога будетъ проведена здѣсь по совершенно прямой, какъ выстрѣлъ, линіи и какъ разъ черезъ избу...

— Черезъ избу?—произнесъ, наконецъ, Юнну.

— Вамъ позволятъ отойти немного въ сторону,—сказалъ одинъ изъ инженеровъ.

— Равнымъ образомъ и поле твое, и твой лугъ разрѣшатъ перенести на другое мѣсто.

— Перенести на другое мѣсто?

— Да, конечно, да; ужъ если правительство приказываетъ, то здѣсь ничего не поможетъ.

— Правительство приказываетъ?

— Да, если оно приказываетъ, то остается только повиноваться.

Юнну показалось, что Тахво смѣется надъ нимъ; ему показалось, что онъ замѣтилъ легкую тѣнь злорадства въ его взорѣ и

въ полномъ недоумѣніи онъ смотрѣлъ то на Тахво, то на инженеровъ; это были тѣ самые господа, что прошлой зимой ударили по его лошади такъ, что она чуть не околѣла. Можетъ быть, они пришли съ другими, тайными намѣреніями... и, можетъ быть, все это только штуки Тахво.

Тахво, между тѣмъ, хотя его нисколько объ этомъ не просили, продолжалъ разсказывать, какъ онъ пришелъ сюда изъ города, передавалъ, что, кромѣ него, тутъ еще человѣкъ десять, что они намѣрены проводить линію дальше въ глубь лѣса, что плата хороша—три марки въ день на своихъ харчахъ, что ему обѣщанъ заработокъ вплоть до того времени, когда начнется постройка дороги. Самая выгодная работа—перевозная.

— Если бы можно было завести себѣ лошадь, то можно было бы имѣть и двойной заработокъ—прибавилъ онъ. — Но, у тебя, вѣдь, есть лошадь? Ты, говорятъ, купилъ того стараго мерина, на которомъ постоянно ѣздилъ...

Юнну не отвѣчалъ ничего.

— Корова у тебя тоже есть. На молокѣ ты могъ бы наживать хорошія деньги, особенно когда постройка линіи подойдетъ къ твоей пустоши... а подойдетъ она сюда, конечно, въ скоромъ времени. Можетъ быть, ты еще и надумаешь пойти съ нами на казенныя работы?

— У меня нѣтъ къ тому никакой охоты.

— Ну, тогда тебѣ волей-неволей придется убраться; лучшія твои поля уничтожатъ, и всѣ постройки ты вынужденъ будешь снести, чтобы очистить мѣсто для полотна.

— А если я не снесу ихъ?..

— Это тебѣ не позволятъ сдѣлать, потому что уклоняться отъ того направленія, которое утвердило правительство,—невозможно. И большіе дворы были, да и тѣ сносили. Щадятъ однѣ только церкви.

Юнну не сталъ спорить. Неизвѣстно еще, что это за люди— эти вотъ.

Закусивъ, инженеры встали изъ за стола, бросили за молоко нѣсколько мелкихъ монетъ, и, выйдя изъ избы, направились къ стоявшему среди поля трехногому инструменту, который они и перенесли затѣмъ оттуда на дворъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ прежде стоялъ инструментъ, Тахво воткнулъ въ землю одинъ шестъ, другой былъ воткнутъ на дворѣ и третій на межѣ, возлѣ опушки лѣса. Инженеры, предупредивъ, что всякій, кто тронетъ съ мѣста шесты, заплатитъ штрафъ, ушли со двора и скоро скрылись въ лѣсу.

Вскорѣ послѣ нихъ появились сюда какіе-то другіе люди съ топорами на плечахъ; они прошли прямо по полю къ дому, не удостоивъ даже взглядомъ Юнну, который стоялъ посередь двора, тупо глядя на проходившихъ мимо; пройдя къ опушкѣ, рабочіе принялись снова рубить.

Только тогда, когда они скрылись изъ виду, Юнну сталъ мало-по-малу понимать, что вокругъ него происходитъ.

Безъ причины они, конечно, не стали бы приходить въ такомъ числѣ. Можетъ быть, они дѣйствительно строятъ желѣзную дорогу... Можетъ быть они не на шутку грозили ему провести ее здѣсь, прямо черезъ то мѣсто, гдѣ стоитъ его изба... снести постройки и уничтожить поле... сюда придетъ сотня рабочихъ... его затопчутъ опять—и ему показалось, что онъ стоитъ среди села...

Сознаніе того, что происходитъ, какъ молнія, прорѣзало его мысли; все разъяснялось, одно за другимъ, и въ то же время онъ чувствовалъ словно камень за камнемъ упадалъ на его голову.

— Что же онъ, посторонится, начнетъ снова свою бродячую жизнь и снова попадетъ подъ ноги людямъ?..

Нѣтъ, онъ не сойдетъ съ дороги! онъ не двинется съ мѣста! пусть только они придутъ... онъ хватитъ каждаго хорошимъ березовымъ шестомъ по головѣ!

Кровь прилила у него къ мозгу. Они срубили его лѣсъ, безъ согласія его владѣльца и истоптали его поле!

Какъ они громко кричали за его столомъ, хвалясь, что снесутъ его избу!..

И зачѣмъ онъ не простился съ ними такъ, чтобы отбить у нихъ всякую охоту посѣтить его снова?

Но они еще попадутся ему въ лапы!..

Онъ уже хотѣлъ пуститься въ погоню за ними, но въ ту же минуту сдержалъ себя...

Нѣтъ, не такъ... не силой и битьемъ. Къ тому же, это вовсе не нужно. Вѣдь онъ правъ! Пусть только осмѣлятся они придти сюда! Пусть только начнутъ бить! Онъ не боится никого!

Онъ выдернулъ шестъ, который они воткнули въ землю, выдернулъ и тотъ, что стоялъ на дворѣ, втащилъ ихъ въ избу и бросилъ въ огонь.

VI.

Осенью желѣзнодорожныя работы производились уже вокругъ избы Юнну и были въ полномъ разгарѣ. Лѣсъ трещалъ по обѣимъ сторонамъ хуторка, раздавались выстрѣлы динамитныхъ па-

троновъ, постоянно слышались удары молота о камень, крики возчиковъ и монотонное пѣніе рабочихъ, заколачивавшихъ сваи.

Хуторъ Юнну лежалъ какъ разъ между двумя городами и здѣсь предполагали построить станцію, которая должна была служить главнымъ складочнымъ пунктомъ для товаровъ, доставляемыхъ изъ трехъ сосѣднихъ приходовъ.

Мѣсто вокругъ хутора очистятъ, лѣсъ вырубятъ, уничтожатъ поля, снесутъ избу, конюшню и сарай. Юнну принужденъ будетъ уступить новымъ строителямъ.

Но онъ не уступалъ и не намѣренъ былъ уступать. Онъ дѣлалъ видъ, что не понималъ того, что творится вокругъ. Онъ держался поодаль, не проходилъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ шла работа, притворялся, что никого не знаетъ. Всѣмъ, желавшимъ купить у него молока, отказывалъ наотрѣзъ, а просившимъ о ночлегѣ говорилъ, что изба ему самому нужна.

— Такъ нельзя ли устроиться на ночь въ банѣ или на чердакѣ?—Но и на это Юнну не соглашался. Инженеры сперва посылали къ нему одного человѣка за другимъ съ просьбой снести постройки къ первому ноября и угрожали, въ случаѣ неисполненія просьбы, снести ихъ на казенный счетъ.

Юнну отвѣчалъ, что онъ не двинется съ мѣста.

— Но надо же снести избу, разъ желѣзная дорога пройдетъ здѣсь?

— Желѣзная дорога можетъ дать крюку!

— Но, вѣдь, это невозможно.

— Она могла бы пройти гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ... кто ее просилъ проходить здѣсь?

Его сочли за идіота и рѣшили взяться за него только тогда когда это станетъ уже очень необходимо. Одно только время можетъ сломить его упрямство.

Но негодованіе Юнну расло по мѣрѣ того, какъ линія желѣзной дороги приближалась съ двухъ сторонъ къ его избѣ. Окончивъ лѣтнія работы, онъ сталъ свозить къ себѣ на дворъ бревна и, когда его спросили, что онъ думаетъ дѣлать, то онъ отвѣчалъ, что намѣренъ строить кладовую и новую баню на зиму.

Инженеры послали хозяина, чтобы тотъ урезонилъ Юнну.

— А возьмете вы на себя расходы по снесенію построекъ и уплатите мнѣ все, сколько стоила работа на поляхъ? — спросилъ Юнну грубо.

— Да развѣ я обязанъ дѣлать это?

— Такъ, можетъ быть, казна уплатитъ мнѣ?

— Ну, ужъ казнѣ-то вовсе не приходится быть твоей слугой.

— Какъ же это такъ? развѣ вы не говорили мнѣ, что я могу жить здѣсь, не платя аренды, десять лѣтъ?.. а теперь вы готовы вытолкать меня на большую дорогу?

— По мнѣ такъ живи здѣсь хоть двадцать лѣтъ; мнѣ бы все равно...

Юнну началъ сомнѣваться и въ хозяинѣ: тотъ смотрѣлъ на него какъ-то неискренне и какъ-то лукаво покачивалъ одной ногой въ то время, когда говорилъ. Онъ могъ бы помѣшать дѣлу, если бы захотѣлъ, но онъ тоже заодно съ желѣзнодорожниками; онъ всегда былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ господами, какъ, напр., и теперь съ этими инженерами, съ которыми онъ все ходитъ по работамъ — да, кромѣ того, у него самого работаютъ здѣсь двѣ лошади.

Но пусть всѣ они идутъ противъ него одного! На его сторонѣ правота и онъ не двинется съ мѣста. Онъ будетъ поступать имъ на зло, онъ принудитъ ихъ уклониться въ сторону и разочтется со всѣми! Зачѣмъ они пришли сюда мѣшать ему, несмотря на то, что *онъ* оставилъ ихъ въ покоѣ? Они могутъ убираться отсюда— онъ не позволитъ, пока онъ на ногахъ, снести избы! Вѣдь, будь *они* правы, они бы не пришли сюда и стали бы успокаивать его добрымъ словомъ... не стали бы предлагать ему работу, если бы не были убѣждены въ необходимости задобрить его. Что онъ къ первому ноября долженъ разобрать избу, въ противномъ же случаѣ, придетъ лэнсманъ и выгонитъ его отсюда — все это пустыя угрозы.

Приближался праздникъ «всѣхъ святыхъ», приближались къ избѣ Юнну и желѣзнодорожные рабочіе. Они выворачивали корни тамъ, гдѣ недавно былъ выкорчеванъ лѣсъ, разбивали камень, такъ что стѣны избы содрогались, а осколки летѣли прямо въ окна. Куда ни направлялся Юнну, всюду, на каждомъ шагу онъ встрѣчалъ людей и видѣлъ насмѣшливые взоры. Лишь только его замѣчали, какъ тотчасъ же, еще издали, летѣли ему на встрѣчу бранныя слова и вопросы, вродѣ того, хорошо ли доится его корова, довольно ли ему мѣста въ избѣ со всей своей семьей, или, напримѣръ,—онъ ли взялся по контракту построить одинъ станціонный домъ...

Юнну былъ какъ въ осадномъ положеніи и въ концѣ концовъ не рѣшался даже отходить отъ избы на далекое разстояніе изъ боязни, что «они», во время его отсутствія, сломаютъ ее.

Только однажды въ воскресенье собрался онъ съ духомъ и отправился (за то страшно торопясь) въ село, чтобы купить съѣстныхъ припасовъ. Послѣ этого онъ съ досады заперся у себя

въ избѣ, выходя только затѣмъ, чтобы задать корма скотинѣ; остальное же время или лежалъ на лавкѣ, или слѣдилъ изъ окна за движеніями враговъ.

Наканунѣ «всѣхъ святыхъ» увидѣлъ онъ, что Тахво прошелъ по двору; черезъ минуту онъ былъ уже въ избѣ. Юнну, рубившій въ эту минуту табакъ на доскѣ, сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ вошедшаго. Тахво сталъ передъ печкой и приложилъ къ ней руки, чтобы погрѣть ихъ.

— Меня послали сказать тебѣ, чтобы ты собиралъ свои вещи; завтра къ обѣду рѣшено сломать твою избу... Самое лучшее повиноваться,—продолжалъ онъ, видя, что Юнну не отвѣчаетъ.—Будетъ хуже, если ты вздумаешь сопротивляться начальству.

Юнну продолжалъ рубить все съ бо̀льшимъ и бо̀льшимъ рвеніемъ, не произнося попрежнему ни слова; вдругъ онъ такъ сильно ударилъ пестомъ, что полъ задрожалъ.

— Ты не продашь ли своей избы?—пошутилъ Тахво, отвернувъ голову отъ огня.—Я куплю ее, пожалуй, если ты продашь. Получишь сто марокъ за мѣсто? Ну?..

— Нѣтъ!

— Другіе больше не дадутъ... Лэнсманъ уже здѣсь на работахъ; онъ грозится сейчасъ же придти сюда и выгнать тебя, если ты не послушаешься добраго слова... Инженеры говорятъ, что подымутъ тебя на воздухъ вмѣстѣ съ избой, если ты станешь упрямиться... Впрочемъ, тебѣ, можетъ быть, хочется еще разъ попасть въ руки чиновниковъ?..

— Пошелъ прочь!—крикнулъ Юнну, подымаясь съ мѣста.

— Я уйду, я уйду; но скоро придетъ время, когда и ты долженъ будешь уйти...—Но, увидя, что въ рукахъ Юнну, какъ пустой боченокъ, поднимается тяжелый шестъ, онъ шмыгнулъ въ дверь и только успѣлъ запереть ее за собой, какъ шестъ ударился въ дверной косякъ и вылетѣлъ въ сѣни, гдѣ разбилъ старый, треснувшій уже горшокъ.

— Такому мошеннику да продавать свою избу! Этой образинѣ которая на всякую мерзость готова!.. Негодяю, который привелъ «ихъ» сюда! Не будь его, такъ чужіе господа и не пришли бы сюда никогда! Да, пусть-ка силой сломаютъ избу! Пусть только лэнсманъ попробуетъ придти сюда и выгнать меня изъ моего собственнаго дома! Путь они только попытаются!..

Онъ не успѣлъ еще закрыть дверей, какъ къ нему вошли лэнсманъ и инженеры. Юнну не снялъ шапки, не поднялся съ лавки, на которую только-что успѣлъ сѣсть, и не отвѣчалъ на привѣтствіе вошедшихъ.

— Такъ, такъ,—проговорилъ онъ съ усмѣшкой,—теперь, стало быть, выгонять меня пришли?

— Конечно, придется выгнать тебя, если ты не послушаешь добраго слова. Чего ты сердишься безъ всякой нужды? Вѣдь ты знаешь, что, когда приказываетъ начальство, такъ ужъ тутъ ничего не поможетъ,—сказалъ старый лэнсманъ дружескимъ тономъ.

— Но по какому праву оно приказываетъ?

— Правительство купило землю, желѣзная дорога должна пройти здѣсь и она пройдетъ.

— Я не видѣлъ документовъ.

— Да это и не нужно, потому что ты живешь на чужой землѣ.

— Но изба-то моя; я имѣю право хозяйничать здѣсь десять лѣтъ, не платя аренды.

— Кто тебѣ далъ такое право?

— Мы согласились такъ съ хозяиномъ.

— А бумага есть у тебя?

— Нѣтъ, мы согласились просто такъ, на словахъ.

— Такое соглашеніе ничего не значитъ, дружище, такъ какъ земля принадлежитъ хозяину, а онъ получилъ за нее по оцѣнкѣ.

— Получилъ за нее? А я не получилъ за свою избу ни гроша, мнѣ даже не предложили ничего?..

— Насъ это не касается, разъ хозяинъ, которому она по закону принадлежитъ, получилъ за нее.

— Хозяинъ?! Да не могъ же *онъ* получить за *мою* избу?!.

— Но онъ получилъ, сказано вѣдь. Да, наконецъ, это дѣло, касающееся тебя и твоего хозяина, которое вы можете рѣшить къ вашему обоюдному удовольствію. Правительству же нѣтъ никакого дѣла до вашихъ соглашеній.

Юнну сидѣлъ нѣсколько времени молча; наконецъ, поднялся со своего мѣста и громко произнесъ:

— Если это такъ, то онъ такой же негодяй, какъ и всѣ вы, остальные!..

— Подумай, что ты говоришь!—Лэнсманъ тоже горячился.

— Съ мошенниками, казнокрадами!.. Вонъ изъ моего дома!..

— Юнну, я предупреждаю тебя въ послѣдній разъ,—сказалъ лэнсманъ.

— Предупреждай, кого хочешь, лгунъ, собака!..—Слова застрѣвали у него въ горлѣ и языкъ не ворочался...

— Да онъ съ ума сошелъ! Не стоитъ спорить съ нимъ!—и, обернувшись къ рабочимъ, собравшимся у дверей избы, одинъ изъ инженеровъ крикнулъ:

— Берись! Намъ нѣтъ здѣсь времени разговаривать!..

— Смотри же, сопротивленіе не поведетъ ни къ чему,—напомнилъ Юнну лэнсманъ.

Но Юнну, потерявъ сознаніе, понимая ясно только то, что избу его хотятъ ломать, что его выгоняютъ изъ собственнаго дома и что отъ него отнимаютъ его добро, бросился мимо лэнсмана и инженеровъ на дворъ, гдѣ собравшаяся кучка любопытныхъ разступилась передъ нимъ, между тѣмъ какъ остальные рабочіе отовсюду сбѣгались на мѣсто происшествія.

— Не сломаютъ они моей избы,—крикнулъ онъ и схватилъ со двора огромный шестъ.

— Дѣлай, что я буду приказывать,—скомандовалъ одинъ инженеръ своимъ людямъ.

— Брось шестъ,—сказалъ лэнсманъ.

Люди стояли въ нерѣшимости...

— Испугались одного человѣка—что ли? трусы! Ломай крышу или я откажу каждому отъ мѣста!—крикнулъ инженеръ.

— А я въ порошокъ сотру каждаго, кто осмѣлится двинуться съ мѣста!..

— Ты думаешь, тебя боятся?—сказалъ Тахво и, пробѣжавъ мимо Юнну, сталъ взбираться по лѣстницѣ на крышу. Юнну ударилъ по немъ, но промахнулся и шестъ сломался въ его рукахъ; тогда онъ схватился за лѣстницу и такъ тряхнулъ ее, что она упала на землю, увлекши съ собою Тахво, который почти уже добрался до крыши.

Изъ груди Тахво вырвался страшный крикъ и онъ упалъ безъ чувствъ.

Въ ту же минуту лэнсманъ и инженеры схватили Юнну за шиворотъ и крикнули остальныхъ на помощь. Его прижали къ стѣнѣ, повалили, связали веревкой и, когда онъ настолько обезсилѣлъ, что былъ въ полномъ забытьѣ, бросили его въ сани.

— Вотъ что бываетъ за сопротивленіе начальству. Я покажу тебѣ, каналья!—говорилъ запыхавшійся лэнсманъ, затягивая веревку.—Приведите лошадь изъ конюшни, эй вы!..

Юнну лежалъ на днѣ саней, видѣлъ, какъ вывели изъ конюшни его лошадь, какъ запрягли ее въ его сани. Онъ потянулъ разъ - другой веревки, попробовалъ приподняться, но ему это не удалось, и онъ, опустившись снова, продолжалъ лежать неподвижно. Пока лэнсманъ готовился къ отъѣзду, Юнну имѣлъ возможность видѣть, какъ приставили сброшенную имъ лѣстницу вторично къ стѣнѣ; когда же полозья саней заскрипѣли по промерзшей землѣ, то съ крыши летѣли уже внизъ цѣлыя бревна, и береста какъ-то робко и нехотя катилась по полю, подгоняемая осеннимъ вѣтромъ.

— Наконецъ-то, вытащили медвѣдя изъ берлоги,—послышалось позади него и, какъ бы въ насмѣшку, раздалось на дворѣ громкое «ура».

VII.

За проступокъ свой Юнну былъ присужденъ къ уплатѣ денежнаго штрафа, еще одного штрафа за нанесеніе увѣчій и высидѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьмѣ за то, что употребилъ насиліе противъ правительственнаго чиновника при исполненіи имъ служебныхъ обязанностей. Слѣдствіе и разборъ дѣла затянулись настолько долго, что лѣто было уже въ полномъ разгарѣ, когда его освободили.

Съ обритой головой, въ платьѣ заключеннаго, былъ онъ около Иванова дня препровожденъ изъ ближайшаго города въ приходскую тюрьму, и здѣсь уже отпущенъ на волю.

Изъ села онъ направился прямо на свою пустошь, которая неотразимо влекла его къ себѣ. Лошадь была продана для покрытія расходовъ по судопроизводству, но корову свою онъ оставилъ на попеченіе одной старушки, которая обѣщала присмотрѣть за нею зимой. Юнну похудѣлъ за все это время, сгорбился и поблѣднѣлъ. Лобъ его нахмурился и покрылся морщинами, щеки ввалились, какъ будто отъ того, что онъ постоянно стискивалъ зубы. И глаза ввалились тоже, и только время отъ времени въ нихъ вспыхивалъ зловѣщій огонекъ.

Ни на судѣ, ни въ тюрьмѣ, ни при возвращеніи изъ тюрьмы съ конвойными, не произнесъ онъ ни единаго слова. Онъ упорно молчалъ съ той минуты, какъ его бросили въ сани. Въ залѣ суда было прочтено его метрическое свидѣтельство, и всѣ услышали при этомъ, что въ первый разъ онъ былъ наказанъ за воровство, и что онъ былъ сыномъ одинокой женщины и не помнилъ отца. Онъ не защищался, не опровергалъ свидѣтельскихъ показаній, ничего не отрицалъ, но и ни съ чѣмъ не согласился. Когда же хозяинъ объяснилъ судьѣ, что на его бывшаго работника смотрѣли всегда, какъ на полнѣйшаго идіота, такъ какъ безъ всякой видимой причины онъ могъ сердиться до бѣшенства, то онъ подумалъ про себя: пусть себѣ негодяй говоритъ, что хочетъ, а другіе вѣрятъ ему. Но уже тогда стали подниматься въ его душѣ мрачныя мысли. Онѣ крѣпли въ тюрьмѣ и въ одинокой кельѣ окружнаго заключенія. Но теперь онѣ не поднимались въ немъ въ видѣ дикихъ вспышекъ гнѣва, которыя мутили его мысль и помрачали зрѣніе; нѣтъ, теперь онѣ скопились подъ сердцемъ; здѣсь эти чувства росли да росли, всасывались въ кровь, и какой-то ржавчиной покрывали всю душу.

Онъ сожжетъ хозяйскій дворъ!.. (думалось Юнну). Онъ убьетъ Тахво и лэнсмана, засядетъ гдѣ-нибудь въ лѣсу и подстрѣлитъ инженеровъ; онъ раздѣлается со всѣми, кто укралъ у него его деньги, кто расхитилъ его добро, кто высмѣивалъ, кто поносилъ и гналъ его изъ дому, какъ дикаго лѣсного звѣря!..

Хозяинъ, говорятъ, хвалился тѣмъ, что получилъ двойную плату за ту землю, которую обработалъ Юнну. Тахво злорадствовалъ и торжествовалъ, что наконецъ-то ему удалось отомстить своему врагу; весь міръ, конечно, смѣялся надъ его несчастіемъ.

Нѣтъ на землѣ справедливости, всѣ люди, что жадные волки, голодные псы, которые пожираютъ каждаго, кто попадется имъ, рвутъ его на части и высасываютъ послѣднюю каплю крови!..

Но онъ долженъ отомстить, хотя бы ему самому пришлось пасть при этомъ!.. и когда такія мысли бродили у него въ головѣ, глаза его горѣли и онъ стискивалъ зубы...

Онъ подвигался впередъ къ своей пустоши по узенькой лѣсной тропинкѣ. Силы его упали отъ долгаго сидѣнія и дурной пищи такъ что онъ долженъ былъ время отъ времени садиться возлѣ дороги, чтобы отдохнуть. Онъ былъ голоденъ, и у него не было даже табаку. Онъ не имѣлъ его вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ. Гнѣвъ его улегся на минуту, планы мести забылись и мысль ослабѣла отъ долгаго напряженія.

Что онъ сдѣлалъ такого, что̀ даетъ людямъ поводъ обращаться съ нимъ безсердечно?—думалось Юнну. Развѣ онъ не старался уступить «имъ», задобрить «ихъ» и помириться со всѣми, съ кѣмъ онъ когда-либо ссорился? Развѣ онъ не оставлялъ ихъ въ покоѣ и не давалъ имъ дороги? Развѣ онъ не сторонился и не давалъ имъ пройти—почему же *они* не оставили его въ покоѣ, хотя онъ и стоялъ въ сторонѣ отъ дороги, но гнали его даже оттуда?.. О, если бы ему удалось пробраться туда, гдѣ бы никто его не видѣлъ и не слышалъ, завести бы тамъ лошадь и построить избу!.. Но кто знаетъ... можетъ быть, «они» ограбили бы его и тамъ, можетъ быть, они опять нагрянули бы туда, заковали бы его въ цѣпи и посадили въ тюрьму... Только бы не взяли его коровы!.. Можетъ быть, ему не получить ея больше назадъ, можетъ быть, они и ее украли тоже?—и съ такими мыслями онъ поспѣшно направился туда, гдѣ разсчитывалъ ее найти.

Ночь была темная и сырая, такъ что даже лѣсъ, только-что облекшійся въ свой зеленый нарядъ, казалось, мерзъ. Мѣсто ему было хорошо знакомо: по этой тропинкѣ онъ и прежде ходилъ не разъ. Но все казалось ему не такимъ, какъ прежде. Чѣмъ глубже уходилъ онъ въ глушь, тѣмъ шире становилась дорога, тѣмъ рѣже

былъ лѣсъ. Прежняя, спрятавшаяся въ лѣсу, тропинка была совсѣмъ на виду; по ней, очевидно, ѣздили въ телѣгахъ, потому что кое-гдѣ кора на деревьяхъ была ссажена колесами. На низкихъ мѣстахъ были устроены мосты, а возлѣ дороги, на небольшомъ разстояніи одинъ отъ другого, лежали вывороченные корни и верхушки деревьевъ, поваленныя какой-то страшной силой.

Ему вдругъ почудилось, будто всѣ колеи, всѣ слѣды ведутъ изъ лѣсу, будто какіе-то люди цѣлыми толпами ѣдутъ на телѣгахъ, несясь во всю прыть; испуганные, они бѣгутъ отъ своего преслѣдователя, который гонится за ними... Они бросили свою работу, кто-то выживаетъ ихъ отсюда своими чарами, не давая имъ покоя ни днемъ, ни ночью!.. Онъ заставляетъ лѣшихъ сбрасывать съ верхушекъ горъ камни въ долину, разрушать то, что построено за день, и созидать то, что уничтожено днемъ—и его избу... и его коня тоже!.. И вотъ они бѣгутъ, одинъ по слѣдамъ другого, наѣзжая другъ на друга, давя болѣе слабыхъ и отбрасывая ихъ въ чащу, гдѣ валяются остатки сброшенной поклажи, обломки оглобель, поломанныя колеса и остовы павшихъ лошадей...

Мракъ ночи дѣлался все гуще и гуще, Юнну начиналъ не на шутку вѣрить своимъ иллюзіямъ, ему хотѣлось узнать, дѣйствительно ли эти люди ѣдутъ отсюда, и, не будучи въ силахъ продолжать путь по дорогѣ, по обѣимъ сторонамъ которой онъ видѣлъ темныя фигуры и слышалъ ихъ таинственный шепотъ, онъ свернулъ въ сторону и побрелъ цѣликомъ по направленію къ Мусталампи.

Во время долгихъ безсонныхъ ночей, проведенныхъ въ тюрьмѣ, Юнну составилъ себѣ особенное представленіе о своемъ гнѣздѣ. Онъ представлялъ себѣ, какъ полотно желѣзной дороги становится все шире и шире, какъ лѣсъ уступаетъ ему мѣсто, онъ представлялъ себѣ лошадей и рабочихъ, которые отвозятъ въ сторону срубленныя деревья и камни, выворачиваютъ корни и ломаютъ камень, представлялъ, какъ люди лѣзутъ на крышу его избы, сбрасываютъ оттуда бревна, и какъ вѣтеръ катитъ бересту... и долго потомъ видѣлъ онъ передъ собой печь съ трубой, которая стояла одиноко среди поляны, словно послѣ пожара...

Но такой картины полнаго и скораго разрушенія, какую онъ увидѣлъ передъ собой теперь, выйдя изъ лѣса и очутившись передъ ровной, открытой, насыпью—онъ никогда не могъ бы представить себѣ.

Желѣзная дорога уже готова, насыпь есть, канавы выкопаны, рельсы положены. И на пути прямо передъ нимъ на высо-

*

кой насыпи стоитъ цѣлая вереница вагоновъ съ балластомъ, а во главѣ этой вереницы блестящій, изрѣдка испускающій глубокіе вздохи и съ усмѣшкой взирающій на него локомотивъ.

Не понимая ничего и насилу держась на ногахъ, пошелъ онъ, какъ-то крадучись, вдоль полотна по направленію къ болоту. Здѣсь стояли огромныя сваи, широко разставивъ ноги, вокругъ нихъ были разбросаны камни, приготовленные для постройки моста, и множество тачекъ, лежавшихъ, какъ попало, однѣ на боку, другія на спинѣ...

Ему стало страшно. Ему казалось, что онъ окруженъ какими-то невидимыми, но полными ненависти къ нему, существами, которыя слѣдятъ за нимъ въ лѣсу, тянутся, чтобы схватить его за ноги... дышутъ, пыхтятъ вокругъ него... Онъ хочетъ бѣжать въ чащу, но тамъ уставились на него окошки *), большія и маленькія, всѣ до единаго... на рельсахъ локомотивъ и вагоны, въ третьей сторонѣ сваи, въ четвертой—еще что-то... И онъ бѣгомъ пустился къ болоту.

Но едва онъ успѣлъ перебраться черезъ насыпь, на которой песокъ пустился-было въ погоню за нимъ, какъ очутился, самъ сначала того не замѣтивъ, передъ своей старой баней. Онъ остановился. Повидимому, кто-то жилъ въ ней. Черезъ полуоткрытую дверь слышалось всхрапываніе; войдя въ нее, онъ увидѣлъ на полу возлѣ печки старуху, ту самую, которой онъ отдалъ на попеченіе свою корову.

А корова? гдѣ его корова?

— Она цѣла,—сказала старуха, проснувшись и протирая со сна глаза. — Эту старую баню оставили въ покоѣ, хотя и грозились снести ее, какъ и всѣ другія постройки. Но они, конечно, уберутся отсюда, какъ только кончатъ свою новую работу. На Ивановъ день назначено освященіе. Прежняя-то твоя изба сломана, и хозяинъ продалъ стѣны Тахво, который поставилъ себѣ новую избу немного дальше отсюда въ лѣсу. Тамъ онъ, говорятъ, торговалъ водкой и разбогатѣлъ. И лошадь твоя тоже у него. Онъ купилъ ее на аукціонѣ за пятьдесятъ марокъ: она никуда, вѣдь, не годилась. Вотъ какіе скоты живутъ еще на свѣтѣ,—продолжала она въ утѣшеніе Юнну, увидѣвъ, что тотъ сидитъ на порогѣ, подперши голову руками.—Безъ зазрѣнія совѣсти обдерутъ человѣка, какъ они это сдѣлали съ тобой; имъ нипочемъ сломать домъ, который выстроилъ другой, заковать его въ кандалы и продать его единственную лошадь... И хозяинъ тоже... какой бы онъ

---

*) Болотныя окошки—отверстія, которыя совершенно всасываютъ попавшаго хотя бы одной ногой въ нихъ.

тамъ ни былъ... забралъ ужъ было все твое сѣно, которое ты собралъ съ болота, да я не дала... Уцѣлѣла одна твоя корова. Теперь я выпустила ее на ночь попастись; въ другое время ее одну и пускать нельзя съ тѣхъ поръ, какъ они тутъ разъѣзжаютъ то взадъ, то впередъ на своемъ локомотивѣ. Коровы, глупыя, до сихъ поръ еще не привыкли бояться его больше, чѣмъ обыкновенной лошади: весной двухъ ужъ задавили... и, вѣдь, ничего не платятъ за причиненіе убытка; потому, говорятъ, каждый долженъ выгонять свою скотину и смотрѣть за нею.

— Кто же заставлялъ тебя оставаться съ ней здѣсь?

— Нéкуда уйти отсюда — да здѣсь, кромѣ того, и за молоко лучше платятъ.

— Что жъ, «имъ» ты продаешь молоко?

— Они уговорили меня — трудно пропитанія-то добыть здѣсь на пустоши... а тутъ еще твое сѣно было...

— Гдѣ же пасется Омэна?

— Не далеко отсюда. Вотъ какъ разъ за полотномъ; тамъ тоже и другія коровы. Можно даже отсюда слышать звонъ ихъ колокольчиковъ. Ты ее легко найдешь. Если бы ты немного подождалъ, я бы кофе тебѣ сварила...

Но Юнну отвѣчалъ, что не хочетъ ждать такъ долго, всталъ и исчезъ въ лѣсу.

VIII.

Солнце поднималось уже изъ-за цѣпи горъ, всюду видно было движеніе, слышны были звуки человѣческаго голоса.

Осторожно шелъ Юнну вдоль полотна; онъ то отходилъ отъ него, то снова къ нему приближался съ намѣреніемъ его перейти; но на послѣднее у него не хватало духу.

Онъ не хотѣлъ оставаться здѣсь ни дня болѣе. Ему хотѣлось получить свою корову и исчезнуть съ ней прежде, чѣмъ кто-нибудь его увидитъ. Куда идти—это ему было совершенно безразлично... черезъ пустоши въ чужіе приходы, только бы уйти отсюда, гдѣ лѣсной духъ, преслѣдующій его, скрывается за каждымъ корнемъ, въ каждой разсѣлинѣ.

Вдругъ ему почудилось, что онъ слышитъ звонъ знакомаго ему колокольчика; онъ остановился. Когда же звонъ послышался еще разъ, онъ двинулся дальше, пустившись по тому направленію, откуда неслись звуки. Передъ нимъ открылась небольшая полянка. Онъ узналъ ее. Это было то самое мѣсто, которое онъ выжегъ прошлой еще весной и засѣялъ хлѣбомъ. Посреди полянки стоялъ его меринъ. Но какъ онъ исхудалъ отъ голода. Старая шерсть

на немъ была еще цѣла, но слѣзла уже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ; спина была стерта, на загривкѣ и на плечахъ виднѣлось прямо живое мясо; губы разодраны и голова опущена. Животное узнало своего хозяина, но, не будучи въ состояніи подойти къ нему, только слегка заржало; Юнну подошелъ къ нему, и старый меринъ толкнулъ его въ локоть мордой. «Что они сдѣлали съ тобою!.. скоты, негодяи», жаловался Юнну самому себѣ.

Забывъ, что лошадь больше не принадлежитъ ему, онъ взялъ ее за ремешекъ, на которомъ висѣлъ колокольчикъ, и хотѣлъ уже уводить съ собой своего стараго товарища.

— Эй, паренекъ, оставь мою лошадь!—крикнулъ вдругъ кто-то съ опушки и подбѣжалъ къ нему.

Это былъ Тахво.

Узнавъ Юнну, онъ смутился, остановился, но, увидѣвъ, что тотъ безоруженъ, между тѣмъ какъ у него самого былъ въ рукахъ топоръ, онъ собрался съ духомъ и подошелъ къ Юнну.

— Тащить мою лошадь! —крикнулъ онъ, грозя топоромъ, и тоже схватился за поводъ. Юнну отпустилъ его. Онъ что-то колебался, чувствовалъ себя слабымъ и не имѣлъ, потому, ни малѣйшаго намѣренія вступать въ рукопашный бой. Но Тахво вдругъ ударилъ его въ бокъ. Колѣно у Юнну какъ-то подвернулось, и онъ упалъ на землю.

Тахво же вскочилъ на лошадь и, ударивъ ее подъ брюхо концомъ повода, ускакалъ прочь. Юнну не могъ пуститься за нимъ въ погоню, не могъ даже разсердиться; онъ спокойно предоставилъ бѣглецу посылать по своему адресу ругательства всякаго рода вродѣ конокрада и разбойника, угрожать лэнсманомъ и новымъ заключеніемъ, пока тотъ не исчезъ въ лѣсу.

— Ну, рысью, клячонка дрянная! — донеслись до его слуха слова Тахво, обращенныя къ лошади.

Вѣдь она ему принадлежитъ, думалъ онъ вяло, все принадлежитъ ему... они дѣлаютъ, что хотятъ...

Онъ обезсилѣлъ — неодолимая слабость и утомленіе овладѣли имъ; солнце свѣтило ему прямо въ глаза, поднявшись надъ лѣсомъ; голова свѣсилась, онъ вытянулся на землѣ, забывъ о своей коровѣ, о своемъ желаніи уйти отсюда и все другое...

Но лишь только глаза его стали смыкаться, какъ въ ушахъ его раздался рѣзкій свистъ, словно его ожгли по спинѣ ударомъ бича. Ему показалось, что онъ слышитъ лязгъ и звяканье цѣпей, и онъ не могъ никакъ ясно сообразить, въ тюрьмѣ ли онъ, или это только сонъ.

Мало-по-малу онъ понялъ, что свистѣвшій и приближавшійся предметъ былъ ничто иное, какъ локомотивъ; онъ вдругъ вспом-

нилъ о своей коровѣ, вскочилъ на ноги и пустился во всю прыть черезъ камни и лежавшіе на землѣ стволы деревьевъ къ полотну дороги, будто желая помѣшать чему-то или отвратить какую-то опасность.

На противуположной сторонѣ насыпи стояло небольшое стадо, собиравшееся перебраться черезъ нее. Впереди шла корова Юнну; онъ узналъ ее, да и она въ ту же минуту узнала его. Поднявъ голову, она замычала, какъ бывало прежде, и пустилась къ Юнну, побрякивая колокольчикомъ, висѣвшимъ у нея на шеѣ.

Когда она приблизилась къ пути и уже собиралась перейти черезъ него, на поворотѣ показался локомотивъ; свистнувъ, онъ съ неудержимой силой устремился впередъ, выпуская паръ съ обѣихъ сторонъ.

Корова стала прямо на пути, въ недоумѣніи смотря на локомотивъ и не двигаясь ни взадъ, ни впередъ. Локомотивъ свистнулъ, загудѣлъ, зашумѣлъ, но уменьшить хода не могъ.

Юнну бросился впередъ, замахалъ руками, закричалъ, схватилъ свою корову за рога, но, когда онъ сталъ тянуть ее впередъ, она пятилась назадъ, а когда онъ толкалъ ее назадъ, она лѣзла впередъ... тѣмъ не менѣе, ему уже почти удалось перетащить животное черезъ рельсы, какъ вдругъ налетѣлъ локомотивъ, машинистъ ругался, показывалъ кулаки, тормаза злобно визжали. Налетѣвшій паровозъ разрѣзалъ животное на-двое и увлекъ одну часть съ собой; другая осталась въ рукахъ Юнну. Она еще жила нѣсколько секундъ, пока онъ держалъ ее за рога; но скоро упала навзничь подъ откосъ, пошевелила ногами, какъ будто желая вытянуться, и тутъ же, передъ своимъ старымъ хозяиномъ, окончила существованіе, продолжая еще нѣкоторое время смотрѣть на него потухшими глазами.

IX.

Въ Ивановъ день на станціи «Мусталампи» стоялъ изукрашенный флагами поѣздъ; неоконченныя строенія станціи были утыканы березками. Это былъ первый поѣздъ, шедшій по новой линіи, и комитетъ по постройкѣ дороги пригласилъ на эту увеселительную поѣздку всѣхъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ, а въ качествѣ почетныхъ гостей, всѣхъ вліятельныхъ лицъ изъ лежащихъ близъ дороги приходовъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ паровозъ переѣхалъ его корову, о Юнну не было ни слуху, не духу; онъ пропалъ безъ вѣсти, какъ сообщили въ приходѣ. Иногда, правда, машинисты паровозовъ баластныхъ поѣздовъ передавали, что видѣли его, какъ онъ пробирался въ лѣсъ отъ полотна дороги.

На томъ мѣстѣ желѣзнодорожнаго пути, гдѣ онъ, пройдя нѣкоторое разстояніе отъ станціи по совершенно прямой линіи, дѣлаетъ вдругъ поворотъ и, пробѣжавъ между двухъ каменныхъ стѣнъ, поднимается на высокую насыпь, проложенную по трясинѣ,—стоялъ между рельсъ на колѣняхъ какой-то человѣкъ и старался развинтить болты, скрѣплявшіе двѣ рельсы. Потъ градомъ катился по его лицу; бросая время отъ времени торопливые взоры по направленію къ станціи, онъ то принимался выколачивать топоромъ болты въ стыкахъ, то старался при помощи большого шеста приподнять рельсы съ земли. Онъ напрягъ всѣ силы, чтобы окончить то, чего хотѣлъ. Онъ хочетъ выжить отсюда всѣхъ своихъ враговъ, всѣхъ своихъ гонителей и мучителей: инженеровъ, лэнсмана, хозяина, Тахво, работниковъ, локомотивъ и машиниста, словомъ, всѣхъ, кто соединился противъ него, всѣхъ этихъ негодяевъ; онъ размозжитъ имъ головы однимъ ударомъ, они полетятъ у него всѣ подъ этотъ ужасный откосъ, всѣ потонутъ въ этомъ вязкомъ, глубокомъ болотѣ...

Вотъ что онъ выдумалъ, вотъ что выяснилъ онъ себѣ за эти послѣдніе дни, въ теченіе которыхъ онъ голодный бродилъ по лѣсамъ... Локомотивъ двигался взадъ и впередъ по рельсамъ, привлекалъ его къ себѣ изъ лѣсу съ неотразимой силой, привлекалъ его къ желѣзнодорожному полотну, гдѣ онъ слѣдилъ за всѣми его движеніями, бродя близь него ночью—онъ смотрѣлъ, какъ разбираютъ рельсы и какъ ихъ скрѣпляютъ—онъ слышалъ, какъ рабочіе говорили объ увеселительной поѣздкѣ въ городъ, назначенной на Ивановъ день...

Если бы у него былъ теперь въ рукахъ ломъ и тяжелый молотъ, онъ однимъ ударомъ, однимъ напоромъ сломилъ бы податливую рельсу... болты не сдавали, а между тѣмъ, за вторую рельсу онъ еще и не думалъ браться...

Но онъ во что бы то ни стало долженъ сдѣлать свое дѣло! Оно должно удасться.

Локомотивъ уже дымился вдали на станціи, люди черной лентой окружали его, входили въ вагоны, шумѣли, кричали «ура» и трубили въ рога, такъ что лѣсъ вторилъ имъ.

Высоко надъ головой занесъ онъ свой топоръ, ударилъ имъ и заклепка сломилась. Онъ подложилъ подъ рельсу шестъ—она подалась немного. Но другой болтъ держался еще очень крѣпко въ стыкѣ, такъ что рельса только погнулась легонько и затѣмъ снова пришла въ прежнее положеніе.

На станціи раздался протяжный нетерпѣливый свистокъ—сигналъ къ отъѣзду.

Но второй болтъ сидѣлъ попрежнему крѣпко. Ему не удастся сломить его, прежде чѣмъ поѣздъ проѣдетъ мимо, и такимъ образомъ они спасутся.

Не оставить-ли до другого раза?—Нѣтъ, онъ не можетъ, онъ не хочетъ—все должно совершиться теперь; именно теперь слѣдуетъ отмстить за всѣ страданія!

Онъ взялъ топоръ и сталъ снова бить по стыку.

Но топоръ ударился о камень, искры брызнули кругомъ и лезвіе его притупилось. Поѣздъ уже двинулся впередъ; шумъ отъ него слышался все яснѣе и яснѣе.

Онъ снова схватилъ шестъ, вогналъ его подъ рельсу и всею своею тяжестью навалился на него. Рельса поднялась съ земли, заклепка сломилась и болтъ выскочилъ...

Наконецъ-то!..

Когда онъ сдѣлалъ еще одно усиліе, шестъ сломился и самъ онъ упалъ на насыпь. Но въ ту же минуту онъ услышалъ стукъ вагоновъ, проѣзжавшихъ между каменными стѣнами.

Въ бѣшенствѣ вскочилъ онъ на ноги, схватился за рельсу руками, рвалъ ее пальцами, впивался въ нее зубами—словомъ, не зналъ самъ, что дѣлалъ...

Локомотивъ свистнулъ у его за спиной.

Ему не удастся окончить работу, они спасутся, они переѣдутъ его!..

Нѣтъ, никогда!..

Онъ отскочилъ въ сторону, увидѣвъ передъ собой локомотивъ съ развѣвающимися флагами, съ блестящими глазами, который шипѣлъ и съ грохотомъ надвигался на него—вдругъ новая мысль мелькнула въ его головѣ...

Онъ нагнулся, обхватилъ руками огромный камень, поднялъ его въ воздухѣ, бросился, закрывъ глаза, къ рельсамъ и швырнулъ его на встрѣчу приближавшемуся чудовищу. Въ ту же минуту раздался страшный крикъ, и Юнну, потерявъ сознаніе, со всѣхъ ногъ бросился съ насыпи въ чащу лѣса.

Очнувшись, онъ увидѣлъ, что лежитъ на спинѣ, что земля подъ нимъ ходитъ и что онъ окруженъ людьми, которые кричатъ что-то и жестикулируютъ; онъ узналъ среди нихъ инженеровъ, лэнсмана, хозяина и Тахво... голова у него болѣла, локомотивъ свистѣлъ какъ-то злорадно, дымъ клубился передъ его глазами, и тутъ онъ понялъ, что его везутъ на поѣздѣ, который, двигаясь полнымъ ходомъ, уноситъ его съ собою въ городъ, но ужъ навсегда...

ПО НОВОМУ ПУТИ.

Романъ.

*(Продолженіе *).*

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

IX.

Настоящее веселье приходитъ тогда, когда его совсѣмъ не ждутъ. Честюнина совершенно не думала о томъ, какъ проведетъ лѣто—приходилось сдавать трудные экзамены за два курса и было не до размышленій о будущемъ. Правда, когда пахнуло больной петербургской весной, явилось смутное желаніе какой-то воли, простора и свѣжаго воздуха. Кругомъ всѣ говорили о переѣздѣ на дачу, о счастливыхъ лѣтнихъ уголкахъ, „о блаженной жизни первыхъ человѣковъ“ вообще, какъ выражался Эженъ. Только у Брусницыныхъ не было ничего подобнаго. Увы! диссертація не была кончена, и Елена Петровна глухо молчала, когда слышались лѣтніе разговоры. Честюнина понимала, что Сергѣю Петровичу предстояло провести цѣлое лѣто въ Петербургѣ—это было наказаніе за легкомысленное поведеніе зимой.

— Мнѣ Елена Петровна пропишетъ эпитимію...—сообщилъ Сергѣй Петровичъ по секрету Честюниной. — Буду искушать свою грѣшную душу лѣтней пылью, жаромъ и духотой въ предѣлахъ Васильевскаго Острова. Ce que femme veut—Dieu le veut.

— И вы впередъ покорились своей судьбѣ?

— А что сдѣлаешь съ женщиной? Мнѣ - то все равно,

---

*) См. «Міръ Божій», № 6, іюнь 1896 г.

пожалуй, гдѣ ни сидѣть, а жаль ея... Она-то изъ-за чего будетъ чахнуть все лѣто? А вы куда?

— Никуда...

Когда экзамены кончились, Честюниной очень хотѣлось увидать дядю. Ей было жаль старика, который не смѣлъ къ ней показаться. Еленѣ Ѳедоровнѣ угодно было ревновать его къ родной племянницѣ... Эженъ бывалъ въ послѣднее время очень рѣдко—у него тоже были экзамены.

— Предки собираются заграницу,—объяснилъ онъ какъ-то.—Меня мутерхенъ тоже хочетъ тащить съ собой, а я...

— Ты влюбленъ въ Елену Петровну?..

— Да... я уже объяснялъ тебѣ, Марьэтта, что именно такого сорта женщины мнѣ и нравятся: строгая, неподступная, карающая, неумолимая и жестокая. Я жажду сладкаго рабства... Впрочемъ, у меня это въ крови отъ предковъ: папахенъ несетъ иго всю жизнь. Собственно говоря, я не завидую старику и предчувствую, что устроюсь еще похуже. Представь себѣ меня мужемъ Елены Петровны... Если она такъ скрутила любезнаго братца, то что она сдѣлаетъ изъ мужа—страшно подумать! И все-таки я ее люблю, и меня такъ и тянетъ къ ней, какъ робкаго путешественника тянетъ заглянуть на дно пропасти.

— Эженъ, устрой мнѣ свиданіе съ предкомъ... Мнѣ его хочется видѣть передъ отъѣздомъ. Я хотѣла ему написать, но...

— Боже тебя сохрани! Мутерхенъ всѣ письма ревизуетъ... Я много страдалъ изъ-за этого скромнаго занятія. Да, такъ я устрою тебѣ свиданіе, а ты... услуга за услугу... гм...

— Именно?

— Видишь ли, самъ я не рѣшаюсь, а ты, какъ будто шутя, переговори съ Еленой Петровной... Понимаешь? Чтó бы она сказала, если бы я... гм...

Честюнина смѣялась до слезъ, слушая это робкое признаніе неопытнаго юноши. Эженъ даже обидѣлся.

— Чему же ты смѣешься, Марьэтта?! Нисколько не смѣшно... Я говорю совершенно серьезно. Знаешь, я и имя придумалъ: Эллисъ... Вѣдь красиво? Вотъ ты ничего не замѣчаешь, а когда мы пьемъ вмѣстѣ чай, я смотрю на нее и повторяю: „Эллисъ... милая Эллисъ... сердитая Эллисъ...

дорогая, чудная, божественная Эллисъ!..“ Если бы она только подозрѣвала, какъ я ее называю... ха-ха!.. А потомъ, какой я сонъ надняхъ видѣлъ...

— Чего же тебѣ еще нужно?.. Кажется, ты достигъ уже вершины возможнаго на землѣ счастья...

— Марьэтта, ты смѣешься надъ самымъ святымъ чувствомъ... Я буду умолять тебя на колѣняхъ: переговори съ ней... Т. е. не говори прямо — это глупо называть вещи своими именами, а такъ, попытай... Она говоритъ обо мнѣ?

— Да, и очень часто... Удивляется, что ты такой шалопай.

— Боже мой, какъ я счастливъ!.. Вниманіе погубило первую женщину...

Свиданіе состоялось вечеромъ въ Румянцевскомъ скверѣ, куда Анохинъ явился съ портфелемъ. Дома онъ сказалъ, что ѣдетъ въ какую - то коммиссію. Старикъ сильно измѣнился и смущенно проговорилъ:

— Маша, ты, конечно, догадываешься, почему я не бываю у тебя... Глупѣе положенія трудно придумать. Помнишь, какъ въ прошломъ году мы мечтали это лѣто провести въ Сузумьи? А я долженъ тащиться заграницу, въ какой-то дурацкій Франценбадъ... Еще разъ глупо и нелѣпо. Ты, конечно, ѣдешь на лѣто домой?

— Мнѣ очень-бы хотѣлось, дядя, но...

— Гм... да... понимаю. Катя мнѣ разсказывала... Да, пожалуй, дѣйствительно, не совсѣмъ удобно. Эти романы между друзьями дѣтства всегда такъ кончаются... А если онъ хорошій человѣкъ, Маша?

— Я его не люблю, дядя... и никого не люблю. Да, кажется, и не въ состояніи кого-нибудь любить...

— Ну, это, положимъ, пустяки...

— Нѣтъ, совершенно серьезно. И я такъ счастлива быть только самой собой... Что хочу, то и дѣлаю, и никому не даю ни въ чемъ отчета. Худо—мое, хорошо—мое...

— Но, вѣдь, это скучно, Маша?..

— Нисколько...

Старикъ подумалъ, взялъ ее за руку и проговорилъ:

— И не выходи замужъ... да. Самое благоразумное... У тебя есть святое дѣло, которое наполнитъ всю жизнь. Я понимаю...

— Дѣло дѣломъ, дядя, но я убѣдилась въ томъ, что нужно имѣть особую натуру для, такъ-называемаго, семейнаго счастья. А у меня именно этого и не достаетъ... Вѣдь это величайшее счастье быть одинокимъ!..

Анохинъ посмотрѣлъ на племянницу невѣрящими глазами и тяжело вздохнулъ. Господи, если бы ему отвѣтила этими словами его собственная дочь?.. Чего бы онъ не далъ? Старая отцовская рана раскрылась, все то, что молчалось и только думалось.

— Маша, гдѣ Катя? тихо спросилъ старикъ какимъ-то не своимъ голосомъ.—Она мнѣ зимой послала записку съ Эженомъ... Мнѣ кажется, что она не нормальна. Ты ее давно видѣла?

— Не особенно давно... Если въ ней есть что ненормальное, такъ это то, что она теперь замужняя женщина.

Старикъ схватился за голову и глухо застоналъ.

— Замужняя женщина? О, Господи...

Въ слѣдующую минуту онъ схватилъ Честюнину за руку и тихо проговорилъ:

— Я все пережилъ, Маша... Для меня сейчасъ Катя, какъ покойница... да, живая покойница. Я знаю ея характеръ и знаю, что ко мнѣ она не обратится никогда, что бы съ ней ни было. Она придетъ къ тебѣ въ минуту горя... Маша, заклинаю тебя всемъ святымъ, не оставляй ея!.. Что нужно—я все сдѣлаю для нея, но только, чтобы объ этомъ никто не зналъ, а всѣхъ меньше сама Катя... Вотъ я сейчасъ сказалъ, что она умерла для меня, и совралъ: для отца съ матерью дѣти не умираютъ. И мнѣ все кажется, что она придетъ ко мнѣ — нѣтъ, не придетъ, а вспомнитъ. Я даже во снѣ слышу ея голосъ... Она мнѣ все кажется маленькой, безпомощной, и я все ее защищаю отъ чего-то...

— Что же я должна дѣлать, дядя?

— Все, что нужно... А, главное, не оставляй ея. Ты мнѣ дашь честное слово, Маша... Я тебѣ только одной вѣрю, какъ простой и хорошей русской дѣвушкѣ.

— Я и безъ твоей просьбы, дядя, все сдѣлала бы... Ты меня, наконецъ, обижаешь.

— Нѣтъ, мнѣ нужно слышать отъ тебя честное слово... Да?

— Честное слово, дядя... Я люблю Катю, какъ родную сестру. Она хорошая...

— Хорошая? Вотъ въ этомъ и вся ея бѣда... Вся хорошая... Какъ отецъ, я могу ошибиться, быть пристрастнымъ, но, Боже! какъ я ее люблю... Я постоянно думаю о ней, вижу ее... Да нѣтъ, что тутъ говорить... Такихъ и словъ нѣтъ, Маша.

Они разстались очень грустно. Анохинъ начиналъ нѣсколько разъ прощаться и что-то припоминалъ еще.

— Она любитъ конфекты, Маша... ты какъ будто отъ себя приноси ей...

— Хорошо.

— Потомъ... да... Ахъ, да, она любитъ разныя тряпки... Роскоши я не выношу, но... Если ей что - нибудь нужно... да... Однимъ словомъ, сдѣлай все, Маша.

Старикъ ушелъ изъ сквера, пошатываясь, какъ пьяный. Честюнина проводила его со слезами. Какой чудный, хорошій, простой старикъ... Вѣдь такой любви нѣтъ цѣны, и если бы Катя могла когда-нибудь понять ее. У Честюниной оставалось какое - то недовѣріе къ Катѣ... Слишкомъ было много въ ней совсѣмъ неудобныхъ порывовъ, подкупавшихъ яркостью красокъ, но все это были минутныя вспышки, и нельзя было поручиться за слѣдующій день.

Вопросъ о лѣтѣ разрѣшился совершенно неожиданно. Во-первыхъ, явился Крюковъ, блѣдный, больной, несчастный. Онъ разыскалъ Честюнину, чтобы передать ей работу у профессора Трегубова.

— Мнѣ ее давно обѣщали, теперь получилъ и не могу...— объяснилъ онъ съ грустной улыбкой.—Вотъ и пришелъ предложить вамъ. Вѣдь вы съ грѣхомъ пополамъ можете маракавать и по французски, и по нѣмецки?

— Попробую...

— Работа не трудная, но требуетъ большой аккуратности. Долженъ васъ предупредить, Марья Гавриловна, что Трегубовъ человѣкъ очень требовательный, хуже всякаго нѣмца... Вообще, жила. Да... Я у него работалъ и не обращалъ вниманія. Пусть его ворчитъ и ругается... Говорятъ, у него печень вся въ дырьяхъ—вотъ онъ и злится.

Честюнина была рада этой работѣ, но маленькое затрудненіе получалось только въ томъ, что Трегубовъ жилъ на дачѣ въ Озеркахъ.

— Что же, и вы наймите себѣ тамъ же комнатку,— совѣтовалъ Крюковъ.—Мѣсто очень хорошее ..

— Я знаю... Но, вѣдь, нужны деньги для дачи, а ихъ у меня нѣтъ.

Крюковъ подумалъ и совершенно серьезно проговорилъ:

— У кого же нынче есть деньги? Вотъ и у меня нѣтъ... Долженъ оставаться на лѣто въ Петербургѣ, а доктора совѣтуютъ ѣхать въ Крымъ или въ Ментону. Дураки...

Дамы отнеслись съ большимъ участіемъ къ положенію больного Крюкова, особенно Елена Петровна. Онѣ придумывали всевозможныя средства, какъ бы его устроить на лѣто. Главное затрудненіе заключалось въ томъ, что денегъ онъ не возьметъ, а подъ видомъ работы помощи тоже не приметъ. Судили - рядили и въ концѣ концовъ обрушились на Сергѣя Петровича.

— Ты—мужчина и долженъ его устроить,—рѣшительно заявила Елена Петровна.—Бѣгать по редакціямъ съ рекламами умѣешь, мирить женъ съ мужьями тоже.

— Что же я?.. Я, конечно, съ большимъ удовольствіемъ... Однако, Леля, причемъ тутъ я? Должна быть, наконецъ, равноправность...

— Презрѣнный и ничтожный человѣкъ!.. Эгоистъ... Если бы дѣло шло о какой - нибудь юбкѣ... Мнѣ совѣстно говорить!..

Сергѣй Петровичъ молодушно спасался за свой письменный столъ и даже баррикадировалъ свою особу разными фоліантами. Мало ли бѣдныхъ студентовъ и больныхъ людей— что же онъ можетъ сдѣлать? Это только женскій мозгъ могъ придумать, что именно онъ долженъ благотворить студенту, который вдобавокъ еще обругаетъ его за непрошенное вмѣшательство. Даже Честюнина, всегда спокойная и выдержанная, замѣтила ему:

— Сергѣй Петровичъ, вы, конечно, придумаете что-нибудь... Мы съ Еленой Петровной рѣшительно ничего не могли изобрѣсти.

— Марья Гавриловна, и вы?!. Что же, по вашему, у меня двѣ головы, десять, сто? А меня вы, вѣроятно, принимаете за Наполеона, волшебника, Чингисхана?

X.

Выходъ нашелся самъ собой. Честюниной приходилось ѣхать на дачу къ Трегубову съ Крюковымъ. Елена Петровна нашла, что Сергѣю Петровичу можно позволить подышать свѣжимъ воздухомъ одинъ вечерокъ, и она внушительно посовѣтовала ему ѣхать съ молодыми людьми.

— Я вполнѣ довѣряю тебя Марьѣ Гавриловнѣ...

— Какъ довѣряютъ разстроенное фортепьяно настройщику?

Честюнина была тронута такимъ довѣріемъ и потащила за собой Елену Петровну.

— Поѣдемте всѣ вмѣстѣ, Елена Петровна... Вѣдь можно же себѣ позволить всего одинъ вечерокъ? Ну, сдѣлайте это для меня...

Елена Петровна нѣсколько времени колебалась, точно ее уговоривали поджечь домъ или что-нибудь въ этомъ родѣ, и только по зрѣломъ размышленіи согласилась. Дѣло въ томъ, что, пока Честюнина и Крюковъ будутъ вести переговоры съ Трегубовымъ, Сергѣй Петровичъ останется одинъ. Да, совершенно одинъ... Развѣ за такого человѣка можно поручиться? Просто, пойдетъ въ паркъ и заблудится.

— Такъ и быть...—согласилась наконецъ Елена Петровна.

День былъ солнечный, теплый, хорошій. Всѣ четверо замѣтно оживились, потому что Крюкову пришла счастливая мысль ѣхать отъ самого Васильевскаго Острова до Выборгской Стороны на яликѣ. Это простое обстоятельство всѣхъ развеселило, и Сергѣй Петровичъ даже вспомнилъ съ радости, что вѣдь онъ хорошо знакомъ съ этимъ Трегубовымъ и постоянно встрѣчается.

— Что же ты молчалъ до сихъ поръ?—разсердилась Елена Петровна, т. е., вѣрнѣе сказать, хотѣла разсердиться, но Нева такъ красиво переливалась на солнцѣ, мимо бѣжали такъ весело финляндскіе пароходики, яличникъ смотрѣлъ на господъ и такъ весело-глупо улыбался, что сердиться было невозможно.

Это хорошее настроеніе не оставляло всю компанію вплоть до Озерковъ, и, выходя изъ вагона, Сергѣй Петровичъ проговорилъ съ нѣкоторымъ изумленіемъ:

— Отчего мнѣ сегодня всѣ женщины кажутся хорошенькими?

Всѣмъ сдѣлалось окончательно весело, и даже смѣялась Елена Петровна. Ей дорбгой пришла счастливая мысль, которую она сейчасъ же и сообщила Честюниной, именно, отчего не пристроить Крюкова къ Сергѣю Петровичу—стоитъ сказать только, что онъ запоздалъ съ диссертаціей и страшно спѣшитъ. А подъ видомъ работы можно и помочь ему совершенно незамѣтно. Честюнина одобрила этотъ планъ и прибавила, что можно даже такъ устроить, какъ будто Крюковъ дѣлаетъ одолженіе. Онъ будетъ и завтракать, и обѣдать у Бруснициныхъ—однимъ словомъ, отлично.

— Пока вы будете у Трегубова, я это все устрою съ братомъ,—шепнула Елена Петровна.—Онъ страшный эгоистъ, какъ всѣ мужчины...

Озерки только еще начинали застраиваться новенькими дачками, и молодая компанія восхищалась каждой постройкой. Боже мой, есть же счастливцы, которые будутъ жить все лѣто въ сосновомъ лѣсу, будутъ купаться, будутъ кататься на лодкахъ, будутъ дышать свѣжимъ воздухомъ и т. д. Имъ должно быть даже совѣстно немного, потому что другіе лишены всего этого. Они раза два останавливались передъ дачами и вслухъ мечтали. Кто будетъ жить на такой дачѣ? Онъ, вѣроятно, чиновникъ, а она хорошенькая, глупенькая блондинка—въ послѣднемъ всѣ были увѣрены. По утрамъ въ дачномъ садикѣ будетъ гулять кормилица съ ребенкомъ, а по вечерамъ на террасѣ будутъ винтить. Въ скверные дни она будетъ капризничать, жаловаться на судьбу, находить себя самой несчастной женщиной (потому что у сосѣдей дачи лучше) и устраивать жестокія сцены своему чиновнику.

— Я почти вижу все это...—увѣрялъ Крюковъ.—Потомъ у нихъ не будетъ денегъ на переѣздъ въ городъ, и она будетъ ворчать...

Особенно понравилась одна небольшая двухъ - этажная дачка, имѣвшая самый любезный, „приглашающій“, видъ, какъ выразился Крюковъ.

— Господа, зайдемте и посмотримъ,—предложилъ онъ, начиная уже школьничать. — Другіе могутъ же смотрѣть

дачи, отчего же и намъ не позволить такой роскоши... Будто мы одна семья: два брата и двѣ сестры.

— Нѣтъ, будто двѣ счастливыхъ парочки, — поправилъ Сергѣй Петровичъ. — Mesdames, ваши руки... Пожалуйста, примите нѣжное выраженіе...

Даже Елена Петровна не протестовала, подавая руку Крюкову. Когда явился дворникъ, всѣмъ хотѣлось расхохотаться. Сергѣй Петровичъ говорилъ неестественно громко, ковырялъ пальцемъ невысохшую хорошенько краску и задавалъ дворнику самые смѣшные вопросы, вродѣ того, откуда дуетъ въ Озеркахъ вѣтеръ, нѣтъ ли бѣшеныхъ собакъ, не играютъ ли сосѣди на флейтѣ, не пьетъ ли запоемъ хозяинъ и т. д. Дворникъ понялъ, что господа шутятъ, надѣлъ фуражку и никакъ не могъ отвѣтить что-нибудь остроумное. Честюнина смѣялась до слезъ и говорила Сергѣю Петровичу „ты".

— Шутки вы шутите, господа хорошіе, — проговорилъ, наконецъ, дворникъ.—А я человѣкъ обвязанный, напримѣръ, предъ своимъ хозяиномъ... значитъ, воопче...

— Ты это намекаешь о своемъ желаніи получить на чаекъ?—сурово спросилъ Сергѣй Петровичъ.—Не хорошо, мой другъ... Мы не желаемъ портить твоего характера.

Когда они уходили, у Честюниной мелькнула счастливая мысль превратить шутку въ дѣйствительность.

— А что, Сергѣй Петровичъ, если мы возьмемъ да и наймемъ эту дачу? Въ самомъ дѣлѣ... Мы бы съ Еленой Петровной поселились наверху, а вы съ Крюковымъ внизу. Право, комбинація вышла бы не дурная...

— C'est le mot...

Составился экстренный военный совѣтъ. Дача стоила сто рублей, что на четверыхъ составляло по 25 р. За цѣлое лѣто совсѣмъ не дорого. Елена Петровна была совсѣмъ согласна и противорѣчила только изъ принципа.

— Вы не забудьте, что отъ этого можетъ зависѣть судьба Крюкова,—шепнула Честюнина.

— Я согласна...—рѣшила Елена Петровна.

Брусницинъ сейчасъ - же выдалъ дворнику задатокъ, и дѣло было кончено въ какихъ-нибудь полчаса.

— Хорошія дѣла всегда дѣлаются вдругъ, — философ-

ствовалъ Сергѣй Петровичъ. — Кстати, въ моемъ банкѣ остается всего три рубля, господа, и, какъ на зло, мнѣ хочется закусить, какъ и вамъ всѣмъ. Что мы будемъ дѣлать?

Всѣ были въ возбужденномъ состояніи, и всѣмъ казалось ужасно смѣшнымъ, что у Сергѣя Петровича всего три рубля. Столько же нашлось у Честюниной, а у Крюкова и Елены Петровны вмѣстѣ—рубль.

— Господа, да, вѣдь, это цѣлый англійскій банкъ!.. Ура... Мы даже можемъ позволить себѣ бутылку вина... Однимъ словомъ, получается звѣрство.

Пока Честюнина и Крюковъ ходили къ профессору, Елена Петровна занялась осуществленіемъ своего плана.

— Я рада, что все такъ случилось, — говорила она.— Крюковъ будетъ тебѣ помогать...

— Совсѣмъ мнѣ не нужно никакого Крюкова...—протестовалъ Брусницинъ.

— Я сказала, что нужно... да. Тебѣ будетъ совѣстно ничего не дѣлать, когда подъ носомъ будетъ помощникъ. Затѣмъ, я не знаю естественныхъ наукъ, а онъ кое - что знаетъ, потому что уже на третьемъ курсѣ...

Брусницину ничего не оставалось, какъ только согласиться. Если Елена Петровна хочетъ, то что же подѣлаешь...

Крюковъ и Честюнина вернулись довольно скоро. Все дѣло съ профессоромъ было покончено въ нѣсколько минутъ. Теперь можно было ѣхать домой. Но всѣмъ хотѣлось остаться еще въ Озеркахъ.

— Если бы гдѣ-нибудь пообѣдать...—соображалъ Сергѣй Петровичъ.—Но здѣсь нѣтъ ресторана...

— Нѣтъ, есть...—вспомнила Честюнина.—Пойдемте въ театръ. Я тамъ бывала прошлымъ лѣтомъ съ Катей... Тамъ все найдемъ.

Всѣ обрадовались еще разъ. Начиналъ уже мучить голодъ. Конечно, было бы лучше закусить гдѣ - нибудь прямо на травкѣ или въ сосновомъ лѣсу, но никому не пришло въ голову запастись въ городѣ всѣмъ необходимымъ для этого. Елена Петровна немного нахмурилась, но не спорила. До театра было вдобавокъ недалеко, и это служило до нѣкоторой степени смягчающимъ обстоятельствомъ.

*

— Теперь тамъ никого нѣтъ, — замѣтила Честюнина, точно желая оправдаться въ невольной винѣ.

Но ей пришлось сейчасъ же раскаяться. Когда вся компанія вышла на террасу, гдѣ стояли ресторанные столики, первое, что бросилось въ глаза — былъ Эженъ... Да, онъ сидѣлъ съ какой-то дамой въ самой невѣроятной шляпѣ и мужчиной въ цилиндрѣ. Эженъ сразу узналъ всю компанію и смѣло подошелъ прямо къ Еленѣ Петровнѣ.

— Вотъ удивительный случай, Елена Петровна...—бормоталъ онъ.—Вы не откажетесь присѣсть за нашъ столикъ? Все свои: сестра и зять. У нихъ сегодня была репетиція, а потомъ мы устроились тутъ провести время до спектакля... Здравствуй, Марьэтта! Сергѣй Петровичъ, какъ поживаете? Господа, милости просимъ... Я кончилъ экзамены и теперь похожу на верблюда, нагруженнаго золотомъ. Мутерхенъ по предварительному соглашенію выдала мнѣ цѣлыхъ три красныхъ билета...

Компанія немного смутилась, но отступать было неудобно. Сергѣй Петровичъ уже здоровался съ Катей, Честюнина тоже подошла къ ней. Катя подошла къ Еленѣ Петровнѣ, стоявшей въ нерѣшительности, и проговорила:

— Елена Петровна, вы хотя и не особенно пріятно удивлены этой встрѣчей, но, надѣюсь, не откажетесь посидѣть съ нами...

— Мнѣ рѣшительно все равно...—довольно сухо отвѣтила Елена Петровна, разсматривая стоявшій на ихъ столикѣ ананасъ и морозившуюся въ мельхіоровомъ ведрѣ бутылку шампанскаго.

— Вотъ и отлично... Я вамъ представлю сейчасъ своего мужа.

Артистъ подошелъ своимъ журавлинымъ театральнымъ шагомъ и отрекомендовался. Елена Петровна отвѣтила ему не безъ ядовитости:

— Да, я много слышала о васъ... какъ объ артистѣ.

Эженъ трепеталъ за эту сцену и умоляюще смотрѣлъ на Честюнину, которая весело улыбалась.

Первая неловкость этой неожиданной встрѣчи скоро исчезла. Сергѣй Петровичъ все время разговаривалъ съ Катей, Эженъ занималъ Елену Петровну, Честюнина досталась

великому артисту и Крюкову. Послѣдній впалъ сразу въ дурное настроеніе и съ скрытымъ озлобленіемъ посматривалъ на Эжена.

— Несчастный вертихвостъ...—ворчалъ онъ.

Катя смотрѣла съ кошачьей ласковостью на Сергѣя Петровича и шептала вопреки всѣмъ свѣтскимъ приличіямъ:

— Возлюбленный, вы меня забыли совсѣмъ. А я опять думала о васъ...

— Я тоже, Екатерина Васильевна.

— Мужъ знаетъ, что я васъ называю возлюбленнымъ, и я сказала бы это громко, если бы не боялась вашей чучелки... Это ужасная женщина.

— Не ужаснѣе другихъ...

— Возлюбленный хочетъ быть злымъ... Посмотрите на Эжена. Ха-ха... Онъ безъ ума влюбленъ въ чучелку... А вы не замѣчали? Братья въ этомъ случаѣ раздѣляютъ участь обманутыхъ мужей и узнаютъ горькую истину послѣдними...

Импровизированный на скорую руку обѣдъ прошелъ почти весело, если бы это веселье не отравлялось присутствіемъ Крюкова. Онъ молчалъ и смотрѣлъ на всѣхъ съ уничтожающимъ презрѣніемъ, какъ огорченный въ лучшихъ чувствахъ философъ.

Честюнина съ тревогой посматривала на Крюкова и начинала опасаться, какъ бы не вышло какого-нибудь непріятнаго инцидента.

— Что вы сидите букой?—шепнула она ему.

— Чему же мнѣ радоваться?

— Будьте, какъ всѣ другіе...

— Благодарю васъ... И безъ меня достаточно *кавалеровъ*, какъ вашъ двоюродный братецъ. Обезьяна какая-то...

— Не злитесь... Онъ немного шалопай, но не такой злой, какъ вы.

Въ этотъ моментъ случилось нѣчто такое, что всѣхъ повергло въ изумленіе. Эженъ истощилъ всѣ усилія, угощая свою даму—шампанскаго она не пила, къ ананасу отнеслась довольно равнодушно. И вдругъ послѣ обѣда Эженъ предложилъ ей руку и они отправились вдвоемъ въ садъ. Сергѣй Петровичъ изумленно посмотрѣлъ на Честюнину, а Катя сдѣлала видъ, что апплодируетъ. Возмущенный Крюковъ демонстративно поднялся, чтобы уйти, но его удержала Катя.

— Злючка, куда?.. Возлюбленный—я теперъ могу васъ называть такъ громко—объясните этому господину, что все можно извинить, кромѣ безтактности. Манюрочка, возьми его за ухо... Крюковъ, будемте пить шампанское, а Эженъ, все равно, не заплатитъ.

Всѣ улыбающимися глазами слѣдили за гулявшей вдали оригинальной парочкой и только одинъ Сергѣй Петровичъ понималъ, что сестра устроила демонстрацію лично ему. Кажется, и Честюнина начинала объ этомъ догадываться...

XI.

Въ Петербургъ компанія возвращалась уже впятеромъ, присоединился на станціи Эженъ, преподнесшій Еленѣ Петровнѣ чудный букетъ. Это вниманіе сконфузило дѣвушку, не привыкшую къ такимъ любезностямъ. Случилось какъ-то такъ, что еще въ вагонѣ вся компанія разбилась—первымъ ушелъ въ уголокъ Сергѣй Петровичъ, чтобы помечтать о Катѣ, съ закрытыми глазами (онъ повторялъ про себя: „возлюбленный“ и улыбался), Крюковъ утащилъ Честюнину въ другое отдѣленіе, чтобы не видѣть Эжена, и Елена Петровна незамѣтно осталась съ глазу на глазъ съ своимъ кавалеромъ. Но послѣднее ея не смущало больше. Ей было какъ-то и хорошо, и немножко стыдно.

— Говорите мнѣ что-нибудь смѣшное, Эженъ... Нѣтъ, придумайте самую большую глупость, какую вы только знаете.

— Очень просто, Елена Петровна: взгляните на меня... Глупѣе ничего нельзя придумать. Если бы вы знали, какъ я все время стараюсь придумать что-нибудь умное, и, увы! напрасно...

— А вамъ хочется быть умнымъ?

— Сейчасъ—да...

— Это, кажется, комплиментъ, если не ошибаюсь? Нѣтъ, это напрасно... Вы что-нибудь въ другомъ родѣ. У меня явилась какая-то жажда слушать глупости...

— И вы находите, что я могу быть въ этомъ отношеніи на высотѣ положенія?

— Да, вѣдь, говорите же вы глупости другимъ женщинамъ—ну, и представьте себѣ, что я тоже другая женщина.

— Не могу...

— Вы хотите играть въ милаго мальчика?

Елена Петровна почувствоялала вдругъ, что у нея горитъ лицо и что ей нечѣмъ дышать. Она высунулась въ окно и подставила лицо на встрѣчу вѣтру... Какъ хорошо летѣть съ такой быстротой, когда охватываетъ еще неиспытанная теплота. Елена Петровна совершенно не знала, что такое жить для себя, и съ удивленіемъ смотрѣла на Эжена. Потомъ у нея осталось въ памяти, что букетъ дурманилъ ей голову своимъ ароматомъ,—Эженъ понималъ ботанику только въ такой формѣ.

— Зачѣмъ цвѣты такъ безсовѣстно красивы?—тихо говорила Елена Павловна, пряча лицо въ букетѣ.

— Это ихъ профессія...

— Зачѣмъ они такъ быстро вянутъ?

— Это ихъ судьба...

— Нѣтъ, это просто глупо... И какъ все быстро... Нѣтъ, я хотѣла сказать совсѣмъ не то.

То, что ей хотѣлось высказать, такъ и осталось невысказаннымъ. Она только посмотрѣла изъ-за цвѣтовъ на Эжена и подумала, что вѣдь этотъ шалопай Эженъ совсѣмъ красивый. Правда, во взглядѣ есть что-то нечистое, потомъ привычка улыбаться самоувѣренно—за этимъ стоялъ цѣлый рой легкихъ побѣдъ и тѣхъ милыхъ шалостей, которыя такъ легко прощаются мужчинѣ. Елену Петровну точно что кольнуло... Предъ ней пронесся цѣлый рой красивыхъ молодыхъ женщинъ, которыя цѣловали вотъ эту безпутную голову и были счастливы минутой обладанія. Да, ихъ было много... Въ слѣдующую минуту ей показалось, что ея букетъ составленъ не изъ цвѣтовъ, а изъ такихъ головокъ, и она швырнула его въ окно. Эженъ былъ огорченъ, точно Елена Петровна вмѣстѣ съ букетомъ выбросила и его за окно. Ея лицо сдѣлалось опять серьезнымъ и строгимъ, а онъ опять изнемогалъ, напрасно стараясь придумать что-нибудь умное. Впрочемъ, поѣздъ подходилъ уже къ станціи. По сторонамъ мелькали огороды съ капустой, какіе-то дурацкіе сараи, будки и семофоры.

На станціи всѣ сошлись вмѣстѣ. Эженъ почувствовалъ, что Елена Петровна взглянула на него вопросительно и

сразу понялъ, въ чемъ заключается этотъ нѣмой вопросъ. Во-первыхъ, онъ не предложилъ руки своей дамѣ, а во-вторыхъ, когда они подошли къ пристани финляндскаго пароходства, Эженъ проговорилъ:

— До свиданья, господа...

— Да, вѣдь, тебѣ съ нами по пути?—удивилась Честюнина.

— Нѣтъ, мнѣ еще нужно проститься съ однимъ товарищемъ, который завтра уѣзжаетъ...

Елена Петровна отвернулась и съ улыбкой смотрѣла прищуренными глазами на рябившую въ глазахъ зыбь Невы. Нѣтъ, этотъ Эженъ, положительно, умный шалопай... Онъ понялъ ея нѣмой взглядъ и жертвовалъ собой.

— Я тоже остаюсь...—заявлялъ Крюковъ сурово.—Меня ждетъ Парасковея Пятница. Она, вообще, бдитъ...

Пароходъ отчалилъ, оставляя за собой двоившійся слѣдъ, точно посеребренный луннымъ свѣтомъ. Было уже около десяти часовъ, и на Петропавловской крѣпости уныло звонили куранты. Эженъ стоялъ, провожая глазами быстро удалявшійся пароходъ. Крюковъ тоже стоялъ, мрачно выжидая, когда уйдетъ эта проклятая обезьяна.

— Вамъ въ которую сторону?—съ изысканной вѣжливостью освѣдомился Эженъ.

— А вамъ въ которую?—грубо отвѣтилъ Крюковъ.

— Мнѣ какъ разъ напротивъ...

Эженъ поклонился и зашагалъ по набережной къ клиникамъ, соображая дорогой, куда бы ему въ самомъ дѣлѣ провалиться на этотъ вечеръ. Пройдя нѣсколько саженъ, онъ оглянулся—Крюковъ все еще стоялъ у пристани и смотрѣлъ вслѣдъ пароходу, который превращался въ одну черную точку съ яркой звѣздой...

— Эге, братику...—бормоталъ Эженъ.—И всѣ, братику, мы мужчины круглые дураки. Хха... Ты вотъ стоишь и мечтаешь о голубыхъ глазахъ Марьэтты, а она ни о чемъ не думаетъ. Впрочемъ, все это вздоръ... Милая, дорогая Эллисъ!..

Остановившись, Эженъ послалъ воздушный поцѣлуй всему „легкому финляндскому пароходству“, которое уносило теперь и его счастье, и все его будущее.

Крюковъ выждалъ, когда Эженъ совершенно скрылся изъ виду, и медленно побрелъ къ себѣ на Самсоніевскій проспектъ. Онъ, дѣйствительно, думалъ о Честюниной, думалъ и сердился. Да, зачѣмъ она знается со всѣми этими шалопаями, до Сергѣя Петровича включительно? Серьезную дѣвушку такіе люди не должны интересовать... Всю дорогу, пока Крюковъ шелъ до своей квартиры, у него не выходилъ изъ головы Эженъ, какъ иногда не выходитъ изъ памяти какой-нибудь дурацкій мотивъ или еще болѣе дурацкая фраза.

— Тьфу! Чортъ...—ругался Крюковъ, отплевываясь.

Брусницины и Честюнина возвращались молча, занятые каждый своими мыслями. Елена Петровна смотрѣла на рѣку, плотно сжавъ губы. У нея на лицѣ явилось обычное, сдержанно-недовольное выраженіе, которое такъ было знакомо Сергѣю Петровичу. Онъ какъ-то начиналъ чувствовать себя виноватымъ, когда Елена Петровна такъ задумывалась. Но сейчасъ онъ ошибался относительно причины недовольства и былъ бы очень удивленъ, если бы могъ видѣть ходъ ея мыслей. Елена Петровна была недовольна собой, переживая мучительное чувство какой-то особенной пустоты. Ее раздражало присутствіе брата и Честюниной, а съ другой стороны — она совсѣмъ не желала оставаться одной именно сейчасъ.

— Я хочу чаю...—заявилъ Сергѣй Петровичъ, когда они поднимались по лѣстницѣ въ свою квартиру.

— Чаю?—машинально повторила Елена Петровна, точно просыпаясь.—Мы всегда въ это время пьемъ чай... Вотъ и Марья Гавриловна не откажется.

— Я съ удовольствіемъ, господа...

За чаемъ говорили объ Озеркахъ и о нанятой дачѣ. Относительно послѣдней теперь всѣ считали долгомъ удивляться. Вѣдь, поѣхали совсѣмъ не затѣмъ, чтобы искать дачу, а тутъ вдругъ точно всѣхъ охватило какое-то дачное безуміе.

— Тебѣ, можетъ быть, не нравится, Леля, что Катя съ мужемъ тоже будутъ жить лѣто въ Озеркахъ?—спрашивалъ Сергѣй Петровичъ.

— Ахъ, мнѣ рѣшительно все равно... Да и какое мнѣ дѣло до нихъ? Пусть живутъ, гдѣ имъ нравится. Я буду рада, если тебѣ будетъ весело... Кстати, я давеча наблюдала эту

Катю и, право, отказываюсь понять, что тебѣ можетъ въ ней нравиться. Прежде всего, она какая-то вся неестественная... Даже больше—каждый взглядъ лжетъ, каждая улыбка тоже.

— Ты ошибаешься, Леля...—смущенно объяснялъ Сергѣй Петровичъ. — Въ ней именно есть непосредственность, жизнь и правда, а эти качества дѣйствуютъ неотразимо.

— Я все-таки ничего не понимаю...

Елена Петровна чувствовала себя немного усталой и ушла спать раньше обыкновеннаго. Ей почему-то своя комната показалась меньше, чѣмъ была раньше, и она съ удивленіемъ посмотрѣла кругомъ. Обстановки, въ собственномъ смыслѣ, не было, какъ въ монашеской кельѣ—ее замѣняла дорогая простота въ англійскомъ стилѣ.

Улегшись въ постель, дѣвушка долго не могла заснуть. Въ головѣ безъ конца тянулись самыя разнообразныя мысли, и дѣвушка опять вспомнила Эжена, который по одному ея взгляду понялъ, что она не желаетъ, чтобы онъ ее провожалъ. Вдругъ ей пришла одна мысль, которая заставила ее сѣсть на кровати.

— Да, вѣдь, онъ хорошій... совсѣмъ хорошій...

Дѣвушка чувствовала, что она даже въ темнотѣ краснѣетъ, что ей опять дѣлается душно, что на глазахъ слезы, что что-то неиспытанное и громадное охватываетъ ее, и что она всѣхъ любитъ, даже эту неестественную Катю.

— Боже мой, что это дѣлается со мной? Я схожу съ ума...

Она бросилась въ подушку головой и глухо зарыдала, счастливая собственными слезами.

XII.

Профессоръ Трегубовъ называлъ себя корректнымъ человѣкомъ. Онъ былъ еще молодъ, но устроилъ у себя самый строгій режимъ. Его жена ходила на цыпочкахъ, когда *онъ* работалъ. Это была не работа, а священнодѣйствіе. Профессорскій день былъ размѣренъ съ такой точностью, какъ послѣднія минуты умирающаго. Онъ вставалъ ни раньше, ни позже, какъ ровно въ шесть часовъ тридцать минутъ. На ванну и туалетъ полагалось ровно двадцать четыре минуты,

на то, чтобы выпить два стакана молока съ эмской водой (непремѣнно маленькими глотками, какъ говоритъ послѣднее слово науки) ровно шесть минутъ, на прогулку въ садикѣ ровно пятнадцать минутъ, а затѣмъ ровно въ семь часовъ пятнадцать минутъ профессоръ садился за работу и весь домъ замиралъ до завтрака, когда онъ позволялъ себѣ посвятить двѣнадцать минутъ дѣтямъ.

— Въ мѣсяцъ это составитъ 360 минутъ,—высчитывалъ онъ.—То-есть, другими словами, 6 часовъ, а въ годъ получится 72 часа или трое сутокъ... Кажется, достаточно?

И т. д., и т. д., и т. д. Но, не смотря на всѣ эти злоухищренія, профессоръ Трегубовъ постоянно былъ недоволенъ собой. Во-первыхъ, ему вѣчно казалось, что другіе работаютъ больше его, а во-вторыхъ, что онъ неизлѣчимо чѣмъ-то боленъ. Всѣ знаменитости осматривали его, выслушивали, взвѣшивали, примѣняли всѣ послѣдніе пріемы самаго точнаго діагноза и ничего не находили, а онъ только вздыхалъ, дѣлалъ грустное лицо и говорилъ:

— О, наука еще такъ несовершенна...

Честюнина должна была приходить на работу ровно въ девять часовъ и получала отпускъ ровно въ часъ. Разъ она опоздала на цѣлыхъ семь минутъ и профессоръ показалъ ей свои часы.

— Вы взяли у меня ровно семь минутъ моего рабочаго времени, — объяснилъ онъ съ зловѣщимъ спокойствіемъ. — Если это будетъ повторяться каждый день, то въ мѣсяцъ составитъ ровно 210 минутъ, а въ годъ... Впрочемъ, можетъ быть, вы были больны?

— Нѣтъ, профессоръ, я просто проспала...

Онъ смѣрялъ ее съ ногъ до головы съ молчаливымъ презрѣніемъ, какъ существо низшей породы, и только пожалъ плечами. Если каждый будетъ просыпать семь минутъ его рабочаго времени, это составитъ въ день, мѣсяцъ, годъ и т. д.

Занятія у профессора были не сложныя и сами по себѣ не составляли особеннаго труда. Честюниной приходилось дѣлать переводы изъ разныхъ иностранныхъ источниковъ, переписывать, писать подъ диктовку (послѣднее полагалось въ самомъ концѣ, когда профессорскій мозгъ переполнялся отработанной кровью)—вообще, особенно труднаго ничего, но

она уходила каждый разъ страшно утомленная. Это утомленіе начиналось уже съ перваго момента, когда она переступала порогъ профессорскаго кабинета. Она какъ-то не могла дышать свободно въ присутствіи великаго подвижника науки и чувствовала себя точно связанной по рукамъ и ногамъ. Ей казалось, что она вступаетъ въ какую-то ученую тюрьму, и радовалась, какъ ребенокъ, когда оставляла ее. Господи, вѣдь есть еще и зелень, и голубое небо, и разносчикъ, который оретъ благимъ матомъ, и стаи воробьевъ, и все то, что составляетъ жизнь.

Домой приходила Честюнина вся разбитая, озлобленная и несчастная. Елена Петровна встрѣчала ее съ особеннымъ участіемъ, какъ больную.

— Это какой-то великій инквизиторъ,—жаловалась Честюнина.

— Что же онъ такое дѣлаетъ?

— Ничего дурного. Но я его боюсь... Это нельзя объяснить, а нужно испытать. Настоящая пытка.

Но зато какъ хорошо было у себя дома, въ своемъ маленькомъ углу. Жизнь на дачѣ въ Озеркахъ устроилась какъ-то особенно хорошо, а, главное, весело. Никто не заботился объ этомъ весельи, и все-таки было весело. Елена Петровна помирилась даже съ Катей, которая тоже поселилась въ Озеркахъ. Потомъ бывалъ постоянно Эженъ и разные артисты. Крюковъ долго не могъ „переваривать“ Эжена, но потомъ смирился, какъ мирятся съ любимой мозолью. Днемъ всѣ работали, а вечеръ полагался на отдыхъ. Интереснѣе всего было то, какъ Крюковъ помогалъ Сергѣю Петровичу. Рѣдкій день обходился безъ горячаго ученаго спора. Оба горячились, начинали кричать и говорили другъ другу иногда очень непріятныя вещи, требовавшія дипломатическаго вмѣшательства „третьей державы“ въ лицѣ Елены Петровны. Она выслушивала подробное изложеніе ученаго состязанія и говорила:

— Вы, господа, оба неправы, къ сожалѣнію... Я могу вамъ посовѣтовать стаканъ холодной воды.

Обѣ стороны, конечно, обижались на „третью державу“ и переносили неудовольствіе уже на нее. Впрочемъ, до открытаго бунта дѣло еще не доходило и стороны ограничи-

вались тѣмъ, что потихоньку другъ отъ друга жаловались Честюниной.

Въ качествѣ больного Крюковъ находился на особыхъ условіяхъ и страшно этимъ возмущался.

— Вы, кажется, хотите сдѣлать изъ меня богадѣльщика?! — дерзилъ онъ ухаживавшимъ за нимъ дамамъ.—Представьте себѣ, что я нисколько не нуждаюсь въ вашихъ вниманіяхъ...

Дамы выслушивали всѣ эти дерзости, но продолжали себя вести самымъ непростительнымъ образомъ. За обѣдомъ лучшіе куски оказывались на тарелкѣ Крюкова, утромъ невидимая рука ставила на окно его комнаты кувшинъ молока, за завтракомъ появлялись его любимыя ягоды съ густыми сливками.

Вообще, въ Озеркахъ водворилась какая - то атмосфера любви, не захватывавшая только одну Честюнину. Послѣдней, наоборотъ, было даже непріятно, что Крюковъ время отъ времени оказывалъ ей нѣкоторые знаки вниманія. Она не желала никакихъ волненій и была счастлива собственнымъ одиночествомъ. Особенно она боялась далекихъ прогулокъ, какія любила устраивать Катя. Отправлялись обыкновенно вшестеромъ: Катя съ Сергѣемъ Петровичемъ, Елена Петровна съ Эженомъ, а на ея долю доставался Крюковъ. Они бродили по сосновому лѣсу, катались на лодкахъ, устраивали на травѣ завтраки и, вообще, веселились. Въ одну изъ такихъ прогулокъ Крюковъ былъ особенно мраченъ и старался не смотрѣть на свою даму.

— Вы, кажется, изволите на меня сердиться? замѣтила, наконецъ, Честюнина.—Позвольте узнать, по крайней мѣрѣ, чѣмъ я могла огорчить васъ?

— Вы? Вы слишкомъ много о себѣ думаете... У меня могутъ быть свои личныя причины...

— Именно?

— Если хотите непремѣнно знать... да... У меня есть страшный врагъ, который отравляетъ мнѣ жизнь, и этотъ врагъ я самъ. Теперь вы довольны?

— Ну, это пустяки... Простая мнительность, которую каждый изъ насъ испыталъ въ той или другой формѣ.

— Очень хорошо. Охотно допускаю, что каждый по отношенію къ самому себѣ можетъ быть очень пристрастнымъ судьей. Да... Но вотъ, напримѣръ, какъ вы смотрите на меня?

— Во-первыхъ, въ такой формѣ нельзя предлагать вопросовъ... Въ положительномъ смыслѣ отвѣтъ будетъ лестью, въ отрицательномъ — оскорбленіемъ, и въ томъ и другомъ случаѣ не достигаетъ своей цѣли.

— Нѣтъ, это увертка, Марья Гавриловна... Мнѣ необходимо знать ваше мнѣніе.

— Хорошо, я вамъ его сообщу... послѣ завтра.

— Я буду ждать... Во всякомъ случаѣ, я не шучу.

То, чего боялась Честюнина, начиналось. Она знала, къ чему ведугъ, подобныя сцены, и старалась избѣгать Крюкова, что, живя на одной дачѣ, было сдѣлать довольно трудно. Наступилъ и роковой день. Честюнина хотѣла даже сказаться больной и просидѣть цѣлый день въ своей комнатѣ, но потомъ устыдилась такого малодушія и сама предложила Крюкову кататься вдвоемъ на лодкѣ. Онъ, видимо, волновался и старался не смотрѣть на нее. Ей сдѣлалось даже жаль его. Оба молчали, пока лодка не достигла середины озера. Крюковъ бросилъ весла и вопросительно посмотрѣлъ на свою даму.

— Вы, кажется, хотите непремѣнно слышать мое мнѣніе?

— О, да, непремѣнно...

— Одно условіе: не обижаться.

— Я слушаю...

— Смотрите, не сердиться... Итакъ, я считаю васъ очень хорошимъ... мальчикомъ, которому еще нужно много-много учиться. Мужчина опредѣляется гораздо позднѣе женщины, и изъ хорошаго мальчика можетъ выйти очень неудачный мужчина. Я смотрю на жизнь очень требовательно, и считаю величайшимъ достоинствомъ умѣнье владѣть самимъ собой. Никто, конечно, не застрахованъ отъ ошибокъ и увлеченій, особенно въ извѣстномъ возрастѣ, но это еще не значитъ, что ихъ необходимо повторять цѣлую жизнь. Да... Я говорю банальныя вещи и вамъ скучно меня слушать, но, къ сожалѣнію, я права. Выводъ слѣдующій: по моему мнѣнію, вы еще только на дорогѣ къ необходимому совершенству...

— И только?

— Кажется, достаточно?

— Да, совершенно...

Онъ взялся за весла. Она видѣла, какъ у него затряслись губы, и онъ напрасно старался подавить охватившее

его волненіе. Ей сдѣлалось его жаль. Бѣдный, хорошій, мальчикъ...

— А что вы думаете о самой себѣ?—спрашивалъ Крюковъ, когда они возвращались домой.—Себя-то вы, вѣроятно, считаете вполнѣ опредѣлившейся?

— Да... къ сожалѣнію. Я себя считаю неудачницей... Почему и какъ это случается, но такихъ людей всѣ мы видали. Я говорю спеціально о личной жизни... Но я думаю, что, кромѣ личной жизни, есть еще и другая, и думаю, что можно совершенно обойтись безъ, такъ - называемаго, личнаго счастья. Богъ съ нимъ совсѣмъ... Вотъ сейчасъ, напримѣръ, вѣдь я совершенно счастлива и ничего лучшаго не желаю. А это, знаете, какъ называется? *Сво-бо-дой*... Свободой отъ самого себя.

Черезъ день Честюнина получила самое удивительное письмо, которое начиналось такъ: „Никто и никогда меня еще такъ не обидѣлъ, какъ вы, Марья Гавриловна... Вы знаете, о чемъ я говорю. Да, я въ вашихъ глазахъ мальчишка, и мнѣ тѣмъ тяжелѣе страдать, какъ могутъ страдать только опредѣлившіеся настоящіе мужчины. Моя жизнь разбита и разбита той рукой, которую я боготворилъ. Вы посмѣетесь надъ этими строками и будете еще разъ правы, потому что любовь не знаетъ пощады, у нея нѣтъ забвенія“... И т. д.

— И даже не достаетъ смысла...—невольно подумала Честюнина.—Ахъ, бѣдный мальчикъ!

Все это выходило очень глупо, совершенно нарушая установившійся порядокъ жизни. Честюниной тяжело и неловко было встрѣчаться съ Крюковымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, она не могла уѣхать изъ Озерковъ, потому что была привязана работой. Въ минуту какого-то отчаянія она призналась Катѣ во всемъ, не называя Крюкова по имени.

— И не называй: я знаю его...—отвѣтила Катя—Я могу тебя удивить еще больше... Эженъ сдѣлалъ чучелкѣ формальное предложеніе и оно благосклонно принято. Но пока это величайшій секретъ... Представь себѣ эту счастливую парочку: Эженъ и чучелка. Я чуть не умерла отъ смѣха...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Д. Маминъ-Сибирякъ.

ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ВСЕЛЕННОЙ.

Космологическія письма Герм. Клейна.

Переводъ съ третьяго нѣмецкаго изданія К. Пятницкаго.

*(Продолженіе *).*

ПИСЬМО IV.

Солнце.

Зависимость органической жизни на землѣ отъ физическихъ состояній солнца.—Какъ вычислить механическую силу, изливаемую солнцемъ въ видѣ теплоты.—Разстояніе и величина солнца.—Солнечныя пятна, продолжительность вращенія солнечнаго шара.—Періодическія измѣненія въ числѣ пятенъ.—Теорія солнечныхъ пятенъ, развитая Цёлльнеромъ.—Солнечные факелы.—Отношенія между земными явленіями и перемѣнами въ числѣ пятенъ.—Протуберанцы и примѣненіе спектральнаго анализа къ ихъ изслѣдованію.—Хромосфера.—Форма протуберанцовъ.—Теоріи пятенъ Шпёрера, Секки и Фея.—Движенія протурборанцовъ и температура верхнихъ слоевъ солнечной массы.—Запасъ силы, скрытой въ солнцѣ, долженъ съ теченіемъ времени истощиться.

Представьте громадную шарообразную туманность, простиравшуюся гораздо дальше орбиты Нептуна. Изъ нея развилась наша планетная система, изъ нея образовалось солнце. Его неимовѣрно-высокая температура—только остатокъ гораздо бóльшихъ запасовъ теплоты, происшедшихъ при сжатіи обширной туманности. *Редтенбахеръ* попытался вычислить начальную температуру солнца и планетъ. Конечно, его опредѣленіе основано на извѣстныхъ гипотетическихъ предположеніяхъ и не можетъ считаться безусловно-точнымъ. Тѣмъ не менѣе, оно можетъ дать общее понятіе о вопросѣ. Начальная температура солнца равнялась, *по Редтенбахеру*, 178 милліонамъ градусовъ, температура Юпитера $1^2/_3$ милліона градусовъ и тетпература земли—55.000 градусовъ. Понятно, почему поверхность земли давно уже охладилась, въ то время, какъ

---

*) См. «Міръ Божій», № 6, іюнь 1896.

Юпитеръ остается раскаленнымъ, а солнце и теперь съ неимовѣрной щедростью изливаетъ въ пространство потоки свѣта и теплоты *).

Обратимся къ далекому прошлому, когда главнымъ проявленіемъ силъ, заключенныхъ въ матеріи, было движеніе массъ. Ясно, что это движеніе, по истеченіи неопредѣленно большого промежутка времени, должно было привести къ тепловымъ явленіямъ: цѣликомъ или отчасти оно превращалось въ теплоту, потому что самое естественное и полное превращеніе движенія — это именно переходъ въ теплоту. Благодаря такому превращенію и произошелъ тотъ раскаленный газообразный шаръ, которому обязана своимъ существованіемъ наша солнечная система. Первоначальное движеніе было вполнѣ превращено здѣсь въ теплоту. Пока отдѣльныя планеты сохраняли остатокъ начальнаго жара, онѣ владѣли самостоятельнымъ источникомъ физической силы. Но какъ только этотъ жаръ исчезъ, единственнымъ источникомъ силы оказалось солнце. Для земли уже милліоны лѣтъ назадъ наступилъ періодъ безсилія, которое вызывается отсутствіемъ собственной теплоты; для нея солнце—источникъ всѣхъ силъ. Самое существованіе земли, какъ самостоятельной планеты, зависитъ отъ солнца, потому что она отдѣлилась отъ его массы и чрезъ милліоны лѣтъ вернется туда же, чтобы кончить пожаромъ, какъ начала среди пожара. Но этого мало: все существованіе рода человѣческаго непосредственно обусловлено физическими состояніями солнца; современная наука выяснила здѣсь такія отношенія, какихъ не подозрѣвали ранѣе. Всѣ механическія силы, какія дѣйствуютъ на землѣ: сила воды, которая вертитъ колесо мельницы, сила вѣтра, сила пара, которая съ быстротой вихря мчитъ по желѣзнымъ рельсамъ тяжелый поѣздъ, сила вьючнаго животнаго и благороднаго коня, наконецъ, сила человѣка, которая проявляется въ его тѣлесной и духовной дѣятельности,—всѣ эти силы исходятъ изъ солнца, всѣ онѣ изливаются на нашу холодную землю съ лучами свѣта и теплоты. «Потокъ этихъ силъ, льющійся на землю», говоритъ *Робертъ Майеръ*, «это—постоянно заведенная пружина которая поддерживаетъ весь круговоротъ движеній, совершающихся на земной поверхности». Земля непрерывно теряетъ большія количества силы, излучая ихъ въ міровое пространство въ видѣ волнообразныхъ движеній; понятно, на ея поверхности быстро воцарился бы смертельный холодъ, еслибъ не это постоянное возмѣщеніе потерь.

*) О температурѣ солнца см. статью проф. Цераскаго—«Нѣсколько соображеній о температурѣ солнца, на основаніи опытовъ съ большимъ зажигательнымъ зеркаломъ», «М. Б.» 1895 г., мартъ, стр. 102.

Много ли силы, или энергіи, ежедневно изливается солнцемъ въ міровое пространство? Чтобы дать приблизительное понятіе объ этомъ, я хочу показать, какъ производятся такіе разсчеты.

Путемъ точныхъ опытовъ опредѣляется, сколько теплоты получаетъ отъ солнца какая-нибудь площадь въ теченіе одной секунды.

Теплоту измѣряютъ калоріями. Такъ называется количество теплоты, способное нагрѣть 1 килограммъ воды на 1° по Цельсію.

При удаленіи отъ солнца теплота убываетъ пропорціонально квадратамъ разстояній. Легко вычислить, во сколько разъ увеличится количество теплоты, получаемой данною площадью, если приблизить ее къ самой поверхности солнца. По наблюденіямъ *Лангдея*, каждый квадратный сантиметръ солнечной поверхности излучаетъ въ теченіе секунды, по меньшей мѣрѣ, 3 калоріи.

Извѣстно, что теплоту можно превратить въ механическую силу; при этомъ между ними сохраняется вполнѣ опредѣленное отношеніе. Единицѣ теплоты соотвѣтствуетъ, приблизительно, 424 килограммометра работы; это значитъ: единица теплоты или калорія, переходя въ работу, можетъ поднять 424 килограмма на высоту одного метра. Число килограммометровъ работы, равнозначущее единицѣ теплоты, называется механическимъ эквивалентомъ теплоты.

Ясно, что 3 калоріи, излучаемыя квадратнымъ сантиметромъ солнечной поверхности въ теченіе секунды, способны произвести работу въ 1.272 килограммометра.

Обыкновенно работа измѣряется лошадиными силами: каждые 75 килограммометровъ составляютъ одну лошадиную силу. Значитъ, 1.272 килограммометра равны, приблизительно, 16 лошадинымъ силамъ.

Таково механическое выраженіе силы, которая излучается въ видѣ теплоты каждымъ квадратнымъ сантиметромъ солнечной поверхности. *Одинъ квадратный метръ* даетъ въ теченіе секунды 160.000 лошадиныхъ силъ.

Вспомнимъ, что поверхность солнца въ 11.600 разъ больше земной поверхности. Эта послѣдняя представляетъ площадь въ 9.261.000 квадратныхъ миль, и въ каждой квадратной милѣ 55.060.000 квадратныхъ метровъ. Перемножимъ всѣ эти числа, помножимъ произведеніе на 160.000, и у насъ получится механическій эквивалентъ солнечнаго излученія, выраженный въ лошадиныхъ силахъ. Эта масса энергіи непрерывнымъ потокомъ изливается въ міровое пространство въ видѣ теплоты. Представимъ, что мы захотѣли бы покрыть потери этого лучеиспусканія, сжигая

каменный уголь; пришлось бы ежедневно сжигать объемъ, равный всему земному шару. Только самая ничтожная часть этой теплоты попадаетъ на землю: говоря точно, $\frac{1}{2250000000}$. Но и эта часть неимовѣрно велика, и ею вызываются всѣ движенія на земной поверхности.

Еслибъ солнце не посылало землѣ каждую секунду новыхъ и новыхъ силъ въ видѣ свѣтлыхъ и темныхъ тепловыхъ лучей, запасы физическихъ силъ на ея поверхности быстро пришли бы къ концу. Правда, растенія обладаютъ замѣчательной способностью овладѣвать солнечнымъ лучемъ и превращать его силу въ химическое сродство. Благодаря имъ, образовались залежи каменнаго угля, заключающія большой запасъ силы. Но этотъ запасъ быстро истощился бы, еслибъ остался единственнымъ. Солнце должно постоянно посылать землѣ новые потоки силы; съ послѣднимъ солнечнымъ лучомъ для всякой жизни и для всѣхъ движеній на земной поверхности наступило бы начало конца.

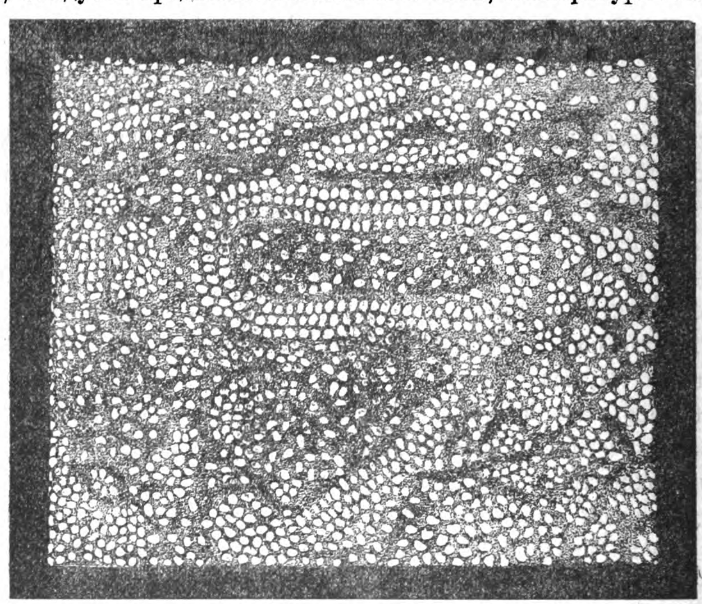
Если траты теплоты и механической силы такъ громадны и тянутся уже милліоны лѣтъ, невольно возникаетъ вопросъ, сколько времени могутъ продолжаться онѣ. Теперь еще нельзя дать точнаго отвѣта. Принимая во вниманіе физическое состояніе солнца, можно утверждать, что оно переживаетъ теперь такую стадію развитія, которая обезпечиваетъ еще очень много лѣтъ блеска и лучеиспусканія.

Центръ солнечнаго шара удаленъ отъ центра земли, приблизительно на 20.000.000 географическихъ миль. Діаметръ солнца равенъ 185.000 географическихъ миль. Его объемъ въ 1.250.000 разъ больше, чѣмъ у земли, и заключаетъ 3.313 билліоновъ кубическихъ миль. Такъ какъ масса солнца въ 320.000 разъ превосходитъ массу земли, ясно, что средняя плотность его составляетъ ¼ земной. Уже эта малая плотность солнца показываетъ, что оно не можетъ состоять изъ твердаго вещества.

Дѣйствительно, всѣ изысканія приводятъ къ выводу, что наружная оболочка солнца, которой даютъ названіе фотосферы, находится въ состояніи раскаленнаго газа. Эта фотосфера представляетъ ту часть солнца, которую мы созерцаемъ непосредственно. Въ какомъ состояніи находится матерія ниже ея, внутри солнца, объ этомъ неизвѣстно ничего точнаго. Несомнѣнно, что теплота должна возрастать, по мѣрѣ углубленія въ массу солнца, и потому плотность вещества должна уменьшаться. Но, рядомъ съ этимъ, быстро увеличивается давленіе выше лежащихъ слоевъ; раскаленные газы внутри солнца могутъ быть сжаты съ такою страшною силою, что возможно допустить огненно-жидкое состояніе. Конечно, этого

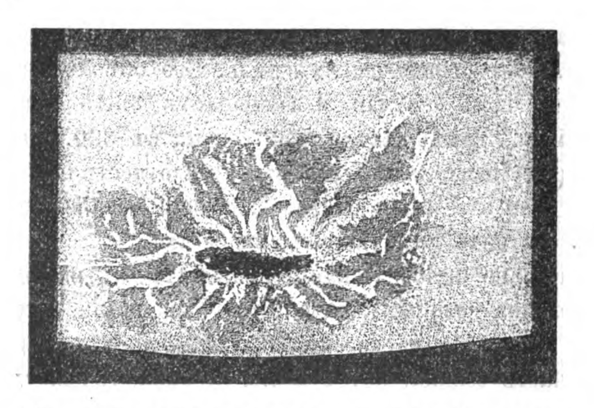
*

нельзя утверждать положительно. Мы не знаемъ даже, какъ, вообще, слѣдуетъ представлять состояніе тѣла, температура котораго

Часть солнечиой поверхности, по Гёггинсу.

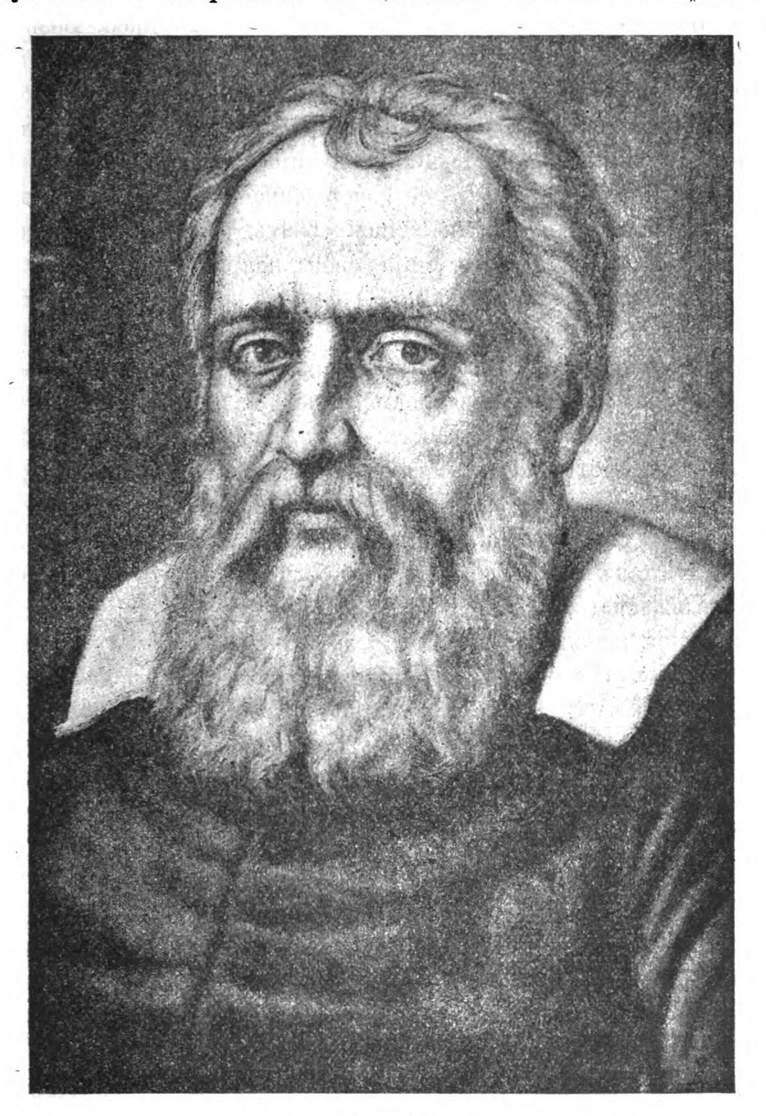
измѣряется милліонами градусовъ, способна ли матерія къ такому повышенію температуры; наши наблюденія ничего не говорятъ объ этомъ.

Солнечное пятно съ окружающими его факелами.

Телескопическое изслѣдованіе солнечнаго диска показываетъ, что онъ покрытъ толпою образованій. Одни изъ нихъ *свѣтлѣе*, другія—*темнѣе* основного фона солнечной поверхности. *Свѣтлыя* образованія носятъ названіе *солнечныхъ факеловъ*, *темныя* — *солнечныхъ пятенъ*. Факелы изслѣдованы мало; все-таки удалось уста-

новить, что, вмѣстѣ съ яркими свѣтовыми нитями, образующими сѣть на нѣкоторыхъ мѣстахъ солнечной поверхности, они выступаютъ повсемѣстно: нѣтъ на солнцѣ такой области, гдѣ бы они отсутствовали совершенно. Въ появленiи солнечныхъ факеловъ

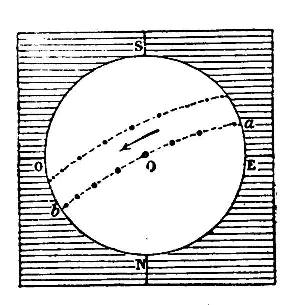
Галилей.

наблюдается извѣстная перiодичность: поясъ, особенно густо усѣянный факелами, въ теченiе перiода въ 11 лѣтъ передвигается отъ полюсовъ солнца къ его экватору.

Гораздо лучше изучены *солнечныя пятна*. Первыми наблюдателями были *Фабрицiй*, *Галилей* и *Шейнеръ*. Уже они замѣтили,

что пятна движутся по диску отъ востока къ западу, и что требуется 13 дней, чтобы пятно могло передвинуться отъ одного края до другого. Движеніе это поставили въ связь съ вращеніемъ солнца около оси; для полнаго оборота около оси солнцу нужно вдвое больше времени, т.-е., приблизительно, 26 дней. Возьмемъ большой кругъ, который долженъ изображать солнечный дискъ; нанесемъ на него видимые пути солнечныхъ пятенъ. Окажется, что это — эллипсисы; наибольшую кривизну они обнаруживаютъ около 5-го сентября; затѣмъ линія пути постепенно выпрямляется, и 5-го декабря мы видимъ ее совершенно прямою, въ это время она наклонена къ плоскости земной орбиты подъ угломъ почти въ 7 градусовъ. Послѣ этого линія снова искривляется, но уже въ противоположномъ направленіи; 5-го марта наблюдается наибольшая кривизна; 5-го іюня линія опять становится прямою. Что же слѣдуетъ отсюда? То, что пятна движутся въ плоскости, не совпадающей съ плоскостью земной орбиты, другими словами: что плоскость солнечнаго экватора наклонена къ плоскости земной орбиты. Уголъ между этими плоскостями достигаетъ величины 7 градусовъ; линія ихъ пересѣченія встрѣчаетъ земную орбиту на 75 и 255 градусахъ долготы. Однако, обѣ эти величины опредѣлены далеко не такъ точно, какъ можно было бы ждать на основаніи вышеизложеннаго.

Причина заключается въ *собственномъ движеніи*, которымъ обладаютъ пятна рядомъ съ общимъ вращательнымъ движеніемъ. Уже больше чѣмъ 200 лѣтъ назадъ, іезуитъ *Шейнеръ* постоянными наблюденіями доказалъ эти собственныя движенія солнечныхъ пятенъ. Южныя пятна, говоритъ онъ, заканчиваютъ свой оборотъ скорѣе, чѣмъ сѣверныя. Этотъ выводъ былъ подтвержденъ *Іоганномъ Кассини* и *Шретеромъ*. Но только въ послѣднее время *Кэррингтонъ* и *Шпереръ* доставили столь точныя и многочисленныя наблюденія надъ солнечными пятнами, что явилась возможность изслѣдовать закономѣрность въ ихъ собственныхъ движеніяхъ. Найдено, что скорость вращенія отдѣльныхъ зонъ солнечной поверхности тѣмъ меньше, чѣмъ больше эти зоны удалены отъ экватора. Но разъ убываетъ *скорость вращенія*, должно возростать время, которое требуется имъ для полнаго оборота, *продолжительность вращенія*. Это слѣдуетъ также изъ спектроскопическихъ наблюденій, которыя были поставлены *Дюнеромъ* и

Видимое движеніе солнечныхъ пятенъ.

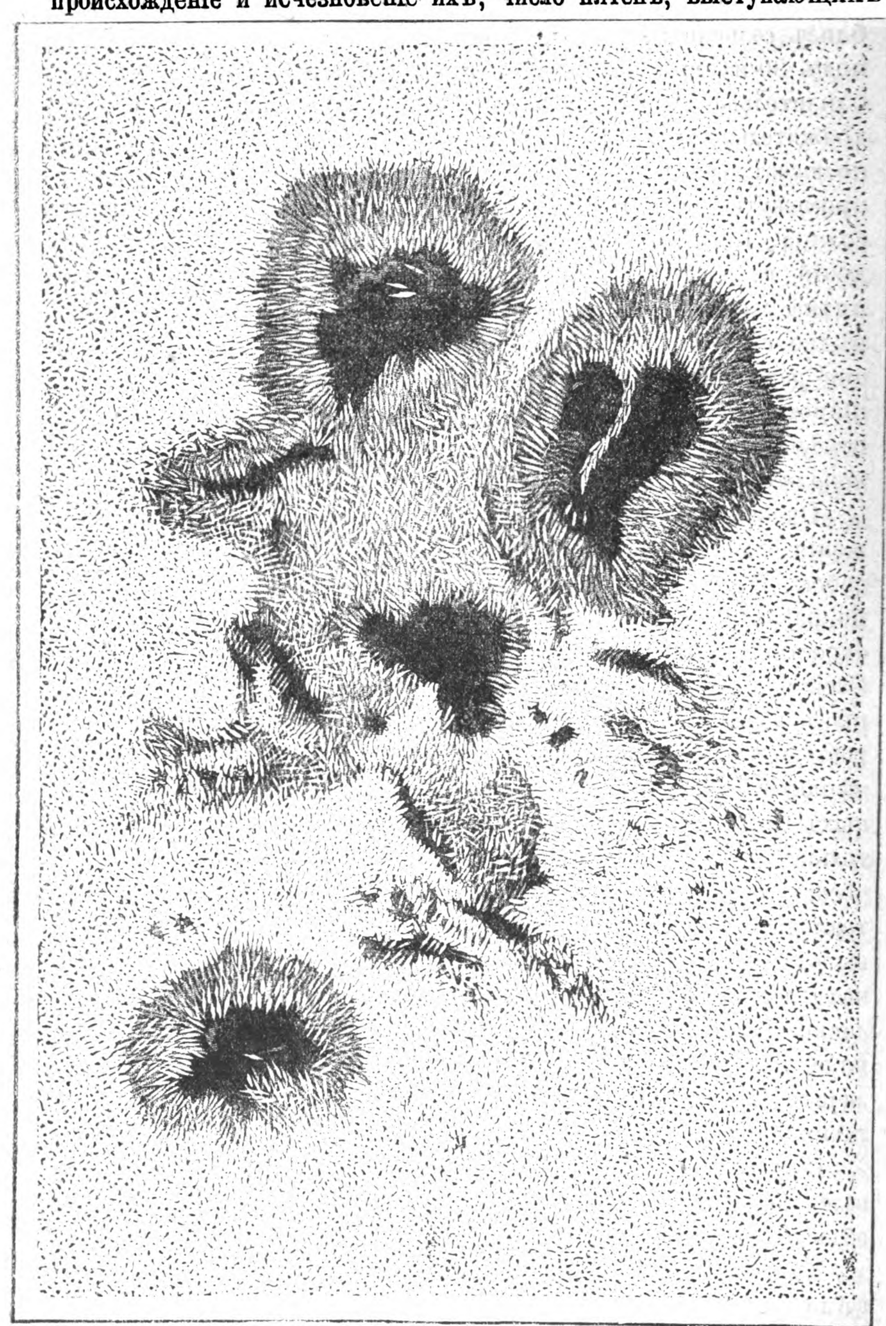
прямо дали скорость вращательнаго движенія для различныхъ градусовъ широты на поверхности солнца. Оказалось, что поясъ близъ солнечнаго экватора заканчиваетъ вращеніе въ 25,5 дня, подъ 30-мъ градусомъ широты—въ 27,6 дня, подъ 60-мъ—приблизительно, въ 34 дня, подъ 75-мъ—въ 39 дней. Еслибъ продолжительность вращенія возростала въ той же степени до самыхъ полюсовъ, пятно, помѣщенное въ ихъ сосѣдствѣ, требовало бы промежутка въ 50 дней, чтобы сдѣлать одинъ оборотъ вокругъ солнца. Такъ ли это, мы не знаемъ: спектроскопическихъ наблюденій по этому вопросу не было поставлено. Вообще, крупныя пятна никогда не показываются около полюсовъ солнца, крайне рѣдко являются они и въ сосѣдствѣ съ экваторомъ; обыкновенно они разсѣяны въ области, расположенной между 5 и 30 градусами широты къ сѣверу и къ югу отъ экватора. Этотъ фактъ былъ отмѣченъ еще *Шейнеромъ*, который называлъ эту область пятенъ *королевскою зоною*.

Очень часто пятна выступаютъ группами; но собственныя движенія отдѣльныхъ членовъ такой группы не совпадаютъ между собою. Распаденіе группы происходитъ въ нѣсколько пріемовъ и по различнымъ направленіямъ. Вообще, внутри пятна и въ его окрестностяхъ совершаются ужасные перевороты и передвиженія. Спектроскопическія наблюденія показываютъ, что вокругъ крупныхъ пятенъ вырываются изъ глубины раскаленные газы со скоростью 30—40 километровъ въ секунду. Въ спектрахъ пятенъ замѣчается, вообще, усиленіе или расширеніе обыкновенныхъ темныхъ линій солнечнаго спектра; часто это расширеніе происходитъ только на одной сторонѣ линіи. Изучая въ лабораторіяхъ химическія соединенія металловъ, нашли, что такое расширеніе спектральныхъ линій указываетъ на пониженіе температуры. Этотъ выводъ подтверждается еще однимъ обстоятельствомъ: линіи атмосфернаго водяного пара въ нѣкоторыхъ пятнахъ оказались усиленными; можно было принять, что надъ отдѣльными пятнами имѣются даже водяные пары. Иногда въ спектрѣ пятна можно различить свѣтлыя водородныя линіи; этимъ доказывается, что надъ такими пятнами носятся массы раскаленнаго водорода.

Вообще, солнечныя пятна представляютъ крайне интересное поле для наблюденія, но многія явленія, относящіяся къ этой области, далеко еще не изучены.

Количество пятенъ измѣняется періодически. Бываютъ годы, когда они выступаютъ особенно обильно, — это ихъ максимумъ; иногда, напротивъ, пятенъ совсѣмъ мало, — это ихъ минимумъ. Сообразно съ этимъ, мѣняется, по *Шпереру*, распредѣленіе пятенъ на солнечномъ дискѣ и величина собственнаго движенія ихъ подъ

различными широтами. Какимъ бы случайнымъ ни казалось намъ происхожденіе и исчезновеніе ихъ, число пятенъ, выступающихъ

Группа пятенъ на поверхности солнца.

въ различные годы, слѣдуетъ опредѣленному порядку, подчинено извѣстному періоду. Первый, кто доказалъ это наблюденіями, про-

должавшимися безъ перерыва много лѣтъ, былъ *Швабе* изъ Дессау. Затѣмъ, *Рудольфъ Вольфъ*, изъ Цюриха, занялся этимъ вопросомъ и съ такою настойчивостью собралъ и обработалъ всѣ наблюденія надъ солнечными пятнами, что, благодаря дѣятельности этого человѣка, мы располагаемъ въ настоящее время довольно точными свѣдѣніями о состояніи пятенъ на поверхности солнца почти съ самаго момента ихъ открытія. Выводъ слѣдующій: численность солнечныхъ пятенъ подчинена періоду въ $11^1/_9$ года. Это значитъ: если теперь число пятенъ наибольшее, такой же максимумъ наступитъ снова чрезъ $11^1/_9$ года, и между этими двумя моментами придется эпоха, когда количество пятенъ будетъ минимальное. Но $11^1/_9$ года это—величина средняя; длина отдѣльныхъ періодовъ—не одинакова и притомъ мѣняется довольно правильно, такъ-что существуетъ періодъ въ періодѣ. Для того, чтобы представить этотъ, въ высшей степени, интересный фактъ съ необходимой ясностью, я приведу, *по Вольфу*, годы, на которые приходились максимумы и минимумы солнечныхъ пятенъ; въ другомъ столбцѣ я покажу, какими промежутками времени были раздѣлены два сосѣдніе максимума или минимума. Данныя выражены въ годахъ и ихъ доляхъ: напримѣръ, 1615,5 означаетъ средину 1615-го года.

Годы максимума пятенъ.	Промежутки между ними, выраженные въ годахъ.	Годы минимума пятенъ.	Промежутки между ними.	Годы максимума пятенъ.	Промежутки между ними, выраженные въ годахъ.	Годы минимума пятенъ.	Промежутки между ними.
1615,5		1610,8		1761,5		1755,7	
	10,5		8,2		8,5		10,8
1626,0		1619,0		1770,0		1766,5	
	13,5		15,0		9,5		9,3
1639,5		1634,0		1779,5		1775,8	
	9,5		11,0		9		9
1649,9		1645,0		1788,5		1784,8	
	11,0		10,0		15,5		13,7
1660,0		1655,0		1804,0		1798,5	
	15,0		11,0		12,8		12,0
1675,0		1666,0		1816,8		1810,5	
	10,0		13,5		12,7		12,7
1685,0		1679,5		1829,5		1823,2	
	8,0		10,0		7,7		10,6
1693,0		1689,5		1837,2		1833,8	
	12,5		8,5		11,4		10,2
1705,5		1698,0		1848,6		1844,0	
	12,7		14,0		11,6		12,2
1718,2		1712,0		1860,2		1856,2	
	9,3		11,5		10,4		11,1
1727,5		1723,5		1870,6		1867,1	
	11,2		10,5		13,3		11,9
1738,7		1734,0		1883,9		1879,0	
	11,3		11,0				
1750,0		1745,0					
	11,5		11,7				

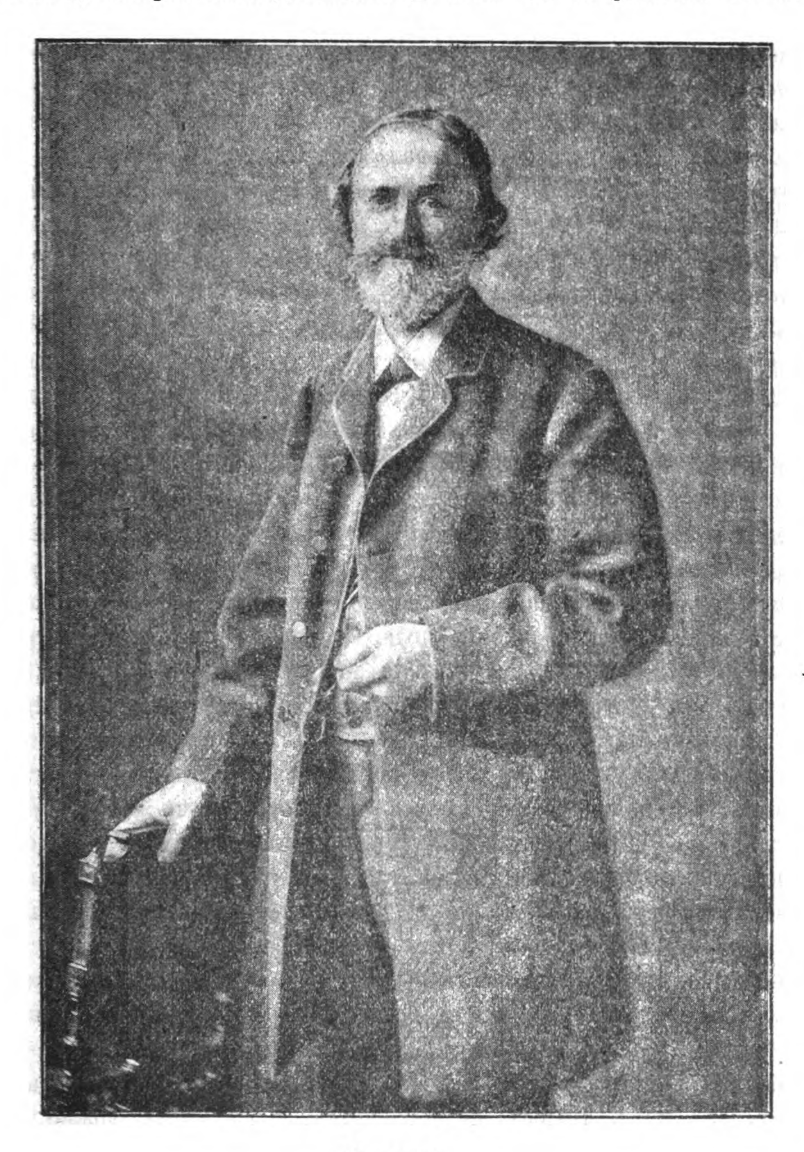
Числа второго и четвертаго столбца выражаютъ длину отдѣльныхъ періодовъ. Если разсмотримъ ихъ внимательнѣе, увидимъ, что они измѣняются съ нѣкоторою правильностью. Самый длинный періодъ приходился между 1788 и 1804 годами и равнялся 15½ годамъ. За нимъ, между 1829 и 1837 годами, слѣдовалъ самый короткій—въ 7⁷/₁₀ года. Предъидущій кратчайшій періодъ продолжался отъ 1761 до 1770 года. Слѣдовательно, отъ 1761 до 1788 года длина періодовъ постепенно увеличивалась, послѣ же этого до 1829 года постепенно убывала. Періодъ періодовъ равняется, судя по этимъ даннымъ, 67—68 годамъ. Менѣе точныя опредѣленія, обнимающія промежутокъ отъ 1650 до 1770 г., приводятъ къ иному выводу, и *Рудольфъ Вольфъ* опредѣлилъ сначала длину главнаго періода въ 55½ лѣтъ. Изслѣдованія *Горнштейна* дали величину 69,73 года; она близка къ величинѣ, найденной мною раньше; ее подтверждаетъ также новѣйшая работа *Вольфа*, при которой онъ принялъ во вниманіе рядъ древнихъ наблюденій надъ солнечными пятнами, произведенныхъ въ Китаѣ, въ концѣ концовъ, онъ пришелъ къ убѣжденію, что главный періодъ солнечныхъ пятенъ обнимаетъ или 67, или 88 лѣтъ. Придется ждать до конца этого столѣтія, чтобы получить необходимыя данныя для точнаго рѣшенія вопроса, какую длину имѣетъ главный періодъ солнечныхъ пятенъ.

Какая же причина вызываетъ періодическія измѣненія въ числѣ пятенъ? Какими физическими свойствами обладаютъ, вообще, эти образованія? Чтобы отвѣтить на первый вопросъ, необходимо, повидимому, рѣшить второй. По крайней мѣрѣ, ясно, что разъ не найдено космической причины для измѣненій въ числѣ пятенъ, приходится объяснять это явленіе состояніями, которыя даны въ солнцѣ и въ самихъ пятнахъ. Но сколько ни искали внѣ солнца такихъ вліяній, которыя могли бы увеличивать или уменьшать число пятенъ, ихъ нельзя указать съ точностью. Если не прибѣгать къ рискованнымъ гипотезамъ, мы не можемъ въ настоящее время объяснять данное явленіе причинами, лежащими внѣ солнца.

Нужно сдѣлать попытку: не удастся ли вывести его изъ состояній, которыя связаны съ физическимъ устройствомъ самого солнца. Для этого мы должны нѣсколько ближе ознакомиться со свойствами солнечныхъ пятенъ.

Я не намѣренъ давать здѣсь историческій очеркъ различныхъ гипотезъ относительно природы солнечныхъ пятенъ. Отмѣчу только, что тѣ воззрѣнія, которыя до начала второй половины нашего столѣтія принимались за истинныя, въ настоящее время единогласно признаны ошибочными. Большое вліяніе оказали данныя

спектральнаго анализа. Нѣмецкій физикъ *Кирхгофъ* первый осмѣлился напасть на гипотезу относительно строенія солнца и его пятенъ, которая господствовала до него въ астрономіи. По его

Кирхгофъ.

выраженію, она стояла въ такомъ противорѣчіи съ точными физическими знаніями, что «ее слѣдовало бы отвергнуть даже въ томъ случаѣ, если бы, помимо нея, мы совершенно не могли уяснить явленія солнечныхъ пятенъ». *Кирхгофъ* принималъ сол-

нечныя пятна за облака, которыя носятся въ раскаленной атмосферѣ солнца. Въ этой атмосферѣ, говорилъ онъ, должны происходить тѣ-же процессы, что и въ нашей земной: мѣстныя пониженія температуры должны давать поводъ къ образованію облаковъ. Гипотеза *Кирхгофа* была подтверждена наблюденіями *Шперера*, и, по крайней мѣрѣ, сравнительно съ прежними воззрѣніями, казалась вполнѣ правдоподобною. Позднѣе остроумный астрофизикъ *Целльнеръ* выставилъ и обосновалъ теорію, по которой солнечныя пятна это—*шлаковидные продукты* на огненно-жидкой поверхности солнца. Въ настоящее время эта теорія представляется очень вѣроятною: быть можетъ, она ближе всѣхъ другихъ подходитъ къ истинѣ. Солнечныя пятна это—или облачныя, или шлаковидныя образованія; едва ли есть основанія видѣть въ нихъ что-нибудь иное. Какое же изъ этихъ двухъ предположеній истинное? *Целльнеръ* обратилъ вниманіе на одно обстоятельство, которое облегчаетъ выборъ. Скорость вращательнаго движенія на солнечной поверхности неодинакова подъ различными градусами широты. Еслибъ пятна были облачными массами, плавающими въ атмосферѣ солнца, они казались бы вытянутыми въ направленіи, параллельномъ экватору. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ на поверхности солнца двѣ точки: одну на 28-мъ, другую на 30-мъ градусѣ широты; при вращеніи солнца первая движется быстрѣе; разница въ скорости—6,6 угловой минуты. Пройдетъ n дней, и первая точка обгонитъ вторую на $n \times 6{,}6'$. Если облачная масса имѣла въ началѣ діаметръ въ 2°, теперь она вытянется въ полосу длиною $2° + n \times 6{,}6'$; разстояніе между данными точками будетъ постепенно увеличиваться, и полоса мало-по-малу приметъ направленіе, параллельное экватору. Ширина ея будетъ на срединѣ наибольшая. Представимъ теперь, что на солнцѣ явилось совершенно-круглое пятно съ діаметромъ въ 2°; будемъ слѣдить за нимъ, пока солнце закончитъ одинъ оборотъ около оси, слѣдовательно, въ теченіе 25 дней: если это пятно—облачная масса, оно должно принять за это время видъ полосы въ $4^3/_4°$ длиною. Наблюдались ли подобныя явленія у солнечныхъ пятенъ?—Не наблюдались, хотя размѣры пятенъ иногда бываютъ больше только-что указанныхъ. Полосъ не образуется, и въ этомъ можно видѣть важный доводъ противъ облачной природы солнечныхъ пятенъ. У большихъ пятенъ много разъ замѣчали вращательное движеніе; *Целльнеръ* объясняетъ его просто и изящно. Представимъ, ради простоты, круглое пятно, южный край котораго лежитъ на 25-мъ, а сѣверный на 30-мъ градусѣ сѣверной широты. Сѣверный край пятна будетъ отставать, южный будетъ забѣгать

впередъ, къ востоку на 16,2 угловой минуты въ сутки. Но эти 16,2′ соотвѣтствуютъ на солнечной поверхности разстоянію больше, чѣмъ въ 400 миль. Такова суточная разница въ движеніи краевъ нашего пятна. При меньшей связности между его частями оно могло бы распасться. Но такъ какъ этого не наблюдается, излишекъ поступательнаго движенія въ южной части пятна долженъ вызвать его вращеніе около центра въ направленіи: югъ—востокъ—сѣверъ. Это направленіе, противоположное движенію часовой стрѣлки. Пятно, расположенное на южномъ полушаріи солнца, будетъ вращаться въ обратную сторону: отъ юга чрезъ западъ къ сѣверу, такъ, какъ движется часовая стрѣлка. Съ помощью математическаго изслѣдованія *Целльнеръ* показалъ, что если сравнить глубокіе слои раскаленной жидкости съ поверхностными, первые быстрѣе движутся въ сторону вращенія, слѣдовательно, отъ запада къ востоку если смотрѣть на нихъ изъ центра солнца, и отъ востока къ западу, если смотрѣть съ земли. Это—новый поводъ къ вращательному движенію у крупныхъ пятенъ, которыя глубоко внѣдряются въ массу солнца. Представьте пятно значительной величины и шарообразной формы. Нижняя часть такого шара быстрѣе движется по направленію къ востоку, чѣмъ центръ и верхняя половина. Отсюда возникаетъ вращеніе всего шара около горизонтальной оси, лежащей въ направленіи югъ—сѣверъ. Шарообразное пятно начнетъ вращаться въ сторону, обратную движенію всего солнечнаго шара. По изысканіямъ *Целльнера*, если подвигаться отъ поверхности солнца къ центру, быстрота вращенія возростаетъ гораздо скорѣе, чѣмъ въ томъ случаѣ, если переходить изъ высокихъ широтъ въ низкія. Слѣдовательно, шаръ, помѣщенный на поверхнвсти солнца, будетъ вращаться около горизонтальной оси быстрѣе, чѣмъ около вертикальной. Но солнечныя пятна—не шары: по всей вѣроятности, это тѣла, болѣе или менѣе плоскія; въ горизонтальномъ направленіи они вытянуты гораздо больше, чѣмъ въ вертикальномъ. Вращенію такого тѣла должна препятствовать *передняя* часть его, выступающая изъ жидкости. Необходимо преодолѣть это сопротивленіе, чтобы вращеніе состоялось. Если же сила, вызывающая вращеніе, недостаточно велика для этого, ея дѣйствіе сведется къ тому, что измѣнится положеніе плавающаго тѣла: *та часть его, которая при движеніи приходится впереди, поднимется, задняя погрузится*, такъ что между силою и сопротивленіемъ постоянно будетъ сохраняться равновѣсіе. Поверхность такого тѣла будетъ не горизонтальною, а наклонною; она будетъ подниматься въ сторону вращенія. Уголъ наклоненія можетъ быть различенъ:

это зависитъ, съ одной стороны, отъ отношенія между толщиною тѣла и величиной его поверхности, съ другой—отъ величины погруженія и отъ разницы скоростей на различной глубинѣ. Разъ измѣняются эти отношенія, должны послѣдовать измѣненія во вращательныхъ и поступательныхъ движеніяхъ. Предположимъ, напримѣръ, что тѣло быстро опустилось на большую глубину; сейчасъ же увеличится скорость поступательнаго движенія, потому что глубокіе слои движутся въ сторону вращенія быстрѣе поверхностныхъ. Если тѣло погрузится совсѣмъ, оно снова поднимется на поверхность, но уже въ другомъ мѣстѣ, которое лежитъ впереди въ направленіи вращенія.

Я подробно изложилъ соображенія *Целльнера*, потому что они съ замѣчательною ясностью, безъ обращенія къ математическимъ символамъ, освѣщаютъ трудный вопросъ, который имѣетъ величайшую важность для объясненія движеній солнечныхъ пятенъ. Иногда форма пятенъ внезапно мѣняется; какими бы причинами ни вызывалось это явленіе, оно должно стоять въ связи съ перемѣнами въ степени погруженія отдѣльныхъ шлаковидныхъ массъ. Та же причина должна вызывать крупныя и внезапныя разности въ движеніи отдѣльныхъ кусковъ. Чѣмъ сильнѣе погружается или поднимается данное пятно, тѣмъ значительнѣе перемѣны въ его движеніи. Понятно, что степень погруженія должна измѣняться всего сильнѣе во время развитія или распаденія пятна. Въ первомъ случаѣ толщина шлака возростаетъ, въ послѣднемъ—убываетъ. Эта догадка вполнѣ подтверждается наблюденіями. Извѣстно, что опредѣленной широтѣ на поверхности солнца соотвѣтствуетъ опредѣленная скорость движенія. *Шпереръ* указываетъ, что этотъ общій законъ неприложимъ къ первой фазѣ въ развитіи группы пятенъ, такъ какъ въ это время наблюдаются очень значительныя, разнообразныя и взаимно противоположныя движенія. *Шпереръ* нашелъ далѣе, что обыкновенно, если восточная часть группы пятенъ исчезаетъ, въ западной сохраняется основное ядро. Это явленіе объясняется просто, если вспомнить о наклонномъ положеніи поверхности пятна. Передній край шлака приподнятъ, и этотъ край, если смотрѣть съ земли, приходится западнымъ. Задняя, восточная сторона шлака, при его наклонномъ положеніи, залита обыкновенно раскаленной жидкостью; поэтому распаденіе совершается здѣсь быстрѣе, чѣмъ на другой сторонѣ, которая болѣе или менѣе выступаетъ надъ уровнемъ раскаленной жидкости.

Все это показываетъ, какъ просто объясняетъ теорія *Целльнера* всѣ явленія, которыя наблюдаются при движеніи, распаде-

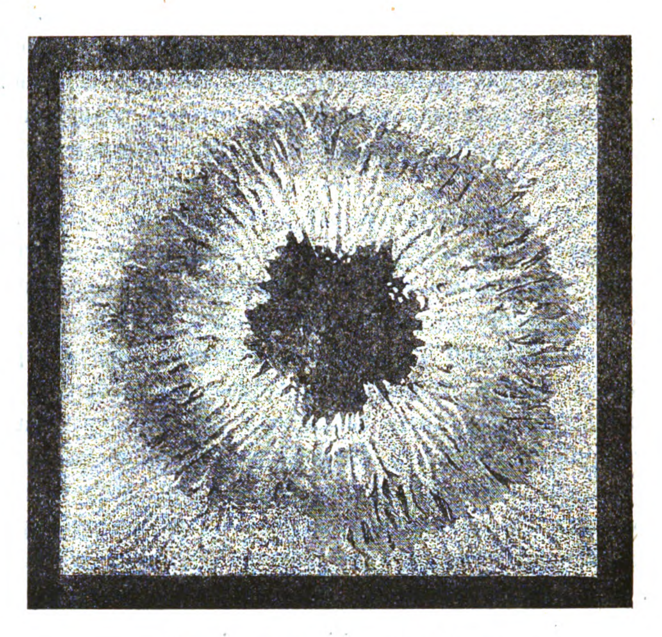
ціи и образованіи солнечныхъ пятенъ. Но *Целльнеръ* идетъ дальше: онъ выводитъ изъ своей теоріи періодическія измѣненія въ числѣ пятенъ, онъ объясняетъ ихъ распредѣленіе въ двухъ поясахъ, параллельныхъ экватору, ихъ малочисленность въ полярныхъ и экваторіальныхъ областяхъ солнца. Я попытаюсь изложить воззрѣнія названнаго астрофизика съ возможною ясностью.

Солнце—это исполинскій шаръ, который на своей поверхности состоитъ изъ огненно-жидкаго вещества. На этой огненной жидкости лежитъ раскаленная атмосфера, которая содержитъ часть веществъ, составляющихъ жидкость, въ газообразномъ или парообразномъ состояніи.

Какое вліяніе оказываетъ эта атмосфера на лучеиспусканіе огненно-жидкой поверхности солнца? — Судить объ этомъ можно по аналогіи съ вліяніемъ земной атмосферы на тепловыя потери земли. Когда земная атмосфера спокойна и безоблачна, теплота земли безпрепятственно уходитъ въ холодное міровое пространство. Ночная потеря теплоты въ этомъ случаѣ бываетъ очень значительна; найдено, что вслѣдствіе нея температура почвы понижается иногда на 5—6° Цельсія сравнительно съ температурою воздуха; въ Германіи изъ-за этого даже лѣтомъ бываютъ ночные морозы. Та же причина вызываетъ образованіе росы или инея. Если земная атмосфера не ясна и не спокойна, никогда не бываетъ росы. Небо, затянутое облаками, препятствуетъ ночному лучеиспусканію; оно покрываетъ землю, какъ мантія. Вѣтеръ также мѣшаетъ образованію росы, потому что постоянно приноситъ новые потоки теплаго воздуха къ холодѣющимъ тѣламъ.

Такія же явленія совершаются на огненно-жидкой поверхности солнца. Тамъ, гдѣ раскаленная атмосфера солнца *спокойна* и *ясна*, расположенная подъ нею часть жидкой поверхности должна подвергнуться извѣстному пониженію температуры. Если такое пониженіе достигнетъ опредѣленной величины, отдаленный наблюдатель замѣтитъ это по уменьшенію силы свѣта на данномъ мѣстѣ солнечной поверхности; слѣдовательно, онъ увидитъ тамъ темное пятно. Само собою разумѣется, что описанный здѣсь процессъ можетъ происходить одновременно въ различныхъ точкахъ солнечнаго диска; поэтому пятна могутъ появляться одновременно во многихъ мѣстахъ солнечной поверхности. Но какъ только пятно образовалось, оно вызываетъ въ смежныхъ областяхъ солнечной атмосферы значительныя нарушенія равновѣсія; опять возможна аналогія съ земными вѣтрами. Должны происходить сгущенія, подобныя облакамъ; они расположатся вокругъ острова изъ шлаковъ, т. е. пятна. Наблюдателю, помѣщенному на землѣ, они

представляются въ видѣ сѣраго вѣнца, который окружаетъ пятно и повторяетъ всѣ его очертанія. Все это мы видимъ въ дѣйствительности; этому вѣнцу дали названіе *пенумбры* или *полутѣни*, потому что никогда онъ не бываетъ такимъ темнымъ, какъ само пятно.

Пятно съ ядромъ и полутѣнью.

Появленіе пятна создаетъ въ атмосферѣ солнца извѣстныя движенія. Но, именно благодаря этимъ движеніямъ, возстановляются тѣ условія, которымъ пятно обязано было своимъ происхожденіемъ: *покой* и *ясность* атмосферы. Когда лучеиспусканіе и пониженіе температуры привели къ образованію пятна, усиленная потеря теплоты на данномъ мѣстѣ солнечной поверхности прекращается. Охладившіяся области могутъ снова получить высокую температуру изъ двухъ источниковъ: снизу чрезъ соприкосновеніе съ раскаленною жидкостью, заключенною внутри солнца; сверху—чрезъ соприкосновеніе съ горячими потоками газовъ, которые стремятся къ пятну со всѣхъ сторонъ. Этотъ процессъ можетъ сгладить разницы въ температурахъ, вызванныя лучеиспусканіемъ. Конечно, пятно тогда исчезаетъ; въ атмосферѣ солнца наступаетъ первоначальное состояніе равновѣсія, и возстановляются условія, которыя могутъ привести къ новому образованію пятенъ. Нужно помнить, что на поверхности и въ атмосферѣ солнца возможны самыя разнообразныя обстоятельства и вліянія. Вотъ почему полный

покой и полная ясность атмосферы должны казаться намъ состояніемъ случайнымъ: трудно предсказать, когда наступитъ явленіе и долго ли просуществуетъ. Мы можемъ утверждать только одно: продолжительность существованія пятна должна быть тѣсно связана съ его величиною. Причина понятна. Пятно исчезаетъ, когда устанавливается равенство температуръ. Предположимъ, что массы вещества, которыя пришли въ соприкосновеніе и стремятся къ такому равенству температуръ, обладаютъ одинаковой теплопроводностью и подвижностью. Ясно, что разница въ температурахъ исчезнетъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ меньше размѣры охладившейся и снова нагрѣвающейся массы. Этотъ выводъ подтверждается наблюденіемъ: малыя пятна обыкновенно существуютъ не долго; только большія, или, вѣрнѣе, только очень большія пятна могутъ сохраняться въ теченіе нѣсколькихъ оборотовъ солнца около оси.

Чѣмъ крупнѣе пятно, тѣмъ обширнѣе та область солнечной атмосферы, на которую простираются нарушенія равновѣсія или вихри, вызванные существованіемъ пятна. Вспомнимъ, что главныя условія для образованія пятна это — покой и ясность атмосферы. Очевидно, эти условія немыслимы вблизи пятна значительныхъ размѣровъ. Поэтому въ сосѣдствѣ съ крупнымъ пятномъ нельзя искать другого большого пятна. Вѣрность этого вывода давно доказана наблюденіемъ. Если на какомъ-нибудь мѣстѣ солнечной поверхности находится большое пятно, оно должно оказывать на окрестную область такое вліяніе, что близъ него, во все время его существованія дальнѣйшее образованіе крупныхъ пятенъ оказывается затрудненнымъ. Напротивъ, одновременное происхожденіе многихъ пятенъ внутри извѣстной области встрѣчаетъ благопріятныя условія въ физическихъ состояніяхъ солнца. Объясненіе просто. Если покой и ясность атмосферы существуютъ долгое время, какъ это необходимо для образованія пятна, это состояніе должно распространяться на большую область; другими словами: значительная продолжительность опредѣленнаго атмосфернаго состоянія возможна только при значительномъ распространеніи его. Примѣръ мы видимъ на землѣ: состоянія нашей атмосферы продолжаются тѣмъ дольше, чѣмъ больше область, на которую они простираются. *Цёлльнеръ* дѣлаетъ отсюда остроумный выводъ: если на опредѣленномъ мѣстѣ солнечной поверхности мы наблюдаемъ происхожденіе пятна и заключаемъ, что въ атмосферѣ этого мѣста *до* образованія пятна долго господствовали покой и ясность, мы должны приписать это состояніе не только данной точкѣ, гдѣ находится пятно, но и всей окрестной области. Слѣдовательно, внутри этой

области имѣются условія, благопріятныя для одновременнаго происхожденія другихъ пятенъ; они могутъ появиться здѣсь скорѣе, чѣмъ въ другихъ, болѣе далекихъ точкахъ. По мнѣнію *Цёлльнера*, этимъ обстоятельствомъ можно объяснить появленіе пятенъ группами, которое раньше оставалось совершенно непонятнымъ. Представимъ обширную площадь излученія; нельзя ожидать, чтобы на ней образовалось только одно пятно. Можно сослаться на аналогію съ образованіемъ льдинъ: величина пятенъ зависитъ не только отъ размѣровъ площади излученія, но также отъ степени сцѣпленія продуктовъ охлажденія и отъ спокойствія жидкости, на которой они плаваютъ.

До сихъ поръ я не указалъ ни одной причины, которая могла бы вызвать неравномѣрность въ распредѣленіи пятенъ на солнечной поверхности. Судя по этому, они должны бы являться на солнцѣ повсемѣстно, и если величина и мѣсто ихъ случайны, *средняя* величина и *среднее* число, тѣмъ не менѣе, должны оставаться неизмѣнными, или, какъ говорятъ математики, должны представлять *постоянную*. Однако, мы знаемъ, что этого *нѣтъ*; число солнечныхъ пятенъ подлежитъ періодическому измѣненію, и причину этого измѣненія нужно искать въ самомъ солнцѣ. Теорія *Цёлльнера* безъ труда указываетъ ее. Мыслимы только двѣ причины, которыя указанную *постоянную* величину могутъ обратить въ перемѣнную. Первая причина это—измѣненіе температуры солнца. Солнечныя пятна—продукты охлажденія. Ясно, что среднее число и величина ихъ представляютъ опредѣленное выраженіе для степени охлажденія солнца. По мѣрѣ того, какъ температура солнца убываетъ, среднее количество продуктовъ охлажденія, т. е. пятенъ, должно постепенно возростать, пока они не закроютъ всю поверхность солнца. Вторая причина—взаимная зависимось отдѣльныхъ пятенъ, зависимость въ происхожденіи, продолжительности и величинѣ. Мы видѣли, что среднее число и величина пятенъ представляютъ *постоянную* лишь при условіи, что отдѣльныя пятна—явленія относительно *случайныя*, независимыя другъ отъ друга. Поэтому, разъ признается взаимное вліяніе, среднее число и величина пятенъ должны быть *перемѣнною*. Какого рода эти перемѣны? Что дѣлается со среднимъ числомъ и величиною пятенъ? Возростаютъ они? Или убываютъ? Или колеблются между извѣстными предѣлами? Иныя возможности немыслимы. Еслибъ происходило постоянное возростаніе или постоянная убыль, въ этомъ слѣдовало бы видѣть слѣдствіе измѣненія солнечной температуры. Мы знаемъ, что эта температура понижалась въ прошломъ и должна понижаться въ будущемъ; но эта потеря теплоты совер-

шается такъ медленно, что въ данномъ случаѣ не можетъ оказать замѣтнаго вліянія. Нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что число пятенъ постоянно уменьшается; изъ наблюденій не видно также, чтобы оно становилось больше. Согласно съ теоріей, остается одинъ исходъ: принять колебанія числа пятенъ между извѣстными предѣлами. Къ тому же выводу приводитъ наблюденіе. Далѣе. Продолжительность отдѣльныхъ колебаній зависитъ, главнымъ образомъ, отъ тѣхъ же причинъ и условій, въ силу которыхъ, вообще, происходятъ пятна. Разъ эти условія долгое время остаются постоянными, колебанія въ числѣ пятенъ должны повторяться періодически. Слѣдовательно, чтобы объяснить періодичность въ числѣ и величинѣ солнечныхъ пятенъ, необходимо принять вторую изъ выше указанныхъ причинъ, т. е. допустить взаимную зависимость пятенъ относительно происхожденія, продолжительности существованія и величины. Для этого стóитъ только признать, что нарушенія равновѣсія распространяются на всю атмосферу солнца. Такое предположеніе подтверждаетя наблюденіями, которыя показываютъ, что во время максимума пятенъ на *всей* поверхности солнца совершаются крупные перевороты «При этомъ предположеніи,—говоритъ *Цёлльнеръ:* «переходъ отъ максимума солнечныхъ пятенъ къ ихъ минимуму—не что иное, какъ грандіозный процессъ, который сглаживаетъ разности въ температурѣ и давленіи и простирается одновременно на всю атмосферу солнца; затѣмъ наступаютъ покой и ясность, усиливается лучеиспусканіе и снова возникаютъ эти разности, обусловливающія повтореніе всего процесса. При постоянной средней величинѣ разностей продолжительность этого уравнительнаго процесса зависитъ, главнымъ образомъ, отъ трехъ обстоятельствъ: отъ проводимости, подвижности и массы тѣхъ тѣлъ, въ которыхъ происходитъ процессъ. Очевидно, что данное пятно исчезнетъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ больше проводимость продуктовъ охлажденія, составляющихъ пятно, и чѣмъ значительнѣе подвижность атмосферы, расположенной надъ этими продуктами. Состояніе атмосферы покоя и ясности, которое послѣ разрушенія пятна является условіемъ для образованія новыхъ пятенъ, наступитъ тѣмъ раньше, чѣмъ меньше масса газовъ, приведенныхъ въ движеніе. Но въ разсматриваемомъ случаѣ этою массою является вся атмосфера солнца; это—величина постоянная; также постоянно среднее выраженіе для двухъ другихъ величинъ, для проводимости и подвижности, если рѣчь идетъ о всей поверхности солнца и о продолжительномъ промежуткѣ времени. Но если главныя условія явленія постоянны, существенные моменты этого явленія, зави-

сящіе отъ нихъ, также должны оставаться постоянными. Такимъ моментомъ въ настоящемъ случаѣ является время, которое протекаетъ между максимумомъ и минимумомъ пятенъ. Съ другой стороны ясно, что въ теченіе громадныхъ промежутковъ времени пониженіе средней температуры солнца окажетъ замѣтное вліяніе на упомянутыя свойства; тогда длина періода пятенъ должна испытать такія измѣненія, которыя при продолжающемся охлажденіи приведутъ все явленіе къ концу, такъ какъ вся масса солнца сдѣлается твердою».

Мы имѣемъ точныя свѣдѣнія относительно состоянія солнечныхъ пятенъ и продолжительности періода ихъ, приблизительно, за 275 лѣтъ. За это время продолжительность періода не испытала измѣненій въ томъ направленіи, о какомъ здѣсь говорилось. Слѣдовательно, промежутокъ въ 275 лѣтъ является ничтожно-малымъ сравнительно съ тѣмъ временемъ, какое нужно солнцу, чтобы испытать замѣтное пониженіе температуры. Можно еще больше углубиться въ прошлое и съ нѣкоторой вѣроятностью доказать, что періодъ солнечныхъ пятенъ даже въ очень отдаленныя времена имѣлъ настоящую свою продолжительность, приблизительно, $11^1/_9$ года. Исторія указываетъ годы, когда дискъ солнца представлялся необыкновенно тусклымъ. Предположимъ, что причиной было огромное число пятенъ, что это было время максимума. Продолжительность періода извѣстна; можно вычислить, на какіе годы приходился максимумъ въ прошломъ; совпаденіе вычисленныхъ данныхъ съ годами, на которые указываетъ исторія, даетъ возможность судить о длинѣ періода въ прежніе вѣка.

Вотъ годы, въ которые было замѣчено особенное ослабленіе солнечнаго совѣта: 536, 626, 738, 1091, 1206. Примемъ, согласно съ *Вольфомъ*, что средняя продолжительность періода — $11^1/_9$ года. Начнемъ счетъ съ 1860 года, когда число пятенъ было наибольшее. Окажется, что максимумъ пятенъ приходился, въ прошломъ на годы: 533, 622, 733, 1090 и 1202; они мало отклоняются отъ тѣхъ, какіе отмѣчены исторіей. Если же къ средней длинѣ періода, къ $11^1/_9$ года сдѣлать маленькую прибавку въ 8 дней, получится совпаденіе почти полное. Между тѣмъ, эта прибавка въ 17 разъ меньше, чѣмъ та вѣроятная неточность, съ какою связано опредѣленіе длины періода у *Вольфа*. Слѣдовательно, мы имѣемъ право утверждать, что періодъ больше, чѣмъ въ 13 вѣковъ—ничтожно малъ сравнительно съ тѣмъ временемъ, въ которое пониженіе температуры солнца можетъ оказать замѣтное вліяніе на длину періода пятенъ. Вотъ новое подтвержденіе той мысли, что должны пройти громадные промежутки

времени, прежде чѣмъ пониженіе солнечной температуры сдѣлается замѣтнымъ для насъ.

Я еще не коснулся распредѣленія пятенъ по различнымъ широтамъ солнечной поверхности. Извѣстно, что на однихъ параллельныхъ кругахъ они всего многочисленнѣе, на другихъ, напротивъ, встрѣчаются крайне рѣдко. И въ этомъ отношеніи *Цёлльнерова* теорія солнца указываетъ причинныя отношенія. которыя, по всей вѣроятности, остались бы неизвѣстными.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Проф. П. Н. Милюкова.

*(Продолженіе *).*

VII.

Приходское духовенство.—Упадокъ выборовъ.—Установленіе наслѣдственности духовнаго званія.—Обращеніе духовенства въ замкнутое сословіе; его соціальное положеніе, образовательный и нравственный уровень. — Отношеніе государства и церкви.—Обстоятельства, ускорившія потерю церковью ея старинныхъ правъ.—Фактическая самостоятельность церкви въ началѣ XVII в. и теорія Никона.—Ограниченіе церковныхъ привилегій при Алексѣѣ и временная уступка церкви.—Развязка вопроса при Петрѣ.—Учрежденіе Синода и его мотивы.—Возраженіе Стефана Яворскаго.—Значеніе вопроса о церковномъ устройствѣ въ восточной церкви. — «Филетизмъ» православныхъ церквей.—Окончательное рѣшеніе вопроса о секуляризаціи духовныхъ имуществъ.—Ученіе церкви.—Значеніе богословія для восточной церкви.—Его преобладающій полемическій характеръ.—Богословіе старыхъ московскихъ іерарховъ; переходъ къ богословію кіевской школы.—Усиленіе католической тенденціи и хлѣбопоклонная ересь Сильвестра Медвѣдева.—Развитіе школьнаго богословія, противоположныя системы Яворскаго и Прокоповича. — Дальнѣйшая судьба богословской науки.

Мы оставили господствующую русскую церковь въ тотъ моментъ ея исторіи, когда отъ нея отдѣлялись защитники старой вѣры. Мы видѣли судьбу этой «старой» вѣры; видѣли и то, какъ она постепенно развивается въ новую вѣру, и какъ новыя формы религіозности поочередно отодвигаютъ старыя на второй планъ. Весь этотъ процессъ развитія русской народной вѣры совершался внѣ церкви. Намъ остается теперь коснуться, въ общихъ чертахъ, дальнѣйшей судьбы самой господствующей церкви. Чтобы какъ слѣдуетъ понять эту судьбу, не мѣшаетъ предварительно вникнуть въ кажущійся парадоксъ Костомарова, утверждавшаго, что и сама старая вѣра при своемъ возникновеніи была не старой, а новый. «Мы не согласимся съ мнѣніемъ, распространеннымъ у насъ издавна и сдѣлавшимся, такъ сказать, ходячимъ: будто расколъ есть старая Русь», говорилъ историкъ. «Нѣтъ, расколъ—явленіе новое, чуждое

---

*) См. «Міръ Божій», № 6, іюнь 1896 г.

старой Руси. Раскольникъ не похожъ на стариннаго русскаго человѣка; гораздо болѣе походитъ на послѣдняго православный простолюдинъ. Раскольникъ гонялся за стариною, старался какъ бы тоже держаться старины—но онъ обольщался; расколъ былъ явленіемъ новой, а не древней жизни. Въ старинной Руси народъ мало думалъ о религіи, мало интересовался ею,—раскольникъ же только и думалъ о религіи; на ней сосредоточился весь интересъ его духовной жизни. Въ старинной Руси обрядъ былъ мертвою формою и исполнялся плохо,—раскольникъ искалъ въ немъ смысла и старался исполнять его, сколько возможно, свято и точно. Въ старинной Руси знаніе грамоты было рѣдкостью, — раскольникъ читалъ и пытался создать себѣ ученіе. Въ старинной Руси господствовало отсутствіе мысли и невозмутимое подчиненіе авторитету властвующихъ,—раскольникъ любилъ мыслить, спорить; раскольникъ не успокаивалъ себя мыслью, что если приказано сверху такъ-то вѣрить, такъ-то молиться, то, стало быть, такъ и слѣдуетъ; раскольникъ хотѣлъ сдѣлать собственную совѣсть судьею приказанія, раскольникъ пытался самъ все провѣрить, изслѣдовать». Словомъ, «какіе бы признаки заблужденія ни представлялись въ расколѣ», по мнѣнію Костомарова, «онъ все-таки соединялся съ побужденіями вырваться изъ мрака, умственной неподвижности со стремленіемъ русскаго народа къ самообразованію».

Если и можно спорить противъ выраженій, въ которыя историкъ облекъ свою мысль, то самую мысль нельзя не признать совершенно справедливой. Сравнительно съ небольшой группой просвѣщенныхъ представителей русской церкви расколъ могъ быть явленіемъ отсталымъ; но онъ былъ большимъ шагомъ впередъ для религіознаго самосознанія совершенно индифферентной народной массы. Расколъ отстаивалъ только внѣшній обрядъ, но этотъ обрядъ онъ научилъ соблюдать, чего масса не дѣлала прежде. Мало того, обрядъ соблюдался во имя живого религіознаго чувства, къ которому масса не была пріучена прежде и которое выводило ее изъ вѣкового религіознаго безразличія. Такимъ образомъ, при всей ограниченности кругозора своихъ вождей, расколъ впервые будилъ чувство и мысль еще болѣе ограниченной массы; и самая эта ограниченность дѣлала его наиболѣе доступной, на первыхъ порахъ, формой народной вѣры. Эта форма была очень примитивна; но еще примитивнѣе было то, что не попало въ районъ ея вліянія.

Ставъ на эту точку зрѣнія, мы легко поймемъ ошибочность взгляда, не разъ высказывавшагося въ историческихъ сочиненіяхъ. Происхожденіе раскола объяснялось, съ религіозной стороны, народнымъ протестомъ противъ тѣхъ стѣсненій, которымъ подверг-

лась свободная духовная жизнь приходовъ въ XVII вѣкѣ со стороны правительственной власти. Едва ли, однако же, правительство могло имѣть въ это время поводы сдерживать религіозное усердіе прихожанъ. Несомнѣненъ, конечно, тотъ фактъ, что прежній русскій священникъ, *выбранный* общиною прихожанъ, мало-по-малу уступаетъ мѣсто священнику, *назначенному* епархіальной властью; вмѣстѣ съ тѣмъ, «приходъ становится чѣмъ-то въ родѣ духовно-правительственнаго участка». Но перемѣна эта, совершившаяся, дѣйствительно, въ XVII и XVIII вѣкахъ, объясняется вовсе не тѣмъ, что интересъ прихожанъ къ своимъ духовнымъ дѣламъ былъ систематически подавляемъ, а тѣмъ, что интересъ этотъ былъ слабъ вообще и сталъ еще слабѣе съ тѣхъ поръ, какъ наиболѣе заинтересованные ушли въ расколъ изъ ограды господствующей церкви. Такимъ образомъ, религіозный индифферентизмъ прихожанъ былъ не вынужденнымъ, а совершенно естественнымъ; онъ не могъ быть причиной раскола; но усиленіе его должно объясняться, какъ одно изъ послѣдствій отдѣленія раскола отъ церкви.

Даже въ то время, когда выборы духовенства прихожанами были еще явленіемъ обычнымъ, нельзя думать, что выборы эти создавали живую духовную связь между пастыремъ и пасомыми. Побужденія, руководствовавшія при выборѣ, были гораздо болѣе прозаичны. Отъ священника не требовалось ни знаній, ни дара учительства; въ немъ привыкли видѣть лишь исполнителя требъ. Прихожане заботились, главнымъ образомъ, о томъ, «чтобы церкви Божіей не быть безъ пѣнія и душамъ христіанскимъ не помереть безъ причастія»; своимъ правомъ выбора они пользовались для того, чтобы сговорить себѣ попа подешевле. Нанимая дьячка, міръ ставилъ условіемъ, чтобы онъ «къ письму у всякаго государева и мірскаго дѣла былъ всегда готовъ», т. е. цѣнилъ въ немъ писаря-грамотѣя. Что касается дьякона, онъ являлся уже роскошью въ составѣ причта. «Какъ и теперь, существеннымъ достоинствомъ дьякона былъ», по словамъ проф. Знаменскаго, «громкій басовый голосъ, долженствовавшій потрясать не слишкомъ нѣжное чувство русскаго человѣка и имѣвшій для него совершенно такое же значеніе, какъ большой церковный колоколъ». Объ удовлетвореніи этой эстетической потребности прихожанъ заботился, обыкновенно, какой-нибудь тароватый староста церковный, нанимавшій дьякона, какъ теперь нанимаютъ пѣвчихъ. Содержаніе дьячка, какъ человѣка, практически полезнаго міру, предоставлялось частному соглашенію, и только объ обезпеченіи содержаніемъ священника заботилась духовная и свѣтская власть. Для этой цѣли выборъ, засвидѣтельствованный «заручной челобитной» прихожанъ

о назначеніи имъ священника, являлся лучшимъ средствомъ; и правительство не только не имѣло желанія искоренять выборы, но, напротивъ, старалось всячески поддержать ихъ, когда этотъ обычай сталъ приходить въ упадокъ. Заручная являлась въ глазахъ правительства ручательствомъ прихожанъ за исправное отбываніе своего рода повинности—содержанія причта.

Безучастное отношеніе прихода къ духовной сторонѣ выбора, въ связи съ низкимъ уровнемъ развитія стариннаго духовенства, должно было превратить исполненіе требъ въ своего рода ремесло; а условія соціальной жизни московскаго государства сдѣлали это ремесло наслѣдственнымъ. «Что тебя привело въ чинъ священническій», спрашиваетъ св. Дмитрій ростовскій типичнаго священника своего времени (начало XVIII в.); «то-ли, дабы спасти себя и другихъ? Вовсе нѣтъ,—а чтобы прокормить жену, дѣтей и домашнихъ... Разсмотри себя всякъ, о освященный человѣче, о чемъ думалъ ты, проходя въ чинъ духовный. Спасенія ради ты шелъ, или ради покормки, чѣмъ бы питать тѣло? Ты поискалъ Іисуса не для Іисуса, а для хлѣба куса!» Очевидно, предложеніе было таково же, каковъ былъ спросъ. Для прихожанина былъ «кто ни попъ, тотъ батька», а для попа было все равно, чѣмъ бы ни заработать свой «кусъ хлѣба».

Начало приходскаго выбора должно было само собою пасть при этихъ условіяхъ, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы оно немедленно замѣнилось началомъ епархіальнаго назначенія. Епархіальная власть не спѣшила взять въ свои руки то, что выпустили изъ рукъ прихожане; обѣ стороны, далекія отъ предполагаемаго соперничества въ этомъ вопросѣ, предоставили дѣло его естественному теченію. Естественнымъ же порядкомъ, освобождавшимъ отъ лишнихъ хлопотъ и прихожанъ, и церковь, и государство, была передача духовныхъ мѣстъ по наслѣдству.

Среди духовенства создались своего рода династіи, владѣвшія извѣстнымъ приходомъ сто и двѣсти лѣтъ безъ перерыва. Въ средѣ членовъ этихъ династій мы найдемъ и «родовую передвижку», и мѣстническіе счеты. «По смерти отца, служившаго священникомъ, поступалъ на его мѣсто старшій сынъ, бывшій при отцѣ дьякономъ, а на его мѣсто опредѣлялся въ дьяконы слѣдующій братъ, служившій дьячкомъ; дьячковское мѣсто занималъ третій братъ, бывшій прежде пономаремъ; если не доставало на всѣ мѣста братьевъ, вакантное мѣсто замѣщалось сыномъ старшаго брата или только зачислялось за нимъ, если онъ еще не подросъ, и т. д.». «Въ приходахъ, гдѣ разныя должности при церкви занимали члены разныхъ семействъ, принято было

держаться другого порядка въ наслѣдственности мѣстъ, по которому требовалось, чтобы сынъ не превышалъ степенью отца. Сынъ священника признавался кандидатомъ на священническое мѣсто, а дѣти причетниковъ на причетническія... такимъ образомъ, въ одномъ и томъ же клирѣ формировалось нѣчто вродѣ особыхъ кастъ, изъ которыхъ трудно было выйти талантливымъ людямъ на высшую степень» (Проф. Знаменскій).

Фактическое развитіе наслѣдственности духовныхъ мѣстъ подготовило обращеніе духовенства въ замкнутое сословіе. Замкнутость духовнаго сословія не была установлена какимъ-либо указомъ; она явилась естественнымъ послѣдствіемъ общаго склада русской соціальной жизни. Свобода доступа въ ряды духовенства сама собой исчезла по мѣрѣ закрѣпленія всѣхъ сословій московскаго государства на службу *). Оффиціально нельзя было отнести заботу о душахъ къ службѣ; но фактически она стала государственной обязанностью одного изъ «чиновъ» московскаго государства. Въ ряду обязанностей, необходимыхъ для государства, она заняла не первое мѣсто; и по своему общественному положенію замкнувшееся сословіе очутилось въ самому низу соціальной лѣстницы. То и другое тяжело отозвалось на дальнѣйшей судьбѣ духовнаго сословія. Не открывая выхода изъ духовенства въ другія сословія, государство въ то же время старалось сократить численность духовнаго сословія до предѣловъ строго необходимаго. Въ результатѣ получалось періодическое размноженіе духовенства и періодическая очистка его отъ лишнихъ членовъ. Указъ 1869 года избавилъ дѣтей священно и церковнослужителей отъ необходимости заниматься, волей-неволей, отцовскимъ ремесломъ.

Соціальнаго положенія сословія это, однако, не могло измѣнить сразу. Еще въ тѣ времена, когда доступъ въ духовенство былъ открытъ для лицъ разныхъ сословій, занятіе это выбирали преимущественно, какъ способъ отбыть тягло, люди податнаго сословія. Только при Елизаветѣ (1743) духовенство было окончательно исключено изъ числа податныхъ состояній. Старинное русское духовенство не имѣло никакой возможности добиться со стороны паствы уваженія, какое подобало его сану. Образовательный цензъ духовенства также не способствовалъ проведенію рѣзкой черты между пастырями и паствой. Въ заручныхъ челобитныхъ прихожане-избиратели, обыкновенно, ручались только за то, что ихъ ставленникъ умѣетъ читать и писать; «вѣрѣ и закону христіанскому» полагалось учить кандидата во священство уже передъ са-

*) См. объ этомъ часть I «Очерковъ».

мымъ поставленіемъ, на архіерейскомъ дворѣ. По свидѣтельству Посошкова, экзаменъ этотъ сводился иной разъ къ прочтенію двухъ-трехъ заранѣе затверженныхъ псалмовъ: такимъ образомъ, архипастырское одобреніе не всегда могло свидѣтельствовать даже о грамотности будущаго священника. Съ середины XVIII в. въ сомкнутые ряды наслѣдственнаго духовнаго цеха началъ проникать новый элементъ, «ученые» попы, «философы» и «богословы», прошедшіе семинарію. На первыхъ порахъ это вторженіе семинаристовъ вызвало большой переполохъ среди кандидатовъ стараго типа, обязанныхъ по закону уступать имъ мѣста. Но скоро дѣло уладилось и духовенство приспособилось къ новымъ порядкамъ. Духовная школа не только не разрушила изстари установившейся наслѣдственности занятій, но и явилась новымъ, дополнительнымъ основаніемъ сословной замкнутости духовенства. Для лицъ духовнаго званія профессіональное духовное образованіе сдѣлано было обязательнымъ (указы 1808 и 1814), тогда какъ лицамъ другихъ сословій доступъ въ духовную школу все болѣе и болѣе преграждался. Такимъ образомъ, образовательный цензъ пересталъ быть преимуществомъ отдѣльныхъ лицъ сословія, въ отличіе отъ всѣхъ прочихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, возстановилось и старое равновѣсіе, нарушенное притокомъ малочисленныхъ вначалѣ ученыхъ силъ. Но, сдѣлавшись достояніемъ всего сословія, семинарскій дипломъ провелъ тѣмъ болѣе рѣзкую грань между призванными къ его полученію и не призванными.

Возвышеніе матеріальнаго и нравственнаго уровня духовенства, однако же, далеко не шло въ соотвѣтствіи съ возвышеніемъ его образовательнаго ценза.. «Если бы мы были въ состояніи наглядно представить всѣ ненормальныя явленія въ жизни духовенства XVIII вѣка», говоритъ И. Знаменскій, «то, вѣроятно, многіе въ настоящее время сочли бы это изображеніе дѣйствительности пасквилемъ на духовенство XVIII вѣка и не повѣрили бы ему». Что касается XIX вѣка, мы отсылаемъ читателя къ авторамъ, изслѣдовавшимъ причины распространенія въ Россіи раскола и сектантства *). Въ числѣ этихъ причинъ одною изъ самыхъ главныхъ всѣ они единогласно признаютъ состояніе православнаго духовенства.

Слабостью внутренней духовной жизни паствы и пастырей въ значительной степени объясняются судьбы русской господствующей церкви. Было когда-то время, въ періодъ политической раз-

---

*) Напримѣръ, названныя раньше сочиненія Соколова и свящ. А. Рождественскаго.

дробленности Руси, когда центральной духовной власти принадлежала важная и авторитетная роль: русская церковь, и во главѣ ея митрополитъ кіевскій и владимірскій были тогда единственнымъ реальнымъ выраженіемъ идеи русскаго единства. Эту роль наша церковь перестала играть съ тѣхъ поръ, какъ совершилось политическое объединеніе и высшее національное представительство перешло отъ духовной власти къ новообразовавшейся свѣтской. Но, несмотря на то, церковь продолжала сохранять еще очень независимое положеніе. Свѣтская власть, какъ мы видѣли раньше, сочла необходимымъ принять отъ нея свою санкцію, и за то обезпечила за ней ея старыя права въ области суда и хозяйства. Важнѣйшимъ плодомъ тѣснаго союза между государствомъ и церковью было національное возвеличеніе обоихъ,—созданіе религіозно-политической теоріи, санкціонировавшей самобытную русскую власть и ставившей ее подъ охрану самобытной національной святыни (см. выше, II). Государство извлекло изъ этого союза съ церковью всю пользу, какой только могло ожидать; но по отношенію къ союзнику оно сохранило за собою полную свободу дѣйствій. Прежде всего, ему пришлось скоро наложить руку на тѣ самыя проявленія національно-религіозной самобытности, которыя оно приняло раньше подъ свою спеціальную защиту. Сознаніе этой самобытности составляло главную силу русской церкви XVI вѣка; изъ него вытекала и гордая вѣра во всемірно-историческую миссію русскаго православія. Теперь, въ XVII вѣкѣ, эта самобытность была признана уклоненіемъ съ праваго пути, а правымъ путемъ было признано то самое, что въ XVI вѣкѣ считалось уклоненіемъ. Оказалось, что своеобразная «старина» русской церкви—слишкомъ нова, и что въ дѣйствительности старо то, что русскимъ ревнителямъ казалось непростительнымъ новшествомъ. Однимъ словомъ, обнаружилось, что, думая въ простотѣ душевной лишь сохранить древнее преданіе, представители русской церкви, на самомъ дѣлѣ, занимались новымъ національно-религіознымъ творчествамъ. Продукты этого творчества были теперь или осуждены, или заподозрѣны; обладатели несмѣтныхъ богатствъ вдругъ оказались нищими. Русская церковь сразу принуждена была отречься отъ всего, что она привыкла считать важнѣйшимъ содержаніемъ національной вѣры. Этотъ крутой разрывъ со старой вѣрой не могъ пройти ей даромъ. За него пошли всѣ переросшіе старую вѣру и всѣ равнодушные къ ней; прочіе остались вѣрны старой вѣрѣ. Такимъ образомъ, побѣда надъ старой вѣрой не могла не сопровождаться для побѣдителей тяжелымъ урокомъ. Отдѣленіе ревнителей старины ослабило за-

пасъ религіознаго рвенія среди оставшихся въ оградѣ церкви. И это ослабленіе внутренней жизни происходило въ церкви въ тотъ самый моментъ, когда ея бывшій союзникъ, государственная власть, достигла высшаго развитія своей силы.

Послѣдствія скоро обнаружились. Разъединенная въ самой себѣ, лишенная своего традиціоннаго духовнаго содержанія, возстановившая противъ себя самыхъ горячихъ членовъ своей прежней паствы и принужденная опираться въ борьбѣ противъ нихъ не столько на сочувствіе остальныхъ, сколько на содѣйствіе государственной власти, русская церковь всецѣло предавала себя въ руки послѣдней. Если бы даже вовсе не было въ XVII вѣкѣ религіознаго раскола, и въ такомъ случаѣ церковь едва ли бы удержала остатки своихъ старинныхъ привилегій лицомъ къ лицу съ всемогущей московской властью; но при данныхъ условіяхъ процессъ подчиненія церкви государству пошелъ ускореннымъ темпомъ.

Въ началѣ XVII столѣтія трудно было предвидѣть, къ чему приведетъ этотъ процессъ всего какихъ-нибудь сто лѣтъ спустя. При отцѣ Михаила Ѳедоровича русская церковь казалась болѣе сильною, чѣмъ когда бы то ни было. Распоряженія XVI вѣка, ограничивавшія имущественныя права церкви, не примѣнялись на практикѣ; патріаршеская власть освободилась изъ-подъ вліянія свѣтской и даже сама пріобрѣла на нее рѣшительное вліяніе. Во внутреннемъ управленіи церковь сдѣлалась, въ буквальномъ смыслѣ, государствомъ въ государствѣ, такъ какъ получила устройство, скопированное съ обще-государственныхъ учрежденій. Церковное управленіе, судъ, финансы, придворный обиходъ самого патріарха — все это находилось со времени Филарета Никитича въ завѣдываніи различныхъ приказовъ, устроенныхъ по образцу государственныхъ. Недоставало только теоріи, которая бы сообщила этому фактическому положенію дѣла правовое основаніе, и такую теорію попытался дать русской церкви патріархъ Никонъ.

«Господь Богъ всесильный, когда небо и землю сотворилъ, тогда двумъ свѣтиламъ, солнцу и мѣсяцу, свѣтить повелѣлъ — и чрезъ нихъ показалъ намъ власть архіерейскую и царскую. Архіерейская власть сіяетъ днемъ; власть эта надъ душами. Царская власть въ вещахъ міра сего: мечъ царскій долженъ быть готовъ на непріятелей вѣры православной; архіерейство и все духовенство требуетъ, чтобы ихъ обороняли отъ всякой неправды и насилій, и въ этомъ состоитъ обязанность мірскихъ людей. Мірскіе нуждаются въ духовныхъ для душевнаго избавленія; духовные нуждаются въ мірскихъ для обороны внѣшней: въ этомъ власть духовная не выше одна другой, но каждая происходитъ отъ Бога». Этому осторож-

ному выводу Никона противорѣчитъ, однако, только что сдѣланное сравненіе двухъ властей съ луной и солнцемъ. И дѣйствительно, Никонъ тотчасъ же переходитъ съ умѣренной точки зрѣнія на чисто ультрамонтанскую. «Много разъ явлено, что священство выше царства: не отъ царей священство пріемлется, но отъ священства на царство помазуются». Не скрываетъ патріархъ и источника своей теоріи. «Папу за доброе отчего не почитать», отвѣчаетъ онъ на упреки одного изъ своихъ судей.

Время и обстоятельства мало благопріятствовали осуществленію въ Россіи папистской теоріи. Своимъ блестящимъ положеніемъ при Филаретѣ церковь была обязана случайнымъ обстоятельствамъ: родству патріарха съ царемъ и временной слабости государственной власти. Какъ только эти обстоятельства измѣнились, государство снова начало свою борьбу противъ старыхъ привилегій церкви; и даже свою гордую теорію Никону пришлось выставить, не нападая, а только обороняясь отъ притязаній государственной власти.

Предметомъ спора между церковью и государствомъ оставались тѣ же вопросы, какъ и въ XVI столѣтіи. Поземельныя владѣнія церкви, не смотря на прямыя запрещенія XVI вѣка, продолжали рости въ ущербъ интересамъ государственнаго тягла. Право суда надъ духовными лицами по *всякимъ* дѣламъ продолжало принадлежать духовному вѣдомству. Эти-то привилегіи церкви въ области суда и хозяйства рѣшилось ограничить правительство тишайшаго царя. Всякій дальнѣйшій переходъ земель въ собственность духовенства былъ безусловно воспрещенъ и тяглыя земли, перешедшія къ духовнымъ лицамъ—возвращены въ тягло. Судъ надъ духовенствомъ по всѣмъ гражданскимъ дѣламъ переданъ былъ въ руки правительственнаго учрежденія, вновь созданнаго *Монастырскаго приказа*. Такимъ образомъ, по выраженію Никона, «Божіе достояніе и Божій судъ переписаны» были «на царское имя». Въ памяти современниковъ еще живы были тѣ страшныя проклятія, которыми грозила духовная власть похитителямъ церковнаго имущества со времени Іосифа Волоцкаго. Подобныя же угрозы повторялъ и Никонъ противъ враговъ святительскаго суда. Нравственныя понятія вѣка были противъ государственнаго захвата, и правительству пришлось нѣсколько повременить съ осуществленіемъ своихъ притязаній. На рѣзко поставленный вопросъ: что есть царь; должны ли всѣ и тѣмъ болѣе мѣстный епископъ или патріархъ повиноваться царствующему царю; быть ли одному началу, или нѣтъ,—вселенскіе патріархи, осудившіе Никона, дали очень сдержанный отвѣтъ. «Царь есть владыка *лишь* во всякомъ политическомъ дѣлѣ»; патріархъ «повинуется царю во всѣхъ *по-*

итическихъ рѣшеніяхъ». И государство сдѣлало уступку. Судъ надъ духовными лицами по гражданскимъ и даже по уголовнымъ дѣламъ былъ возвращенъ соборомъ 1667 года духовенству. Соборъ 1675 г. упразднилъ и самый монастырскій приказъ.

Но и это торжество церкви оказалось недолговременнымъ. Яркимъ выразителемъ государственной идеи явился Петръ Великій и быстро привелъ борьбу къ рѣшительной развязкѣ. Можно было ожидать, какъ отнесется къ старому устройству церкви государь, для котораго въ духовномъ чинѣ воплотилось все, что было въ Россіи враждебнаго его реформѣ. Вся политика Петра относительно церковнаго устройства сводится къ послѣдовательному проведенію этихъ идей: къ устраненію русскаго папы, «второго государя, самодержцу равносильнаго или и большаго», какимъ легко могъ оказаться и дѣйствительно оказывался патріархъ, и къ подчиненію церкви «подъ державнаго монарха». И кто бы могъ оказать Петру сколько-нибудь значительное сопротивленіе въ достиженіи этой цѣли? Принципіальные противники секуляризаціи церковнаго устройства, большею частью, были въ рядахъ раскола, т. е. боролись подъ другимъ, открыто противогосударственнымъ знаменамъ. Опустѣлые ряды убѣжденныхъ защитниковъ стараго церковнаго порядка Петръ замѣстилъ новыми людьми, у которыхъ не было ничего общаго съ прежними русскими іерархами, ни старыхъ церковныхъ традицій, ни старыхъ мечтаній о всемірно-исторической роли, предназначенной русскому православію. Такимъ образомъ, всѣ передовыя укрѣпленія были уже взяты, когда Петръ началъ штурмъ главной позиціи. Съ перемѣной настроенія паствы и состава пастырей было уже легко провести въ область церковнаго устройства государственную идею. Устами своего союзника Ѳеофана, преобразователь настойчиво старался втолковать Россіи, что духовный чинъ «не есть иное государство», что онъ долженъ наравнѣ съ другими подчиняться общимъ государственнымъ учрежденіямъ. Такимъ «правительственнымъ учрежденіемъ, чрезъ которое внѣшнее управленіе церковью вдвигалось въ составъ общей государственной администраціи и явился», по словамъ учебника пр. Знаменскаго, «святѣйшій синодъ», соборное лицо, замѣстившее святѣйшаго патріарха и признанное другими восточными патріархами въ качествѣ ихъ «брата». Главное побужденіе, руководившее Петромъ при этой крупной реформѣ, вполнѣ откровенно высказано въ Духовномъ Регламентѣ. «Отъ соборнаго правленія можно не опасаться отечеству мятежей и смущенія, каковые происходятъ отъ единаго собственнаго правителя духовнаго. Ибо простой народъ не вѣдаетъ, какъ разнствуетъ власть духовная отъ самодержав-

ной, но удивляемый великою честію и славою высочайшаго пастыря, помышляетъ, что таковой правитель есть второй государь, самодержцу равносильный или и большій, и что духовный чинъ есть другое и лучшее государство. И если народъ уже самъ собою привыкъ такъ думать, то что же будетъ, когда разговоры властолюбивыхъ духовныхъ подложатъ какъ бы хвороста въ огонь? Простыя сердца такъ развращаются этимъ мнѣніемъ, что не столько смотрятъ на самодержца, сколько на верховнаго пастыря. И когда случится между ними распря, всѣ сочувствуютъ больше духовному правителю, чѣмъ мірскому, за него дерзаютъ бороться и бунтовать, и льстятъ себя тѣмъ, что борятся за самого Бога и рукъ неоскверняютъ, но освящаютъ, хотя бы шли и на пролитіе крови. Подобными мнѣніями народа пользуются люди, враждующіе противъ государя, и побуждаютъ народъ къ беззаконію подъ видомъ церковной ревности. А что, если и самъ пастырь, возгордившись такимъ о себѣ мнѣніемъ, не будетъ дремать?» И Регламентъ припоминаетъ историческіе примѣры того, къ чему это приводило и въ другихъ государствахъ, и въ Россіи. «Когда же народъ увидитъ, что соборное правительство *установлено монаршимъ указомъ и сенатскимъ приговоромъ*, то пребудетъ въ кротости и потеряетъ надежду на помощь духовнаго чина въ бунтахъ».

Итакъ, для того, чтобы высшая духовная власть не могла сдѣлаться органомъ противоправительственныхъ тенденцій, Петръ счелъ необходимымъ превратить ее въ государственное учрежденіе, «установленное монаршимъ указомъ и сенатскимъ приговоромъ». Его практическому уму не могли представиться при этомъ никакія каноническія сомнѣнія. По остроумному выраженію Ю. Ѳ. Самарина, «въ фактѣ церкви Петръ видѣлъ нѣсколько различныхъ явленій, никакъ не неразрывныхъ между собою: доктрину, къ которой онъ былъ довольно равнодушенъ, и духовенство, которое онъ понималъ, какъ особый классъ государственныхъ чиновниковъ, которымъ государство поручило нравственное воспитаніе народа». Такъ онъ смотрѣлъ и на свой синодъ. Учрежденный указомъ и пополняемый лицами, назначаемыми каждый разъ по спеціальному повелѣнію государя, и большею частью на время, синодъ только и могъ быть высшимъ административнымъ органомъ по духовнымъ дѣламъ въ имперіи. Какъ бы подчеркивая это значеніе его, какъ одного изъ центральныхъ правительственныхъ вѣдомствъ, Петръ приставилъ къ синоду человѣка, «кто бы имѣлъ смѣлость», со званіемъ оберъ-прокурора и съ обязанностью быть представителемъ государственныхъ интересовъ. «Первоначально, власть оберъ-про-

курора была почти исключительно наблюдательная», говорится въ новѣйшемъ учебникѣ исторіи русской церкви (г. Доброклонскаго); «но съ теченіемъ времени кругъ его дѣйствій постепенно расширялся; вмѣстѣ съ тѣмъ возростало и его вліяніе въ церковномъ управленіи. Въ 1824 году онъ сравненъ съ министрами... Съ 1835 года онъ приглашается въ государственный совѣтъ и комитетъ министровъ... Съ 1865 года, подобно министрамъ, имѣетъ товарища... Въ настоящее время, оберъ-прокуроръ есть какъ бы министръ церковныхъ дѣлъ, блюститель внѣшняго порядка и законности въ дѣлопроизводствѣ по духовному вѣдомству и представитель главнаго управленія по этому вѣдомству въ сношеніяхъ съ верховной властью и съ центральными учрежденіями другихъ вѣдомствъ». Такимъ образомъ, развитіе полномочій оберъ-прокурора довершило ту перемѣну въ характерѣ церковнаго управленія, которая начата была учрежденіемъ св. синода.

Нельзя сказать, чтобы столь важная перемѣна совершилась при полномъ безмолвіи представителей церкви. Въ томъ же самомъ 1718 году, когда Ѳеофанъ началъ составлять Духовный Регламентъ, его постоянный соперникъ, Стефанъ Яворскій, «блюститель патріаршаго престола», слѣдующимъ образомъ формулировалъ свои сомнѣнія въ письмѣ къ парижскимъ богословамъ, предлагавшимъ русскимъ обсудить вопросъ о соединеніи церквей. «Если бы мы и захотѣли какимъ-либо образомъ исправить это зло (т. е. раздѣленіе), то препятствуетъ намъ канонъ апостольскій, который епископу безъ своего старѣйшины ничего не попускаетъ творить, особенно въ такомъ великомъ дѣлѣ. Между тѣмъ, престолъ святѣйшаго патріаршества россійскаго праздenъ; а безъ патріарха епископамъ размышлять что-либо было бы все равно, что членамъ тѣла хотѣть двигаться безъ головы или звѣздамъ совершать свое теченіе безъ перваго толчка. Таковъ крайній предѣлъ, который въ настоящемъ дѣлѣ не позволяетъ намъ ничего ни говорить, ни дѣлать». Не трудно прочесть въ этихъ словахъ осторожное возраженіе самому Петру, по поводу затѣянной имъ реформы. Но преобразователь могъ бы отвѣтить возражателю, что характеръ восточной церкви вполнѣ допускаетъ подобную реформу, немыслимую ни въ какой другой церкви безъ нарушенія церковныхъ правъ. Дѣло въ томъ, что греческая церковъ не нуждается въ верховномъ органѣ духовнаго законодательства, такъ какъ для нея періодъ духовнаго творчества давно закончился. Въ силу этого основного принципа для восточной церкви не возникало даже вопроса, такъ много причинившаго хлопотъ западной: какъ быть съ тѣми вопросами, которые не предусмотрѣны или

недостаточно развиты въ писаніяхъ отцовъ церкви и въ рѣшеніяхъ вселенскихъ соборовъ. Для православной церкви такихъ вопросовъ не можетъ быть: сокровищница церкви достаточно полна, и рѣчь можетъ идти не о дальнѣйшемъ ея пополненіи, а объ охраненіи накопленныхъ богатствъ отъ расхищенія и порчи «Наша церковь не имѣетъ развитія», говорилъ въ этомъ смыслѣ петербургскій митрополитъ Серафимъ пріѣхавшему въ Россіи (при Николаѣ) англійскому богослову Пальмеру. Въ томъ же смыслѣ и Юрій Самаринъ выражался, что «православная церковь не имѣетъ системы, и не должна имѣть ея». Въ противоположность этому основному свойству и католичество и протестанство, какъ вѣрно замѣтилъ Хомяковъ, отличаются общимъ имъ грѣхомъ «раціонализма». Вопросъ о церковномъ устройствѣ для нихъ, дѣйствительно, есть коренной вопросъ всей вѣры, такъ какъ подъ нимъ скрывается другой вопросъ: кому принадлежитъ высшая власть въ дѣлѣ развитія догмата... Но если церковь не ставитъ развитія догмы своей задачей; если вся ея дѣятельность по отношенію къ догмѣ должна заключаться лишь въ томъ, чтобы сохранить въ неприкосновенности данное, готовое, съ самаго начала воспринятое содержаніе, тогда задача церкви значительно упрощается, а вмѣстѣ съ тѣмъ упрощается и ея устройство. Не занимаясь религіознымъ творчествомъ, восточная церковъ не нуждается и въ законодательномъ органѣ для такого творчества, не нуждается въ такомъ высшемъ центральномъ авторитетѣ, какъ западная. И безъ единой власти, вродѣ папской, она можетъ быть увѣрена въ томъ, что единство ея ученія сохранится: а та текущая, чисто исполнительная дѣятельность, которая ей затѣмъ и остается, можетъ быть отправляема при помощи какого угодно строя церковныхъ учрежденій. Вотъ почему восточной церкви не могло встрѣтиться тѣхъ затрудненій, съ какими пришлось бороться Западной Европѣ по вопросу о церковномъ устройствѣ. Вездѣ, гдѣ бы ни жилъ католикъ, онъ всегда долженъ будетъ признавать надъ собою верховную власть папы; въ глубинѣ своей совѣсти онъ всегда будетъ «ультрамонтаниномъ», потому что душой по долгу вѣры онъ долженъ быть въ Римѣ. Какъ помирить этотъ долгъ вѣры съ долгомъ патріотизма? Какъ соединить обязанности къ папѣ съ обязанностями къ родинѣ? Какъ примирить, словомъ, всемірную власть церкви съ ея національнымъ устройствомъ? Вотъ вопросы, передъ которыми въ теченіе вѣковъ становился втупикъ христіанинъ западнаго обряда, и которые для христіанина восточнаго обряда вовсе не существовали. *Всемірно* въ церкви для православнаго всегда было только ея общеобязательное духовное *содержаніе*, только ученіе

семи соборовъ. *Власть* же, временные хранители этого содержанія, могла принять какую угодно національную, мѣстную и временную организацію. Національная власть не могла никоимъ образомъ столкнуться съ всемірнымъ ученіемъ восточной церкви просто потому, что національныя церкви не были уполномочены измѣнять всемірнаго ученія, а всемірное ученіе не было облечено властью. При этихъ условіяхъ, понятно, почему церквамъ восточнаго обряда давалось такъ легко то, что такъ трудно давалось западной церкви: достиженіе національно-церковной независимости. Ввести національно-церковное устройство на Западѣ значило, дѣйствительно, почти измѣнить вѣру. Не говоримъ уже о протестантскихъ странахъ, гдѣ такъ и было въ дѣйствительности. Но стоитъ припомнить, сколько усилій потрачено было для организаціи національныхъ церквей внутри католичества, и какъ косо смотрѣли на эти усилія настоящіе римско-католики. Ничего подобнаго не встрѣтимъ на Востокѣ. Выдѣленіе новыхъ національныхъ церквей было здѣсь исключительно дѣломъ политики. Россія, какъ мы видѣла, подала примѣръ этой политики во второй половинѣ XVI вѣка. За ней послѣдовали въ наше время и всѣ остальныя государства, какъ только они успѣли сформироваться въ политическомъ отношеніи. Греція, Сербія, Румынія, наконецъ, Болгарія владѣютъ теперь автономными церквами, что не мѣшаетъ имъ считать себя членами единой восточной церкви. Если возникновеніе автономныхъ церквей есть только дѣло политики, то дѣломъ политики можетъ быть и ихъ уничтоженіе. Примѣры такого уничтоженія церковной отдѣльности мы видимъ въ присоединеніи бессарабской или грузинской церкви къ русской.

Такимъ образомъ, национализація церковнаго устройства,—«филетизмъ», хотя и осужденный одно время константинопольскимъ патріархомъ, какъ ересь,—есть совершенно естественное послѣдствіе охранительнаго характера восточной церкви. Изъ ея отрицательнаго отношенія къ развитію догмы самъ собой вытекаетъ чисто исполнительный характеръ ея учрежденій; а ограничиваясь исполнительнымъ характеромъ и не претендуя на религіозно-законадательную роль, эти учрежденія могутъ безъ всякаго ущерба для церкви войти въ рамки другихъ воспитательно-нравственныхъ учрежденій даннаго государства. За исключеніемъ такихъ чрезвычайныхъ вопросовъ, какъ затронутый Сорбонной вопросъ о соединеніи церквей, эти учрежденія будутъ совершенно достаточны для удовлетворенія нуждъ повседневной церковной практики. Таковы соображенія, показывающія намъ, что преобразователь могъ, безъ нарушенія правъ церкви, превратить высшее

церковное учрежденіе въ государственное и передать, при его посредствѣ, управленіе церковью въ руки государственной власти.

Теперь и вопросъ о старыхъ привилегіяхъ церкви могъ получить новое разрѣшеніе. Для государства представлялось неудобнымъ оставлять судебныя и хозяйственныя права въ рукахъ духовной власти; но въ рукахъ правительственнаго учрежденія, получившаго характерное названіе «синодальной *команды*», сосредоточить обязанности по суду и хозяйству было совершенно естественно. Конечно, при такой постановкѣ дѣла духовенство скоро должно было почувствовать, что его права, дѣйствительно, превращаются въ обязанности; даже выгоды хозяйничанья на церковныхъ земляхъ парализовались необходимостью строгой отчетности и обязательствомъ отвѣчать за исправный взносъ податей. «Естественно», замѣчаетъ г. Доброклонскій, «что синодъ крайне тяготился своею хозяйственною властью и отвѣтственностью». По вѣрному замѣчанію имп. Елизаветы (1757), «монастыри, не имѣя власти употреблять свои расходы инако, какъ только на положенные штатомъ расходы, только напрасное затрудненіе себѣ дѣлали управленіемъ вотчинъ». При этихъ условіяхъ, полная секуляризація духовныхъ имуществъ могла быть лишь вопросомъ времени. Когда она совершилась (1764),—это была уже только простая перемѣна въ администраціи церковныхъ вотчинъ. Перемѣна эта сопровождалась составленіемъ новыхъ духовныхъ штатовъ, по которымъ на содержаніе духовенства опредѣлялось около 450 тыс. руб. Весь доходъ съ духовныхъ вотчинъ составлялъ втрое большую сумму, а лѣтъ черезъ двадцать послѣ секуляризаціи возросъ до цифры, разъ въ восемь превышавшей штатное содержаніе духовенства. Такимъ образомъ, двѣ трети, а потомъ и семь восьмыхъ всѣхъ доходовъ съ церковныхъ имѣній употреблены были на государственныя надобности. Единственнымъ голосомъ, раздавшимся изъ среды русскихъ іерарховъ противъ этихъ распоряженій власти, былъ голосъ Арсенія Мацѣевича. Одинокій и запоздалый, его протестъ не остался безъ примѣрнаго наказанія. Времена Никона и Іосифа Волоцкаго давно прошли; самъ Арсеній начерталъ имъ эпитафію углемъ на стѣнѣ своего каземата: «благо, яко смирилъ мя еси».

Такимъ образомъ, русское церковное устройство приведено было въ соотвѣтствіе съ духовно-нравственнымъ состояніемъ паствы. Намъ остается посмотрѣть, насколько соотвѣтствовало тому и другому самое состояніе ученія церкви.

Здѣсь, какъ и въ устройствѣ церкви, мы имѣемъ дѣло съ послѣдствіями, естественно вытекшими изъ двоякаго рода причинъ:

изъ историческихъ условій русской жизни и изъ самаго принципа восточнаго вѣроученія. Церковь должна быть непогрѣшима. Между тѣмъ, всякая богословская система можетъ быть ошибочна. Слѣдовательно, выводилъ отсюда, какъ мы уже видѣли, Юрій Самаринъ, церковь не можетъ имѣть системы, она не можетъ санкціонировать никакого ученія, имѣющаго своею цѣлью—логическое доказательство истинъ откровенной вѣры. «Доказывая сама себя, церковь выходитъ изъ своей сферы, слѣдовательно, лишаетъ себя возможности безошибочнаго опредѣленія... Въ бытіи церкви лежитъ ея разумное оправданіе, и разсудокъ съ своими вопросами, сомнѣніями и доказательствами не долженъ имѣть въ ней мѣста». «Доказывать догматы для членовъ церкви, признающихъ ея божественный авторитетъ,—трудъ лишній». Но «раціонализмъ всегда былъ допускаемъ церковью и нисколько не противенъ ея духу,—какъ орудіе отрицательное, оборонительное» противъ враговъ церкви. Такимъ образомъ, православное богословіе есть по преимуществу полемическое.

Таково было, какъ мы видѣли раньше, и богословіе древней Руси. Наши старинные духовные писатели въ дѣлахъ вѣры такъ же сильно чуждались «мнѣнія», какъ позднѣе славянофилы чуждались «раціонализма». Православныя ученія обосновывались и обставлялись доказательствами только тогда, когда приходилось противополагать ихъ не православнымъ, для опроверженія послѣднихъ. Для такой цѣли, притомъ, считалось достаточнымъ въ XVI вѣкѣ сопоставить мѣста изъ Писанія и отцовъ по данному вопросу; этимъ вопросъ считался разрѣшеннымъ самъ собою, безъ всякихъ дальнѣйшихъ діалектическихъ словоизвѣстій или логическихъ дедукцій. Таковы древнерусскія полемическія сочиненія противъ латинянъ, таковъ «Просвѣтитель» Іосифа Волоколамскаго и поученія митр. Даніила (см. выше). Въ первый разъ русское богословіе почувствовало себя недостаточно вооруженнымъ, когда ему пришлось столкнуться лицомъ къ лицу съ развитой аргументаціей западнаго богословія въ спорѣ, котораго нельзя было избѣжать: въ извѣстномъ уже намъ диспутѣ по вопросу о крещеніи королевича Вальдемара. Тогда же нашлось и новое оружіе, которое немедленно употребили въ дѣло московскіе полемисты. Свой доморощенный полемистъ, Иванъ Насѣдка, оказался неспособнымъ услѣдить за изворотливой аргументаціей противниковъ и совершенно растерялся передъ ихъ филологическими доказательствами. «Насъ, овецъ Христовыхъ, не перемудряйте софистиками своими; намъ нынѣ некогда философства вашего слушать»,—таковъ былъ послѣдній аргументъ о. Ивана. Для опроверженія доводовъ нѣ-

мецкой богословской науки поневолѣ пришлось искать другихъ, болѣе подготовленныхъ полемистовъ; и московское правительство нашло такого въ лицѣ *«кіевлянина* чернца Исайи». Выборъ дѣлался на-спѣхъ и былъ не особенно удаченъ; но, во всякомъ случаѣ, московское правительство наглядно убѣдилось въ практической пользѣ кіевской богословской науки, почерпнутой съ того же, только латинскаго, Запада. Съ этихъ поръ въ московское богословіе проникаетъ и мало-по-малу укрѣпляется въ немъ новый элементъ—католическій. Любопытно, что сторонники новаго направленія выступаютъ открыто какъ разъ тогда, когда интересъ народной массы все болѣе и болѣе отвлекается въ сторону борьбы за старую вѣру. Русскіе іерархи высказываются тѣмъ свободнѣе, чѣмъ равнодушнѣе становится къ ихъ богословскимъ мнѣніямъ паства. Первый въ этомъ ряду богослововъ кіевской школы, Симеонъ Полоцкій, ведетъ себя чрезвычайно сдержанно. Смѣлѣе дѣйствуетъ его преданный ученикъ, Сильвестръ Медвѣдевъ. Горячему послѣдователю Симеона Полоцкаго кажется, что наставникъ черезчуръ уже долго задерживается на первой, подготовительной стадіи учительства, на «чтеніи и частыхъ разсужденіяхъ о божественномъ писаніи», и что онъ слишкомъ медлитъ «явить» плоды этой подготовки: «тому, чему отъ Бога научится, народъ учити». И Медвѣдевъ рѣшается «производить въ дѣйство словеса» своего учителя. Вскорѣ послѣ смерти Полоцкаго (1680) онъ выступаетъ съ своей пропагандой. И содержаніе, и исходъ этой пропаганды одинаково характерны для того времени, когда они велись. Католическая теорія явилась впервые въ русскомъ богословіи въ приложеніи къ обрядовому вопросу. Споръ шелъ, уже съ начала XVII в., о томъ, въ какой моментъ литургіи совершается пресуществленіе св. Даровъ: при словахъ ли Христа: пріимите, ядите, и т. д., или же позднѣе, при словахъ священника: и сотвори убо хлѣбъ сей и т. д. Рѣшеніе вопроса должно было интересовать каждаго простолюдина, такъ какъ отъ него зависѣло, когда начинать тотъ колокольный звонъ, услышавъ который—всякій православный, гдѣ бы онъ ни находился, спѣшилъ воздать поклоненіе пресуществляемому хлѣбу. Сильвестръ устно и письменно принялся защищать первое мнѣніе, принятое, по Ѳомѣ Аквинскому, кіевлянами и, въ томъ числѣ, его покойнымъ учителемъ. Споры о времени «поклоненія хлѣбу» возбудили сильнѣйшее волненіе, котораго не остался чуждъ даже и расколъ. «Не токмо мужіе, но и жены и дѣтища», вездѣ, гдѣ случится, «на пиршествѣхъ, на торжищахъ, въ яковомъ-либо мѣстѣ, временно и безвременно» толковали «о таинствѣ таинствъ... како пресуществляется хлѣбъ и вино, и въ кое время

и кіими словесы». Старомосковская православная партія, съ патріархомъ Іоакимомъ во главѣ, собрала свои силы, чѣмъ одолѣть «хлѣбопоклонную ересь». Іересіархъ былъ осужденъ соборомъ (1690) и, запутанный въ политической агитаціи приверженцевъ Софьи, погибъ на эшафотѣ. Для свободныхъ теоретическихъ разсужденій въ области вѣры время, очевидно, еще не наступило.

Обстоятельства, однако, измѣнились уже въ слѣдующемъ поколѣніи. Хлѣбопоклонная ересь была едва ли не послѣднимъ богословскимъ споромъ, одинаково живо взволновавшимъ и верхи, и низы русскаго общества. Дальнѣйшая судьба русской богословской науки, можетъ быть, всего нагляднѣе показываетъ, какъ быстро духовные интересы этихъ слоевъ разошлись въ разныя стороны.

Послѣдствія и признаки этого разъединенія начинаютъ обнаруживаться съ самыхъ первыхъ годовъ новаго столѣтія. На смѣну отдѣльнымъ обрядовымъ вопросамъ выступаютъ цѣлыя богословскія системы, слишкомъ отвлеченныя и мудреныя, чтобы интересовать массу. Вопросы ставятся шире и смѣлѣе, и безучастіе паствы обезпечиваетъ пастырямъ большую свободу сужденій. Облекшись уже въ XVII в. въ схоластическую средневѣковую одежду, русское богословіе XVIII вѣка скоро начинаетъ говорить мертвымъ языкомъ средневѣковой науки. Переставая быть достояніемъ народа, теологія становится достояніемъ школы, и тотчасъ же появляется то условное отношеніе къ школьному обсужденію религіозныхъ вопросовъ, которымъ воспользовался, какъ мы видѣли, Тверитиновъ для своей пропаганды.

Представителемъ католической тенденціи въ богословіи явился Стефанъ Яворскій. Его «Камень вѣры», написанный въ опроверженіе протестантскихъ теорій Тверитиновскаго кружка, усыновленъ былъ богословами католической церкви. Іезуитская пропаганда перевела «Камень вѣры» на латинскій языкъ; доминиканецъ Рибера защищалъ его противъ нападеній протестантскихъ ученыхъ. Въ отпоръ «Камню вѣры» Ѳеофанъ Прокоповичъ составилъ рядъ богословскихъ сочиненій: католическимъ авторитетамъ Яворскаго Беллярмину, Бекану и т. д. онъ противопоставилъ ученія протестантскихъ богослововъ—Гергарда, Мосгейма, Хемниція и т. д. Сочиненія Ѳеофана, написанныя по латыни, пользовались извѣстностью въ протестантскомъ мірѣ; катихизисъ его былъ переведенъ англичанами, а одинъ англійскій пасторъ принялъ даже православную вѣру, какою она являлась у Прокоповича. Такимъ образомъ, при самыхъ первыхъ шагахъ православной богословской науки въ Россіи намѣтились сами собой Сцилла и Харибда русскаго школь-

наго богословія. Если Стефанъ Яворскій исходилъ изъ католическаго утвержденія, что «единымъ *преданіемъ* можетъ быть вѣра» и что даже самое писаніе, случайное и неполное по составу, неясное и тонкое по содержанію, можетъ быть подтверждаемо и разъясняемо только преданіемъ церкви, то Ѳеофанъ Прокоповичъ противопоставилъ этому протестантское ученіе, что *писаніе* есть единственный источникъ вѣры, совершенный по полнотѣ и ясности, самъ по себѣ доказывающій свое божественное происхожденіе и авторитетъ. Если Яворскій училъ, вслѣдъ за католическими авторитетами, что природа человѣка не была совершенна до грѣхопаденія и не окончательно пала послѣ Адама, такъ что ея паденіе есть ея собственная, хотя и извинительная вина, а ея возстаніе—собственная свободная заслуга, то и тутъ Прокоповичъ выставилъ противоположную теорію протестантовъ: чистая вначалѣ, человѣческая природа была въ корнѣ искажена грѣхопаденіемъ, и искупленіе грѣха, невозможное въ Ветхомъ Завѣтѣ, гдѣ оно было обставлено неисполнимымъ для грѣховнаго человѣка условіемъ—строгаго соблюденія *закона*, стало возможно лишь благодаря принесенной Христомъ *благодати*. Такимъ образомъ и оправданіе человѣка, представлявшееся у Яворскаго, какъ награда за добрыя *дѣла*, явилось у Прокоповича исключительнымъ послѣдствіемъ *вѣры*, дарованной благодатью: «если мы прежде получаемъ оправданіе, а потомъ творимъ добрыя дѣла, то можно ли говорить, что добрыя дѣла есть причина оправданія? Не есть ли они скорѣе его послѣдствіе?» И если добрыя дѣла неотдѣлимы отъ вѣры, то естественно, что они не могутъ быть передаваемы отъ заслужившаго спасеніе не заслужившему: такимъ образомъ съ Ѳеофановымъ ученіемъ объ оправданіи несовмѣстимы молитвы за мертвыхъ и предстательство святыхъ, индульгенціи и чистилище. Такъ, обѣ противоположныя системы, исходя отъ противоположныхъ принциповъ, расходились въ двѣ разныя стороны, доходя въ каждомъ изъ двухъ направленій до утвержденій, трудно примиримыхъ съ ученіемъ православной церкви. «Ни той, ни другой церковь не возвела на степень *своей* системы, и ни той, ни другой не осудила», по выраженію Ю. Самарина; «церковь терпѣла ту и другую, признавая въ нихъ отрицательную силу» взаимной китики. «Съ двухъ противоположныхъ сторонъ онѣ оберегали ея предѣлы».

Дѣйствительно, системы Яворскаго и Прокоповича надолго остались пограничными знаками, отмежевавшими поле для свободной дѣятельности представителей русской богословской науки. Католическое направленіе, вынесенное изъ школы и проникнутое школьными реторическими и діалектическими пріемами, на нѣкоторое

время продолжало и послѣ Яворскаго безусловно господствовать въ высшемъ преподаваніи. Одинъ изъ кіевлянъ, Ѳеофилактъ Лопатинскій перенесъ это направленіе изъ Кіевской академіи въ Московскую, и до 40-хъ годовъ прошлаго вѣка богословіе преподавалось здѣсь по системѣ Ѳомы Аквинскаго, въ строго схоластическомъ духѣ. Напротивъ, въ глазахъ правительства съ самаго начала восторжествовало ученіе Ѳеофана: ловкій іерархъ, умѣвшій мирить свободу мысли съ зависимостью церкви, слишкомъ наглядно доказалъ власти преимущество своихъ протестантскихъ теорій передъ несговорчивымъ клерикализмомъ Стефана Яворскаго и его послѣдователей. Та же причина содѣйствовала преобладанію протестантскаго направленія и въ послѣдующее время. Не говоря уже о нѣмецкомъ правительствѣ Имп. Анны, заподозрившей все православное духовенство въ неблагонадежности, іерархи этого направленія были наиболѣе удобными администраторами и для «философски» настроенной Екатерины II, и для мистически-настроеннаго Имп. Александра I. Оба знаменитые іерарха конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка, митрополитъ Платонъ (Левшинъ) и московскій владыка Филаретъ (Дроздовъ), не скрывали своихъ протестантскихъ симпатій. Филаретъ въ молодые годы горячо сочувствовалъ дѣятельности Библейскаго общества и говорилъ, что съ этой дѣятельностью начинается пришествіе Царствія Божія. Нужно, однако же, помнить, что то было время, когда самыя близкія къ государю лица, Сперанскій, кн. Голицынъ, держались мнѣній, близкихъ къ духовному христіанству, а англійскіе методистскіе пасторы, содѣйствовавшіе открытію Библейскаго общества, открыто высказывали въ публичныхъ рѣчахъ надежду, что Библейское общество «откроетъ греческой церкви ея заблужденія, оживотворитъ ея вѣру и скоро создастъ въ Россіи реформацію, какъ того желаетъ и самъ Государь». Такое увлеченіе вызвало усиленное противодѣйствіе, и, можетъ быть, никогда чисто-охранительный характеръ восточной церкви такъ сильно не выдвигался, какъ въ царствованіе Имп. Николая I, немедленно послѣ воцаренія закрывшаго Библейское общество. Прибавимъ, что какъ разъ въ это царствованіе обнаружилось вліяніе на наше богословіе новаго «философскаго элемента», и появилась система, пытавшаяся возвыситься надъ крайностями и противорѣчіями католическаго и протестантскаго богословія инымъ путемъ, чѣмъ употреблявшійся до тѣхъ поръ путь осторожнаго эклектизма. Авторомъ этой системы было однако не духовное лицо, а міряринъ — Хомяковъ. Отношеніе къ этой системѣ нашего академическаго богословія едва ли можно считать окончательно выясненнымъ. Какова бы ни

была ея судьба, нельзя не замѣтить, что среди традиціонныхъ воззрѣній массы, классическихъ афоризмовъ первоисточниковъ и развитыхъ системъ западной богословской литературы—положеніе русской богословской науки довольно затруднительно. Со всѣми этими данными она одинаково обязана считаться, но при заранѣе поставленномъ условіи—ни съ однимъ изъ нихъ не входить въ открытое противорѣчіе. Положеніе это, впрочемъ, можетъ длиться такъ долго, какъ долго богословское мышленіе будетъ считаться допустимой роскошью въ области вѣры, а не дѣломъ насущной необходимости.

Учебники по исторіи русской церкви *проф. П. Знаменскаго* (изд. 5, Казань 1888) и *А. Доброклонскаго* (Четыре выпуска въ трехъ томахъ, Москва 1889—1893) указаны выше. Цитированное въ текстѣ мнѣніе Костомарова см. въ его статьѣ: Исторія раскола у раскольниковъ, В. Евр. 1871, IV и Монографіи, т. XII. О бѣломъ духовенствѣ см. прекрасную монографію *проф. П. Знаменскаго*: Приходское духовенство въ Россіи со времени реформы Петра. Казань 1873. *Ив. Знаменскій.* Положеніе духовенства въ царствованіе Екатерины II и Павла I. М. 1880. О церковномъ устройствѣ древней Россіи см. *Н. Ѳ. Каптерова.* Свѣтскіе архіерейскіе чиновники въ древней Руси. М. 1874. *И. Перова.* Епархіальныя учрежденія въ русской церкви въ XVI и XVII вѣкахъ. Рязань, 1882. О секуляризаціи церковнаго суда и хозяйства см. *Вл. Милютина*, О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи, и свящ. *М. Горчакова.* Монастырскій приказъ. Спб. 1868 и О земельныхъ владѣніяхъ всероссійскихъ митрополитовъ, патріарховъ и Св. Синода. Спб. 1871. Объ Арсеніи Мацѣевичѣ см. Монографіи *В. С. Иконникова* въ «Русской Старинѣ», 1879, IV, V, VIII—X и *Морошкина* ibid. 1885, II—IV. Характеристику русскихъ богослововъ, состязавшихся съ Фельгаберомъ, см. въ указанной выше книгѣ *А. Голубцова.* О вліяніи кіевскихъ богословскихъ мнѣній въ Москвѣ и о хлѣбопоклонной ереси см. *И. А. Шляпкина*, Св. Димитрій Ростовскій и его время. Спб. 1891 и спеціальныя сочиненія о Сильвестрѣ Медвѣдевѣ: *И. Козловскаго* въ Кіевск. Унив. Извѣстіяхъ, 1895, II, III, V и особенно изслѣдованіе *А. Прозоровскаго*, начало котораго напечатано въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. Р. 1896, II. Изложеніе противоположныхъ системъ Стефана Яворскаго и Ѳеофана Прокоповича, а также ихъ отношеніе къ учрежденію Синода см. въ сочиненіи *Ю. Самарина*: Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ, изданномъ подъ наблюденіемъ о. Иванцова-Платонова въ V томѣ сочиненій Ю. Ѳ. Самарина. Болѣе подробныя свѣдѣнія о борьбѣ кіевской и московской партій см. ниже, въ отдѣлѣ о школѣ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ИЗЪ ГЛУБИНЫ ВРЕМЕНЪ.

Культурно-историческій очеркъ.

(Ihering. Vorgeschichte der Indoeuropäer. Leipzig, 1894).

Передъ нами новая попытка рѣшить вопросъ о праисторіи нашихъ предковъ индоевропейцевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и новый трудъ извѣстнаго юриста, къ сожалѣнію, не вполнѣ имъ законченный, такъ какъ въ этомъ помѣшала ему смерть. Задачу обработки оставленнаго имъ матеріала и разбора его рукописей взяла на себя его жена и издатель настоящаго изданія книги Эренбергъ, котораго авторъ еще при жизни посвящалъ въ свои планы и намѣренія относительно даннаго предмета.

Много ученыхъ трудилось надъ этимъ вопросомъ, многіе положили свою жизнь на рѣшеніе его, много было исписано толстыхъ томовъ, но не достигнуто никакого соглашенія. Вопросъ о прародинѣ и праисторіи индоевропейцевъ сводился, обыкновенно, на слѣдующіе: 1) вопросъ о мѣстоположеніи прародины; 2) вопросъ о происхожденіи отдѣльныхъ европейскихъ націй отъ одного общаго пранарода, и 3) вопросъ о культурѣ, сводившійся, вообще, къ тому, была ли она высока, или низка, а въ частности, распадавшійся на вопросы: а) о томъ, были ли знакомы наши предки съ земледѣліемъ; б) знали ли обработку металловъ и в) было ли развито у нихъ понятіе родственныхъ отношеній. И на всѣ эти вопросы давались разнорѣчивые отвѣты. Нѣкоторые ученые, въ томъ числѣ и Іерингъ, считали родиной Азію, именно Бактрію, другіе, соглашаясь въ томъ, что ею должна быть Азія, искали ее не въ Бактріи, а въ другихъ мѣстахъ азіатскаго материка, третьи считали ею Европу, причемъ нѣкоторые всю—отъ океана до Урала; были такіе, которые думали ее видѣть въ Германіи, были и такіе, которые полагали, что она находилась въ Россіи.

Единственно, въ чемъ наблюдалось почти полное соглашеніе, такъ это въ томъ, что мѣста, занимаемыя разными европейскими

націями при вступленіи на сцену исторіи, не занимались ими всегда, но что въ очень отдаленную эпоху произошло отдѣленіе этихъ націй отъ одного общаго пранарода и разселеніе по Европѣ и Азіи. Но почему-то, не смотря на это согласіе, всѣ ученые останавливались лишь на культурѣ и родинѣ этого пранарода, оставляя совершенно въ сторонѣ время странствованія послѣ отдѣленія и образованіе отдѣльныхъ европейскихъ націй изъ одного общаго арійскаго типа. И вотъ Іерингъ и взялся пополнить этотъ пробѣлъ.

Какимъ же образомъ считалъ онъ возможнымъ выполнить свою задачу? Кромѣ соображеній, основанныхъ на данныхъ лингвистики, имъ руководила при его работѣ слѣдующая мысль: извѣстно, что человѣку, въ обширномъ значеніи этого слова, врождено чувство привязанности ко всему тому, что его окружало въ младенческій періодъ его жизни. Поэтому, многіе обычаи и учрежденія, имѣвшія практическое значеніе въ доисторическое время, хотя и утратили его въ новѣйшее, но въ силу только-что указанной способности человѣка, народъ не пожелалъ съ ними разстаться, и сохранилъ ихъ, пріурочивъ ихъ къ религіознымъ актамъ, или къ юридическимъ. Римскій народъ, по мнѣнію Іеринга, сохранилъ больше всего такихъ воспоминаній о доисторическомъ времени. Поэтому, многіе необъяснимые безъ того обычаи при институтахъ религіозныхъ и юридическихъ этого народа объясняются просто, какъ остатокъ обычаевъ, нѣкогда имѣвшихъ практическое значеніе,—и при помощи внимательнаго анализа того или другого учрежденія въ римскомъ государствѣ, мы можемъ открыть тамъ слѣды остатковъ доисторическаго времени и доискаться до новаго, еще неизвѣстнаго намъ фактора культурной жизни праарійцевъ.

Въ позднѣйшей Бактріанѣ, на отрогахъ Гималаевъ, въ роскошныхъ, изобиловавшихъ травой, долинахъ, жилъ, палимый горячими лучами среднеазіатскаго солнца, многочисленный народъ, насчитывавшій, судя по весьма развитому языку, нѣсколько тысячелѣтій существованія. Этотъ народъ и былъ—наши предки индоевропейцы. Богатыя стада, пасшіяся на его земляхъ, составляли его пропитаніе, присмотръ за ними—его занятія.

Природа позаботилась о немъ на столько, что, за исключеніемъ очень рѣдкихъ войнъ, онъ жилъ, не имѣя тяжелыхъ заботъ, ведя праздную и досужую жизнь пастуха, предаваясь съ увлеченіемъ игрѣ и пьянству. Благодаря такимъ условіямъ онъ, мощно одаренный духовными способностями, имѣвшій развитый языкъ, религію и даже поэзію, ничего не сдѣлалъ въ практической жизни.

Да и то сказать, что нужно было пастуху? Въ хорошую погоду проводилъ онъ время на вольномъ воздухѣ, одѣтый только въ кожаный передникъ. Для защиты отъ непогоды и холода у него была деревянная хижина. Никакого понятія о городахъ, о каменныхъ постройкахъ, объ обработкѣ металловъ! И вотъ этотъ-то въ высшей степени непрактичный народъ былъ родоначальникомъ всѣхъ арійскихъ племенъ, какъ европейскихъ (грековъ, италиковъ, германцевъ, славянъ, кельтовъ и другихъ), такъ и азіатскихъ (иранцевъ, индусовъ) и, въ частности, родоначальникъ въ высшей степени практическихъ римлянъ. Какъ это произошло? Какъ могъ изъ непрактическаго арійца выработаться въ высшей степени практическій римлянинъ?

Недалеко отъ арійскаго пранарода жилъ практическій народъ *семитическій*, отдѣльныя черты культуры котораго проникли глубоко въ историческую жизнь и еще нынѣ наблюдаются у всѣхъ европейцевъ. Арійскій пранародъ былъ очень многочисленнымъ и, наконецъ, разросся до того, что принужденъ былъ избавиться отъ избытка народонаселенія. Произошло отдѣленіе такъ-называемаго Tochtervolk'а (народа-дочери); часть осталась, часть выселилась. Конечно, выселившіеся унесли съ собой всю, такъ сказать, культуру Muttervolk'а (народа-матери), но пришли въ Европу совсѣмъ не тѣми, какими вышли. Стало быть, они измѣнились во время пути. А потому нужно постараться прослѣдить время странствованія, посмотрѣть, какіе новые культурные элементы выработались въ теченіе странствованія и благодаря ему.

Послѣ долгаго странствія, пройдя черезъ различныя страны, пришли переселенцы, уже значительно измѣненные, въ Европу и тутъ поселились на югѣ Россіи около Днѣстра и Дуная. Здѣсь была вторая родина арійцевъ, но уже европейская, азіатскіе остались въ Азіи. Много было новыхъ чертъ въ ихъ народномъ характерѣ, но все же много и осталось отъ ихъ азіатскихъ братьевъ. Но чего еще не было, это—отдѣльныхъ національныхъ чертъ грека, славянина, германца, кельта и т. д. Здѣсь то, во второй родинѣ, они сдѣлали важное культурное пріобрѣтеніе: научились хлѣбопашеству.

Такова главная мысль Іеринга и планъ, которому онъ слѣдовалъ въ первыхъ пяти книгахъ своего труда. Какъ образовался характеръ отдѣльныхъ европейскихъ народовъ, должны бы были показать шестая и седьмая книги, но авторъ умеръ, не успѣвъ окончить труда.

Какъ уже видно изъ набросанной выше картины родины и культуры индоевропейца, родиной его Іерингъ считаетъ Бак-

трію, и именно *жаркія* долины отроговъ Гималаевъ. Но, чтобы доказать это положеніе, нужно прежде доказать, что, во-1-хъ, климатъ прародины былъ дѣйствительно жаркій, а во-2-хъ, что страна была гориста, такъ какъ безъ этихъ двухъ условій предположеніе о томъ, что родиной была Бактрія, становится невозможнымъ.

Рѣшивъ на основаніи лингвистическихъ данныхъ, что въ языкѣ арійскаго пранарода не было понятія стойла, такъ что скотъ принужденъ былъ ночевать на вольномъ воздухѣ, и выведя изъ римской формы обыска по украденнымъ вещамъ *), что одѣяніе праарійца составлялъ лишь кожаный передникъ, онъ дѣлаетъ заключеніе, что климатъ, который допускаетъ подобныя ночевки скота и подобный родъ одѣянія человѣка, долженъ быть непремѣнно жаркимъ. Что же касается того, что страна, служившая родиной индоевропейцевъ, была гористой, то какъ объяснить низкій уровень ихъ познаній въ практической жизни, какъ не замкнутостью, полнѣйшей отдѣленностью недоступными горами отъ всего остальнаго міра, какъ объяснить то обстоятельство, что часть отдѣлившаяся прервала всякія сношенія съ оставшимися, какъ это видно изъ римскаго обычая *ver sacrum* **), которое представляетъ, по Іерингу, символизацію выселенія арійцевъ изъ первой родины? Вспомнивъ греческія колоніи, которыя никогда не прерывали сношеній съ метрополіей, вспомнивъ, вообще, на сколько сильно у всѣхъ народовъ чувство привязанности къ землякамъ, мы можемъ легче всего объяснить себѣ этотъ странный фактъ отчужденія тѣмъ, что горы, окружавшія прародину, представляли сильную преграду сношеніямъ обѣихъ частей народа. Наконецъ, такое удивительное развитіе языка, и притомъ безъ заимствованныхъ словъ, легче всего объяснить тѣмъ, что горы изолировали народъ, заставивъ его языкъ развиваться совершенно самостоятельно. И вотъ эти-то два вышеописанныя обстоятельства, къ которымъ присоединяется еще доказанное наукой незнаніе нашими предками моря и соли, окончательно убѣждаютъ Іеринга, что Бактрія, какъ страна, удовлетворяющая всѣмъ этимъ условіямъ, и была прародиной индоевропейцевъ.

---

*) По описанію римскаго юриста Гая (Caius. III. 192, 193), эта форма обыска состояла въ томъ, что обокраденный, одѣтый только въ кожаный передникъ (licium) и снабженный пустой тарелкой (lanx) отправлялся для обыска въ домъ подозрѣваемаго въ воровствѣ. Передникъ этотъ не имѣетъ здѣсь никакого непосредственнаго смысла и представляетъ, какъ доказывается Іерингомъ, остатокъ временъ доисторическихъ, когда онъ имѣлъ практическое значеніе.

**) Ver sacrum—священная весна. Объясненіе дальше.

Переходя къ вопросу о культурѣ индоевропейцевъ, Іерингъ прежде всего выставляетъ на видъ, что духовное развитіе народа (языкъ, религія, поэзія) стояли довольно высоко, практическія же знанія совсѣмъ низко. Придя затѣмъ къ убѣжденію, что предкамъ нашимъ земледѣліе знакомо не было, такъ какъ въ праязыкѣ нѣтъ названія *плуга* и понятія *осени*, тогда какъ для земледѣльца это время года чрезвычайно важно, Іерингъ дѣлаетъ предположеніе, что они были пастухами. Въ этомъ, кромѣ этимологіи словъ *pecunia* *) и *ajras* **) (поле), убѣждаетъ его окончательно то, что корень слова «скотъ» повторяется во всѣхъ позднѣйшихъ европейскихъ языкахъ и тѣмъ самымъ указываетъ на древнее и общее всѣмъ имъ происхожденіе этого слова. Итакъ, праарійцы были скотоводы, хотя кочевымъ народомъ они и не были. Это былъ народъ осѣдлый и притомъ очень многочисленный. Что онъ былъ многочисленъ, доказываетъ развитой языкъ. Такой языкъ можетъ выработаться только въ очень длинный промежутокъ времени, въ продолженіи котораго народъ все размножался, особенно при плодовитости арійцевъ. Кромѣ того, если при выселеніи изъ 1-й родины часть отдѣлившаяся была очень значительна (а она должна быть таковой, такъ какъ иначе погибла бы во время долгаго и труднаго пути), то каковъ же долженъ былъ быть нераздѣльный народъ? Онъ, навѣрное, считался милліонами. А такой многочисленный народъ, проживая на сравнительно небольшомъ пространствѣ, не могъ быть, конечно, кочевымъ.

Но, будучи осѣдлымъ, онъ, все-таки, не зналъ ни городовъ, ни каменныхъ домовъ. Что онъ не зналъ каменныхъ домовъ, достаточно уже доказано другими, и Іерингъ не повторяетъ этихъ доказательствъ. Что же касается незнанія городского житья, то вспомнимъ, что ни у германцевъ, ни у славянъ, при вступленіи на сцену исторіи еще не было городовъ. А предположить, что такое важное культурное пріобрѣтеніе утратилось, невозможно. Вспомнимъ также, что въ пѣсняхъ Ригведы нигдѣ нѣтъ упоминанія о городахъ, что въ языкѣ нѣтъ даже и выраженія для по-

---

*) Слово *pecunia*—деньги, имѣетъ одинаковый корень со словомъ «скотъ». Отсюда дѣлается выводъ, что раньше мѣновой единицей былъ скотъ, откуда и названіе позднѣйшей мѣновой единицы сохранило корень этого слова (подобное же названіе денегъ и у германцевъ). На этомъ основаніи дѣлается заключеніе, что скотъ въ древнѣйшее время былъ знакомъ нашимъ предкамъ и составлялъ предметъ первой необходимости, что ясно указываетъ на занятія индоевропейцевъ.

**) *Ajras* происходитъ отъ корня *aj*—выгонять; *ajras*—поле, такъ какъ на него выгоняли скотъ.

нятія «городъ», и мы признаемъ, что городовъ, дѣйствительно, не было.

Не было и знанія обработки металловъ, хотя сами металлы, по мнѣнію Іеринга, особенно желѣзо (ayas), были знакомы, однако не всѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ лишь вспомнить римскую hasta praeusta *), которая вся изъ дерева. Отчего же не желѣзная, когда оно уже давно въ римскую эпоху обрабатывалось и было употребляемо вездѣ въ повседневной жизни? Отчего также топоръ, употребляемый во время жертвоприношенія при торжественныхъ случаяхъ заключенія народныхъ договоровъ былъ изъ кремня (silex), а не изъ желѣза? Отчего въ «pons sublicius» **), священномъ мостѣ, находившемся подъ охраной понтификовъ (римскихъ жрецовъ) не было ни одного желѣзнаго гвоздя, а все деревянные? Отчего, наконецъ, весталки въ торжественныхъ случаяхъ возжиганія священнаго огня производили это посредствомъ пробуравливанія (terebratio) сухихъ деревъ? Да, просто, оттого, что это остатки доисторическаго времени, когда желѣза не умѣли обрабатывать для практическихъ цѣлей. Вотъ и всѣ черты внѣшней культурной жизни индоевропейцевъ, на которыхъ останавливается Іерингъ. Переходя затѣмъ къ области права и семейныхъ отношеній, мы находимъ у него слѣдующіе выводы: Арійскій пранародъ не зналъ института гостепріимства (Gastfreundschaft), слѣдовательно, сношенія его съ окружавшими народами не были развиты, что служитъ самымъ вѣрнымъ доказательствомъ его относительной дикости. Точно также мало было развито имущественное право (Vermögunsrecht), самаго же понятія *права* еще не существовало. Да и какъ оно могло существовать, когда еще не могли различить и отдѣлить право, нравственность и религію другъ отъ друга, не говоря уже о такомъ тонкомъ различіи, которое наблюдалось, напр., у римлянъ, въ словахъ: lex, jus, fas? ***) *Наказанія* производились просто и первобытно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ужасно: провинившагося или привязывали къ столбу и палками забивали на смерть (остатки этого наказанія наблюдаются въ доисторическое время), или изгоняли изъ общины. Положеніе

---

*) Hasta praeusta—пика, обожженная на концѣ. При торжественномъ объявленіи войны римскій жрецъ (феціалъ) бросалъ ее на непріятельскую землю.

**) Pons sublicius—мостъ, построенный на сваяхъ, деревянный.

**) «Я напрасно искалъ,—говоритъ Іерингъ,—(у арійцевъ) выраженія, которое означало бы *только* право, *только* законъ, какъ лат. lex и ius, а также соотвѣтствія соблюдавшемуея въ римскомъ правѣ уже съ самаго начала различію священнаго (божественнаго) и человѣческаго права (fas и ius)». Іерингъ, стр. 74.

должника было еще ужаснѣе положенія провинившагося. Несчастнаго привязывали къ дереву, и тамъ висѣлъ онъ день и ночь, отданный на жертву дождю и вѣтру, стужѣ и невыносимой жарѣ, и притомъ вполнѣ предоставленный на волю своего кредитора, который могъ бить его, сколько угодно,—висѣлъ до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь изъ состраданія не выкупалъ его, заплативъ его долги. Еслижъ добрыхъ людей не оказывалось, то онъ такъ и умиралъ на столбѣ, отданный и послѣ смерти вполнѣ въ руки кредитора.

Что касается семейныхъ отношеній, то, по мнѣнію Іеринга, жена не была рабыней мужа. Она была во власти его, это правда, но власть мужа надъ женой не препятствовала ей считаться равной ему по происхожденію и быть госпожей въ домѣ. Положеніе ея походило на положеніе римской матрони. Выходя замужъ, она приносила съ собой приданое, что и служитъ подкрѣпленіемъ вышеизложеннаго взгляда о положеніи жены въ домѣ мужа. Вѣдь, если бы онъ покупалъ ее, то это было бы прямо доказательствомъ того, что на нее смотрѣли просто, какъ на вещь, тогда какъ, при описанныхъ выше условіяхъ, она была не вещь, но существо, равное мужу по происхожденію. Любовь, вѣрность и цѣломудріе воспѣвается въ книгахъ Веды, тоже было и раньше. Когда мужъ умиралъ, жена слѣдовала за нимъ въ могилу. Въ этомъ обычаѣ нельзя, конечно, видѣть никакихъ нравственныхъ мотивовъ, которые появились позже и были созданы жрецами съ религіозною цѣлью, и по которымъ смерть эта была жертвой, приносимой любящей женщиной, во имя этой самой любви. Въ то время этого не было. Ее сжигали, какъ все, находившееся во власти покойнаго, и не могущее принадлежать никому, кромѣ его.

Итакъ отношенія супруговъ не ужасны, но совсѣмъ ужъ дики. Но отношенія дѣтей къ родителямъ и обратно, опять напоминаютъ намъ своей дикостью, что мы имѣемъ дѣло съ народомъ, въ высшей степени некультурнымъ. Дѣти убивали родителей, когда они достигали старческаго возраста; еще при жизни отца, когда этотъ послѣдній старился, а сынъ становился уже вполнѣ мужчиной, власть переходила къ сыну, и отецъ долженъ былъ повиноваться ему. Съ другой стороны и родители не любили дѣтей, особенно дочерей, имѣть которыхъ считалось несчастіемъ.

Примѣръ, дошедшій до насъ въ «Наль и Дамаянти», доказываетъ, что и отношенія между дѣтьми отнюдь не были хорошими, иначе бы одинъ братъ не пустилъ по міру другого.

Вотъ и всѣ черты культурной жизни арійскаго пранарода, какъ онѣ описаны у Іеринга.

Покончивъ съ этою частью своего труда, авторъ, согласно своему плану, переходитъ къ описанію культуры народа семитическаго.

Человѣкъ рождается уже съ извѣстнымъ, ему присущимъ, характеромъ, который, въ основныхъ чертахъ, остается все тѣмъ же во всю жизнь, подвергаясь только нѣкоторымъ измѣненіямъ, вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, вліяющихъ на него. Не то съ народомъ. Народъ появляется на сцену исторіи безъ всякой опредѣленной физіономіи, и характеръ народный вырабатывается уже въ теченіе его исторіи въ зависимости отъ условій, въ которыхъ данный народъ находится. Условія же эти заключаются въ географическомъ, климатическомъ и культурно-историческомъ положеніи его страны. Такова основная точка зрѣнія Іеринга на проблему образованія народнаго характера, формулируемая имъ въ слѣдующихъ словахъ: «страна—это народъ». Яркимъ доказательствомъ своей точки зрѣнія онъ считаетъ исторію первобытнаго вавилонскаго народа, обозрѣнію которой и посвящена 2-ая книга его труда. Книга эта имѣетъ громадный интересъ уже сама по себѣ, кромѣ того, она важна и потому, что, показавъ на яркомъ, убѣдительномъ примѣрѣ, правоту своей теоріи, Іерингъ считалъ себя въ правѣ приложить ее и къ праисторіи арійскаго народа, объяснивъ его характеръ на томъ же основаніи.

За нѣсколько тысячелѣтій до Рождества Христова въ плодородной низменности, лежащей между Евфратомъ и Тигромъ, жили двѣ народности *тюркскаго* происхожденія: аккады и суммерійцы. То же еще въ доисторическое время въ эту долину пришелъ народъ семитическаго племени, вавилоняне, завоевалъ аккадовъ и суммерійцевъ, смѣшался съ ними и образовалъ одинъ народъ, отъ котораго впослѣдствіи произошли финикіане, евреи и ассирійцы.

Низменность эта, заливаемая весною разлитіями Тигра и Евфрата, принадлежала къ самымъ плодороднымъ мѣстностямъ Средней Азіи. Сама природа такимъ образомъ располагала къ хлѣбопашеству. И дѣйствительно, уже въ раннюю эпоху, когда арійцы еще не помышляли о земледѣліи, оно уже культивировалось ихъ сосѣдями—вавилонянами. Вотъ первое, но, притомъ, самое существенное различіе этихъ двухъ племенъ.

Народъ, занимающійся земледѣліемъ, стоитъ въ культурномъ отношеніи несравненно выше народа пастушескаго. Къ нему вполнѣ примѣнимо библейское изреченіе «въ потѣ лица твоего будешь ѣсть хлѣбъ твой». Въ то время, какъ пастухъ проводитъ весь день въ полѣ, ничего не дѣлая и только наблюдая за стадомъ, земледѣлецъ не имѣетъ ни минуты покоя. Кончивъ посѣвъ, онъ долженъ внимательно слѣдить за всходами, чтобы не пропу-

стить времени жатвы и не погубить своихъ трудовъ. Ему же принадлежитъ заслуга изобрѣтенія *плуга*. Благодаря этому, онъ привыкаетъ серьезно смотрѣть на свой трудъ, научается знать цѣну всего, трудомъ пріобрѣтеннаго. Пастухъ не знаетъ труда, не знаетъ и цѣны своему имуществу. Поэтому мы и наблюдаемъ у праарійцевъ склонность къ игрѣ, расточительности, тогда какъ у прасемита этого нѣтъ. Народъ вполнѣ сознавалъ упомянутое выше культурное различіе земледѣльца и пастуха и болѣе совершенная культурная форма—земледѣліе, одерживаетъ верхъ надъ менѣе совершенной—пастушествомъ. Вотъ, первое и существенное различіе между культурой праарійца и прасемита. Второе различіе заключается въ томъ, что арійцы не знали городовъ, а у семитовъ они были.

Городъ, по библейскому разсказу, основанъ земледѣльцемъ Каиномъ. По мнѣнію Іеринга, это не простая прихоть народной фантазіи, но именно *земледѣлецъ* Каинъ долженъ былъ основать городъ. Къ чему были города пастухамъ-арійцамъ? Жили они въ полѣ, отъ непріятельскихъ нападеній прекрасно защищены были горами. Имъ города не нужны. Представимъ себѣ, съ другой стороны, прасемита, живущаго въ низменности, у котораго имущество недвижимое и который подверженъ вполнѣ нападкамъ враговъ. Куда онъ дѣнется съ своимъ хлѣбомъ, когда сосѣдній народъ ополчится на него? Гдѣ будетъ искать защиты? Ему необходимъ *городъ*, въ собственномъ значеніи этого слова, т. е. мѣсто, огороженное крѣпкими стѣнами. Туда онъ пойдетъ въ случаѣ войны самъ, съ женами, дѣтьми и имуществомъ. Поэтому, самое древнее значеніе города—крѣпость. Въ такомъ значеніи онъ употребляется при возникновеніи у всѣхъ народовъ. Ту же самую мысль о значеніи города, какъ укрѣпленнаго мѣста, мы находимъ въ постройкахъ древнихъ городовъ въ мѣстахъ, непремѣнно хоть съ одной стороны, защищаемыхъ рѣкой, горой и т. п. Въ основѣ свайныхъ построекъ лежитъ та же мысль. Таково первое значеніе города, какъ мѣста укрѣпленнаго. Второе значеніе заключается въ его важномъ *культурномъ* значеніи. Городъ—первое условіе культуры. Являясь первоначально лишь крѣпостью, онъ дѣлается мало-помалу ярмаркою, затѣмъ главнымъ пунктомъ просвѣщенія и искусства. Вокругъ крѣпости начинаютъ селиться купцы, завязывается торговля, въ ней вырабатываются новыя культурныя потребности, новые вкусы, нравы смягчаются, появляется искусство, наука. Все это возможно лишь въ городѣ. Всякій согласится, что у народа кочевого ничего этого быть не можетъ, не можетъ этого быть и у народа осѣдлаго, но живущаго отдѣльными хуторами.

Для этого нужно тѣсное общеніе и постоянное житье на одномъ мѣстѣ. А что же крѣпче города приковываетъ человѣка къ землѣ? Построенный народомъ земледѣльческимъ, знающимъ цѣну своему труду, городъ, для сооруженія котораго нужна такая затрата силъ, къ которому совершенно привыкаетъ и любитъ, какъ свое созданіе и мѣсто рожденія, народъ, выстроившій его, такой городъ жители безъ принужденія не оставятъ. Во всей исторіи нельзя указать безпричиннаго выселенія жителей изъ обитаемаго ими города. Но это еще не все значеніе города. Нигдѣ не осуществляется въ такой мѣрѣ разумное раздѣленіе труда, а, какъ слѣдствіе его, и болѣе совершенная отдѣлка его разновидностей, какъ здѣсь. Городъ же развиваетъ извѣстную утонченность привычекъ, вкусовъ, а съ ними и манеръ. Достаточно вспомнить о древнихъ Аѳинахъ, Римѣ, чтобы согласиться съ вышесказаннымъ. Всѣ культурные народы древности имѣли города, подобные Аѳинамъ и Риму; вспомнимъ Вавилонъ, Ѳивы египетскія, Александрію. Съ другой стороны, народы, въ родѣ славянъ и германцевъ, не имѣвшіе городовъ, не были и культурными. Только съ осѣдлостью ихъ, только съ городами культура ихъ поднялась выше.

Итакъ, у прасемитовъ были города, и притомъ *каменные.* Представьте себѣ народъ, живущій въ низменности, гдѣ нѣтъ ни камня, ни дерева, а такимъ народомъ и были вавилоняне. Какъ выстроить такому народу себѣ защищенныя мѣста, какъ оградить себя отъ непріятельскаго вторженія? Какъ выстроить городъ? Природа отказалась помочь ему въ этомъ, и вотъ, онъ долженъ былъ самъ подумать о себѣ. И онъ выдумалъ средство помочь этому горю, онъ сталъ дѣлать *кирпичи.* Глины было довольно, солнце жарко палило, и первый кирпичъ былъ сдѣланъ въ Вавилонѣ и высушенъ на солнцѣ. Но такой кирпичъ оказался не очень прочнымъ, и вотъ, изобрѣтательный человѣческій умъ додумался до способа обжиганія кирпичей въ нарочно сдѣланныхъ для этого громадныхъ печахъ. Воспоминаніе о такихъ печахъ сохранилось въ библейскихъ разсказахъ объ огненной печи Ананіи, Азаріи и Мисаила. Кирпичъ былъ изобрѣтенъ. Человѣкъ сталъ дѣлать искусственный камень. Городъ былъ выстроенъ изъ такого камня. Изъ кирпича, обожженнаго въ огромныхъ каменныхъ печахъ, какъ изъ матеріала, болѣе прочнаго, строились общественныя зданія и постройки, изъ кирпича, высушеннаго на солнцѣ, жители строили себѣ свои домики. Изъ Вавилона искусство дѣлать кирпичи проникло въ Египетъ. Самая древняя, сохранившаяся до насъ пирамида, пирамида *Sakkara*, сдѣлана изъ кирпичей и, что еще интереснѣе, уступами, какъ вавилонскіе храмы, что яснѣе всего

указываетъ на тѣсную связь и заимствованіе древней египетской культуры отъ вавилонской. Праарійцы не знали каменныхъ построекъ, да имъ и не нужны онѣ были. Природа, явившаяся по отношеніи къ нимъ балующей матерью, а не суровой воспитательницею, позаботилась о нихъ вполнѣ, давъ имъ въ изобиліи и камень, и дерево. Но имъ, конечно, легче и удобнѣе было срубить дерево, чѣмъ высѣчь камень. И они поступали такъ, какъ имъ было удобнѣе; срубали деревья и строили себѣ деревянныя хижины, но въ то же время и остались въ культурномъ отношеніи позади своихъ сосѣдей вавилонянъ, къ которымъ мы теперь снова и обратимся.

До насъ отчасти сохранились остатки вавилонской культуры, сохранились тѣ громадныя зданія, надъ постройкою которыхъ трудились цѣлые народы и предъ которыми удивляются даже наши современники. На основаніи этихъ остатковъ, при помощи сохранившихся извѣстій, мы можемъ судить о цѣломъ.

Постройки эти прямо поразительны, какъ по своей громадности, такъ и по тому впечатлѣнію, которое они производятъ, когда задумаешься надъ тѣмъ, какъ все это выполнено. Для созданія ихъ недостаточны одни работники, нужны и архитекторы, которые бы наблюдали за работой и по плану которыхъ она бы совершалась. Нужно размѣрить площадь, на которой сооружается подобная постройка, составить извѣстный планъ, съумѣть присмотрѣть за его выполненіемъ, однимъ словомъ, нуженъ опытный глазъ свѣдущаго человѣка. И такіе люди были въ Вавилонѣ. Безъ нихъ нельзя было обойтись. Строительное искусство—самое древнее изъ искусствъ во всемъ мірѣ и оно увидѣло свѣтъ на берегахъ Евфрата. Дѣлать полный обзоръ его Іерингу было вовсе не нужно, но онъ не могъ обойти одной его стороны, а именно: въ постройкѣ храмовъ въ видѣ пирамиды, но съ уступами, онъ видѣлъ стремленіе подражанія самому древнему мѣсту поклоненія божеству—*горъ*, а въ *висячихъ садахъ*—не что иное, какъ проведеніе той же идеи горы, но покрытой лѣсомъ. (Примѣромъ въ языкѣ служитъ еврейское названіе, означающее «святилище» и «гору»). Кромѣ храмовъ, извѣстны каждому дворцы и стѣны Вавилона, которыя были такъ толсты, что рядомъ могли ѣхать шесть колесницъ, какъ говоритъ Геродотъ. Своимъ каменнымъ сооруженіямъ Вавилонъ обязанъ стройностью и незыблемостью государственнаго строя. Великолѣпный царскій дворецъ, какъ извѣстно, стоялъ на одномъ берегу рѣки, тогда какъ городъ помѣщался на другомъ. Онъ также, какъ и этотъ послѣдній, былъ окруженъ рвомъ, толстыми стѣнами; съ городомъ его соединялъ деревянный, легко

устраняющійся, мостъ, и ворота, легко запираемыя. Онъ былъ какъ бы городомъ въ городѣ. И тамъ-то жилъ, никогда не показываясь народу, царь, окруженный многочисленными тѣлохранителями. Внѣшнія стѣны охраняли Вавилонъ отъ внѣшнихъ нападеній (онъ былъ неприступенъ врагамъ), внутреннія гарантировали внутреннее спокойствіе (о возстаніяхъ народа мы ничего изъ исторіи не знаемъ).

Теперь нужно сказать нѣсколько словъ о самомъ сооруженіи этихъ громадныхъ построекъ. Ясно, что работать безпорядочно или безъ отдыха работники не могли. Должна была существовать какая бы то ни было организація работъ. И она, дѣйствительно, существовала. Мы видимъ ее у евреевъ, работавшихъ у египтянъ и заимствовавшихъ ее отъ вавилонянъ, и которая состояла: 1) въ дѣленіи сутокъ на 24 часа (12 часовъ дня и 12 ч. ночи), причемъ, вѣроятно, работали 3 часа, потомъ отдыхали 2 (или $1^1/_2$), затѣмъ опять работали 3, отдыхали 1 (или $1^1/_2$) и работали 3,—и 2) въ установленіи недѣльнаго дѣленія, причемъ работали 6 дней, отдыхали 1 (еврейскій «день субботній» представляетъ прямой остатокъ этого обычая). И такъ, по мнѣнію Іеринга, недѣльное и суточное дѣленіе обязано своимъ существованіемъ, исключительно, практической цѣли — болѣе вѣрнаго сохраненія рабочей силы, посредствомъ правильнаго его регулированія.

Но почему было выбрано это, а не другое дѣленіе? Причина весьма простая: потому что у вавилонянъ вообще была въ ходу дуадецимальная система, а это потому, что она самая удобная, число 12 имѣетъ множество производителей. У арійцевъ была децимальная система: новое доказательство того, что недѣльное и суточное дѣленіе не арійскаго происхожденія.

Итакъ, суточное дѣленіе вовсе не было изобрѣтено халдейскими мудрецами, какъ это обыкновенно думаютъ, точно такъ же, какъ не были ими изобрѣтены числа и начальныя правила ариѳметики. Какъ то, такъ и другое образовалось подъ вліяніемъ чисто практическихъ потребностей. Заслуга же халдеевъ заключается въ томъ, что они съумѣли воспользоваться этими знаніями для научныхъ цѣлей.

Камень употреблялся въ Вавилонѣ не только для построекъ. Онъ же служилъ матеріаломъ для письменныхъ договоровъ, контрактовъ и, вообще, для письма, употребляясь или въ видѣ *глиняныхъ*, или въ видѣ *базальтовыхъ* досокъ. При чемъ на первомъ писались, конечно, вещи, не имѣвшія надобности быть сохраняемыми неизмѣнно и прочно, тогда какъ на вторыхъ записывались обыкновенно какіе-нибудь общественные договоры, дѣла и под-

книги царей, однимъ словомъ, все то, что желали сохранить на долгое время. Открыта цѣлая библіотека изъ каменныхъ досокъ, въ которой находится цѣлый героическій эпосъ *Издубаръ* съ извѣстіемъ о всемірномъ потопѣ (библіотека царя Азурбонигала, 668—626).

Если общественныя постройки и дома жителей дѣлались изъ камня, то изъ него же дѣлались и ихъ послѣднія жилища—гробы. Онъ же служилъ для мощенія улицъ.

Я думаю, что послѣ всего вышесказаннаго будетъ вполнѣ ясно, почему Ірингъ приписываетъ *камню* такое важное значеніе въ выработкѣ и развитіи культуры, почему онъ ставитъ его даже выше *плуга*, который, обыкновенно, считаютъ самымъ важнымъ моментомъ культурнаго развитія.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, изобрѣтеніе плуга доказываетъ переходъ отъ кочевой жизни къ осѣдлой, отъ пастушества къ земледѣлію, другими словами, съ изобрѣтеніемъ его открывается возможность образованія высшей культуры. Но этимъ и исчерпывается значеніе плуга. Отъ возможности образованія болѣе совершенныхъ культурныхъ понятій и формъ до образованія ихъ на самомъ дѣлѣ далеко; въ этомъ же актѣ ихъ образованія исключительное значеніе принадлежитъ камню.

Итакъ, *камень важнѣе плуга.*

Но камень не единственный важный *факторъ культурной жизни* прасемита, другимъ, нисколько ему не уступающимъ, является *вода.*

Вавилоняне жили въ странѣ, гдѣ недостатка въ водѣ не было. Съ одной стороны—море, съ двухъ другихъ—двѣ большія рѣки. Они были буквально окружены водою. Немудрено, что вода, являясь, съ одной стороны, ихъ усердной помощницей въ дѣлѣ распространенія торговыхъ сношеній, а съ другой—грозной разрушительной силой, сокрушавшей при разливахъ моря и рѣкъ всѣ плоды ихъ трудовъ, играла такую важную роль въ ихъ жизни. Немудрено и то, что космогоническія представленія народовъ семитическаго племени удѣляютъ ей такое важное мѣсто. У вавилонянъ, богъ *Nun* является воплощеніемъ идеи, что вода есть источникъ жизни, какъ въ томъ смыслѣ, что земля образовалась изъ воды, такъ и въ томъ, что вода есть источникъ всякаго блага. О томъ, что вода нѣкогда покрывала Месопотамскую низменность, было ли то короткое время, или, наоборотъ, весьма продолжительное, сохранились весьма точныя указанія у евреевъ и вавилонянъ, а именно въ легендѣ о всемірномъ потопѣ, изъ которой Ірингомъ выводится также и знакомство вавилонянъ съ судоходствомъ.

Легенда эта въ основѣ сходна у обоихъ народовъ, но замѣчательно характерно расходится въ частностяхъ. Какъ въ еврейской, такъ и въ вавилонской редакціи, Богъ наказываетъ преступный народъ и оставляетъ въ живыхъ только одного благочестиваго человѣка, у евреевъ—Ноя, у вавилонянъ—Chasis Adra, который спасается на суднѣ, плавающемъ по водамъ, пока, наконецъ, не останавливается на горахъ. Различіе обѣихъ легендъ состоитъ въ томъ, что у вавилонянъ потопъ произошелъ, какъ вслѣдствіе дождя, такъ и вслѣдствіе разлитія моря и землетрясеній, у евреевъ же только вслѣдствіе дождя и разлитія рѣкъ и ручьевъ; у вавилонянъ времени для затопленія земли понадобилось 6 дней и 7 ночей, у евреевъ—40 дней и ночей; у вавилонянъ Chasis Adra плаваетъ на кораблѣ, у евреевъ—въ ковчегѣ. Вглядѣвшись попристальнѣе въ обѣ легенды, мы сразу подмѣтимъ, что 1) одна составилась позже другой и 2) что первая написана народомъ мореходнымъ, а вторая нѣтъ. Иначе, какъ объяснить, что представленіе евреевъ допускало потопленіе земли только при посредствѣ дождя, которому, поэтому, чтобы исполнить такую громадную задачу, и нужно было идти въ продолженіе 40 дней, тогда какъ вавилоняне къ этому прибавляли разлитіе моря и землетрясеніе, т. е. столкновеніе циклоновъ съ колыхающейся почвой, почему для затопленія вполнѣ достаточно было шести дней? Иначе какъ объяснить, что Ной ѣдетъ въ *Ковчегѣ*, суднѣ, не имѣвшемъ киля и могшемъ, поэтому, возникнуть только у немореходнаго народа, тогда какъ Chasis Adra—на кораблѣ.

Итакъ, уже легенда о потопѣ въ вавилонской редакціи убѣждаетъ насъ сама собою несомнѣнно въ томъ, что обитатели Месопотамской низменности знали судоходство.

Знаніе астрономіи уже въ древнѣйшія эпохи вавилонской исторіи приводитъ къ тому же выводу.

Астрономія была, какъ и математика, сначала не наукой, а просто искусствомъ, именно, она сводилась къ наблюденіямъ морехода надъ звѣзднымъ небомъ, которое въ ясную ночь служитъ для него лучшимъ компасомъ, и первоначальныя наблюденія надъ звѣздами производились не халдейскими мудрецами съ высоты вавилонскихъ храмовъ, а моряками съ палубы ихъ кораблей. Мы знаемъ, что письменныя вычисленія и рисунки халдейцевъ относятся къ III тысячелѣтію до Р. Хр., что незаписанныя вычисленія должны быть отнесены къ еще болѣе раннему времени, откуда можно заключить, что наблюденія мореходовъ проникаютъ еще дальше, а, именно, приблизительно, къ IV тысячелѣтію, т. е. уже въ IV тысячелѣтіи вавилоняне знали судоходство. Въ томъ,

что они знали *морское* судоходство, которое представляетъ высшую ступень въ развитіи судоходства изъ рѣчного (въ порядкѣ: *рѣчное*, *побережное* и, наконецъ, *морское*), достаточно убѣждаетъ насъ легенда о потопѣ, гдѣ уже сама величина и форма корабля говоритъ въ пользу этого предположенія.

Итакъ, вавилоняне знали морское судоходство. Корабли ихъ ходили и въ Аравію, и въ Египетъ, а съ другой стороны, въ Индію. Въ этомъ послѣднемъ насъ убѣждаетъ въ достаточной мѣрѣ, во-первыхъ, то обстоятельство, что у индусовъ мы находимъ счисленіе *времени* по вавилонскому образцу, во-вторыхъ, сходство построекъ вавилонянъ и индусовъ, равно какъ и сходство легендъ о потопѣ и, наконецъ, удивительное сродство нѣкоторыхъ словъ.

Являясь помощницей прасемита въ его торговыхъ предпріятіяхъ, вода была таковой и въ дѣлѣ орошенія полей. Вся месопотамская низменность была изрѣзана каналами, соединявшими обѣ великія рѣки. Такимъ образомъ, недостатокъ воды въ извѣстныхъ мѣстахъ устранялся каналами, чрезмѣрное же разлитіе ея сдерживалась плотинами.

Покончивъ со взглядами Іеринга на культурное значеніе для Вавилона камня и воды, посмотримъ его выводы относительно торговли и правовыхъ понятій вавилонскаго народа.

То высокое развитіе торговли, котораго она достигла въ Месопотаміи, объясняется вѣрнѣе и прежде всего удобствомъ путей сообщенія, такъ какъ въ тѣ отдаленныя времена водныя дороги были гораздо удобнѣе сухопутныхъ, а Месопотамія, какъ извѣстно, именно и отличается обиліемъ рѣкъ и близостью моря. А что торговля, дѣйствительно, была развита, можно заключить какъ изъ языка, гдѣ проводится строгое различіе названій крупнаго купца и мелкаго торговца, такъ и на основаніи удивительнаго развитія торговаго права и существованія такихъ юридическихъ гешефтовъ, которые, по словамъ Іеринга, сдѣлали бы честь завзятому ростовщику нашего времени. Всѣ контракты и договоры писались на глиняныхъ доскахъ и свидѣтельствовались нотаріусомъ, причемъ, всегда дѣлалось по два экземпляра, чтобы избѣжать возможности порчи и поддѣлки. Такая форма сохранилась въ римскихъ завѣщаніяхъ. Другая форма написанія юридическихъ актовъ: это камень базальтъ въ видѣ яйца, на которомъ, обыкновенно, писались акты, касающіеся поземельной собственности (здѣсь выставлялись имена владѣльца, свидѣтелей, землемѣра) и такой камень ставился на самомъ участкѣ. Что же касается денегъ, то можно сказать, что металлъ обращенъ въ деньги прежде всего въ Вавилонѣ, хотя чеканка его еще не была знакома. Chasis Adra (еврейскій

Ной) беретъ на корабль золото и серебро. Авраамъ, когда отправляется въ Египетъ, везетъ съ собой и то, и другое.

Торговля велась съ арабами и индами и была мѣновой, причемъ, разныя дешевыя вещи обмѣнивались вавилонянами на *золото*. Мѣновая торговля съ некультурнымъ народомъ приноситъ громадную выгоду, такъ какъ даетъ возможность пріобрѣтать за безцѣнокъ драгоцѣнныя вещи. Благодаря ей, вавилоняне и нажили свое поразительное богатство.

Итакъ, вотъ какою, по мнѣнію Іеринга, должна представляться культура самаго выдающагося племени семитическаго—вавилонянъ. Отъ нихъ она передалась уже арійцамъ, а такъ какъ эти послѣдніе отличаются въ высшей степени способностью къ образованію, то они ее усвоили вполнѣ и продолжали тогда развиваться самостоятельно. Вавилоняне создали культуру, довели ее до извѣстной степени развитія, а затѣмъ, задача ихъ была кончена. Ими было исчерпано все, что они могли сдѣлать.

Оставалось ее распространить. Такими распространителями явились 1) торговыя сношенія вавилонянъ, благодаря которымъ культура ихъ проникла въ Египетъ и Индію, 2) завоеваніе ихъ персами, благодаря которому эти послѣдніе усвоили ее себѣ и 3) отдѣленіе отъ первоначальнаго семитическаго племени—отдѣльныхъ вѣтвей, между прочими финикіянъ и въ частности карѳагенянъ, благодаря которымъ она съ нѣкоторыми дополненіями, выработавшимися въ теченіе времени, была перенесена въ Европу.

Исполнить эту задачу перенесенія культуры финикіянамъ было гораздо легче, чѣмъ вавилонянамъ, такъ какъ у нихъ выработалась полная организація иностранной торговли, чего у вавилонянъ не было, а именно, у нихъ существовали: торговые договоры, договоры извѣстнаго изъ римской жизни института hospitium, т. е. гостепріимства между извѣстными странами, торговые консулы, факторіи, колоніи и цѣлые куски земли вокругъ послѣднихъ, принадлежащіе имъ. Какъ видно, полная организація внѣшней торговли, которую и передавали они, уже какъ свое изобрѣтеніе, арійцамъ. Въ остальномъ же они были только передатчиками вавилонской культуры. Тѣмъ же явились и карѳагеняне, за исключеніемъ одного важнаго культурнаго момента, обязанаго своимъ существованіемъ исключительно имъ, а именно, выработки *республиканскаго* устройства, которому, благодаря извѣстнымъ условіямъ, суждено было появиться на свѣтъ не въ Вавилонѣ, а въ Карѳагенахъ.

Всѣ арійскія народности обязаны семитамъ тѣмъ, что они сдѣлались культурными. Вспомнимъ грековъ, которые жили на бе-

регу Средиземнаго моря и тѣмъ самымъ имѣли возможность приходить въ соприкосновеніе съ финикіянами; вспомнимъ римлянъ, жившихъ на берегу того же моря, и, съ другой стороны, германцевъ и славянъ, не приходившихъ въ непосредственное соприкосновеніе съ финикіянами, а потому и развившихся послѣ первыхъ двухъ.

Теперь является вопросъ: чѣмъ объяснить всемірно-историческое оттѣсненіе семита арійцемъ на второй планъ? По мнѣнію Іеринга, его можно объяснить доказательствомъ превосходства арійскаго народнаго характера надъ семитическимъ. А для этого надо опредѣлить и тотъ, и другой, чему и долженъ былъ быть посвященъ конецъ 2-й книги, но чего, къ сожалѣнію, авторъ сдѣлать не успѣлъ.

Показавъ, такимъ образомъ, чѣмъ европейцы обязаны прасемитической культурѣ, Іерингъ переходитъ опять къ исторіи праарійцевъ, а именно: такъ какъ ихъ бытъ въ первой ихъ родинѣ уже былъ нарисованъ, то къ изображенію ихъ исторіи съ момента *отдѣленія Tochtervolk'a.*

Въ римской жизни есть одно учрежденіе, которое, по мнѣнію Іеринга, есть полное символическое изображеніе этого выселенія; это—*ver sacrum.* Что учрежденіе это выработалось не спеціально на римской почвѣ, и что оно не имѣетъ, такимъ образомъ, случайнаго характера, доказывается лучше всего тѣмъ, что мы его находимъ и у остальныхъ италиковъ, кромѣ того у грековъ и германцевъ.

Извѣстно, въ чемъ заключался этотъ обычай: въ дни какого-либо тяжелаго бѣдствія, чтобы прекратить его, народъ обѣщалъ богамъ посвятить имъ какъ людей, такъ и животныхъ, которые родятся въ будущую весну. Людей оставляли жить до 20 и 21-лѣтняго возраста и когда они его достигали, то должны были, какъ молодые люди, такъ и дѣвушки, оставить городъ и искать счастія на сторонѣ. Народъ прерывалъ съ ними всѣ сношенія (чѣмъ этотъ обычай отличался отъ основанія колоній) и не заботился о томъ, что съ ними будетъ. Они были отданы вполнѣ на волю боговъ. Отсюда названіе этого обычая ver *sacrum*, а выселявшихся *sacrani.* Ихъ покровителемъ считался богъ Марсъ и посвященныя ему животныя: *волкъ* и *дятелъ.*

Какъ объяснить этотъ религіозный институтъ? Пробовали объяснить его, какъ символизацію обычая приносить въ жертву дѣтей, практиковавшагося въ древнее время. Если даже предположить, что онъ дѣйствительно практиковался, то все же остается непонятнымъ, зачѣмъ такая обстановка? Вѣдь съумѣли же симво-

лизировать другіе жертвенные обряды древности, не прибѣгая къ такой странной обстановкѣ (напр., обрядъ приношенія въ жертву стариковъ исполнялся надъ куклами и т. д.). Нѣтъ, такое объясненіе неудачно. По мнѣнію Іеринга, удовлетворительнаго объясненія надо искать въ предположеніи, что это есть ничто иное, какъ символизація выхода арійцевъ изъ ихъ первоначальной родины. Какъ у іудеевъ сохранилось воспоминаніе о выходѣ изъ Египта, такъ у арійцевъ о выходѣ изъ свой родины. Только что высказанное предположеніе подтверждается вполнѣ разсмотрѣніемъ отдѣльныхъ чертъ *ver sacrum*.

Въ самомъ дѣлѣ, въ Римѣ исполненіе этого обычая вызывалось какимъ-нибудь бѣдствіемъ. Мотивъ выселенія части арійскаго народа надо искать въ чрезмѣрномъ избыткѣ населенія, вслѣдствіе чего являлся *голодъ*,—слѣдовательно, также въ бѣдствіи. Какъ видно, полное соотвѣтствіе. У римлянъ выселялись исключительно *молодые* люди и притомъ обоихъ половъ, какъ мужчины, такъ и женщины. Что при выходѣ арійцевъ изъ Бактріи, съ ними вышли и женщины, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Не говоря про то, что въ исторіи такихъ примѣровъ передвиженія всего народа, какъ мужской его части, такъ и женской, много,—самый фактъ выселенія *навсегда* предполагаетъ участіе и женщинъ. Что же касается до того, что выселялись только *молодые*, то въ этомъ тоже трудно сомнѣваться. Вѣдь, опасности, представляемыя долгой дорогой, требуютъ для преодолѣнія ихъ свѣжихъ и крѣпкихъ силъ. Старые, больные и слабые не могутъ ихъ вынести, не могутъ поэтому и предпринимать путь. Они остаются дома, а *молодые*, полные силъ и отваги, отправляются.

У римлянъ всякія сношенія съ выселившимся молодымъ поколѣніемъ прекращались. Само собою понятно, что то же было и при выселеніи праарійцевъ. Какъ только перешли они свои родныя горы, они прервали всѣ сношенія съ оставшимися.

Но такой важный фактъ не случился вдругъ и неожиданно. Какъ видимъ изъ примѣра римлянъ, гдѣ требовалось непремѣнно для совершенія «*ver sacrum*» предварительное рѣшеніе народа, мы можемъ заключить, что то же было и при выселеніи арійцевъ.

Въ самомъ дѣлѣ, надо было рѣшить, кто пойдетъ, кто останется, назначить время и мѣсто выхода, запастись на первое время пути всѣмъ необходимымъ. Шли, какъ уже сказано, молодые и вообще еще полные силъ, но и то не всѣ: богатымъ и зажиточнымъ выселяться не нужно было; другое дѣло бѣдняки, ничего не имѣвшіе и пасшіе чужія стада. Въ вопросѣ о выселеніи, кто пойдетъ, первые или послѣдніе, не могло быть и рѣчи.

Но, тѣмъ не менѣе, вопросъ этотъ имѣлъ одинаковую важность, какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ, а именно: богатымъ было важно отдѣлаться отъ избытка населенія, могущаго привести въ возстанію бѣдныхъ. Но въ то же время выселеніе это могло состояться лишь подъ условіемъ снабженія выселявшагося, хоть на первое время, всѣмъ необходимымъ, задача, выпадавшая на долю, конечно, имущимъ, богатымъ классамъ. И вотъ, эти послѣдніе были обложены, говоря современнымъ языкомъ, *имущественнымъ налогомъ*.

Когда же оставили свою родину праарійцы? И на это Іерингъ даетъ полный отвѣтъ: *весной*. Зимой—слишкомъ холодно, лѣтомъ—слишкомъ жарко, остается (такъ какъ въ то время не знали осени) весна и притомъ въ началѣ марта. Въ этомъ насъ убѣждаютъ 1) извѣстные обряды культа Весты въ Римѣ и 2) римскія *feralia*, *caristia*, *terminalia* *).

Извѣстно, что 1 марта священный огонь, неугасимо поддерживаемый весь годъ въ храмѣ Весты, тушился весталками, и затѣмъ вновь возжигался на вольномъ воздухѣ, причемъ непремѣнно посредствомъ сверленія двухъ древесныхъ вѣтокъ. Объяснить вполнѣ сознательное и требуемое культомъ потушеніе огня, за которое въ обыкновенное время налагалось страшное наказаніе, никакъ нельзя, если не обратиться къ доисторическому времени. Тогда обычай этотъ объяснялся вполнѣ удовлетворительно.

Когда арійцы покидали родину, то, конечно, огонь, горѣвшій на ихъ очагахъ, былъ потушенъ и при каждой остановкѣ возжигался вновь. На комъ же лежала обязанность возжигать его? Конечно, не на мужчинахъ и не на замужнихъ женщинахъ, на обязанности которыхъ лежало заботиться о мужьяхъ и дѣтяхъ. Остаются дѣвушки, которыя такимъ образомъ тоже могутъ оказаться полезными. И вотъ, дѣвушки превратились современемъ въ *весталокъ*, ихъ обязанность возжиганія огня, имѣвшая раньше чисто практическій смыслъ, въ обычай религіозный. А такъ какъ возжиганіе огня весталками производилось 1-го марта, то и выступленіе праарійцевъ произошло около 1-го марта.

Далѣе — римскія *feralia*, обычай принесенія жертвъ за умершихъ и символизирующій дѣйствительное жертвоприношеніе праарійцевъ передъ уходомъ на родныхъ могилахъ, совершался 14—21 февраля.

---

*) Feralia—поминки по умершимъ. Объясненіе въ текстѣ. Caristia—праздникъ родственниковъ, во время котораго забывались и прощались обиды и ссоры, и производилось угощеніе. Terminalia—праздникъ 23 февраля. Объясненіе въ текстѣ.

Римскій праздникъ *Caristia*, праздникъ, совершавшійся въ кругу родныхъ и символизирующій послѣдній пиръ уходившихъ и остававшихся, происходилъ 22-го февраля.

Римскія *Terminalia*, праздникъ, на который сходились всѣ сосѣди, для жертвоприношенія и дружескаго пира, и символизирующій послѣдній пиръ сосѣдей праарійцевъ, бывалъ 23-го февраля. Такимъ образомъ, къ 1-му марта были кончены всѣ приготовленія и выселявшіеся могли выступить въ путь.

Таково значеніе *ver sacrum* и всѣхъ вышеописанныхъ праздниковъ. Какъ первое, такъ и послѣднія имѣли раньше чисто практическое значеніе и лишь съ теченіемъ времени, освѣщенные древностью, обратились въ религіозные обычаи.

Но все же странно, какимъ образомъ всѣ подробности, положимъ, важнаго, но за то и сильно отдаленнаго, событія могли сохраняться такъ долго? Вѣдь послѣ выхода арійцевъ прошло много времени, они сами измѣнились впродолженіи пути. Вышли—арійцами, пришли въ Европу—европейцами, а воспоминаніе объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ выходъ изъ родины, столь удивительно сохранилось. Для объясненія этого факта остается предположить, что то же повторилось и во время странствованія, до тѣхъ поръ, пока не пришли въ умѣренный климатъ. Такъ же шли 3 мѣсяца, а 9 отдыхали, такъ же шли полные силъ, а слабые, больные и старые оставались, такъ же тушился и возжигался огонь. И вотъ къ этому-то періоду странствованія и нужно теперь обратиться.

Не только вышесказанное соображеніе подтверждаетъ предположеніе о времени похода и отдыха, но и много другихъ. Какъ объяснить, если не остаткомъ доисторическаго времени то обстоятельство, что гельветы на пути въ Галлію запасались провіантомъ на 3 мѣсяца, какъ бы показывая этимъ, что походъ будетъ длиться именно столько времени; какъ объяснить, если не вспомнить о времени странствованія, внезапную остановку побѣдоноснаго движенія кимбровъ, побѣдившихъ Катулла, остановку, длившуюся зиму и лѣто, и давшую возможность римлянамъ собраться съ силами; какъ объяснить, наконецъ, то, что молодое поколѣніе, назначенное къ выселенію въ обрядѣ *ver sacrum* должно было находиться въ пути только весну? Вотъ соображенія, заставляющія предполагать, что вся эта масса двигающагося народа не шла круглый годъ. Однако, масса эта не была неорганизованной толпой, катившейся подобно лавинѣ. Это было войско организованное и правильно раздѣленное, такъ какъ иначе и не могло быть при такомъ грамадномъ числѣ выселявшихся.

Раздѣленіе это не могло, конечно, остаться тѣмъ, какимъ оно было еще въ первой родинѣ нашихъ предковъ, т.-е. родовымъ, такъ какъ изъ разныхъ мѣстъ выселилось различное количество народа, и въ такомъ случаѣ могло бы произойти, что подъ начальствомъ одного предводителя оказалось нѣсколько десятковъ человѣкъ, тогда какъ другой былъ бы начальникомъ нѣсколькихъ тысячъ Поэтому, необходимо предположить другое дѣленіе, а именно, не естественное, родовое, какъ это было на родинѣ, а произведенное искусственно, посредствомъ числоваго дѣленія войска.

Во главѣ всей этой массы народа стоялъ предводитель. Это не былъ человѣкъ, получившій это мѣсто по праву рожденія, но ставленникъ народа, избранный этимъ послѣднимъ за храбрость и расторопность.

Власть его была ограничена и пожизненна. Всѣ обязаны были ему повиноваться. Въ случаѣ неспособности продолжать далѣе дѣятельность, вслѣдствіе умопомѣшательства или тяжкихъ ранъ, народъ выбиралъ другого предводителя и первый долженъ былъ во имя народнаго блага уступить свое мѣсто послѣднему. Съ такой организаціей мы встрѣчаемся у римлянъ и германцевъ, что служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что она выработалась еще во время совмѣстной жизни тѣхъ и другихъ.

Такова, по Іерингу, была организація войска переселенцевъ. Прежде чѣмъ идти дальше, отмѣтимъ одно положеніе, особенно рѣзко подчеркиваемое Іерингомъ, а именно: какъ уже было сказано выше, въ путь отправились только молодые и полные силъ (старые, больные и слабые остались дома), т. е., другими словами, на соучастіе въ пути имѣлъ право только тотъ, кто могъ оказаться какъ бы то ни было полезнымъ обществу; вотъ этотъ-то принципъ нетерпимости и уничтоженія всякаго безполезнаго члена общества, а равно и принципъ абсолютнаго гражданскаго и имущественнаго равенства, вызываемый самою сущностью странствованія, и надо прежде всего имѣть въ виду при объясненіи его проблемы.

Если встать на только-что изложенную точку зрѣнія, то будетъ вполнѣ понятнымъ, что вопросъ о *добычѣ*, этомъ важномъ моментѣ военной жизни, состоящій въ томъ, отдавалась ли она въ общественное пользованіе или принадлежала отдѣльному лицу—побѣдителю, рѣшится утвердительно въ первомъ смыслѣ, такъ какъ, въ противномъ случаѣ получается неравное распредѣленіе богатствъ.

Если принять въ соображеніе тотъ же вышеупомянутый принципъ, то всякій пойметъ, что старики и слабые не могли быть терпимы и должны были быть убиваемы, что и производилось по-

средствомъ сбрасыванія ихъ съ моста въ рѣку,—обычай, остатки котораго сохранились и въ Римѣ. Точно также никто не удивится, что слабыхъ мальчиковъ при рожденіи убивали, какъ въ Спартѣ, что на дочерей, какъ будущихъ безполезныхъ членовъ общества, смотрѣли очень недоброжелательно и что отецъ могъ сдѣлать съ ними все, что хотѣлъ, за исключеніемъ, впрочемъ, первой, такъ какъ все-таки нужно было обезпечить извѣстный контингентъ женщинъ, чтобы не остаться безъ потомства. Отсюда ясно, что на женщину, рождавшую мальчиковъ, смотрѣли весьма благосклонно (въ Римѣ она называлась puerpera); рожать только дѣвочекъ считалось несчастіемъ. Вслѣдствіе только-что изложенныхъ причинъ легко предположить въ общемъ *недостатокъ* женщинъ во время странствованія, что и дѣлаетъ Ірингъ, пытаясь обосновать это предположеніе, а именно, находя подтвержденіе ему въ слѣдующихъ римскихъ обычаяхъ: 1) запрещеніе *gentis enuptio* *) для вольноотпущенниковъ; 2) обрученіе новорожденныхъ дѣтей ихъ отцами, имѣвшее силу *законнаго* акта; 3) похищеніе женщины, составляющее часть римскаго свадебнаго обряда. Всѣ эти обычаи, по его мнѣнію, суть ничто иное, какъ остатки времени, когда они имѣли чисто практическое значеніе, а именно: первые два ясно указываютъ на желаніе сохранить, насколько возможно, большее число женщинъ, что предполагаетъ ихъ недостатокъ, а третій уже прямо указываетъ на этотъ недостатокъ.

На основаніи все того же основного принципа, подкрѣпленнаго еще предположеніемъ о недостаткѣ женщинъ вообще, Ірингъ приходитъ къ заключенію, что полигамія, допускавшаяся въ первой родинѣ, въ періодъ странствованія должна была окончательно уступить мѣсто *моногаміи*; такимъ образомъ, эта форма брака, освѣщенная церковью и считающаяся единственно нравственною, обязана своимъ существованіемъ, какъ говоритъ Ірингъ, не нравственной интуиціи, а просто вызвана силою внѣшнихъ обстоятельствъ.

Прочность брачнаго союза вызывалась тѣми же обстоятельствами, а именно: женщина могла покинуть первую родину и послѣдовать за мужчиной только подъ условіемъ, что онъ ее не покинетъ, и она не останется совсѣмъ безпомощнымъ и никому ненужнымъ существомъ,—условіе, исполненіе котораго гарантировало ей общество. Это же условіе распространилось въ виду всѣхъ вышеизложенныхъ причинъ и на періодъ странствованія.

Чтобы дополнить картину его, надо упомянуть о народныхъ

*) Выходъ замужъ изъ рода (на сторону).

посланцахъ, превратившихся впослѣдствіи въ римскихъ *феціаловъ* *); объ особыхъ лицахъ, наблюдавшихъ за постройкой мостовъ, когда представлялась къ этому необходимость, и особыхъ планахъ, соблюдавшихся при этихъ постройкахъ, начертаніе которыхъ лежало на обязанности тѣхъ же лицъ, впослѣдствіи превратившихся въ римскихъ *понтификовъ*, наблюдавшихъ за *pons sublicius*, который съ своими деревянными гвоздями, съ полнѣйшимъ отсутствіемъ камня и металла, представляетъ ничто иное, какъ остатокъ тѣхъ мостовъ.

Сколько времени длилось странствованіе—сказать трудно, одно только можно утверждать, что оно продолжалось очень долго и притомъ до тѣхъ поръ, пока странствующіе не пришли *во вторую родину*. Здѣсь они познакомились съ земледѣліемъ, завоевавъ, по всей вѣроятности, земледѣльческій народъ. Изслѣдованія ученыхъ доказываютъ, что праарійцы не были знакомы съ земледѣліемъ и узнали его лишь въ болѣе позднюю пору, но еще не раздѣлившимися; поэтому, можно съ достаточною вѣроятностью предположить, что они познакомились съ нимъ во время пребыванія вмѣстѣ во второй родинѣ. Орудіями земледѣлія служила простѣйшая форма плуга; упряжка животныхъ не была знакома и ихъ роль исполнялась людьми. Унаваживаніе почвы тоже знакомо еще не было, какъ показываетъ совершенно различное названіе *навоза* во всѣхъ европейскихъ языкахъ, обстоятельство очень важное, потому что 1) показываетъ, на сколько плодородна была почва, что могла безъ вспомогательныхъ средствъ прокормить столь многочисленный народъ, и 2) объясняетъ фактъ выселенія и разселенія отдѣльныхъ европейскихъ націй, ибо безъ унаваживанія почва должна была все-таки, въ концѣ концовъ, истощиться и принудить, такимъ образомъ, часть населенія выселиться. Форма пользованія землею была общинная, на это указываетъ тотъ фактъ, что у славянъ и германцевъ въ началѣ исторіи наблюдается именно такая форма, а не другая.

Форма частнаго землевладѣнія есть болѣе совершенная, чѣмъ общинная, а потому, если бы она была уже знакома раньше, то не могла быть забыта и замѣнена менѣе совершенною. Итакъ, второй родинѣ мы обязаны весьма важнымъ культурнымъ пріобрѣтеніемъ, а именно, знакомствомъ съ земледѣліемъ.

Остается рѣшить вопросъ, гдѣ она находилась. Какъ уже было замѣчено выше, это должна была быть мѣстность въ высшей степени плодородная, къ тому же, *обширная*, такъ какъ народъ,

---

*) Римскіе жрецы.

поселившійся на ней, былъ многочисленный, и *ровная*, не *гористая*, такъ какъ народъ этотъ занялся земледѣліемъ, которое можетъ возникнуть только въ низменности и лишь впослѣдствіи, съ развитіемъ культуры, переносится въ горы. Принимая все вышесказанное въ соображеніе, Іерингъ приходитъ къ убѣжденію, что ею не могли быть гористыя страны Кавказа, не могла быть также и плоская и обширная, но не плодородная мѣстность между Волгой и Дономъ, но что это должна была быть мѣстность между Дономъ, Днѣпромъ и Днѣстромъ, вплоть до Дуная, какъ вполнѣ удовлетворяющая всѣмъ вышепоставленнымъ условіямъ. Изъ этой-то мѣстности и выселились одна за другой всѣ европейскія націи,— греки, италики, кельты, германцы, иллирійцы, леты и славяне. Трудно сказать, въ какомъ порядкѣ происходило это выселеніе, но, во всякомъ случаѣ, рѣшенію вопроса содѣйствуютъ два обстоятельства: 1) то, что отъ болѣе долгаго или короткаго пребыванія въ покоренной странѣ зависѣло и болѣе или менѣе сильное отклоненіе отъ первоначальныхъ формъ языка, и что поэтому въ языкѣ народа, наиболѣе долго прожившаго тамъ, должно было наблюдаться и большее отклоненіе отъ этихъ формъ, и 2) географическое расположеніе вышеупомянутыхъ націй, причемъ тогда окажется, что славяне и не выходили изъ своей второй родины, а просто раздвинулись.

Всѣ выселялись европейцами, вообще, а на сцену исторіи выступили греками, италиками, кельтами и т. д. Подобное образованіе отдѣльныхъ европейскихъ націй изъ одного общаго европейскаго типа не могло, конечно, быть дѣломъ случая, но разсмотрѣніе этого вопроса уже не составляетъ предмета настоящаго изслѣдованія.

П. Фридолинъ.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Еще изъ книги г. Кони «За послѣдніе годы».—Г. Кони, какъ писатель-ораторъ.—Изъ его характеристики Градовскаго, Ровинскаго, Арцимовича.—Его мнѣнія о судѣ присяжныхъ. — Безпристрастіе его критики. — «Философскія теченія русской поэзіи» г. Перцова.—Интересная задача, имъ поставленная.—Неудачное ея выполненіе.—Изъ характеристики Тютчева г. Вл. Соловьева.—Поприщинъ въ роли критика.—Памяти Николая Васильевича Водовозова.

Въ прошлый разъ мы едва коснулись книги г. Кони, остановившиеь только на его рѣчахъ, составляющихъ далеко не главное ея содержаніе. Было бы трудно отдѣлить въ ней главное отъ неглавнаго, существенное отъ несущественнаго, такъ какъ каждая изъ вошедшихъ въ составъ книги статей служитъ дополненіемъ остальныхъ, освѣщая новый вопросъ, новую сторону современной жизни, являясь въ то же время вполнѣ самостоятельной и цѣльной.

Эта цѣльность вытекаетъ изъ основного свойства г. Кони, какъ писателя и оратора. Полнота мысли и законченность составляютъ, какъ намъ кажется, его отличительную черту, въ связи съ необыкновенной сжатостью и сосредоточенностью въ выраженіи, что придаетъ его слогу холодность мрамора и блескъ стали. Ни одного лишняго слова нѣтъ въ этихъ строгихъ, спокойныхъ, обдуманныхъ періодахъ, проникнутыхъ глубоко скрытой, сдержанной страстностью, которая лишь изрѣдка прорывается рѣзкимъ особенно сильнымъ эпитетомъ или краснорѣчивымъ многоточіемъ, когда авторъ какъ бы умолкаетъ изъ опасенія, чтобы долго сдерживаемое чувство негодованія, горя или озлобленія не прорвалось наружу. Въ авторѣ постоянно чувствуется ораторъ, привыкшій всегда слѣдить за впечатлѣніемъ, какое производитъ его рѣчь, и разсчитывающій свои силы такъ, чтобы достигнуть наибольшаго эффекта именно въ данный моментъ и въ надлежащемъ мѣстѣ. Этотъ ораторскій пріемъ усиливаетъ вниманіе читателя, сосредоточивая его, не давая разсѣеваться, приберегая къ концу самое сильное мѣсто, яркую картину или глубоко прочувствованное слово, которое, какъ молнія, освѣщаетъ всю характеристику даннаго

лица или только-что разсмотрѣнный всесторонне вопросъ. Чтобы дать образчикъ этихъ истинно мастерскихъ заключеній, приведемъ, напр., конецъ его характеристики А. Д. Градовскаго:

«Пора кончить мои отрывочныя воспоминанія... Мнѣ приходятъ въ голову слова одного нѣмецкаго писателя, который, описывая Петербургъ, восклицаетъ: «Какъ можно жить въ городѣ, гдѣ улицы всегда мокры, а сердца—всегда сухи!?» Этотъ писатель не правъ... Былъ сѣрый, сырой, унылый день, когда мы провожали къ мѣсту послѣдняго успокоенія Александра Дмитріевича. Моросилъ дождикъ и туманъ окутывалъ насъ, застилая намъ глаза. Да! улицы были мокры... Но мы отнесли въ могилу не сухое сердце! Мы положили въ нее сердце благородное и любящее... и не одинъ лишь туманъ застилалъ многимъ изъ насъ глаза. И не сухость сердца привела всѣхъ васъ, господа, на нашу словесную тризну по усопшемъ»...

Но авторъ не только ораторъ, умѣющій быть неотразимо убѣдительнымъ,—онъ и художникъ, что дѣлаетъ его рѣчи образными, проникнутыми жизненностью, вопросы, имъ затронутые, животрепещущими. Лица, о которыхъ идетъ рѣчь, встаютъ, какъ живыя, двигаются, говорятъ, увлекаютъ или отталкиваютъ. Когда онъ говоритъ объ Арцимовичѣ, сравнивая его «бѣлоснѣжныя сѣдины» съ снѣговой вершиной, вы какъ бы видите величественнаго старика, возвышающагося надъ окружающими, подобно Монблану среди холмовъ. Или, отмѣчая его угловатость, суровую непреклонность въ отстаиваніи взглядовъ, онъ приводитъ мѣткое выраженіе Карменъ Сильвы (румынской королевы) о «крупной скалѣ, смѣло выдвинувшейся въ море, которая становится всегда съ каждымъ годомъ угловатѣе, тогда какъ булыжникъ все закругляется»,—и въ воображеніи читателя вырисовывается этотъ обломокъ шестидесятыхъ годовъ, смѣло отстаивающій нраво и справедливость отъ докучливыхъ, мелкихъ и постыдно-унизительныхъ нападокъ новѣйшихъ дѣятелей, этихъ «закруглившихся булыжниковъ».

Его общія характеристики времени, сословій, учрежденій, направленій — великолѣпны по глубинѣ мысли и тщательности отдѣлки, отъ которыхъ мы какъ-то уже отвыкли среди банальныхъ или прямо-таки пошлыхъ общихъ мѣстъ, какъ принято теперь трактовать подобные предметы.

«Наше время упрекаютъ—и не безъ основанія—въ измельчаніи личности и въ господствѣ чрезмѣрной специализаціи. Оба эти явленія въ тѣсной связи между собою — и оба печально отражаются на духовномъ складѣ общественной жизни. Личность чаще

и чаще умаляется, стушевывается, изъ сознательнаго и нравственно отвѣтственнаго «я» стремится укрыться подъ безличное «мы». Слабѣетъ воля, тускнѣютъ идеалы и все рѣже встрѣчаются такъназываемые характеры. Современный образованный человѣкъ можетъ, если хочетъ, обладать гораздо большимъ богатствомъ по части знаній, чѣмъ его отцы и дѣды; онъ окруженъ и гораздо болѣе удобною внѣшнею обстановкою: масса техническихъ открытій облегчаетъ ему пользованіе матеріальною стороною жизни. Но на ряду съ этою возможностью широкаго знанія и съ этими удобствами въ немъ нерѣдко замѣчается недостатокъ нравственной силы и дѣятельнаго отношенія къ жизни во всемъ, что не касается узко-личныхъ, по большей части мелкихъ, интересовъ. Слова графа Уварова: «les circonstances sont infiniment grandes et les hommes infiniment petits» *) звучатъ подчасъ горькою правдою. Ученіе о душевныхъ болѣзняхъ указываетъ на особое состояніе, называемое «равновѣсіемъ уменьшенныхъ силъ», при которомъ ни одна изъ способностей организма не уничтожена, но всѣ они равномѣрно ослаблены и, такъ сказать, укорочены. Господство такого же равновѣсія уменьшенныхъ силъ въ области труда, энергіи, отзывчивости, дѣятельной любви замѣчается и во многихъ областяхъ нашей общественной жизни. Къ этому присоединяется замыканіе себя въ узкую спеціальность, которая сторонится отъ живого и многоструйнаго теченія жизни—и вырабатываетъ въ своемъ обладателѣ равнодушное и даже презрительное отношеніе ко всему, что лежитъ внѣ ея области. Подъ вліяніемъ всего этого часто утрачивается интересъ къ прошлому и вѣра въ будущее. «Вчерашній день» ничего не говоритъ забывчивому, одностороннему и лѣнивому мышленію, а день грядущій представляется лишь, какъ повтореніе мелкихъ и личныхъ житейскихъ приспособленій».

Такъ начинаетъ г. Кони характеристику Ровинскаго, одну изъ лучшихъ и наиболѣе содержательныхъ въ книгѣ. Въ ней авторъ даетъ превосходный очеркъ того, чѣмъ было правосудіе въ Россіи до введенія уставовъ 1864 г. Читая теперь объ «отеческихъ» нравахъ и порядкахъ того времени, не хочется вѣрить, чтобы это было такъ близко — всего лѣтъ 40 назадъ. Ровинскій былъ тогда губернскимъ прокуроромъ въ Москвѣ, и роль, выпавшая ему на долю, была въ особенности тяжела, благодаря условіямъ тогдашняго московскаго быта, надъ которымъ, какъ дикій кошмаръ, тяготѣла властная рука графа Закревскаго. Это былъ «ле-

*) «Обстоятельства—до безконечности сложны, люди—безгранично мелки».

гендарный генералъ-губернаторъ, снабженный особыми полномочіями, всевластно правившій въ Москвѣ съ 1848 г. въ теченіе десяти лѣтъ и назначенный туда послѣ 17-лѣтней опалы, какъ — по его собственнымъ словамъ—надежный оплотъ противъ разрушительныхъ идей, грозившихъ придти съ Запада». Про него сообщалось въ «Рус. Архивѣ», что даже митрополитъ Филаретъ числился у него въ спискахъ лицъ неблагонадежныхъ. Законъ для него не существовалъ, и ничѣмъ нельзя было болѣе взбѣсить этого взбалмошнаго сатрапа, какъ ссылкой на законъ. «Онъ творилъ судъ и расправу, не стѣсняясь закономъ и своеобразно возстановляя порядокъ повсюду, даже въ чужихъ семьяхъ, разными необычайными средствами, въ родѣ, напр., арестованія жены и родственниковъ неисправнаго подрядчика». И съ такимъ-то героемъ насилія и произвола пришлось вѣдаться молодому прокурору, которому и по чисто-судебной части приходилось вести борьбу на каждомъ шагу съ подкупомъ и продажностью судей, взяточничествомъ слѣдователей, съ полиціей и смотрителями тюремъ. «Громкія уголовныя дѣла, волновавшія всю Москву въ пятидесятыхъ годахъ, нерѣдко оканчивались приговоромъ, въ которомъ, изъ-за формальной правильности и полнаго соотвѣтствія дѣйствовавшимъ правиламъ о доказательствахъ, ярко сквозило матеріальное неправосудіе, причемъ во всей красѣ сказывались и молчаніе связанной по рукамъ и ногамъ судейской совѣсти, и апатичная работа притупившагося на механическомъ примѣненіи Уложенія ума». Не лучше было обставлено слѣдствіе, находившееся въ грубыхъ и «не всегда чистыхъ рукахъ» тогдашней полиціи. Если даже и теперь, то и дѣло, всплываютъ факты истязаній и насилій при дознаніи, какъ показываютъ недавно разбиравшіяся дѣла урядника Антонова, Бяллозора, мултанскихъ вотяковъ и др.,—можно себѣ представить, что творилось тогда въ Москвѣ, подъ покровомъ тайны и всеобщаго трепета предъ всесильной полиціей и ея главой, графомъ Закревскимъ! «Безотчетный произволъ, легкомысленное лишеніе свободы, напрасное производство обысковъ, отсутствіе всякой системы и раздуваніе дѣлъ были характерными признаками производства слѣдствій чинами наружной полиціи». Ровинскій приводитъ въ объясненіяхъ къ собраннымъ имъ «Народнымъ картинкамъ» обычный въ его время пріемъ полицейскаго слѣдствія, состоявшій въ томъ, что не давали пить заподозрѣнному, накормивъ его соленымъ сельдемъ и заперевъ въ жарко натопленную баню», и ссылается на производившееся еще во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ въ общемъ собраніи московскихъ департаментовъ Сената дѣло част-

наго пристава Стерлигова, вѣшавшаго обвиняемыхъ со связанными руками на косякъ дверей, «исправлявшій должность *дыбы*»... Когда теперь судебная власть извлекаетъ подобнаго «слѣдователя», какого-нибудь Шмелева (становой приставъ, производившій дознаніе по мултанскому дѣлу) или Антонова,—всѣ ужасаются и негодуютъ, и самые завзятые мракобѣсцы изъ школы «византизма» не осмѣливаются выступать на ихъ защиту. Тогда же это былъ «обычный пріемъ», своеобразный «правовой порядокъ», никого не возмущавшій, всѣмъ примелькавшійся и терпимый, какъ необходимое зло, «самобытное» начало исконнаго *русскаго* правосудія. И если теперь коренными образомъ измѣнилась точка зрѣнія на подобный «порядокъ», то въ этомъ проявляется одинъ изъ результатовъ дѣятельности Ровинскаго и всей плеяды творцовъ новаго судебнаго порядка.

Губернскому прокурору были подчинены и тюрьмы, и здѣсь Ровинскій проявлялъ не меньшую энергію въ борьбѣ съ тюремными порядками, описаніе которыхъ онъ даетъ въ тѣхъ же объясненіяхъ къ «Русскимъ народнымъ картинкамъ». Въ московскомъ тюремномъ комитетѣ ему пришлось познакомиться съ замѣчательною личностью Ѳедора Петровича Гааза, тюремнаго врача, преданнаго всецѣло дѣлу помощи заключеннымъ. Съ Гаазомъ, которому Ровинскій глубоко сочувствовалъ, связана неразрывно исторія страдальцевъ-арестантовъ «добраго стараго времени», и А. Ѳ. Кони памяти его посвящаетъ свою книгу, въ предисловіи которой даетъ трогательный образъ этого «добраго самаритянина» (онъ былъ нѣмецъ и католикъ). Въ оффиціальныхъ запискахъ по поводу тюремной реформы Ровинскій приводитъ интересное столкновеніе между Гаазомъ и митрополитомъ Филаретомъ изъ-за арестантовъ. Филаретъ былъ предсѣдателемъ тюремнаго комитета, и постоянное заступничество Гааза за арестантовъ ему надоѣло. «Вы все говорите, Ѳедоръ Петровичъ, — сказалъ Филаретъ, — о невинно - осужденныхъ... Такихъ нѣтъ... Если человѣкъ подвергнутъ карѣ--значитъ есть за нимъ вина»... Вспыльчивый и сангвиническій Гаазъ вскочилъ съ мѣста... «Да вы о Христѣ позабыли, владыко!»—вскричалъ онъ, указывая тѣмъ и на черствость подобнаго заявленія въ устахъ архипастыря, и на евангельское событіе—осужденіе невиннаго. Всѣ смутились и замерли на мѣстахъ: такихъ вещей Филарету, стоявшему въ исключительно-вліятельномъ положеніи, никогда и никто еще не дерзалъ говорить въ глаза! Но глубина ума Филарета была равносильна сердечной глубинѣ Гааза. Онъ поникъ головой и замолчалъ, а затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ томительной тишины, всталъ и,

сказавъ: «нѣтъ, Ѳедоръ Петровичъ! когда я произнесъ мои послѣднія слова, не я о Христѣ позабылъ, — Христосъ меня позабылъ»—благословилъ всѣхъ и вышелъ».

Ровинскому приходилось лично посѣщать всѣ тюрьмы и участковые дома, на которые онъ обращалъ особенное вниманіе. «Тамъ часто можно было находить массу арестованныхъ безъ всякаго законнаго основанія; тамъ было мѣсто примѣненія личной расправы съ людьми, отпускаемыми затѣмъ безъ всякаго суда, тамъ, наконецъ, производилась знаменитая, глубоко вошедшая въ тогдашніе нравы, «сѣкуція». «Въ доброе старое время,—вспоминаетъ Ровинскій въ «Русскихъ народныхъ картинкахъ»,—«сѣкуціи» производились въ «частныхъ домахъ» по утрамъ; части Городская и Тверская въ Москвѣ славились своими исполнителями; пороли всѣхъ безъ разбора: и крѣпостному лакею за то, что не накормилъ вовремя баринину собачку, всыплютъ сотню, и расфранченной барышниной камердинершѣ за то, что баринъ дѣлаетъ ей глазки, и той всыплютъ сотню, барыня-де особенно попросила частнаго; никому не было спуска, да и не спрашивали даже, въ чемъ кто виноватъ,—присланъ поучить, значитъ и виноватъ,—ну и дери кожу. Хорошее было время: стонъ и крики стояли въ воздухѣ кругомъ часто цѣлое утро; своего рода хижина дяди Тома, да не одна, а цѣлые десятки». Въ Басманной части Ровинскій уничтожилъ семь подвальныхъ «темницъ», куда не заглядывалъ *никогда* лучъ свѣта и куда сажали подслѣдственныхъ. Въ одной изъ нихъ почетный гражданинъ Соповъ ослѣпъ навсегда. Въ другихъ частяхъ Ровинскій открылъ знаменитые «клоповники»...

То старина, то и дѣяніе,—скажутъ иные читатели. Но какъ до ощутительности близка эта старина! 30—40 лѣтъ, одно-два поколѣнія отдѣляютъ отъ нея современнаго человѣка, нервы котораго уже не въ силахъ выдержать даже описанія этой старины. А тогда жили люди, выдерживали и—ничего. Кто знаетъ, можетъ быть, и современный человѣкъ выдерживалъ бы, ибо выносливость человѣка безпредѣльна, если бы не благодѣтельная реформа, положившая разомъ конецъ всему крѣпостному порядку. Раскрѣпощеніе «судейской совѣсти», совершенное уставомъ 1864 года, явилось великимъ государственнымъ актомъ, который можно смѣло поставить на ряду съ уничтоженіемъ крѣпостного права. Если уничтоженіе послѣдняго дало права личности 20 милліонамъ крестьянъ, то введеніе новаго судебнаго устава дало нѣкоторую гарантію этихъ правъ всему русскому народу, вырвавъ его изъ подъ гнета «неправды черной», по мѣткому выраженію Хомякова. Вполнѣ понятенъ тотъ восторгъ, съ которымъ спустя тридцать

лѣтъ говоритъ г. Кони о первыхъ порахъ дѣятельности новаго судебнаго института.

Въ статьяхъ, посвященныхъ суду присяжныхъ, авторъ выступаетъ горячимъ его сторонникомъ, что вполнѣ понятно, если вспомнить продолжительную служебную дѣятельность г. Кони, давшую ему возможность на практикѣ изучить этотъ институтъ. Какъ прокуроръ и предсѣдатель суда, авторъ лично могъ убѣдиться, насколько присяжные оправдали то довѣріе, о которомъ онъ такъ тепло говоритъ въ статьѣ «Новые мѣха и новое вино». Описавъ первыя судебныя засѣданія съ присяжными въ Петербургѣ и Москвѣ, авторъ останавливается на тревожномъ, напряженномъ чувствѣ, съ которымъ общество ожидало новаго суда. «Въ первыхъ шагахъ новыхъ судовъ была сторона, которая не только интересовала, но и немного тревожила всѣхъ, кому было дорого правильное осуществленіе судебныхъ уставовъ на приктикѣ. Кромѣ чувства долга, трудолюбія и добросовѣстности, отъ людей, призываемыхъ помогать отправленію правосудія, а иногда даже играть въ немъ рѣшительную роль, требовались еще особыя способности съ одной стороны и извѣстное, стоявшее въ виду недавнихъ общественныхъ условій подъ вопросительнымъ знакомъ, развитіе гражданскаго чувства и пониманія—съ другой стороны. Какъ пойдутъ судебныя пренія? Появятся ли люди, способные къ сдержанному жару словесной борьбы, къ тому, чтобы «словомъ твердо править», и вообще даже къ тому, чтобы владѣть этимъ словомъ? Еще болѣе тревожные вопросы возникали относительно присяжныхъ. Ихъ желали—ихъ ждали... Въ нихъ хотѣлось вѣрить заранѣе. Присяжный засѣдатель былъ дорогъ всякому, съ сочувствіемъ думавшему о новомъ судѣ. Подобно Татьянѣ въ письмѣ къ Онѣгину, русское развитое общество того времени могло сказать этому еще не появившемуся на сцену присяжному: «незримый—ты мнѣ былъ ужъ милъ»... Но невольное сомнѣніе закрадывалось въ душу. Этотъ незримый и невѣдомый теоретическій присяжный долженъ былъ облечься, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, въ реальный образъ простолюдина, всего пять лѣтъ назадъ освобожденнаго отъ крѣпостной зависимости, въ образъ того мужика, котораго незадолго предъ тѣмъ Тургеневъ, устами одного изъ своихъ громкихъ героевъ, назвалъ «таинственнымъ незнакомцемъ»... И что же? Теперь, чрезъ 25 лѣтъ, можно сказать, что этотъ таинственный незнакомецъ оправдалъ оказанное ему довѣріе и не посрамилъ ни здраваго смысла, ни нравственнаго чувства русскаго народа. Безпристрастная исторія нашего суда присяжныхъ покажетъ современемъ,

въ какія тяжкія, неблагопріятныя условія былъ онъ у насъ поставленъ, какъ долгіе годы онъ оставался безъ призора и ухода, какъ его недостатки не исправлялись любовно и рачительно, а предоставлялись злорадно или близоруко дальнѣйшему саморазвитію. Будущій историкъ этого суда долженъ будетъ признать, что по отношенію къ этому суду у насъ велась своеобразная бухгалтерія, причемъ на страницѣ кредита умышленно ничего не писалось, а на страницу дебета вписывался каждый промахъ крупнымъ, каллиграфическимъ почеркомъ. Онъ признаетъ, этотъ историкъ, что между большинствомъ приговоровъ, которые ставились въ вину присяжнымъ, были такіе, съ которыми трудно согласиться, но не было почти ни одного, котораго, зная данное дѣло, нельзя бы было понять и объяснить себѣ»...

Въ другой статьѣ «Судебная реформа и судъ присяжныхъ» г. Кони разбираетъ эту «бухгалтерію», раздѣляя обвиненія противъ присяжныхъ на двѣ категоріи—спорадическія и хроническія. Первыя возникаютъ обыкновенно по поводу какого-либо громкаго дѣла, когда присяжные, въ противность общему настроенію, выносятъ оправдательный приговоръ. Всѣ негодуютъ, взываютъ къ справедливости, поносятъ присяжныхъ, которые оказываются и тупицами, и лишенными нравственнаго чутья, и т. п. Лишь немногіе могутъ представить себя въ такіе моменты на мѣстѣ присяжныхъ, которымъ выпала тяжкая *) участь разсмотрѣть «громкое дѣло». Но эти немногіе становятся самыми ярыми ихъ защитниками, такъ какъ всегда почти оказывается, что по обстоятельствамъ дѣла и не могло быть иного приговора, какъ оправдательный. Какъ на лучшій примѣръ, можно бы указать на дѣло Ольги Палемъ, прекрасно разобранное въ рѣчи того же автора, изъ которой видно, до чего небрежно и неумѣло велось слѣдствіе, упустившее главные моменты дѣла и нагромоздившее за то массу ни къ чему ненужныхъ мелочей изъ жизни подсудимой и ея жертвы.

Гораздо серьезнѣе кажутся обвиненія другого порядка—хроническія, постоянно повторяющіяся, въ которыхъ присяжные обвиняются за постоянныя оправданія по дѣламъ цѣлой категоріи. Изъ нихъ авторъ выбираетъ особый рядъ дѣлъ по нарушенію паспортной системы, и показываетъ, что при старой (нынѣ уже передѣланной и значительно улучшенной) системѣ паспортовъ, присяж-

*) Тяжкая не только въ нравственномъ отношеніи, но и физическомъ. Такъ, по недавнему дѣлу о мултанскомъ жертвоприношеніи, судебное засѣданіе длилось 7 сутокъ, по дѣлу о «хищеніяхъ въ таганрогской таможнѣ» (дѣло Вальяно и К°) судъ продолжался 19 дней.

ные и *не могли* не оправдывать. Такъ была возмутительно стара сама система, такъ не удовлетворяла потребностямъ текущей жизни, что нарушенія ея неминуемо вызывались необходимостью, а послѣдняя, слишкомъ хорошо знакомая присяжнымъ, и должна была вести къ оправданію нарушителей.

Читая убѣжденную, строго-доказательную защиту суда присяжныхъ у г. Кони, невольно сравниваешь ее съ нападеніями противниковъ, которые, въ большинствѣ случаевъ, вмѣсто доказательствъ, сводятъ все на чувства. Противниковъ возмущаетъ, какъ можно «суду улицы» ввѣрять дѣла, для разбора и пониманія которыхъ требуются нерѣдко «высшія знанія» и соотвѣтственное развитіе. Какъ будто въ вопросѣ о виновности—нравственнаго чутья, «совѣсти» лишена «улица!» Характернымъ примѣромъ того, насколько иногда въ дѣлахъ «высшаго порядка» предпочтительнѣе по чуткости совѣсти и вѣрности взгляда «улица» предъ «высшими знаніями», — можетъ служить результатъ мултанскаго дѣла. Ученый ex officio, написавшій увѣсистый трактатъ въ доказательство невозможности человѣческихъ жертвъ у современныхъ вотяковъ, перемѣняетъ свой взглядъ на эту невозможность кореннымъ образомъ подъ вліяніемъ обвиненія, построеннаго на недомолвкахъ, слухахъ и, какъ обнаружилъ судъ, завѣдомо недобросовѣстныхъ свидѣтельствахъ. Тогда какъ здравое нравственное чутье простыхъ людей съумѣло въ концѣ-концовъ разобраться въ этой путаницѣ, и приговоръ ихъ явился дѣйствительно торжествомъ правосудія. Такое, по крайней мѣрѣ, впечатлѣніе произвелъ онъ на всѣхъ присутствовавшихъ, не исключая и коронныхъ судей.

Будучи прямымъ сторонникомъ новаго суда, какъ онъ выраженъ въ судебныхъ уставахъ 1864 г., г. Кони отнюдь, однако, не закрываетъ глазъ на его недостатки въ его современномъ видѣ, и въ упомянутой статьѣ о судебной реформѣ прямо заявляетъ: «Нельзя отрицать, что по прошествіи многихъ лѣтъ судебныя учрежденія наши не совсѣмъ то, что ожидалось отъ нихъ при введеніи уставовъ. Кое-что въ нихъ слишкомъ скоро обветшало, а иное приняло совсѣмъ нежеланныя формы. Личный составъ ихъ—уже не тотъ, исполненный энергіи и горделивой вѣры въ свое дѣло, составъ шестидесятыхъ годовъ. Кое-гдѣ въ новыя формы просочилось старое содержаніе,—многіе устали, утратили свѣжесть взглядовъ, органическая связь между отдѣльными учрежденіями ослабѣла, рутина понемогу усаживается на мѣстѣ живого дѣла и образъ *судебнаго дѣятеля* начинаетъ мало-по-малу затемняться образомъ *судейскаго чиновника*. Этихъ явленій отрицать нельзя и съ ними необходимо считаться»...

Такая спокойная, безпристрастная критика суда въ связи съ неоспоримой авторитетностью г. Кони дѣлаютъ его книгу неоцѣненной для современнаго читателя, которому приходится чуть не въ каждомъ нумерѣ газетъ опредѣленнаго лагеря считаться съ дикими выходками противъ суда присяжныхъ и судебныхъ уставовъ 1864 г. Капля по каплѣ впитывая этотъ ядъ клеветъ и передержекъ, русскій обыватель, далеко вообще не привыкшій къ самостоятельной критикѣ, начинаетъ подчасъ сомнѣваться,— ужъ не лучше ли, въ самомъ дѣлѣ, по старинкѣ? Всѣхъ, кому приходили въ голову такія сомнѣнія, смѣло отсылаемъ къ книгѣ г. Кони.

Въ декадентско-символической литературѣ наступило затишье: ни сборниковъ, ни отдѣльныхъ стихотвореній, ни повѣстей. Повидимому, послѣ прошлогодняго натиска насталъ періодъ вдумчивой провѣрки. А можетъ быть, декаденты собираются съ силами и осенью готовятся удивить міръ новымъ злодѣйствомъ.

Въ числѣ другихъ представителей этого направленія совсѣмъ особое мѣсто занялъ г. Перцовъ, который, пока другіе ратоборствуютъ въ одиночку или группами, подводитъ итоги и суммируетъ результаты. Выпустивъ, года полтора назадъ, сборникъ «Молодая поэзія», гдѣ были собраны стихи «молодыхъ» поэтовъ послѣдняго десятилѣтія, г. Перцовъ выступаетъ теперь съ новымъ итогомъ—«Философскія теченія въ русской поэзіи». Здѣсь онъ собралъ критическіе отзывы какъ свои, такъ и подходящихъ къ его направленію критиковъ о Пушкинѣ, Полонскомъ, Майковѣ, Фетѣ, А. Толстомъ, Голенищевѣ-Кутузовѣ, Апухтинѣ, Огаревѣ, Лермонтовѣ, Кольцовѣ и Тютчевѣ. Изъ каждаго поэта подобраны стихи, дающіе представленія о его міровоззрѣніи, «философскомъ настроеніи», которое разъясняется въ особой критической статьѣ.

Намъ очень нравится мысль подобнаго сборника, но не ея выполненіе. Если исключить статью г. Влад. Соловьева о Тютчевѣ, оригинальную по взглядамъ и прекрасно написанную, то все остальное носитъ какой-то странный отпечатокъ. Не говоря уже о туманности и расплывчатости характеристикъ, съ чѣмъ еще можно примириться, большинство критиковъ, собранныхъ г. Перцовымъ, словно задались цѣлью перещеголять другъ друга несообразностью мысли и вычурностью стиля. Самъ г. Перцовъ скромнѣе другихъ, хотя и у него достаточно перловъ, въ родѣ того, что «хоры ангеловъ въ «Донъ-Жуанѣ» А. Толстого почти подлинные звуки небесъ», какъ будто почтенный критикъ слышалъ «подлинные» звуки. Или, напр., его опредѣленіе философіи

Апухтина тѣмъ, что у Апухтина никакой философіи не было, изъ чего совершенно ясно появленіе Апухтина въ «философскихъ теченіяхъ русской поэзіи». Но въ сравненіи съ другими, г. Перцовъ какъ-то робокъ и нерѣшителенъ, отчего туманность его характеристикъ усиливается мѣстами до полной темноты («темна вода во облацѣхъ»). Напр., «буддійское настроеніе *русскаго* поэта (гр. Голенищева-Кутузова) въ концѣ концовъ достигло какъ бы невольнаго корректива въ ретроспективномъ примиреніи съ прекраснымъ жизни бредомъ». Сказано очень глубокомысленно, но неудобопонятно. И происходитъ такая нерѣшительность г. Перцова, напоминающая колеблющуюся походку больного, отъ его напряженнаго до болѣзненности желанія сказать непремѣнно что-нибудь оригинальное по поводу каждаго поэта, но, вмѣсто оригинальности мысли, получается оригинальничанье, и читателю какъ-то неловко становится за г. Перцова, какъ при видѣ плохого актера на сценѣ.

Между тѣмъ, и г. Перцовъ можетъ быть интересенъ и остроуменъ, его замѣчанія бываютъ мѣтки и тонки, когда онъ, не мудрствуя лукаво, передаетъ настроеніе, вынесенное имъ при чтеніи того или иного поэта. Его характеристика поэзіи, напр., Апухтина мѣстами очень хороша и вѣрна, свидѣтельствуя, что г. Перцовъ обладаетъ и тонкимъ вкусомъ, и вдумчивостью, необходимыми для критика. Указавъ на безнадежный скептицизмъ Апухтина, авторъ отмѣчаетъ, какъ одинъ изъ главныхъ мотивовъ его поэзіи, любовь. Но, поясняетъ онъ, «любовь Апухтина—странная любовь, безрадостное и унылое осеннее чувство, которое не врывается яркимъ диссонансомъ въ общій сѣрый колоритъ его жизни, а какъ блѣдный свѣтъ сумерекъ только еще сильнѣе подчеркиваетъ его:

Я все забылъ, дышу лишь ею,
Всю жизнь я отдалъ ей во власть,—

говоритъ поэтъ и тутъ же прибавляетъ, самъ не зная, какъ отнестись къ своей любви:

Благословить ея не смѣю
И не могу ея проклясть.

И дѣйствительно, если Апухтину трудно было «проклясть» послѣднее, что оставилъ ему его безпощадный скептицизмъ, то, съ другой стороны, не менѣе трудно было ему «благословить» чувство, приносившее съ собой больше горя, чѣмъ радости. Счастье любви является у Апухтина, подобно счастью юности, только въ мечтахъ и воспоминаніяхъ. Его любовь—любовь несчастная по

преимуществу, и, какъ ея поэтъ, Апухтинъ мало имѣетъ себѣ равныхъ, несмотря на обиліе и силу соперниковъ... Въ лучшихъ стихотвореніяхъ Апухтина на эту тему поражаетъ удивительная искренность, непосредственность чувства. Тутъ нѣтъ ни малѣйшей манерности, нѣтъ того кокетничанья своими страданіями, которому нерѣдко поддавались даже очень искренніе и сильные поэты. Читая Апухтина, вы чувствуете, что передъ вами, дѣйствительно, интимная исповѣдь великомученика любви. Поэтъ съумѣлъ сохранить здѣсь всю свѣжесть и простодушіе дилеттанта, какимъ онъ самъ считалъ себя, со всѣмъ искусствомъ и изяществомъ настоящаго мастера, которымъ онъ безспорно былъ».

Нельзя отказать въ умѣньи понять, прочувствовать поэта и другимъ критикамъ, статьи которыхъ вошли въ сборникъ. Но вмѣстѣ съ г. Перцовымъ они страдаютъ общимъ недостаткомъ, въ значительной степени извращающимъ ихъ критическое чутье,—отсутствіемъ простоты. Все ясное, простое, то, что придаетъ такую цѣнность истинной поэзіи, имъ какъ бы чуждо, они нарочито обходятъ это и углубляются въ тьму «неразгаданныхъ чувствъ» и «невысказанныхъ ощущеній». Едва ли что можно возразить противъ попытокъ новѣйшей критики дополнить изслѣдованія прежней, раскрыть новыя стороны въ нашихъ старыхъ поэтахъ, именно тѣ ихъ особенности, которыхъ не касалась критика прежняго времени. Но одно дѣло попытки, другое—ихъ результаты, и въ этомъ отношеніи настоящій сборникъ имѣетъ лишь отрицательное значеніе. Единственнымъ исключеніемъ является прекрасная статья Вл. Соловьева о Тютчевѣ написанная съ обычной этому замѣчательному мыслителю и стилисту строгой послѣдовательностью и художественностью. Вотъ, напр., его опредѣленіе значенія поэзіи.

«Поэты, не вѣрящіе въ поэзію, у которыхъ умъ противорѣчитъ вдохновенію, и которые думаютъ, что истина есть только одна механика,—такіе поэты или должны быть неискренни, или же, отдаваясь поэтическому чувству, должны воздерживаться отъ всякой мысли, что не всегда возможно и не всегда полезно; когда же они начинаютъ разсуждать, у нихъ выходитъ отвлеченная и мертвая дидактика, вовсе не нуждающаяся въ «языкѣ боговъ». Тютчевъ былъ избавленъ отъ такого печальнаго положенія. Его умъ былъ вполнѣ согласенъ съ вдохновеніемъ: поэзія его была полна сознанной мысли, а его мысли находили себѣ только поэтическое, т. е. одушевленное и законченное выраженіе.

«Дѣло поэзіи, какъ и искусства вообще, не въ томъ, чтобы «украшать дѣйствительность пріятными вымыслами живого воображенія», какъ говорилось въ старинныхъ эстетикахъ, а въ томъ, чтобы воплощать въ *ощутительныхъ* образахъ тотъ самый высшій *смыслъ* жизни, которому философъ даетъ опредѣленіе въ разумныхъ понятіяхъ, который проповѣдуется моралистами и осуществляется историческими дѣятелями, какъ идея добра. Ху-

дожественному чувству непосредственно открывается въ формѣ ощутительной красоты тоже совершенное содержаніе бытія, которое философіей добывается, какъ истина мышленія, а въ нравственной дѣятельности даетъ о себѣ знать, какъ безусловное требованіе совѣсти и долга. Это только различныя стороны или сферы проявленія одного и того же; между ними нельзя провести раздѣленія, и еще менѣе могутъ онѣ противорѣчить другъ другу. Если вселенная имѣетъ смыслъ, то двухъ противорѣчащихъ другъ другу истинъ— поэтической и научной, также не можетъ быть, какъ и двухъ исключающихъ другъ другу «высшихъ благъ», или цѣлей существованія».

Такія статьи новой критики открываютъ читателю, дѣйствительно, новыя красоты въ любимыхъ поэтахъ, уясняютъ ихъ и служатъ въ то же время продолженіемъ работы прежней критики, на которую г. Вл. Соловьевъ отнюдь не нападаетъ, тѣмъ менѣе клевещетъ, отъ чего, къ сожалѣнію, не свободны остальные критики, вошедшіе въ сборникъ г-на Перцова. Въ особенности отличается г. Мережковскій, статьей котораго о Пушкинѣ открывается сборникъ.

Странную, весьма самобытную фигуру представляетъ г. Мережковскій въ литературѣ. И поэтъ, и романистъ, и критикъ, онъ всегда остается вѣренъ себѣ. Всегда предъ нами какая-то неистовствующая, мечущаяся въ пиѳическомъ восторгѣ психопатка, взбалмошная и взвинченная до того, что одинъ видъ ея приводитъ наблюдателя въ нервическую дрожь. Если въ остальныхъ критикахъ, избранныхъ г. Перцовымъ, стремленіе къ оригинальничанью сдерживается необходимостью соблюдать обязательныя въ литературѣ приличія, то г. Мережковскій не признаетъ никакихъ для себя обязательствъ. Взявъ подъ свою опеку Пушкина, чего-чего только не натворилъ съ нимъ злополучный критикъ.

Прежде всего, какъ истый декадентъ, признающій только себя, г. Мережковскій заявляетъ, что до сихъ поръ никто Пушкина не понялъ и не оцѣнилъ по достоинству. Въ этомъ виноватъ не Пушкинъ, ясный и простой, а злодѣйская, варварская критика шестидесятыхъ годовъ, подъ вліяніемъ которой и теперь остается русское общество. «Одичаніе вкуса и мысли, продолжающееся полвѣка, не могло пройти даромъ для русской литературы», и нужно было появиться г. Мережковскому, чтобы раскрыть «одичавшей» публикѣ глаза на Пушкина. И дѣйствительно, что въ немъ открылъ новый критикъ, до этого еще никто не додумывался. Пушкинъ, во-1-хъ), представитель эллинской веселой мудрости, во-2-хъ), выразитель первобытной природы, которой авторъ противопоставляетъ гибельную культуру; въ-3-хъ), демонически-героическая натура, второй Петръ Великій и въ нѣкоторомъ родѣ Наполеонъ, павшій жертвой демократической, безсмысленной толпы; наконецъ, онъ сдѣ-

лался «Вульгатой русской литературы». А знаете, что такое «Вульгата»? «Самая таинственная и непостижимая изъ всѣхъ книгъ называется книгой черни». Такъ и Пушкинъ: «Всѣ готовы почтить его мертвыми устами, мертвыми лаврами, кто почтитъ его духомъ и сердцемъ?» Одинъ лишь г. Мережковскій, который презрѣлъ «чернь непросвѣщенну» и такъ величаетъ ее: «Герой есть помазанникъ рока, естественный и неизбѣжный владыка міра. Но люди современной буржуазной и демократической середины ненавидятъ обѣ крайности и свободу первобытныхъ людей, и власть героевъ. Современные буржуа и демократы чуть-чуть христіане—не далѣе благотворительности, чуть-чуть язычники—не далѣе всеобщаго вооруженія. Для нихъ нѣтъ героевъ, нѣтъ великихъ, потому что нѣтъ меньшихъ и большихъ, а есть только малые, безчисленные, похожіе другъ на друга, какъ сѣрыя капли мелкой измороси,—есть только равные передъ закономъ, основаннымъ на большинствѣ голосовъ, на волѣ черни, на этомъ худшемъ изъ насилій; ибо—подлые столь же, какъ и малые—отъ всей души ненавидятъ они единственный законъ, освященный единственной, безспорной святыней—волей героя, Божьяго избранника... Наполеонъ III—сынъ черни, съ нѣжностью любитъ чернь, свою мать, свою стихію... Власть человѣка и власть природы, владыка тѣлъ и владыка душъ, кесарь вѣнчанный Римомъ, и кесарь вѣнчанный рокомъ»...—«а у алжирскаго дея на носу шишка»,—вотъ чего только не хватаетъ для заключенія этой смѣшной по претенціозности статьи г. Мережковскаго. Спорить или возражать тутъ не приходится, человѣкъ, очевидно, не въ своихъ чувствахъ. Иначе, нельзя объяснить, какъ можно нагородить столько смѣшного, то нелѣпаго, то возмутительнаго вздора. Обидно въ данномъ случаѣ лишь то, что объектомъ для критики Поприщина послужилъ Пушкинъ. Когда г. Мережковскій неистовствуетъ по поводу Юліана Отступника или кувыркается надъ твореніями Нитше, котораго всячески перевираетъ, — это смѣшно, и только. Но таскать Пушкина даже г. Мережковскому и не къ лицу, и не пристало.

Много выигралъ бы сборникъ г. Перцова безъ этой неприличной статьи, которая даже въ декадентской литературѣ представляетъ раритетъ. Что новаго вноситъ подобная критика, представляющая пустой наборъ пустыхъ словъ, перемежаемыхъ истерическими вскрикиваніями, въ родѣ слѣдующихъ: «Природа—дерево жизни; культура—дерево смерти, Анчаръ».

Но человѣка человѣкъ
Послалъ къ Анчару властнымъ взглядомъ...

«На этомъ первобытномъ насиліи воздвигается вся Вавилон-

кая башня. И умеръ бѣдный рабъ у ногъ непобѣдимаго владыки...»

> А царь тѣмъ ядомъ напиталъ
> Свои послушливыя стрѣлы
> И съ ними гибель разослалъ
> Сосѣдямъ въ чужлые предѣлы.

«Ужасающую силу, сосредоточенную въ этихъ строкахъ, Левъ Толстой разсѣялъ и употребилъ для приготовленія громаднаго арсенала циклопическихъ рычаговъ разрушенія, но первоисточникъ этой силы въ Пушкинѣ».

Неугодно ли понять эту «циклопическую» чепуху новаго Поприщина!

Если, по замѣчанію г. Перцова, «отношеніе прежней критики къ вопросамъ поэзіи и философіи было своеобразно», то отношеніе «критики» г. Мережковскаго къ Пушкину прямо безобразно. Изъ ясснаго, чистаго, какъ кристаллъ, поэта сдѣлать какое-то чудище— могъ только человѣкъ ненормальный, а такая критика только и можетъ привлечь такихъ же ненормальныхъ читателей.

Очень жаль, что г. Перцовъ, поставивъ себѣ интересную задачу, не съумѣлъ съ ней справиться. Во всякомъ случаѣ, попытка его пройдетъ не безслѣдно, и можетъ быть, болѣе умѣлое выполненіе той же задачи найдетъ достойныя силы, въ чемъ давно уже чувствуется потребность. Мы находимся наканунѣ «новой» критики, которая соединяла бы страсть и умѣнье прежней съ пониманіемъ народившихся стремленій нашего времени.

24-го мая умеръ въ Вѣнѣ, послѣ продолжительной болѣзни, одинъ изъ нашихъ сотрудниковъ, Николай Васильевичъ Водовозовъ, въ лицѣ котораго наша редакція понесла незамѣнимую потерю, а русская экономическая наука лишилась крупной силы. Несмотря на юношескій почти возрастъ покойнаго—ему едва исполнилось 25 лѣтъ—имя его было хорошо знакомо какъ спеціалистамъ по политической экономіи, такъ и широкой публикѣ, съ живымъ интересомъ встрѣчавшей каждую статью покойнаго.

Сынъ извѣстнаго педагога Василія Водовозова и не менѣе извѣстной писательницы Елизаветы Николаевны Водовозовой, Николай Васильевичъ еще ребенкомъ обнаруживалъ выдающіяся способности, чѣмъ обращалъ на себя общее вниманіе еще въ гимназіи. Склонность къ литературѣ, полученная по наслѣдству и развитая тщательнымъ воспитаніемъ подъ руководствомъ такихъ родителей, проявилась въ немъ очень рано, и уже на школьной скамьѣ, по свидѣтельству одного изъ его учителей и наставни-

ковъ, В. П. Острогорскаго, Н. В. поражалъ своими сочиненіями по русской словесности, чѣмъ доставлялъ не мало хлопотъ учителю. Время тогда было не изъ благопріятныхъ для стремленія юноши Водовозова къ самостоятельной мысли, къ исканію своихъ путей развитія. Сочиненія его рѣзко выдавались оригинальностью мысли и блестящей формой, начитанностью автора и умѣньемъ справляться съ имѣвшимся у него богатымъ запасомъ матеріаловъ. Прекрасное знакомство съ родной и иностранной литературой, знаніе нѣсколькихъ иностранныхъ языковъ, систематическія занятія общественными науками, къ которымъ всегда у него была особая склонность, вмѣстѣ съ живымъ характеромъ, сердечной отзывчивостью и искренностью, чѣмъ такъ дорожитъ и что умѣетъ лучше всего цѣнить молодежь, создали Н. В. первенствующее положеніе сначала въ гимназическихъ, потомъ студенческихъ кружкахъ. И товарищи, и профессора смотрѣли на него, какъ на будущую выдающуюся силу,—и не обманулись. Будучи еще студентомъ, сначала с.-петербургскаго университета, куда онъ поступилъ послѣ окончанія гимназіи, и откуда перебрался въ дерптскій, гдѣ и кончилъ курсъ по юридическому факультету, Н. В. дебютировалъ въ литературѣ рядомъ прекрасныхъ рецензій въ «Книжномъ Вѣстникѣ», «Русской Старинѣ», а затѣмъ въ «Русской Мысли». Съ тѣхъ поръ литературная его дѣятельность шла непрерывно, возрастая съ каждымъ годомъ. За это время имъ были напечатаны статьи: «Экономическія идеи католическаго духовенства», «Католическая школа въ политической экономіи», «Біографія Мальтуса», приготовленная къ печати и уже напечатанная, но еще не вышедшая въ свѣтъ книга «Писаревъ какъ экономистъ». Кромѣ того, подъ его редакціей вышли «Англійскіе реформаторы» Гиббинса, «Земледѣліе и землевладѣніе», сдѣланъ переводъ Магайма «Рабочія кооперацiи»; приготовленъ сборникъ статей, написанныхъ имъ въ разное время: «Зенгеръ и Оффнеръ», «Очерки соціальной юриспруденціи», «Право на трудъ» и др.

Послѣдняя статья его «Съ чего начинать изученіе политической экономіи» (по поводу книги Ш. Жида «Основы политической экономіи») была напечатана въ нашемъ журналѣ, также какъ и его послѣднія рецензіи. Глубоко сочувствуя цѣлямъ самообразованія, преслѣдуемымъ журналомъ, онъ, почти наканунѣ смерти, въ письмѣ отъ 18-го мая намѣчаетъ рядъ статей историко-экономическаго содержанія, указываетъ книги, о которыхъ желаетъ дать отзывы и проситъ нѣкоторыя выслать ему въ Крымъ, куда онъ направлялся изъ Белляджіо. Внезапная смерть остановила всѣ эти планы... Какъ показываетъ приведенный выше, далеко не полный списокъ

аботъ покойнаго, имъ сдѣлано много, очень много, если принять о вниманіе кратковременность его жизни и почти постоянное боѣзненное состояніе. Но все это лишь задатокъ того, что русская аука и общество имѣли право ожидать отъ Н. В., и вполнѣ поятны тѣ искреннія сожалѣнія, съ какими было встрѣчено всѣми звѣстіе о кончинѣ этого молодого, такъ много обѣщавшаго учеаго и талантливаго публициста.

Какъ человѣкъ, Николай Васильевичъ представлялъ замѣчаельный, рѣдкій въ наши дни, примѣръ цѣльной, самостоятельой, свободной и гордой натуры. Къ нему никоимъ образомъ ельзя было отнести упрекъ, дѣлаемый г. Кони (см. выше по оводу характеристики Ровинскаго) современному обществу, въ змельчаніи личности, въ нравственной дряблости и узкой специаизаціи. Своего «я» Николай Васильевичъ не скрывалъ за безичнымъ «мы», и если покойный заслуживалъ укора, то въ обратюмъ отношеніи—за ту рѣзкость, съ которой нигдѣ и никогда не тѣснялся сказать свое мнѣніе, защищая то, что считалъ своимъ бѣжденіемъ. Компромиссы, ни личные, ни общественные, для его не существовали, и во всемъ онъ требовалъ той же прямоты і искренности, которыя составляли основу его характера. Быть южетъ, въ житейскомъ обиходѣ такія прямыя, цѣльныя натуры е всегда удобны, но, право, если бы ихъ не существовало въ кизни, можно бы потерять вѣру въ человѣческую искренность. Гакимъ же являлся Н. В. и въ литературѣ, гдѣ двухъ мнѣній, сторожныхъ обходовъ и двусмысленныхъ заявленій онъ не допужалъ. Съ нимъ можно было не соглашаться, но нельзя было не уважать, какъ противника, столько же открытаго и смѣлаго, сколько рямого и честнаго. Его «да» было «да», и «нѣтъ» — «нѣтъ», іто въ наше время несравненно бóльшее достоинство, чѣмъ глубокомысленная ученость на почвѣ расплывчатыхъ общественныхъ і личныхъ идеаловъ.

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Съѣзды. *Чествованіе женщинъ-врачей на Пироговскомъ съѣздѣ.* Бывшій въ Кіевѣ, въ апрѣлѣ, V-ый Пироговскій съѣздъ врачей отличался выдающимся интересомъ и многолюдствомъ. Заимствуемъ изъ «Кіевлянина» описаніе чествованія женщинъ-врачей, принимавшихъ участіе въ работахъ съѣзда.

25 апрѣля, какъ сообщаетъ «Кіевлянинъ», кіевлянки принимали и чествовали въ квартирѣ Н. В. Тальбергъ прибывшихъ на съѣздъ женщинъ-врачей. На вечерѣ собралось 46 женщинъ-врачей; вечеръ прошелъ въ дружной бесѣдѣ, очень оживленно и задушевно. Одна изъ распорядительницъ вечера, Н. В. Тальбергъ, предложила присутствующимъ почтить память Н. И. Козлова, который вмѣстѣ съ дочерью своею — женщиною-врачемъ перваго выпуска, П. Тарновскою и ея супругомъ, профессоромъ В. М. Тарновскимъ, были одними изъ главныхъ двигателей вопроса о женскомъ медицинскомъ образованіи. Если бы не горячее желаніе П. Н. Тарновской стать въ первые ряды русскихъ женщинъ-врачей, вопросъ о врачебныхъ женскихъ курсахъ оставался бы, быть можетъ, въ теченіе еще многихъ лѣтъ открытымъ. Небольшая группа женщинъ-врачей, выпущенная изъ академіи, своимъ трудомъ и знаніями съумѣла завоевать въ обществѣ положеніе, которое сдѣлало невозможнымъ навсегда закрытіе пути къ женскому медицинскому образованію, и мы теперь находимся наканунѣ открытія женскаго медицинскаго института. Память Н. И. Козлова была почтена вставаніемъ, а затѣмъ были предложены тосты за здоровье П. Н. и В. М. Тарновскихъ. По поводу этихъ тостовъ женщина-врачъ П. Н. Тарновская заявила, что самыя горячія сочувствія не создали бы дѣла женскихъ врачебныхъ курсовъ, если бы не было матеріальной поддержки со стороны частныхъ лицъ. Въ числѣ ихъ первое мѣсто занимаетъ Л. А. Шанявская - Родственная, сдѣлавшая крупныя пожертвованія какъ въ 1872 году, такъ и въ настоящее время. Г-жѣ Шанявской, по единодушному желанію присутствующихъ, послана была привѣтственная телеграмма въ Алжиръ. Въ собраніе женщинъ-врачей явилась депутація въ лицѣ г-жъ М. А. Конисской, М. А. Сохансвой и С. В. Жуковцевой—отъ кіевскаго Общества дневныхъ пріютовъ, и прочла адресъ за подписью 53 членовъ Общества, въ которомъ изложила, что Общество дневныхъ пріютовъ, какъ состоящее исключительно изъ женщинъ и считающее своею задачею помощь нуждающемуся населенію и дѣтямъ рабочаго класса, привѣтствуетъ женщинъ-врачей и выражаетъ пожеланія, чтобы съ открытіемъ курсовъ будущія женщины-врачи шли по сто-

намъ своихъ предшественницъ и поддержали то довѣріе и ту добрую память, которую пріобрѣли нынѣ практикующія врачи-женщины. Въ отвѣтъ на этотъ адресъ, явившійся совершенно неожиданнымъ, женщина-врачъ г-жа Серебренникова, завѣдующая глазнымъ отдѣленіемъ Пермской земской больницы, сказала, что женщины-врачи какъ своимъ образованіемъ, такъ и успѣхомъ на поприщѣ практической дѣятельности всецѣло обязаны поддержкѣ русскихъ женщинъ-благотворительницъ, всегда откликавшихся на доброе дѣло, направленное на помощь, какъ матеріальную, такъ и врачебную, нуждающемуся населенію. Г-жа Тарновская познакомила присутствующихъ съ уставомъ Общества для усиленія средствъ С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института. Всѣ присутствующіе выразили желаніе вступить въ число членовъ Общества. Г-жа Роттъ, ординаторъ психіатрическаго отдѣленія Московской больницы, предложила образовать при женскомъ медицинскомъ институтѣ стипендія имени женщинъ-врачей первыхъ десяти выпусковъ; предложеніе это было принято, и тутъ же собраны были пожертвованія. Предлагая тостъ за дорогихъ гостей, Н. В. Тальбергъ выразила увѣренность, что настанетъ время, когда семья женщинъ-врачей станетъ настолько многолюдна, что явится возможность созыва спеціальнаго съѣзда женщинъ-врачей.

Областной противодифтеритный съѣздъ въ Казани. Важное значеніе имѣетъ бывшій въ маѣ противодифтеритный съѣздъ въ Казани, на которомъ обсуждались мѣры борьбы съ дифтеритомъ, опустошающимъ преимущественно Поволжье. Здѣсь дифтеритъ свилъ себѣ прочное гнѣздо, не исчезая никогда и обостряясь отъ времени до времени до размѣровъ настоящихъ эпидемій. Огромное распространеніе дифтерита въ нашей восточной полосѣ, въ волжско-камскихъ губерніяхъ никакому сомнѣнію подлежать не можетъ. Зародившись въ нихъ около 10 лѣтъ назадъ, эта ужасная болѣзнь не только не обнаруживаетъ наклонности къ ослабленію, но съ каждымъ мѣсяцемъ, съ каждымъ днемъ распространяется все дальше и дальше, нерѣдко покидая охваченныя ею мѣстности лишь тогда, когда все дѣтское и юношеское населеніе переболѣетъ и вымретъ. И теперь уже можно указать цѣлый рядъ деревень въ нѣсколькихъ губерніяхъ, гдѣ *всѣ дѣти до 16-лѣтняго возраста погибли отъ дифтерита.* И общественныя учрежденія органовъ общественнаго и административнаго управленій, которымъ законъ ввѣряетъ заботы о народномъ здравіи, въ борьбѣ съ дифтеритомъ были почти безсильны, всѣ попытки лѣченія его до недавняго времени едва ли колебали сколько-нибудь замѣтнымъ образомъ процентъ смертности, доходившій въ отдѣльныхъ эпидеміяхъ отъ 30 — 40 до 75 и даже до 100 на 100 заболѣваній. Только антидифтеритная сыворотка Беринга и Ру создала новую эпоху въ борьбѣ съ дифтеритомъ, и къ этой эпохѣ пора пріобщить русскую деревню. Областной съѣздъ созванъ и будущій бактеріологическій институтъ учреждается въ той же Казани по резонной причинѣ, что именно Казань занимаетъ какъ разъ центральное положеніе среди приволжскихъ и прикамскихъ губерній, пораженныхъ дифтеритомъ, каковы: Нижегородская, Симбирская, Самарская, Саратовская, Астраханская, Вятская, Пермская, Уфимская и др., да, кромѣ того, Казань является и вполнѣ подходящимъ умственнымъ и научнымъ центромъ, откуда лучше можетъ быть организована, на общихъ и одинаковыхъ началахъ, борьба съ дифтеритомъ въ восточной полосѣ Россіи.

Само собой разумѣется, что не для одной только Восточной Россіи необходима организація борьбы съ дифтеритомъ, ибо зло это не мѣстное, а всероссійское.

Первыми докладами на съѣздѣ явились матеріалы о распространеніи болѣзни въ восточной Россіи. Какъ оказывается, во всѣхъ этихъ губерніяхъ она имѣетъ заносный характеръ; такъ, въ Симбирской губ. первые случаи заболѣванія дифтеритомъ наблюдались въ 1880 году. Дифтеритъ былъ занесенъ изъ Харьковской губ. Характеръ эпидеміи дифтеритъ принялъ съ 1892 г. За пятилѣтіе съ 1891—1896 года въ Симбирской губ. было поражено дифтеритомъ до 20.170 чел., изъ которыхъ умерло до 6.084 чел. Дифтеритъ охватывалъ до 34 проц. всѣхъ населенныхъ мѣстъ губерніи.

Изъ постановленій съѣзда, конечно, имѣетъ большое значеніе для района рѣшеніе учредить при казанскомъ университетѣ бактеріологическую лабораторію для изученія и примѣненія средствъ борьбы съ болѣзнью.

Изъ постановленій, имѣющихъ общій характеръ, отмѣтимъ прежде всего постановленіе о школахъ: закрытіе школъ при появленіи тамъ дифтерита признается цѣлесообразнымъ лишь въ крайнихъ случаяхъ по указанію врачей. Вообще же, закрывать школы не рекомендуется, а ограничиваться лишь тщательнымъ наблюденіемъ за учащимися и дѣлать предохранительныя прививки по желанію родственниковъ учащихся.

Интересенъ далѣе вопросъ объ изоляціи заразныхъ больныхъ. Сначала указывалось на пути, которые разносятъ заразу. Перечисленіе ихъ грозило затянуться очень долго, но д-ръ Шергинъ обратилъ вниманіе съѣзда, что если перечислять всѣ пути, черезъ которые можно заразиться дифтеритомъ, то придется, пожалуй, устранить всю жизнь. Даже больницы и амбулаторіи придется уничтожить, такъ какъ и онѣ не всегда гарантированы отъ возможности разнести заразу.

Нужно ли признать необходимой изоляцію, хотя бы и насильственную,—на этотъ счетъ голоса раздѣлились и вызвали очень длинныя пренія, принявшія подъ конецъ даже обостренный характеръ. Съѣздъ единогласно призналъ, что 1) изоляція больныхъ дифтеритомъ необходима особенно въ началѣ эпидеміи, и должна имѣть *отнюдь не принудительный характеръ*; 2) устройство карауловъ, постановка вѣхъ, прибиваніе досчечекъ съ надписями на домахъ, гдѣ есть дифтеритные больные, слѣдуетъ считать не только полезными мѣрами въ борьбѣ съ эпидеміей, но даже вредными, и 3) способы изоляціи должны быть предоставлены врачамъ. Считая вопросъ исчерпаннымъ, предсѣдатель съѣзда предложилъ-было собранію перейти къ слѣдующимъ очереднымъ дѣламъ, но нѣкоторые изъ членовъ съѣзда заявили, что состоявшееся постановленіе объ изоляціи касается лишь селъ и деревень, относительно же примѣнимости ея въ городахъ слѣдуетъ обсудить особо. Тогда предсѣдателемъ былъ предложенъ на голосованіе вопросъ — желаетъ ли собраніе снова возбудить пренія объ изоляціи. Большинство отвѣтило на это отрицательно.

3 іюня съѣздъ закрытъ.

Изъ области просвѣщенія. *Распространеніе университетскаго образованія.* Въ одесскихъ газетахъ помѣщенъ отчетъ о дѣятельности группы профессоровъ, поставившихъ себѣ цѣлью—содѣйствіе распространенію знаній посредствомъ систематическихъ курсовъ для «широкой» публики.

Распространеніе университетскаго образованія (University Extension) путемъ систематическихъ публичныхъ

лекцій имѣетъ такое крупное значеніе въ смыслѣ умственнаго и нравственнаго развитія общества, что этому движенію заграницей давно уже придаютъ первостепенную важность, и въ Англіи, а въ особенности въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, оно получило самое широкое распространеніе. Въ Россіи же въ распространеніи университетскаго образованія ощущается едва ли не большая потребность, чѣмъ гдѣ-либо. Въ высшей степени поэтому слѣдуетъ считать заслуживающимъ вниманія фактъ организаціи въ Одессѣ профессорами мѣстнаго университета публичныхъ лекцій на началахъ англійскихъ и американскихъ University Extension. Профессора одесскаго университета (новороссійское Общество естествоиспытателей), съ разрѣшенія попечителя Одесскаго учебнаго округа, со 2 октября прошлаго 1895 года, открыли при новороссійскомъ университетѣ публичныя лекціи, имѣющія, какъ гласитъ «предварительное объявленіе», характеръ двухлѣтняго систематическаго курса. Лекціи вполнѣ общедоступны (разрѣшается посѣщать эти лекціи, между прочимъ, и ученикамъ старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній, съ дозволенія начальства). Плата за слушаніе всѣхъ лекцій за каждое полугодіе установлена въ размѣрѣ 20 р. Отдѣльный же предметъ оплачивается 3 руб. За отдѣльную лекцію по каждому предмету взимается плата 50 коп. Учителя и учительницы низшихъ учебныхъ заведеній (до 4 класса включительно) платятъ половину. Тѣ же изъ нихъ, которые пожелаютъ быть освобожденными отъ платы за слушаніе лекцій, должны обратиться съ соотвѣтствующимъ заявленіемъ въ «лекціонный комитетъ». Программы по всѣмъ предметамъ выдаются желающимъ какъ при подпискѣ на лекціи, такъ и во всякое время — безплатно. Чтеніе лекцій производится въ актовомъ залѣ университета, а также въ физической и химической лабораторіяхъ его, по полугодіямъ; первое полугодіе отъ 2-го октября по 15 декабря 1895 года, второе полугодіе съ 22 января по 30 апрѣля 1896 года. Во-второмъ полугодіи читались: математика, физика, химія неорганическая, минералогія, ботаника, бактеріологія, зоологія, анатомія человѣка. Предполагается постепенно ввести въ курсъ: физіологію, философію, астрономію. географію и др. Въ первомъ полугодіи подписавшихся слушателей числилось 591, во второмъ полугодіи—630. На самомъ дѣлѣ слушателей было гораздо больше, такъ какъ многіе допускались безплатно и многіе посѣщали по разовымъ билетамъ. Во второмъ полугодіи количество подписавшихся по предметамъ распредѣлялось слѣдующимъ образомъ: зоологія 280, физика 300, анатомія 350, бактеріологія 340, химія 150, минералогія 130, ботаника 140, остальные предметы—меньше. Наибольшее число посѣтителей въ первомъ полугодіи пришлось на анатомію—350 человѣкъ, наименьшее на математику—70 человѣкъ, среднее на остальные предметы—200 человѣкъ.

Пожелаемъ же, чтобы и другіе наши университетскіе города послѣдовали примѣру Одессы. Профессорамъ новороссійскаго университета, какъ организаторамъ University Extension въ Россіи на новыхъ началахъ, эта заслуга должна быть поставлена въ особую честь. — Какъ мы слышали, примѣру одесскихъ хотятъ послѣдовать и петербургскіе профессора, которые имѣютъ въ виду открыть, осенью текущаго года, систематическіе курсы при педагогическомъ музеѣ въ Соляномъ Городкѣ. Попытка такого рода была и раньше, но кончилась неудачно, по независящимъ отъ иниціаторовъ обстоятельствамъ. Теперь «обстоятель-

ства» болѣе благосклонны, и можно надѣяться, что «широкій университетъ» устроится въ Петербургѣ, гдѣ въ немъ ощущается еще большая надобность, чѣмъ въ Одессѣ.

Якутская учащаяся молодежь. Въ «Сибирскомъ Вѣстникѣ» помѣщена интересная корреспонденція подъ заглавіемъ: «Кое - что объ учащейся молодежи Якутской области». Авторъ этой статьи описываетъ бѣдственное положеніе якутской молодежи, которая стремится получить высшее образованіе, что, по его словамъ, весьма трудно, а для большинства почти невозможно, благодаря тому, что во всей Якутской области нѣтъ ни одной классической гимназіи, а есть только духовная семинарія, но и въ ней исключено преподаваніе латинскаго языка. Кромѣ духовной семинаріи, есть еще 6-ти-классное реальное училище, но, не имѣя 7-го спеціальнаго класса, оно не даетъ права на конкурсъ въ какое-нибудь спеціальное высшее учебное заведеніе; авторъ выражается въ пользу того, что не мѣшало бы открыть дополнительный 7-й классъ при реальномъ училищѣ, который бы давалъ право на конкурсъ для поступленія въ высшее спеціальное заведеніе, или же открыть льготный доступъ якутскимъ реалистамъ на физико-математическій и медицинскій факультеты!..

Другое неудобство для полученія высшаго образованія, по словамъ автора, это—громадное разстояніе между Якутскомъ и университетскими городами; такъ, напримѣръ, отъ Якутска до ближайшаго университетскаго города Томска считается 4.500 в., а для того, чтобы проѣхать такое разстояніе, нужно имѣть, по меньшей мѣрѣ, 250 руб., такъ какъ приходится ѣхать большую часть разстоянія на лошадяхъ, платя повышенные прогоны, по частной надобности. Кромѣ того, нужно имѣть еще рублей 100 для существованія первое время въ университетскомъ городѣ, гдѣ сразу очень трудно оріентироваться. Къ сожалѣнію, у очень очень многихъ не оказывается такой суммы (300—350 р.), поэтому желающимъ получить высшее образованіе приходится уходить на заработки, или оставаться въ Якутскѣ, въ ожиданіи будущихъ благъ. Дѣло еще болѣе усложняется, если желающему попасть въ университетъ, приходится почему-либо ѣхать не изъ Якутска, а изъ какого-нибудь окружного города Якутской области, напримѣръ, изъ Вилюйска, или изъ Верхоянска, тогда приходится прибавлять еще тысячи верстъ. Авторъ указываетъ на одного молодого человѣка—студента Якутской духовной семинаріи, нѣкоего В. Онъ уроженецъ Нижнеколымска и для полученія семинарскаго образованія долженъ былъ сначала пріѣхать въ Якутскъ, сдѣлавъ 3.000 верстъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, какъ-то: ночевка на снѣгу, ѣзда на собакахъ и т. д. Затѣмъ онъ отправился въ томскій университетъ, и вотъ уже другой годъ находится въ дорогѣ, благодаря тому, что у него не хватило средствъ, и онъ былъ вынужденъ остановиться въ 2.000 в. отъ Якутска на золотыхъ пріискахъ, чтобы заработать денегъ на дальнѣйшій путь.

Наконецъ, третье неудобство заключается въ томъ, что въ Якутской области молодежь не встрѣчаетъ никакой организованной помощи со стороны общества и общественныхъ учрежденій. По этому поводу авторъ говоритъ, что не мѣшало бы жителямъ г. Якутска и Якутской области основать мѣстное Общество содѣйствія учащейся молодежи, давать благотворительные спектакли, разыгрывать лотереи-аллегри и пр., тѣмъ болѣе, что помощь учащейся молодежи иногда возможна безъ потрясенія собственнаго кармана, напримѣръ,

предоставивъ льготныя условія проѣзда между Якутскомъ и Иркутскомъ. Не мѣшало бы открыть хоть одну стипендію для уроженцевъ Якутской области. При отсутствіи же указанныхъ условій, умственные интересы и будущее всего подростающаго поколѣнія Якутскаго края являются какъ бы заранѣе обреченными на неудовлетвореніе и жалкое существованіе, что, разумѣется, очень печально.

Невидные подвижники народнаго просвѣщенія. Подъ такимъ заглавіемъ въ «Смолен. Вѣстн.» помѣщена статья, въ которой излагается дѣятельность и біографія двухъ работниковъ на поприщѣ народнаго просвѣщенія. Въ маѣ скончался въ г. Сычевкѣ «Маѳусаилъ» мѣстныхъ педагоговъ, бывшій смотритель уѣзднаго училища Василій Гавриловичъ Лызловъ, 92 лѣтъ. Съ именемъ покойнаго связано возникновеніе въ г. Сычевкѣ школьнаго обученія для мальчиковъ, а затѣмъ—подъ его же руководствомъ, въ теченіе 35-лѣтней его службы, сперва въ качествѣ учителя, а затѣмъ смотрителя училища, научились грамотѣ и окончили курсъ болѣе 3.000 дѣтей. Окончивъ курсъ въ смоленской, кажется, семинаріи или бурсѣ въ концѣ двадцатыхъ годовъ истекающаго столѣтія, В. Г. Лызловъ, какъ расказываютъ, не пожелалъ быть священикомъ, а предпочелъ сдѣлаться учителемъ. Сначала онъ занимался частными уроками, съ кѣмъ придется, но вскорѣ затѣмъ былъ приглашенъ преподавателемъ въ одно изъ богатѣйшихъ тогда по Смоленской губерніи помѣщичьихъ семействъ — князей Голицыныхъ въ Гжатскомъ уѣздѣ. Въ 1833 году здѣшній подгородній помѣщикъ Александръ Ив. Геннади выстроилъ въ г. Сычевкѣ два большихъ каменныхъ двухъэтажныхъ зданія и передалъ ихъ казнѣ для учрежденія въ нихъ приходскаго и уѣзднаго 3-хъ-класснаго училища и квартиръ для учителей. Въ томъ же году оба училища открылись и В. Г. Лызловъ поступилъ сюда учителемъ. И вотъ съ этой поры вплоть до половины 1860 годовъ; до выслуги полной пенсіи, В. Г. тянулъ педагогическую лямку, тянулъ добросовѣстно, какъ старательный и крѣпкій волъ тянетъ по бороздѣ тяжелый плугъ. Что возможно сказать о хотя бы и 35-лѣтней дѣятельности учителя? — Объ офицерѣ, отличавшемся храбростью въ битвѣ съ басурманами, что-то взявшемъ, столько-то людей перебившемъ, возможно живописать гораздо болѣе ярко, чѣмъ о кропотливыхъ, хотя и въ тысячу разъ болѣе важныхъ и полезныхъ, но... всегда маленькихъ, невидныхъ подвигахъ просвѣтителя народа. Только собравъ всю массу этихъ небьющихъ въ глаза подвиговъ, можно видѣть, что сдѣлалъ и какое множество добра и свѣта внесъ въ окружавшее его общество учитель. И вотъ въ данномъ случаѣ — если бы собрать во едино слишкомъ 3 тысячи человѣкъ учениковъ покойнаго Лызлова, то это цѣлая дивизія забранныхъ у мрака, но не перебитыхъ во славу побѣды и одолѣнія, а заботливо направленныхъ къ свѣту знанія, сознательной жизни и можетъ быть полезной дѣятельности, могла бы импонировать уму и чувству каждаго. Но такое наглядное показаніе трудовъ покойнаго невозможно. Какова, однако, была учительская дѣятельность покойнаго В. Г—ча, отчасти возможно было судить наглядно, видя глубокое уваженіе и почтеніе къ старику со стороны здѣшнихъ городскихъ обывателей за все время жизни покойнаго. В. Г—чъ, по выходѣ въ отставку, прожилъ еще болѣе 30 лѣтъ, занимаясь сначала частными уроками, а потомъ садоводствомъ при собственномъ маленькомъ домикѣ, и когда, бывало, старикъ-учитель въ отставкѣ идетъ по улицѣ, то всякій встрѣчный останав-

ливается или встаетъ, снимаетъ передъ нимъ шапку и раскланивается. Изъ разсказовъ о прошломъ мы узнаемъ, что приходское и уѣздное училища подъ управленіемъ Лызлова были прекрасно поставлены въ отношеніи обученія и воспитанія; всѣ вспоминаютъ, между прочимъ, приглашенныхъ сюда при посредствѣ покойнаго выдающихся учителей, какъ Габера, Микѣшина, Муромцева, Синявскаго и другихъ. Изъ разсказовъ покойнаго, слышанныхъ мною лично, можно было судить также, какъ трудно было въ 30 и 40-выхъ годахъ распространять свѣтъ знанія среди городскихъ обывателей, — безразлично бѣдныхъ или богачей, — о привлеченіи дѣтей коихъ въ школу Лызловъ, по отзывамъ всѣхъ, очень заботился. На празднованіи 50-лѣтія Сычевскаго уѣзднаго училища въ 1883 году покойный, передавая исторію училища, разсказывалъ, какъ ему приходилось ходить по домамъ мѣщанъ и упрашивать родителей — однихъ отдавать дѣтей въ училище, другихъ «не отводить» лучшихъ учениковъ, уже коечему научившихся, отъ школы до окончанія курса. Въ настоящее время такія сообщенія звучатъ страннымъ анахронизмомъ, но въ ту пору такія заботы представляли большой трудъ для учителя. Для бѣдняковъ, съ успѣхомъ окончившихъ училище, В. Г—чъ подыскивалъ «благодѣтелей», которые бы взяли на себя расходы по опредѣленію мальчиковъ въ другія, высшія, учебныя заведенія; въ то время вѣдь существовала преемственность между учебными заведеніями и кончившій въ 3-хъ-классномъ уѣздномъ училищѣ могъ поступать въ 4-й классъ гимназіи.

«В. Г. Лызловъ служилъ на коронной службѣ, закончивъ оную, получалъ пенсію до своей смерти и былъ обезпеченъ въ кускѣ хлѣба. Это, все-таки, хорошо... Позвольте же разсказать о другомъ просвѣтителѣ-женщинѣ Екатеринѣ Егоровнѣ Конокотиной, здравствующей при 70 съ чѣмъ-то лѣтахъ жизни и по сіе время и находящейся въ крайней, угнетающей нуждѣ.

«Е. Е. Конокотина въ теченіе слишкомъ 45 лѣтъ — съ конца тридцатыхъ годовъ текущаго вѣка — содержала въ г. Сычевкѣ частную школу при своемъ маленькомъ домикѣ. У нея была школа преимущественно для дѣвочекъ, которымъ до конца 1860 годовъ, за отсутствіемъ общественныхъ женскихъ учебныхъ заведеній, было негдѣ обучаться. Е. Е. Конокотина, кромѣ грамоты, письма, счета, обучала еще своихъ учениць и рукодѣльямъ, и это была не только тогда лучшая профессіональная школа здѣсь, но и единственная бывшая въ нашемъ городѣ, ибо другой доселѣ здѣсь нѣтъ. За полувѣковую почти свою дѣятельность Е. Е. Конокотина обучила грамотѣ и рукодѣльямъ не менѣе 1 тысячи дѣвочекъ. Даже въ послѣднее время существованія ея школы, къ ней, въ каникулярное время, приводили обучаться рукодѣлью и шитью много учениць здѣшней женской прогимназіи, ибо хотя въ послѣдней и преподавали и то, и другое, но, по словамъ родителей, «дѣвочки ничему не научились» въ этомъ отношеніи. Эти швеи и рукодѣльницы лѣтомъ далеко не помѣщались въ маленькихъ комнаткахъ школы Конокотиной и работали въ сѣняхъ, на крылечкѣ, на дворѣ. Проходя мимо школы, можно было видѣть старушку-учительницу, вѣчно (съ 9 утра до 5 час. вечера) снующую между ученицами и показывающую, что и какъ нужно дѣлать. А изъ комнаты въ это время неслось жужжанье дѣтскихъ голосовъ — читавшихъ, писавшихъ или считавшихъ... Каково было у Конокотиной обученіе рукодѣльямъ — я могу судить по сохранившимся въ нашей семьѣ работамъ моей матери, бывшей когда-то ученицы Е. Е—ны. Работы по шитью гладью

въ тамбуръ, вязанье всякаго рода— просто прелестны.

За свои занятія—по обученію грамотѣ и рукодѣльямъ—Е. Е—на получала отъ 50 до 75 копѣекъ въ мѣсяцъ съ каждаго обучавшагося. Всего, такимъ образомъ, «набѣгало» рублей 200—240 въ годъ. И пока учительница была въ силахъ, она жила, питая еще и свою мать, хотя бѣдненько, но безъ особенной нужды. Иногда даже «позволяла себѣ» и роскошь—держала дешевенькую прислугу, хотя, правда, и очень рѣдко.

Но вотъ, въ началѣ 1880-хъ гододъ Е. Е. Конокотина почувствовала слабость глазъ и старческій упадокъ силъ. Мало-по-малу она стала отказывать въ пріемѣ учениць и, наконецъ, совсѣмъ бросила учить. Прекратилось обученіе—прекратились и средства къ жизни; Е. Е—на осталась одинокою и—безъ куска хлѣба. Про нее, правда, скоро вспомнила одна изъ бывшихъ учениць Е. Б—а и взяла къ себѣ жить. Перейдя жить къ Б—ой, Е. Е. Конокотина болѣе не нуждалась въ кускѣ хлѣба. Но это «счастье» продолжалось не долго: Б—а заболѣла и умерла отъ чахотки.

Бѣдная старушка Е. Е—на такимъ образомъ вновь очутилась безъ средствъ, да еще, привязавшись къ оставшемуся отъ Б—ой ребенку, у котораго не было на свѣтѣ никого близкихъ, кромѣ умершей матери, взяла къ себѣ и эту дѣвочку.—«Вѣдь не котенокъ, не выбросить же ее на морозъ»... И это было справедливо. Старая, больная, полуслѣпая Е. Е—на возвратилась опять въ свой заколоченный и уже страшно изветшавшій домикъ. Было нечѣмъ жить, не на что отопить хаты, — «хоть плачь, да и плачемъ не поможешь горю». Про голодавшихъ и холодавшихъ старуху и дѣвочку узнали опять кое-кто изъ бывшихъ учениць и не дали совсѣмъ умереть имъ отъ голода и холода. Но приносимыя подачки доставлялись не регулярно и бѣдняжки то бывали сыты, то вновь сидѣли безъ хлѣба и топлива. Пишущій эти строки, наконецъ, предложилъ Е. Конокотиной написать и подать прошеніе о назначеніи пожизненной пенсіи въ мѣстную городскую думу. Въ прошеніи было разсказано о трудахъ Е. Е—ны въ качествѣ учительницы, о пользѣ ея школы, существовавшей болѣе 45 лѣтъ, для матерей, женъ и дочерей сычевскихъ гражданъ и т. д. Краснорѣчіе, однако, пропало на этотъ разъ почти даромъ: городская дума назначила ей единовременное пособіе въ *три рубля*». Затѣмъ, по ходатайству мѣстнаго благотворительнаго общества, дума назначила Конокотиной пособіе на годъ въ размѣрѣ 5 р. въ мѣсяцъ.

Примѣръ г-жи Конокотиной служитъ прекрасной иллюстраціей положенія народныхъ учителей вообще. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ имъ всѣмъ предстоитъ та же участь. На это не разъ обращалось вниманіе и общества, и мѣстныхъ учрежденій, но пока вопросъ объ обезпеченіи учителей на старость остается вопросомъ.

«По другому рецепту». Сотрудникъ «Бирж. Вѣд.» г. Далинъ, желая провѣрить на мѣстѣ факты о пріютахъ бывшаго земскаго начальника Жеденова, побывалъ въ Камышинскомъ уѣздѣ, Саратовской губерніи, и здѣсь натолкнулся на явленіе, поразившее его совершенною противоположностью тому, что онъ узналъ о пріютахъ г. Жеденева.

«Въ томъ же самомъ *Камышинскомъ* уѣздѣ,—пишетъ г. Далинъ,— въ которомъ г. Жеденовъ такъ начальственно и рекламно насаждалъ свои печальной памяти пріюты, одинъ добрый человѣкъ дѣлалъ и дѣлаетъ то же самое дѣло, но уже по совершенно другому рецепту. Вмѣсто полицейскаго приказа, добрый человѣкъ употребляетъ евангельское слово, вмѣсто ка-

кого бы то ни было насилія — слово прошенія и убѣжденія, вмѣсто рекламнаго шума и звона—упорное, но скромное безвѣстное труженичество.

Человѣкъ этотъ—пасторъ селенія Таловки, Сосновской волости, г. *Гюнтеръ*, а дѣло его называется *таловскими благотворительными учрежденіями*.

Конечно, вы ни имени этого, ни объ учрежденіяхъ этихъ ничего не слыхали? И немудрено: почтенный пасторъ не только не слѣдовалъ примѣру г. Жеденова по части всевозможной рекламы, не только не таскалъ своихъ сиротъ по выставкамъ и собраніямъ и не докладывалъ о нихъ во всякихъ обществахъ и съѣздахъ чудесъ разныхъ, но и совсѣмъ напротивъ—тщательно избѣгалъ чего бы то ни было подобнаго. Да и времени свободнаго у него для этого не было. И вотъ, въ то же самое время, какъ о г. Жеденовѣ и его пріютахъ шумѣлось на всю Русь православную, о пасторѣ Гюнтерѣ и его пріютахъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, не приходилось читать ни въ одной газетѣ. А между тѣмъ, дѣло этого почтеннаго пастора дѣйствительно представляетъ собою достойное всякаго вниманія истинно свѣтлое явленіе.

Самъ я впервые узналъ о немъ отъ мѣстнаго земскаго начальника г. *Михайлова.*

— Вотъ, вы интересуетесь жеденовскими пріютами, — сказалъ онъ мнѣ,—а что бы вамъ побывать у нашихъ пасторовъ и познакомиться съ нашими *таловскими* благотворительными учрежденіями? Повѣрьте, что они заслуживаютъ не меньшаго вниманія. Тутъ и сиротскій пріютъ, и богадѣльня для калѣкъ и престарѣлыхъ, и мастерскія, и школа... и все это создано трудами одного человѣка, содержится исключительно на добываемыя имъ частныя пожертвованія и доходъ отъ журнала.

— Отъ какого журнала? — спросилъ я.

— Отъ журнала, который здѣсь, въ селѣ Таловкѣ, издается.

— Въ первый разъ слышу,—удивился я.—Журналъ въ Камышинскомъ уѣздѣ, въ селѣ...

— Да, — подтвердилъ г. Михайловъ,—и представьте, журналъ, имѣющій болѣе четырехъ тысячъ подписчиковъ и притомъ исключительно деревенскихъ.

Конечно, я немедленно отправился въ эту «Америку», и въ результатѣ мое знакомство какъ съ таловскими благотворительными учрежденіями, такъ и съ учредителемъ ихъ, пасторомъ Гюнтеромъ, и съ издаваемымъ имъ въ селѣ Таловкѣ ежемѣсячнымъ иллюстрированнымъ журналомъ «Friedensbote» (Вѣстникъ мира).

Таловскія благотворительныя учрежденія расположены у самаго села Таловки, Камышинскаго уѣзда. Всѣ они вмѣстѣ взятыя имѣютъ видъ благоустроенной помѣщичьей усадьбы. На первомъ планѣ два большихъ одноэтажныхъ деревянныхъ зданія, въ которыхъ собственно и заключаются самыя учрежденія, а затѣмъ уже вокругъ ихъ, по сторонамъ двора, расположенъ цѣлый рядъ другихъ построекъ чисто хозяйственнаго характера. Позади двора отдѣльный скотный дворъ, огородъ...

Первое зданіе называется домомъ милосердія «Виѳанія». Открытое въ 1891 году, оно предназначено исключительно для призрѣнія тѣхъ несчастныхъ, которые не только другимъ, но обыкновенно и самимъ себѣ бываютъ въ тягость: для калѣкъ, для неизлѣчимыхъ больныхъ всякаго рода, для слѣпыхъ, дряхлыхъ и т. п. При посѣщеніи мною этого дома, въ немъ такихъ несчастныхъ (между прочимъ, двѣ женщины, навсегда изувѣченныя своими мужьями) было до 20 чел. Всѣ они, размѣщенные по два и по

три человѣка въ комнатѣ, нашли себѣ въ этомъ домѣ не только кровъ, пищу и сердечный уходъ за собой, но и совсѣмъ новую жизнь, исполненную для нихъ нравственнаго облегченія и утѣшенія: каждый изъ нихъ занимается чѣмъ хочетъ и можетъ, калѣки помогаютъ другъ другу, женщины шьютъ, читаютъ. Свѣтло въ этомъ зданіи, чисто, опрятно и какъ-то уютно. Особенное вниманіе обращаетъ на себя молитвенная комната, отдѣланная и обставленная особенно тщательно. Затѣмъ въ этомъ же зданіи (въ пристройкѣ, сдѣланной въ 1892 году) имѣется помѣщеніе для пріема приходящихъ больныхъ посѣщающимъ «Виѳанію» врачемъ, аптека, въ которой, кромѣ значительнаго количества медикаментовъ, имѣются и необходимые медицинскіе инструменты, и, наконецъ, книжный складъ...

Второе зданіе носитъ названіе «Назаретъ». Это — и сиротскій домъ, и школа, и ремесленное заведеніе. Открыто оно только въ прошломъ году, но сироты призрѣваются и воспитываются уже съ 1891—1892 годовъ. Свирѣпствовавшіе въ тѣ годы голодъ и холера страшно увеличили въ окрестныхъ селеніяхъ, между прочимъ, и число бѣдствующихъ дѣтей, создали массу безпомощныхъ сиротъ. Пасторъ Гюнтеръ до сорока такихъ сиротъ подобралъ и, помѣстивъ ихъ въ нанятый имъ для этого домъ, тогда же приступилъ и къ постройкѣ «Назарета». Теперь въ немъ тридцать пять сиротъ, но помѣщеніе позволяетъ дать пріютъ и воспитаніе и сотнѣ сиротъ. Всѣ они обучаются Закону Божію, чтенію, письму, ариѳметикѣ и русскому языку. Затѣмъ лѣтомъ дѣти занимаются работой въ саду, а которые постарше и поздоровѣе пріучаются къ полевымъ работамъ. Тѣ мальчики, которые обнаруживаютъ способность къ мастерству (преимущественно столярному, токарному и сапожному), обучаются ему у особыхъ мастеровъ. Пользующіеся хорошимъ здоровьемъ (ихъ немного; большинство сиротъ нуждается въ серьезномъ и физическомъ лѣченіи, которое въ «Назаретѣ» имъ и доставляется) посѣщаютъ таловскую церковно-приходскую школу; другихъ же всѣхъ обучаетъ помощникъ мѣстнаго шульмейстера. Дѣвочки-сироты воспитываются съ спеціальною цѣлью подготовить изъ нихъ способныхъ сестеръ милосердія, которыхъ пріютъ могъ бы разсылать по селеніямъ для ухаживанія за больными. Воспитаніе это ведется, между прочимъ, имѣющимися при «Виѳаніи» опытными сестрами милосердія.

При самой «Виѳаніи» земли имѣется всего только $2^1/_2$ десятины, но пасторъ Гюнтеръ арендуетъ 48 десятинъ пахоты у крестьянъ, и вотъ на этихъ-то 48 десятинахъ наиболѣе здоровыя и взрослыя дѣти и пріучаются къ хлѣбопашеству, помогая наемнымъ рабочимъ. Дѣвочки обязательно обучаются шитью, для чего въ «Виѳаніи» имѣются швейныя машины, ручная и ножная, и швея-учительница...

Въ другихъ зданіяхъ (надворныхъ) помѣщаются: кухня, прачешная, сушильня, мастерскія: столярная, сапожная и ткацкая, молочная и пр.

Стоимость *всѣхъ* зданій около 45 тысячъ рублей; расходъ же ежегодный по «Виѳаніи» и «Назарету» отъ 4.000 до 5.000 р.

Итакъ, въ Таловкѣ не только сельскохозяйственный и ремесленный пріютъ для сиротъ имѣется, но и богадѣльня, и безплатная лѣчебница (въ прошломъ году въ «Виѳаніи» воспользовались медицинскою помощью до 400 человѣкъ постороннихъ заведенію). И все это дѣйствительно создано трудами одного добраго человѣка и содержится безъ всякой обязательной съ кого бы то ни было копѣйки.

Какимъ образомъ?

А вотъ какимъ.

Озабоченный ужаснымъ положеніемъ

неизлѣчимо больныхъ деревенскихъ людей, престарѣлыхъ и дряхлыхъ, насторъ Гюнтеръ еще въ 1884 году рѣшилъ устроить для нихъ богадѣльню. Средствъ для этого у него не было ни копѣйки, но зато у него были: доброе сердце, энергія и вѣра въ человѣка.

— Я буду всѣмъ и каждому доказывать необходимость такой богадѣльни, буду стучаться въ сердце ближняго и достучусь,—сказалъ себѣ добрый человѣкъ.

И вотъ онъ въ томъ же году исходатайствовалъ себѣ разрѣшеніе на изданіе въ селѣ Таловкѣ иллюстрированнаго журнала «Friedensbote auf Berg und Wiesenseite der Wolga» (Вѣстникъ мира для нагорной и луговой стороны Волги). Журналъ этотъ долженъ былъ, во-первыхъ, быть средствомъ для пропаганды среди нѣмецкихъ селеній Саратовской губерніи добрыхъ идей вообще и идеи призрѣнія безпомощнаго человѣка въ особенности, и, во-вторыхъ, дать отъ подписки доходъ на то же доброе дѣло. И нужды нѣтъ, что изданіе нѣмецкаго иллюстрированнаго журнала въ саратовской деревнѣ сопряжено съ огромными трудностями (печатать его, напримѣръ, и до сихъ поръ приходится въ Юрьевѣ), почтенный пасторъ все же осуществилъ его. И вотъ, изъ номера въ номеръ стали раздаваться среди нѣмецкаго населенія «нагорной и луговой стороны Волги» горячее слово добраго человѣка, его неустанный призывъ на дѣло помощи безпомощнаго ближняго. И просилъ онъ, главнымъ образомъ, объ одномъ: подписываться на его журналъ, доходъ съ котораго, какъ я уже сказалъ, былъ назначенъ на постройку «Виѳаніи». И что же? Достучался. Мало-по-малу, журналъ сталъ расходиться въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ, стали поступать и пожертвованія на доброе дѣло, и спустя 6 лѣтъ дѣло это и было, наконецъ, осуществлено открытіемъ «Виѳаніи». А затѣмъ, послѣ безпомощныхъ калѣкъ, увѣчныхъ, престарѣлыхъ и дряхлыхъ, предстали передъ добрымъ человѣкомъ и дѣти безпомощныя, сироты неимущія. Опять проповѣдь, опять призывъ...: къ изданію журнала прибавились еще ежегодное изданіе нѣмецкаго календаря и изданіе русской азбуки для нѣмецкихъ церковно-приходскихъ школъ... прибавились еще и операціи открытаго при «Виѳаніи» книжнаго склада, и въ результатѣ — расширеніе «Виѳаніи», открытіе «Назарета».

И благословляютъ на мѣстѣ имя добраго пастора и его сотрудниковъ...

Вотъ эти пріюты, можно *быть* увѣреннымъ, ужъ не разнесутъ...

Правда, страшно для нихъ надорванное здоровье почтеннаго пастора, но отъ насилія они застрахованы. Это—не жеденовскіе пріюты. И, конечно, вѣрится, что найдутся добрые люди и извѣстныя учрежденія, которые позаботятся о таловскихъ пріютахъ...»

Что же касается жеденовскихъ затѣй, то отъ нихъ теперь и слѣда не осталось. Самъ же господинъ Жеденовъ приговоромъ петербургскаго окружного суда осужденъ на 1 годъ заключенія въ тюрьмѣ.

Изъ быта рабочихъ. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ вопросы объ улучшеніи быта ремесленниковъ, упорядоченіи ремесленничества, вообще, и облегченіи тѣхъ далеко неблагопріятныхъ условій, въ которыхъ находятся ремесленные ученики и подмастерья—не сходятъ съ очереди. На эту тему, какъ сообщаютъ «Новости», сдѣлалъ интересное сообщеніе въ засѣданіи 5-го отдѣленія (по кустарной и ремесленной промышленности) Общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ А. И. Ядровъ. Его докладъ былъ озаглавленъ

«Учрежденіе особаго надзора за ремесленными мастерскими и ограниченіе въ нихъ работы малолѣтнихъ 8-ю часами въ сутки». Сущность этого доклада сводится къ слѣдующему.

Ремесленники видятъ исключительную причину упадка своего сословія—въ недобросовѣстности и безнравственности подмастерьевъ и учениковъ: такъ, по крайней мѣрѣ, большинство ихъ высказалось на первомъ и второмъ съѣздахъ по техническому образованію. Если даже съ этимъ и согласиться (чего нельзя, конечно, сдѣлать), то кто же оказывается виноватымъ? Мастерская, которая должна явиться для подмастерьевъ, и главнымъ образомъ, для ремесленныхъ учениковъ семьею и школою, гдѣ юный ребенокъ можетъ развиться въ дѣятельнаго и честнаго работника, т. е. виновными являются сами хозяева мастерскихъ, за которыми, вслѣдствіе этого, и слѣдуетъ учредить особый надзоръ, вмѣсто отжившихъ и устарѣвшихъ цеховыхъ управъ.

Относительно сокращенія рабочаго дня для малолѣтнихъ докладчикъ ссылается на примѣры Западной Европы, гдѣ число рабочихъ часовъ доведено до 9, 8 и даже $7^1/_2$ час. въ день (въ копяхъ) и гдѣ это сдѣлано не только изъ гуманныхъ побужденій, но и съ чисто практическою цѣлью: при уменьшенномъ рабочемъ днѣ производительность рабочаго больше и лучше; ссылается также на сдѣланные въ этомъ направленіи опыты у насъ, въ Россіи, на писчебумажныхъ фабрикахъ гр. Паскевича и Дитятковскаго товарищества, на заводахъ Струве, гдѣ мѣсячный заработокъ дѣтей, работающихъ теперь вмѣсто прежнихъ $11^1/_2$ час. въ день, лишь $5^3/_4$ час., не только не уменьшился, но увеличился (въ первомъ случаѣ 72 мальчика выработали въ мѣсяцъ 528 руб., во второмъ 70 дѣтей—570 руб.,—отчетъ фабричнаго инспектора г. Янжула). Какъ переутомляющая (а у насъ дѣти работаютъ по 14 час. въ сутки и больше!) работа физически и морально дѣйствуетъ на дѣтей, видно, между прочимъ, изъ того, что наибольшій процентъ негодныхъ къ военной службѣ—ремесленники и что половина всѣхъ живущихъ въ Рукавишниковскомъ пріютѣ для малолѣтнихъ преступниковъ — ремесленные ученики.

Далѣе докладчикъ указалъ рядъ мѣръ для огражденія работы дѣтей отъ эксплуатаціи. Приводить ихъ не станемъ, такъ какъ это обычныя «пожеланія», не выходящія изъ области мечтаній.

Истязанія. За послѣднее время все больше раскрываются различныя дѣла объ истязаніяхъ то арестованныхъ, то обвиняемыхъ. На скамьѣ подсудимыхъ все чаще и чаще фигурируютъ различные чины администраціи, обвиняемые въ преступныхъ дѣяніяхъ такого рода. Такъ, «Вятскій Край» сообщаетъ два однородныхъ дѣла.

Вятской судебной палатой, 21-го мая, разсматривалось дѣло по обвиненію бывшихъ полицейскихъ служителей г. Нолинска, запасныхъ унтеръ-офицеровъ Кощеева и Бушмелева, въ преступленіи по должности. Обстоятельства дѣла слѣдующія: 8-го ноября 1893 г. двумя вышеуказанными полицейскими служителями доставленъ былъ въ нолинскую полицію мѣщанинъ Рухлядевъ въ совершенно истерзанномъ видѣ: рубашка его была изорвана въ клочки, самъ онъ былъ весь избитъ, на головѣ виднѣлась кровь. Такъ какъ онъ былъ въ безчувственномъ состояніи, то его самымъ безцеремоннымъ образомъ приволокли въ камеру; здѣсь Кощеевъ пнулъ нѣсколько разъ Рухлядева въ бокъ ногой и ударилъ его по животу шашкой плашмя, не вынимая ея изъ ноженъ. Ночью Рухлядевъ умеръ. Осмотръ трупа обнаружилъ у него нѣсколько довольно тяжелыхъ ранъ на головѣ и ушибы

на всѣхъ частяхъ тѣла. При этомъ какъ врачи-эксперты, такъ и врачебное отдѣленіе признали, что главною причиною смерти Рухлядева должно считать задушеніе его пищевою смѣсью и что раны, наиденныя у него, ускорили эту смерть. Между тѣмъ, какъ выяснилось изъ показаній свидѣтелей, когда Кощеевъ и Бушмелевъ повезли Рухлядева, послѣдній былъ вовсе не израненъ, и рубашка на немъ была цѣла. Отсюда явилось предположеніе, что побои Рухлядеву были нанесены обвиняемыми дорогой; это предположеніе являлось тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что нолинскіе полицейскіе имѣли обыкновеніе избивать всѣхъ пьяныхъ, попадавшихъ къ нимъ въ камеру,— какъ показали это всѣ свидѣтели, бывшіе забранными въ тотъ вечеръ въ полицію. Особенно интереснымъ является показаніе одного изъ свидѣтелей, Фофанова, бывшаго въ то время полицейскимъ десятскимъ и исполнявшаго въ указанный вечеръ, 8-го ноября, обязанности дежурнаго полицейскаго служителя. Разсказавъ объ обстоятельствахъ привоза Рухлядева, Фофановъ показалъ, что полицейскіе били всѣхъ попадавшихъ къ нимъ въ руки пьяныхъ, причемъ «которые грубили полицейскимъ, тѣмъ тяжело доставалось, а кто не грубилъ, тому доставалось легко». Палата приговорила подсудимыхъ къ тюремному заключенію на 5 мѣсяцевъ и 10 дней каждаго и къ церковному покаянію; кромѣ того, по просьбѣ жены Рухлядева, оставшейся безъ всякихъ средствъ къ существованію, палата постановила взыскивать въ ея пользу съ каждаго изъ подсудимыхъ по 1 р. ежемѣсячно.

Другое дѣло по обвиненію бывшаго урядника Алексѣя Луппова въ превышеніи власти и кр-нъ въ дер. Аристовой, Никольской вол., Яран. у., Сидорова и Кувшинова, въ нанесеніи истязаній. Обстоятельства дѣла таковы.

2-го апрѣля прошлаго года, у Сидорова изъ шкатулки пропали деньги 25 руб. 40 коп. и еще немного чаю и сахару. Его подозрѣнія пали на крестьянина той же деревни Данилу Прохорова; у послѣдняго произведенъ былъ обыскъ, который не далъ никакихъ результатовъ. Вечеромъ въ тотъ день кр-нъ Кувшиновъ зазвалъ Прохорова къ себѣ, напоилъ водкой и сталъ убѣждать сознаться въ кражѣ: когда тотъ не сознался, Кувшиновъ началъ бить его кулаками и, сваливъ на полъ, топталъ ногами. На другой день Сидоровъ и Кувшиновъ явились къ Прохорову, стащили его съ палатей и начали таскать его за волосы, колотить и всячески истязать, вынуждая признаніе въ кражѣ. Отъ побоевъ тотъ сказалъ, что деньги онъ взялъ и передалъ брату, а потомъ отказался отъ своихъ словъ. На слѣдующій день Сидоровъ и Кувшиновъ опять явились къ Прохорову и начали бить его; Кувшиновъ раздѣлъ его и поставилъ на горохъ, давши ему въ руки сначала чашку съ водой, а затѣмъ кирпичъ. Въ это время Сидоровъ, обнаживъ спину Прохорова, билъ по ней шерстобитной струной. Собравшійся народъ уговаривалъ истязателей оставить Прохорова, но тѣ отвѣчали, что это ихъ дѣло. Наконецъ, послали за мѣстнымъ урядникомъ Лупповымъ. Послѣдній пріѣхалъ пьяный и сейчасъ же началъ бить Прохорова по щекамъ, таскать за волосы и колотить головой о стѣны, о печку. Одного Прохорова показалось ему мало; онъ послалъ за его женой и съ нею сталъ продѣлывать то же самое. Затѣмъ онъ связалъ Прохорову руки и ноги, подвѣсилъ къ брусу и билъ его полѣномъ по пяткамъ. Прохоровъ, по показаніямъ свидѣтелей, былъ въ это время, какъ сумасшедшій, и ничего не понималъ. На другой день утромъ Лупповъ опять началъ истязать Прохоровыхъ и въ заключеніе приказалъ имъ раздѣться до-нага и въ такомъ видѣ идти на дворъ искать деньги. Прохоровъ на дворѣ бросился-было въ колодецъ, но, къ счастью,

попалъ не въ прорубь, а на ледъ, и былъ спасенъ. Послѣ всѣхъ этихъ побоевъ онъ пролежалъ около недѣли въ больницѣ. Экспертъ, осматривавшій Прохоровыхъ, не нашелъ у нихъ серьезныхъ поврежденій. На судѣ Прохоровъ явился хромая, съ костылемъ, и пояснилъ, что онъ хромаетъ со времени нанесенія ему истязаній.

Обвиняемые не отрицали своей виновности и просили только о снисхожденіи: Лупповъ добавилъ еще при этомъ, что онъ въ то время былъ пьянъ и ничего не помнитъ. Судебная палата, признавъ подсудимыхъ виновными, опредѣлила: сослать Луппова, съ лишеніемъ его всѣхъ правъ и преимуществъ, на поселеніе въ Тобольскую губернію, а Сидорова и Кувшинова заключить въ исправительное арестантское отдѣленіе на 1 годъ.

На ряду съ этими дѣлами можно поставить одно, разбиравшееся, въ Москвѣ, хотя обвинялся обыватель «въ нарушеніи тишины и порядка». Но оно характерно для нашей низшей администраціи, показывая, что и московскіе низшіе чины не выше своихъ коллегъ въ Вяткѣ. Какъ передаетъ «Смол. Вѣстникъ», дѣло заключается въ слѣдующемъ: 12 декабря прошлаго года, нѣкто Хомяковъ явился въ десятомъ часу вечера на вокзалъ Московско-Казанской жел. дороги проводить своего отъѣзжавшаго знакомаго, который еще съ двумя знакомыми, въ томъ числѣ Зыковымъ, сидѣли за столомъ въ залѣ I класса и ужинали. Хомяковъ присѣлъ къ нимъ, снялъ свою хорьковую съ камчатскимъ бобровымъ воротникомъ шубу и положилъ настоявшій рядомъ свободный стулъ. Прислуживавшій лакей предложилъ шубу повѣсить на вѣшалку, гдѣ висѣли шубы другихъ, сказалъ, что она будетъ сохранена, и получилъ на это согласіе. Когда же, къ отходу поѣзда, сидѣвшіе поспѣшили надѣвать шубы, то шубы г. Хомякова не оказалось, а вмѣсто нея неизвѣстно кѣмъ было оставлено на фланелевой подкладкѣ холодное пальто. Хомяковъ обѣжалъ вокзалъ и весь поѣздъ, но шубы своей, стоимостью въ 350 р., не нашелъ. Онъ тогда обратился къ буфетчику, который заявилъ, что за пропажу вещей содержатель буфета не отвѣчаетъ, и направилъ его въ жандармское при станціи управленіе, куда онъ вмѣстѣ съ Зыковымъ и другимъ знакомымъ и отправился. Тамъ на просьбу составить протоколъ о кражѣ шубы жандармъ-вахмистръ предложилъ г. Хомякову подать письменное заявленіе, а въ составленіи протокола отказалъ, говоря что таковой будетъ составленъ послѣ. На настойчивыя требованія потерпѣвшаго и г. Зыкова составить протоколъ тутъ же, не откладывая, жандармы заявили, что если они будутъ настаивать, то ихъ отправятъ въ участокъ. Тогда г. Хомяковъ проситъ пригласить жандармскаго офицера, сидѣвшаго рядомъ въ своемъ кабинетѣ, на что получаетъ отвѣтъ, что начальникъ занятъ. Взволнованный потерею шубы и такимъ отношеніемъ къ нему со стороны жандармской полиціи, Хомяковъ начинаетъ громко выражать свое неудовольствіе и, по словамъ жандармовъ, ругаться. Тогда составляютъ протоколъ, но не о кражѣ шубы, а о нарушеніи Хомяковымъ и Зыковымъ тишины и оскорбленіи ими жандармовъ. По составленіи протокола получается приказаніе: Зыкова отправить въ участокъ, а Хомякова въ Мѣщанской частный домъ. Хомяковъ такому приказанію противится на что одинъ изъ жандармовъ крикнулъ: «Что съ нимъ разговаривать, вяжите ему руки!» Приказаніе, не смотря на горячіе протесты Хомякова и Зыкова, требовавшихъ, чтобы ихъ уже отравили обоихъ въ одно мѣсто, приводится въ исполненіе. Связавъ

Хомякова, его вывели, посадили на извозчика и въ сопровожденіи двухъ жандармовъ отправили въ Мѣщанскій полицейскій домъ. По приводѣ Хомякова въ полицейскій домъ, помощникъ смотрителя немедленно развязалъ ему руки, а на просьбу освободить его заявилъ, что сдѣлать этого не можетъ, такъ какъ по распоряженію жандармской полиціи онъ долженъ содержаться подъ арестомъ впредь до рѣшенія дѣла у мирового судьи. На другой день г. Хомякова изъ полицейскаго дома отправляютъ на вокзалъ въ жандармское управленіе, гдѣ ему прочитанъ протоколъ о нарушеніи тишины и оскорбленіи жандармской полиціи, послѣ чего его въ сопровожденіи жандарма и сторожа, при бумагѣ, отправляютъ обратно въ полицейскій домъ. Въ 6 ч. вечера слѣдующаго дня, 14-го декабря въ полицейскій домъ явился по какому-то дѣлу товарищъ прокурора и, узнавъ объ исторіи съ Хомяковымъ, приказалъ его освободить.

Мировой судья Басманнаго участка, разбиравшій дѣло по обвиненію Хомякова и Зыкова, призналъ ихъ невиновными.

Въ съѣздѣ мировыхъ судей, куда жандармской полиціей дѣло было перенесено, всѣ свидѣтели были допрошены подъ присягой. Свидѣтели со стороны Хомякова единогласно показали, что онъ жандармовъ не ругалъ, что нарушеніе имъ тишины выразилось въ томъ, что онъ, возбужденный, громко и настойчиво требовалъ, чтобы протоколъ о кражѣ шубы былъ составленъ при немъ; жандармы и сторожа показывали, что Хомяковъ и Зыковъ шумѣли и что первый изъ нихъ ругалъ жандармовъ, но на вопросъ защиты, какія Хомяковъ употреблялъ ругательныя выраженія, жандармы дали противорѣчивыя показанія. Съѣздъ постановилъ приговоръ мирового судьи утвердить, а о незаконныхъ дѣйствіяхъ жандармской полиціи Московско-Казанской жел. дор. довести до свѣдѣнія прокурора окружного суда, препроводивъ къ нему копію съ рѣшенія съѣзда.

Во всѣхъ дѣлахъ такого рода замѣчается общая черта: полнѣйшее пренебреженіе къ личности. Схватить, скрутить, связать, истязать, забить до смерти — такова обычная расправа, какъ она рисуется на судѣ. Съ одной стороны полная приниженность, съ другой—ничѣмъ несдерживаемое насиліе и произволъ. Прохоровыхъ истязуютъ, всѣ видятъ, возмущаются и никто не препятствуетъ. Хомякова, потерпѣвшаго, связываютъ, ведутъ въ участокъ, арестуютъ — и всѣ это видятъ и опять-таки никто не препятствуетъ. Въ этомъ-то равнодушіи окружающихъ и слѣдуетъ искать причины, почему такъ много у насъ произвола и такъ мало уваженія къ личности.

Жемчужный промыселъ. Въ «Извѣстіяхъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ» за текущій годъ помѣщены интересныя свѣдѣнія о существующемъ на сѣверѣ Россіи и въ Новгородской губерніи жемчужномъ промыслѣ. Оказывается, что промыселъ этотъ даже имѣетъ свою исторію.

Въ исторіи государства Россійскаго Карамзина разсказывается, что великій князь Іоаннъ въ 1485 г. подарилъ венгерскому королю Корвину черевъ соболья, на которомъ было [illegible] жемчуговъ новгородскихъ на всѣхъ ногахъ, а жемчуги не малы и хороши, и чисты; въ другихъ старинныхъ сочиненіяхъ русскій жемчугъ носитъ названіе бисера, а [illegible] бурмицкихъ зеренъ.

Императоръ Петръ Великій, обширный умъ котораго не упускалъ изъ виду ничего, что могло бы составлять предметъ для промысла народнаго.

обратилъ вниманіе и на добычу жемчуга, установивъ особый надзоръ за ловлею его. Указомъ изъ Бергъ-Коллегіи отъ 8 іюня 1721 года за № 3.794 Петръ Великій для устраненія несвоевременнаго выниманія жемчуга изъ раковинъ, когда онъ еще не достигъ своей чистоты, а также во избѣжаніе напраснаго взламыванія раковинъ, не содержащихъ жемчужныхъ зеренъ, воспретилъ частнымъ людямъ жемчужную ловлю, поставивъ ее подъ надзоръ правительства. Поводомъ къ этому послужило, что въ 1715 году крестьянинъ Гаврило Кузнецовъ представилъ 100 зеренъ, въ 1716 г. капитанъ Витяшевъ 5 зеренъ и дворянинъ Михайло Ханыковъ 10 зеренъ и въ 1720 г. Василій Кобыляковъ нѣсколько зеренъ, которые бергъ-коллегія нашла темными, красноватыми и въ дѣйство негодными, изъ чего заключили, что ловля производится безвременно и непорядочно и что при добромъ присмотрѣ и въ удобное время ловля добраго жемчуга не безъ радѣнія быть можетъ. Вслѣдствіе этого, въ томъ же году были назначены пристава, которымъ давались подробныя инструкціи какъ о самой ловлѣ жемчуга, такъ и о томъ, чтобы весь жемчугъ обязательно былъ продаваемъ на него, Государя, и по оцѣнкѣ знатныхъ людей и купцовъ выдавались только три доли стоимости его, а четвертая засчитывалась на него, Государя. Всего во времена этого Государя было извѣстно 17 жемчугоносныхъ рѣкъ, расположенныхъ въ предѣлахъ теперешнихъ Новгородской и Тверской губерній.

При императрицѣ Елисаветѣ жемчугъ добывался въ Лифляндской и Олонецкой губерніяхъ. Въ настоящее время, по свидѣтельству гидрографа Штукенберга, жемчужныя раковины встрѣчаются въ очень многихъ рѣкахъ или рѣчкахъ Россіи, число которыхъ простирается не на одну тысячу, а гораздо болѣе. Въ концѣ минувшаго столѣтія только въ Эстляндіи и Лифляндіи насчитывали до 40 такихъ рѣчекъ и озеръ, изъ которыхъ особенно славилась рѣка Аа, съ притокомъ Перленбахъ (Жемчужный ручей) и Шварцбахъ. Академикъ Миддендорфъ свидѣтельствуетъ объ обильной добычѣ жемчуга въ рѣчкахъ губерній Архангельской, Олонецкой, Выборгской и Новгородской, а также въ Лифляндіи и Эстляндіи; находятъ его также въ Петербургской, Псковской, Волынской, Ярославской, Вятской, Казанской, Сибирской, Пермской и во многихъ другихъ губерніяхъ. Перловицы встрѣчаются во всѣхъ русскихъ азіатскихъ областяхъ и особенно во многихъ притокахъ Амура, гдѣ добыча жемчуга ведется съ давнихъ поръ.

Качества русскаго жемчуга также очень высоки, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ коллекція, хранящаяся въ зоологическомъ музеѣ академіи наукъ.

Въ настоящее время при свободномъ промыслѣ и отсутствіи регистраціи о состояніи жемчужной ловли нельзя привести никакихъ цифровыхъ данныхъ, но надо думать, что лишенные инціативы прибрежные жители промыселъ этотъ ведутъ неправильно, такъ что онъ съ каждымъ годомъ падаетъ. Нѣтъ свѣдѣній, чтобы самыя раковины употреблялись въ какое-либо дѣло, кромѣ растиранія въ нихъ акварельныхъ красокъ, а между тѣмъ въ Германіи мягкія части перловицъ идутъ на кормъ домашнимъ животнымъ и птицамъ, доставляютъ, въ особенности курамъ, лакомую и здоровую пищу и способствуютъ болѣе обильному несенію яицъ; изъ створокъ перловицъ приготовляются разныя мелкія галантерейныя вещи, какъ, напримѣръ, пуговицы, запонки, портмонэ, а также инкрустаціи, которыя по цвѣту и качеству трудно отличить отъ перламутровыхъ. Такія издѣлія давно извѣстны всей Россіи, но всегда при-

возились изъ заграницы, и, насколько намъ извѣстно, никогда никто не дѣлалъ попытки выдѣлывать ихъ на мѣстѣ.

О состояніи промысловъ въ настоящее время пишетъ авторъ, имѣвшій возможность познакомиться съ ними на мѣстѣ. Онъ посѣтилъ Пудожскій и потомъ Повѣнецкій уѣзды Олонецкой губерніи и по всему побережью Онежскаго озера принималъ личное участіе въ ловлѣ жемчуга. Рѣчекъ на этомъ побережьѣ съ хорошимъ жемчугомъ можно считать пять, но раковины встрѣчаются и въ остальныхъ рѣчкахъ и озерахъ; на нихъ имѣются небольшіе поселки, жители которыхъ хотя и не поголовно занимаются жемчужнымъ промысломъ, но все-таки при каждой рѣчкѣ есть двѣ или три семьи, исключительно живущія этимъ занятіемъ и сбывающія свою добычу мѣстнымъ кулакамъ или торгашамъ, которые, конечно, стараются пріобрѣсти, благодаря незнанію добывателей настоящей стоимости, какъ можно больше за безцѣнокъ. Эти торговцы, въ свою очередь, везутъ жемчугъ въ столицу, гдѣ и распродаютъ съ хорошимъ барышемъ прямо на пароходной пристани, гдѣ покупателями является небогатый интеллигентный людъ. Удачнымъ періодомъ ловли можно считать время отъ іюля и до половины августа, т. е. мѣсяцъ или полтора, а потомъ вода уже дѣлается холоднѣе, хотя это нисколько не останавливаетъ ловцевъ. Способъ добычи въ этой мѣстности вездѣ одинаковый и самый примитивный; заключается онъ въ слѣдующемъ: ловецъ раздѣвается и въ одной рубашкѣ спускается бродить по рѣкѣ, всматриваясь въ дно, осматривая и ощупывая пороги и камни. Жемчужныя раковины предпочитаютъ порожистыя мѣста, но иногда встрѣчаются и на песчаномъ днѣ, въ послѣднемъ случаѣ ихъ легче добывать, и онѣ скоро вылавливаются, послѣ чего и приходится переселяться на болѣе трудную ловлю (объ инструментахъ, которые могли бы быть полезны, нѣтъ и помину) и здѣсь иногда входятъ по грудь, а то и по горло, тогда ловецъ ощупываетъ ногою дно и, найдя раковину, ныряетъ и достаетъ рукой, или же старается защемить раковину пальцами ногъ и выбрасываетъ на берегъ или кладетъ въ мѣшокъ, привязанный у пояса. Собравъ достаточное количество ракушки, выходитъ на берегъ и ножомъ или другой раковиной разламываетъ ракушку и, найдя одну или нѣсколько свѣтлыхъ жемчужинъ, отрываетъ ихъ отъ епанчи, а темныя, коричневыя и даже черныя (что, конечно, доказываетъ незнаніе качества) выбрасываетъ тутъ же на берегъ на произволъ судьбы, и такихъ разбросанныхъ кучекъ въ жемчужныхъ мѣстахъ къ концу лѣта насчитывается до ста, а въ каждой отъ ста до полутораста и болѣе раковинъ. Взламываніемъ или порчей занимаются также и подростки, которые вынимаютъ крупныя, мелкія, хорошія и плохія раковины и вскрываютъ всѣ безъ исключенія, не обращая вниманія на внѣшніе признаки, указывающіе часто на присутствіе въ раковинахъ жемчуга. Это, конечно, вредно вліяетъ на размноженіе раковинъ и ведетъ къ вырожденію, тогда какъ заграницей и у ближней нашей сосѣдки Германіи жемчужный промыселъ находится на совершенно другихъ началахъ и приноситъ доходъ, оправдывая вызываемые имъ расходы.

Графъ Д. А. Милютинъ. Въ виду исполнившейся 12 іюня 80-й годовщины со дня рожденія одного изъ наиболѣе стойкихъ и благородныхъ дѣятелей преобразовательной эпохи 60-хъ годовъ, бывшаго военнаго министра графа Дмитрія Алексѣевича Милютина, въ «Рус. Вѣдом.» г. Гр. Джаншіевъ помѣстилъ интересную «справку» о жизни и дѣятельности знаменитаго творца «Воинскаго устава 1874 г.».

Принадлежа къ дворянскому роду, давшему въ короткое время нѣсколько выдающихся дѣятелей, Д. А. прошелъ солидную теоретическую и практическую военную школу прежде нежели занять свой видный административный постъ. Опытный кавказскій боевой генералъ, выдающійся первоклассный ученый историкъ, профессоръ академіи, — таково было прошлое Д. А., когда онъ въ 1861 году чуть не прямо съ поля битвы былъ призванъ на высокій административный постъ въ Петербургъ, сначала товарища министра, а вскорѣ и военнаго министра.

Это было время небывалаго въ Россіи подъема общественныхъ силъ и кипучей преобразовательной дѣятельности, имѣвшей цѣлью залѣчить не только язвы, обнаруженныя во время крымской кампаніи въ военномъ дѣлѣ, но снять съ общества ту гнетущую опеку, которая была наложена предшествующимъ 30-ти-лѣтнимъ реакціоннымъ застоемъ. По всѣмъ отраслямъ управленія намѣчены были коренныя реформы. Человѣкъ широкаго общаго образованія, основательно изучившій исторію Россіи и всѣ язвы стараго крѣпостническаго режима и бюрократическаго строя, безжизненную и безсмысленную механическую военную муштровку, Д. А. съ самаго начала своей административной дѣятельности выступилъ рѣшительнымъ, убѣжденнымъ и стойкимъ поборникомъ обновленія Россіи въ духѣ началъ справедливости и равенства.

Если косность и рутина гдѣ особенно прочно свиваютъ себѣ гнѣздо, такъ именно въ военномъ быту, гдѣ, съ его педантическимъ формализмомъ, необыкновенно живучи всевозможныя застарѣлыя понятія и предразсудки. Въ дореформенное время считалось аксіомою, что военное обученіе и дисциплина безъ розогъ немыслимы. Много нужно было вѣры въ силу добра и въ добрые инстинкты русскаго народа, чтобы отважиться на столь опасное новшество, противъ котораго возражали военные авторитеты; много искусства и энергіи, чтобы провести такую, непопулярную въ военныхъ сферахъ, мѣру, какъ изгнаніе розги изъ обихода военнаго ученія. Но прошло немного времени, и самые завзятые рутинеры-защитники розогъ воочію должны были убѣдиться въ ошибочности своего отсталаго взгляда. «Что бы отвѣтили,—писалъ профессоръ И. Д. Бѣляевъ,—ротные и баталіонные командиры, поровшіе несчастныхъ солдатъ и за то, что не довернулся, и за то, что перевернулся,—если бы они могли увидѣть теперешнее (1862 г.) войско, гдѣ нѣтъ розогъ, но есть гимнастика и фехтованіе, гдѣ солдатъ кажется живымъ человѣкомъ, а не автоматомъ,—конечно, они покраснѣли бы до ушей».

Не говоря уже объ обширныхъ реформахъ по всѣмъ отраслямъ военнаго управленія и суда, Д. А. особенное вниманіе обращалъ на поднятіе уровня образованія среди солдатъ, видя въ подъемѣ нравственной личности лучшую опору дисциплины и успѣха военнаго дѣла. Онъ подвергъ коренной реформѣ военно-учебныя заведенія отъ высшихъ до низшихъ. Создавъ несуществовавшую прежде элементарную школу для низшихъ чиновъ, онъ преобразовалъ прежніе кадетскіе корпуса, обративъ ихъ въ военныя гимназіи. Д. А. стремился освободить военныя школы отъ преждевременной ремесленной специализаціи, расширяя программу ихъ въ духѣ общечеловѣческаго образованія, изгоняя старые педагогическіе пріемы съ ихъ отчаянною поркою и приниженіемъ нравственной личности. Къ этому надо прибавить, что при Д. А. Милютинѣ учреждена была военно-юридическая академія, значительно поднятъ уровень военно-медицинской школы и заведены первые медицинскіе женскіе курсы.

Значеніе дѣятельности графа Милютина далеко не исчерпывается преобразованіемъ въ спеціальной военной области. Принадлежа къ плеядѣ передовыхъ, убѣжденныхъ и безкорыстныхъ государственныхъ сановниковъ преобразовательной эпохи, вынесшихъ на своихъ плечахъ великій трудъ обновленія Россіи послѣ 30-ти-лѣтняго застоя и спячки, Д. А. всегда былъ и остался до конца своей служебной карьеры открытымъ и твердымъ защитникомъ принциповъ, положенныхъ въ основу такъ-называемыхъ великихъ реформъ и всѣми силами своего знанія и таланта способствовалъ возможно всестороннему проведенію этихъ принциповъ въ законодательствѣ.

Въ величайшей изъ реформъ Александра II, въ крестьянской, прославившей имя брата Д. А., Николая Алексѣевича, онъ не принималъ непосредственнаго участія, но за то во всѣхъ остальныхъ реформахъ онъ игралъ дѣятельную роль и всегда былъ въ государственномъ совѣтѣ въ группѣ наиболѣе просвѣщенныхъ защитниковъ основъ преобразовательнаго движенія 60-хъ годовъ. Особенно замѣтно и плодотворно сказалось вліяніе Д. А. при изданіи истинно благодѣтельнаго и человѣколюбиваго закона 17-го апрѣля 1863 года объ отмѣнѣ жестокихъ и позорящихъ уголовныхъ наказаній — шпицрутеновъ, плетей, розогъ, клейменія, прикованія къ тележкѣ и т. п. ужасовъ недавняго «добраго» стараго времени. Несмотря на то, что въ лагерѣ «[illegible]», по выраженію Ровинскаго, было много авторитетныхъ лицъ, Милютину, при содѣйствіи великаго князя Константина Николаевича, удалось добиться уничтоженія шпицрутеновъ и кошекъ и тѣмъ оказать своему отечеству громадную услугу, тогда же были приняты [illegible] устройства тюремъ. Съ уничтоженіемъ тѣлесныхъ наказаній, вопреки предсказаніямъ близорукихъ «авторитетовъ», не только не увеличилась, но значительно ослабѣла преступность среди войска.

Въ слѣдовавшей затѣмъ реформѣ, земской, Д. А. стоялъ за предоставленіе земству возможно большихъ правъ съ надлежащимъ огражденіемъ ихъ отъ администраціи.

Точно также при разсмотрѣніи Судебныхъ Уставовъ Д. А. всецѣло стоялъ за строгое проведеніе основъ раціональнаго судопроизводства. Какъ только открыты были новые гласные суды, онъ счелъ нужнымъ выработать и для военнаго вѣдомства согласный съ ними по духу Военно-судебный Уставъ 15-го мая 1867 года, который, по авторитетному замѣчанію проф. военно-юридической академіи Володимірова, былъ вполнѣ согласованъ съ основными принципами Судебныхъ Уставовъ.

Самое крупное и славное преобразованіе въ столь богатомъ важными реформами государственномъ поприщѣ Д. А. Милютина было введеніе общей воинской повинности. Обязанная иниціативѣ Д. А., его настойчивости и тонкой политической тактикѣ, одна эта великая реформа, внесшая возможную уравнительность въ тягчайшую изъ всѣхъ натуральныхъ повинностей, могла бы обезпечить ея иниціатору и главному виновнику блестящую страницу въ исторіи русской культуры. Эта человѣчная и полезная для государства реформа, дѣлающая честь столько же умственной прозорливости, сколько и сердечной добротѣ главнаго двигателя устава 1-го января 1874 года, была Д—мъ А—мъ лелѣема съ первыхъ же лѣтъ своего министерства. Воспитанное на привилегіяхъ высшее общество, встрѣтившее крайне недружелюбно самомалѣйшую попытку къ облегченію тягостъ, лежащихъ на народной массѣ, весьма недружественно относилось и къ этому преобразованію. Но прусскія побѣды 1870 г. настолько повелительно [illegible] необходимость за-

думанной Д. А. реформы съ чисто военной точки зрѣнія, что этическая ея сторона, къ которой долго были глухи высшія сферы, отошла на второй планъ.

Здѣсь не мѣсто излагать подробный ходъ реформы 1874 года, отмѣтимъ только двѣ существенныя стороны этой уравнительной реформы, которыя были строго проведены благодаря твердости Д. А. и содѣйствію великаго князя Константина Николаевича. До реформы 1874 года отъ воинской повинности было свободно de jure привиллегированное дворянство и de facto всѣ состоятельные люди, могущіе отъ нея откупиться. Всею своею тяжестью тяжелая рекрутская повинность ложилась на бѣднѣйшую часть населенія, на крестьянъ и мѣщанъ. I статья проекта Д. А. Милютина радикально измѣняла характеръ воинской повинности. Изъ унизительной, составлявшей удѣлъ низшихъ сословій и назначавшейся даже въ видѣ наказанія за преступленія она обращалась въ общегражданскую повинность. Со стороны дворянъ и купцовъ дѣлались попытки къ освобожденію отъ повинности, къ откупу и переложенію ея (купцы даже вызывались на свой счетъ содержать инвалидовъ), но всѣ сословныя и меркантильныя соображенія были всецѣло исключены изъ закона по настоянію Д. А.

Единственныя, общія для всѣхъ сословій, изъятія отъ повинности допущены были по семейному положенію и образовательному цензу. Въ чемъ Д. А. Милютинъ былъ щедръ—и этого онъ не скрывалъ,—это въ предоставленіи льготъ по степени образованія. Начиная отъ низшей элементарной школы и до университета постепенно увеличивались льготы по образованію, доходя до 3-хъ мѣсяцевъ дѣйствительной службы. Эта особенность рѣзко бросалась въ глаза въ проектѣ Д. А. сравнительно съ прусскимъ закономъ; онъ, впрочемъ, и не скрывалъ цѣли устаноздленія усиленныхъ льготъ. Цѣлью этою было распространеніе просвѣщенія и привлеченіе возможно большаго числа лицъ къ высшему образованію.

Воинскому уставу 1874 г., въ отличіе отъ другихъ предшествовавшихъ ему законодательныхъ памятниковъ въ одномъ отношеніи особенно посчастливилось. Тогда какъ Положеніе 19 го февраля, Судебные Уставы примѣнялись П. А. Валуевымъ и гр. Паленомъ, лицами или равнодушными, или прямо враждебными ихъ истинному духу, воинскій уставъ, согласно Высочайшему рескрипту, приводился «въ исполненіе въ *томъ же духѣ*, въ какомъ былъ составленъ» и тѣмъ же лицомъ, которое было его иниціаторомъ.

Результаты и не замедлили сказаться. Въ 1877 году, вопреки всякимъ предвидѣніямъ, Россіи пришлось обратиться къ испытанію своего молодого преобразованнаго войска еще до завершенія преобразованія. Главный виновникъ преобразованія Д. А. Милютинъ, находясь на мѣстѣ военныхъ дѣйствій, имѣлъ утѣшеніе убѣдиться, что вѣра его въ разумъ, въ силу просвѣщенія и въ нравственное достоинство русскаго народа не обманули его. При многихъ недочетахъ послѣдней войны, русскій солдатъ, вышедшій изъ народа и воспитанный, безъ розогъ, въ духѣ гуманности, велъ себя съ такимъ достоинствомъ, что самые отчаянные туркофилы изъ англичанъ должны были въ томъ отдать ему справедливость и заплатить дань удивленія. Въ трудные мѣсяцы, проведенные Д. А. Милютинымъ на театрѣ войны, это отрадное явленіе и для него, и для другихъ было немалымъ утѣшеніемъ.

До 1881 г. Д. А. продолжалъ стоять во главѣ военнаго министерства, такъ много ему обязаннаго въ теченіе 20-ти-лѣтняго управленія его.

Въ апрѣлѣ 1881 г. гр. Д. А. Милютинъ, вышелъ въ отставку и съ

тѣхъ поръ почти безвыѣздно живетъ въ Крыму.

И друзья, и враги согласятся въ томъ, что въ лицѣ гр. Д. А. Милютина Россія имѣла просвѣщеннаго военнаго министра и разносторонняго государственнаго человѣка выдающагося дарованія, эрудиціи, опытности, изумительнаго трудолюбія, рѣдкой чистоты, честности и идеальнаго безкорыстія.

За границей.

Учителя и учительницы въ Германіи. *(Письмо изъ Мюнхена).* Съ широкимъ подъемомъ національной жизни Пруссіи въ началѣ текущаго столѣтія тѣсно связано имя великаго швейцарскаго педагога Песталоцци, 150-й день рожденія котораго тепло отпраздновала вся цивилизованная Европа. Слѣдуетъ имѣть въ виду положеніе Пруссіи въ то время, чтобы надлежащимъ образомъ оцѣнить всѣ усилія государства и общества къ подъему народнаго образованія. Пруссія стояла тогда на краю раззоренія; ея финансовое положеніе было таково, что она не знала, какъ собрать съ народа деньги, потребныя для покрытія обрушившейся на нее военной контрибуціи. И вотъ среди этого всеобщаго упадка, взоры всѣхъ руководящихъ слоевъ съ надеждой обращаются къ школѣ, какъ спасительному средству отъ всеобщаго унынія. Вѣра въ народное образованіе, какъ средство улучшенія политическаго и соціальнаго состоянія страны, была непоколебима и роль Песталоцци въ организаціи прусской школы, сношенія и переписка съ нимъ тогдашнихъ прусскихъ государственныхъ дѣятелей являютъ рѣдкій примѣръ пробужденія общественнаго идеализма. Это одушевленіе продолжалось однако не долго. Со смертью королевы Луизы, лично покровительствующей тогдашнему движенію въ пользу идей Песталоцци, ортодоксальная реакція, дѣйствовавшая сначала втихомолку, выступила на сцену открыто. Но педагогическія идеи швейцарскаго мыслителя разлились ужъ слишкомъ широкимъ потокомъ въ сознаніи общества и затормазить ихъ благотворное вліяніе мелкими репрессіями было невозможно. Эти идеи создали не только народную школу въ современномъ смыслѣ слова, но онѣ создали въ Пруссіи, а затѣмъ и во всей Германіи, особое сословіе народныхъ учителей, въ памяти и дѣятельности котораго живутъ и продолжаютъ оказывать свое вліяніе стремленія «отца Песталоцци». Понятно поэтому, что и юбилей знаменитаго педагога былъ прежде всего и по преимуществу отпразднованъ учительскимъ сословіемъ. Какъ доказательство все болѣе растущей въ народѣ потребности въ просвѣщеніи, рядомъ съ празднествами, устроенными учительскимъ сословіемъ и интеллигенціей, можно упомянуть еще, какъ отпраздновалъ этотъ юбилей рабочій людъ. Въ этомъ отношеніи особеннымъ интересомъ отличалась торжество берлинской Arbeiterbildungsschule—этого родного дѣтища мѣстнаго рабочаго населенія. Громадное соціальное значеніе идей Песталоцци, отмѣченное на этомъ торжествѣ, свидѣтельствуетъ о большомъ прогрессѣ въ пониманіи самаго Песталоцци и его стремленій. Этимъ болѣе широкимъ пониманіемъ Песталоцци и отличается празднованіе его въ текущемъ году по сравненію съ торжествомъ 100-лѣтняго юбилея рожденія въ 1846 году, когда была рѣчь лишь объ «отцѣ Песталоцци», а самое празднество ограничивалось участіемъ учительскаго сословія.

Можно, конечно, вполнѣ раздѣлять надежду, выраженную на торжествѣ нѣмецкими учителями,—надежду, что 200-лѣтній юбилей рожденія Песталоцци будетъ уже праздновать не одно учительское сословіе и не только передовые рабочіе слои организованнаго рабочаго люда, а весь народъ... Но въ сознаніи современныхъ государственныхъ мужей народная школа является, къ сожалѣнію, далеко не той драгоцѣнной сокровищницей націи, какъ это было въ эпоху знаменитаго прусскаго дѣятеля министра Штейна и другихъ. Поэтому-то школьное дѣло въ Пруссіи осталось далеко позади другихъ союзныхъ государствъ Германіи. Утверждать по прежнему, что Пруссія есть «страна школъ и казармъ» было бы неосновательно: казарма постепенно вытѣснила школу. Кто въ этомъ сомнѣвается, тому могутъ служить доказательствомъ тѣ отчаянныя схватки, какія министру народнаго просвѣщенія въ Пруссіи приходится имѣть съ министромъ финансовъ изъ за насущнаго хлѣба народной школы и образованія. Но какъ винить министра финансовъ, когда его, въ свою очередь, тѣснитъ военный министръ—этотъ премьеръ современной Пруссіи. Въ то время, какъ на армію и флотъ идутъ сотни и десятки милліоновъ, министру народнаго просвѣщенія д-ру Боссе едва удается выпросить для своего вѣдомства лишнихъ 3—4 милліона марокъ.

Министръ народнаго просвѣщенія порой жестоко жалуется на отсталость школьнаго дѣла въ Пруссіи, на полный застой его, но остальные министры неумолимы и соглашаются лишь на мелкія подачки. Такой же подачкой является и тотъ школьный законъ, который прошелъ недавно черезъ прусскую палату депутатовъ (ландтагъ).

Это давно уже обѣщанный законъ регулированія жалованья народныхъ учителей и учительницъ, такъ-наз. Lehrerbesoldungsgesetz. Благодѣянія этого закона далеко не соотвѣтствуютъ тѣмъ желаніямъ, которыя учительское сословіе выражало на своихъ годичныхъ съѣздахъ. Но все же и это шагъ впередъ. Порядокъ, вносимый новымъ закономъ, характеризутся тремя моментами. Во-первыхъ, онъ устанавливаетъ для учителей и учительницъ народныхъ школъ прочный минимумъ жалованья; онъ опредѣляетъ, во-вторыхъ, норму постепеннаго съ годами службы увеличенія этого жалованья (такъ-наз. Alterszulage); наконецъ, онъ устанавливаетъ третій источникъ учительскаго дохода, заключающійся въ вольной квартирѣ или въ соотвѣтственномъ тому наличномъ денежномъ вознагражденіи. Согласно новому закону, минимальный размѣръ жалованья учителя опредѣляется въ 900 марокъ, для учительницы—въ 700 мар. ежегодно, причемъ возрастными дополненіями (Alterszulage) предполагается жалованье учителя довести до 1.620, жалованье учительницы—до 1.240 мар. въ годъ. При старомъ порядкѣ (законъ еще долженъ пройти черезъ палату господъ—Herrenhaus) дѣло представляется въ слѣдующемъ видѣ: по свѣдѣніямъ, собраннымъ 1 октября 1894 г., изъ 23.073 учителей въ городахъ — 1.850 имѣли основного жалованья менѣе 900 мар.; изъ 5.808 учительницъ (тоже въ городахъ) — 117 менѣе 700 мар. въ годъ. Въ деревняхъ изъ 43.959 учителей—10.364 имѣли менѣе 900 и изъ 3 425 учительницъ—76 имѣли менѣе 700 мар. основного жалованья въ годъ. Сюда еще слѣдуетъ присоединить въ общемъ 974 помощниковъ-учителей и 102 — помощницъ-учительницъ. Съ другой стороны, въ городахъ 9.926 учителей и 1.517 учительницъ, а въ деревняхъ 6.746 учителей и 46 учительницъ получали основного жалованья свыше 1.200 мар. Далѣе: если къ жалованью присоединить возрастныя дополненія и квар-

тирныя деньги, то у 18.316 учителей и 3.462 учительницъ въ городахъ, 24.304 учителей и 873 учительницъ въ деревняхъ доходъ превышалъ 1.200 мар въ годъ. У 6.407 учителей и 16 учительницъ общій доходъ превышалъ даже 2.400 марокъ. Въ общемъ, положеніе, которое у насъ въ Россіи сочтутъ, пожалуй, идеальнымъ. Что же касается Пруссіи, то, судя по приведеннымъ даннымъ, устанавливаемый новымъ закономъ minimum послужитъ на пользу лишь небольшому числу учителей и учительницъ. Картина, однако, совершенно мѣняется, если прослѣдить размѣры жалованья по отдѣльнымъ провинціямъ. Въ этомъ случаѣ между провинціями обнаруживается такая громадная разница, а въ отдѣльныхъ округахъ оказывается такой низкій уровень жалованья, что новому закону суждено будетъ внести очень существенную поправку. Слѣдуетъ также имѣть въ виду, что minimum основного жалованья нисколько не исключаетъ случаевъ болѣе высокой оплаты учительскаго труда; тамъ, гдѣ введены болѣе высокія жалованья, тамъ онѣ остаются и при новомъ законѣ. Если, такимъ образомъ, новый законъ и вноситъ безспорно нѣкоторое улучшеніе, то все же онъ не достигаетъ того, на что надѣялись учителя и что раньше было обѣщано самимъ министромъ народнаго просвѣщенія. Да если и посравнить норму жалованья по новому закону съ нормами, существующими въ другихъ государствахъ Германіи, то разница будетъ не въ пользу Пруссіи. Взять хотя бы самыя мелкія захолустья, то въ Саксоніи жалованье народнаго учителя съ минимальныхъ 1.000 мар. достигаетъ за 30 лѣтъ службы 1.800 мар. въ годъ, въ Баденѣ—съ 1.100 до 2.000 марокъ, въ Гессенѣ — съ 1.000 до 1.600 мар., въ Веймарѣ—съ 950 до 1.600 мар. за 25 лѣтъ службы, въ Готѣ—съ 880 до 1.630 мар. за 2 лѣтъ, въ Ангалтѣ — съ 1.000 2.100 мар. за 24 года службы, Мейнингенѣ—съ 1.000 до 1.800 м за 30 лѣтъ службы... Если приня въ соображеніе, что такіе размѣ жалованья существуютъ въ самы мелкихъ нѣмецкихъ государства герцогствахъ, то требованіе учите скаго съѣзда Пруссіи,—этой, пользу щейся гегемоніей во всей импе державы,—требованіе 1.200 марок какъ минимальнаго годового жа ванья, не можетъ показаться нескро нымъ и очень преувеличеннымъ. Н вый законъ, какъ видимъ, не толь не соотвѣтствуетъ этому требован но ставитъ Пруссію позади миніат наго Ангальта и Мейнингена. Что к сается возрастныхъ добавокъ, то онѣ по новому закону не соотвѣ ствуютъ желаніямъ учительскаго словія. Прошлогодній съѣздъ пр скихъ народныхъ учителей выража желаніе, чтобы возрастныя добавки 25 лѣтъ службы удвоили первонача ное жалованье учителя. Новый зако однако, далекъ отъ такого размѣ Сверхъ того, и самый промежуто времени, по истеченіи котораго дос гается высшій окладъ, значитель превышаетъ 25 лѣтъ, такъ какъ д бавки начинаются лишь послѣ се мого года службы, а затѣмъ расп дѣляются между девятью ступеня черезъ каждое трехлѣтіе службы. П тивъ прежняго порядка это, во вс комъ случаѣ, значительный шагъ вп редъ: во-первыхъ, потому что во растныя добавки установлены д всѣхъ народныхъ учителей, меж тѣмъ какъ раньше казна давала д бавку лишь для мѣстностей съ н селеніемъ ниже 10.000 душъ; в вторыхъ, самыя добавки начинают раньше и лучше распредѣлены. Д сихъ поръ онѣ начинались послѣ д сяти лѣтъ службы и каждое пятилѣтіе увеличивались на 100 мар. для учителей и на 70 мар. для учител-

ницъ; на будущее же время предполагается начать добавки послѣ семи лѣтъ службы и каждое трехлѣтіе увеличивать ихъ на 80 мар. для учителей и на 60 мар. для учительницъ, такъ что въ девять пріемовъ сумма добавокъ возрастетъ на 720 мар. для первыхъ и на 540 мар. для вторыхъ.

Народные учители и учительницы, въ виду стоявшаго на очереди закона, дѣятельно старались надъ выясненіемъ собственнаго своего положенія путемъ самостоятельныхъ изслѣдованій.

Такъ, ферейнъ прусскихъ народныхъ учительницъ опубликовалъ недавно сводъ данныхъ (Denkschrift), изъ котораго, между прочимъ, выясняется слѣдующее: самый низшій окладъ въ 600—700 мар. въ годъ существуетъ въ провинціяхъ Восточной и Западной Пруссіи и въ Познани. Такой окладъ, если къ нему не присоединяется вознагражденіе за квартиру и отопленіе, помянутый сводъ находитъ совершенно недостаточнымъ. Онъ принуждаетъ учительницу къ такимъ лишеніямъ, которыя въ короткое время подрываютъ ея силы. Для характеристики этихъ лишеній можно привести слова одной учительницы (приведены въ сводѣ) изъ Восточной Пруссіи, съ которыми она обращается къ ферейну прусскихъ народныхъ учительницъ, собиравшему опубликованныя свѣдѣнія: «Мое жалованье не позволяетъ мнѣ и самыхъ ничтожныхъ затратъ, почему я не состою членомъ вашего ферейна. Я прошу однако прислать мнѣ вопросный листъ для предпринятаго вами изслѣдованія матеріальнаго быта учительницъ народныхъ школъ, такъ какъ я не хочу остаться въ сторонѣ отъ дѣла, служащаго общимъ интересамъ нашего сословія»... Вольную квартиру, получаемую въ дополненіе къ 600 мар. жалованья, другая учительница изъ Верхней Силезіи рисуетъ въ слѣдующихъ словахъ: «Моя вольная квартира состояла изъ каморки въ мезонинѣ крестьянскаго дома, крышу котораго я могла доставать руками. Каморка имѣла два маленькихъ окна, глядящихъ на задній дворъ сосѣда, бывшаго рѣзникомъ»... Данныя свода опровергаютъ то распространенное мнѣніе, въ силу котораго дешевизна жизни въ селахъ и небольшихъ городахъ служитъ нѣкоторымъ противовѣсомъ низкому размѣру жалованья. Учительница одного восточно-прусскаго городка, достигшая послѣ 23 лѣтъ службы оклада въ 1.330 мар., пишетъ: «цѣны здѣсь далеко не такъ малы, какъ многіе думаютъ; я плачу за квартиру 200 мар.». Другая изъ Восточной же Пруссіи пишетъ: «Я начала мою службу здѣсь съ 600 марками жалованья. При мнѣ живетъ моя мать, которую должна поддерживать. Ничего не остается, какъ давать еще частные уроки, которые въ конецъ надрываютъ силы...» Молодыя дѣвушки, привыкшія въ городѣ къ извѣстному Standart of life, попадая въ село съ 600 мар. оклада, вынуждены отказываться отъ многихъ привычныхъ благъ культуры... «Когда я прибыла сюда, — такъ пишетъ одна учительница изъ померанскаго мѣстетка,—то получала всего 600 мар. Это было до нельзя мало. Мы горожанки постепенно засыпаемъ здѣсь духовно»...

Въ западныхъ провинціяхъ Пруссіи, особенно въ промышленныхъ центрахъ, матеріальное положеніе учительницъ болѣе завидное. Здѣсь преобладаетъ размѣръ жалованья въ 900 мар., причемъ въ Вестфаліи и рейнской провинціи, сверхъ того, въ обычаѣ вознагражденіе за квартиру и отопленіе. Слѣдуетъ, впрочемъ, имѣть въ виду, что въ промышленныхъ мѣстностяхъ жизнь обходится обыкновенно дороже, такъ что 900 мар. не составляетъ еще большой роскоши. Въ прусскихъ окраинахъ, какъ Силезія, Шлезвигъ-Голштинія и др. данныя свода

съ грустью констатирують еще крайне мало развитую ферейнскую жизнь среди учительницъ. Это обстоятельство отразилось и на недостаточной полнотѣ свѣдѣній свода изъ тѣхъ мѣстностей.

Значительнымъ и при наличныхъ условіяхъ неизбѣжнымъ дополненіемъ не совсѣмъ совершеннаго школьнаго законодательства является уже издавна практика довольно широкой взаимопомощи между учительскимъ персоналомъ. Въ частности среди народныхъ учительницъ эта практика насчитываетъ уже болѣе двухъ десятилѣтій своей продолжительности. Благодаря печатной и устной агитаціи, была основана въ 1875 году всеобщая нѣмецкая пенсіонная касса для учительницъ и воспитательницъ, находящаяся подъ протекторатомъ императрицы Викторіи. Выдаваемыя этой кассой пенсіи составляются изъ взносовъ ея членовъ, каковыми могутъ быть всѣ нѣмецкія учительницы общихъ и спеціальныхъ (техническихъ) учебныхъ заведеній безъ различія вѣроисповѣданій, замужнія и незамужнія, но получившія право на обученіе и воспитаніе путемъ какого-нибудь государственнаго экзамена. Членомъ кассы можно сдѣлаться лишь до достиженія 50-лѣтняго возраста, а размѣръ получаемой впослѣдствіи пенсіи зависитъ отъ размѣра дѣлаемыхъ членскихъ взносовъ. Низшій размѣръ пенсіи равняется 100 маркамъ, затѣмъ увеличивается на круглую цифру и измѣряется 150, 200, 250, 300 марками и т. д. въ годъ. Точно составленныя таблицы опредѣляютъ соотвѣтственные взносамъ размѣры пенсій. Пенсіонный фондъ достигаетъ теперь $4^1/_2$ милліоновъ марокъ. Число членовъ въ концѣ 1894 года равнялось 2.849; 377 учительницъ получали въ этомъ году пенсіи въ размѣрѣ 95.228 марокъ.

Рядомъ съ этимъ прочнымъ фондомъ пенсіонной кассы существуетъ еще подвижной вспомогательный фонд средства котораго при его основан были собраны экстреннымъ путе благотворительныхъ базаровъ, ко цертовъ и пр. Изъ вспомогательна фонда берутся средства тогда, ког подлинный пенсіонный фондъ со свое строгой расчетливостью не может оказать помощи, слѣдовательно в случаяхъ болѣзни, нужды, необходи мости отдыха и связанныхъ съ этим поѣздокъ въ лѣтніе курорты. Д этихъ и подобныхъ цѣлей было, напр въ 1894 г. выдано вспомогательным фондомъ свыше 10.000 мар. Той ж цѣли служитъ и фондъ, завѣщанны извѣстной школьной попечительнице Гроссманъ, т. н. Grossmanstiftung Помянутыя здѣсь учрежденія функ ціонируютъ преимущественно въ пре дѣлахъ Пруссіи. Въ Берлинѣ и про винціяхъ имѣются комитеты, завѣ дующіе административной частью Сверхъ того особый кураторіумъ из 50 лицъ печется о дальнѣйшемъ рас ширеніи дѣятельности кассъ.

Пенсіонныя кассы съ ихъ вспомо гательными источниками служатъ боль шимъ подспорьемъ для учительниц имѣющихъ прочныя мѣста. Но ещ большее значеніе имѣютъ онѣ для тѣх многочисленныхъ категорій учитель ницъ и воспитательницъ, которыя ли шены прочныхъ должностей и заняты въ частныхъ школахъ, пенсіонатахъ дѣтскихъ садахъ, всякаго рода реме сленныхъ заведеніяхъ, наконецъ, дл учительницъ музыки, пѣнія и т. п

Само собою разумѣется, что выда ваемыя на случай старости пенсіи мо гутъ оказаться недостаточными дл безбѣднаго существованія состарѣв шихся учительницъ. Въ виду этог съ давнихъ поръ стали прибѣгать к устройству особыхъ пріютовъ (Feier-abendhäuser) для престарѣлыхъ учи тельницъ. Такіе пріюты имѣются те перь въ Штеглицѣ близь Берлина, въ Клейнбургѣ близь Бреславля, въ Гандерсгаймѣ (Брауншвейгское герцо-

тво), въ Варенѣ (Мекленбургъ-Шверинъ), въ Виссенѣ, въ Страсбургѣ, ь Геттингенѣ. Въ другихъ городахъ, акъ, напр., Волфенбюттелѣ, Тюринэнѣ, Данцигѣ и др. приступили въ астоящее время къ постройкѣ таихъ пріютовъ. Предполагали сначала, го прежнія школьныя самодержицы е смогутъ ужиться при режимѣ подъсъ довольно многолюднаго пріюта. пытъ показалъ, однако, обратное. ютный, для каждой учительницы олнѣ изолированный уголокъ, въ агоустроенномъ зданіи, обыкновено въ здоровой и живописной мѣстости—все это лишено какого бы то и было казарменнаго духа и служитъ ь дѣйствительности большимъ удобгвомъ на старости лѣтъ. Когда, въ рединѣ 70-хъ годовъ, возникла идея тихъ пріютовъ, то намѣченные для хъ осуществленія проекты отличаись двоякимъ характеромъ. Основанный въ 1879 году пріютъ въ Птеглицѣ предполагалъ давать прегарѣлымъ учительницамъ только своодное жилище; продовольственную асть онѣ должны были себѣ обезпеивать сами. Въ виду этого вступиельная плата въ Штеглицѣ была предѣлена въ 400 марокъ. Приблиительно на тѣхъ же основаніяхъ строенъ и бреславльскій пріютъ, съ ѣмъ различіемъ, что вступительной латы въ немъ не требуется, такъ акъ поступающія въ него силезскія чительницы имѣютъ особую кассу, зносами въ которую уже заранѣе безпечиваютъ себѣ свободный пріемъ ь пріютъ.

Въ Вестфаліи между тѣмъ идея ріютовъ съ самаго начала была иная. дѣсь былъ усвоенъ принципъ, въ илу котораго поступающія въ пріютъ чительницы получаютъ не только вартиру, но и полное продовольствіе а семейныхъ началахъ. Устроенный а такихъ основаніяхъ пріютъ въ андерсгаймѣ и послужилъ затѣмъ бразцомъ для дальнѣйшихъ заведеній того же рода. Въ этихъ пріютахъ вступительная плата равняется 300 мар.—сумма, приближающаяся къ размѣрамъ годовой пенсіи. Такимъ образомъ жилище, отопленіе, услуги, хорошее продовольствіе, врачебная помощь и прочія удобства обходятся меньше одной марки въ день,—плата, не стоящая ни въ какомъ соотвѣтствіи съ многоразличными преимуществами спокойнаго и довольнаго существованія.

Въ интересахъ увеличенія средствъ пріюта, съ другой же стороны, чтобы и болѣе молодымъ учительницамъ дать возможность воспользоваться удобствами отдыха и возстановленія силъ, пріютъ въ Гандерсгаймѣ принимаетъ у себя во время каникулъ «временныхъ гостей». За сравнительно ничтожную плату (2 мар. въ день) нуждающіяся въ поправкѣ учительницы получаютъ здѣсь полный пансіонъ, пользуются прекраснымъ воздухомъ лѣсистой и живописной мѣстности и купаньями оздоровляющей Ludolfsbad. Другіе пріюты послѣдовали теперь хорошему примѣру Гандерсгайма.

Для той же цѣли возстановленія силъ учительницъ имѣются еще спеціальные пріюты, такъ-называемые Lehrerinnenheime въ Дрезденѣ, въ Лихтенталѣ близь Баденъ-Бадена, въ Фридрихсгаузенѣ у Боденскаго озера, въ Нордернеѣ и др. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напр., послѣдній, устроены съ большимъ комфортомъ и учительницы могутъ на льготныхъ условіяхъ (2—2$^1/_2$ мар. въ день) провести тамъ съ большой пользой для своего здоровья каникулярное время. Съ своей стороны и правительство избавило учительницъ отъ лѣчебной таксы (Kurtaxe), предоставивъ имъ безплатное пользованіе холодными и теплыми купаньями.

Слѣдуетъ упомянуть еще, что со стороны многихъ ферейновъ учительницъ сдѣланъ починъ устройства больничныхъ и взаимно-вспомогательныхъ

кассъ. Организація самопомощи и взаимопомощи приняла такіе широкіе размѣры, что въ послѣдніе годы возникла мысль объ объединеніи всѣхъ существующихъ организацій въ одномъ «Общемъ нѣмецкомъ Союзѣ». Начало такому Союзу и было положено въ прошломъ 1895 году: главнѣйшія изъ существующихъ учрежденій на пользу учительницъ и воспитательницъ, какъ: всеобщая нѣмецкая пенсіонная касса, ферейнъ учительницъ и воспитательницъ въ Берлинѣ съ его пріютомъ въ Штеглицѣ, ферейнъ учительницъ въ Геттингенѣ, пріюты въ Гандерсгаймѣ, Виссенѣ и Нордернеѣ, прусскій ферейнъ высшихъ женскихъ школъ и др. вступили въ общій Союзъ. Цѣль Союза—доставить общее поле дѣйствія объединеннымъ въ немъ учрежденіямъ и разумной экономіей силъ обезпечивать имъ болѣе успѣшное развитіе. Отъ принадлежности къ Союзу нисколько не страдаетъ автономія отдѣльныхъ ферейновъ и учрежденій. Эти послѣднія, напротивъ того, выигрываютъ отъ того, что состоятъ въ Союзѣ. Не дѣлая спеціальнаго взноса, онѣ пользуются безплатнымъ посредничествомъ Союза въ доставленіи мѣстъ, безплатнымъ полученіемъ союзнаго органа печати и другими преимуществами болѣе широкой организаціи.

Оставаясь въ предѣлахъ вопроса о судьбахъ учительскаго персонала, я хочу сказать нѣсколько словъ о воспроизведеніи учительскаго типа въ нѣмецкой изящной литературѣ. Въ болѣе старыя времена изящная литература хоть и знала общій типъ учителя, но онъ въ ней являлся не въ видѣ популярной въ народѣ фигуры, не какъ воспитатель подростающаго поколѣнія, а какъ «магистръ» и жрецъ науки и мудрости. Элементарный учитель прежнихъ временъ, не представляя характерной индивидуальности, не давалъ основанія и къ созданію опредѣленнаго литературнаго типа. Лишь новое время, создавшее цѣлое сословіе народныхъ учителей, создало и соотвѣтственную литературную фигуру. Въ многочисленныхъ разсказахъ и повѣствованіяхъ эта фигура, съ начала текущаго столѣтія, является носительницей вполнѣ опредѣленной мысли. Въ одной части нѣмецкой литературы учитель является факторомъ распространенія свѣта и знаній среди пытливыхъ народныхъ массъ и ихъ подростающаго поколѣнія. Онъ является еще носителемъ и истолкователемъ живущихъ въ народѣ и дѣтскихъ душахъ стремленій къ свободѣ. На этомъ пути онъ сталкивается съ массою темныхъ силъ, въ борьбѣ съ которыми не рѣдко падаетъ, не находя еще достаточной поддержки въ населеніи. Такого рода учительскую судьбу описываетъ талантливый писатель Рюдереръ въ своей довольно пространной повѣсти: «Ein Verrückter. Kampf und Ende eines Lehrers» (Помѣшанный. Борьба одного учителя и ея исходъ). Разсказъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе, благодаря своей своевременности, такъ какъ именно въ настоящее время снова оживаетъ консервативная и клерикальная агитація въ пользу совершеннаго подчиненія школы церковному вліянію. Другой разсказъ извѣстнаго бытописателя Россегера: «Die Schriften des Woldschulmeisters» рисуетъ типъ народнаго учителя, уставшаго отъ лжи и лицемѣрія «культурной» среды и ушедшаго въ народъ, въ глухія лѣсныя дебри, чтобы учить и жить заодно съ темной массой и дать ей самое лучшее, что онъ нашелъ въ городской культурѣ. Типъ учителя въ «Ганнеле» Гауптмана всѣмъ знакомъ. Упомяну, наконецъ, симпатичный образъ учительницы въ новѣйшемъ разсказѣ Маріи Яничекъ: «Die Lehrerin» (Учительница).

Лѣтніе каникулы служатъ для нѣмецкихъ учителей и учительницъ народной школы драгоцѣнной порой. Это

только время вполнѣ заслуженнаго необходимаго отдыха, но и плодо-орной совокупной работы. Въ тече-з цѣлаго года разсѣянные по захо-стьямъ, мѣстечкамъ и городамъ уженики во время каникулъ соби-ются на свои особые съѣзды, гдѣ эди веселаго времяпрепровожденія суждаются и назрѣвшіе вопросы, мѣниваются мнѣнія, школьныя впе-тлѣнія и черпаются свѣжія силы я дальнѣйшей работы. Какъ разъ настоящее время идутъ тщатель-ія приготовленія къ съѣздамъ на-дныхъ учителей и учительницъ къ всей Германіи, такъ равно и дѣльныхъ союзныхъ государствъ.

А. Ковровъ.

Женщины и женское воспитаніе › Соединенныхъ Штатахъ. Извѣст-ій швецарскій экономистъ Луи Вуа-нъ, прожившій долгое время въ ерикѣ, издалъ книгу: «La Femme le feminisme aux Etats Unis», въ торой обрисовываетъ взаимное по-женіе женщины и мужчины въ Со-иненныхъ Штатахъ. «Если у насъ ществуетъ женскій вопросъ,—гово-тъ Вуаренъ,—то лишь вслѣдствіе жныхъ взглядовъ на отношенія обо-ъ половъ, укоренившихся въ евро-йскомъ обществѣ». Въ Америкѣ, ежде всего, не считаютъ оба пола асными другъ для друга и поэтому стараются отдѣлять ихъ какъ мож-больше, какъ это дѣлаютъ у насъ. юборотъ, въ Америкѣ думаютъ, что, страняя женщину, общество ли-ается очень крупной и полезной лы и что прогрессъ достигается, авнымъ образомъ соединенными уси-ями мужчинъ и женщинъ. Въ евро-йскихъ странахъ, особенно въ нео-тинскихъ боятся и избѣгаютъ вся-й близости мальчиковъ и дѣвочекъ › учебные годы, совмѣстное воспи-ніе нигдѣ не допускается, между мъ какъ въ Соединенныхъ Штатахъ ществуетъ много школъ, гдѣ маль-чики и дѣвочки воспитываются вмѣ-стѣ и никому такіе порядки не ка-жутся дурными, или неестественными. Въ первоначальныхъ школахъ сов-мѣстное воспитаніе составляетъ почти всеобщее правило, во второразрядныхъ заведеніяхъ—также. Затѣмъ, въ выс-шихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ уни-верситетахъ въ Мичиганѣ и др. дѣ-вушки обучаются вмѣстѣ съ юношами и результаты совмѣстнаго воспитанія вполнѣ оправдываютъ возложенныя на него надежды. Въ восточныхъ штатахъ университеты сохраняютъ еще свой прежній типъ, но это по-тому, что они представляютъ ста-рѣйшія учрежденія подобнаго рода, устроенныя первоначально по типу европейскихъ университетовъ и при-томъ въ такое время, когда женщина еще и не помышляла о высшемъ об-разованіи. Такимъ образомъ, мужчины и женщины въ Америкѣ съ раннихъ лѣтъ пріучаются къ товарищескимъ отношеніямъ; общія занятія сближа-ютъ ихъ и воспитываютъ въ нихъ чувство взаимнаго уваженія и довѣ-рія. Американцы, благодаря такой воспитательной системѣ совершенно свободны отъ тѣхъ предразсудковъ и предубѣжденій, какія существуютъ въ Европѣ относительно женщинъ. Привыкнувъ смотрѣть на женщину, какъ на равноправнаго товарища, американецъ не можетъ отводить ей второстепенное мѣсто въ обществен-ной жизни. Одинаковое воспитаніе и общность интересовъ не позволяютъ ему смотрѣть на женщину сверху внизъ и ему не приходитъ въ голову видѣть въ ней низшее существо или го-ворить о неспособности женщинъ къ тому или иному занятію и труду. Американскія женщины, съ своей сто-роны, благодаря получаемому ими воспитанію, свободны отъ многихъ предразсудковъ, опутывающихъ евро-пейскую женщину и мѣшающихъ сво-бодному развитію ея ума и способно-стей. Есть традиціи, отъ которыхъ

европейскому обществу освободиться трудно, и эти традиціи особенно даютъ себя чувствовать по отношенію къ женщинамъ. Въ Америкѣ этихъ традицій не существуотъ, тамъ въ каждой женщинѣ воспитывается прежде всего свободная гражданка свободной страны и чувство независимости столь же сильно говоритъ въ женщинѣ, какъ и въ мужчинѣ.

«Главное достоинство американской женщины,—говоритъ далѣе Вуаренъ,— это отсутствіе мелочности. Пустяки ея не смущаютъ, она привыкла не обращать на нихъ вниманія и пріучена обдумывать свое поведеніе и сама отвѣчать за свои поступки. Многихъ поражаетъ, что американскія женщины совершенно не склонны къ сплетнямъ и пересудамъ и семейныя дрязги никогда не поглощаютъ ихъ всецѣло. Американка обладаетъ стойкими взглядами и убѣжденіями; горизонты у нея настолько широки, что ей даже въ голову не придетъ заключить себя въ узкую сферу интересовъ и заботъ, присвоенныхъ ея полу. Американка считаетъ себя равнымъ мужчинѣ и держитъ себя соотвѣтствующимъ образомъ, но на свою равноправность она вовсе не смотритъ какъ на особую привиллегію, полученную съ согласія мужчины, а считаетъ ее вполнѣ законнымъ и естественнымъ результатомъ полученнаго ею образованія и достигнутой ею независимости».

Вуаренъ, какъ видимъ изъ его книги, горячій сторонникъ совмѣстнаго воспитанія и видитъ въ немъ залогъ будущихъ успѣховъ и прогресса. Къ сожалѣнію, въ Европѣ иначе смотрятъ на это дѣло и даже удачный опытъ Америки не поколебалъ предвзятыхъ убѣжденій европейскихъ государствъ. Только въ нѣкоторыхъ европейскихъ университетахъ допускается совмѣстное обученіе, да и то лишь потому, что спеціально женскихъ университетовъ въ Европѣ не существуетъ. Во всякомъ случаѣ, примѣръ Америки указываетъ намъ довольно ясно, что система женскаго воспитанія, принятая тамъ, способствуетъ развитію гражданскихъ чувствъ и гражданской самостоятельности въ женщинѣ и что совмѣстное воспитаніе не только не понижаетъ, но даже повышаетъ уровень нравственности въ народѣ.

На воздушномъ шарѣ къ сѣверному полюсу. Европейскій ученый міръ въ высшей степени заинтересованъ оригинальнымъ и смѣлымъ предпріятіемъ одного молодого шведскаго инженера воздухоплавателя, собирающагося отправиться къ сѣверному полюсу не обычнымъ способомъ, на кораблѣ и въ саняхъ, какъ его знаменитые, но большею частью несчастные предшественники, а на воздушномъ шарѣ. На международномъ географическомъ конгрессѣ въ Лондонѣ, въ прошломъ году, Андрё изложилъ свой проектъ, но большинство членовъ нашло этотъ проектъ не только черезчуръ смѣлымъ, но даже почти безумнымъ и поэтому молодой воздухоплаватель не встрѣтилъ ожидаемаго сочувствія и поддержки. Однако, молодой инженеръ не оставилъ своего проекта и нашелъ людей, не только оказавшихъ матеріальную поддержку, но и горячо поддержавшихъ его. Даже шведскій король, заинтересованный смѣлымъ замысломъ воздухоплавателя, оказался на сторонѣ сочувствующихъ его проекту, и предоставилъ въ его распоряженіе 40.000 франковъ. Такимъ образомъ, Андрё твердо рѣшилъ довести до конца свое предпріятіе и только слухъ, появившійся въ газетахъ о томъ, что Нансенъ уже достигъ сѣвернаго полюса, заставилъ-было Андрё поколебаться и онъ заявилъ, что если этотъ слухъ окажется справедливымъ, то онъ направитъ свой воздушный шаръ не къ сѣверному полюсу, а къ южно-

му, еще менѣе доступному и менѣе извѣстному. Слухъ о Нансенѣ оказался невѣрнымъ и поэтому Андрё не считаетъ нужнымъ измѣнять свой маршрутъ и какъ онъ самъ выражается, — «откладываетъ» свой полетъ къ южному полюсу. Сѣверныя полярныя страны уже гораздо болѣе изслѣдованы и разстояніе, отдѣляющее полюсъ отъ жилыхъ мѣстъ, меньше, чѣмъ то, которое отдѣляетъ южный полюсъ, поэтому полетъ на воздушномъ шарѣ къ южному полюсу былъ бы еще болѣе рискованнымъ предпріятіемъ. Но если молодому энергичному ученому удастся довести до конца свое смѣлое предпріятіе, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ предприметъ еще болѣе опасное путешествіе къ южному полюсу. Очевидно, молодой ученый принадлежитъ къ числу людей, не отступающихъ передъ опасностью и готовыхъ жертвовать жизнью ради прогресса науки.

Идея Андрё, однако, не такъ нова, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, два французскихъ ученыхъ, Безансонъ, воздухоплаватель, и Эрнестъ — астрономъ, составили такой же проектъ, какъ и Андрё, но проектъ этотъ никогда не былъ приведенъ въ исполненіе, вслѣдствіе того, что возбудилъ очень рѣзкую критику со стороны спеціалистовъ. Очевидно, время еще не назрѣло тогда для осуществленія такой смѣлой идеи, такъ какъ не нашлось въ обществѣ ни одного сочувствующаго ей человѣка. Еще раньше этого комендантъ Бекки, служившій въ англійскомъ флотѣ, и нѣсколько разъ участвовавшій въ полярныхъ экспедиціяхъ, возбудилъ вопросъ о такомъ путешествіи и даже открылъ подписку для этого, но она успѣха не имѣла.

Теперь дѣло стоитъ совершенно иначе. Несмотря на то, что географическій конгрессъ высказался противъ этого проекта, общество отнеслось къ нему сочувственно и подписка шла очень успѣшно. Правительства тѣхъ странъ, которыя граничатъ съ полярною областью, разослали всюду инструкціи, снабженныя рисунками, изображающими воздушный шаръ и людей, бѣгущихъ къ нему на встрѣчу, съ цѣлью ознакомить населеніе заранѣе съ воздушнымъ экипажемъ Андре, затѣмъ, чтобы народъ не испугался, увидавъ что-то необычайное надъ землей, и оказалъ бы помощь воздухоплавателямъ, если они будутъ въ ней нуждаться.

Воздушный шаръ Андре сооружается въ Парижѣ по плану самаго воздухоплавателя. Разумѣется, шаръ этотъ снабженъ всѣми возможными приспособленіями, особымъ канатомъ— «guide rope», который даетъ возможность до нѣкоторой степени управлять шаромъ. Канатъ этотъ стальной и, смотря по обстоятельствамъ, можетъ тащиться по льду или углубляться въ воду, служа такимъ образомъ точкою опоры для шара и давая возможность дѣйствовать его парусамъ. При помощи этихъ парусовъ и каната можно будетъ управлять шаромъ подъ угломъ 60° — по крайней мѣрѣ, опыты, произведенные Андре, даютъ полное право на это разсчитывать. Лодка воздушнаго шара устроена по самому усовершенствованному способу и можетъ служить довольно удобнымъ помѣщеніемъ для двухъ человѣкъ, вмѣщая въ себѣ, въ то же время, все необходимое для путешественниковъ при такихъ исключительныхъ условіяхъ, а также инструменты для научныхъ наблюденій. Въ случаѣ нужды, эта же лодка можетъ служить и для плаванія, такъ какъ она непроницаема для воды.

Андре разсчитываетъ, что путешествіе его продлится мѣсяцъ или около этого. Конечно, весь цивилизованный міръ заинтересованъ въ настоящее время въ успѣхѣ его пред-

пріятія. Въ полярныхъ льдахъ теперь находятся пять экспедицій, судьба которыхъ пока еще неизвѣстна. Возвращенія этихъ экспедицій ожидаютъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ и участь героевъ, участвующихъ въ нихъ, естественно возбуждаетъ тревогу. Уже болѣе 130 экспедицій было отправлено къ сѣверному полюсу съ тѣхъ поръ, какъ люди почувствовали стремленіе проникнуть его тайну, но тайна эта все еще остается непроницаемой, хотя мало-по-малу, цѣною ужасныхъ жертвъ и страданій, люди продолжаютъ прокладывать путь къ сѣверному полюсу и теперь не болѣе 740 километровъ отдѣляютъ полюсъ отъ пунктовъ, достигнутыхъ послѣдними полярными путешественниками. Удастся ли Андре преодолѣть всѣ препятствія и, пройдя это разстояніе, осуществить свою завѣтную мечту? Многіе считаютъ его проектъ простою химерой и, напримѣръ, извѣстный астрономъ Фай (Faye) хотя и допускаетъ, что Андре можетъ достигнуть полюса на своемъ воздушномъ шарѣ, но предсказываетъ, что, достигнувъ полюса, онъ не въ состояніи будетъ вернуться. Надъ полюсомъ царитъ абсолютная тишина, всякое движеніе воздуха отсутствуетъ и воздушный шаръ, занесенный туда воздушными теченіями, останется недвижимъ среди мрачной безжизненной пустыни.

Однако, извѣстный французскій воздухоплаватель Фонвіелль такъ вѣритъ въ успѣхъ предпріятія, что даже предложилъ Андре сопровождать его. Во всякомъ случаѣ, XIX столѣтіе будетъ имѣть право, вѣроятно, прибавить къ списку своихъ успѣховъ еще и эту побѣду, одержанную надъ полярною природой.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Revue scientifique».

Многіе въ Европѣ полагаютъ, что жестокое пораженіе, испытанное Китаемъ въ борьбѣ съ Японіей, вызоветъ въ Китаѣ прогрессивное движеніе и вынудитъ его отказаться отъ своей ненависти къ европейской цивилизаціи и нововведеніямъ. Но Леопольдъ де-Соссюръ, въ своей статьѣ въ «Revue scientifique», обнаруживающей весьма основательное знакомство автора съ Китаемъ, разрушаетъ эти оптимистическія предвидѣнія. Прежде всего онъ указываетъ на то, что несчастья Китая только усилили въ его населеніи чувство ненависти ко всякимъ нововведеніямъ, нарушавшимъ покой государства съ той самой поры, какъ въ него вступили европейцы. Поэтому тотчасъ же послѣ войны въ Пекинѣ обнаружилось сильнѣйшее раздраженіе противъ иностранцевъ, безъ различія національности. Китайцы обвинили иностранцевъ во всѣхъ своихъ бѣдахъ, которыя обрушились на страну какъ разъ послѣ того, какъ иностранцы стали вмѣшиватья въ ея дѣла. Безъ сомнѣнія, руководящіе классы признаютъ уже теперь необходимость усовершенствовать вооруженіе китайскаго войска и сформировать его на европейскій образецъ, но эта уступка требованіямъ времени, говоритъ Соссюръ, вовсе не дѣлаетъ необходимымъ измѣненіе основныхъ идей китайской цивилизаціи. Главную характерную черту этой цивилизаціи представляетъ ея однородность, такъ какъ она развивалась внѣ всякаго внѣшняго вліянія. Китайская раса, самая многочисленная на свѣтѣ и обладающая наиболѣе рѣзко выраженными чертами,

всегда имѣла первенствующее вліяніе, хотя манчжурскія, татарскія и монгольскія семьи захватывая власть въ свои руки, вызывали кое-какія измѣненія внѣшнихъ формъ, но эти измѣненія имѣли второстепенное значеніе, такъ какъ психическое вліяніе китайской расы было настолько велико, что сами узурпаторы тонули въ ней и, теряя свою индивидуальность, забывали даже свой родной языкъ. Очень естественно, что китайская раса, окруженная со всѣхъ сторонъ народами, стоявшими на гораздо болѣе низкой ступени развитія и цивилизаціи, возъимѣла о себѣ высокое мнѣніе и въ самыя отдаленныя времена считала уже себя высшею породой, образующей ядро міра. И дѣйствительно, въ Китаѣ мы видимъ замѣчательную соціальную организацію и интеллектуальную культуру въ то время, какъ всѣ окружающія его страны находятся еще въ состояніи самаго дикаго и глубокаго варварства. Эти варвары, порабощенные Китаемъ, никогда, однако, не могли сравняться съ нимъ и, какова бы ни была ихъ ненависть къ Китаю, они все-таки вынуждены были преклониться передъ его цивилизаціей и признать столицу Китая столицею міра.

Главнымъ агентомъ, подчинившимъ китайской цивилизаціи такое множество народовъ, говорившихъ, однако, другимъ языкомъ, была удивительная китайская письменность, имѣвшая такое громадное вліяніе на весь крайній востокъ. Нѣчто подобное произошло въ Европѣ съ латинскимъ языкомъ, который былъ также носителемъ цивилизаціи и даже послѣ того какъ укрѣпились окончательно національные языки, болѣе или менѣе измѣненныя латинскимъ вліяніемъ, латинскій языкъ все-таки оставался письменнымъ языкомъ, восполняя недостаточность другихъ языковъ въ абстрактной области права, въ поэзіи и въ наукѣ. То же самое мы видимъ на крайнемъ востокѣ, гдѣ подвластные Китаю племена сохранили свои національныя нарѣчія, но для письма употребляютъ все-таки китайскій языкъ. Но на этомъ кончается аналогія, существующая между исторіей двухъ языковъ, имѣвшихъ цивилизующее вліяніе. Роль латинскаго языка уже кончена, китайскій же языкъ до сихъ поръ продолжаетъ властвовать надъ всѣми другими языками крайняго востока и японцы, корейцы, аннамиты и др. народы употребляютъ его для письма, такъ какъ у нихъ нѣтъ такой формы письменнаго языка, которая могла бы вытѣснить китайскій. Въ европейскихъ нарѣчіяхъ разница между языкомъ, на которомъ говорятъ и который служитъ для письма, совершенно не ощутительна, и поэтому, изъ разговорнаго языка могъ очень скоро возникнуть письменный языкъ. У китайцевъ это не такъ; письменный и разговорный языкъ совершенно отличаются другъ отъ друга и этимъ объясняется то обстоятельство, что письменный китайскій языкъ совершенно не вліялъ на національныя нарѣчія подвластныхъ Китаю народовъ и, служа для выраженія абстрактныхъ и возвышенныхъ мыслей, не допустилъ языкъ этихъ народовъ развиться и подняться надъ уровнемъ просторѣчія, такъ что и теперь, какъ и въ прошлыя времена нѣтъ ни корейскаго, ни аннамскаго, ни японскаго письменнаго языка.

Въ оффиціальныхъ отношеніяхъ Китая этотъ догматъ китайскаго превосходства выражается всего рельефнѣе. Китайское правительство долго не могло допустить, чтобы иностранные государи считали себя равными сыну Неба и имѣли своихъ представителей при пекинскомъ дворѣ для непосредственныхъ сношеній. Только спустя 15 лѣтъ послѣ того, какъ въ трактатъ 1860 года была включена

спеціальная статья, отмѣняющая слово «варваръ», употреблявшееся въ оффиціальныхъ китайскихъ актахъ для обозначенія европейцевъ, китайскій императоръ рѣшился дать аудіенцію иностраннымъ посламъ. Любопытнѣе всего, что къ каждому изъ пословъ было приставлено двое высшихъ придворныхъ сановниковъ, которые должны были поддерживать пословъ, такъ какъ, по мнѣнію китайцевъ, имъ непремѣнно должно было сдѣлаться дурно отъ волненія, когда они увидятъ передъ собою императора.

«Китайцы,—говоритъ Соссюръ, все-таки въ глубинѣ души считаютъ насъ варварами. Ошибочно думать, что проявленія нашей цивилизаціи производятъ на нихъ какое-нибудь впечатлѣніе и могутъ заставить ихъ признать наше превосходство. Значеніе нашей цивилизаціи совершенно отъ нихъ ускользаетъ; насъ отдѣляетъ отъ нихъ слишкомъ большое разстояніе и они не въ состояніи оцѣнить размѣры европейскаго прогресса, тѣмъ болѣе, что сознаніе собственнаго превосходства культивировалось у нихъ въ теченіе многихъ и многихъ вѣковъ».

Извлеченіе изъ отчета секретаря и казначея Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ за январь-апрѣль 1896 г.

I. Съ 1 января по 25 апрѣля Комитетъ Общества имѣлъ 7 засѣданій.

На этихъ засѣданіяхъ разсмотрѣно было 81 ходатайство 74 лицъ, о различнаго рода *денежныхъ* пособіяхъ. Изъ этого числа было удовлетворено, вполнѣ или отчасти, 52 ходатайства 50 лицъ (двумъ литераторамъ пособія были назначены 2 раза въ теченіе отчетнаго періода); въ 29 случаяхъ (по ходатайствамъ 24 лицъ) Комитетъ не нашелъ возможнымъ назначить просимыхъ пособій.

Всего въ теченіе отчетнаго періода *денежныхъ пособій* назначено было Комитетомъ на общую сумму 4.315 рублей. По родамъ и по размѣрамъ выдачъ онѣ распадались такъ:

1) *Единовременныхъ пособій* назначено, въ 24 случаяхъ, 23 лицамъ, на сумму 1.150 руб., а именно: 4 лицамъ по 100 руб., 1—75 руб., въ 7 случаяхъ, 6 лицамъ по 50 руб., 1 лицу—40 руб., 1—35 руб., 1—30 руб., 8 лицамъ по 25 руб. и 1—20 руб.

2) *Продолжительныя пособія* назначены 7 лицамъ, общею суммою на 1.440 руб., а именно: на 2 года сестрѣ покойнаго писателя, въ размѣрѣ по 180 руб. въ годъ; на 1 годъ одному писателю и одной писательницѣ по 300 руб., одной писательницѣ и сестрѣ покойнаго писателя по 180 руб., дочери покойнаго писателя 60 руб., на 4 мѣсяца, дочери покойнаго писателя—60 рублей.

3) *Безсрочныхъ ссудъ* назначено 10, на общую сумму 1.000 руб., а именно: 1 лицу въ 300 руб., 1—въ 200 руб., 2—по 100 руб. (одна изъ этихъ ссудъ не была выдапа за кончиною просителя) и 6 лицамъ по 50 рублей.

4) *Срочныхъ ссудъ* назначено 2, по 200 руб. (изъ нихъ одна срокомъ на 10 мѣсяцевъ выдана вновь, въ другомъ случаѣ ранѣе выданная ссуда отсрочена на 1 годъ).

5) *Пособія на уплату за обученіе* назначены въ 4 случаяхъ на сумму 150 руб., именно за 2 сыновей покойнаго писателя въ одну изъ петербургскихъ гимназій внесено, за учебное полугодіе 60 руб., за дочь одного писателя на педагогическіе курсы—50 руб., за одного начинающаго писателя въ С.-Петербургскій университетъ (доплата) 20 руб. и за сына одного писателя въ провинціальную гимназію 20 руб. Сверхъ того, постановлено въ будущемъ учебномъ году внести плату за дочь покойнаго писателя на С.-Петербургскіе высшіе женскіе курсы.

6) *Выдачи на погребеніе* назначены въ 4 случаяхъ: въ 3 по 50 руб. и въ 1 случаѣ 25 руб. (въ дополненіе къ пособію, выданному изъ фонда Императора Николая II). Всего на сумму 175 руб.

Неденежныя пособія, оказанныя за отчетный періодъ заключались въ слѣдующемъ: 1) жена одного писателя, по ходатайству Комитета, помѣщена безплатно въ психіатрическую лечебницу; 2) по просьбѣ одного писателя Комитетъ вступилъ въ посредническія сношенія съ редакціею журнала, въ который была представлена для напечатанія рукопись этого

писателя (сношенія еще продолжаются), и 3) по просьбѣ одной писательницы Комитетъ пріискивалъ для нея занятія.

Для *увеличенія средствъ* Общества, Комитетомъ а) устроенъ былъ 4 февраля спектакль въ пользу Общества и б) приступлено къ новому изданію 3-й книги разсказовъ В. М. Гаршина и стихотвореній С. Я. Надсона.

II. Съ 1-го января по 25-е апрѣля поступило:

Въ капиталъ неприкосновенный и въ именные. .	2.090	р.	50	к.
Въ капиталъ расходный:				
1) Годовыхъ членскихъ взносовъ.	440	»	—	»
2) Пожертвованій	395	»	—	»
3) Отъ предпріятій Общества (чистая прибыль отъ вечеровъ 30 дек. и 4 февраля)	976	»	20	»
4) Въ возвратъ безсрочныхъ ссудъ	500	»	—	»
5) Пособіе отъ Мин. Нар. Просвѣщенія	1.000	»	—	»
6) Процентовъ съ капиталовъ и по срочнымъ ссудамъ	4.759	»	$56^1/_2$	»
7) Разныхъ	26	»	50	»
8) Оборотныхъ	315	»	—	»
Всего же въ расходный капиталъ поступило . .	8.412	р.	$26^1/_2$	к.
Израсходовано:				
1) На пенсіи	1.702	»	—	»
2) На продолжительныя пособія	950	»	—	»
3) Стипендіи	245	»	—	»
4) Обученіе и воспитаніе	775	»	50	»
5) Пособія единовременныя	1.425	»	—	»
6) Ссуды безсрочныя	650	»	—	»
7) Выдачи по духовному завѣщанію Г. З. Елисѣева.	400	»	—	»
8) Расходы общіе, почтовые, страхованія, храненія и проч.	204	»	73	»
9) Разные: расходы писателя и писательницы въ домѣ душевныхъ больныхъ и похороны писателей	340	»	—	»
10) Оборотные	199	»	25	»
Всего израсходовано .	6.891	р.	48	к.

Въ расходномъ капиталѣ на 1 января былъ перерасходъ въ 1.702 руб. $14^1/_2$ коп., по 25 апрѣля въ капиталъ этотъ поступило 8.412 руб. $26^1/_2$ коп., выдано же изъ него 6.891 руб. 48 к.; перерасходъ къ 25 апрѣля составляетъ такимъ образомъ 181 руб. 36 коп.

Въ срочныя ссуды было выдано 200 руб., получено же въ возвратъ срочныхъ ссудъ 1.550 руб., остатокъ ссуднаго капитала составляетъ 1.350 рублей. На счетъ переходящихъ суммъ поступило 6.467 р. 80 коп., выдано съ этого счета 1.320 руб. и считается на немъ 8.203 руб. 65 коп.

За симъ совокупность средствъ Общества съ долгами по ссудамъ и съ суммами переходящими составляла на 25-е апрѣля *333.151* руб. $83^1/_4$ коп.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

виды, близкіе къ современнымъ, обладали тѣми же нравами и жили въ тѣхъ же климатахъ. Современные виды во всѣ времена были такими же, какими видимъ ихъ нынѣ. Когда развивается отдѣльный организмъ, его измѣненія и метаморфозы—только кажущіяся: просто дѣлаются замѣтными тѣ части, которыя болѣе или менѣе долго оставались скрытыми, но содержались еще въ зародышѣ. Нервная система, хранитель основной формы каждаго типа, управляетъ ростомъ и порядкомъ появленія отдѣльныхъ частей, и при своемъ развитіи онѣ точно слѣдуютъ путемъ, намѣченнымъ отъ вѣчности. Различные органическіе типы сводятся къ четыремъ формамъ нервной системы. Итакъ, если виды не подлежатъ измѣненіямъ, можно ли удивляться, что между ними не существуетъ никакихъ переходовъ, что указанные четыре типа вполнѣ отдѣлены одинъ отъ другого?

Насколько все это не похоже на идеи Жоффруа! Для того на земномъ шарѣ совершается медленное развитіе, исключающее внезапные перевороты. По мѣрѣ того, какъ мѣняются климаты и внѣшнія условія, постепенно перерождаются виды. Въ теченіе всей жизни, индивидуумъ постоянно подвергается измѣненіямъ. Въ яйцѣ части его образуются постепенно; однѣ производятся другими, подобно тому, какъ на деревѣ каждая вѣтка производится тою, которая несетъ ее. Обстоятельства, среди которыхъ совершается это развитіе, могутъ вліять на него, могутъ вызывать появленіе новыхъ формъ или уродливостей, и всѣ эти формы связаны между собою, какъ связаны состоянія, послѣдовательно переживаемыя каждымъ животнымъ.

Для Кювье всякое животное—удивительное произведеніе воли, произведеніе, которое было выполнено, какъ только явилась мысль о немъ. Для Жоффруа это—результатъ, это—послѣднее слѣдствіе длиннаго ряда явленій, тѣсно связанныхъ между собою. Невозможно, чтобы двѣ доктрины, столь противоположныя, не пришли, наконецъ, въ столкновеніе. Дѣло кончилось торжественнымъ споромъ, который произошолъ въ 1830 г., въ нѣдрахъ Академіи Наукъ.

Глава XI.

Споръ между Кювье и Жоффруа Сентъ-Илеромъ.

Попытка распространить на моллюсокъ теорію единства плана строенія.—Возраженіе Кювье; что надо разумѣть подъ единствомъ плана.—Соотношенія, выясненныя эмбріологіей и эпигенезисомъ. — Кювье становится сторонникомъ гипотезы о предсуществованіи зародыша.—Фонъ-Бэръ и четыре типа развитія.—Школа идей и школа фактовъ.—Обоюдное вліяніе Жоффруа Сентъ-Илера, Кювье и Ламарка.

15-го февраля 1830 года, Жоффруа Сентъ-Илеръ прочелъ отъ своего имени и отъ имени Латрейля сообщеніе о работахъ двухъ

молодыхъ натуралистовъ, Лорансе и Мейрана, которые старались показать, что организація головоногихъ моллюсокъ можетъ быть приведена къ тому же типу, какъ и организація позвоночныхъ. Въ 1823 году одинъ изъ авторовъ доклада Лятрейль занимался этимъ вопросомъ; онъ отмѣтилъ нѣсколько категорій сходства между кальмаромъ и рыбами, Блэнвилль также пытался сдѣлать нѣсколько подобныхъ сравненій. Лорансе и Мейранъ пошли нѣсколько дальше въ разработкѣ этого вопроса и старались найти такія же соотношенія между различными органами головоногихъ, какія наблюдаются между органами позвоночныхъ. Для этого имъ пришлось прибѣгнуть къ очень остроумному измышленію. Они сдѣлали предположеніе, что позвоночное сложилось пополамъ на высотѣ пупка, такимъ образомъ, что брюшная сторона стала наружной, а двѣ половины спинной части срослись между собою. Тогда, замѣчали они, два конца пищеварительнаго канала будутъ находиться въ сосѣдствѣ; часть тѣла, соотвѣтствующая тазу, приблизится къ затылку; всѣ конечности будутъ собраны на одномъ концѣ тѣла; животное, ходящее на нихъ, «представляетъ совершенное подобіе акробатовъ, которые закидываютъ голову и плечи назадъ, чтобы идти на головѣ и на рукахъ». Согнутый въ дугу кишечникъ головоногихъ, существованіе у нихъ позади шеи хрящеватыхъ пластинокъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что называется у этихъ животныхъ воронкой, присутствіе вокругъ головы восьми или десяти рукъ, на которыхъ передвигается животное—все это признаки, которые отнынѣ объясняются довольно естественнымъ путемъ и неожиданно приближаютъ высшихъ моллюсокъ къ позвоночнымъ. Челюсти каракатицъ, ихъ большіе сложно организованные глаза еще болѣе усиливаютъ эту аналогію. Какимъ бы необыкновеннымъ ни казалось объясненіе Лорансе и Мейрана, оно не могло слишкомъ поразить натуралистовъ, такъ какъ многіе ученые, даже изъ числа наиболѣе точныхъ послѣдователей школы Кювье, для того, чтобы привести къ одному типу существа, имѣющія только отдаленное сходство, не разъ прибѣгали еще къ болѣе рискованнымъ предположеніямъ, чѣмъ допущеніе простого перегиба; да и въ зародышевомъ развитіи животныхъ на самомъ дѣлѣ наблюдаются почти столь же странныя явленія. Академія приняла бы, быть можетъ, безъ возраженій упомянутый выше докладъ, если бы Жоффруа Сентъ-Илеръ, настаивая на томъ, что работы Лорансе и Мейрана, повидимому, являются подтвержденіемъ его собственныхъ идей, не процитировалъ въ своемъ трудѣ одного отрывка Кювье. Тамъ этотъ послѣдній, перечисливъ всѣ признаки, которыми головоногія отличаются отъ рыбъ, кончалъ слѣдующими словами: «Однимъ сло-

вомъ, что бы ни говорилъ Бонне и его послѣдователи, мы видимъ здѣсь, что природа, переходя отъ одного плана къ другому, дѣлаетъ скачекъ, оставляетъ очевидный пробѣлъ между своими произведеніями. Головоногія не составляютъ перехода ни къ какой другой группѣ; они не являются результатомъ развитія какого-либо животнаго и въ ихъ собственномъ развитіи они не даютъ ничего высшаго». Кювье показалось, что заключеніе доклада его собрата по академіи было возраженіемъ противъ его произведеній. Уже давно противоположность ученій двухъ знаменитыхъ натуралистовъ проявлялась болѣе или менѣе ясно во многихъ случаяхъ. Не разъ Кювье, въ своихъ отчетахъ о трудахъ академіи, довольно рѣзко критиковалъ воззрѣнія своего прежняго друга, такъ что уже въ 1820 году Жоффруа свою замѣтку о суставчатыхъ животныхъ кончаетъ слѣдующими трогательными словами, продиктованными ему скорбнымъ чувствомъ, которое причиняла ему оцѣнка его трудовъ непремѣннымъ секретаремъ Академіи Наукъ.

«Вполнѣ понятно, что я говорю объ этихъ фактахъ не для лицъ, достигшихъ зрѣлаго возраста. Тѣ, кто искушенъ долгимъ опытомъ, гарантированы отъ всякаго увлеченія. Я обращаюсь къ молодежи, естественно жадной до новизны. Мое честное имя въ наукѣ, моя любовь къ истинѣ, тревоги, которыя не утихли во мнѣ еще и сейчасъ, заставляютъ меня предостеречь эту интересующуюся молодежь отъ результатовъ, къ которымъ пришелъ я самъ. Я не могу дать ей лучшаго выраженія моего вниманія къ ней, какъ заявивъ, что мотивомъ моего предостереженія противъ того, чтобы она не увлекалась воззрѣніями, которыя покажутся ей въ высшей степени интересными съ философской точки зрѣнія, для меня служитъ полное осужденіе этихъ воззрѣній, выраженное (конечно, нѣсколько рѣзко) главой новѣйшей школы, величайшимъ натуралистомъ нашего времени».

Наступилъ моментъ, когда оба противника должны были прекратить стычки и перейти къ правильной борьбѣ. Кювье отвѣтилъ на докладъ Жоффруа Сентъ-Илера, возражая прямо противъ ученія о единствѣ плана строенія и стараясь показать, что единства этого не существуетъ.

«Въ каждомъ научномъ спорѣ,—говоритъ онъ,—первое, что нужно сдѣлать, это опредѣлить точно выраженія, которыя употребляются. Начнемъ съ соглашенія по поводу этихъ важныхъ словъ *единство строенія* и *единство плана.*

«Выраженіемъ *строеніе*, *устройство* вещи обозначаютъ, по крайней мѣрѣ, въ обыденной рѣчи, части, изъ которыхъ эта вещь состоитъ, изъ которыхъ она построена, а слово планъ означаетъ расположеніе этихъ частей. *

«Итакъ, пользуясь примѣромъ изъ обыденной жизни, хорошо передающимъ мою мысль, я скажу, что число комнатъ и квартиръ, находящихся въ домѣ—это *устройство* дома, а взаимное распредѣленіе этихъ квартиръ и комнатъ—это *планъ* его».

«Если бы изъ двухъ домовъ каждый состоялъ изъ сѣней, передней, спальни, гостиной, то можно было бы сказать, что устройство ихъ одинаково; но если бы соотвѣтственныя комнаты находились въ одномъ этажѣ, были расположены въ одномъ порядкѣ, если бы ходы изъ одной комнаты въ другую тамъ и здѣсь были одинаковы, можно было бы также говорить и о сходствѣ плана.

«Но что же такое *единство плана* и въ особенности *единство строенія*, которые отнынѣ должны служить новымъ основаніемъ зоологіи?

«Выраженіе единство, очевидно, не можетъ быть употреблено въ обыкновенномъ смыслѣ, въ смыслѣ *идентичности*; потому что полипъ и даже китъ или ужъ не обладаютъ всѣми органами, свойственными человѣку, и сходственно расположенными. Выраженія единство плана, единство строенія въ устахъ тѣхъ, кто употребляетъ ихъ, означаютъ только *сходство*, *аналогію*. Но тогда эти необыкновенныя понятія, разъ опредѣленныя такимъ образомъ, разъ вышедшія на свѣтъ изъ того таинственнаго облака, которымъ окружила ихъ неясность смысла или невѣрное истолкованіе, придаваемое имъ, выраженія эти теряютъ значеніе основъ, неизвѣстныхъ всѣмъ болѣе или менѣе свѣдущимъ людямъ, занимавшимся до сего времени зоологіей. Наоборотъ, тѣ же понятія, заключенныя въ надлежащихъ предѣлахъ, являются однимъ изъ существеннѣйшихъ основаній, на которыхъ покоится эта наука и которыя были установлены еще ея творцомъ—Аристотелемъ».

Такимъ образомъ, для Кювье не только не существуетъ единства плана строенія, но даже самое ученіе Жоффруа Сентъ-Илера, его методъ не имѣютъ ничего новаго и ихъ должно отнести ко временамъ отца философіи. Изъ этихъ предположеній одно неоспоримо, другое, очевидно, несправедливо. Несомнѣнно единство плана строенія не могло быть прослѣжено на всемъ протяженіи животнаго царства въ томъ точномъ смыслѣ, какой придавалъ ему его защитникъ. Утвержденіе этого единства, высказанное слишкомъ преждевременно Жоффруа Сентъ-Илеромъ, составило порядочный балластъ для его аргументаціи. Все же нельзя отрицать, что авторъ *Философіи анатоміи* замѣчаетъ между животными, обыкновенно разсматриваемыми, какъ близкія другъ къ другу, нѣсколько иныя черты сходства, чѣмъ тѣ, на которыхъ останавливались до

него. Сходство заключается не только въ небольшомъ числѣ общихъ признаковъ; надо находить его и въ деталяхъ, необходимо прослѣдить ростъ частей тѣла, ихъ сокращеніе, сращеніе, ихъ различныя превращенія, надо сравнивать между собой органы не только въ періодъ ихъ зрѣлости, но и во всѣ періоды жизни животнаго. Для того, чтобы достигнуть этого, Жоффруа Сентъ-Илеръ предлагаетъ методъ—*методъ аналоговъ*, правила котораго не были формулированы никѣмъ раньше. Этотъ методъ, какъ вполнѣ правильно было замѣчено, совершенно независимъ отъ ученія о единствѣ плана строенія; существуетъ ли единственный планъ организаціи, или ихъ существуетъ нѣсколько, методъ этотъ одинаково приложимъ ко всѣмъ животнымъ, построеннымъ по одному плану, вслѣдствіе чего онъ пріобрѣлъ значеніе столь цѣнной путеводной нити, что послѣдователи Кювье не замедлили воспользоваться имъ, какъ обычнымъ пособіемъ въ своихъ открытіяхъ. Этотъ методъ единственно можетъ помочь намъ узнать, сколько плановъ организацій существуетъ на самомъ дѣлѣ въ природѣ, онъ примѣнимъ не только при выясненіи общихъ соотношеній, но даже и при эмбріологическихъ сравненіяхъ, всей важности которыхъ Кювье, какъ сторонникъ ученія о предсуществованіи зародыша, не могъ оцѣнить. Именно эмбріологія и позволила Жоффруа распространить понятіе о планѣ строенія шире, чѣмъ это сдѣлалъ Кювье, не выходя, тѣмъ не менѣе, изъ рамокъ той точности, которую придалъ этому понятію этотъ послѣдній ученый.

Жоффруа дѣйствительно освѣщаетъ и доказываетъ принципъ соотношеній посредствомъ другого принципа, быть можетъ, болѣе важнаго и болѣе общаго, на которомъ онъ до нѣкоторой степени основываетъ сравнительную эмбріологію. «*Всѣ органы животнаго*,—говоритъ онъ,—*развиваются одни за другими въ постоянномъ и опредѣленномъ порядкѣ*». Изъ этого слѣдуетъ, что у взрослаго животнаго органы необходимо должны находиться въ тѣхъ же самыхъ соотношеніяхъ, въ какихъ они возникали.

Но, по мнѣнію Жоффруа, это развитіе совершается, какъ мы уже видѣли, подъ двойнымъ вліяніемъ нервной системы и аппарата кровообращенія, дѣйствіе которыхъ можетъ быть неодинаково во всѣхъ точкахъ организма. Внѣшнія условія, въ которыхъ совершается развитіе, часто оказываютъ свое вліяніе и мѣшаютъ результатамъ дѣйствія этихъ двухъ факторовъ. Такимъ образомъ можетъ произойти, что нѣкоторые изъ органовъ останутся въ состояніи почки; другіе, только-что показавшись, атрофируются и исчезнутъ, третьи, наконецъ, вовсе не появятся,

между тѣмъ какъ сосѣдніе съ ними органы могутъ пріобрѣсть относительно преувеличенный ростъ. Результатомъ этого будутъ перемѣщенія, сращенія и раздѣленія различныхъ органовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ видимыя отклоненія отъ общаго плана, который можетъ казаться даже совершенно измѣненнымъ. Но планъ этотъ всегда легко возстановить, примѣняя принципъ соотношеній, не только при сравненіи взрослыхъ животныхъ, но и ихъ зародышей на различныхъ степеняхъ развитія. Другими словами, по мнѣнію Жоффруа, выражающаго эту мысль очень точно, слѣдуетъ искать единства плана не столько въ окончательномъ результатѣ развитія животныхъ, сколько въ томъ, какимъ образомъ совершается это развитіе. Этимъ своимъ положеніемъ Жоффруа, большей частью, удачно отражаетъ аргументацію Кювье и пріобрѣтаетъ право прилагать свою теорію къ существамъ, какъ съ самой простой, такъ и въ высшей степени сложной организацей. Первые изъ нихъ суть организмы, развитіе которыхъ осталось въ большей или меньшей мѣрѣ неполнымъ. Выражаясь очень удачно, Жоффруа говоритъ *): «Моллюски слишкомъ высоко поставлены на зоологической лѣстницѣ, но если мы будемъ считать ихъ зародышами, стоящими еще низко въ своемъ развитіи, если это только существа, у которыхъ гораздо меньшее число органовъ призваны къ дѣятельности, отсюда совсѣмъ не слѣдуетъ, что органы моллюсокъ лишены необходимыхъ взаимоотношеній для того, чтобы получить возможность дальнѣйшаго развитія».

Органъ A не будетъ уже въ обычномъ отношеніи съ органомъ C, если B не появился, если остановка въ его развитіи произошла слишкомъ рано и, такъ сказать, предупредила его появленіе. Вотъ какъ случается, что органы имѣютъ различное расположеніе, вотъ какъ является очевидное различіе въ ихъ строеніи. Эта простая фраза показываетъ всю важность, которую должна имѣть для зоологическихъ изслѣдованій въ томъ смыслѣ, какъ понималъ ихъ Жоффруа Сентъ-Илеръ, едва возникшая наука, на которую Кювье дѣлалъ только бѣглые намеки, сравнительная эмбріологія. Она оправдала всѣ надежды, которыя возлагалъ на нее основатель философіи зоологіи, и дала даже больше того. На самомъ дѣлѣ объясненіе явленій, которыя она изучаетъ, по мнѣнію Жоффруа, можетъ имѣть конечную цѣль: возстановленіе того общаго плана, по которому, какъ онъ думаетъ, построены животныя. Измѣненія въ организмѣ получаются или путемъ остановокъ въ развитіи, или въ чрезмѣрномъ развитіи большаго или мень-

---

*) Principes de philosophie zoologique, p. 70. 1830.

шаго числа частей. На самомъ дѣлѣ единство плана, поскольку его наблюдалъ Жоффруа у позвоночныхъ, есть только *результатъ* развитія, и какъ только тотъ же Жоффруа начинаетъ считать это единство самостоятельной цѣлью, къ которой стремится природа, онъ принимаетъ слѣдствіе за причину, совершенно такъ же, какъ Кювье, которому онъ часто дѣлаетъ подобный упрекъ? Но, тѣмъ не менѣе, отнынѣ открывается широкій путь; наблюденіе скоро дастъ возможность узнать истинную точку зрѣнія, позволяющую обнять всѣ возможные факты въ данной области; разгадываніе этого гипотетическаго плана Жоффруа имѣло своимъ послѣдствіемъ то обстоятельство, что признана была необходимость или, по крайней мѣрѣ, важность совершенно новаго сорта наблюденій.

Былъ моментъ, когда наблюденія эти, замѣчательно веденныя въ Россіи фонъ-Бэромъ, казалось, служили подтвержденіемъ взглядамъ Кювье. Фонъ-Бэръ также начинаетъ признавать четыре типа развитія животныхъ, которые указала Кювье анатомія. И между тѣмъ, одно изъ апріорныхъ доказательствъ, на которыя ссылается Кювье, высказываясь противъ единства плана строенія, можетъ также легко повернуться противъ его системы: «Творецъ всѣхъ существъ,—говоритъ онъ *),—въ созданіи ихъ могъ руководиться только однимъ закономъ — необходимостью дать каждому изъ своихъ твореній, которое должно продолжать жизнь, средства для поддержанія существованія. Почему бы онъ не могъ измѣнять свои орудія и матеріалы?» Безъ сомнѣнія, такъ; но почему творецъ всего существующаго остановился на четырехъ планахъ, а не на одномъ? Современная наука начинаетъ уже разбираться въ этомъ вопросѣ; мы сдѣлали попытку показать въ нашемъ произведеніи *Colonies animales*, что это обстоятельство вызвано чѣмъ-то въ родѣ геометрической необходимости, взглядъ же Кювье по поводу того же вопроса долженъ быть значительно измѣненъ. Какъ Жоффруа вывелъ принципъ единства плана строенія изъ изученія, въ сущности, однихъ только позвоночныхъ, такъ и Кювье пришелъ къ мысли о существованіи четырехъ подраздѣленій путемъ изученія животныхъ, сравнительно высокоразвитыхъ. Фонъ - Бэръ поступалъ также; четыре главныхъ типа, изъ которыхъ изъяты были низшія формы, должны были казаться ему совершенно рѣзко и безусловно изолированными другъ отъ друга. Между тѣмъ, не замедлило обнаружиться существованіе многочисленныхъ формъ,

*) Article Nature du Dictionnaire des sciences naturelles.

уклоняющихся отъ главныхъ типовъ; хотя однѣ изъ этихъ формъ могли быть сведены къ тому идеальному типу, куда ихъ пытались отнести, но для другихъ это оказалось невозможнымъ; пришлось признать, что характерныя черты типовъ могутъ исчезать въ низшихъ формахъ; что въ дѣйствительности существуютъ переходныя формы между типами; что животныя, принадлежащія къ одному типу, въ нѣкоторыхъ случаяхъ не имѣютъ ничего общаго, кромѣ сходнаго расположенія однородныхъ частей, впрочемъ совершенно различно устроенныхъ; пришлось признать также, что каждая отдѣльная серія животныхъ можетъ имѣть связь съ простыми формами, которыя не могутъ быть причислены къ опредѣленному типу и за которыми слѣдуютъ существа съ нѣсколько сомнительной природой. Все это—выводы, составляющіе результатъ работъ послѣдующихъ временъ.

Кювье, отстаивая существованіе четырехъ отдѣльныхъ органическихъ типовъ, не былъ на вполнѣ истинномъ пути, хотя и приближался къ истинѣ въ большей степени, нежели Жоффруа Сентъ-Илеръ.

Кромѣ того, разногласіе между двумя академиками было на самомъ дѣлѣ глубже и касалось болѣе важныхъ вопросовъ. «Съ того дня, когда въ 1806 году,—пишетъ авторитетный ученый *),—Жоффруа Сентъ-Илеръ задумалъ доказать единство строенія путемъ своего метода, *соединяя наблюденія съ разсужденіемъ*, съ того дня, какъ онъ далъ *синтезу* мѣсто на ряду съ *анализомъ* и даже ставилъ выше послѣдняго, зерно будущихъ разногласій между нимъ и Кювье было брошено въ наукѣ; какъ молодое растеніе, разъ получившее начало, эти разногласія стали развиваться сами по себѣ. Оба ученые думали еще, что сходятся во взглядахъ, а между тѣмъ разрывъ между ними въ будущемъ становился неизбѣжнымъ и несогласіе хотя глухо, но уже достаточно ясно чувствовалось. Одинъ изъ нихъ былъ новаторомъ, другой необходимо долженъ былъ сдѣлаться его послѣдователемъ или противникомъ. Кювье не могъ быть ни чьимъ послѣдователемъ вообще, а по своему направленію всего менѣе послѣдователемъ Жоффруа Сентъ-Илера. И онъ сдѣлался его противникомъ». Но Кювье не всегда отвергалъ синтезъ, его *Разсужденіе о переворотахъ на земномъ шарѣ*, его введеніе къ *Царству животныхъ* служатъ не опровержимымъ доказательствомъ этого, но мало-по-малу частныя и публичныя столкновенія съ Жоффруа приводятъ его къ тому, что онъ болѣе и болѣе ясно, категорически

*) Vie, travaux et doctrine scientifique d'Etienne Geoffroy Saint-Hilaire. Par Isidore Geoffroy Saint-Hilaire, p. 376.

выражаетъ свое несогласіе съ идеями своего товарища. «Мы,—говоритъ онъ въ 1829 году *)—уже съ давнихъ поръ руководимся воззрѣніемъ, что надо держаться только положительныхъ фактовъ» Позже, онъ рекомендуетъ натуралистамъ, достойнымъ этого имени, держаться фактовъ, ихъ подробностей и не рисковать никогда идти дальше указанія ближайшихъ выводовъ изъ подмѣченныхъ фактовъ. Называть, классифицировать, описывать—таковы должны быть занятія истиннаго натуралиста. Это для Кювье единственное средство избѣжать ошибки; переставъ оспаривать доктрину Жоффруа въ Академіи, онъ хочетъ представить въ цѣломъ рядѣ блестящихъ лекцій въ Collège de France различныя системы, которыми увлекался послѣдовательно человѣческій умъ, и которые, какъ блуждающіе огни, угасли навсегда, бросивъ на минуту обманчивый свѣтъ на поле науки.

Эти лекціи, прочтенныя такимъ человѣкомъ, какъ Кювье, должны были имѣть громаднѣйшія послѣдствія: низводить науку до степени простого собиранія фактовъ, значило сдѣлать ее доступной самымъ скромнымъ умамъ; показывать, какъ геніальнѣйшія идеи разбивались одна за другой о неожиданные подводные камни, значило бросать геній подъ ноги каждому, умѣющему держать въ рукахъ лупу или скальпель; возражать противъ разсужденій въ принципѣ, значило всякаго рода вѣрованія, все таинственное, всѣ догматы ограждать отъ научныхъ изслѣдованій; уничтожать самое дорогое для человѣка право творить идеи значило поощрять всякую бездарность. Конечно, Кювье былъ далекъ отъ этихъ намѣреній; но всякіе поступки неизбѣжно влекутъ за собой тѣ или другія послѣдствія; желалъ ли этого великій человѣкъ, прославившійся своими великолѣпными познавательными способностями, или нѣтъ, но его имя послужило знаменемъ для представителей *школы фактовъ*, ненависть которыхъ къ ученикамъ Жоффруа росла вмѣстѣ съ энтузіазмомъ этихъ послѣднихъ. Самъ Жоффруа не могъ оставаться равнодушнымъ въ этой исторіи. Онъ со всей энергіей возстаетъ противъ намѣренно подчеркиваемой претензіи якобы позитивной школы—названіе это вскорѣ было введено—поддерживать естественную исторію «въ традиціяхъ прошлаго».

---

*) Mémoire sur l'Hectocyle. По странному совпаденію, въ этой работѣ, гдѣ бы должны были имѣть мѣсто только положительные факты, Кювье останавливается на ошибочномъ заключеніи, что гектокотиль, который, какъ нынѣ извѣстно, представляетъ просто ногу осьминога, есть паразитическій червь.

«Нѣкоторые умы,—заканчиваетъ онъ *),—должны убѣждаться во всемъ тѣлесными глазами, они не признаютъ послѣдовательныхъ выводовъ. Они рѣшили пренебрегать идеями и признавать *исключительно* только тѣлесныя формы, одни только факты, которые можно познавать матеріальными средствами и которые поэтому, всегда доступны нашимъ чувствамъ. Для этой школы наука натуралиста должна заключаться въ *наименованіи, зарегистровкѣ* и *описаніи*.

«Эта школа, которая теперь, благодаря стараніямъ нѣкоторыхъ лицъ, взяла верхъ, учитъ, что исторія наукъ со всѣхъ сторонъ даетъ доказательства того, какъ всѣ теоріи, одна за другой, проваливались въ неизмѣримую бездну человѣческихъ заблужденій; исторія эта учитъ, что идеи сами по себѣ ничего не значатъ, что единственно факты противостоятъ всякимъ переворотамъ въ наукѣ и переживаютъ ихъ. Между тѣмъ, вмѣсто того, что бы подвергать насмѣшливой критикѣ идеи, свойственныя человѣчеству въ его младенческомъ возрастѣ, и противуставлять имъ положительныя познанія современнаго общества, которое, надо замѣтить, унаслѣдовало свое просвѣщеніе отъ долгаго ряда вѣковъ путемъ постепеннаго развитія цивилизаціи, не лучше ли было попытаться объяснить эти вполнѣ естественныя и неизбѣжныя перемѣны въ идеяхъ, разсмотрѣть ихъ въ хронологическомъ порядкѣ? А что касается до стремленія признавать достояніемъ науки одни только факты, то я думаю, что и факты переходятъ къ потомству только въ сопровожденіи идей подъ ихъ, такъ сказать, покровительствомъ; онѣ именно опредѣляютъ значеніе фактовъ и, слѣдовательно, въ идеяхъ заключается главный интересъ научныхъ данныхъ. Факты, даже очень искусно обработанные остроумнымъ наблюдателемъ, если они остаются только фактами, по отношенію къ зданію науки не могутъ имѣть никакого иного значенія, какъ только значеніе сырого матеріала, болѣе или менѣе удачно собраннаго близъ этого зданія. А такъ какъ это положеніе можетъ показаться нѣсколько непонятнымъ, то я позволю себѣ обратиться къ помощи слѣдующей притчи.

«Павелъ имѣетъ желаніе и средства пользоваться всѣми благами жизни: онъ уменъ, изобрѣтателенъ и задался мыслью найти и собрать все, что онъ считаетъ необходимымъ для себя. Онъ сдѣлалъ въ своемъ погребѣ запасъ лучшихъ винъ, наполнилъ свой дровяной сарай всякаго сорта дровами, необходимыми для отопле-

*) Mémoire sur l'oreille osseuse des crocodiles et des téleosaures p. 736 1831 г.

нія, съ такою же предусмотрительностью онъ поступилъ относительно всѣхъ остальныхъ предметовъ, которыми, быть можетъ, будетъ пользоваться. Всѣ эти предметы прекраснаго качества, удачно распредѣлены, всюду царитъ образцовый порядокъ. Но что же мы видимъ? Придя домой, Павелъ останавливается предъ всѣмъ этимъ. Онъ не пьетъ этого вина, не пользуется дровами и никакимъ другимъ предметомъ своей обстановки. Но, скажете вы, вашъ *Павелъ сумасшедшій*! Я съ этимъ согласенъ».

Павелъ, однако, не всегда сумасшедшій, но ему иногда кажется, что накопленныя имъ богатства никогда не будутъ достаточными для того, чтобы онъ могъ извлечь изъ нихъ то, о чемъ мечталъ. Придетъ часъ, котораго онъ не ждетъ, и онъ уже не будетъ въ состояніи пользоваться ими. Поставивъ задачей всей своей жизни благоразуміе, онъ продолжаетъ теперь видѣть мудрость въ этомъ неустанномъ накопленіи и считаетъ дерзкими всѣхъ тѣхъ, кто-собравъ подобно ему матеріалъ, вò-время замѣтилъ, что настало время строить.

Открытая борьба между Кювье и Жоффруа Сентъ-Илеромъ продолжалась не долго: 13-го мая 1832 г. Кювье умеръ почти скоропостижно; Жоффруа долженъ былъ тогда защищаться противъ тѣхъ, кто считалъ себя унаслѣдовавшимъ идеи учителя. Часто ему приходилось жалѣть о томъ, что предъ нимъ не его знаменитый противникъ. Съ нѣкоторой грустью намъ приходится читать страницы, полныя то негодованія, то печали, страницы, вызванныя придирками и мелочными возраженіями. Сколько внутреннихъ страданій обличаютъ хотя бы эти строки:

«Я не буду продолжать этихъ отрывковъ, начатыхъ недавно при такихъ счастливыхъ обстоятельствахъ; теперь я игрушка непредвидѣнныхъ обстоятельствъ и не могу больше бороться съ злосчастной судьбой, которая меня постигла, которая воздвигла на меня гоненія и переполнила послѣднія дни моей жизни разными невзгодами».

«Тяжело мнѣ оставить эти несовершенные листки, которые я не могъ представить въ законченномъ видѣ. Но распри, которыя заводятъ со мной, припадки старости и унынія повергаютъ меня въ состояніе безсилія, которому я подчиняюсь въ послѣдніе дни моей жизни. Отъ новой борьбы, въ которую, какъ кажется, хотятъ завлечь меня, заставляютъ меня отказаться моя осторожность и слабость».

Между тѣмъ, три года тому назадъ, Жоффруа, полный энергіи и энтузіазма, писалъ: «Установить факты еще далеко не все... Пусть разсудокъ пріучается понимать ихъ; пусть говорятъ послѣ,

какъ я слышу и теперь говорятъ вокругъ меня, что такія сужденія, не больше, какъ теорія. Эти преувеличенныя скорѣе бьющія на эффектъ, чѣмъ логически состоятельныя фразы не устрашатъ меня; я отвѣчу на всю эту болтовню, имѣющую цѣлью ошеломить и обморочить читателей, что время взывать къ поэзіи и возводить неопредѣленныя обвиненія прошло; подобныя восклицанія считаютъ и называютъ теперь *витійствомъ»* *).

Но все совершается не такъ быстро, какъ думалъ Жоффруа. Многіе ученые еще и теперь ставятъ себѣ вопросъ: могутъ ли натуралисты пользоваться методомъ синтеза, который такъ широко примѣняется физиками и химиками; еще многіе, особенно же тѣ, кто началъ научныя изслѣдованія съ человѣка, считаютъ все разнообразіе животнаго царства необъяснимымъ, отклоняютъ заранѣе всякую попытку дать ему надлежащее толкованіе и настаиваютъ даже на полной безплодности этой попытки. Между тѣмъ, Жоффруа еще въ 1821 году сказалъ на этотъ счетъ слѣдующее поученіе: Въ присутствіи офицера стараго режима обсуждали шансы войскъ республики на переходъ чрезъ Рейнъ. Старый солдатъ рѣшительно доказывалъ безуміе этого предпріятія; едва онъ пересталъ говорить, получилось извѣстіе, что французскія войска сдѣлали невозможное: Рейнъ былъ перейденъ. Кювье, что бы онъ ни говорилъ, вѣрилъ не однимъ только фактамъ; точно также и Жоффруа въ своихъ обобщеніяхъ всегда держался въ сторонѣ отъ тѣхъ заблужденій, странные примѣры которыхъ вскорѣ дала намъ нѣмецкая школа; если онъ старался разгадать природу, онъ дѣлалъ это методически; его «предчувствія» были всегда подчинены контролю наблюденія, очень близкаго къ опыту; его философская анатомія и философія зоологіи представляютъ то, что нынѣ назвали бы *экспериментальной анатоміей* и *зоологіей*. Для возвышенныхъ умовъ заблужденія, въ которыхъ можно упрекнуть его, были только результатомъ его попытки избѣжать различные подводные камни, но эти заблужденія нисколько не умаляютъ значенія его метода, важности синтеза. Союзъ наблюденія съ разсужденіемъ остается руководящимъ началомъ этихъ умовъ; это выражаетъ въ слѣдующихъ словахъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ германскихъ ученыхъ Іоганнъ Мюллеръ **).

---

*) Etudes progressives d'un naturaliste. 1835, p. 84.

**) Johanns Müller. Handbuch der Phisiologie des Menschen Band II. p. 522. Die wichtigsten Wahrheiten in den Naturwissenshaften sind weder allein durch Vergliederung der Begriffe der Philosophie noch allein blosses Erfahren gefunden worden, sondern durch eine denkende Erfahrung, welche das Wesentliche von dem Zufälligen unterscheidet und dadurch Grundsätze findet, aus welchen

«Важнѣйшія истины естественныхъ наукъ, не были открыты простымъ анализомъ философской идеи или однимъ наблюденіемъ; это достигается обдуманнымъ изслѣдованіямъ, раздѣляющимъ существенное отъ случайнаго, изслѣдованіемъ, дающимъ въ результатѣ основной законъ, изъ котораго потомъ выводятъ многочисленныя слѣдствія. Это уже не простое опытное, а по истинѣ философское изслѣдованіе». Таково также мнѣніе Анри Мильнъ-Эдвардса *).

«Нѣкоторыя школы проповѣдуютъ полное презрѣніе къ обобщеніямъ и повторяютъ, что только факты имѣютъ значеніе въ наукѣ. Но это, какъ мнѣ кажется, большое заблужденіе. Подобная мысль была бы извинительной у неразвитого рабочаго, который, будучи лишенъ отдыха и занятъ добываніемъ въ нѣдрахъ земли матеріала для обширнаго зданія, полагалъ бы, что архитекторъ ограничивается въ своей роли нагроможденіемъ камня на камень, и видѣлъ бы въ планѣ, начерченномъ карандашомъ художника, только игру его воображенія, безполезную фантазію. Но даже рабочій-каменоломъ, если онъ вышелъ изъ подъ своего подземелья, если бы онъ видѣлъ, какъ безформенные добытые имъ куски соединились и превратились въ Аѳинскій Партенонъ или Римскій Колизей, понялъ бы, что искусство архитектора не безполезно, хотя бы памятникъ, созданный его геніемъ, существовалъ короткое время и его развалины послужили бы потомъ только матеріаломъ для новыхъ зданій». Скажемъ болѣе: въ наукѣ, какъ бы ни занимались ею, не можетъ быть двухъ школъ, двухъ методовъ. Тѣ, кто имѣетъ претензію держаться только фактовъ, бываютъ очень счастливы, если имъ приходитъ въ голову какая-нибудь идея: они спѣшатъ воспользоваться ею; съ другой стороны рѣдко случается, чтобы теорія въ изложеніи ея творцовъ являлась чѣмъ-нибудь инымъ, кромѣ средства подготовить открытіе новыхъ фактовъ, благодаря болѣе полному познанію отношеній между уже открытыми фактами. Въ настоящее время всѣ пришли къ соглашенію относительно метода: соображать раньше, чѣмъ наблюдать или дѣлать опытъ; съ другой стороны дѣлать опыты или наблюдать съ той цѣлью, чтобы выбрать между апріорными идеями, возникающими на основаніи уже извѣстныхъ фактовъ, наиболѣе соотвѣтствующую дѣйствительности, пользоваться этими идеями для пріобрѣтенія новыхъ фактовъ и идти такъ болѣе или

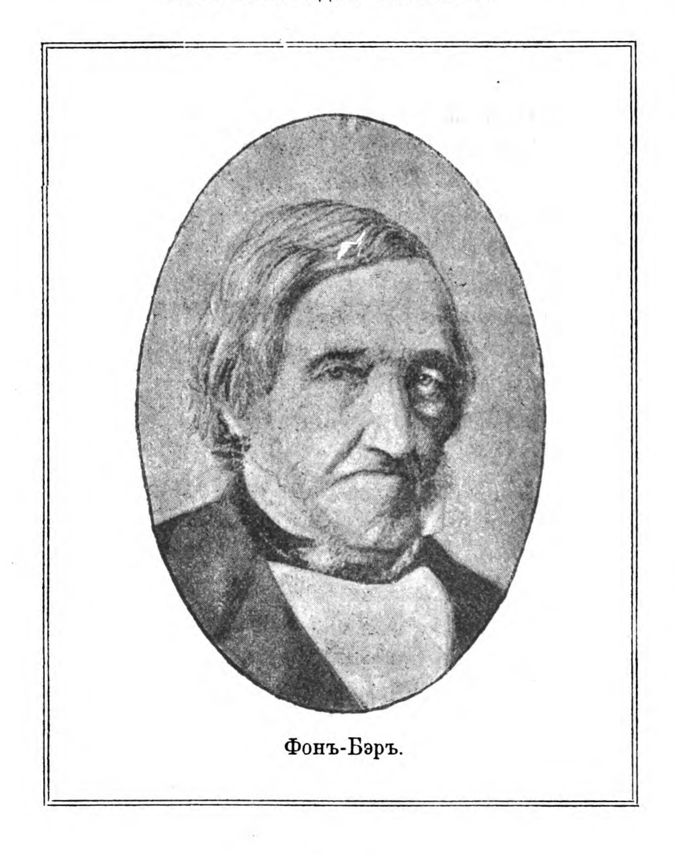
viele Erfahrungen abgeleitet werden. Dies ist mehr als blosses Erfahren und wen Man will, eine philosophische Erfahrung.

*) Leçons de phisiologie et d'anatomie comparées t. I, p. 2. 1857.

менѣе быстро къ объясненію и пониманію природы. Къ несчастью, человѣкъ—существо, внимающее не только голосу разсудка, поэтому соглашеніе между людьми, возможное въ томъ случаѣ, если бы они руководились только разсудкомъ, нарушается, разъ они даютъ волю страстямъ. Въ самомъ дѣлѣ, видимыя несогласія относительно метода, возникающія еще время отъ времени и теперь, часто имѣютъ подкладкой тщеславіе или жалкія ссоры личнаго характера.

Теперь естественныя науки вступили на многообѣщающій путь: благодаря Кювье, создана новая наука, которая, воскрешая животныхъ и растеній древнихъ вѣковъ, разскажетъ намъ въ подробностяхъ исторію прошлаго нашей планеты. Если знаменитый анатомъ добровольно ограничилъ значеніе этой науки, то ученіе Ламарка и Жоффруа открываетъ ей самые широкіе горизонты. Теперь вопросъ состоитъ только въ объясненіи, путемъ точнаго изученія фактовъ, соединеннаго со строгой индукціей, происхожденія всего живого на земномъ шарѣ. Гипотеза единства плана строенія приводитъ Жоффруа къ созданію теоріи аналоговъ, онъ даетъ сравнительной эмбріологіи направленіе и значеніе, неизвѣстныя до него; возраженіе Кювье мѣшаетъ принять, въ первоначальной общей формѣ, увлекательную гипотезу единства плана строенія, заставляетъ признавать существованіе нѣсколькихъ органическихъ типовъ и вызываетъ болѣе глубокое изученіе низшихъ животныхъ,—изученіе, дающее новую основу для философіи зоологіи. Ламаркъ завѣщаетъ наукѣ идею постепеннаго усложненія органическихъ типовъ и возможнаго родства между этими типами, онъ открываетъ могущественное вліяніе наслѣдственности. Настойчивость Кювье въ своей идеѣ постоянства видовъ обращаетъ вниманіе на дѣйствительное существованіе извѣстныхъ группъ, которымъ Ламаркъ, въ своемъ увлеченіи, приписывалъ слишкомъ большую измѣнчивость, а это обстоятельство побуждаетъ къ отысканію причинъ долговременнаго существованія видовыхъ типовъ и ихъ изолированности въ природѣ.

Итакъ, возвращаясь къ прекрасному уподобленію Мильнъ-Эдвардса, три зданія, построенныя этими геніальными людьми, въ частяхъ своихъ должны быть передѣланы, но одно крыло каждаго изъ этихъ зданій должно остаться, чтобы войти въ окончательное сооруженіе, которому предстоитъ возникнуть въ будущемъ.

Фонъ-Бэръ.

ГЛАВА XII.

Гёте.

Идеи Гёте относительно единства органическихъ типовъ. — Метаморфозъ растеній; строеніе растенія; идеальное растеніе. — Труды по сравнительной анатоміи; исканіе идеальнаго типа скелета. — Трансформизмъ Гёте. — Кильмейеръ.

Единство плана строенія — это была простая и великая идея, которая, какъ дуновеніе поэзіи, распространилась по всѣмъ областямъ знанія. Многимъ сторонникамъ Жоффруа казалось, что въ этомъ единствѣ открывается божественная мысль, которая проникаетъ всѣ части вселенной, неустанно работаетъ надъ превращеніями и поражаетъ наше воображеніе безконечнымъ разнообразіемъ своихъ комбинацій, хотя всѣ онѣ обладаютъ общими чертами, обнаруживающими ихъ происхожденіе.

«За вашей теоріей аналоговъ», упрекалъ Кювье своего противника Жоффруа, «скрывается,—по крайней мѣрѣ, смутно—родъ пантеизма». Вотъ почему эта теорія, осужденная во Франціи,

пріобрѣла въ Германіи горячаго защитника. Это былъ великій Гёте.

Становясь подъ знамя Жоффруа, Гёте остается, однако, вполнѣ самобытнымъ. Еще въ молодости, прежде даже, чѣмъ Жоффруа началъ свою блестящую научную карьеру, Гёте обладалъ новою и смѣлою идеею и искусно развивалъ ее. Ботаникъ Лагиръ и особенно Линней обратили вниманіе на тѣ измѣненія, которыя вызываются культурою въ различныхъ частяхъ растенія. Пораженные ими, эти ученые болѣе или менѣе ясно выразили мысль, что такія части обладаютъ сходной природой и въ извѣстныхъ случаяхъ могутъ превращаться однѣ въ другія. Невозможно приписать иное значеніе слѣдующему отрывку изъ «*Ботанической философіи*» Линнея:

«Цвѣты, листья и почки—одного происхожденія... Околоцвѣтникъ образовался чрезъ соединеніе зачаточныхъ листьевъ. Сильный ростъ уничтожаетъ цвѣты и превращаетъ ихъ въ листья. Слабый ростъ, измѣняя листья, превращаетъ ихъ въ цвѣты» *).

Вотъ другое мѣсто, извлеченное изъ его Aménités académiques, гдѣ заключается та же идея:

«Посадите въ плодородную землю кустъ, который въ цвѣточномъ горшкѣ ежегодно давалъ цвѣты и плоды; плодоношеніе прекратится, будутъ развиваться только вѣтви, обремененныя листьями. Вѣтки, приносившія раньше цвѣты, теперь покрыты листьями; но эти листья, въ свою очередь, сдѣлаются цвѣтами, если перемѣстить кустъ въ горшокъ и обусловить чрезъ это менѣе обильное питаніе» **).

Многіе натуралисты,—Ферберъ, Дальбергъ, Ульмаркъ и особенно Гаспаръ Вольфъ,—развивали эти мысли Линнея, не извлекая изъ нихъ всѣхъ слѣдствій и указывая иногда, что въ нихъ есть опасность.

Теперь этой идеей овладѣваетъ Гёте. Съ ясностью мысли, свойственной генію, онъ показываетъ въ 1790 году не только, что всѣ части цвѣтка и значительное число другихъ органовъ растенія представляютъ измѣненные листья, но что листья, лепестки, тычинки, различныя части плода и пр. — все это различныя превращенія одного и того же органа. Гёте пытается опредѣлить первоначальную форму и природу этого органа. «Понятно», говоритъ онъ, «необходимъ общій терминъ, чтобы обозначить основной органъ, подвергающійся превращеніямъ, и чтобы

---

*) Linné, Philosophie botanique, édit. Gleditsch., p. 361.

**) Linné, Aménités académiques, vol. VI, p. 324.

сравнивать съ нимъ всѣ вторичныя формы». Но Гёте не создаетъ этого термина; его теорія перешла въ науку въ болѣе узкомъ выраженіи: всѣ органы растенія развились изъ листа. Гёте еще болѣе расширяетъ свою теорію въ слѣдующихъ предположеніяхъ *)

Вольфгангъ Гёте.

«Извѣстно, какая аналогія существуетъ между почкою и зерномъ и какъ легко открыть въ почкѣ очертанія будущаго растенія.

*) Goethe, Essai sur la métamorphose des plantes, propositions 87—90, 1790.

«Трудно доказать присутствіе корней въ почкѣ, но они развиваются легко и быстро подъ вліяніемъ влажности.

«Почкѣ не нужны сѣмянодоли, потому что она связана съ материнскимъ растеніемъ, вполнѣ организованнымъ. Когда она прикрѣплена къ нему или когда перенесена на другое растеніе, она извлекаетъ питательные соки прямо изъ нихъ; когда же она помѣщена въ почву, у ней быстро развиваются корни.

«Почка составлена изъ ряда узловъ и листьевъ, болѣе или менѣе развитыхъ. Они развиваются постепенно. *Вѣтки, которыя выходятъ изъ узловъ ствола, можно разсматривать, какъ молодыя растенія; онѣ укрѣплены на материнскомъ организмѣ, какъ этотъ послѣдній укрѣпленъ въ землѣ*».

На этотъ разъ предъ нами вполнѣ законченная теорія относительно строенія растенія,—теорія, которую развивали еще Бонне и Бюффонъ. Безъ сомнѣнія, она завоевала бы мѣсто въ наукѣ, если бы Годишо и Оберъ Дюпти-Туаръ не вообразили, что каждая почка, въ качествѣ независимаго растенія, должна имѣть корни, что, налегая одни на другіе, эти корни являются истинною причиною утолщенія растеній. Гуго Моль, Гетѐ, Трекюль безъ труда показали, съ привычною имъ точностью, что эти воображаемые корни не существуютъ, и умы поверхностные могли думать, что эти превосходные наблюдатели ниспровергли теорію растенія, усвоенную Бонне, Бюффономъ и Гёте, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, они нападали только на ложное толкованіе ея.

Итакъ, листья, части цвѣтка и плода, это—простыя измѣненія единаго органа; растеніе—существо сложное: это ассоціація иногда неопредѣленнаго числа существъ болѣе простыхъ. Всѣ эти мысли тѣсно связаны въ представленіи Гёте съ иною идеею, болѣе смѣлою: онъ стремится построить идеальное растеніе, установить растительный типъ, изъ котораго можно было бы разсужденіемъ вывести всѣ существующіе типы. «Сообщаю тебѣ по секрету», пишетъ онъ въ Неаполь Гердеру, «я близокъ къ тому, чтобы проникнуть, наконецъ, въ тайну происхожденія и организаціи растеній... Первичное растеніе будетъ самою замѣчательною вещью въ мірѣ, и сама природа позавидуетъ мнѣ. Съ этою моделью и ея ключомъ, найдутъ безконечное число новыхъ растеній: если они не существуютъ, они могли бы существовать; они не созданіе артистическаго и поэтическаго воображенія; у нихъ будетъ существованіе интимное, истинное, даже необходимое, и *этотъ творческій законъ можно будетъ приложить ко всему, въ чемъ есть какая-нибудь жизнь*».

Очевидно, Гёте приписалъ растенію нѣчто аналогичное съ един-

ствомъ плана строенія. Сначала онъ примѣняетъ свою идею къ животнымъ; его первый зоологическій очеркъ свидѣтельствуетъ, что, прежде чѣмъ заняться ботаникой, онъ искалъ уже у животныхъ того единства, которое только-что замѣтилъ у растеній. Въ 1786 г. ему удалось открыть у человѣка двѣ межчелюстныхъ кости. У всѣхъ млекопитающихъ укрѣплены въ нихъ верхніе рѣзцы; отсутствіе этихъ костей у человѣка считалось важнымъ признакомъ, отличающимъ его отъ обезьянъ. Подобно Жоффруа С.-Илеру, Гёте изслѣдовалъ зародышевыя состоянія и уродливости, и этотъ пріемъ помогъ ему установить дѣйствительное существованіе межчелюстныхъ костей. Оказалось, что у человѣка онѣ рано сростаются съ двумя половинами верхней челюсти, между которыми помѣщены онѣ; если же межчелюстныя кости остаются отдѣленными, происходитъ уродливость, извѣстная подъ названіемъ «*заячьей губы* *)».

Въ 1790 году, въ томъ самомъ году, когда былъ опубликованъ очеркъ относительно метаморфоза растеній, Гёте прогуливался однажды на еврейскомъ кладбищѣ въ Венеціи. Подъ ноги ему попался бараній черепъ, который разсыпался при этомъ на отдѣльныя кости. Въ умѣ поэта явилась мысль, что черепъ образовался изъ извѣстнаго числа позвонковъ, измѣнившихъ форму и размѣры. Къ той же идеѣ, независимо отъ Гёте, пришли Франкъ и Окэнъ, которые вывели изъ нея ученія самыя противоположныя. Такъ была введена въ область сравнительной анатоміи идея, столь плодотворная въ ботаникѣ: одинъ и тотъ же органъ, повторяясь и измѣняясь, способенъ образовать части организма, повидимому совсѣмъ непохожія одна на другую. Долго тянулись споры, изъ скольких позвонковъ могъ сложиться черепъ; теперь они оставлены, какъ безполезные. Признано, по крайней мѣрѣ, что черепъ—только измѣненіе позвоночнаго столба, позвонки котораго увеличились, подверглись превращеніямъ и отчасти срослись, чтобы образовать покрышку для мозга.

Открытіе межчелюстной кости, открытіе позвоночнаго строенія черепа — все это отрывки изъ труда, несравненно болѣе обширнаго; блестящую программу для него Гёте набросалъ въ 1795 г. Вспомнимъ, что въ области ботаники онъ стремился построить идеальное растеніе, изъ котораго можно было бы вывести всѣ другія, измѣняя извѣстныя части. Точно также предполагаетъ онъ путемъ изученія скелета «установить анатомическій типъ, создать общій образъ, который представлялъ бы, насколько воз-

*) Acta naturae curiosorum, T. XV, 1786.

можно, кости всѣхъ животныхъ, который могъ бы служить образцомъ при описаніи ихъ по установленному порядку. Этотъ типъ слѣдуетъ установить, принимая во вниманіе, насколько окажется возможнымъ, физіологическія функціи. Изъ самой идеи общаго типа неизбѣжно вытекаетъ, что никакое животное въ отдѣльности нельзя брать, какъ типъ для сравненія, потому что часть не можетъ быть изображеніемъ цѣлаго. Организація человѣка совершенна, но, именно вслѣдствіе этого самаго совершенства, съ нимъ нельзя сравнивать низшихъ животныхъ. Нужно, напротивъ, поступать слѣдующимъ образомъ: наблюденіе показываетъ намъ, какія части являются общими у всѣхъ животныхъ, и въ чемъ эти части различаются между собою; умъ долженъ охватить это цѣлое и, путемъ отвлеченія, вывести отсюда общій типъ, который будетъ его твореніемъ».

Такимъ образомъ, въ одинъ и тотъ же годъ Гёте и Жоффруа С. Илеръ усвоили, каждый по своему, идею относительно единства плана строенія въ царствѣ животныхъ. Но Жоффруа неустанно занимается анатомическими изысканіями и доставляетъ доказательство въ пользу своей идеи; тогда какъ Гёте, положивши начало выполненію своего плана, останавливается на дорогѣ и не извлекаетъ никакого спеціальнаго заключенія изъ своихъ многочисленныхъ наблюденій. Какъ Жоффруа, онъ предполагаетъ, однако, пользоваться взаимнымъ расположеніемъ органовъ для ихъ опредѣленія; но въ то же время онъ хочетъ, чтобы придавали большое значеніе ихъ функціи, а это—мысль, уже менѣе счастливая. Какъ Жоффруа, онъ объясняетъ уменьшеніе объема извѣстныхъ частей усиленнымъ развитіемъ другихъ частей; размѣры этого вліянія у него преувеличены. Но оба мыслителя пришли къ своимъ идеямъ совершенно самостоятельно.

Къ идеямъ Жоффруа С.-Илера Гёте прибавляетъ ученіе о превращеніяхъ: одинъ и тотъ же органъ, одно и то же животное могутъ представляться въ различныхъ видахъ и никогда не достигаетъ окончательной формы, не переживши бóльшаго или меньшаго числа превращеній, конечная цѣль которыхъ воспроизведеніе. Съ этой точки зрѣнія, Гёте устанавливаетъ разницу между растеніями и животными. Въ растеніи части, которыя подвергаются превращеніямъ, остаются соединенными между собою; однѣ развиваются на другихъ, и послѣднія изъ нихъ принимаютъ новую форму; но онѣ продолжаютъ существовать вмѣстѣ съ тѣми, которыя не измѣнились. Когда же животное, напримѣръ, насѣкомое, проходитъ чрезъ превращенія, оно не сохраняетъ никакой связи съ той формою, какую только-что оставило: все существо его

цѣликомъ принимаетъ новый видъ. Скоро мы увидимъ, что эта разница только кажущаяся; что существуютъ животныя, у которыхъ превращенія, такъ хорошо подмѣченныя Гете у растеній, наблюдаются со всѣми характерными чертами.

Эти превращенія вызываютъ у Гёте мысль, что живыя существа не заключены въ неизмѣнныя формы, что ихъ признаки могли съ теченіемъ времени измѣняться. Итакъ, подобно Ламарку и Жоффруа С.-Илеру, Гёте—*трансформистъ*; въ измѣненіяхъ, которымъ могутъ подвергаться организмы, онъ приписываетъ громадное значеніе вліянію среды.

Таковы же были идеи Кильмейера; писалъ онъ очень мало, но своимъ преподаваніемъ оказалъ сильное вліяніе на умы нѣмецкихъ натуралистовъ. Отъ него не осталось почти ничего, кромѣ рѣчи, произнесенной въ 1796 году, при открытіи его курса въ тюбингенскомъ университетѣ: какъ Гёте, Кильмейеръ много разъ сходится во мнѣніяхъ съ Жоффруа, хотя ни у того, ни у другого нельзя оспаривать независимость ихъ идей. Въ частности, Кильмейеръ думаетъ, что низшія животныя, въ своемъ постоянномъ состояніи, представляютъ переходныя формы, чрезъ которыя должны пройти высшія животныя, чтобы достигнуть окончательнаго вида. Каждую низшую форму можно разсмотрѣть, какъ остановку въ развитіи высшей формы, и обратно, каждая высшая форма во время своего развитія принимаетъ формы, аналогичныя съ низшими типами той группы, къ которой принадлежитъ она. Такъ, лягушки являются сначала настоящими рыбами; млекопитающія въ извѣстный моментъ обнаруживаютъ кровообращеніе рептилій, и въ головѣ ихъ на извѣстной ступени развитія можно отмѣтить тоже число костей, какъ у рыбъ. Послѣдній фактъ указанъ Аутенритомъ въ 1800 году, но важность его была признана только въ 1806 году, благодаря Жоффруа С.-Илеру. Такъ возрождается идея, съ которой мы встрѣчались уже много разъ, которую позднѣе разовьетъ М. Серръ, хотя философскую важность ея оцѣнятъ лишь послѣ появленія научнаго трансформизма. Ее можно выразить въ слѣдующемъ основномъ положеніи: исторія развитія животнаго это—сокращенное повтореніе тѣхъ фазъ, чрезъ которые прошолъ его видъ, чтобы достигнуть настоящей формы.

Разъ допускаются такія соотношенія между высшими и низшими формами животнаго царства, очевидно, предполагается, что эти формы представляютъ развитіе одного и того же плана, который выполненъ въ нихъ съ разной степенью законченности. Слѣдовательно, ученіе объ единствѣ плана нашло рѣшительныхъ сторонниковъ какъ во Франціи, такъ и въ Германіи. Идея эта

развилась въ обѣихъ странахъ одновременно; за это говорятъ данныя относительно первыхъ опубликованныхъ сочиненій.

Такое согласіе между мыслителями и учеными лучше всего показываетъ, что общая имъ идея въ моментъ, когда явилась она, была въ гармоніи съ большинствомъ фактовъ, извѣстныхъ въ ту эпоху, или, по крайней мѣрѣ, съ фактами, наиболѣе привлекавшими вниманіе. Кювье не замедлилъ показать, что эти факты составляли только незначительную часть науки: можно было бы упрекнуть Жоффруа С.-Илера, а также, можетъ быть, Гёте и Кильмейера, что они слишкомъ рѣшительно обобщили вѣрную идею. Но развѣ это ошибка? То, что̀ въ области естественныхъ наукъ, не безъ нѣкотораго презрѣнія, называютъ идеею,—соотвѣтствуетъ обобщеніямъ, которымъ въ другихъ наукахъ дается названіе закона. Законъ долженъ связать возможно бо̀льшее число явленій. Сначала ему обыкновенно придается слишкомъ большая общность. Работы, вызванныя имъ, заставляютъ впослѣдствіи ограничить его область. Но, даже ограниченный, законъ не сохраняетъ прежняго значенія: онъ естественно занимаетъ мѣсто въ ряду слѣдствій другого закона, болѣе общаго; этотъ послѣдній, въ свою очередь, становится частнымъ закономъ, когда открыта истина, еще болѣе общая. Такъ, благодаря счастливой комбинаціи фактовъ и законовъ, умъ человѣческій увѣренно идетъ къ завоеванію истинъ болѣе высокаго порядка; при этомъ онъ неустанно стремится къ послѣднимъ истинамъ, которыя могли бы объяснить ему его происхожденіе и его будущее.

Ученіе объ единствѣ плана строенія вызвало страстную борьбу. Умы возвышенные и независимые стали искать болѣе общей формулы, которая могла бы обнять обѣ противоположныя доктрины. Два человѣка сдѣлали такую попытку, и оба заимствовали часть своихъ идей отъ Гёте: Ричардъ Оуэнъ въ Англіи и Дюжесъ во Франціи. Первый вносилъ въ свои работы точность Кювье; онъ скоро пріобрѣлъ многочисленныхъ сторонниковъ. Второй, пылкій и настойчивый, какъ Жоффруа, умеръ раньше, чѣмъ его трудъ получилъ справедливую оцѣнку въ его странѣ.

тотъ счетъ думаютъ: Болгарія—отъ [уная до Арды и отъ Чернаго моря о Бѣлаго—княжество, зависимое отъ ултана, съ внутреннимъ самоуправле-іемъ. Екзархія—нетронутая; опре-ѣленная дань Турціи; войско—бол-арское, половина офицеровъ—турки, режде всего...

— А князь? — спросилъ Христо раговъ.

— Да, князь? — прибавилъ Без-ортевъ.

— Европейскій принцъ!

— Ба!

— Но ты ничего не сказалъ о оссіи, дѣйствительно ли она, какъ оворилъ бай Мичо, готова намъ по-очь?—отозвался попъ.

— Попе, не дѣлайся ребенкомъ,—роговорилъ Мичо, нахмурившись.—Іожетъ ли быть иначе?..—Русскіе енералы уже и теперь ждутъ въ ухарестѣ!—и онъ посмотрѣлъ вопро-нтельно на Каблешкова. Посмотрѣли всѣ на него, ожидая подтвержденія ловъ Мича. Каблешковъ понялъ это, ринялъ таинственный видъ и ска-алъ тихо, какъ бы конфиденціально:

— Только первое ружье грянетъ, двуглавый орелъ осѣнитъ насъ воими крылами!..

И онъ посмотрѣлъ съ торжествен-остью.

Всѣ лица просіяли.

— Я думаю,—поддержалъ господ-инъ Фратю,—лучше всего респу-лика, она могла бы называться Балканская республика».

— Потомъ можно и царство,—за-ѣтилъ Франговъ.

— О, ишь чего захотѣлось! — ска-алъ попъ Димчо,—другого блюда не ъѣшь.

— Да, ужъ, что тамъ будетъ, ишь бы мы освободились.

— И я тоже за республику,—ото-вался еще кто-то.

— Да ужъ сказано, это дѣло бу-етъ потомъ... Какъ мы будемъ упра-ляться, кто будетъ княземъ и про-чее и прочее, это мы оставимъ Гор-чакову. Пусть дипломаты будутъ ан-гелами и пророками,—сказалъ Мичо Бейзадето.

Соколовъ, который до того не при-нималъ участія въ этомъ политиче-скомъ разговорѣ, вдругъ сердито вос-кликнулъ:

— Ей, ей, господа, будетъ вамъ болтать и дипломатствовать, время не ждетъ. Завтра грянутъ выстрѣ-лы въ Балканахъ, а мы все еще будемъ сидѣть надъ вопросомъ: рес-публика ли у насъ будетъ, или ко-медія... А работа не терпитъ теперь... Дьяволъ бы взялъ эти республики!.. Еще не убили медвѣдя, а ужъ дѣ-лятъ шкуру... Предсѣдатель, я пред-лагаю вотъ что: запретить дипломатію на нашихъ засѣданіяхъ, ея мѣсто въ кофейнѣ Ганка.

— Правда, — сказалъ Каблеш-ковъ,—нужны не слова, господа, а дѣло... Я вамъ изложилъ положеніе дѣла, а вы обдумайте, какъ взяться за него. Не надо терять ни минуты.

— Это—вина предсѣдателя,—за-мѣтилъ Поповъ, секретарь, который уже цѣлый часъ ждалъ очереди, чтобы прочесть какія-то бумаги;—онъ обязанъ заправлять дебатами.

Упрекъ Попова разсердилъ бай Мича.

— Да зачѣмъ вы меня избрали? Изберите человѣка помоложе... Гдѣ былъ Бойчо, тамъ теперь я! Избе-рите болѣе достойнаго замѣстить Бойчо.

— Нѣтъ! Протестую! — сказалъ докторъ.—Бойчо замѣстить могъ бы только самъ Бойчо!

— Ахъ, господа, многое вы поте-ряли въ Огняновѣ, и вы, и Бол-гарія, — сказалъ взволнованно Ка-блешковъ и глубоко вздохнулъ.

При воспоминаніи объ Огняновѣ всѣ лица затуманились. Его гибель оставила среди нихъ пустоту, какъ бы бездну. Они переглянулись и мрачно задумались. Трагическій об-разъ Огнянова вставалъ передъ ихъ

глазами. У всѣхъ на груди какъ бы налегъ свинецъ... Какъ будто имъ совѣстно было, что они живутъ еще, когда герой умеръ.

VIII.

Восторгъ Колча.

Снаружи послышались чьи-то быстрые шаги. Кто-то спускался въ подвалъ.

— Это—Колчо!—сказалъ Нетковичъ.

— Не можетъ быть,—возразилъ Мичо;—развѣ слѣпой человѣкъ можетъ такъ бѣгать по лѣстницѣ?

— Дѣло не чисто,—замѣтилъ попъ Димчо.

Члены невольно вструхнули. Шаги остановились у двери, и она открылась, вѣрнѣе, распахнулась.

Колчо какъ вихорь ворвался въ комнату. Онъ задыхался.

Всѣ ждали прикованные къ мѣстамъ...

— Наши ли здѣсь люди?—спросилъ онъ прерывающимся голосомъ.

— Всѣ — наши; что съ тобой, Колчо?—спросилъ бай Мичо.

— Ура! Да здраствуетъ! Радость и слава! Радуйтесь, братья! Съ ума сойдете, и я схожу съ ума!—кричалъ Колчо, какъ безумный. Онъ подбрасывалъ къ потолку свой фесъ, хлопалъ въ ладоши, подскакивалъ на цѣлый аршинъ отъ полу, натолкнулся случайне на бай Мича и принялся его цѣловать въ губы, въ щеки, въ уши, въ плечо... и обнимать, и душить его. Бай Мичо вырвался отъ него перепуганный. Этотъ неестественный, истерическій припадокъ радости поразилъ всѣхъ. И всѣмъ стало казаться, что разсудокъ оставилъ несчастнаго слѣпца.

— Что съ тобой, Колчо?—спросилъ сострадательно докторъ, стараясь найти на лицѣ его слѣды буйнаго помѣшательства.

— А вы не догадываетесь? Онъ живъ, ура!—кричалъ Колчо, бросаясь теперь на доктора.—Ура! живъ мой графъ!

— Какъ? Бойчо?

Этотъ вопросъ въ одинъ и тотъ же моментъ вылетѣлъ изъ десяти устъ.

— Онъ живъ!

— Колчо, ты шутки шутишь, или тебя обманулъ кто-нибудь?—сказалъ бай Мичо строго.

— Живъ онъ, живъ, бай Мичо! Я жалъ его руку, цѣловалъ его щеки, слушалъ его голосъ, видѣлъ почти его! Еще вы не вѣрите?

Все было въ Колчо убѣдительно. Они переглянулись въ изумленіи...

— Гдѣ жъ онъ?

— У воротъ ждетъ, а меня послалъ васъ предупредить... Онъ меня взялъ за руку, лишь только я подошелъ къ воротамъ. По рукѣ я его и узналъ...

Всѣ бросились къ отверстію, пропускавшему свѣтъ, и увидѣли, какъ калитка открылась, и во дворъ вошелъ селянинъ. Онъ былъ закутанъ въ широкій крестьянскій козій мѣхъ, на головѣ имѣлъ старый колпакъ, и въ рукѣ держалъ двухъ цыплятъ. Одинъ его глазъ, вѣроятно, больной, былъ завязанъ платкомъ.

Въ другомъ случаѣ никому не могло бы придти въ голову, что это — Огняновъ. Теперь всѣ сразу его узнали. Они узнали его скорѣе чутьемъ, чѣмъ глазами.

Мичо выскочилъ за дверь и крикнулъ съ притворнымъ спокойствіемъ:

— Бай Петко, иди, иди сюда, посмотримъ, какъ ты поживаешь?

Но голосъ бѣднаго предсѣдателя

;рсѣкся отъ волненія, какъ будто го кто-то схватилъ за горло.

Огняновъ спокойно прошелъ черезъ рязный отъ дождя дворъ, тяжело пустился по лѣстницѣ и сказалъ рубымъ голосомъ:

— Царвули *) мои загрязнятъ олъ твой, бай Мичо, прости ужъ...

И Огняновъ вошелъ въ комнату.

Набросились на него, окружили. Іачались объятія, разспросы, восклицанія, изліянія, восторги! Огняновъ, ювидимому, оставался спокойнѣе сѣхъ.

Когда всѣ немного пріутихли, бай Іичо сказалъ растроганный:

— Предсѣдатель, займи свое мѣсо, засѣданіе еще не кончилось. И ютомъ онъ прибавилъ шутливо:

— Только-что ребята осудили меія... Не гожусь я для команды.

— Принимаю, но только на сегоіня,—сказалъ Бойчо, усмѣхаясь, и ѣлъ въ углу. Теперь видно было, іто и его глаза прослезились. Эта іеззавѣтная преданность и участіе тоіарищей по идеѣ тронули его до глуіины души.

Бай Мичо показалъ на Кандова и казалъ:

— Теперь и Кандовъ сталъ нашимъ.

Огняновъ встрѣтился взглядомъ съ Іандовымъ.

— Господине, Болгарія заслуживаетъ, чтобы мы для нея поработали.

— И даже, чтобы умерли за нее.

Оба идеалиста пожали другъ другу руки.

А бай Мичо любовался Огняновымъ і не могъ ему нарадоваться.

— Теперь мы тебя, Бойчо, не выадимъ такъ легко,—сказалъ онъ и ышелъ въ переднюю;—Велизарій!— рикнулъ онъ,—принеси двадцать поѣнъ изъ избы и положи ихъ здѣсь!

*) Царвули — деревенская обувь, представляющая простой кусокъ кожи, обхватывающій ногу, вродѣ нашихъ портянокъ. *Прим. пер.*

Сынъ его принесъ двадцать ружей изъ тайника и положилъ ихъ у двери.

— Теперь запри ворота на замокъ.

Послѣ этого Мичо вернулся въ комнату.

И засѣданіе возобновилось...

Между тѣмъ Колчо исчезъ никѣмъ не замѣченный. Онъ направился къ Радѣ сообщить радостную вѣсть.

На этотъ разъ онъ рѣшилъ быть болѣе сдержаннымъ. Его бѣшеные прыжки, которые только что смутили этихъ сильныхъ мужчинъ, могли бы запугать до смерти и безъ того перепуганную дѣвушку. Но самообладаніе было свыше его силъ. Онъ чувствовалъ, что предательская радость задушитъ его, если онъ постарается обуздать ее хоть на одинъ мигъ. Когда онъ подошелъ къ дому Рады, онъ почувствовалъ, какъ сердце его готово разорваться. Чтобы успокоить его, онъ принялся пѣть свой шутливый тропарь...

Дверь тотчасъ открылась.

— Колчо, добро пожаловать,— сказала привѣтливо Рада.

— Радке, чужого уха здѣсь нѣтъ?— спросилъ Колчо.

— Я одна, бай Колчо, какъ всегда.

Колчо уже задыхался отъ волненія.

— Садись, отдохни, Колчо,—пригласила его Рада, принявшая его волненіе за утомленіе.

Онъ остановился передъ нею и два его слѣпыхъ глаза внимательно уставились въ ея глаза.

— Радке, дай мюдже *)!—сказалъ онъ вдругъ. Это была единственная проволочка, которую онъ былъ въ состояніи теперь придумать.

У Рады сердце замерло. Она почувствовала, что онъ имѣетъ сооб-

*) Мюдже — подарокъ, который, по обычаю, полагается тому, кто принесетъ радостную вѣсть. *Прим. пер.*

*

щить что-то радостное, даже страшное.

— Что такое, Колчо?

— Радке, радуйся много, ты будешь много радоваться, слышишь? Почему тебя зовутъ Радкой?

Рада онѣмѣла. Она угадала. Она шепнула только машинально:

— Колчо, не пугай ты меня!

— Я тебя не пугаю, я говорю тебѣ: радуйся... Онъ живъ!

Колчо не исполнилъ своего рѣшенія—сообщить Радкѣ постепенно радостную вѣсть.

При словахъ Колча, которыя она уже предугадала сердцемъ, дѣвушка оперлась стѣну, чтобы не упасть.

Бываютъ великія радости, какъ и великія скорби, которыя, казалось бы, человѣческая душа не въ состояніи пережить. Но она переноситъ все. Чѣмъ выше радость и горе, тѣмъ сильнѣе становится упругость души, если только она здорова. Послѣ перваго момента слабости Рада уже оправилась. Можетъ быть, тайный инстинктъ сердца уже подготовилъ ее ранѣе. Она крикнула.

— Живъ? Боже мой! Гдѣ онъ? кто тебѣ сказалъ, Колчо? Живъ? Живъ Бойчо? Матушка моя, я умру отъ радости! Что мнѣ дѣлать теперь?

Слезы пришли ей на помощь и въ нихъ она отчасти излила пламенное чувство, душившее ее.

Колчо, уже болѣе спокойный, разсказалъ ей подробно свою неожиданную встрѣчу съ Бойчо у воротъ Мича Бейзадета и то, что за нею послѣдовало.

— А когда онъ придетъ?

— Вечеромъ, когда совсѣмъ стемнѣетъ; къ тому же у него сегодня много работы...

Колчо вышелъ съ облегченной душой.

Это нѣжное, преданное сердце было счастливо чужой радостью. Природа, отнявшая у него все, оставила ему въ утѣшеніе эту способность.

Рада не знала, что ей дѣлать. Какъ дождаться милаго гостя; какъ скрыть его посѣщеніе; сказать ли домашнимъ, или не сказать? Идти къ нимъ—такъ она съ ума сойдетъ тамъ; остаться здѣсь—она не выдержитъ!.. Чтобы убить вѣчность, которая отдѣляла ее отъ Бойча, она стала суетиться, прибирать комнату, приглаживать волосы, наряжаться передъ зеркаломъ, которому она улыбалась и корчила гримасы, убѣдившись, что она хороша. Когда же ей нечего было уже дѣлать, она, какъ пятилѣтній ребенокъ, завертѣлась на одной ногѣ и запѣла что-то такое, чего она не понимала, да и не слышала. Ея мысль была съ Огняновымъ, все ея вниманіе было направлено на дверь. и малѣйшій шумъ заставлялъ ее трепетать, какъ птичку.

Она была такъ счастлива!

IX.

Въ ожиданіи.

Уже стемнѣло.

Тяжелый, большой подсвѣчникъ на столѣ передъ зеркаломъ освѣщалъ комнату Стефчова.

Эта комната служила днемъ гостиной, а ночью спальной—теперь одному только Стефчову; его больная жена лежала внизу.

Въ комнатѣ былъ самъ Стефчовъ, грекъ-лѣкарь и Мердвенджіевъ.

Уже цѣлыхъ два часа эти трое людей, питающихъ въ груди одинаковую ненависть къ Соколову, ожидали съ нетерпѣніемъ извѣстія о гибели его и патріотовъ.

Стефчовъ тревожно ходилъ по ком-

..атѣ и ежеминутно прислушивался, ..е идетъ ли Рачко, котораго отпра..вили шпіонить за домомъ Бейзадета.

Наконецъ, Рачко пришелъ.

— Ну, что?—спросилъ его быстро ..тефчовъ.

— Они еще тамъ...

— Соколовъ не ушелъ?

— Только Копривчанинъ вышелъ, .. потомъ Колчо.

— Ихъ шпіонъ,—замѣтилъ пѣвецъ.

Стефчовъ облегченно вздохнулъ.

— Ты куда теперь?—обратился ..нъ снова къ Рачкѣ.

— Въ корчму Василія, противъ ..ома бай Мича. Тамъ былъ и Петраки; ..нъ поднесъ мнѣ рюмку водки... дру..гую я самъ заказалъ себѣ.

— А, Петраки тамъ?—спросилъ ..тефчовъ съ восхищеннымъ видомъ.—..раво, Рачко! Ступай снова въ корчму ..асилія и, какъ что увидишь, сообщи ..амъ.

Всѣ смолкли и стали прислуши..ваться.

— Выстрѣлъ грянулъ!—замѣтилъ ..тефчовъ.

— Еще одинъ! Другой!—повторили ..взволнованно и другіе.

— Началась свадьба!—воскли..кнулъ Стефчовъ и взглядъ его заго..рѣлся невыразимымъ торжествомъ.

Послышалось еще нѣсколько вы..стрѣловъ, очевидно, довольно дале..кихъ: они шли со стороны дома Мича Бейзадета.

Скоро и отдаленные человѣческіе ..крики ясно послышались черезъ отво..ренное окно.

Трое человѣкъ неподвижно стояло и вопросительно переглядывалось. Глаза ихъ выражали внутренній восторгъ.

— Дерутся! Слышите? Сопротивля..ются съ оружіемъ... Славно, славно, это превосходитъ наши ожиданія. Браво, Петраке! Чудо! Чудо!..

Но шумъ на улицѣ прекратилъ ра..достныя изліянія Стефчова.

Онъ открылъ занавѣсь и посмотрѣлъ. На улицѣ въ темнотѣ обрисовались фигуры быстро приближающихся всадниковъ. Послышались и голоса, которые заглушалъ топотъ лошадей.

— Голосъ онбашія!—воскликнулъ Стефчовъ.—Такъ скоро все кончилось!..—И онъ быстро раскрылъ окно, высунулъ голову и крикнулъ:

— Шерифъ-ага, какъ дѣла?..

Но отвѣта не послѣдовало. Шерифъ-ага и тѣ, которые были съ нимъ, уже потерялись вдали... Очевидно, они направлялись въ Карлово.

— Потащили ихъ уже...—пробормоталъ Стефчовъ, затворяя окно.

Однако, снова послышались отдаленные, прерывающіеся крики, смѣшанные съ лаемъ разбуженныхъ псовъ.

— Есть и раненые,—замѣтилъ лѣкарь.

— Тѣмъ лучше, и кровь есть!—сказалъ Стефчовъ.

— Слушайте,—воскликнулъ Мердвенджіевъ.

Совсѣмъ близко, около самаго дома Стефчова послышался человѣческій вопль.

— Рачко!—воскликнулъ Стефчовъ съ удивленіемъ.

— Раненъ!—сказалъ пѣвецъ.

— Собака противная... задѣла его пуля... будетъ у тебя работа, киръ *) Апостоле,—обратился Стефчовъ къ лѣкарю.

— А ну его къ дьяволу!—проворчалъ грекъ.

— Соколовъ, лишь бы Соколовъ былъ въ рукахъ, а его пусть громъ поразитъ, этого болвана Рачко.

Черезъ минуту дверь съ силой распахнулась и вошелъ Рачко, весь покрытый грязью...

---

*) Киръ—греческое обращеніе. *Прим. пер.*

X.

Засѣданіе продолжается.

Мы вернемся нѣсколько назадъ, чтобы посмотрѣть, что дѣлается въ домѣ Бейзадета.

Засѣданіе, подъ руководство Огнянова, продолжалось. Каблешкова уже не было. Его трясла лихорадка.

Много важныхъ вопросовъ было разсмотрѣно. Между прочимъ, вопросъ о защитѣ города, такъ какъ жители были напуганы упорными слухами о предстоящемъ нападеніи турокъ. Ганчо Поповъ взялъ на себя заботу объ организаціи тайной стражи, которая по ночамъ караулила бы на окраинахъ города. Приняты были и разныя мѣры касательно предупрежденія новыхъ случаевъ предательства и усыпленія бдительности полиціи. Странджовъ представилъ счетъ за пули и оружіе, которыя онъ принялъ и роздалъ, а также и за ружья, не вполнѣ еще оплаченныя и потому задержанныя въ складѣ въ Карловомъ.

— А сколько лиръ еще слѣдуетъ?—спросилъ Мичо.

— Безъ малаго сто лиръ.

— Они нашлись,—сказалъ докторъ.

— Браво, нашлись? гдѣ?—воскликнули нѣкоторые.

— Нашлись и отосланы. Завтра утромъ ружья будутъ здѣсь,—сказалъ докторъ, не отвѣчая на вопросъ.

— Значитъ, вооруженіе хорошо идетъ,—замѣтилъ Огняновъ.

— Можемъ встрѣтить цѣлый полкъ огнемъ и продержаться двадцать дней на шанцахъ,—сказалъ попъ Димчо.

Никакихъ шанцевъ, разумѣется, не было; попъ называлъ такъ низкія ограды огородовъ внѣ города.

— Но если на насъ нападутъ съ пушками?—спросилъ Нетковичъ.

— Тогда плохо!—сказалъ озабоченно попъ Димо.

— И мы можемъ выставить пушки,—замѣтилъ г-нъ Фратю;—я отъ всего сердца жертвую нашу деревянну кадку. Она будетъ гремѣть, какъ Круп Пусть и другіе сдѣлаютъ тоже! Тог у насъ образуется цѣлая артилерія.- И Фратю гордо посмотрѣлъ вокру себя.

— Изъ твоей кадки ничего не вы детъ... Собирать старыя кадки у баб объ этомъ смѣшно и говорить,—во разилъ Огняновъ;—а пушки все-та нужны, необходимы. Одинъ ихъ вы стрѣлъ страшно подѣйствуетъ на ду непріятелей... Можно приготови пушки изъ стволовъ черешни.

Мнѣніе Огнянова было одобрено принято единогласно.

— Букчé ихъ сдѣлаетъ,—сказал Мичо.

— Букчé? Да мы знаемъ дру друга,—воскликнулъ Огняновъ.

— Ты знаешь бондаря? Славны мастеръ!—сказалъ докторъ.

— А стволы черешень? Гдѣ их добыть?—спросилъ Браговъ.

— Это легкое дѣло,—сказалъ Не ковичъ;—я его беру на себя.

— Принято. Устройство артиллері беретъ на себя Нетковичъ,—сказал Огняновъ шутливо.—Теперь перей демъ къ слѣдующему вопросу.—Чт у тебя еще, Димчо?

— Еще письмо отъ панагюрска комитета. Раньше мы такъ были по ражены, что забыли его прочитат

— Отъ Бенковскаго! — спроси съ живостью Огняновъ; — чита скорѣе!

Всѣ притихли.

Секретарь прочиталъ письмо от панагюрскаго комитета, нагрѣтое уж раньше. Оно было длинно и содержал массу наставленій, распоряженій, при казаній комитету, дѣйствія котора должны были гармонировить съ об щимъ планомъ организаціи возстанія

Внизу, рукой самого Бенковскаго

были прописаны безъ малѣйшихъ правилъ грамматики и наполовину церковными буквами, слѣдующія строки:

«И выслать съ тѣмъ же письмоносцемъ двѣсти лиръ, какъ обязались и другіе комитеты. Этотъ приказъ непремѣнно исполнить... И много не философствуйте, а дѣло дѣлайте.

И вы до сихъ поръ не раздѣлались съ С.? Бабы.

Братскій поклонъ.
Бенковскій».

Эти слова произвели различное впечатлѣніе на слушателей. Авторитетъ Бенковскаго, вслѣдствіе отдаленности мѣста, не былъ еще здѣсь силенъ, а грубый тонъ его письма разсердилъ нѣкоторыхъ. Господинъ Фратю поспѣшилъ даже сказать:

— Много позволяетъ себѣ этотъ господинъ Бенковскій!

Но Огняновъ его перебилъ и строго сказалъ:

— Фратю, ты не имѣешь слова! кто хочетъ, чтобы съ нимъ церемонно говорили, не дѣлаетъ возстанія... Тутъ дисциплина нужна, и дѣло... Обратите вниманіе: требуютъ двѣсти лиръ; ихъ требуютъ, потому что они необходимы для святого дѣла, и мы ихъ дадимъ безъ прекословій. Есть ли они у васъ?

— Письмоносецъ ихъ ожидаетъ,— замѣтилъ Поповъ.

Комитетъ живо занялся этимъ вопросомъ. Предлагали устроить добровольный сборъ. Но это предложеніе было отвергнуто, какъ неосуществимое. Мичо Бейзадето предложилъ взять училищныя деньги съ тѣмъ, чтобы послѣ будущее княжество вернуло эти деньги общинѣ; но и это предложеніе провалилось. Тогда предложили занять деньги подъ вексель, который подпишутъ всѣ. Но и это предложеніе потерпѣло ту же участь, какъ наиболѣе неисполнимое. Вопросъ о деньгахъ занялъ первенствующее мѣсто, но какъ рѣшить его—никто не зналъ.

Всѣ эти дѣла, которыя теперь могутъ вызвать лишь улыбку, тогда обсуждались и рѣшались людьми наиболѣе серьезными. Обаятельная прелесть и новизна предпріятія отуманивали всѣхъ.

Огняновъ слушалъ всѣ эти разговоры нахмуренный.

— Я вамъ найду эти деньги!— сказалъ онъ вдругъ.

Всѣ на него удивленно посмотрѣли.

— Откуда ты ихъ возьмешь?—невольно спросилъ Христо Браговъ.

— Это—мое дѣло,—сухо отвѣтилъ Огняновъ.

Этотъ отвѣтъ прекратилъ дальнѣйшіе разспросы.

Ганчо Поповъ попросилъ слова.

— Господа, уже поздно, и прежде, чѣмъ комитетъ разойдется, мы должны еще вотъ что сдѣлать. Есть нѣсколько новыхъ членовъ, которые еще не подписали протокола съ клятвой. Нужно, чтобы и они вписали свои имена. И онъ поставилъ чернильницу.

Новыми членами были Браговъ, Фратю и Кандовъ.

Послѣдніе двое подписали безъ колебаній, но первый сдѣлалъ это не безъ внутренней борьбы.

— Братья,—сказалъ онъ въ смущеніи,—а если эта книга попадется? Я даю слово христіанина...

— Какъ христіанина?—спросилъ Франговъ.

— Это такъ, братья, но у меня семья...

— И у насъ семьи, ставь свое имя, чтобы у насъ было чернымъ на бѣломъ,—сказалъ сердито попъ Димчо.

— Бай Христо, стыдъ! — строго воскликнулъ Огняновъ.

Браговъ подписалъ съ сокрушеннымъ видомъ. Но вмѣсто «Христо Браговъ», какъ онъ всегда подписывался, онъ подписался теперь: «Ристю Брагата», какъ произносили его имя. Эту хитрость онъ употребилъ про всякій случай...

XI.

Предательство.

На дворѣ стемнѣло совершенно. Нѣкоторые изъ засѣдающихъ посматривали на часы.

На лицахъ читалось смутное желаніе положить конецъ засѣданію, но никто не рѣшался объ этомъ заявить предсѣдателю.

Господинъ Фратю явился толкователемъ этого желанія:

— Закончимъ засѣданіе, —сказалъ онъ предсѣдателю, занятому вторичнымъ чтеніемъ письма изъ Панагюрища.

— Подождите, — сказалъ Огняновъ, положивъ письмо къ себѣ на колѣни; — въ письмѣ Бенковскаго имѣется еще одно важное мѣсто. О какомъ С. говоритъ онъ? Если не ошибаюсь—объ этомъ мерзавцѣ?

Нѣкоторые члены говорили, что о Самановѣ, другіе увѣряли, что о Стефчовѣ.

— Хорошо, что вспомнилъ, — перебилъ ихъ Франговъ,—сегодня Стефчовъ былъ въ конакѣ у бея, вмѣстѣ съ Самановымъ... А его человѣкъ Рачко Пердлето сторожилъ и подсматривалъ, какъ мы входимъ черезъ калитку въ садъ.

— Рачко?—невольно воскликнулъ Огняновъ, —я его зналъ, этого идіота, въ Канарской корчмѣ...

— Какъ, такъ это правда, что ты его связалъ?

— Онъ разсказывалъ подобную ерунду, но кто ему повѣритъ? Развѣ мы не знали, что ты умеръ? Рачко немного помѣшанъ.

— Онъ правду вамъ разсказывалъ, — сказалъ Огняновъ, который во время краткаго изложенія своихъ приключеній комитету не вспомнилъ объ этомъ мелкомъ происшествіи; — но оставимъ это въ сторонѣ,.. Такъ этотъ Стефчовъ шпіонитъ еще по старому? Ахъ, мерзавецъ!—И лицо Огнянова запылало отъ негодованія.

— Прошу слова, — воскликнулъ неожиданно Кандовъ, хранившій до сихъ поръ молчаніе.—Я знаю достовѣрнѣйшимъ образомъ, что Стефчовъ предалъ Огнянова, что онъ виновникъ всѣхъ несчастій!

Глаза его теперь горѣли, какъ два раскаленныхъ угля, и онъ ихъ уставилъ на Огнянова.

— Нѣтъ, не Стефчовъ, — это Мунчо, —возразили всѣ.

— Ошибаетесь, господа, жестоко!— и студентъ, вскочивъ на ноги, разсказалъ имъ, сильно волнуясь, про открытіе, которое онъ случайно сдѣлалъ. Онъ подкрѣпилъ свои слова неопровержимыми доказательствами.

Теперь всѣ были охвачены необузданнымъ гнѣвомъ. Раздались ругательства, злобныя восклицанія. Маска была сорвана съ Стефчова.

Огняновъ молчалъ, но лицо его выражало внутреннюю бурю.

— Правъ Бенковскій, мы—бабы!— замѣтилъ Поповъ.

— Онъ и сегодня шпіонилъ за нами!

— Кто знаетъ, что насъ ожидаетъ еще сегодня?

— Мы дѣйствовали такъ открыто и такъ небрежно, что я опасаюсь...

— Въ городѣ опасенъ одинъ Стефчовъ.

— А Саманова забываешь?

— И Самановъ тутъ?—безпокойно воскликнулъ Огняновъ.

— Чортъ бы побралъ этого поганаго,—сердито сказалъ Мичо; – онъ мнѣ родня, но я имъ гнушаюсь, какъ падалью.

— Господинъ предсѣдатель, скажи свое мнѣніе! какія мѣры?—обратился Соколовъ къ Огнянову.

Огняновъ, все время погруженный въ какія-то глубокія размышленія, поднялъ голову и рѣшительно отвѣтилъ:

— Смерть!

— И обоимъ предателямъ?

— Да!

— И революціонный уставъ предвидитъ такое же наказаніе, — замѣтилъ Поповъ.

Появились слабыя возраженія.

Бойчо торжественно посмотрѣлъ на своихъ товарищей.

— Предлагаю смертную казнь предателямъ: Стефчову и Саманову!— воскликнулъ онъ.

— Принято!

Только Мичо и Браговъ воздержались отъ голосованія.

— Большинство голосовъ высказалось за смерть!—холодно объявилъ Огняновъ.

Невольный морозъ прошелъ по кожѣ...

— Жаль мнѣ, что мы принуждены пролить болгарскую кровь прежде, чѣмъ прольемъ непріятельскую...— мрачно проговорилъ Огняновъ, — но нечего дѣлать: родина требуетъ отъ насъ и такія жертвы, и эти жертвы— самыя тяжелыя ..

Воцарилось краткое молчаніе.

— Господинъ предсѣдатель, я предлагаю свои услуги—для Стефчова!— отозвался студентъ и голосъ его трепеталъ.

Эта готовность сразу привлекла на Кандова взгляды удивленія и симпатіи.

— Кандовъ—ты спѣшишь! Я хочу пролить кровь Стефчова, другой не имѣетъ права!—воскликнулъ докторъ.

— Жребій, жребій! — закричали члены.

Но ни Кандовъ, ни Соколовъ не соглашались тянуть жребій. Они забыли свое недавнее соглашеніе. Каждый изъ нихъ боялся вытянуть пустой жребій.

Тогда Огняновъ авторитетно заявилъ:

— Такъ какъ возникъ вопросъ, кто имѣетъ преимущественное право уничтожить предателя, то я отнимаю это право у васъ обоихъ. Я—его жертва, я имѣю преимущество надъ вами. Если вы не согласитесь тянуть жребій, увѣряю васъ, господа, я воспользуюсь своимъ правомъ. Мокрый дождя не боится.

— Нѣтъ, не бывать этому... пусть Соколовъ и Кандовъ тянутъ жребій!— снова заголосили члены.

Слова Бойча убѣдительно подѣйствовали на обоихъ соперниковъ и заставили ихъ согласиться съ общимъ требованіемъ.

Жребій выпалъ Соколову.

— Теперь я ничего не имѣю противъ, поздравляю васъ,—сказалъ со злобой Кандовъ и сѣлъ въ углу.

— Теперь — для Саманова! — воскликнулъ Поповъ.

— Сколькихъ матерей заставилъ плакать этотъ извергъ!—сказалъ попъ Димчо;—кто его истребитъ, тотъ, хотя бы онъ по шею погрязъ въ грѣхахъ, станетъ чистъ, какъ ангелъ передъ Богомъ...

И попъ Димчо благочестиво нацѣдилъ рюмку водки, которую онъ извлекъ изъ-за пазухи, и подалъ ее Странджову.

Огняновъ крикнулъ:

— Господа! теперь—для Саманова!..

Въ это время стукнули въ ворота.

Всѣ насторожились. Призракъ предательства всталъ у всѣхъ передъ глазами.

Соколовъ схватилъ револьверъ и побѣжалъ къ воротамъ.

— Кто стучитъ?—спросилъ онъ:

Тихій голосъ отвѣтилъ: «Отворите!.. Письмо...»

Докторъ снова заперъ ворота и, вернувшись къ иконостасу, развернулъ письмо и принялся его читать при свѣтѣ лампадки.

Черезъ минуту онъ подошелъ къ товарищами съ лицомъ, сильно измѣнившимся. Щеки его побѣлѣли отъ ужаса и изумленія. У всѣхъ замерли сердца.

— Предательство? — спрашивали всѣ взгляды.

— Что это за письмо?—спросилъ Огняновъ.

— Наше письмо, которое мы вчера отправили въ Панагюрскій комитетъ;

теперь его намъ возвращаютъ. Вотъ сами видите отъ кого оно.

И онъ подалъ письмо Огнянову.

— Читай, вотъ эти строки:

Огняновъ прочиталъ слѣдующее:

«Господинъ подпредсѣдатель!

«Плохо дѣлаете, что роняете свою корреспонденцію на улицахъ; тамъ ее нашелъ господинъ Стефчовъ. Сегодня взялъ я ее изъ его рукъ у бея, которому онъ перевелъ ту страницу, гдѣ говорится о белладонѣ, а другую страницу я послѣ самъ прочиталъ у себя въ комнатѣ надъ жаровней, вы объ этомъ не безпокойтесь. Собиралась буря надъ вашей головой въ этотъ вечеръ, но разсѣялась. Благодарите меня! Собирайтесь впредь въ другомъ мѣстѣ и съ большей осторожностью. Желаю успѣха и побѣды!

Болгарскій предатель и шпіонъ:
П. Самановъ».

Поднялась суматоха.

— Какъ попало это письмо въ руки Стефчова?—съ негодованіемъ спросилъ Огняновъ, когда первый моментъ возбужденія нѣсколько улегся.

— Пенчо взялъ его, чтобы передать нашему письмоносцу, и, какъ видно, потерялъ.

Дѣйствительно письмо выпало на улицу, когда служанка чорбаджія Юрдана вытряхала утромъ сюртукъ Пенчо изъ окна. Пенчо не замѣтилъ еще, что письмо исчезло изъ его кармана.

— И Стефчовъ долженъ былъ его найти! Говори послѣ этого, что не существуетъ фатальности! — сказалъ Кандовъ.

— И что нѣтъ Провидѣнія!—прибавилъ Нетковичъ.

— Можно ли было предполагать, что въ Самановѣ кроется столько честности!—сказалъ Франговъ.

— Очевидно, мы обязаны ему не только тѣмъ, что знаемъ, — замѣтилъ Ганчо Поповъ;—онъ упоминаетъ еще о какой-то бурѣ; вѣроятно, насъ хотѣли здѣсь напасть и арестовать насъ... Не даромъ же Стефчовъ былъ въ конакѣ и его человѣкъ шпіонилъ за нами...

— Да, у этого человѣка есть благородство!—удивился Огняновъ.

— И большой патріотизмъ, какъ видите. Вѣдь, спасая насъ, онъ подвергалъ себя громадному риску,—сказалъ Нетковичъ.

— Господа,—воскликнулъ торжественнымъ голосомъ Огняновъ, — это знаменіе времени! Когда сами турецкіе оффиціальные шпіоны дѣлаются патріотами и нашими союзниками,—значитъ, мы работаемъ въ великій моментъ, значитъ—духъ народный подготовленъ, и народъ созрѣлъ для великой борьбы!..

— Петраки теперь для меня святой!—замѣтилъ умиленный бай Мичо.

И на всѣхъ лицахъ появилось спокойствіе и бодрость. Мы должны сказать, что этотъ всѣми проклинаемый Самановъ, въ дѣйствительности не совершалъ до сихъ поръ ни одного предательства. Онъ вступилъ на шпіонскій путь единственно за тѣмъ, чтобы вымогать деньги и у турокъ, и у болгаръ. Чтобы повліять на послѣднихъ, онъ сыпалъ угрозами, но далѣе этого не шелъ. Самолюбіе умерло въ немъ, совѣсть была еще жива. Очевидно, несчастный не былъ созданъ шпіономъ, но тяжелыя условія жизни толкнули его на этотъ грязный путь. Замѣтимъ, что прежде, чѣмъ вернуть письмо комитету, онъ хитростью убѣдилъ бея отложить нападеніе.

Онъ умеръ въ заточеніи въ Азіи въ тотъ самый день, когда была подписана амнистія въ Санъ-Стефано...

XII.

Ночной походъ.

Засѣданіе кончилось, но разговоры еще продолжались съ большимъ воодушевленіемъ.

Никто не думалъ объ ужинѣ.

— Слушайте, какіе-то крики на улицѣ, — сказалъ Браговъ, прислушиваясь и отворяя дверь.

Всѣ вскочили на ноги и стали прислушиваться.

— Что бы это могло быть?—спросили нѣкоторые.

— Слушайте! Слушайте!

Новые крики послышались среди ночной тишины; залаяли свирѣпо собаки, раздался топотъ по улицѣ, загремѣло оружіе, захлопали ставни, двери... Крики смутные, неопредѣленные слышались издалека. Раздались и выстрѣлы и эхо ихъ страшно огласило воздухъ.

— Возстаніе!

— Нѣтъ! Турецкіе разбойники на насъ напали!

— Можетъ—осада!

— Оружіе, кто хочетъ?—кричалъ бай Мичо, принося охапки ружей и пистолетовъ въ то время, какъ другіе находились въ нерѣшительности.

— Берите!—крикнулъ Огняновъ.

Всѣ схватили, кто что могъ, и столпились въ одно мѣсто.

Шумъ снаружи усиливался, собаки выли страшно.

Новые, болѣе ясные голоса послышались:—Петре! Нягуле! бей! стрѣляйте!.. Затворяйтесь, люди! И новый топотъ.

— Открыть? воскликнулъ Мичо Бейзадето...

— У всѣхъ ли есть оружіе?—крикнулъ докторъ.

— Бай Мичо! отворяй!—ревѣлъ Огняновъ.

Ворота раскрылись настежь.

Всѣ выскочили на улицу... Шумъ удалялся; собаки еще лаяли безпокойно. Въ чемъ дѣло? Разбойники? Нападаютъ ли? Бѣгутъ ли?

Никто ничего не могъ понять. Снова послышался выстрѣлъ.

— Пойдемъ туда, гдѣ стрѣляютъ,— предложилъ бай Мичо,—можетъ, понадобимся тамъ... Ребята, впередъ!

И помчались.

Кандовъ съ ружьемъ и большимъ ятаганомъ въ рукахъ опередилъ всѣхъ своихъ товарищей.

— Кандовъ!—кричалъ ему Огняновъ;—осторожно, подожди!.. Но Кандовъ не оборачивался. Онъ былъ убѣжденъ, что вспыхнуло возстаніе, и спѣшилъ очутиться въ первыхъ рядахъ.

На улицахъ снова стало пустынно. Маленькіе огоньки въ окнахъ исчезали при приближеніи дружины. Она скоро очутилась подлѣ конака. Конакъ былъ глухъ. На его обширномъ дворѣ не было ни живой души. Двери зіяли, широко раскрытыя. Мичо Бейзадето крикнулъ:

— Онбашій! Онбашій! Есть здѣсь кто-либо?

Показался больной сторожъ, болгаринъ.

— Бай Мичо, никого нѣтъ.

— Куда же всѣ дѣлись?

— Убѣжали въ Карлово. И бей, и всѣ полицейскіе—всѣ бросились бѣжать.

— Что же случилось?

— Развѣ вы не слышали? Крики, тревога, выстрѣлы... Одинъ Господь знаетъ.

Въ это время послышались снова голоса, которые приближались. Говоръ перемѣшивался съ громкимъ смѣхомъ. Дружина стояла въ недоумѣніи, на сторожѣ, съ ружьями на готовѣ...

Скоро изъ-за поворота улицы показались люди.

— Вѣроятно, какіе нибудь пья-

ные,—прошепталъ Огняновъ;—ребята, вниманіе!

Люди, пересмѣиваясь, приближались къ конаку. Замѣтивъ, что тамъ притаились какія-то тѣни, они крикнули по-турецки:

— Не бойтесь!

— Кто вы?—спросилъ бай Мичо, опасаясь коварства.

— Бай Мичо, ты ли?—крикнулъ кто-то по-болгарски. Это былъ сторожъ Михалъ.

— Добрый вечеръ,—проговорили и другіе голоса.

— Что такое случилось?

— Да докторова медвѣдица, бай Мичо, чортъ бы ее побралъ!.. Испугала народъ.

— Клеопатра?—воскликнулъ докторъ.—Гдѣ она?

— Убѣжала въ горы.

Страшный, гомерическій смѣхъ огласилъ улицу. Всѣ поняли, что Клеопатра была причиной тревоги.

— Совершила ли какую-нибудь пакость? --спросилъ Франговъ.

— Только Рачка Пердлета повалила въ грязь.

— Богъ съ нимъ, но какой стыдъ, бей тотчасъ умчался на конѣ и другіе—за нимъ. Они подумали, что здѣсь бунтъ! Какъ будто бунтъ такъ легко дѣлается. Недаромъ говорятъ, кто видѣлъ волка—кричитъ, а кто его не видѣлъ—кричитъ вдвое. Хорошо, что ему уже послано сказать въ чемъ дѣло, а то утромъ мы имѣли бы здѣсь цѣлую ораву турокъ изъ Карлова.

— Кого вы послали къ нему?—спросилъ бай Мичо.

— Самановъ поѣхалъ.

— Какъ, самъ Самановъ?

— Да, онъ. Онъ хотѣлъ завтра утромъ поѣхать въ Филиппополь, но когда поднялась суматоха, онъ не остался здѣсь на ночь, а уѣхалъ тотчасъ повидаться съ беемъ въ Карлово, и оттуда онъ ужъ поѣдетъ своей дорогой. Хорошо еще вышло, другъ...

— Вотъ какой деморализованный народъ надъ нами господствуетъ,—сказалъ Огняновъ, когда они тронулись въ обратный путь.—Мнѣ стыдно становится, когда подумаю, что мы служимъ и подчиняемся такой гнилой державѣ.

Компанія вернулась къ Мичу Бейзадету, чтобы оставить тамъ оружіе. Въ дверяхъ имъ посвѣтили, и тогда они замѣтили отсутствіе Фратя.

— Его уже не было, когда мы выходили еще,—сказалъ Поповъ.

— Этотъ парень испугался и, вѣрно, спрятался гдѣ-нибудь, надо его поискать, а то онъ простудится еще за ночь,—сказалъ бай Мичо.

Принялись искать республиканца по улицамъ, въ огородѣ, на деревьяхъ. Забыли только виноградные лозья, а онъ былъ на нихъ! Какимъ образомъ онъ взобрался на нихъ, какъ онъ дерзнулъ на такое воздушное путешествіе, онъ самъ не могъ припомнить.

Приставили лѣстницу, и онъ благополучно слѣзъ, привѣтствуемый веселымъ смѣхомъ товарищей.

— Что такое случилось?—спросилъ онъ.

— Ты предлагалъ республику, Фратю, теперь мы уже ее имѣемъ... Только, этотъ режимъ просуществуетъ лишь одну ночь,—смѣялся Николай Нетковичъ.

XIII.

Викентій.

Огняновъ попрощался съ товарищами и пошелъ по улицѣ, которая ведетъ на край города. Потомъ онъ повернулъ на монастырскую дорогу.

рирода была уже погружена въ глубокій сонъ. Орѣшники и кусты, растущіе по краямъ дороги, сонливо шуршали своими листьями; глухой шумъ лекихъ горныхъ водопадовъ разливался въ тишинѣ какъ отголосокъ какой-то небесной пѣсни. Темныя, громадныя очертанія Старой горы, которыя приближалъ ночной мракъ, молчаливо вздымались къ звѣздамъ.

Огняновъ остановился у большихъ монастырскихъ воротъ и постучалъ. Черезъ минуту работникъ спросилъ «кто тамъ?» и отворилъ ему. Онъ назвался дядей дьякона. Два сильныхъ монастырскихъ пса набросились на ночного гостя, но, узнавъ его, замолкли и завиляли хвостами. Онъ тихо вошелъ и во вторыя ворота, ведущія во внутреній дворъ, прошелъ по аллеѣ съ тополями и постучалъ въ дверь дьякона.

Она открылась.

— Кто тамъ?—спросилъ дьяконъ, не узнавшій сразу переодѣтаго Огнянова; потомъ онъ вдругъ бросился ему на шею.

— Бойчо, Бойчо, ты ли это?—И бѣдный Викентій заплакалъ отъ радости. Онъ его засыпалъ вопросами. Огняновъ вкратцѣ разсказалъ ему все, потомъ прибавилъ:

— Но я пришелъ къ тебѣ по дѣлу, а не за тѣмъ, чтобы разсказывать свою исторію.—Викентій посмотрѣлъ на него удивленно.

— Въ самомъ дѣлѣ, что тебя пригнало въ такой часъ?

— Успокойся, теперь я пришелъ къ тебѣ просить не пристанища, какъ годъ тому назадъ, а другой услуги, и не для меня, а для дѣла...

— Говори,—сказалъ Викентій тревожно.

— Гдѣ теперь отецъ Еротей?

— Онъ въ церкви на молитвѣ, какъ всегда,—отвѣтилъ на вопросъ удивленный Викентій.

Огняновъ подумалъ.

— Долго онъ еще тамъ пробудетъ?

— Обыкновенно онъ тамъ молится до трехъ съ половиною часовъ. Теперь два часа Почему ты спрашиваешь?

— Ты, вѣдь, знаешь, гдѣ лежатъ его деньги?

— Знаю. А что?

— Садись, я тебѣ скажу что-то.

Дьяконъ сѣлъ и вперилъ глаза въ своего гостя.

— Мы должны внести въ панагюрскій комитетъ двѣсти лиръ, непремѣнно. Они необходимы для организаціи. И человѣкъ, который ихъ отвезетъ Бенковскому, ждетъ тутъ. Нужно ихъ достать. И я обѣщалъ комитету, что достану ихъ.

— Какъ же ты думаешь?—спросилъ дьяконъ.

— Мы должны взять ихъ у отца Еротея!

— Какъ, мы ихъ попросимъ у него?

— Я этого не сказалъ, самъ онъ ихъ не отдастъ.

— Такъ какъ же?

— Я сказалъ тебѣ, мы должны ихъ взять.

Дьяконъ испуганно смотрѣлъ на Огнянова.

— Какъ же ты думаешь, отецъ Викентій?—строго спросилъ Огняновъ.

— Лучше попросимъ его, можетъ, онъ дастъ.

— Чтобы просить его, нужно разсказать ему все дѣло... а онъ очень близокъ съ Юрданомъ Діамандіевымъ... Когда онъ бываетъ въ городѣ, онъ прямо идетъ къ нему... Кромѣ того, я знаю, онъ не дастъ, мы только потеряемъ дорогое время. Поспѣши, Викентій.

Викентій глубоко задумался. Онъ былъ весь подъ впечатлѣніемъ словъ Огнянова.

— Рѣшаешься, отецъ Викентій?

— Тяжело мнѣ, брате,—сказалъ дьяконъ почти плачевно.

Викентій вышелъ на цыпочкахъ.

На дворѣ было тихо и темно. Покрывавшія его виноградныя лозы дѣ-

лали мракъ еще гуще и таинственнѣе. Корридоры и галлереи кругомъ стояли безмолвно. Окна ихъ походили на глаза, глядящіе въ ночь. По дорогѣ дьяконъ заглянулъ въ церковь и убѣдился, что отецъ Еротей все еще стоитъ у аналоя и читаетъ молитвы. Онъ быстро пошелъ дальше. Монотонное журчанье ручейка заглушало его шаги, и безъ того тихіе... Дойдя до дверей кельи, онъ почувствовалъ, что ноги его подкашиваются, какъ будто онъ сдѣлалъ нѣсколько часовъ пути. Сердце его билось въ груди сильно и болѣзненно. Дьяконъ чувствовалъ, что силы оставляютъ его и вмѣстѣ съ ними и рѣшимость. Въ душѣ его что-то проснулось, кричало, судило его, приковывало къ мѣсту. Онъ испугался самого себя! Какъ это случилось, что онъ теперь здѣсь у дверей отца Еротея? Не лучше ли уйти отсюда? Вернуться и сказать Огнянову, что старикъ уже у себя, что невозможно,—обмануть его? Но ему противно было лгать; или, лучше, сказать ему прямо, что онъ не берется за это дѣло, что ему не хватаетъ смѣлости? Но онъ только-что такъ храбрился передъ Огняновымъ... Какъ онъ выдержитъ его насмѣшливый, можетъ быть, презрительный взглядъ? Потомъ, великая цѣль, которой и онъ служилъ, требуетъ этого. Въ первый разъ ему выпалъ случай быть полезнымъ, и онъ окажется бабой! Нѣтъ, возврата нѣтъ!

Викентій рѣшительно подошелъ къ двери.

Въ келіи было темно. Кругомъ—могильная тишина. Онъ прислушивался еще минуты двѣ, потомъ толкнулъ дверь. Она открылась. Лампадка мерцала и кидала умирающій свѣтъ на иконостасъ. Викентій нащупалъ висѣвшую фуфайку, сунулъ руку въ карманъ, вытащилъ ключъ и быстро вошелъ въ открытую переднюю. Тамъ онъ зажегъ восковую свѣчку, подошелъ къ двумъ сундукамъ и прилѣпилъ ее къ крышкѣ одного изъ нихъ. Дьяконъ сталъ на колѣни передъ другимъ, но колѣни его дрожали, и онъ сѣлъ по-турецки. Потомъ онъ открылъ сундукъ, который тихо звякнулъ. На днѣ его лежали сумки съ деньгами и съ другими драгоцѣнными вещами: большими четками изъ янтаря, золотыми русскими иконами, чайными серебряными ложечкми и блюдами, крестиками изъ жемчуга и сверткомъ иконокъ съ Аѳона. Викентій ощупалъ сумки: двѣ изъ нихъ, повидимому, были съ крупными монетами: рублями, меджидіями *); третья съ мелкой серебряной; наконецъ, еще одна зеленая сумка заключала въ себѣ блестящее золото. Онъ отсчиталъ изъ нея въ свою полу двѣсти лиръ; сіяющая золотая куча лежала передъ нимъ. Викентій не былъ сребролюбцемъ, но блескъ этого сіяющаго металла очаровывалъ его глаза. «Вотъ почему,—мелькнуло въ его головѣ,—совершаются самыя ужасныя преступленія, и человѣкъ отдаетъ всю свою жизнь, чтобы добыть его... Вотъ чѣмъ можно купить цѣлый міръ! Для спасенія Болгаріи—опять-таки нужно золото... и тысячи человѣческихъ жизней... Но гдѣ же все золото старика, которое молва считала тысячами лиръ?»—Викентій былъ въ недоумѣніи. Онъ сталъ перекладывать монеты изъ своей полы въ карманъ.

Послышался неожиданный шорохъ. Онъ обернулся.

Сзади его стоялъ отецъ Еротей.

---

*) Турецкая серебряная монета въ 5 франковъ.

XIV.

Зеленая сумка.

Старикъ былъ величественнаго роа.. Его длинная бѣлая борода краво падала на грудь, широкое, сухое доброе лицо, слабо освѣщаемое свѣй, было спокойно, какъ и его взглядъ. Онъ тихо приближался. Викентій устился на колѣни.

— Чадо, вѣрить ли глазамъ своіъ?—сказалъ старикъ болѣзненноожащимъ голосомъ.

— Простите меня! — и Викентій юляюще простеръ свои сложенныя ки.

Отецъ Еротей молча стоялъ и смоѣлъ на него. Лицо Викентія было ѣдно до неузнаваемости. Всѣ его ены одеревенѣли. Въ своей непоижной позѣ онъ болѣе походилъ на атую, чѣмъ на человѣка.

Въ комнаткѣ царила могильная тиина.

— Дьяконе Викентіе! Съ коихъ поръ аянный сатана овладѣлъ душей тво? Съ коихъ поръ эта алчность на лото и грабительство? Боже, святый сусе Христе, прости меня грѣшнаго!

Старецъ перекрестился.

— Встань, дьяконе Викентій!—воскикнулъ онъ строгимъ голосомъ.

Викентій, какъ автоматъ, поднялся ноги. Голова его висѣла, какъ подзанная вѣтка.

— Скажи мнѣ, зачѣмъ ты влѣзъ да, яко тать нощный?

— Простите, простите! согрѣшилъ, че Еротее!—проговорилъ Викентій ерывистымъ и глухимъ голосомъ, хожимъ на вопль.

— Да проститъ тебя Богъ... Ты тупилъ на путь нечестивыхъ; ты ремишься къ погибели вѣчной и къ губленію тѣлесному и душевному. то научилъ тебя этому смертному ѣху?

— Отче! прости меня, не для себя вытащилъ эти деньги,—бормоталъ итый Викентій.

— Для кого жъ ты польстился на этотъ соблазнъ, Викентій?

— Для народнаго дѣла, отче!

Старецъ посмотрѣлъ на него съ удивленіимъ.

— Для какого народнаго дѣла?

— Дѣла, которое мы подготовляемъ теперь, для возстанія болгарскаго. Понадобились деньги... и я дерзнулъ посягнуть на ваши...

Какое-то новое чувство озарило лицо старика.

— Почему же ты не спросилъ меня, чадо? Развѣ я не далъ бы? Или ты не имѣешь довѣрія ко мнѣ? Развѣ я не люблю Болгарію? Не сегодня—завтра Всевышній приберетъ мою грѣшную душу... Кому же я оставлю все, что имѣю? Мои наслѣдники—вы всѣ, болгарскіе юноши... Мы, старики, еще не понимали и не могли... Богъ великій поможетъ вамъ избавить христіанъ отъ проклятаго рода агарянскаго... Что ты смотришь на меня?.. Не вѣришь мнѣ? Иди сюда, смотри.

И, взявъ за руку неподвижнаго Викентія, онъ подвелъ его къ шкафу, вынулъ оттуда большую зеленую книгу, раскрылъ ее старческой, дрожащей рукой и сказалъ:

— Читай тутъ; теперь мнѣ не къ чему скрывать. Прости меня, Боже!

Викентій прочиталъ слѣдующія записи, сдѣланныя рукой монаха:

«1865 г. февраля 5. Послалъ его благородію, господину ***, въ Одессу, 200 отоманскихъ лиръ за право слушанія пяти болгарскихъ мальчиковъ.

«1867 г. сентября 8. Послалъ его благородію, господину ***, въ Габрово, 100 отоманскихъ лиръ за право ученія четырехъ болгарскихъ мальчиковъ.

«1870 г. августа 1. Послалъ его благородію, господину ***, въ Филиппополь, 120 отоманскихъ лиръ за право ученія 5 болгарскихъ мальчиковъ».

— Стой,—сказалъ отецъ Еротей, намусливъ палецъ и перевертывая страницу.—Читай здѣсь.

Викентій прочиталъ:

«Да будетъ извѣстно: Въ малой зеленой сумкѣ лежитъ 600 лиръ отоманскихъ: Эти деньги должно отдать іеродіакону Викентію изъ города Клисуры, рукоположеннаго въ святой обители Святого Спаса,—чтобы онъ поѣхалъ въ Кіевъ для продолженія своего богословскаго ученія на пользу Болгаріи».

Послѣдняя замѣтка имѣла значеніе завѣщанія, на случай внезапной смерти старца.

Викентію казалось, что онъ грезитъ. Онъ не смѣлъ поднять глазъ, не былъ въ силахъ посмотрѣть старику въ глаза, горѣвшіе теперь, какъ два живыхъ угля. Онъ только поцѣловалъ съ благоговѣйною признательностью руку его; и глаза его, прикованные стыдомъ къ полу, роняли благодарныя слезы.

Отецъ Еротей понялъ его и сжалился надъ бѣднымъ Викентіемъ. Онъ ему сказалъ ободряющимъ голосомъ:

— Утѣшься, Богъ прощаетъ кающагося. Желаніе твое было доброе и похвальное... Всевѣдущій Богъ видитъ. Скажи, сколько денегъ нужно на оружіе?

— Двѣсти лиръ... Отче Еротее, вы святой! Ваше имя должно остаться безсмертнымъ!—восторженно воскликнулъ растроганный Викентій.

— Не сквернословь, сынъ мой!—отвѣтилъ строго старикъ,—возьми сколько нужно денегъ и употреби ихъ, какъ тебя научилъ Господь, на пользу Болгаріи... Благословляю васъ. Если понадобятся еще, спросите. Что же касается до твоихъ денегъ...

— Отче Еротее! Горячо благодарю васъ за ваше великодушіе и благодѣянія... Но я не имѣю болѣе права пользоваться ими; я не хочу оставить Болгаріи, я хочу бороться и умереть за ея свободу. Я видѣлъ теперь отъ васъ примѣръ любви къ родинѣ.

— Дьяконъ Викентій — проговорилъ старикъ,—хорошо, сынку, послужи Болгаріи, если время пришло. А твои деньги снова будутъ въ зеленой сумкѣ, не безпокойся. Только я ихъ положу въ болѣе безопасное мѣсто: не всѣ воры такіе ангелы незлобивые, какъ ты. Потомъ, когда умру, помяни меня...

Викентій вышелъ, какъ пьяный, изъ кельи отца Еротея, бѣгомъ миновалъ дворъ и весь потрясенный влетѣлъ въ свою комнату.

Огняновъ посмотрѣлъ на него удивленно.

— Ну, что? ты долго ходилъ... Почему ты поблѣднѣлъ такъ?—разспрашивалъ онъ быстро;—что-жъ ты молчишь, Викентій? Досталъ ли деньги?

Викентій вывернулъ свой карманъ и сказалъ:

— Вотъ онѣ!

Золотыя монеты разсыпались по полу.

— Сколько ты взялъ?

— Всѣ далъ!

— Кто далъ? Отецъ Еротей? Значитъ, ты просилъ у него? Ты пошелъ къ нему?

— Нѣтъ, онъ меня засталъ, когда я кралъ ихъ.

— Ну!!

— Ахъ, Огняновъ, Огняновъ! Что мы сдѣлали, брате мой! Какъ мало мы знали отца Еротея! Ты, ничего... но я-то, прожившій здѣсь, его благодѣяніями, три года. Я не могу себѣ простить этого. Въ эту ночь какъ бы молнія блеснула передъ моими глазами, раскрыла ихъ и меня убила... Да, я бы отдалъ двадцать лѣтъ моей жизни, чтобы не пережить такого часа. Я, молодой болгаринъ, горячій патріотъ, былъ уничтоженъ тихимъ душевнымъ величіемъ и скромнымъ патріотизмомъ этого старика, никому неизвѣстнаго, стоящаго одной ногой въ могилѣ. Представь себѣ, брате мой,

засталъ онъ меня у сундука, съ полой, полной золотыми монетами.

И дьяконъ все ему подробно разсказалъ.

— Какъ же? Онъ вышелъ изъ церкви раньше на этотъ разъ?

— Нѣтъ, въ тотъ же часъ, но я, не замѣтивъ этого, потерялъ много времени на колебанія во дворѣ... Представь себѣ мое положеніе...

— Да, этотъ человѣкъ святой!—воскликнулъ изумленный Огняновъ.

— Я говорилъ тебѣ, брате мой, лучше попросить...

— Я былъ нехорошаго мнѣнія о монашескомъ патріотизмѣ.

— Ты долженъ измѣнить свое мнѣніе. Ты, какъ Каравеловъ, вбилъ себѣ въ голову, что монахъ какое-то допотопное животное, вѣчно спящее, окутанное толстымъ слоемъ жира, и коротающее свою жизнь въ бесѣдахъ съ монастырскими котами!.. Ты смѣешься, ты забываешь цѣлый рядъ народныхъ дѣятелей, вышедшихъ изъ того званія, начиная съ отца Паисія, который, сто лѣтъ тому назадъ, написалъ исторію Болгаріи, и кончая дьякономъ Левскимъ, который умеръ за нее! Монахи не чуждались болгарскаго движенія, и одинъ изъ нихъ лишь надняхъ привелъ къ присягѣ нашъ комитетъ. Это и сегодняшній вечеръ, развѣ не убѣждаютъ тебя?..

Снаружи пропѣли первые пѣтухи.

— Спокойной ночи,—сказалъ Огняновъ, укладываясь на лавкѣ спать.

— Спокойной ночи, если только она можетъ быть спокойной для революціонеровъ...—отвѣтилъ дьяконъ и потушилъ свѣчку.

Но еще долго передъ ихъ глазами стояла величественная фигура отца Еротея.

. . . .

Отецъ Еротей былъ одной изъ тѣхъ высоко-симпатичныхъ личностей, которыя такъ много сдѣлали для возрожденія Болгаріи. Онъ былъ даже близкимъ пріятелемъ Неофита Бозвели. Обстоятельства не позволили ему лично послужить дѣлу умственнаго пробужденія Болгаріи, и онъ способствовалъ этому пробужденію косвенно, посылая болгарскихъ юношей учиться на свои деньги въ разныя учебныя заведенія. Его сердце тяготѣло къ Болгаріи. Не имѣя ни родныхъ, ни близкихъ, онъ всѣ свои привязанности, всю свою любовь отдавалъ ей. Онъ считалъ себя счастливымъ, что могъ хоть каплю пользы приносить родинѣ, но благодѣянія, разсыпаемыя имъ щедрой рукой, онъ держалъ въ тайнѣ, и одинъ только Богъ былъ имъ свидѣтелемъ. Эта глубоко-религіозная душа, полная простоты, боялась возгордиться; она боялась льстиваго шума свѣтской жизни, къ которой такъ жадно стремятся суетные фарисеи; онъ дѣлалъ добро, по совѣту Спасителя: правая его рука не знала, что творитъ лѣвая. Онъ у разныхъ лицъ, извѣстныхъ ему своею честностью, положилъ крупныя суммы для поддержанія учащихся юношей, съ условіемъ, что настоящій жертвователь останется въ тайнѣ. И онъ съ ясной душой ожидалъ своей кончины.

Отецъ Еротей прожилъ еще не долго. Когда открыли его сундукъ, на днѣ его нашли только одинъ мѣшокъ съ серебряной монетой — на похороны его и для раздачи бѣднымъ.

Викентій не былъ на его погребеніи. На другой день послѣ описанной только что сцены онъ оставилъ, гонимый стыдомъ, монастырь и уѣхалъ въ Клисуры.

XV.

Предпріятіе, которое совершается, какъ всѣ подобныя предпріятія того времени.

Въ это самое время Соколовъ, сильно озабоченный, возвращался домой... При разставаніи съ Огняновымъ, онъ сказалъ, что въ эту же ночь онъ приведетъ въ исполненіе смертный приговоръ надъ Стефчовымъ. Сдѣланная имъ тотчасъ же рекогносцировка вокругъ дома Стефчова уяснила ему положеніе дѣла. Соколовъ узналъ, что жена Стефчова больна и лежитъ въ комнатѣ нижняго этажа, и что домашніе заняты ею; онъ узналъ еще, что самъ Стефчовъ теперь въ комнатѣ верхняго этажа и что у него сидятъ гости—Мердвенджіевъ и грекъ, задержанный такъ поздно, повидимому, нарочно—для Лалки. Такимъ образомъ, ночью Стефчовъ долженъ былъ остаться одинъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Соколовъ уже былъ у двери дома Ярослава Брзобѣгунека. По дорогѣ онъ никого не встрѣтилъ, улицы были совершенно пустынны. Онъ тихонько постучалъ и ему тотчасъ отворилъ самъ Брзобѣгунекъ.

— Добрый вечеръ. Каблешковъ уѣхалъ?

— Уѣхалъ еще во время суматохи съ твоей Клеопатрой...

Докторъ молча подошелъ къ скамейкѣ около дома, взобрался на нее и сталъ всматриваться въ ночной мракъ.

— Что ты тамъ смотришь?

— Еще свѣтится,—сказалъ Соколовъ и слѣзъ.

— Куда ты смотрѣлъ? На окно Стефчова?

— Иди сюда!.. И докторъ ввелъ его въ темную комнату.

Брзобѣгунека эта таинственность изумила.

— Подожди, я зажгу свѣчку,—сказалъ онъ.

— Не нужно свѣчки.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ Брзобѣгунекъ тихимъ голосомъ: онъ понялъ, что докторъ имѣетъ ему сообщить что-то важное.

— Комитетъ поручилъ мнѣ убить Стефчова въ эту же ночь.—И онъ вкратцѣ изложилъ ему обстоятельства, которыя вынудили комитетъ принять такое рѣшеніе.

— Давно уже слѣдовало это сдѣлать,—гнѣвно прошепталъ Брзобѣгунекъ.—Какой же у тебя планъ?

— Думаю такъ: я перелѣзу къ нему во дворъ черезъ твой заборъ, постараюсь взобраться на окно и выстрѣлю въ него изъ револьвера, потомъ обратно черезъ калитку выскочу на улицу.

Брзобѣгунекъ подумалъ съ минуту.

— Это очень смѣлый и простой планъ,—сказалъ онъ;—но есть одно: попадешь ли ты въ него, или не попадешь, подозрѣніе все-таки падетъ на васъ, а болѣе всего на тебя... Всякій знаетъ, что вы давно враждуете другъ съ другомъ, и что у тебя есть много причинъ...

— Нѣтъ, за это я не безпокоюсь.

— Какъ не безпокоишься? Меня развѣ станутъ подозрѣвать, невиннаго фотографа съ простреленной рукой?

— Нѣтъ, но у меня есть громоотводъ, какъ говоритъ учитель Климентій: Бойчо самъ заявитъ домашнимъ Стефчова, что онъ его убилъ и за что. Прежде чѣмъ выстрѣлить, я положу на подоконникъ записку, которую мнѣ написалъ Бойчо. Вотъ видишь: «Нижеподписавшійся заплатилъ предателю за дѣла его. Для этой цѣли онъ и пришелъ, на нѣсколько только часовъ, въ гости въ Бѣлую-Церковь. Огняновъ.»

— Тогда, понятно, все взвалятъ на Огнянова... Но если его поймаютъ?

[М]ежду нимъ и полиціей слишкомъ [м]алое разстояніе.

— Его не поймаютъ, онъ и бѣ[ж]ать не станетъ.

— Какъ? Онъ остается въ Бѣлой-[Ц]еркви?

— Будь спокоенъ, у него есть гдѣ [у]крываться.

— Что-жъ, ты подождешь, пока [у]йдутъ гости?

— Подожду. Я подожду, пока онъ [о]станется одинъ, и если застану его [п]ри свѣчѣ, то пошлю ему одну пулю; [е]сли же будетъ темно и онъ будетъ [в]ъ постели, я ему пошлю туда шесть [п]уль. Хоть одна его доканаетъ.

— Ладно. Теперь выйдемъ, изучимъ позицію.

Они вышли и снова взобрались на [с]камейку.

Домъ Брзобѣгунека примыкалъ къ [д]ому Стефчова. Одна комната во второмъ этажѣ еще была освѣщена. Внутри ея мелькали какія-то тѣни.

— Это ли комната Стефчова?

— Эта.

— Но внутри есть еще кто-то; вѣрно, домашніе.

— Нѣтъ, не домашніе, я это знаю положительно... Домашніе его въ нижнемъ этажѣ, у больной.

— Тогда, кто же это?

— Гости: Мердвенджіевъ и Апостолъ.

Они всматривались еще нѣкоторое время.

— Стоятъ еще эти мерзавцы,— сказалъ съ досадой Брзобѣгунекъ.

— Пускай. Чѣмъ позже, тѣмъ лучше. Когда все утихнетъ,—проговорилъ докторъ.

Ночь подвигалась. Звѣзды блестѣли на небѣ, какъ живые бриліанты. Съ сосѣднихъ дворовъ тихій вѣтерокъ доносилъ нѣжныя благоуханія цвѣтовъ; сильнѣе всего чувствовалось ароматное дыханіе вѣтвистой акаціи. Листья деревьевъ сладко и дремливо шептались и трепетали подъ ласками ночного зефира; чудная, таинственная тишина господствовала въ эту безлунную ночь. Подъ крышей, надъ скамейкой, двѣ ласточки, разбуженные присутствіемъ людей, пугливо выглянули изъ гнѣздышка и снова прижались другъ къ другу... Какое-то дыханіе любви, какая-то радость небесная и неуловимая вѣяла повсюду. И все,—и это лазурное небо, и эти бриліантовыя звѣзды, и этотъ воздухъ, и эти деревья, и ласточки, грѣвшіяся въ своей пуховой постелькѣ, и цвѣты, и благоуханіе,—все вносило въ душу благодатное успокоеніе, все говорило ей о мирѣ, любви и поэзіи, и о безконечныхъ ласкахъ среди сладкой ночной тишины...

Эхъ, не для убійства сдѣланы эти чудныя весеннія ночи!

Но Соколовъ ничего этого не замѣчалъ, не чувствовалъ. Онъ теперь вперилъ глаза въ освѣщенное окно и въ мелькавшія тамъ тѣни. Онѣ направились къ двери.

У доктора замерло сердце: съ этого момента начинается уже дѣло.

— Уходятъ,—сказалъ Брзобѣгунекъ тревожно.

Тѣни еще разъ мелькнули и исчезли. Комната опустѣла.

— Стой здѣсь, теперь изучимъ движеніе непріятеля, — прошепталъ Брзобѣгунекъ и шмыгнулъ въ дверь.

Минуты двѣ спустя онъ вернулся.

— Вышли,—шепнулъ онъ;—Стефчовъ самъ ихъ проводилъ и заперъ двери. Это значитъ, что Рачко уже легъ спать.

Въ это время тѣнь Стефчова показалась въ окнѣ. Онъ вернулся.

Нѣсколько минутъ смотрѣли они молчаливо, стараясь разобрать, легъ Стефчовъ, или еще бодрствуетъ.

Тѣнь наклонилась и видна была уже только часть плеча.

— Сѣлъ на кровать,—сказалъ Брзобѣгунекъ.—Время теперь, ступай!..

— Пора,—шепнулъ взволнованно докторъ. Онъ направился къ стѣнѣ, чтобы приставить лѣстницу.

Брзобѣгунекъ схватилъ его за руку:

— Что ты дѣлаешь?

— Хочу влѣзть,—отвѣтилъ Соколовъ.

— Съ ума ты спятилъ? Ты вѣдь верблюдъ, еще сорвешь черепицу и разбудишь всѣхъ сосѣдей и собакъ, а утромъ придутъ ко мнѣ въ гости полицейскіе.

— Какъ же иначе?

— Ты жди меня у двери,—сказалъ Брзобѣгунекъ и, какъ кошка, полѣзъ по виноградньшъ лозьямъ, покрывавшимъ стѣну; черезъ секунду онъ уже былъ наверху ея.

Тогда докторъ увидѣлъ, какъ темная фигура Брзобѣгунека, принявшая видъ четвероногаго, поползла по черепичной крышѣ.

Ни малѣйшаго шуму не производило это воздушное путешествіе. Скоро животное потонуло въ темнотѣ, и докторъ ничего больше не видѣлъ.

Онъ быстро подошелъ къ выходной двери. На улицѣ было пустынно Городъ спалъ. Лѣнивый лай собакъ еще слышался время отъ времени: послѣднее біеніе пульса городской жизни.

Весь обратившись во вниманіе, онъ подождалъ минутъ десять на порогѣ. Послышались легкіе шаги Брзобѣгунека, дверь слабо скрипнула и открылась. Брзобѣгунекъ вошелъ и, взявъ доктора съ собой, снова вернулся къ стѣнѣ.

— Свѣтится еще, — шепнулъ Соколовъ.

— Куритъ папиросу, маршъ!—И Бзробѣгунекъ двинулся впередъ. Докторъ машинально слѣдовалъ за нимъ до стѣны, въ которой свѣтились два окна.

Соколовъ весь вытянулся, поднялся на цыпочки, но голова его едва доставала нижняго края рамы. Издали ему показалось, что окна низки и что ему не понадобится никакой подставки. Онъ растерялся. Брзобѣгунекъ замѣтилъ его недоумѣніе.

— Дай, я себя подставлю — сказалъ онъ. Онъ нагнулся къ стѣнѣ, согнулъ спину и уперся руками въ колѣна. Соколовъ схватился обѣими руками за подоконникъ, отскочилъ отъ земли и укрѣпился ногами въ его спину. Теперь подоконникъ приходился ему у пояса. Онъ внимательно посмотрѣлъ черезъ бѣлую занавѣску. Хотя и неясно, однако все было видно, что дѣлается внутри.

Стефчовъ теперь сидѣлъ, упершись головой въ стѣну. Онъ часто потягивалъ папиросу и насвистывалъ какую-то турецкую пѣсенку, что обыкновенно дѣлалъ въ минуты глубокаго размышленія. Свѣча, стоявшая на маленькомъ столикѣ, хорошо освѣщала комнату и отражалась въ зеркалѣ, висѣвшемъ на стѣнѣ. Съ одной стороны зеркала висѣлъ портретъ Абдулъ-Азиса въ естественную величину, въ поясъ. Съ другой стороны были стѣнные часы.

Поза Стефчова была совсѣмъ неудобна для вѣрнаго, смертоноснаго выстрѣла. Докторъ неподвижно стоялъ и взглядъ его безсознательно разбѣгался по стѣнамъ, по портрету султана, по зеркалу, и снова возвращался къ плечу Стефчова. Докторъ чувствовалъ, что онъ утомленъ, что онъ дрожитъ. Стефчовъ не мѣнялъ положенія. Онъ бросилъ свою докуренную папиросу и принялся крутить другую... Теперь Соколовъ насторожился: Стефчовъ непремѣнно долженъ будетъ встать, чтобы закурить папиросу у свѣчи, моментъ наступалъ... Онъ осторожно положилъ записку Огнянова на подоконникъ и впился глазами въ свою жертву. Стефчовъ докручивалъ папиросу...

Соколовъ вынулъ револьверъ... Онъ задыхался, и по жиламъ его пробѣгала какая-то холодная струя.

Между тѣмъ, Брзобѣгунекъ едва стоялъ и задыхался. Его спина, плечи, руки, колѣна, на которыя онъ упирался, трепетали подъ тяжестью Соколова, и муки съ каждымъ мигомъ

ановились ужаснѣе. Бѣдный Брзо-ягунекъ пропотѣлъ насквозь, терялъ знаніе, не имѣлъ силы выдержать лѣе эту тяжесть. Онъ ожидалъ каж-ій мигъ, что вотъ-вотъ раздастся ıстрѣлъ, и нервы его были напря-ны такъ, что готовы были лопнуть. о было страшное, невыразимое истя-зіе, и ему казалось, что оно длится минуты, а ужъ цѣлые часы. Съ уси-емъ повернулъ онъ вверхъ голову и епнулъ голосомъ, замершимъ въ уди его:

— Скорѣе!

Но Соколовъ не шевелился, не по-валъ признака жизни. Какъ статуя, тавился онъ въ окно.

Вдругъ Стефчовъ поднялся и тѣнь о отразилась на всей занавѣси. Док-ръ выстрѣлилъ черезъ стекло. Стеф-овъ вскрикнулъ и упалъ.

Въ тотъ же мигъ Соколовъ почув-твовалъ, что подъ его ногами что-то провалилось; онъ грохнулся на землю. Но тотчасъ же вскочилъ на ноги и увидѣлъ впереди себя четвероногое животное, которое ползало и прыгало къ воротамъ; онъ послѣдовалъ за нимъ. У калитки животное выпрямилось, открыло ее, и они устремились въ нее оба, толкая другъ друга. Брзобѣгу-некъ вылетѣлъ какъ стрѣла первый. И Соколовъ устремился, какъ стрѣла, за нимъ. Когда они вбѣжали въ во-рота Брзобѣгунека, они снова сцѣпи-лись руками,—кто скорѣе ихъ затво-ритъ. Брзобѣгунекъ снова шмыгнулъ, промчался мимо скамейки и вбѣжалъ въ комнату.

Докторъ вскочилъ за нимъ.

— Убилъ его,—шепнулъ онъ тихо.

— На смерть?—спросилъ Брзобѣ-гунекъ.

— Убилъ его, убилъ его!..—про-шепталъ докторъ въ темнотѣ.

XVI.

Свиданіе.

Лишь на другой вечеръ, когда стем-нѣло, Огнянову удалось повидаться съ адой.

Она глаза проглядѣла, ожидая его. ти долгіе часы трепетнаго ожиданія, сполненные непрестанныхъ волненій тревогъ, показались ей цѣлыми вѣ-ами.

Когда, наконецъ, Огняновъ посту-алъ въ дверь, она почувствовала, что оги ея подкашиваются; однако она росилась къ двери и открыла ее.

Когда первыя бурныя изліянія тихли, счастливые и сіяющіе, они сѣлись на скамейкѣ рядомъ. Они не огли налюбоваться другъ другомъ. 'ада. вся дышащая любовью и частьемъ, была прекрасна. Ей Бойчо азался теперь еще прекраснѣе въ воемъ сельскомъ одѣяніи, оттѣняю-цемъ болѣе обыкновеннаго умныя, выразительныя черты его мужествен-наго лица.

— Что же ты подѣлываешь, моя пташка?—говорилъ онъ ей;—да ты, бѣдное дитя, совсѣмъ сдѣлалась стра-далицей! Я убилъ тебя, я принесъ тебя въ жертву, Радо!.. И ты меня не упрекаешь, моя любящая душа, мое нѣжное сердце, рожденное только, что-бы плакать, ласкать, наслаждаться!.. Прости меня, прости меня, Радке!..—И Огняновъ сжималъ ея руки въ своихъ и тонулъ взглядомъ въ глубинѣ ея большихъ блестящихъ глазъ.

— Тебя простить? Ни за что не прощу!—воскликнула она капризно-сердитымъ голосомъ.—Вѣдь, что ты сдѣлалъ? Ты умеръ—и чтобы я не тер-залась? И потомъ ты ни словечкомъ не извѣстилъ меня... Ахъ, Бойчо, Бойчо, не умирай больше, ради Бога!

Я тебя больше не оставлю, я хочу быть съ тобой, беречь тебя, какъ зеницу ока, любить тебя много, много, и радоваться... Ты страшно страдалъ, Бойчо, не правда ли?.. Ахъ, Божичко, какая я безумная! Не спрашиваю тебя, что ты выстрадалъ, гдѣ скитался всѣ эти мѣсяцы, эти страшные для меня вѣка!..

— Много перенесъ... и много опасностей, Радо... но есть Господь и для насъ, и мы снова вмѣстѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты мнѣ разскажи все по порядку, все... Я хочу знать... тутъ такіе разсказы про тебя шли, такіе слухи, одинъ другого ужаснѣе... Боже, какъ у людей нѣтъ сердца, чего они только ни выдумываютъ!.. Разскажи мнѣ, Бойчо! Теперь ты живъ, со мною, и я могу все выслушать, какъ бы страшно и ужасно это ни было.

И она смотрѣла на него съ мольбой, съ невыразимой любовью и участіемъ.

Бойчо не могъ отказать ей. Она имѣла право. Да ему и самому хотѣлось подѣлиться душой съ любимымъ человѣкомъ, съ отзывчивымъ сердцемъ; воспоминанія о пережитыхъ страданіяхъ, о перенесенныхъ мукахъ, имѣютъ какую-то особенную прелесть, когда они изливаются въ минуты счастья. Бойчо разсказалъ просто, но не сухо, какъ вчера комитету и потомъ Викентію, свои приключенія съ того дня, какъ онъ оставилъ Бѣлую-Церковь. Въ ясныхъ, дѣтскихъ глазахъ Рады живо отражались, во время разсказа, волненія ея души. Онъ читалъ въ нихъ то страхъ, то жалость и участіе, то торжество и радость; она глотала жадно каждое его слово, переживала и перечувствовала все и не сводила съ него теплаго, любящаго взгляда.

— Узнаешь меня теперь?

— Да ты хоть маску одѣнь и то я тебя узнаю... Смотри-ка, что за фигура!.. Какой ты смѣшной, Бойчо!— смѣялась она весело.

— Ты меня узнаешь, потому что любишь меня, но чужіе люди, гдѣ же имъ догадаться!

— У подлецовъ острое зрѣніе, не шути этимъ!

— Для такихъ ищеекъ у меня есть вотъ что,—сказалъ Бойчо, подымая полу полушубка и показывая два револьвера и кинжалъ, висѣвшіе у пояса.

— Разбойникъ! — засмѣялась Рада;—госпожа хаджи Ровоама правду говорила...

— Если я разбойникъ, то ты противоположная крайность, — ты херувимчикъ.

— Смѣйся надъ бѣдной дѣвушкой.

Онъ снова сѣлъ.

Потомъ, подумавъ, онъ прибавилъ:

— Слушай, Радо, хочешь поселиться въ Клисурахъ у госпожи Муратлійской? Я устрою это... И тамъ опасно, но, по крайней мѣрѣ, ты избавишься отъ здѣшнихъ сплетень...

— Гдѣ хочешь, лишь бы я видалась съ тобой...

— Мнѣ поручена эта мѣстность. я долженъ въ ней вести агитацію. Въ Бѣлую-Церковь я пріѣду еще разъ только, чтобы поднять возстаніе... До тѣхъ поръ мы еще будемъ видаться. Радо, послѣ—одинъ Богъ знаетъ, кто живъ останется... Борьба будетъ кровавая и великая. Да благословитъ Богъ наше оружіе, наше отечество, это измученное отечество, чтобы оно воскресло послѣ борьбы окрававленнымъ. но свободнымъ... А я съ радостью умру за него... Одно только горе не оставитъ меня и въ могилѣ, что смерть разлучитъ меня съ тобою... Потому что я люблю тебя безпредѣльно, милое дитя, ты владѣешь моимъ сердцемъ, оно твое... но жизнь моя—она принадлежитъ Болгаріи... И я буду знать, что есть на свѣтѣ хоть одна душа. которая пожалѣетъ меня и прольетъ слезы надъ моей неизвѣстной могилой... По лицу Бойча пробѣжало облако.

Рада, взволнованная, схватила его а руку.

— Бойчо, но ты уцѣлѣешь, Богъ охранитъ Болгаріи такого героя, и ы еще будешь славенъ, и я буду частлива, такъ счастлива тогда!..

Бойчо недовѣрчиво покачалъ головой.

— Эхъ, ангелъ мой,—сказалъ онъ замолкъ. Потомъ, взявъ ее за руку, рибавилъ:

— Радке, что бы ни случилось, я очу, чтобы моя совѣсть была спокойа... Я могу погибнуть, я почти предувствую это...

— Молчи, Бойчо!

— Слушай: я могу погибнуть, Рао, потому что иду смерти на встрѣу, но я хочу быть хоть немного спооенъ за тебя. Ты связала свою судьу со мною—осужденнымъ, отверженымъ; ты меня сдѣлала самымъ счастивымъ человѣкомъ, ты пожертвоала для меня тѣмъ, что важнѣе саой жизни: твоею честью, и за это орько страдала; ты все забываешь ля меня! Я хочу, если умру, знать, то ты останешься передъ Богомъ и юдьми моей честной женой, хотя и есчастливой... Я хочу, чтобы ты ноила мое имя, имя Огнянова: оно ниѣмъ безчестнымъ не запятнано. Радо, то имя. Когда ты пріѣдешь въ Клиуры, я позову священника, чтобъ онъ бвѣнчалъ насъ и благословилъ, и тамъ подумаю о твоемъ обезпеченіи. Мой отецъ зажиточный и онъ меня любитъ... Онъ исполнитъ послѣднюю волю своего единственнаго сына... Я бы сдѣлалъ это здѣсь, но это теперь невозможно, мы можемъ другое сдѣлать... У меня нѣтъ перстня ни золотого, ни желѣзнаго, чтобы дать тебѣ... Желѣзо, что я ношу, оно для непріятелей... Но нѣтъ нужды, надъ нами великій, праведный Господь, Господь Болгаріи, униженныхъ и сокрушенныхъ сердецъ, Господь страждущаго человѣчества, Онъ видитъ, Онъ слышитъ...

И, взявъ ее за руку, онъ склонилъ колѣни.

— Поклянемся передъ Его лицомъ. Онъ благословитъ нашъ честный союзъ...

Она опустилась на колѣни.

И уста ихъ промолвили какія-то слова, которыя услышалъ одинъ Всевышній . . . .
. . . .

Когда Огняновъ закрылъ за собой калитку, на улицѣ было совсѣмъ темно. Онъ встрѣтился, почти столкнулся съ одной монашкой. Онъ узналъ хаджи Ровоаму. Она шла къ своему брату. Судьба привела ее къ дому Рады какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Огняновъ оттуда вышелъ.

Хаджи Ровоама впилась глазами въ лицо селянина, но не узнала его. Она, подъ какимъ-то предлогомъ, зашла къ Лиловичевой, чтобы вывѣдать, что это за селянинъ.

XVII.

Около ствола.

Въ это самое утро, на концѣ одной глухой улицы на краю города, Марко Ивановъ постучалъ въ калитку.

Ему тотчасъ открылъ молодой парень въ шароварахъ и рубахѣ съ засученными руками.

— Стволъ къ вамъ притащили?—спросилъ онъ.

— Къ намъ, бай Марко, входите!—и парень пошелъ впередъ и показалъ на дверь сарая.

— Вотъ тамъ, войдите!

Въ этотъ самый моментъ дверь отворилась, и первое что Марко увидѣлъ за ней, было—стволъ.

Это былъ стволъ черешни.

Бондарь Калчо, нашъ старый знакомый, стоя на обрубкѣ дерева, вертѣлъ огромнымъ сверломъ въ поднятомъ концѣ ствола. Потъ градомъ катился съ разгоряченнаго лица бондаря.

— Въ добрый часъ, Калчо!—сказалъ Марко, усмѣхаясь и съ любопытствомъ осматривая работу;—да она подвигается, подвигается, проклятая!

— Всякое дѣло мастера боится,—отозвался чей-то голосъ.

Марко обернулся и посмотрѣлъ. У стѣны сидѣлъ по турецки Мичо Бейзадето.

— О, бай Мичо,—привѣтливо сказалъ Марко, подавая руку председателю комитета.

— Сегодня у насъ засѣданіе, вотъ и говорю себѣ, дай зайду по дорогѣ посмотрѣть, что дѣлаетъ нашъ Букчé.

— Гдѣ же ваше засѣданіе, въ бору, что ли?—спросилъ Марко, присаживаясь и не сводя глазъ съ черешни.

— Сегодня въ Зеленомъ-Трапу.

Зеленымъ Трапомъ называлась одна площадка на склонѣ горы, составлявшей первую ступень Старой-Горы. Послѣ знаменитой ночи, въ которую стрѣляли въ Стефчова, собранія комитета происходили уже не у Мичо, а каждый разъ въ другомъ мѣстѣ.

Сегодня рѣшено было засѣдать въ рощѣ на Зеленомъ Трапѣ.

Калчо, раскраснѣвшійся, потный, продолжалъ вертѣть своими жилистыми руками огромное сверло. Онъ часто вынималъ орудіе, чтобы вытащить стружки, поглядывалъ въ дырку и снова вертѣлъ. Наконецъ, онъ довертѣлъ до нужной точки, хорошенько очистилъ дыру отъ опилокъ, посмотрѣлъ въ нее однимъ глазомъ, дунулъ въ нее и оглянулъ самодовольно своихъ гостей. Тѣ нагнулись и также заглянули въ жерло.

— Сюда влѣзетъ большое ядро,—замѣтилъ бай Мичо, — но мы еще наполнимъ ее мелкимъ желѣзомъ. Такъ она побольше поганцевъ повалитъ. Твоя черешня надѣлаетъ чудесъ...

Лицо Марка сіяло торжествомъ... Эту черешню далъ онъ.

Въ убѣжденіяхъ и понятіяхъ бай Марка за послѣднее время совершился значительный переворотъ. Революціонное броженіе, охватившее Бѣлую-Церковь, не надолго оставило его чуждымъ и хладнокровнымъ... Оно его сначала заинтересовало, потомъ удивило и взволновало. Онъ подумалъ: если вездѣ, какъ это говорятъ, происходитъ тоже, что въ Бѣлой-Церкви, не загорится ли въ самомъ дѣлѣ вся Турецкая Имперія? Ужъ если ребятишки, и тѣ ходятъ съ оружіемъ, можетъ быть, кто знаетъ, и конецъ этому царству близокъ?.. Кто знаетъ?.. Кто знаетъ?.. Эти размышленія ослабляли его страхи и усиливали его довѣріе къ судьбѣ. Человѣкъ положительный и съ здравымъ смысломъ, онъ въ концѣ концовъ все-таки увлекся общимъ возбужденіемъ и началъ вѣрить. Эпидемія заразила и эту трезвую, но честную болгарскую душу...

Однако, этотъ психическій процессъ не сразу совершился. Сильная вѣра вырабатывается подъ вліяніемъ цѣлаго ряда внушительныхъ фактовъ. Сначала (это было прошлою осенью), при видѣ растущаго все болѣе звѣрства турецкато населенія, онъ шепнулъ самъ себѣ:

— Да такая жизнь—есть ли жизнь?

Потомъ, ужъ весною, послѣ наѣздовъ Каблешкова, глядя на воодушевленіе молодежи, которая съ такой рѣшительностью готовилась къ безумному, но гордому предпріятію, онъ сказалъ женѣ своей:

— Кто знаетъ? Безумные творятъ, но можетъ что-нибудь безумное и сотворятъ...

Когда, вскорѣ послѣ того, въ кофейнѣ Ганки зашла рѣчь о страшныхъ препятствіяхъ, которыя встрѣтитъ это движеніе, и о грозныхъ послѣдствіяхъ, какими оно можетъ сопровождаться, Марко выразительно сказалъ Алафрангѣ:

Затѣмъ, зрѣлище внезапно мѣняется. Юная, бѣдная, но несокрушимая республика внезапно появляется изъ затопленныхъ земель Голландіи и развертываетъ въ Бріелѣ (1572) знамя протестантизма. Англія, умиротворенная казнью несчастной Маріи Стюартъ (1587), спасается отъ испанскаго вторженія разсѣяніемъ *Армады* (1588) и дѣлается достояніемъ реформаціи. Во Франціи, побѣжденная *Лига* (1576—1598) падаетъ къ ногамъ Генриха IV, побѣда котораго обезпечиваетъ, хотя, къ несчастію, на слишкомъ короткое время, торжество вѣротерпимости.

Религіозное единство нарушено окончательно, и Европа оказывается вполнѣ раздѣленною между двумя христіанскими вѣроисповѣданіями.

Католицизмъ сохранилъ за собою южныя страны, *Испанію*, *Италію*, и центральныя страны, *Австрію* и *Францію*, гдѣ глубоко укоренившаяся вѣра устояла противъ всѣхъ нападеній; протестантизмъ утвердился въ *Англіи*, *Голландіи*, *Даніи*, *Швеціи* и *Сѣверной Германіи*. Строгая религія, говорящая болѣе уму, чѣмъ воображенію, безъ торжественнаго богослуженія, безъ обрядовъ, картинъ и образовъ, несомнѣнно болѣе гармонировала съ населеніемъ, живущимъ преимущественно на холодныхъ и пустынныхъ равнинахъ. Ему чужда была всякая восторженность; оно привыкло болѣе разсчитывать и размышлять, чѣмъ чувствовать и восхищаться; дѣятельное и неутомимое, оно не любило тратить времени для праздниковъ, и находило, по вечерамъ, въ чтеніи Библіи особый интересъ и удовлетвореніе въ семейной жизни, столь дорогой для него.

Лютеранская реформація значительно измѣнила политику и условія союзовъ. Въ Нидерландахъ она воскресила національный духъ и присоединила къ списку государствъ республику *Семи Соединенныхъ Провинцій*, которая должна была играть значительную роль своимъ морскимъ могуществомъ. Религіозная вражда придала болѣе ожесточенности политическому соперничеству и вызвала еще бóльшія смуты въ XVII в. Протестантскія державы соединяются для поддержанія равновѣсія съ державами католическими, и съ тѣхъ поръ уже Европа не представляетъ политическаго единства, сдѣлавшагося невозможнымъ, такъ какъ религіозное единство было разрушено.

Протестантизмъ далъ новый толчокъ экономическому перевороту. Увеличеніе числа рабочихъ дней, необходимость, для протестантовъ, устраненныхъ отъ всѣхъ должностей и свободныхъ профессій, отдаться промышленности и торговлѣ, увеличили, въ католическихъ странахъ, число рабочихъ рукъ. Духъ равенства кальвинистскихъ странъ особенно способствовалъ ослабленію дворянства и поднятію промышленнаго и торговаго класса, достигшаго богатства, пріобрѣтя его трудомъ.

Протестантизмъ оживилъ также производительность умственную и научныя изслѣдованія, освободивъ ихъ отъ всѣхъ преградъ. Голландія и Швейцарія сдѣлались странами, куда укрывались гонимые писатели. Амстердамъ и Женева печатали запрещенныя книги. Философскій духъ развивался со смѣлостью, до тѣхъ поръ

неизвѣстной. Но искусствамъ реформація не благопріятствовала, такъ какъ она запрещала картины религіознаго содержанія; нѣмецкое искусство, едва только зарождавшееся, быстро остановилось; англійское искусство могло возникнуть лишь черезъ два вѣка позднѣе, и господство осталось за искусствомъ итальянскимъ и бельгійскимъ. Прибавимъ, впрочемъ, что голландское искусство соперничало съ искусствомъ католическихъ бельгійскихъ провинцій, какъ мы это увидимъ далѣе; но это происходитъ отъ болѣе реалистическаго, чѣмъ идеалистическаго характера живописцевъ Сѣвера.

Если искать истиннаго вліянія протестантизма, то его можно найти въ болѣе практическомъ умѣ и бо̀льшей положительности этой особой формы христіанской религіи. Она менѣе возбуждала воображеніе и чувство. Она была холодной и простой, и не безъ примѣси аскетизма, доказательствомъ чего можетъ служить пуританство, но она была враждебна духовнымъ орденамъ, отрѣшеннымъ отъ міра. Она почти не нарушала обычныхъ условій городской жизни, предписывая весьма мало религіозныхъ обрядовъ и строгостей, за исключеніемъ безусловнаго соблюденія воскреснаго дня, не нарушала ни одного изъ рабочихъ дней и соотвѣтствовала трудолюбію, все болѣе и болѣе развивавшемуся, въ виду возроставшаго стремленія народовъ къ удобствамъ жизни. Протестантскія страны опережаютъ остальныя въ исканіи этихъ удобствъ, соединенныхъ съ простотою богослуженія, которая ведетъ къ уменьшенію различій между одеждою различныхъ классовъ. Эти страны способствуютъ, въ особенности, складу современнаго ума, направленнаго къ улучшенію земной жизни, даже въ странахъ католическихъ, сдѣлавшихся менѣе равнодушными къ матеріальнымъ благамъ. Отмѣняя религіозныя корпораціи и духовенство, онѣ должны были развить *духъ гражданственности*, который получилъ преобладаніе даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ духовенство сохранило свое вліяніе.

Но XVI вѣкъ—лишь исходная точка, и намъ придется прослѣдить въ послѣдующихъ столѣтіяхъ значительно усиливавшійся процессъ развитія, который привелъ общество къ современной намъ цивилизаціи.

ГЛАВА IX.

СЕМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ. — РЕЛИГІЯ, ПОЛИТИКА, ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНТЕРЕСЫ.

Протестантизмъ и католицизмъ въ XVI в.—Тридцатилѣтняя война въ Германіи. — Пресвитеріане и пуритане въ Англіи; революціи 1640 и 1688 гг.— Религіозная война во Франціи при Людовикѣ XIII и отмѣна Нантскаго эдикта при Людовикѣ XIV. — Вліяніе религіознаго переворота на общество; характеръ христіанства въ XVII в.—Женскіе духовные ордена; сестры милосердія; св. Винцентъ де-Поль. — Политическое положеніе Европы въ XVII в.; великія войны; успѣхи военнаго искусства. — Европейское равновѣсіе; Вестфальскіе трактаты (1648); дипломатія. — Преобладающее значеніе Франціи; войны Людовика XIV. — Внутренняя политика государствъ; торжество абсолютной монархіи во Франціи.—Монархія Людовика XIV.—Центральная власть; провинціальная администрація.—Полиція; армія; юстиція; финансы. — Церковь. — Королевская власть и экономическіе интересы.—Результаты и недостатки абсолютной монархіи въ Западной Европѣ. — Абсолютная монархія въ Испаніи.—Монархіи въ различныхъ европейскихъ государствахъ. — Стюарты въ Англіи; революціи 1640 и 1688 гг. — Декларація правъ; конституціонная монархія.—Экономическое движеніе; морское и колоніальное могущество Голландіи.—Англія; ея первыя колоніи; навигаціонный актъ. — Экономическіе успѣхи Франціи; Сюлли; Ришелье. — Заслуги Кольбера; развитіе французской промышленности. — Теоріи Кольбера; покровительственная система; система равновѣсія.—Внутренняя торговля.—Военное и торговое мореходство; торговыя общества; колоніи.

Борьба между католицизмомъ и лютеранствомъ наполнила собою почти весь XVI вѣкъ и продолжалась еще въ XVII в. Германія, въ теченіе тридцати лѣтъ, волновалась ожесточенной войной между протестантскими государствами сѣвера и католическими странами юга, сплотившимися около могущественнаго австрійскаго дома. Этотъ послѣдній, желая осуществить разомъ религіозное и политическое единство, наносилъ одно за другимъ пораженія курфирсту Пфальцскому (1618—1625) и королю датскому (1625—1629), покровителямъ протестантовъ. Одно время счастье его должно было склониться передъ королемъ шведскимъ, *Густавомъ-Адольфомъ*, который, въ 1630 г., блестящимъ образомъ поддержалъ дѣло протестантовъ, но умеръ черезъ два года послѣ того, во время своей побѣды при Лютценѣ (1632), и оставилъ сѣверныхъ германцевъ и шведовъ на волю императора Фердинанда II, побѣдителя при *Нордлингенѣ* (1634). Французскій кардиналъ, сановникъ церкви, *Ришельё*, взялъ тогда на себя (признакъ времени и новаго духа) защиту нѣмецкихъ протестантовъ. Отдѣливъ, съ проницательностью, необычною для того времени, религію отъ политики, онъ не побоялся поднять мечъ, выпавшій изъ рукъ Густава-Адольфа, и обезпечить, вмѣшательствомъ католическихъ войскъ, свободу протестантовъ въ Германіи, которую онъ считалъ выгоднымъ для интересовъ Франціи. Другой кардиналъ, *Мазарини*, продолжалъ эту искусную и дальновидную политику и руководилъ переговорами о Вестфальскомъ мирѣ (1648), обезпечивавшемъ протестантскимъ князьямъ политическую и религіозную независимость. Германія могла наслаждаться вѣротерпимостью, хотя и не полною, такъ какъ *въ каждомъ государствѣ была до-*

пущена лишь одна религія, но это составляло уже большой шагъ къ умиротворенію умовъ путемъ свободы.

Это умиротвореніе стоило почти пятидесятилѣтнихъ смутъ въ Англіи. Сперва соединенные противъ католиковъ, изгнанныхъ послѣ, такъ-называемаго, *Пороховаго заговора* въ 1605 г., съ неумолимой и настойчивой строгостью, англійскіе лютеране раздѣлились. *Пресвитеріане*, послѣдователи Кальвина, и *пуритане*, ихъ преувеличенные подражатели, возмутились противъ англиканскаго и королевскаго ига.

Неумѣлые деспоты, Стюарты вызвали междоусобную войну (1640), которая повела къ большому замѣшательству для нихъ и закончилась казнью Карла I (1649) и диктатурой пуританина *Оливера Кромвеля*. Возстановивъ свою власть, Стюарты не воспользовались этимъ страшнымъ урокомъ. Карлъ II и Іаковъ II [1]), возобновили преслѣдованія, а послѣдній хотѣлъ возстановить католицизмъ въ странѣ, гдѣ его не существовало уже болѣе ста лѣтъ. Онъ палъ въ 1688 г., и Англія, со своимъ новымъ королемъ *Вильгельмомъ Голландскимъ*, удержала протестантскія традиціи, обезпечивъ разнообразнымъ сектамъ вѣротерпимость и свободу вѣроисповѣданій.

Во Франціи Генриху IV принадлежитъ слава такого умиротворенія, благодаря его достопамятному *Нантскому эдикту* (1598). Но направленіе его политики, столь же мудрой, какъ и великодушной, было измѣнено вдовой его, *Маріей Медичи*, вызвавшей новыя междоусобныя войны. Протестанты задумали тогда планъ устройства, такъ сказать, кальвинистской Франціи въ нѣдрахъ Франціи католической. Ришельё уничтожилъ этотъ планъ въ самомъ началѣ, съ тою проницательностью, какую онъ обнаружилъ въ веденіи внѣшнихъ дѣлъ, укрѣпивъ Алэсскимъ миромъ (1629) внутренній миръ, не касаясь постановленій Нантскаго эдикта, относившихся къ протестантскому богослуженію; онъ возстановилъ политическое единство, не стѣсняя религіозной свободы, и успокоилъ сердца, не оскорбляя свободы совѣсти.

Къ несчастію, Людовикъ XIV, во второй половинѣ XVII в., увлеченный страстью объединенія и абсолютизма, нанесъ это оскорбленіе отмѣною Нантскаго эдикта (1685). Это гоненіе, одобрявшееся, впрочемъ, обществомъ того времени, обезлюдило четвертую часть государства, остановило успѣхи французской промышленности, находившейся почти цѣликомъ въ рукахъ протестантовъ, передало французскія фабрики въ руки иностранцевъ, дало возможность процвѣтать ихъ странамъ въ ущербъ Франціи и, по энергичному выраженію Сенъ-Симона, «доставило имъ зрѣлище изгнаннаго народа, обнаженнаго, спасающагося бѣгствомъ, безвинно блуждающаго, ищущаго убѣжища вдали отъ своей родины».

Насилія XVI и XVII вв. повели за собою, какъ среди протестантовъ, такъ и среди католиковъ, реакцію, стремившуюся къ очищенію христіанства. Протестанты, несмотря на свою разроз-

[1]) Стюарты: Іаковъ I (1603—1624), Карлъ I (1624—1649), Карлъ II (1660—1685), Іаковъ II (1685—1688).

ненность, были согласны между собою относительно необходимости внутренней, искренней вѣры и подчиненія правиламъ Библіи и Евангелія. Религіозное чувство хотя оно и подкрѣплялось менѣе внѣшними выраженіями, было одинаково глубоко у пуританъ и у англиканцевъ, у кальвинистовъ и у лютеранъ. Въ Англіи, Германіи, Голландіи и Швейцаріи общество пріобрѣтало религіозный складъ и характеръ нѣкоторой суровости, которая смягчилась, но не исчезла вовсе и въ настоящее время. Усердное посѣщеніе храма, любовь къ чтенію Библіи, страсть къ спорамъ на теологическія и нравственныя темы, строгость, по крайней мѣрѣ, внѣшняя, нравовъ, неуклонное соблюденіе воскреснаго отдыха, поддерживаемое общественнымъ мнѣніемъ столько же, какъ и гражданской властью, отличаютъ протестантскія страны, гдѣ религія, сосредоточенная въ душѣ, получила грустный оттѣнокъ, подходящій къ сдержанности народовъ Сѣвера и туманности ихъ странъ. Протестантизмъ наложилъ свой отпечатокъ на англичанъ и голландцевъ, на швейцарцевъ и нѣмцевъ. Онъ явился одной изъ характерныхъ чертъ національности, составляя собою часть патріотизма и преобладая въ обществѣ, которое нигдѣ такъ не гордится своимъ христіанствомъ.

Католицизмъ, въ тѣхъ странахъ, гдѣ онъ сохранилъ господство, не отказываясь отъ внѣшней торжественности, стремился вернуться къ болѣе серьезному исполненію христіанскихъ обязанностей. Новые духовные ордена, основанные въ XVI и XVII вв., старались, какъ, напр., *Капуцины* и *Фелльянты* [1]), возстановить строгость старинныхъ нищенствующихъ орденовъ; другіе, какъ *конгрегація проповѣдниковъ* [2]) *и преобразованные бенедектинцы Сенъ-Мора* [3]), оживляли въ средѣ духовенства знанія и благочестіе. Св. Винцентъ де-Поль основалъ (1632) общину *Лазаристовъ*, предназначенную для приготовленія миссіонеровъ; община *Сенъ-Сюльписъ* [4]) имѣла цѣлью спеціальную подготовку клириковъ и создала семинаріи. *Трапписты*, подъ руководствомъ *Рансе*, посвящали себя земледѣльческому труду и принимали обѣтъ полнаго молчанія [5]).

Знаменитое аббатство *Поръ Рояль* около Парижа, сдѣлалось блестящимъ очагомъ учености; оно доводило свою строгость до того, что ученіями, заимствованными у Янсенія, приближалось къ суровости кальвинистовъ: это вызвало непріязнь іезуитскаго орде-

---

[1]) Орденъ капуциновъ былъ основанъ въ 1525 г., при папѣ Климентѣ VII, итальянцемъ Маттео Баски. Монахи этого ордена получили свое названіе отъ *капюшоновъ*, которые они носили на головѣ. — Фелльянты были учреждены въ 1577 г. Жанномъ ла-Баррьеръ, фелльянтскимъ аббатомъ, близъ Тулузы.

[2]) Кардиналъ Берюль основалъ въ 1611 г. конгрегацію проповѣдниковъ, свободное собраніе священниковъ, посвятившихъ себя преподаванію и проповѣди.

[3]) Бенедиктинцы Сенъ-Мора преобразовались въ 1613 и 1621 гг. Они прославились трудами Мабильона, Монфокона, д'Ашери, Букэ и др.

[4]) Сенъ-Сюльписъ основанъ въ 1641 г. Жанъ-Жакомъ Олліе.

[5]) Арманъ Лебутилье де-Рансе въ 1626 г. преобразовалъ монастырь въ Траппѣ, близъ Мортанья (деп. Орны), восходившій къ XII в. и принадлежавшій ордену Сито.

на, болѣе свѣтскаго и столь склоннаго смягчать христіанскія правила, что противъ него возсталъ съ ѣдкимъ краснорѣчіемъ Паскаль въ своихъ *Провинціальныхъ письмахъ.*

Женщины также вступали въ новые духовные ордена, основанные для нихъ, какъ, напр., орденъ *Визитокъ*, созданный св. Францискомъ Сальскимъ [1]) и г-жею Шанталь; орденъ *Урсулинокъ* [2]), слѣдовавшихъ уставу св. Августина, *Кармелитокъ* [3]), принявшихъ реформу, произведенную св. Терезою въ Испаніи въ XVI в., и предавшихся, по истинѣ необычайно строгому для своего пола, затворничеству и аскетизму.

Чувствительное сердце женщинъ особенно прониклось ученіями св. Винцента де-Поля, проповѣдника милосердія [4]). Со скромными средствами, но съ безграничнымъ усердіемъ, Винцентъ де-Поль основалъ, въ 1617 г., въ Шатильонѣ ле-Домбъ (деп. Энъ) первое братство *служительницъ* и *сидѣлокъ для бѣдныхъ*, затѣмъ, въ 1634 г., общину *дочерей* или *сестеръ милосердія* и, наконецъ, въ 1638 г., превосходное учрежденіе для *покинутыхъ дѣтей*, благодаря которому онъ избавилъ отъ смерти или отъ преступленія множество дѣтей. Проповѣдуя примѣромъ и самоотреченіемъ, этотъ скромный крестьянинъ изъ Ландовъ, покровительствуемый самыми знатными фамиліями, отказался отъ всякихъ почестей, внушилъ свою самоотверженность сестрамъ, посвятившимъ себя заботамъ о дѣтяхъ и больныхъ, и за свой героизмъ во время бѣдствій Франціи вполнѣ заслужилъ прозваніе Великаго раздавателя милостыни. Сестры милосердія не переставали слѣдовать его правиламъ и исполнять свои обязанности, высоко поднявъ, благодаря своему терпѣнію и кротости, современное имъ общество, которое, благодаря тому, не смотря на всѣ недостатки, стало гораздо выше древняго общества. Ни греческому, ни римскому міру не были извѣстны кроткія фигуры сестеръ милосердія, посвящающихъ свою жизнь облегченію человѣческихъ страданій, не отступающихъ передъ смертью, а напротивъ, заставляющихъ ее отступать передъ ихъ удивительной и кроткой неустрашимостью.

XVII вѣкъ, замѣчательный проявленіемъ духа милосердія вполнѣ противуположнаго общей нетерпимости, долженъ былъ улучшить отношенія народовъ между собою. Генрихъ IV, излѣчивъ раны, причиненныя междоусобными войнами во Франціи, задумалъ сдѣлать изъ Европы союзъ, основанный на уваженіи къ національностямъ. Онъ погибъ въ 1610 г., въ моментъ, когда хотѣлъ начать выполненіе этого плана, слишкомъ разумнаго и благороднаго для того, чтобы онъ могъ тогда осуществиться. Едва только этотъ король-патріотъ и гуманистъ успѣлъ сойти въ могилу, какъ разгорѣлась *Тридцатилѣтняя война* — слѣдствіе религіозныхъ распрей XVI в. и борьбы Германіи съ Австріей

---

[1]) Св. Францискъ Сальскій, епископъ женевскій (1567—1622), авторъ многочисленныхъ трудовъ, написанныхъ изящнымъ стилемъ, съ трогательнымъ благочестіемъ.

[2]) Урсулинки утвердились въ Парижѣ въ предмѣстьи С. Жакъ.

[3]) Св. Тереза преобразовала кармелитокъ, въ Авилѣ, въ 1568 г.

[4]) Св. Винцентъ де-Поль род. близъ Дакса (1576—1660).

Это была вполнѣ европейская война, такъ какъ она обагрила кровью всю Европу, отъ Венгріи до Балтійскаго моря, и отъ Нѣмецкаго моря до Дуная, отъ Рейна до Альповъ и до Пиренеевъ. Она организовала огромныя арміи и прославила множество полководцевъ, соперничавшихъ между собою въ искусствѣ и храбрости, каковы были король *Густавъ-Адольфъ* и его сподвижники *Бернардъ Веймарскій*, *Баннеръ*, *Торстенсонъ*, *Врангель*, и ихъ противники *Тилли*, *Валленштейнъ*, *Галласъ*, *Пиколломини*, *Іоаннъ Вертъ*, *Мерси*; затѣмъ французскіе полководцы *Тюренъ*, *Конде*, *Фаберъ*, *Гебріанъ*, *Ранцау* и т. д.

Густавъ-Адольфъ возродилъ *стратегію* и *тактику*. Его быстрые и неожиданные переходы, способъ, какимъ онъ размѣщалъ свои войска, лучше раздѣленные, чѣмъ прежде, и которыхъ онъ растягивалъ въ болѣе длинную линію, примѣненіе кавалеріи, составлявшей тогда бóльшую часть арміи, знаніе топографіи, при помощи котораго онъ располагалъ свою артиллерію, положили начало *военному искусству*. Его преобразованія были приняты повсюду. Тяжелую жандармерію раздѣлили на части, отнявъ у нея пики; отъ нея отдѣлили также стрѣлковъ, смѣшивавшихся съ нею, и сдѣлали изъ нихъ драгуновъ. Жандармовъ избавили почти отъ всѣхъ рыцарскихъ доспѣховъ и оставили имъ только кирасу и открытую каску: они образовали корпусъ кирасировъ. Кавалерія, отнесенная къ флангамъ, производила рекогносцировки; она была приведена къ своему настоящему назначенію. Старинные отряды пѣхоты были распредѣлены въ полки; пищаль замѣнена *мушкетомъ*; пѣхотинцы освободились отъ желѣзныхъ панцырей, затруднявшихъ движеніе. Неповоротливый боевой строй въ четыре шеренги еще сохранялся, но и это было уже большимъ прогрессомъ, въ сравненіи съ древними мало подвижными отрядами.

Дисциплина установилась, и былъ введенъ мундиръ. *Лувуа*, военный государственный секретарь Людовика XIV, организуетъ французскую армію, уменьшаетъ число *копейщиковъ*, не уничтожая ихъ, образуетъ шеренги солдатъ, бросающихъ гранаты, *гренадеровъ*, замѣняетъ мушкетъ *ружьемъ*, которое, дополненное *штыкомъ*, становится страшнымъ оружіемъ новыхъ временъ. Онъ предписываетъ маршировку, заставляетъ офицеровъ благородныхъ фамилій служить прежде, чѣмъ командовать, и учиться прежде, чѣмъ распоряжаться. Онъ доставляетъ Людовику XIV превосходныя войска, числомъ до 400.000 человѣкъ, снабженныя провіантскими магазинами, одеждой и всѣми принадлежностями, необходимыми такимъ большимъ массамъ людей.

Въ то же время зарождается искусство осады. Фаберъ придумалъ *параллели* при осадѣ Стенея (1654), а Вобанъ и Когорнъ усовершенствовали искусство атаки и защиты укрѣпленныхъ мѣстъ, Старинныя римскія и феодальныя стѣны сдѣлались безполезными съ того времени, какъ ихъ пробивали ядрами, и бомбы попадали во внутрь городовъ. Вобанъ понизилъ укрѣпленія до уровня земли и устроилъ защиту ихъ изъ рва передъ простымъ землянымъ валомъ, идущимъ подъ углами, зигзагами, такимъ образомъ, что къ нему нельзя подойти прямо; эта стѣна въ тоже время

прикрывала сильныя баттареи, далеко отбрасывавшія осаждающихъ; цитадели и крѣпости часто устраивались звѣздообразно и еще лучше защищали важные пункты. *Военно-инженерная* наука была создана.

Различныя европейскія государства, занятыя увеличеніемъ своихъ военныхъ силъ, старались поддержать равновѣсіе, чтобы никому не дать возможности преобладать надъ другими. Тридцатилѣтняя война привела къ Вестфальскому трактату (1648), установившему въ первый разъ нѣчто вродѣ равновѣсія между различными европейскими державами. Австрійскій домъ призналъ себя вынужденнымъ отказаться отъ притязаній на всемірную монархію: на сѣверѣ Германіи, Бранденбургъ и протестантскія государства представляли противовѣсъ Австріи. Протестантскія державы, Швеція, Данія, Голландія и Швейцарія, вошли въ составъ европейскаго союза.

Дипломатія, пытающаяся уменьшить или ограничить войны, видитъ увеличеніе своего вліянія, даже благодаря успѣхамъ военнаго искусства, такъ какъ, чѣмъ быстрѣе становятся средства разрушенія, а арміи ужаснѣе, тѣмъ менѣе рѣшаются пользоваться ими. *Мюнстерскій конгрессъ* въ Вестфаліи былъ первымъ изъ европейскихъ конгрессовъ, гдѣ представители державъ старались упорядочить отношенія между націями, примирить несогласія, скрѣпить союзы и установить *международное право*, которое, начиная съ этой эпохи, уменьшило ужасы войны. Конгрессы, мало-помалу, выработаютъ кодексъ цивилизованныхъ націй.

Франція, такъ много содѣйствовавшая установленію европейскаго равновѣсія, вскорѣ нарушила его при Людовикѣ XIV. Если бы честолюбіе этого государя ограничивалось возвращеніемъ къ естественнымъ границамъ Галліи, быть можетъ, оно возбудило бы зависть, но не вызвало бы европейскихъ коалицій. Однако, вторженіе въ Голландію (1672), затѣмъ, въ 1688 г., горделивое притязаніе навязать Англіи правителя, котораго она только-что свергла, и стремленіе Людовика XIV взять на себя роль Филиппа II, наконецъ, въ 1701 году, его намѣреніе присоединить Испанію къ Франціи раздражили Европу, возмутившуюся противъ столь открыто заявляемаго преобладанія. Она утомила Францію своими коалиціями, постоянно разрушавшимися и снова возстанавливавшимися, каковы были: тройственный союзъ 1667 г., коалиція въ Гагѣ (1673), Аугсбургская лига (1686—1688) и великая коалиція въ Гагѣ (1701). Французское могущество, прежде столь грозное на сушѣ и на морѣ, рушилось. Людовикъ XIV, передъ смертью, могъ видѣть результаты Вестфальскаго конгресса уничтоженными Утрехтскимъ конгрессомъ 1713 г. и европейское равновѣсіе нарушеннымъ въ ущербъ Франціи.

Своимъ преобладаніемъ, хотя и нѣсколько поколебленнымъ въ теченіе XVII в., Франція была обязана своему прочному *единству*. Генрихъ IV укрѣпилъ *неограниченную власть*, придавъ ей привлекательный характеръ. Кардиналъ Ришельё сдѣлалъ эту власть грозной. Внушая страхъ дворянству, преклонявшемуся передъ его красной мантіей, онъ, посредствомъ учрежденія *интен-*

дантовъ (1635), положилъ начало централизаціи. Эти старинные, но ранѣе не имѣвшіе значенія чиновники, получали страшную власть надъ губернаторами провинцій, вліяніе которыхъ они уменьшили или, скорѣе, уничтожили, сосредоточивъ, понемногу, въ своихъ рукахъ всю гражданскую власть. Правда, со смертью Ришельё произошла внезапная перемѣна: интенданты исчезли. Парламентъ и принцы соединились противъ Мазарини; но забавная борьба *Фронды* [1]) доказала безсиліе дворянства и чиновничества, склонившихся еще ниже подъ скипетромъ Людовика XIV.

Людовикъ XIV оживилъ древнія императорскія воззрѣнія. Онъ былъ самъ закономъ, олицетвореніемъ страны.«Государство это—я», говорилъ онъ. Римское понятіе государственной власти, заключавшееся въ сосредоточеніи милліоновъ людей въ одномъ лицѣ, никогда не провозглашалось съ большей откровенностью и надменностью. Кромѣ того, Людовикъ XIV примѣнилъ къ королевской власти феодальный принципъ, объявивъ себя собственникомъ королевства. Будучи сюзереномъ всѣхъ своихъ сеньёровъ и подданныхъ этихъ сеньёровъ, онъ владѣлъ всею Франціей, такъ какъ королевскія владѣнія, мало-по-малу, распространились на всю Францію. Наконецъ, сверхъ всего, Людовикъ XIV осуществилъ собою типъ христіанской королевской власти. Онъ смотрѣлъ на себя, какъ на представителя Бога. Подобно Карлу Великому, но съ болѣе утонченными обычаями и идеями, это былъ христіанскій король, римскій императоръ и германскій вождь.

Государство отожествлялось съ королемъ, и съ тѣхъ поръ говорилось только о послѣднемъ. Все дѣлалось для услуги королю: правосудіе принадлежало ему; судьи были его слугами; войска были королевской арміей; деньги—королевской монетой; тюрьма—королевской тюрьмой. Дворянство сражалось для славы короля; налоги, подавлявшіе народъ, шли на королевскія развлеченія и расточительность, хотя эта расточительность изливалась безъ разбора на лицъ недостойныхъ.

Людовикъ XIV не отдѣлялъ человѣка отъ короля, не понималъ, что̀ называется частной жизнью, и не стѣснялся выставлять на показъ свои слабости и предосудительные поступки. Всегда играя свою роль въ полной королевской обстановкѣ, онъ не считалъ возможнымъ уклоняться отъ общества своей придворной знати, единственное, какое онъ цѣнилъ, и назначать ему извѣст-

---

[1]) Именемъ Фронды назывались неудовольствія, выражавшіяся партіей меньшинства въ парламентѣ во время несовершеннолѣтія Людовика XIV. Эти неудовольствія происходили, главнымъ образомъ, вслѣдствіе финансоваго дефицита, сопротивленія парламента утверждать королевскіе эдикты и вражды противъ Мазарини. Интриги и соперничества всякаго рода, неспособность большинства правящихъ лицъ, прихотливая подвижность идей и событій создали для Фронды въ исторіи неблагопріятную и почти забавную репутацію. Названіе *фрондеровъ* было дано сторонникамъ парламента противнымъ партіи Мазарини, вслѣдствіе случайной игры словъ одного юноши. Одинъ изъ президентовъ высказался, однажды, противъ своего сына, принадлежавшаго къ другой партіи, и тотъ воскликнулъ, что онъ готовъ «побить камнями мнѣнія своего отца». Этими словами онъ намекалъ на игру, весьма распространенную въ то время въ Парижѣ и состоявшую въ томъ, что молодые люди состязались ударами пращей (fronde) и камней. (*Прим. перев.*).

ные часы, когда оно могло его видѣть. Ему не приходило въ голову, такъ же, какъ и Сенъ-Симону, какъ ничтожна была эта услужливость, это усердіе, съ какимъ они слѣдовали за нимъ повсюду, начиная съ его утренняго пробужденія до отхода ко сну. Надо прочесть въ запискахъ Сенъ-Симона церемоніалъ, «механизмъ» дня Людовика XIV. и тогда станетъ ясно, что онъ не имѣлъ ни одного часа, когда могъ бы позабыть, что онъ король. Безъ сомнѣнія, онъ находилъ весьма выгоднымъ, въ политическомъ смыслѣ, держать у себя подъ рукою, въ великолѣпныхъ версальскихъ галлереяхъ, всѣхъ наиболѣе знатныхъ и титулованныхъ лицъ королевства. Но если онъ не могъ проснуться, одѣться, молиться, обѣдать, гулять, ужинать и даже лечь спать иначе, какъ подъ пламенными взглядами царедворцевъ, то это потому, что смотрѣлъ на это, какъ на необходимое условіе своего величія, одну изъ главныхъ своихъ обязанностей. Королевскую власть, такъ ревниво имъ оберегаемую, онъ хотѣлъ постоянно выказывать во всемъ блескѣ. Сенъ-Симонъ рисуетъ намъ вельможъ, безпокоившихся, если двери королевской спальни отпирались немного позднѣе обыкновеннаго. Казалось, наступало затмѣніе, и странѣ грозило несчастіе.

Снова можно было видѣть, какъ во времена Римской имперіи, организованную центральную власть. *Совѣты* (высшій совѣтъ, государственный или частный, совѣтъ дипломатическій, финансовый, торговый, военный и духовный) были призваны помогать государю, но не контролировать его: это были правительственные совѣты. *Государственные секретари* (иностранныхъ дѣлъ, военный, морской, королевскаго дворца) были до рабства послушными орудіями своего господина, который могъ обратить ихъ въ ничтожество, откуда онъ ихъ извлекъ. *Канцлеръ* руководилъ администраціей правосудія; эта должность считалась несмѣняемой, но онъ могъ быть изгнанъ и замѣненъ другимъ, хотя и безъ этого званія. *Главный контролеръ финансовъ*, считавшійся однимъ изъ первыхъ лицъ, не пользовался ни большей безопасностью, ни большей независимостью, чѣмъ государственные секретари. Званія коннетабля и адмирала были уничтожены Ришельё, какъ слишкомъ заслонявшія королевскую власть, и государь былъ прямымъ начальникомъ арміи и флота. Однимъ словомъ, необходимость слѣдить за обширнымъ королевствомъ, регулировать множество подробностей, о которыхъ желалъ знать государь, заставила королей Франціи возстановить, хотя и весьма своеобразно, со множествомъ непослѣдовательностей и остатковъ феодальнаго духа, центральную администрацію, представлявшую слабое отраженіе императорской администраціи римлянъ и грубый обликъ администраціи новѣйшихъ государствъ.

Провинціальную администрацію Людовикъ XIV нашелъ уже установленной своими предшественниками: военныя *губерніи*, учрежденныя Францискомъ I, въ числѣ 12, и увеличившіяся до 32 (позднѣе до 38); *финансовые округа*, восходившіе къ Франциску I и Генриху II (впослѣдствіи ихъ было 35); *интендантства*, установленныя Ришельё и отождествлявшіяся въ территоріальномъ от-

ошеніи съ *округами,* такъ что для одной и той же области употреблялось слово округъ или интендантство; *муниципалитеты* городовъ, свобода которыхъ измѣнялась сообразно уступкамъ и привиллегіямъ. Эта запутанная іерархія чиновниковъ была раздѣлена между различными государственными секретарями и еще на половину оставалась феодальной по продажности должностей и неопредѣленности обязанностей; она была болѣе вредна, чѣмъ полезна странѣ избыткомъ своей власти, напоминала разумную римскую организацію лишь тяжестью, съ какою она давила на населеніе, и, позднѣе, не могла быть принята за образецъ.

Тѣмъ не менѣе, понятіе о государствѣ, такъ долго бывшее затемненнымъ, восторжествовало надъ феодальнымъ строемъ. Государство за всѣмъ наблюдаетъ, все устанавливаетъ и надъ всѣмъ господствуетъ.

Всеобщая безопасность обезпечивается арміей и вполнѣ новымъ учрежденіемъ—*полиціей.* Людовикъ XIV учредилъ перваго главнаго начальника полиціи въ 1667 г. [1]).

Законодательные труды, начатые при династіи Валуа, во время полнаго разгара религіозной борьбы, продолжавшіеся при Ришельё и законченные и дополненные *гражданскимъ уставомъ* 1667 г. и *уголовнымъ уставомъ* 1670 г., оставались судебнымъ кодексомъ Франціи до самой революціи. Въ этихъ уставахъ, впрочемъ, несмотря на видимый прогрессъ, духъ формализма средневѣковыхъ законовѣдовъ, грубость нравовъ и жестокость древнихъ временъ оставили значительный отпечатокъ, являвшійся полуварварскимъ среди уже утонченнаго общества [2]).

Въ судебной администраціи еще болѣе сохранялось непослѣдовательности администраціи среднихъ вѣковъ: *суды бальи* и *сенешалей* сплетались съ *дворянскими* и *духовными* судами; надъ апелляціонными судами для простолюдиновъ, служившими судомъ первой инстанціи для дворянъ, стояли *провинціальные парламенты* и *парижскій парламентъ*, превосходившій всѣ остальные размѣрами своей компетенціи, властью своихъ чиновниковъ и своимъ верховнымъ значеніемъ. Помимо своихъ юридическихъ обязанностей, парламенты вмѣшивались въ административныя дѣла и увеличивали путаницу тѣмъ, что считали почти все подвѣдомственнымъ себѣ.

Не менѣе сложной была и финансовая администрація: *главные начальники финансовъ*, *интенданты*, *финансовыя палаты*, *выборныя палаты*, *палаты косвенныхъ налоговъ*, *соляные склады*, *счетныя камеры*, *главные откупщики*, бравшіе подряды на сборы *податей* (или косвенныхъ налоговъ) и управлявшіе цѣлой арміей помощниковъ, приказчиковъ и всевозможныхъ чиновниковъ.

---

[1]) Кромѣ того, существовали особыя *чрезвычайныя судилища* (Les Grands jours) для преслѣдованія безчинствъ цѣлаго множества дворянъ, наводившихъ ужасъ на страну. Эти судилища въ Оверни, въ 1665 г., прославились, благодаря интересному описанію *Флешье.*

[2]) Къ этой же эпохѣ относятся: *законы о водахъ и лѣсахъ* (1669), торговый *эдиктъ* (1673), *постановленіе о мореходствѣ и колоніяхъ*, создавшее *морское право* (1681); *черный уставъ*, смягчавшій строгости рабства.

Сообразно обычаю, постоянно изобрѣтались новые налоги безъ соотвѣтствія ихъ между собою; хотя естественное раздѣленіе налоговъ на *прямые* и *косвенные* образовалось силою вещей, тѣмъ не менѣе, оно было не регулировано. Оба рода налоговъ смѣшивались въ *подати*, уплачивавшейся за освобожденіе отъ военной службы и отъ военныхъ постоевъ, которая была одновременно личной и вещной, и взималась съ движимой и недвижимой собственности. Кромѣ этой подати, которой подлежали только простолюдины, на всѣхъ классахъ одинаково тяготѣла *подушная подать*; повидимому, она уравнивала всѣхъ, но исключенія и привилегіи дѣлали это равенство чисто призрачнымъ. Къ этимъ податямъ присоединялись еще *десятыя* и *двадцатыя* части, взимавшіеся съ доходовъ. Косвеннымъ налогомъ облагались предметы продовольствія, но и этотъ налогъ, одинаково распространявшійся на всѣхъ, искажался различными привилегіями, и часто несправедливое взиманіе придавало ему особенно тягостный характеръ. Надъ крестьянами тяготѣла *барщина*; соляная монополія являлась настоящей тираніей и порождала злоупотребленія, вслѣдствіе которыхъ ежегодно тысячи лицъ попадали въ тюрьму. Несмотря на всѣ эти источники дохода, увеличивавшіеся еще *продажей административныхъ* и *судебныхъ должностей*, *таможенными пошлинами*, *десятинами* и *добровольными дарами духовенству*, и выгодами отъ *лоттерей* и *займовъ*, королевской власти не хватало денегъ на удовлетвореніе внутреннихъ расходовъ, потребностей внѣшнихъ войнъ и придворной роскоши. Финансовое управленіе было весьма несовершеннымъ, и увеличивавшійся дефицитъ послужилъ одною изъ главныхъ причинъ революціи.

Армія, съ внѣшней стороны, была совершенно обновлена, распредѣлена на полки и дисциплинирована, согласно требованіямъ успѣховъ военнаго искуства. Тѣмъ не менѣе, она оставалась феодальной, вслѣдствіе вербовки рекрутъ *за деньги*, *права собственности* полковыхъ командировъ на свои полки и капитановъ на свои роты, и *монополіи чиновъ*, предоставлявшейся дворянству, какъ военной кастѣ. Армія не была исключительно національной, такъ какъ въ составъ ея входили иноземные полки.

Людовикъ XIV, располагавшій могущественной арміей, значительными финансами, хотя и недостаточными для удовлетворенія его вкусовъ и честолюбія, преданными чиновниками и толпой исполнителей своихъ повелѣній всѣхъ степеней и родовъ, заставлялъ и церковь способствовать укрѣпленію своей власти. Не будучи главою религіи, подобно протестантскимъ государямъ Англіи или Швеціи, онъ, тѣмъ не менѣе, держалъ въ своихъ рукахъ духовенство правомъ назначенія епископовъ и раздачи духовныхъ бенефицій. Относясь ревниво даже къ власти папы, онъ учредилъ *галликанскую церковь* (собраніе духовенства и декларація 1682) и вынудилъ церковь заплатить за покровительство, какое онъ ей оказывалъ, полнымъ подчиненіемъ. Такимъ образомъ, неопредѣленность отношеній между гражданской и духовной властью существовала въ католицизмѣ, такъ же, какъ и въ протестантизмѣ. Государство поддерживало своими законами постанов-

енія церкви, и Людовикъ XIV, возобновивъ религіозныя преслѣдованія, желалъ, чтобы во Франціи была одна вѣра, какъ и одинъ король.

Стремленіе все подчинять себѣ и надо всѣмъ господствовать, объясняетъ вмѣшательство королевской власти въ промышленность и торговлю. Это вмѣшательство оказалось благотворнымъ, такъ какъ Людовикъ XIV нашелъ въ министрѣ *Кольберѣ* достойнаго преемника Сюлли, человѣка съ обширнымъ умомъ и пониманіемъ всѣхъ потребностей современнаго ему общества. Благодаря ему, королевская власть способствовала великому экономическому движенію, о которомъ мы будемъ говорить ниже и которое отразилось позднѣе и на политическихъ идеяхъ. Въ силу феодальныхъ началъ, королевская власть располагала трудомъ, какъ правомъ, которое оно уступало за деньги; оттуда исходили поддержаніе старинныхъ *корпорацій*, и множество новыхъ постановленій, которыми власть являлась посредницей между фабрикантомъ или купцомъ и покупателемъ, строго наказывая всякое нарушеніе предписаній, полезныхъ на первыхъ порахъ, а впослѣдствіи причинявшихъ вредъ своей неподвижностью. Всемогущество государства, содѣйствовавшее сперва возбужденію трудовой энергіи, съ теченіемъ времени должно было привести къ ея ослабленію.

Людовикъ XIV и его правительство, во многихъ отношеніяхъ, стояли впереди идей XVII вѣка. Ни одна страна не обладала столь свѣдущей *центральной* и *провинціальной администраціей*, несмотря на непослѣдовательность, какую мы можемъ въ нихъ найти. Ни одно королевство не имѣло такого сильнаго *политическаго* единства, и хотя слуги короля имѣли въ виду лишь поддержаніе его власти, они, тѣмъ не менѣе, трудились надъ разрушеніемъ преградъ, поставленныхъ вѣками между различными частями Франціи, созданными природою для полнаго объединенія. Королевская власть обезпечивала *спокойствіе* и *порядокъ*, неизвѣстные въ средніе вѣка и необходимые для развитія благосостоянія. Хотя она не могла осуществить *единства законодательства*, она его подготовляла. Она сдѣлала изъ Франціи великую военную, морскую, земледѣльческую, промышленную и торговую націю. Она открыла ей моря, Америку, Африку и Индію. Въ то же время великолѣпіе и изысканность двора Людовика XIV служили примѣромъ для всѣхъ прочихъ дворовъ, старавшихся ему подражать. Щедрость, съ какою король покровительствовалъ писателямъ, ученымъ, даже иностраннымъ, и художникамъ, способствовала ускоренію умственнаго прогресса. Царствованіе Людовика XIV было блестящей эпохой въ европейской исторіи, и хотя этотъ государь заслужилъ нѣкоторые упреки,—преимущества, пріобрѣтенныя страною и обществомъ, вполнѣ оправдываютъ названіе *великаго*, присужденное ему современниками и не оспаривавшееся его врагами.

Къ несчастію, Людовикъ XIV заходилъ слишкомъ далеко въ стремленіи все сводить къ своей личности. «Мнѣ кажется, что меня лишаютъ славы,—говорилъ онъ,—когда пріобрѣтаютъ ее помимо меня». Онъ склонилъ подъ одинъ уровень всѣ головы: дворянство, духовенство и чиновничество. Онъ любилъ только едино-

образіе, какъ въ политикѣ, такъ и въ религіи, и даже въ литературѣ. Его идеаломъ была прямая линія, и, вслѣдствіе того, помимо своей воли, онъ такъ же усердно уничтожилъ старинное зданіе феодальнаго общества, столь неправильное, какъ разрушилъ старый Луврь, чтобы замѣнить его прямолинейной колоннадой Перро. Все смягчить и все упорядочить, все смять и очистить, вотъ что составляло его цѣль и удовольствіе. Ничто не должно было ему противиться, ни люди, ни вещи, ни душа, ни природа. Искусственное великолѣпіе Версаля служитъ выраженіемъ его характера и политики, памятникомъ и символомъ его власти. Онъ создалъ его на неблагопріятной почвѣ, далъ ему твердую основу и, съ помощью грандіозныхъ работъ, провелъ туда воду. Онъ построилъ тамъ дворецъ и окружилъ его цѣлымъ городомъ. И дворецъ, выступавшій въ центрѣ великолѣпно разбитыхъ садовъ, вмѣстѣ со своими внушительными флигелями, былъ воспроизведеніемъ правильности и величественности, восхищавшихъ государя. Громадныя аллеи, примыкавшія съ другой стороны къ мраморному двору и королевскимъ покоямъ, казались продолженіемъ и сіяніемъ взгляда повелителя, который хотѣлъ наблюдать за всѣмъ и за всѣми. Вплоть до садовъ, направляя руку Ленотра, Людовикъ XIV придалъ тиссовымъ деревьямъ и букамъ видъ геометрическихъ фигуръ и далъ обратное теченіе ихъ сокамъ, обрѣзавъ вѣтви и предоставивъ повсюду преобладаніе симметріи и прямой линіи.

Также онъ поступалъ и съ народомъ. Онъ унизилъ дворянство, чтобы лучше подчинить его себѣ, уничтожилъ силу парламентовъ, которые въ слѣдующемъ вѣкѣ влачатъ жалкое существованіе, утративъ свое значеніе; развратилъ духовенство, не имѣвшее болѣе энергіи бороться съ протестантствомъ иначе, какъ при помощи королевской арміи, и уронившее свое достоинство ничтожными распрями между молинизмомъ и янсенизмомъ. Онъ держалъ въ страхѣ низшіе классы, которые молча страдали: для удовлетворенія своего честолюбія и своихъ причудъ, онъ истощалъ богатства страны, которую оставилъ съ долгомъ болѣе, чѣмъ въ два милліарда франковъ. Однимъ словомъ, онъ порвалъ, натянувъ слишкомъ сильно, пружины монархіи, бывшей до того времени любимой народомъ. Онъ передалъ своимъ наслѣдникамъ систему, недостатки которой скрывались его славой, и тяжесть которой еще болѣе увеличилъ деспотизмъ Людовика XV. Людовикъ XIV доставилъ торжество абсолютной королевской власти, и въ то же время подготовилъ ея паденіе. Толчкомъ, даннымъ имъ обществу, онъ поощрялъ развитіе буржуазіи и третьяго сословія, ненамѣренно увеличивая силу, которая позднѣе, вслѣдствіе сопротивленій, должна была опрокинуть королевскую власть. Его называли великимъ королемъ; вѣрнѣе его было бы назвать послѣднимъ королемъ.

Между тѣмъ, уже Испанія въ теченіе XVII в. показала неудобства абсолютной власти, примѣняемой съ неразумной строгостью. Впродолженіе одного вѣка, отъ 1598 до 1700 г., начиная отъ Филиппа III до Филиппа IV и Карла II, она, такъ сказать,

пускалась по всѣмъ ступенямъ упадка. Она потеряла свое преобладаніе въ Европѣ, часть своихъ присоединенныхъ провинцій и воего населенія, ослабленнаго изгнаніемъ мавровъ и постоянной миграціей въ Америку. Земледѣліе въ Испаніи было до такой тепени разстроено, что цѣлыя области были обращены въ пустыни; наконецъ, она утратила промышленность, торговлю, флотъ г армію. Политическій и религіозный деспотизмъ никогда не приюдилъ къ болѣе глубокому упадку и болѣе ужасной нищетѣ го:ударства горделиваго народа, еще обладавшаго богатыми золо:ыми и серебряными рудниками. Упадокъ Испаніи, столь про:ивуположный благосостоянію и величію Франціи, представляетъ динъ изъ самыхъ печальныхъ и самыхъ поучительныхъ фак:овъ исторіи XVII в. Впрочемъ, Франція не воспользовалась тимъ урокомъ и пыталась возстановить Испанію, снабдивъ ее ювой династіей, вѣтвью своей собственной, и не менѣе привер женной къ монархическому честолюбію.

Монархическая власть была такою же абсолютной и въ австрій:кихъ государствахъ, гдѣ императоръ, которому все менѣе и менѣе повиновались въ Германіи, находилъ возможность проявлять свою власть безконтрольно. Между тѣмъ, Скандинавскія государства, несмотря на то, что королевская власть тамъ была усилена со времени Реформаціи религіозной властью, не отказались отъ древней традиціонной формы представительства желаній націи. Дворянство тамъ сдерживало королевскую власть, обязанную поддерживать торжественныя собранія Штатовъ, и, несмотря на свои упорныя попытки, несмотря на усилія сдѣлаться абсолютной, она принуждена была уважать древнюю феодальную свободу.

Франція, увлеченная страстью къ объединенію и порядку, возвращалась къ римскому идеалу, облагороженному величіемъ Людовика XIV. Въ Англіи, менѣе проникнутой римскими идеями, болѣе германской по крови, темпераменту и понятіямъ, вновь пробудились феодальныя начала свободы, казавшіяся усыпленными при Тюдорахъ, и передъ глазами удивленной Европы засіялъ свѣтъ, послужившій впослѣдствіи путеводной звѣздой для другихъ народовъ.

Тюдоры стѣснили общественныя вольности, не уничтоживъ ихъ. Они произвели религіозную реформу при помощи предательской тираніи, ловко прикрываясь согласіемъ угнетеннаго парламента. Стюарты проводили и обнаруживали политическую и религіозную тиранію. Они преслѣдовали, во имя англиканства, пресвитеріанъ и пуританъ, высокомѣрно распуская парламенты, которые, взамѣнъ разрѣшаемыхъ суммъ, требовали удовлетворенія своихъ жалобъ. Іаковъ I и Карлъ I дразнили, утомляли, раздражали и, наконецъ, довели до возмущенія англичанъ, видѣвшихъ постоянную угрозу своей свободѣ совѣсти. *Долгій парламентъ* 1640 г. восторжествовалъ надъ королемъ. Нашелся человѣкъ, честолюбивый фанатикъ *Кромвель*, который, будучи начальникомъ арміи, оказалъ насиліе надъ парламентомъ и добился осужденія короля коммиссіей, передъ которой Карлъ I тщетно взывалъ къ гарантіямъ свободы, въ какихъ нѣкогда самъ отказывалъ обвиняемымъ. Казнь Карла I

(9 февраля 1649 г.) вызвала въ монархической Европѣ глубокій ужасъ. Парижскій парламентъ, несмотря на различіе происхожденія и характера, хотѣлъ подражать англійскому и также совершить переворотъ, но остановился и заключилъ договоръ съ регентшей Анной Австрійской (Рюэльскій миръ, въ мартѣ 1649 г.). Дѣйствія Фронды, если и не закончились, то пріостановились, и, можно сказать, что смерть Карла I способствовала тому, что этотъ протестъ выродился въ чисто феодальную войну, тогда какъ начался вполнѣ народнымъ возстаніемъ.

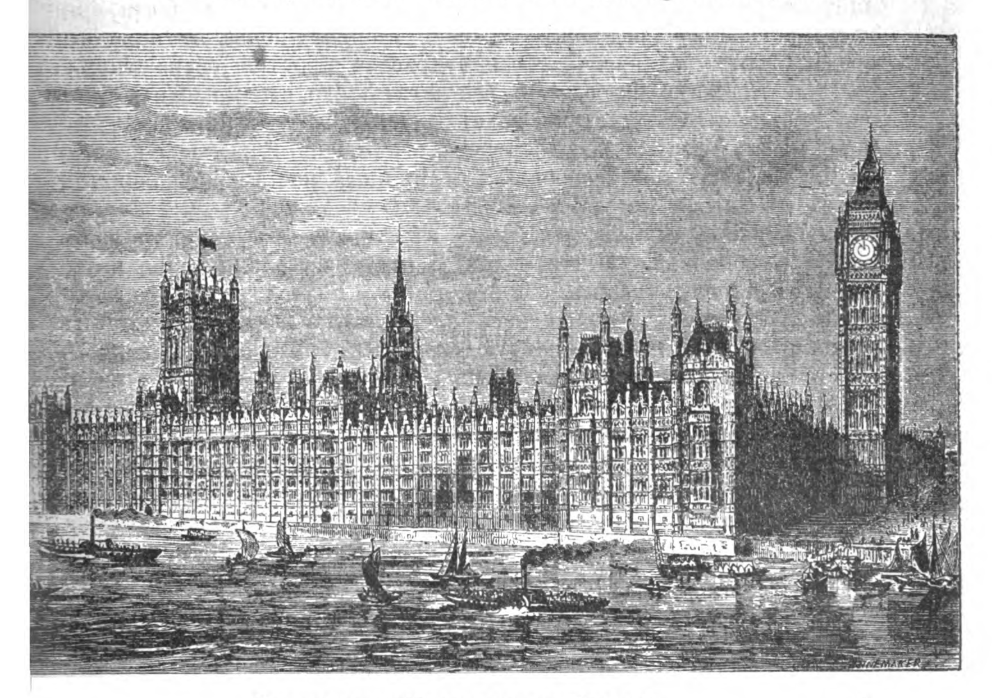
Впрочемъ, Кромвель былъ слишкомъ республиканецъ для того, чтобы сдѣлаться родоначальникомъ династіи, и слишкомъ остороженъ, чтобы дать странѣ форму правленія, какую она не могла понять; онъ удовольствовался управленіемъ съ титуломъ *Протектора*, оставивъ, послѣ смерти, полную возможность возстановленія монархіи, которое и не заставило себя ждать (1649—1660).

Возстановленные Стюарты снова впали въ ошибки и несправедливости, бывшія, повидимому, традиціонными въ этой фамиліи, представляющей одинъ изъ самыхъ трагическихъ примѣровъ заслуженныхъ бѣдствій. Легкомысленый и ничтожный *Карлъ II*, получавшій пенсію отъ Людовика XIV и подражавшій ему, до такой степени потерялъ всякое достоинство, вслѣдствіе безнравственности своего двора, и въ такой мѣрѣ раздражилъ представителей народа, призвавшихъ его, что новая революція казалась неминуемой. Но Карлъ II уступилъ, и англичане въ 1679 г. одержали первое торжество биллемъ о *Неприкосновенности личности (Habeas corpus)*, драгоцѣнной гарантіей личной независимости. Съ этого времени въ Англіи выясняются двѣ большія партіи: *виговъ*—либераловъ, и *торіевъ*—консерваторовъ, которые, съ тѣхъ поръ, постояннымъ преобладаніемъ то одной, то другой, обезпечивали равновѣсіе и устойчивость правительства. Карлу II удалось устрашить виговъ, но братъ его, Іаковъ II въ нѣсколько лѣтъ вызвалъ всеобщее возмущеніе. Послѣ того, какъ Стюарты причинили уже столько волненій покровительствомъ англиканской церкви, бывшей, въ концѣ концовъ, разновидностью протестантизма, Іаковъ II хотѣлъ возвратить Англію къ католицизму. Отмѣна Нантскаго эдикта могла имѣть успѣхъ во Франціи, такъ какъ касалась меньшей части націи, но Іаковъ II не могъ надѣяться восторжествовать надъ большинствомъ. Онъ сдѣлалъ эту попытку и былъ свергнутъ. Англичане разомъ возвратили себѣ религіозную и политическую свободу.

На этотъ разъ они уже не выпустили ее изъ своихъ рукъ. Они поставили такія условія *Вильгельму Голландскому*, что объ этомъ государѣ, бывшемъ одновременно главою республики и королевства, могли говорить, что онъ былъ правителемъ (штатгальтеромъ) Англіи и королемъ Голландіи. *Декларація правъ*, вотированная въ концѣ 1688 г. и обнародованная въ 1689 г., подтверждала великую хартію, принципы которой она развивала. Король не имѣлъ права взимать налоги и содержать постоянную армію безъ согласія парламента, а депутаты въ такой мѣрѣ ограничивали королевскія полномочія, что дѣйствительная власть

перешла въ ихъ руки. *Habeas corpus* и *жюри* (судъ присяжныхъ) защищали гражданъ отъ всякаго произвола. За ними было признано право петицій, такъ же, какъ и религіозная свобода. Англиканская церковь сохраняла свои преимущества признанной Церкви, но всѣ протестантскія секты пользовались свободой, кромѣ католицизма.

Какъ бы ни было опредѣленно государственное устройство, оно имѣетъ значеніе лишь по способу своего примѣненія, и превосходно изложенныхъ теорій *Локка* въ его *Опытѣ о правительствѣ*, быть можетъ, было-бы недостаточно для прочнаго установ-

Вестминстерскій дворецъ въ Лондонѣ.

ленія въ Англіи конституціоннаго правленія, если бы не духъ послѣдовательности, съ какимъ парламенты поддерживали свои права. Кромѣ того, Вильгельмъ III [1]), голландецъ по происхожденію, не могъ нарушить связывавшихъ его обязательствъ. Ему наслѣдовала женщина, добрая королева *Анна*; затѣмъ англичане призвали нѣмецкій домъ, Брунсвикъ-Ганноверскій, такъ какъ онъ обѣщалъ имъ защиту протестантства. Эти государи, чужеземцы въ своемъ королевствѣ, въ концѣ концовъ, были весьма довольны, чувствуя себя свободными отъ всѣхъ затрудненій, связанныхъ съ властью; они предоставляли торіямъ и вигамъ оспаривать другъ

[1]) Вильгельмъ III, первый конституціонный король (1688—1702); Анна Стюартъ (1702—1714); Брунсвикъ-Ганноверскій домъ, Георгъ I (1714—1727); Георгъ II (1727—1760); Георгъ III (1760—1820) и т. д.

у друга руководство дѣлами, и націи управляться собственными силами.

Послѣ революціи 1688 г. Англія сдѣлалась, до извѣстной степени, аристократической республикой. Раздѣленіе партій происходило не по классамъ; оно совершалось не горизонтальными слоями, если можно такъ выразиться, какъ это было позднѣе во Франціи, а шло въ вертикальномъ направленіи: т. е. каждая изъ двухъ большихъ партій одинаково состояла изъ представителей дворянства и буржуазіи. Аристократія, такъ же, какъ и народъ, раздѣлилась между вигами и торіями, и когда тѣ или другіе, случайностью выборовъ, достигали преобладанія, у нихъ были свои государственные люди, а также и твердая почва въ народной средѣ. Этотъ механизмъ, столь мудрый и простой, осуществлялъ согласіе власти и свободы, и результаты его, столь плодотворные для величія и благосостоянія Англіи, не могли не привлечь вниманія философовъ и государственныхъ людей Европы. Въ отношеніи политической свободы, Англія была наставницей европейскихъ державъ.

Во всякомъ случаѣ, революція въ Англіи, народная и мѣстная, исключительно политическая и религіозная, ничего не измѣнила въ общественныхъ учрежденіяхъ. Благодаря благоразумно прогрессивному духу лордовъ, преданныхъ взглядамъ торіевъ, дворянство сохранило земельную силу, поддерживавшую неизмѣннымъ примѣненіемъ права старшинства.

Ни одна страна не относилась заботливѣе къ сохраненію наиболѣе уважаемыхъ традицій прошлаго. Англія вовсе не уничтожила стариннаго средневѣковаго общества, какъ не разрушила своихъ старыхъ замковъ и аббатствъ. Тѣмъ не менѣе, она не переставала приспособлять старинные зданія къ требованіямъ новыхъ вкусовъ и удобствъ и постоянно стремилась примирить политическую свободу съ средневѣковыми формами жизни. Оставаясь феодальной по своимъ обычаямъ и іерархіи общественныхъ классовъ, и новой по принципамъ своего правленія, она воплощается въ матеріальномъ видѣ удивительнымъ памятникомъ, гдѣ засѣдаетъ ея парламентъ. Перестроенный въ 1835 г., этотъ дворецъ, примыкающій къ Вестминстерскому аббатству, былъ возобновленъ въ готическомъ и пламенѣющемъ стилѣ: онъ представляетъ настоящій пирамидальный лѣсъ изъ стѣнныхъ зубцовъ, откосныхъ подпорокъ, безчисленныхъ башенокъ, постоянно напоминающихъ средніе вѣка собранію, пропитанному новыми началами, гдѣ раздаются наиболѣе смѣлыя рѣчи представителей свободнаго народа.

Въ XVII в. продолжалось и увеличилось движеніе, увлекшее европейскіе народы къ мореплаванію, промышленности и торговлѣ. Но побуждающая сила этого движенія перемѣстилась. Присоединеніе Португаліи къ Испаніи въ 1580 г., связавъ колоніи первой съ монархіей, находившейся въ упадкѣ, повела ихъ къ гибели. Испанія, истощенная честолюбіемъ Филиппа II и неразумнымъ деспотизмомъ его преемниковъ, не могла воспользоваться своими обширными колоніальными владѣніями, нетронутыми, благодаря своей величинѣ, но это не помѣшало дурно управляемой

странѣ превратиться въ одно изъ самыхъ бѣдныхъ государствъ Европы.

Морскимъ могуществомъ испанцевъ и португальцевъ овладѣли голландцы. Война за освобожденіе возбудила ихъ энергію; и узкая полоса ихъ страны и безплодность низкихъ, затопленныхъ земель понудили ихъ пуститься въ море за поисками болѣе плодородныхъ и богатыхъ мѣстностей. Не имѣя уже возможности ѣздить въ Лиссабонъ, чтобы покупать и затѣмъ перепродавать произведенія Индіи, они рѣшились отправиться въ самую Индію. Съ 1602 года основалась *Восточная Индійская Компанія.* Голландцы замѣнили португальцевъ въ конторахъ *Индостана*, утвердились на *Цейлонѣ*, завладѣли *Молуккскими* островами, затѣмъ великолѣпными *Зондскими о-вами*, *Явой*, *Суматрой*, *Целебесомъ*, *Амбоиномъ* и *Тиморомъ*. Они основали на о. Явѣ (1619) городъ, которому съ гордостью дали свое древнее историческое имя, *Батавія*, городъ батавовъ. Съ 1609 г. они начали торговлю съ Японіей. Они не упускали случая, по дорогѣ, обезпечивать за собою мѣста остановокъ и учреждали торговыя конторы на берегахъ Африки, для пользованія которыми образовалась *Западно-Индійская Компанія* (1621). Эта компанія стремилась также къ торговлѣ съ Америкой. Она заняла нѣсколько пунктовъ на восточныхъ берегахъ Сѣверной Америки и основала *Новый Амстердамъ* на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь возвышается Нью-Іоркъ.

Голландцы въ XVII вѣкѣ владѣли торговымъ флотомъ, превосходившимъ всѣ остальные флоты, взятые вмѣстѣ. *Амстердамъ* замѣнилъ Антверпенъ, который былъ недоступенъ, вслѣдствіе закрытія Шельды для иностранныхъ кораблей. Онъ сдѣлался сѣверной Венеціей. Голландцы одни привозили теперь въ Европу пряности, корицу, сандаловое дерево, индиго, китайскій чай, лаки, фарфоръ и японскія шелковыя ткани. Въ Балтійскомъ морѣ они задушили своей конкурренціей торговлю ганзейскихъ городовъ. Всѣ народы материка были ихъ данниками, и рыбаки Зеландіи, бывшіе такъ долго неизвѣстными и бѣдными, обмѣнивали на боченки съ золотомъ свои бочки съ сельдями.

Между тѣмъ, англичане, убѣдившись, что ихъ островная жизнь не можетъ получить широкаго развитія, отдались притягательной силѣ моря, къ которому до тѣхъ поръ оставались равнодушными [1]). Въ XVII в. основались англійскія колоніи, которыя съ не-

---

[1]) Искусная политика королевы Елизаветы поощряла мореплавателей, и ко времени ея царствованія относятся смѣлыя изслѣдованія *Гаукинса* (1562—1564), *Фробишера*, (1576—1578), *Фрэнсиса Дрэка* и *Томаса Кэвендиша*, совершившихъ кругосвѣтныя путешествія (1577—1880, 1586—1588), и *Джона Дэвиса*, открывшаго проливъ, который носитъ его имя. Сэръ Вальтеръ Ралэй сдѣлалъ попытку основать колонію на землѣ, которую онъ назвалъ, въ честь королевы, *Виргиніей.* Затѣмъ нетерпимость Іакова I и Карла I привлекла на почти пустынные берега Сѣверной Америки пуританъ, явившихся туда искать безопасности имущества и вѣры, свободы мнѣній и молитвы. Къ югу отъ протестантскихъ колоній *Массачусеттса* (1618), *Ньюгэмпшэйра*, *Мэна*, *Конектикута*, *Родъ-Айленда*, утвердился ирландецъ-католикъ лордъ Балтиморъ, основавшій, въ силу королевской хартіи, колонію *Мэрилендъ*. Толчекъ, данный Кромвелемъ мореходству, привелъ къ покоренію *Ямайки*; войны съ голландцами, при Карлѣ II, доставили англичанамъ голландскія торговыя кон-

обыкновеннымъ напряженіемъ труда расчищали лѣса Аллеганскихъ горъ, воздѣлывали почву, разрабатывали рудники, и на пустынныхъ мѣстахъ заводили превосходныя поля и промышленные города.

Несмотря на стремленіе подражать голландцамъ, англичане, тѣмъ не менѣе, не могли соперничать съ ними. Ихъ принудилъ къ тому Кромвель. *Навигаціоннымъ актомъ* (1651), дополненнымъ при Карлѣ II въ 1660 г., *каботажная* (или береговая) торговля была предоставлена исключительно британскимъ судамъ, такъ же, какъ и судамъ *англійскихъ колоній*. Голландцы разомъ были исключены изъ гаваней и колоній. Чтобы ослабить ихъ еще болѣе, навигаціонный актъ постановилъ, что произведенія Азіи, Африки и Америки могли привозиться только *англійскими морскими судами*. Европейскіе народы могли ввозить въ Англію лишь произведенія своей почвы или труда. Между тѣмъ, голландцы не имѣли ни земледѣлія, ни промышленности, которыя могли бы поддерживать ихъ торговлю. Они были только коммиссіонерами, *морскими перевозчиками*, какъ ихъ называли. Это постановленіе окончательно разрушало ихъ торговлю съ Англіей, и они подчинились ему лишь послѣ двухъ ожесточенныхъ и раззорительныхъ войнъ. Можно сказать, что Англія грубо лишила Голландію ея морского могущества, и, послѣ революціи 1688 г., временное соединеніе двухъ странъ подъ властью Вильгельма III могло быть лишь неблагопріятнымъ для Голландіи, казавшейся съ тѣхъ поръ маленькой лодкой, привязанной къ большому кораблю.

Умиротворенная Генрихомъ IV, Франція была имъ же энергично побуждаема къ труду. Поддерживая, а иногда направляя своего министра *Сюлли*, онъ поддерживалъ своею властью всѣ его мѣры, какія тотъ принималъ, чтобы поднять земледѣліе, и, въ свою очередь, заставлялъ его поощрять промышленность, значеніе которой было не вполнѣ понятно для суроваго гугенота, противника роскоши. Хотя у Франціи не было рудниковъ въ Мексикѣ и Перу, Сюлли замѣнилъ ихъ земледѣліемъ и скотоводствомъ, а Генрихъ IV—шелковыми фабриками. Со времени царствованія этого великодушнаго государя, желавшаго, «чтобы у каждаго крестьянина, по воскресеньямъ, была курица въ супѣ», во Франціи началось процвѣтаніе земледѣлія, промышленности и торговли.

Ришелье, столь же заботившійся о всевозможныхъ успѣхахъ, какъ и жадный до всякаго рода власти, взялъ послѣ Генриха IV въ свои и экономическую, и внѣшнюю политику. Онъ не имѣлъ времени отдаваться ей съ одинаковымъ вниманіемъ, но все-таки покровительствовалъ крестьянству, мануфактурѣ и торговлѣ. Развитіемъ военнаго флота онъ открылъ для послѣдней отдаленныя

торы, сдѣлавшіяся штатами *Нью-Іоркъ*, *Нью-Джерсей* и *Делаваръ*. Наконецъ, англійскіе лорды, поощряемые Карломъ II, учредили въ жаркихъ равнинахъ Юга штатъ, названный ими *Каролиной*, который позднѣе раздѣлился на двѣ части. Тотъ же государь предоставилъ Уильяму Пенну, одному изъ главъ странной секты *квакеровъ* (трясущихся), обширные лѣса, изъ которыхъ образовалась Пенсильванія (лѣса Пенна). Въ XVIII в. Георгія дополнила собою этотъ длинный списокъ колоній.

страны, и Францiя слѣдовала, хотя и издали, колоніальному движенію другихъ націй. *Шампленъ* продолжалъ организацію Канады или *Новой Франціи*, какъ ее тогда называли. Французы пріобрѣли нѣкоторые изъ Антильскихъ островов, о. *Санъ-Кристофъ*, *Барбадосъ*, часть *Санъ-Доминго*, и утвердились въ *Гвіанѣ* и въ *Сенегалѣ*.

Кольберъ, столь справедливо названный министромъ мира, при Людовикѣ XIV создалъ настоящую французскую промышленность, призывая иноземныхъ ремесленниковъ, оказывая пособія фабрикамъ и учреждая даже королевскія мануфактуры. Фабрики въ *Седанѣ*, въ *Лувье*, *Аббевилѣ* и *Эльбёфѣ* соперничали съ мануфактурами Голландіи и бельгійскихъ провинцій. *Шерстяная* промышленность занимала 60.000 рабочихъ; выдѣлка *ковровъ* поощрявшаяся еще со временъ Франциска I, сдѣлалась замѣчательною на королевскихъ фабрикахъ въ *Бове*, *Савонри* и, въ особенности, въ *Гобеленахъ*. Производство *зеркалъ*, заимствованное у Венеціи, началось въ Турлавилѣ, близъ Шербурга, и составило славу *Сенъ-Гобена*. Города Ліонъ и Туръ увеличили число ткацкихъ станковъ и усовершенствовали свои шелковыя ткани. Французскіе кружева и бархатъ соперничали съ венеціанскими кружевами и генуэзскимъ бархатомъ. *Желѣзо*, *сталь*, превосходный *фаянсъ* и *сафьянъ* съ тѣхъ поръ стали вырабатываться во Франціи.

Вѣроятно, ради добрыхъ намѣреній предупредить недобросовѣстность въ промышленности и обезпечить доброкачественность и славу французскихъ тканей, Кольберъ возобновилъ и связалъ установленія корпорацій. Онъ слишкомъ держалъ подъ своей опекой промышленность, поощряя ее съ одной стороны и стѣсняя съ другой; хотя онъ злоупотреблялъ своею властью, вмѣшиваясь въ вопросы, его не касавшіеся, онъ, тѣмъ не менѣе, первый далъ толчокъ и настоящую основу промышленному могуществу Франціи.

Онъ основалъ ее, главнымъ образомъ, тѣмъ же способомъ, какой примѣнялъ къ торговлѣ: *покровительственной системой*. Очевидно, проникнувшись значеніемъ навигаціоннаго акта, Кольберъ желалъ, чтобы Франція сама удовлетворяла своимъ нуждамъ. Поставивъ иностраннымъ товарамъ преграду, въ видѣ таможенныхъ пошлинъ, онъ заставилъ страну производить у себя все необходимое. Покровительственная система, охраняющая зарождающуюся кромышленность отъ конкурренціи болѣе умѣлыхъ соперниковъ, была полезна при тѣхъ обстоятельствахъ и въ той мѣрѣ, какъ она примѣнялась Кольберомъ, безъ нея фабрики не могли бы развиться. Впослѣдствіи она сдѣлалась пагубной лишь вслѣдствіе своего преувеличенія. Привилегія, которая сперва поощряетъ отсталую промышленность, для промышленности процвѣтающей становится причиной вялости, препятствіемъ къ прогрессу, поощреніемъ рутины, преміей для фабрикантовъ, невыгодной потребителямъ.

И другія идеи, впрочемъ, общія всей политикѣ того времени, одушевляли Кольбера. Со времени благотворнаго, если можно такъ выразиться, вторженія золота и серебра, всего болѣе стали заботиться о томъ, чтобы сберечь эти драгоцѣнные металлы, ото-

жествлявшіеся съ богатствомъ. Каждый годъ высчитывалось количество вывезеннаго и ввезеннаго золота и серебра: такимъ образомъ, устанавливался *балансъ*. Государство считалось обогатившимся, если золота поступало болѣе, чѣмъ его выпускалось, и обѣднѣвшимъ, если его выпускали изъ страны больше, чѣмъ получали. Но истинное богатство, это — земля, урожай, товары, трудъ, и слѣдуетъ скорѣе составлять балансъ товаровъ, чѣмъ денегъ. Между тѣмъ, остатокъ средневѣковыхъ предразсудковъ и нравовъ заставлялъ искать своего благосостоянія въ раззореніи сосѣда. Кольберъ не столько заботился о прибыляхъ торговли своей страны, сколько объ уничтоженіи торговли голландцевъ и англичанъ: онъ радовался ихъ потерямъ, какъ будто лучшимъ источникомъ богатства каждаго не было общее богатство.

Мѣры, принятыя Кольберомъ для поощренія внутренней торговли, заслуживаютъ величайшей похвалы. Списокъ дорожныхъ пошлинъ былъ пересмотрѣнъ, и это повело къ отмѣнѣ множества правъ, стѣснительныхъ для торговли. На Луарѣ приходилось платить пошлины въ двадцати восьми мѣстахъ; это было такъ неудобно, что предпочитали объѣздъ сухимъ путемъ; но и на этомъ пути встрѣчались заставы. Земельное единство Франціи совершалось постепеннымъ увеличеніемъ и договорами съ провинціями, которымъ оставлялись ихъ *таможни*. Кольберъ старался уничтожить эти таможни, но, обязанный уважать договоры, онъ склонилъ двѣнадцать провинцій къ соглашенію между собой: для этихъ провинцій была установлена одна общая линія таможни, и онѣ стали называться *провинціями пяти главныхъ откуповъ*.

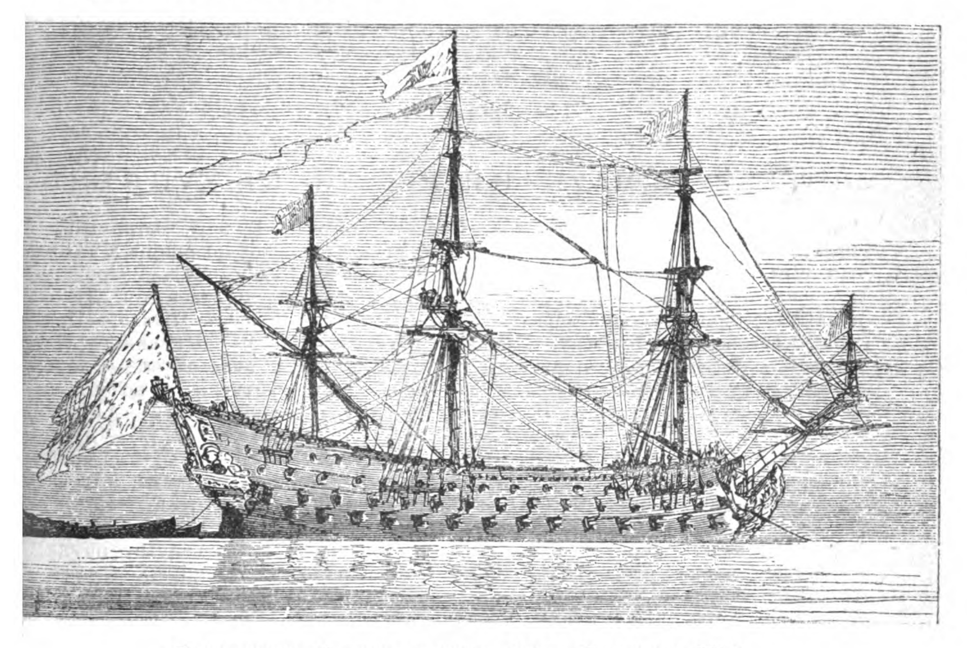
Проведеніе, поддержка и безопасность дорогъ и каналовъ были предметомъ дѣятельной заботливости Кольбера (Орлеанскій и Лангедокскій каналы). *Торговое постановленіе*, обнародованное въ 1673 г., послужило образцомъ французскому законодательству въ 1807 г. Кольберъ учредилъ также *торговый совѣтъ*, въ которомъ Людовикъ XIV предсѣдательствовалъ черезъ каждыя двѣ недѣли; онъ основалъ страховыя палаты и опредѣлилъ самыя строгія взысканія по отношенію къ банкротствамъ, но его попытки установить единство мѣръ и вѣсовъ не имѣли успѣха.

Кольберъ далъ Франціи настоящій военный флотъ. У Людовика XIV было до 176 военныхъ судовъ, изъ которыхъ многія были вооружены болѣе, чѣмъ сотней пушекъ. Это были настоящія плавучія крѣпости: греческія и римскія галеры остались далеко позади. Чтобы обезпечить экипажи для этихъ судовъ, Кольберъ установилъ систему пополненія флота, которая и теперь еще служитъ для той же цѣли.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Кольберъ придалъ быстрое движеніе торговому флоту, и покровительственная система, поднявшая промышленность, поощряла и судостроителей. Голландцы не имѣли права входа во французскія гавани безъ уплаты пошлины, около 2 руб. 50 коп. на наши деньги, съ каждой *бочки*; французы сами стали строить суда, и морская торговля развилась.

Въ 1629 г. Ришельё объявилъ, что морская торговля разрѣшалась дворянству. Эдиктомъ Людовика XIV, въ 1669 г., для дворян-

ства была допущена оптовая торговля. Кольберъ составилъ Западно-Индійскую компанію (или американскую), затѣмъ Восточно-Индійскую, о которой заботился всего болѣе. Но отсутствіе коммерческой опытности въ соединеніи съ административной рутиной, алчностью и недобросовѣстностью купцовъ, а также гордость и произволъ завѣдующихъ лицъ шли въ разрѣзъ съ самыми лучшими планами и разрушали самые блестящіе разсчеты. Въ 1673 г. *Сенегальская компанія* добилась исключительнаго права на постыдную торговлю, практиковавшуюся уже другими народами, вывоза негровъ. Сѣверная компанія была направлена противъ голландцевъ, а Левантійская, составленная для торговли съ Турціей, также не имѣла успѣха.

«Королевское Солнце», корабль флота Людовика XIV.

Заслуга Кольбера состоитъ еще въ поднятіи колоніальнаго могущества Франціи покупкою нѣсколькихъ Антильскихъ острововъ [1]). Но онъ сдѣлалъ ошибку, перенеся въ колоніи правительство, администрацію, сословное раздѣленіе, религіозную нетерпимость и налоги метрополіи. Кромѣ того, запрещеніе сношеній съ иностранцами и воздѣлыванія извѣстныхъ растеній, какъ, напр., табаку въ Америкѣ; обязательство для колонистовъ пріобрѣтать изъ Франціи все, что имъ было нужно, и продавать только Франціи свои про-

[1]) Въ Америкѣ Франція тогда владѣла: *Канадой*, *Акадіей*, *Нъюфаундлендомъ*; островами: *Мартиникой*, *Гренадой*, *Гваделупой*, *Мари-Галандъ*, *Сентъ-Кристофъ*, *Бартелеми*, *С.-Мартенъ*, *Сентъ-Круа*, *Тортугой*, частью *Санъ-Доминго* и *Гвіаны*; въ Африкѣ нѣсколькими факторіями въ *Сенегалѣ* и на о. *Мадагаскарѣ*, островами *Бурбонъ* и *Маврикія*; затѣмъ *Суратомъ* въ Азіи.

изведенія; привилегіи частнымъ лицамъ въ колоніяхъ и исключительное право торговли для нѣкоторыхъ обществъ извѣстныхъ колоній; строгія правила для сношеній съ туземнымъ населеніемъ, державшимся въ сторонѣ,—всѣ эти узы мѣшали колонистамъ дѣятельно пользоваться богатыми и плодородными землями.

Между тѣмъ, французы владѣли великолѣпной рѣкой св. Лаврентія и большими озерами, изъ которыхъ она изливаетъ воды въ океанъ. Уже смѣлые путешественники *П. Маркетъ* и *Жоліе* (1673), затѣмъ *Робертъ Кавелье де-ла-Саль* (1680) открыли и описали богатую долину царственной рѣки Миссисипи. При устьѣ этой громадной долины было основано поселеніе, и страна получила названіе Луизіаны. Франція находилась въ превосходныхъ условіяхъ, чтобы завладѣть Новымъ Свѣтомъ, но она пренебрегла этимъ, и онъ былъ захваченъ англо-саксонской расой.

ГЛАВА X.

ЛИТЕРАТУРА, НАУКИ И ИСКУССТВА ВЪ XVII ВѢКѢ.

Умственное движеніе; французское общество XVII в.; бесѣды; остроуміе.—Французская литература; вкусы; Малербъ; писатели первой половины XVII в., или вѣкъ Ришелье.—Классическая трагедія; Корнель (1606—1684).—Возрожденіе философіи: проза; Декартъ; Паскаль.—Писатели царствованія Людовика XIV; личное вліяніе короля.—Поэзія; Расинъ; Мольеръ; Буало.—Церковное краснорѣчіе; Бурдалу, Боссюэтъ, Фенелонъ.—Г-жа де-Севинье; Лабрюйеръ.—Лафонтенъ.—Споръ о классической и новой литературѣ.—Опера; Кино.—Мемуары; исторія.—Философія; Малебраншъ.—Обученіе; педагогія въ XVII в.; ученыя общества.—Происхожденіе періодической печати.—Англійская литература; Бенъ-Джонсонъ, Бэконъ.—Мильтонъ (1608—1674).—Драйденъ (1631—1700).—Локкъ (1632—1704).—Голландія; еврей Спиноза.—Германія; Лейбницъ.—Испанія; Кальдеронъ; упадокъ литературы.—Науки; математика.—Астрономія; Кеплеръ (1571—1630); Галилей (1564—1642); Ньютонъ (1642—1727).—Физическія науки; опытный методъ Бэкона.—Галилей, Торричелли, Паскаль, Маріоттъ.—Паръ; Дени Папенъ. — Естественныя науки; ботаническіе сады; Турнефоръ.—Медицина.—Искусства; французская архитектура.—Луврская колоннада; Версаль.—Французская скульптура; Пюже.—Живопись; итальянская школа; Гверчино; Альбане; Доменикино; Сальваторъ Роза.—Живопись въ Испаніи; Рибера, Веласкесъ; Мурильо.—Французская живопись; Николá Пусенъ, Клодъ Лорренъ, граверъ Кальо, Лесюёръ.—Лебрёнъ, Миньяръ, Риго. — Фламандскіе художники во Франціи; Филиппъ Шампень; Фанъ-деръ-Мейленъ.—Блескъ фламандской школы; Рубенсъ.—Фанъ-Дикъ, Іорденсъ.—Живописцы природы; Снидерсъ. — Жанровая живопись; Давидъ Теньеръ.—Пейзажъ; Брюгель де-Велуръ, братья Гюисманъ.—Голландская школа; Рембрандтъ.—Герардъ Довъ, Тербургъ, Метцу.—Рюисдаль, Гобема.—Результаты XVII вѣка.

Улучшеніе условій матеріальной жизни, безопасность, спокойствіе, охраняемыя властью, силу которой никто не оспаривалъ, и возроставшая вмѣстѣ съ промышленностью роскошь измѣнили внѣшній видъ общества. Дворянство, переставшее враждовать между собою, посѣщало другъ друга. Дворъ, наполненный сеньорами, соперничавшими въ изяществѣ и хорошихъ манерахъ, давалъ тонъ городу; пріобрѣтавшія все большее значеніе, женщины требовали вѣжливости, и смягчившійся рыцарскій духъ перехо-

цилъ въ свѣтскую любезность. Въ особенности, во Франціи, начиная съ царствованія Людовика XIII, стали устраиваться собранія изъ высшаго класса и богатой буржуазіи, гдѣ старались красиво говорить, позволяли себѣ злословить и выражались изысканнымъ языкомъ, иногда доходившимъ до вычурности и жеманства. Тогда любили нарядность одежды соединять съ граціозными жестами, восхищаться сонетами, критиковать, болтать ради болтовни и блистать показнымъ остроуміемъ. Разряженныя хозяйки возсѣдали въ своихъ гостиныхъ, убранныхъ прекрасными коврами, окруженныя дамами и изящными говорунами, кружившими имъ головы похвалами, и состязавшимися, ради очарованія ихъ, въ искусствѣ выраженія утонченныхъ мыслей, удачнаго сочетанія словъ и умѣнья высказываться возвышенными выраженіями о самыхъ обыденныхъ предметахъ. *Отель Рамбулье* сдѣлался образцомъ этихъ собраній, полныхъ ума и легкомыслія, гдѣ французское общество освобождалось отъ грубости, становилось утонченнѣе, придавало своему веселью больше нарядности и пріучалось къ болѣе чистому языку. Искусство бесѣдовать въ обществѣ пріобрѣло первостепенное значеніе, и подвижной и тонкій умъ женщинъ придавалъ этимъ бесѣдамъ такую легкость, утонченность и привлекательность, что вызывалъ удивленіе передъ французскимъ умомъ даже со стороны тѣхъ, которые не могли до него возвыситься.

Французская литература, служившая выраженіемъ этого изящнаго и учтиваго общества, естественно, безъ усилій, пріобрѣла правильность, спокойное благородство, величавую простоту, веселую, хотя и искусственную грацію, поэтическое чувство, краснорѣчіе и живой комизмъ вмѣстѣ съ философской строгостью. Это время было золотымъ вѣкомъ литературы и одною изъ тѣхъ счастливыхъ эпохъ, когда человѣческій умъ сознаетъ свою силу, какъ это было во времена Августа и Перикла. Продолжительное изученіе древнихъ классиковъ положило начало новой литературѣ, столь же достойной названія классической. Вкусъ римлянъ и грековъ, примиряясь съ оригинальностью писателей, воспитанныхъ среди совершенно иного общества, смягченныхъ вліяніемъ женщинъ и одушевленныхъ живою христіанскою вѣрою, создали литературу античную и, вмѣстѣ съ тѣмъ новую, христіанскую по духу, выдержанную, изящную, и, подобно своимъ образцамъ, возродившую аттическую или римскую красоту въ произведеніяхъ чисто французскихъ.

Малербъ [1]), еще во времена Генриха IV, подчинилъ правиламъ поэтическій вкусъ и поддерживалъ при Людовикѣ XIII эту диктатуру языка, которая очистила слишкомъ многословный языкъ XVI в., придалъ размѣръ стихамъ, точность словамъ и благозвучіе рѣчи. *Вожеласъ* [2]), скорѣе знатокъ грамматики, чѣмъ писатель, началъ преобразовывать прозу. *Бальзакъ* [3]) и *Вуатюръ* [4])

---

[1]) Малербъ (1556—1628).—[2]) Вожеласъ (1585—1650).

[3]) Бальзакъ (1594—1654). Произведенія Бальзака состоятъ изъ *писемъ* и трактатовъ *Государь*, *Пристиппъ* и *Христіанскій Сократъ*.

[4]) Вуатюръ (1598—1648) не оставилъ ни одного сколько-нибудь обширнаго произведенія. Онъ писалъ только письма, которыя съ восхищеніемъ

внесли въ нее одинъ пышность, другой—грацію. Бальзакъ довелъ эту пышность до вычурности и тяжеловѣсности. Вуатюръ, одинъ изъ героевъ отеля Рамбулье, искажалъ изящество своего языка притязательностью и утонченностью столь же искусственными, какъ и напыщенность Бальзака. Но эти писатели и множество другихъ, второстепенныхъ, въ дѣйствительности, были лишь предшественниками писателей болѣе крупныхъ.

Пьеръ Корнель, можно сказать, создалъ вновь античную трагедію. Болѣе сдержанный и съ болѣе трезвымъ умомъ, чѣмъ Шекспиръ, не подчинявшійся никакимъ правиламъ, болѣе сосредоточенный, чѣмъ испанцы, у которыхъ онъ заимствовалъ сюжетъ своего перваго шедевра *Сидъ* (1636), онъ заключилъ пьесу въ тройное единство времени, мѣста и дѣйствія, не нарушая правдоподобія и усиливая интересъ быстрою смѣной сценъ. Противопоставляя почти всегда долгъ страсти, перенося въ различныя эпохи и страны вѣчную борьбу увлеченій и нравственныхъ принциповъ, возвышая ее благородствомъ дѣйствующихъ лицъ, Корнель, благодаря героизму Сида и стараго Горація, Августа и Поліевкта, какъ бы возноситъ насъ въ безмятежную сферу, гдѣ добродѣтель торжествуетъ надъ человѣческими слабостями. Это уже не глухая, хотя и величественная борьба греческихъ героевъ съ неумолимой судьбой. Здѣсь свободный человѣкъ борется съ собственнымъ сердцемъ и поступается своей любовью, какъ Родригъ, отеческой привязанностью, какъ старый Горацій, местью, какъ Августъ, или семейными узами, какъ Поліевктъ, ради восторженной вѣры христіанина, ради великодушнаго милосердія, ради гражданскаго и сыновняго долга. Изъ могучихъ драматическихъ произведеній Корнеля выступаетъ нравственная сила, неизмѣнно покорявшая себѣ поколѣніе за поколѣніемъ. Мы уже не будемъ говорить, что и героини его не менѣе достойны удивленія: таковы Химена, преданная своему возлюбленному и въ то же время отвергающая его; Камилла, побѣжденная страстью; Полина, усиливающаяся такъ благородно и нѣжно вернуть къ себѣ Поліевкта и обращаемая въ христіанство его казнью. Французская рѣчь никогда еще не звучала съ такой полнотою, твердостью, благородствомъ и величественностью и не возвышалась настолько до высокихъ мыслей, какія заставлялъ выражать ее возвышенный геній Корнеля [1]).

читались въ гостиныхъ.—Къ первой половинѣ XVII в. слѣдуетъ отнести въ числѣ второстепенныхъ авторовъ *Ракана* (1589—1670), съ успѣхомъ писавшаго пасторали; *Шапелена* (1595—1674), тщетно старавшагося поднять эпическую поэзію, *Скюдери*, *Демаре де-Сенъ-Сорлена*, *Сетъ-Амана*, *Сарразена*, *Мальвиля* и *Скаррона*, грубоватаго поэта; писавшихъ прозою, врача *Гки Патена* и романистовъ *д'Юрфе*, *Ла-Кальпренеда* и г-жу *Скюдери*.

[1]) Корнелю предшествовали лишь нѣсколько многословныхъ и туманныхъ писателей, вродѣ *Александра Арди*, неутомимаго импровизатора, *Теофиля*, автора *Пирама* и *Тизбы*, *Ротру*, *Мэре*. Корнель (1606—1684) самъ выступилъ сначала довольно смутными пьесами и обнаружилъ свое величіе лишь въ трагедіи *Медея* (1635). Послѣ образцовыхъ произведеній, слѣдовавшихъ одно за другимъ съ 1636 до 1640 г., Корнель писалъ только пьесы, ничѣмъ не замѣчательныя: *Смерть Помпея* (1641), *Никомедъ*, въ которомъ опять проявилось величіе автора, *Эдипъ*, *Серторій* и т. д. Впрочемъ, онъ положилъ также начало комедіи характеровъ въ *Лжецѣ* (1642).

Въ то же время, когда трагедія возвышала сердца и души, возрождалась и античная философія со своими высокими размышленіями и строгими сужденіями. Черезъ годъ послѣ того, какъ Корнель написалъ свое первое лучшее произведеніе, Декартъ обнародовалъ (1627) первый истинно философскій трудъ. *Сидъ* давалъ тонъ поэзіи, *Разсужденіе о методѣ* Декарта представляло настоящій образецъ прозы и, въ то же время, опредѣляло правила мышленія.

Декартъ, примѣняя къ явленіямъ сознанія законы научнаго наблюденія, какіе незадолго передъ тѣмъ въ Англіи изложилъ Бэконъ, пришелъ, путемъ наведенія, къ возсозданію науки о душѣ и о мірѣ. Съ невѣроятной силой отвлеченія, онъ выдѣлилъ себя изъ внѣшняго міра и сомнѣвался въ существованіи этого послѣдняго и даже самого себя, но не могъ сомнѣваться въ томъ, что онъ мыслилъ, такъ какъ сомнѣніе не было матеріальнымъ дѣйствіемъ. «Я мыслю, слѣдовательно, существую!» Утвердившись на этой точкѣ опоры, онъ доказывалъ существованіе Бога и души строгою послѣдовательностью идей и открылъ настоящій философскій методъ. Хотя доктрины, принадлежащія Декарту, были впослѣдствіи покинуты, методъ его остался: онъ послужилъ орудіемъ философскаго изслѣдованія и закономъ, съ помощью котораго новѣйшіе философы проникли далѣе въ область отвлеченной мысли, чѣмъ философы древности, слишкомъ увлекавшіеся дедукціей и гипотезой. Картезіанская философія сохранила, кромѣ того, христіанскій характеръ, отличительный для писателей XVII в. Достаточно смѣлый, чтобы мыслить внѣ религіозной области, Декартъ ставилъ себѣ лишь цѣлью доставить религіи опору въ человѣческомъ мышленіи. Онъ всегда подчинялъ разумъ вѣрѣ, не видя въ этомъ для него ничего унизительнаго [1].

Паскаль [2] еще съ большей строгостью подчинялъ разумъ вѣрѣ. Не будучи философомъ, онъ предпринялъ обширный трудъ о религіи, который онъ могъ написать только въ видѣ отрывковъ, подъ названіемъ *Мысли*. Но, какъ писатель, онъ, главнымъ образомъ, оказалъ услугу французской прозѣ, освободивъ ее отъ длинныхъ декартовыхъ періодовъ, и придавъ ей легкость и большую краткость въ своемъ неподражаемомъ произведеніи *Провинціалы* [3], ѣдкой сатирѣ на ученія іезуитовъ, благодаря которой сохранились отъ забвенія мелочные споры ученыхъ того времени. Паскаль и Декартъ обладали міровыми геніями, и ихъ научное значеніе было столь же велико, какъ и литературное.

Эти писатели блистали въ теченіе первой половины XVII в., которую почтили названіемъ *вѣка Ришельё*. Впрочемъ, Паскаль

---

[1]) Декартъ (1596—1650) род. въ Ла-Гэ, въ Туренѣ. Капитальные труды Декарта: *Разсужденіе о методѣ* и *Метафизическія размышленія*.

[2]) Блэзъ Паскаль род. въ Клермонѣ (1623—1662).

[3]) «Провинціалы» (Les Provinciales) публика называла для краткости знаменитое сочиненіе Паскаля, первоначальное заглавіе котораго было «Письма, писанныя къ провинціалу однимъ изъ его друзей». Впослѣдствіи авторъ самъ далъ это названіе означеннымъ письмамъ въ полномъ собраніи своихъ сочиненій (*Прим. пер.*).

написалъ лучшія свои произведенія уже послѣ смерти Ришельё. Декартъ почти все время жилъ въ чужихъ странахъ. Но Корнель считается въ числѣ поэтовъ-сотрудниковъ кардинала-стихотворца, получавшихъ отъ него пенсію. Ришельё такъ высоко цѣнилъ писателей, что даже завидовалъ имъ; но главною его заслугой передъ литературой было основаніе Французской академіи (1636), этого литературнаго сената, единственнаго въ своемъ родѣ верховнаго судилища въ области языка и вкуса, учрежденія, неизвѣстнаго древности, прославленнаго даже среди чужеземныхъ націй, которыя восторгаются имъ, не имѣя силы подражать ему.

Людовикъ XIV унаслѣдовалъ литературу, такъ же, какъ и націю, на половину установленною. Онъ закончилъ упорядоченіе ея, такъ какъ ему посчастливилось найти геніальныхъ людей, достаточно покорныхъ, чтобы подчиняться его вліянію, и достаточно сильныхъ, чтобы не пострадать отъ этого. Если Людовикъ XIV заслужилъ честь дать имя своему вѣку, то это вовсе не за свою щедрость, уступавшую щедрости многихъ мелкихъ итальянскихъ владѣтельныхъ особъ. Онъ заслужилъ ее потому, что литература его времени была дѣйствительнымъ выраженіемъ пышности, благородства и довольства, характеризовавшихъ его шумный и покорный дворъ. При этомъ дворѣ, съ его іерархическими ступенями, была полная непринужденность, достоинство и любезность; серьезность не имѣла тамъ ничего унылаго, легкомысліе — ничего низменнаго, веселость — ничего грубаго, религіозность—ничего мрачнаго. Рѣдкимъ стеченіемъ обстоятельствъ, а также властью государя, установилось удачное равновѣсіе между единодушіемъ желаній и оригинальностью талантовъ. Умы, достаточно возбужденные, чтобы быть плодовитыми, достаточно покорные, чтобы быть сдержанными, были способны достигнуть выдержанной красоты, законченнаго изящества, высшаго совершенства мысли и языка. Людовикъ XIV оказывалъ вліяніе на литературу своей политикой и своей личностью. Достоинство и изящество, дѣлавшія его образцомъ для вельможъ на столько же, на сколько его строгость заставляла ихъ повиноваться ему, вѣрность его сужденія и здравый смыслъ, оскорблявшійся всякимъ преувеличеніемъ (исключая собственнаго честолюбія) оказывали вліяніе на геніальныхъ людей, пользовавшихся его поощреніемъ. Одинъ только Лафонтенъ, своеобразный и независимый умъ, уклонялся отъ величественнаго и торжественнаго порядка, нравившагося королю. Поэтому онъ былъ въ немилости, такъ какъ Людовикъ XIV признавалъ только тѣхъ, которые, занимая видное положеніе, отражали на себѣ величіе короля и, подобно лучамъ свѣтила, соединяли свою славу со славой своего повелителя.

Расинъ [1]), Мольеръ [2]) и Буало [3]), три друга и три писателя, наиболѣе уважавшіеся Людовикомъ XIV, обладали, впрочемъ, совершенно различнымъ геніемъ. *Расинъ*, соперникъ Корнеля, со-

---

[1]) Расинъ род. въ Ферте-Милонѣ (деп. Энъ) (1639—1699).
[2]) Жанъ-Батистъ Покленъ де-Мольеръ (1622—1673).
[3]) Буало (1636—1711).

іелъ съ тѣхъ высотъ, на которыя этотъ послѣдній возводилъ воихъ героевъ; въ немъ было больше человѣчности и, въ особенности, болѣе женственности. Онъ трогаетъ насъ материнскими увствами Андромахи, отчаяніемъ Вереники, страстью Федры, нестовой ревностью Герміоны, невинностью и жалобами Ифигеніи и Юнимы. Это—поэтъ сердца. Но это не мѣшаетъ ему достигать начительной высоты вмѣстѣ съ честолюбивой Агриппиной, благородньшъ Бурромъ и отважнымъ Митридатомъ. Онъ также твердъ, акъ и нѣженъ. Затѣмъ, состарившись вмѣстѣ съ королемъ и, одобно ему, возвратившись къ религіи, онъ очерчиваетъ мягкій бразъ Есѳири, мрачную фигуру Аталіи, величественный портретъ ервосвященника Іоада и чистосердечнаго Іоаса. Вмѣстѣ съ тѣмъ, нъ придалъ языку благородство, чистоту и благозвучіе, доходящія до совершенства, что позволяетъ ставить его рядомъ съ Раэлемъ, если только можно сравнивать литературу съ живописью.

Мольера слѣдуетъ считать творцомъ комедіи, не смотря на суцествованіе *Лжеца* Корнеля. Онъ своимъ, чисто гальскимъ, остроміемъ облагородилъ общій тонъ при дворѣ, осмѣивая маркизовъ жеманницъ, ученыхъ женщинъ и врачей-педантовъ, плохихъ оэтовъ, скупцовъ и лицемѣровъ. Его изящные стихи и легкая роза выражаютъ столь вѣрныя мысли и столь прочувствованныя стины и вызываютъ одновременно такой веселый и поучительый смѣхъ, что этотъ смѣхъ звучитъ еще и теперь и не перетанетъ раздаваться, пока существуютъ французскій языкъ и люди, пособные понимать его. Мольеръ былъ даже философомъ, быть ожетъ, пророкомъ, такъ какъ въ своемъ *Мизантропѣ* онъ зараѣе осмѣялъ духъ пессимизма, который, въ наши дни, хотѣли риписать научному духу, и который есть ничто иное, какъ дурое настроеніе людей, недовольныхъ цѣлымъ свѣтомъ потому, что ни недовольны самими собой [1]).

Буало нельзя ставить на ряду съ его друзьями. Это—трудоюбивый поэтъ, но добросовѣстный и остроумный критикъ, драоцѣнный руководитель для образованія вкуса молодежи и подержанія правъ здраваго смысла.

Эти три столь различные генія схожи, впрочемъ, между собою реклоненіемъ передъ древнимъ міромъ. Они исходятъ прямо отъ реціи и Рима, вполнѣ оставаясь французами. Въ то же время, ни религіозны, въ особенности Расинъ; Мольеръ, въ своемъ *Тартюфѣ*, имѣлъ въ виду лишь лживое и лицемѣрное благоестіе, гораздо болѣе вредное для религіи, чѣмъ явная распуценность.

Христіанское вдохновеніе господствуетъ, главнымъ образомъ, реди духовныхъ ораторовъ: *Бурдалу* [2]), *Боссюэта* и *Фенелона*. Бурдалу былъ лишь авторомъ проповѣдей, и извѣстность его не мо-

---

[1]) Представителемъ комедіи былъ еще *Реньяръ* (1655—1709), поэтъ, надѣленный изяществомъ и веселостью, занимавшій второе мѣсто среди автоовъ французской комедіи. Его пьесы *Менехмы* (комедія, основанная на сходтвѣ двухъ братьевъ), *Наслѣдникъ* и *Игрокъ* пережили его, и до сихъ поръ оявляются въ репертуарѣ.

[2]) Бурдалу (1632—1704).

жетъ равняться со славою остальныхъ двухъ изъ названныхъ проповѣдниковъ. Онъ слишкомъ логиченъ, слишкомъ узокъ и спеціаленъ. Боссюэтъ и Фенелонъ были міровыми геніями.

Первый [1]), будучи ораторомъ, историкомъ и философомъ, гремѣлъ съ каѳедры самымъ возвышеннымъ краснорѣчіемъ, въ особенности, въ своихъ *Надгробныхъ рѣчахъ*. Онъ глубокимъ взглядомъ окинулъ прошлое въ своемъ *Разсужденіи о всемірной исторіи* и примирилъ философію съ религіей въ *Трактатѣ о познаніи Бога и самого себя*. Фенелонъ [2]) также выказалъ себя философомъ въ своемъ трудѣ *О существованіи Бога*; онъ не былъ историкомъ, но его романъ *Телемакъ* оживилъ первобытныя времена Греціи, и его проповѣди были образцами изящества и благочестія: въ то же время Фенелонъ былъ литературнымъ критикомъ и, кромѣ того, самъ того не зная, учителемъ педагогіи. Ихъ справедливо называли, одного *Орломъ изъ Мо*, а другого *Камбрейскимъ лебедемъ*, такъ какъ первый торжественъ и величественъ, а другой простъ, доступенъ и плодовитъ. Боссюэтъ громитъ человѣка; Фенелонъ его поднимаетъ и утѣшаетъ. Епископъ города Мо устрашаетъ его смертельными угрозами и превратностью человѣческой судьбы. Архіепископъ города Камбрэ его успокоиваетъ и старается доставить миръ его душѣ, который, впрочемъ, чуть не усыпилъ его самого, вслѣдствіе злоупотребленія мистицизмомъ и заблужденіями *квіетизма*.

Въ политикѣ Боссюэтъ не признавалъ ничего лучшаго монархическаго правленія Людовика XIV, и въ своей *Политикѣ, извлеченной изъ Священнаго писанія* онъ пытается дать ему основу въ божественномъ опредѣленіи. Читая, какъ онъ постоянно прославляетъ всемогущество Божіе и разсыпаетъ громы Его гнѣва, можно подумать, если бы не было извѣстно, какъ онъ преимущественно вдохновлялся Библіей, что онъ хотѣлъ установить не монархію Людовика XIV по образцу единой божественной власти, а власть Бога по образцу Людовика XIV.

Фенелонъ былъ почитателемъ великаго короля, внука котораго онъ воспитывалъ, внушая ему свободныя правила; изгнаніе, которое на него навлекъ *Телемакъ*, ясно доказываетъ, что король заблуждался болѣе относительно преподавателя, чѣмъ тотъ относительно своего монарха.

Тѣмъ не менѣе, Боссюэтъ и Фенелонъ остаются наиболѣе блестящимъ воплощеніемъ генія христіанства, какъ его понималъ французскій геній, смягченнымъ и сглаженнымъ прилежнымъ изученіемъ древнихъ [3]).

Женщины, способствовавшія изящному складу общества, не могли не имѣть своей выдающейся писательницы. Этимъ геніемъ

---

[1]) Жакъ-Бенинъ Боссюэтъ род. въ Дижонѣ (1627—1704).

[2]) Фенелонъ (1651—1715).

[3]) Какъ представителей церковнаго краснорѣчія слѣдуетъ еще упомянуть *Флешье* (1632—1710), изящнаго оратора, лучшее произведеніе котораго—*Погребальная проповѣдь Тюреня*; затѣмъ *Маскарона* (1634—1703), составившаго погребальную проповѣдь тому же лицу.

не менѣе классическимъ, чѣмъ другіе, была г-жа *де-Севинье* [1]), письма которой, живыя, веселыя и остроумныя, и теперь еще восхищаютъ насъ, какъ картины уже не существующаго общества, отражающагося въ нихъ какъ въ зеркалѣ. Г-жа де-Севинье придала бо́льшую легкость языку: стиль ея кратокъ, мысли ея порхаютъ и «рѣзвятся». Онѣ переносятъ насъ изъ Версаля въ Лувръ или въ Гриньянъ, переходя отъ Фуке къ великому Конде, отъ фаворитки короля и Лозёна къ скромнымъ обитателямъ ея уединеннаго дома въ Роше. Она поднимаетъ, украшаетъ, оживляетъ и заставляетъ блестѣть все, до чего она касается, а касается она всевозможныхъ вопросовъ, кромѣ великихъ.

Въ дѣйствительности, великія темы были запрещены. Намъ сообщаетъ объ этомъ Ла-Брюйеръ. Этотъ моралистъ, соперникъ *Ла-Рошфуко* [2]), но только болѣе веселый, старался рисовать лишь странности и *характеры*. Его книга — комедія безъ дѣйствія, полная лукавства и вѣрныхъ наблюденій. Ла-Брюйеръ, возвышающій тонъ, нападая на безнравственныхъ людей, самъ, какъ онъ заявляетъ о себѣ,—католикъ и французъ. Г-жа де-Севинье—также француженка и католичка по преимуществу и, какъ и Ла-Брюйръ, послѣдовательница Теофраста, обязанная своимъ изяществомъ классикамъ, которыхъ она любила и читала въ подлинникахъ.

Классикомъ былъ и добрякъ Лафонтенъ [3]), желавшій, повидимому, избѣжать всякихъ правилъ, наслаждавшійся и восхищавшійся древними. Его басни непонятны безъ знанія миѳологіи, и боги въ нихъ постоянно сталкиваются съ животными. Безспорно, Лафонтенъ не любитъ торжественныхъ формъ: онъ не могъ подойти подъ прямую линію точно такъ же, какъ не могъ подчиниться общественнымъ условіямъ; онъ слѣдуетъ своей фантазіи вплоть до разнообразнаго размѣра своихъ стиховъ. Его *басни* [4]), впрочемъ, столько же поучительны, какъ и интересны. Различныя животныя изображаютъ собою разные классы общества, и не трудно понять, кого представляетъ левъ. Но Лафонтенъ—не суровый моралистъ: скорѣе, это — сатирикъ, въ сущности, равнодушный; онъ приноравливается ко всему, даже къ тому, что́ ему непріятно; онъ предоставляетъ міру волноваться, лишь бы онъ самъ свободно могъ мечтать на берегу какого-нибудь ручья. У него уже есть настоящее чувство природы, отвращеніе ко всему искусственному: онъ опережаетъ свой вѣкъ или, скорѣе, онъ принадлежитъ всѣмъ временамъ, какъ и его книга, восхищающая всѣ возрасты, и напрасно предназначаемая однимъ только дѣтямъ.

---

[1]) Мари-де-Рабютенъ, маркиза-де-Севинье (1626—1696). Среди женщинъ-писательницъ слѣдуетъ упомянуть еще о г-жѣ де-Ла-Файэтъ (1634—1693), одной изъ пріятельницъ г-жи де-Севинье, достигшей естественности въ *романъ*.

[2]) Герцогъ Ла-Рошфуко (1610 — 1680) написалъ *Истины*, чрезвычайно остроумныя и проницательныя, но съ отпечаткомъ полнаго разочарованія по отношенію къ человѣческой добродѣтели.

[3]) Жанъ-де-Лафонтенъ (1621—1695).

[4]) См. остроумное объясненіе басенъ Лафонтена въ книгѣ Тэна: *La Fontaine et ses Fables*.

Успѣхи французскихъ писателей исполнили нѣкоторыхъ авторовъ (и не принадлежавшихъ къ числу лучшихъ) такой гордости, что они стали пренебрежительно относиться къ древнимъ. Возникло нѣчто вродѣ войны, какъ будто дѣло касалось политическаго преобладанія. Борьба была вызвана съ 1635 г. *Буаробсромъ*, возставшимъ противъ Гомера. *Двмаре-де-Сенъ-Сорленъ* продолжалъ (въ 1669 и 1673 гг.) нападки на древнихъ авторовъ, слишкомъ превознесенныхъ и, по его мнѣнію, стоявшихъ ниже новыхъ. Истинные геніи, знавшіе, какъ они много обязаны изученію древности, выступили на защиту своихъ учителей. Буало выказалъ себя самымъ горячимъ борцомъ за грековъ и римлянъ: онъ затѣялъ противъ *Шарля Перро*, сторонника новыхъ писателей, знаменитую полемику, раздѣлявшую академію на двѣ партіи. Сторонниками его были ученые Дасье, Менажъ, Гюэ и др. Мы не стали бы говорить объ этомъ позабытомъ спорѣ, если бы онъ не былъ оригинальной чертой эпохи и историческимъ подтвержденіемъ того вліянія, какое имѣли древніе авторы: это вліяніе доказывается самою смутой, вызванной ими.

Однимъ изъ самыхъ своеобразныхъ сочетаній подражанія древнимъ и новыхъ стремленій явилось созданіе *оперы*, которая, благодаря *Кино* [1]) сдѣлалась особымъ литературнымъ родомъ, между тѣмъ, какъ музыка *Люлли* [2]) присоединяла къ стихамъ поэта, часто весьма нѣжнымъ, другую нѣжность и усиливала выраженіе чувствъ. Своею славой, опера обязана, главнымъ образомъ, музыкантамъ XVIII и XIX вв., но начало ея относится къ XVII столѣтію.

XVI вѣкъ, столь богатый событіями, заботился о передачѣ ихъ потомству. *Мемуары*, уже столь многочисленные и интересные въ XVI в., умножились, и *кардиналъ Рецъ* написалъ въ этомъ родѣ произведеніе образцовое по уму и языку, если не по скромности [3]). Это была наиболѣе живая и живописная картина Фронды, въ которой онъ принималъ дѣятельное участіе; это не исторія, такъ какъ свидѣтель ея пристрастенъ, но это—картины, безъ которыхъ исторія не могла бы обойтись [4]).

Впрочемъ, художественная исторія еще не зарождалась. Кромѣ *Разсужденій о всемірной исторіи* Боссюэта, гдѣ обнаруживается высокое философское пониманіе исторіи, встрѣчались только произведенія, основанныя на изученіи древнихъ писателей, и отдаленныя подражанія имъ, какъ напр., труды *Мезерэ* [5]), *Верто* [6]), разсужденія *Буленвилье* [7]), изящная книга *Сенъ-Реаля* [8]) *О заговорѣ въ Венеціи*, исторія церкви *Флери* [9]) и проч.

---

[1]) Кино (1635—1688).

[2]) Люлли (1633—1687). См. о музыкѣ слѣд. главу.

[3]) Поль-де-Гонди, кардиналъ Рецъ (1614—1679).

[4]) Сенъ-Симонъ принадлежитъ XVIII в., но между главными мемуарами той эпохи слѣдуетъ упомянуть: *Сюлли* и *Ришелье*, столь важные для политики, герцога *Ла-Рошфуко*, г-жи *де-Монпансье*, г-жи *де-Мотвиль*, аббата *Шуази* и *Гурвиля*.

[5]) Мезерэ (1610—1683).

[6]) Верто (1655—1735).

[7]) Графъ де-Буленвилье (1658—1722).

[8]) Сенъ-Реаль (1639—1692).

[9]) Флёри (1640—1723).

Декартъ открылъ въ философіи путь, которому всего болѣе слѣ(ова)лъ *Малебраншъ* 1), священникъ Общества проповѣдниковъ. Въ (с)воей книгѣ *Объ изслѣдованіи истины*, онъ отступилъ отъ теоріи (с)воего учителя въ особой теоріи о *Созерцаніи въ Богѣ*, которую (о)нъ преувеличивалъ, доводя ее до мистицизма. Онъ пытался со(г)ласить фисософію съ религіей, что уже оспаривали *Бэйль* и *Спиноза*.

Всѣ эти писатели не могли бы появиться, если бы не существовало организованнаго классическаго обученія. Іезуиты осно(в)али множество коллегій; янсенисты блистали въ *Поръ-Роялѣ*, (э)той школѣ добродѣтели и знанія, гдѣ въ уединеніи разрабаты(в)ались основательные методы преподаванія. Самый университетъ, (х)отя и задержанный средневѣковой рутиной, открылъ доступъ въ (с)вои коллегіи новымъ методамъ. Къ XVII в. справедливо отно(с)ятъ возникновеніе современной педагогіи.

Преподаваніе сдѣлалось настоящей наукой. Эту науку, хотя и (з)аслоненную и смѣшанную съ другими, уже можно различить въ XVII в. Она началась еще въ XVI столѣтіи, одновременно съ (в)озрожденіемъ литературы, и оказалась необходимою частью рели(г)іозной реформы. Лютеръ, предписывая чтеніе Библіи, поощрялъ (с)озданіе школъ. Католики, чтобы бороться съ протестантами, (т)акже признали важность обученія, и Генеральные Штаты, въ 1560 г., потребовали даже обязательнаго обученія. Въ XVII в. попытки педагогической пропаганды стали серьезнѣе. Въ Германіи славянинъ *Амосъ Коменскій* (1592—1672) посвятилъ свою жизнь дѣлу народнаго образованія и установилъ различныя степени обученія. Во Франціи *Деміа* учредилъ въ Ліонѣ (1666) *конгрегацію братьевъ св. Карла* для обученія *бѣдныхъ дѣтей*. Кардиналъ Куаленъ, при Людовикѣ XIV, основалъ на свои средства двѣсти школъ въ Орлеанскомъ діоцезѣ. Сенъ-Симонъ разсказываетъ, что Людовикъ XIV, очень его любившій, хотѣлъ, чтобы кардиналъ чаще появлялся при дворѣ, но послѣдній рѣшительно отказался отъ этого, не желая подвергнуть уничтоженію свою драгоцѣнную жатву, столь полезныя школы. Жанъ-Батистъ де-Ласаль, каноникъ изъ Реймса, образовалъ конгрегацію, предназначенную исключительно для распространенія начальнаго обученія. *Братья христіанскаго ученія*, которыхъ онъ собралъ вокругъ себя, были монахи, не будучи священниками и не имѣя возможности ими сдѣлаться. Де-Ласаль испыталъ многія трудности, прежде чѣмъ ему удалось основать первыя школы въ Реймсѣ (1679), въ Ретёль-Уизѣ и Лаонѣ (1683), затѣмъ въ Парижѣ школу св. Сюльпиція (1688), въ Шартрѣ, въ Труа, въ Руанѣ (1705), гдѣ онъ и умеръ въ 1719 г., не дождавшись королевскаго указа и папской буллы, которыми въ 1724 г., признаны были права новой конгрегаціи.

Первоначальное образованіе сводилось къ чтенію, письму, счету и катихизису и, несмотря на нѣкоторыя серьезныя усилія, велось очень небрежно. Пробужденіемъ умовъ воспользова-

1) Малебраншъ (1683—1715).

лось всего болѣе *среднее образованіе.* Іезуиты, помимо университетовъ, учредили большое число коллегій, въ основаніе которыхъ они положили глубокое изученіе латыни. Заботясь о развитіи литературы и ея формы, они создали образецъ классическаго образованія, которое должно было пережить ихъ господство, но они пренебрегали исторіей, философіей и науками. Тѣмъ не менѣе, изъ ихъ столь несовершенныхъ школъ вышла большая часть блестящихъ писателей того времени. «Ораторіанцы» (члены общества проповѣдниковъ), менѣе односторонніе и менѣе недовѣрчивые по отношенію къ умственной свободѣ, также открыли множество коллегій и, между прочимъ, знаменитую коллегію Жюльи (1638), въ которой было отведено мѣсто французскому языку, исторіи и географіи. Изъ этого ученаго учрежденія вышли Маскаронъ, Массильонъ, ученый священникъ Лелонъ, священникъ Лекуантръ, и др.

Янсенисты, соперники іезуитовъ, начиная съ 1643 г., открывали Малыя школы въ *Поръ Ройялъ де-Шанъ* и въ Парижѣ, въ улицѣ С. Доминикъ Данферъ; но эти школы просуществовали не долго, такъ какъ должны были закрыться. Поръ Ройяль, тѣмъ не менѣе, остался разсадникомъ ученыхъ и талантливыхъ людей, каковы были моралистъ *Николь*, знатоки грамматики *Ланселю*, *Арно* и теологи *де-Саси*, *Гюйонъ*, *Кустель* и *Варе*. Учителя Поръ Ройяля удѣляли обширное мѣсто изученію французскаго языка и старались развивать дѣтскій умъ самостоятельнымъ размышленіемъ. Ихъ методы обученія языкамъ остались образцовыми и, до сихъ поръ, могутъ быть изучаемы съ пользою, а *Логика* Поръ Ройяля сдѣлалась классической книгой. Отшельники Поръ Ройяля были мастерами въ педагогіи.

Парижскій университетъ, хотя и отсталый, принужденъ былъ послѣдовать общему движенію: тамъ говорили только по латыни и изучали лишь философію Аристотеля. Ректоръ *Роленъ* (1661—1741) поднялъ уровень преподаванія, и, благодаря ему, были признаны права французскаго языка, оцѣнены методы янсенистовъ и была введена картезіанская философія. Въ 1726 г. Роленъ издалъ *Трактатъ объ изученіи наукъ*, превосходную книгу, оказавшую серьезное вліяніе на образованіе.

Знаменитые люди, какъ Фенелонъ, занимались вопросами воспитанія и даже образованія дѣвушекъ. Его *Трактатъ объ образованіи дѣвицъ* остался образцовымъ произведеніемъ здраваго смысла и тонкости чувствъ. Безъ сомнѣнія, онъ слишкомъ ограничиваетъ знаніе, доступное женщинамъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ представляетъ большой прогрессъ въ сравненіи съ теоріей и практикой своего времени. Г-жа де-Ламберъ (1647—1733) продолжила и развила принципы, намѣченные Фенелономъ. Г-жа де-Ментенонъ отчасти примѣнила ихъ въ учрежденіи Сенъ-Сиръ, куда она помѣщала молодыхъ дѣвушекъ бѣдныхъ семействъ благороднаго происхожденія. Своими предписаніями и разумными мыслями, она заслуживаетъ быть упомянутой въ числѣ выдающихся педагоговъ, что̀ отчасти оправдываетъ ее въ той печальной роли, какую она играла въ совѣтахъ Людовика XIV [1]).

---

[1]) Относительно послѣдняго вопроса см. обстоятельныя сообщенія О. Греа *Sur l'enseignement secondaire*.

Кольберъ, соперникъ Ришелье, также поощрялъ собранія ученыхъ и основалъ общества, создавшія себѣ славу при Французской Академіи (*Академія Надписей* (1663) и *Академія* Наукъ (1666). Умственное движеніе распространилось и въ провинціяхъ, и во многихъ значительныхъ городахъ образовались *ученыя общества*, которыя должны были особенно развиться въ XVIII в., при чемъ многія изъ нихъ, были связаны съ Французской Академіей, гордясь тѣмъ, что получили отъ нея начало.

Скромно и робко въ XVII вѣкѣ выступила *періодическая печать*, которой въ XIX столѣтіи предстояло управлять міромъ. Первая *газета*, вѣстникъ новостей, прикрывалась миѳологическимъ именемъ, отдавъ себя подъ покровительство *Меркурія*, вѣстника боговъ. *Французскій Меркурій*, основанный Рише въ 1605 г., сдѣлался органомъ воспитаннаго и изящнаго общества, чувствовавшаго потребность расширить, этимъ путемъ кругъ своихъ бесѣдъ: онъ служилъ эхомъ гостиныхъ для города и городскихъ слуховъ для гостиныхъ. Это была газета въ настоящемъ смыслѣ слова. *Теофрастъ Ренодо* въ 1835 г. сталъ выпускать газету подъ названіемъ *Французской газеты*, что̀, впрочемъ, не помѣшало ему продолжать, начиная съ 1644 г., изданіе *Меркурія*. Конечно, нельзя требовать отъ этихъ первыхъ попытокъ прессы, не сознававшей своей силы, смѣлости, которая, впрочемъ, была бы разомъ пріостановлена властью, уже недовѣрчивой по отношенію къ книгамъ, и парламентомъ, вовсе не снисходительнымъ къ излишествамъ рѣчи, не исходившимъ отъ него самого.

Англійская литература въ началѣ XVII столѣтія находилась еще подъ обаяніемъ великаго имени Шекспира. Но, наряду съ нимъ, она высоко ставила и *Бенъ-Джонсона*. Это былъ классикъ, увлеченный единствами Аристотеля, подражавшій Ювеналу, какъ сатирику, и вдохновлявшійся въ своихъ трагедіяхъ Тацитомъ и Саллюстіемъ [1]).

Френсисъ Бэконъ, членъ парламента, баронъ Веруламскій, виконтъ де-Сентъ-Альбансъ, великій канцлеръ Англіи при Іаковѣ I, возвратилъ умы къ философіи и наукѣ. Пытаясь охватить въ совокупности міръ умственный и физическій, онъ создалъ планъ громаднаго труда *Великаго возстановленія наукъ*, котораго онъ выполнилъ лишь три части. Главную часть составляетъ *Novum Organum* (1620) [2]), которымъ онъ открылъ новый путь мышленію, все еще стѣсненному Аристотелевымъ методомъ. Дедукціи онъ противупоставилъ индукцію. Строго связанные между собою доводы, но, по большей части, исходившіе отъ гипотетическихъ началъ, онъ замѣнилъ послѣдовательнымъ разсужденіемъ, основаннымъ на наблюденіи фактовъ, на *опытѣ*, подвигаясь шагъ за

---

[1]) Бенъ-Джонсонъ родился въ 1574 г., а дѣятельность его, какъ драматурга, простирается отъ 1596 до 1633 г. Три лучшія комедіи Бенъ-Джонсона—*Молчаливая женщина*, *Алхимикъ* и *Лиса*. Онъ писалъ также фантастическія и аллегорическія комедіи.

[2]) Бэконъ (1561—1626). Первою частью *Великаго возстановленія* было *Прогрессъ наукъ* (1605); второю, *Novum Organum*; третья была составлена изъ различныхъ трактатовъ по естественной исторіи.

шагомъ *отъ извѣстнаго къ неизвѣстному*. Древніе разсуждали, опускаясь отъ общаго къ частному. Бэконъ восходилъ отъ частнаго къ общему,—методъ, какимъ вдохновлялись Декартъ, создавая философію, и ученые, отыскивая законы физическаго міра. Бэконъ поднялъ человѣческій духъ.

Въ Англіи принципы Бэкона были почти тотчасъ примѣнены къ философіи Гоббсомъ (1588—1680), который, подвергая наблюденію все, что̀ поддавалось чувствамъ, началъ изложеніе матеріалистической философіи.

Революціи 1640 и 1688 гг. до такой степени потрясли умы, что отсюда проистекли серьезныя послѣдствія для литературы. Революція 1640 г., религіозная по преимуществу, уничтожила драматическую литературу и разсѣяла свѣтскихъ поэтовъ. Но ея вдохновеніе оживило геній *Мильтона*, человѣка независимаго, какъ въ политикѣ, такъ и въ религіи, горячаго полемиста, потерявшаго зрѣніе отъ усиленной работы, который, послѣ того, какъ буря стихла, создалъ свою прекрасную поэму *Потерянный Рай*. Его произведеніе, простое и драматическое въ одно и то же время, заключаетъ всего два дѣйствующихъ лица, но авторъ вводитъ туда небо и землю; онъ описываетъ природу съ такимъ изяществомъ, какое трудно ожидать отъ человѣка, лишеннаго возможности созерцать ее, и упивается райскимъ свѣтомъ, какъ бы для того, чтобы вознаградить себя за утрату того блеска, какого онъ лишенъ былъ возможности видѣть. Эта черта сближаетъ его съ Гомеромъ, который также былъ слѣпъ и, подобно ему, восторгался красотами, недоступными для него. Мильтонъ остался великимъ эпическимъ поэтомъ Англіи.

Сынъ бѣднаго котельщика, *Бёньенъ* [1]) былъ также охваченъ религіознымъ вдохновеніемъ. Упорный и гонимый проповѣдникъ, онъ написалъ книгу *Путешествіе паломника*, живую аллегорію опасностей и страданій души, популярное произведеніе, которое распространилось до самыхъ бѣдныхъ хижинъ гористой Шотландіи.

Возстановленіе Карла II вновь привело съ собою удовольствія, смѣхъ, легкую и юмористическую поэзію. Самуэль Бётлеръ [2]), въ своей шуточной эпопеѣ *Гудибрасъ*, обратилъ въ шутку суровое усердіе сектантовъ. Театръ старался подражать французскому театру, но не имѣлъ успѣха ни въ трагедіи, ни въ комедіи. *Джонъ Драйденъ* [3]) считается первоклассныить писателемъ не за свои трагедіи и комедіи, но за произведенія въ родахъ второстепенныхъ, въ политической сатирахъ и въ *Одѣ*. Его стихотворенія благородны и холодны, но часто напыщены; главная его заслуга заключается въ замѣчательномъ языкѣ, доставившемъ ему славу классика.

Революція 1688 г,. въ свою очередь, имѣетъ представителя въ лицѣ *Локка* [4]), ея истолкователя и защитника. Въ своемъ

---

[1]) Бёньенъ (1628—1688). [2]) Бётлеръ (1612—1680).

[3]) Драйденъ (1631—1700). Его политическія сатиры: *Авессаломъ* и *Ахитофель, Медаль* Макъ-Фленко и др.

[4]) Локкъ (1632—1704). Кромѣ его *Опыта гражданскаго управленія* и *Опыта о человѣческомъ разумѣ*, онъ написалъ еще *Мысли о воспитаніи дѣтей*, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ педагогическихъ трудовъ.

Опытъ гражданскаго управленія, онъ излагалъ новую форму правленія и являлся предшественникомъ *Общественнаго Договора*. Въ политикѣ и въ философіи, онъ уже почти человѣкъ XVIII в. Въ дѣйствительности, хотя онъ и вдохновлялся методомъ Декарта, онъ оспаривалъ его ученіе. Въ своемъ *Опытѣ о человѣческомъ разумѣ*, отыскивая происхожденіе идей, онъ полагалъ, что нашелъ его въ ощущеніяхъ и размышленіи: онъ былъ отцомъ школы *сенсуалистовъ*.

Англійская литература не подчинялась какому-либо общему правилу, подобно французской. Она вполнѣ выражала собою энергичное общество своей родины, дѣятельное и разнообразное, достигшее политической и религіозной свободы. Менѣе выдержанная и изящная, она цѣнила не красоту формы, а твердость мысли, и почти достигла совершенства въ поэмѣ Мильтона.

Голландія, будучи также свободной страной, давала пріютъ цѣлой колоніи французскихъ скептиковъ и ученыхъ, каковы были *Бэйль, Банажъ* и *Леклеркъ*. Еврей Спиноза [1]) изложилъ философское ученіе, противуположное французскимъ ученіямъ. Усматривая въ мірѣ одну только субстанцію, онъ пытался доказать, что Богъ не можетъ существовать безъ природы, такъ же, какъ и природа—безъ Бога. Такимъ образомъ, онъ пришелъ къ пантеизму. Спиноза отрицалъ свободную волю, и въ политикѣ отстаивалъ всемогущество государства. Позднѣе, его ученіе было развито многочисленными послѣдователями.

Нѣмецъ *Лейбницъ*, математикъ и философъ, исходилъ отъ Декарта, книги котораго онъ называлъ «преддверіемъ истины». Но онъ пытался примирить его систему съ системой Локка. Онъ оспаривалъ *врожденность идей* и значительно ограничивалъ правила философовъ экспериментальной школы: «въ умѣ нѣтъ ничего такого, чего раньше не было въ чувствахъ». Лейбницъ прибавлялъ: «за исключеніемъ самого ума» [2]).

Въ Испаніи, несмотря на полный ея упадокъ въ XVII вѣка, тѣмъ не менѣе, сохранился отблескъ литературной славы предшествующаго столѣтія. Школа Лопе де Веги увеличилась драмами религіознаго и свѣтскаго содержанія, и авторы комедій Монтальванъ и Теллесъ [3]) обладали почти неисчерпаемой плодовитостью. *Гуилемъ де-Кастро* заимствовалъ изъ народныхъ романсовъ сюжетъ своей великолѣпной драмы *Сидъ*, вдохновившей Корнеля. Аларконъ [4]), своими комедіями, также далъ образцы, которымъ Корнель подражалъ въ *Лжецѣ*.

Кальдеронъ де-ла-Барка [5]), сперва воинъ, затѣмъ священникъ,

---

[1]) Род. въ Амстердамѣ (1632—1677). Главный трудъ его назывался *Этика*.

[2]) Лейбницъ, род. въ Лейпцигѣ (1646—1716).

[3]) Монтальванъ (1602—1638), Теллесъ (1613—1648); оба принадлежали къ духовному званію.

[4]) Хуанъ Руисъ де-Аларконъ, род. въ Мексикѣ, прибылъ въ Европу около 1621 г.

[5]) Кальдеронъ де-ла-Барка, род. въ Мадридѣ (1600—1681), написалъ много религіозныхъ драмъ или священныхъ дѣйствій (*autos*), свѣтскихъ драмъ и комедій.

былъ самымъ плодовитымъ и самымъ великимъ драматическимъ поэтомъ Испаніи. Сильнымъ и страстнымъ интересомъ одушевлены его свѣтскія драмы, въ которыхъ онъ превозносилъ чувство *чести*, столь дорогое испанцамъ. Комедіи его изобиловали сложными интригами и неожиданностями. Онъ безконечно разнообразилъ стихотворные размѣры, которыми пользовался. Но онъ злоупотреблялъ остроуміемъ, и первоклассныя красоты, которыми блещутъ его пьесы, искажены дурнымъ вкусомъ, отъ котораго испанцы никакъ не могли отдѣлаться.

Впрочемъ, въ литературѣ начинался упадокъ такъ же, какъ и въ политикѣ. Все болѣе и болѣе подозрительная инквизиція душила мысль. Испанія была охвачена въ то время полной религіозной нетерпимостью и костры ауто-да-фе [1]) освѣщали зловѣщимъ свѣтомъ народныя празднества, часть которыхъ они составляли.

Тогда обратились въ поэзіи на игру остроумія, и *Луисъ де Гонгорасъ* создалъ школу дурного вкуса: *гонгоризмъ* царилъ безраздѣльно.

Такая страна не могла служить для развитія философіи и исторіи. Историки ея были не болѣе, какъ хроникеры [2]).

XVII вѣкъ, оживившій литературную славу древнихъ писателей, пріобрѣлъ другую и принадлежащую новымъ временамъ: славу научную. Передъ нами является тогда великолѣпное зрѣлище, какое представляетъ умъ, возносящійся силою отвлеченія къ сочетаніямъ цифръ и линій, и создающій науку *математики*; освобождающійся отъ мечтаній астрологіи для разъясненія, съ помощью астрономіи, истинныхъ движеній небесныхъ тѣлъ, наконецъ, наблюдающій физическія явленія и подчиняющій ихъ себѣ, чтобы сдѣлать изъ нихъ орудія, которыми удесятерилась сила промышленности. Ученые были самыми дѣятельными передовыми людьми цивилизаціи, наиболѣе достойными удивленія и всеобщей признательности. Именно они создали новый міръ.

Математическія науки не имѣютъ національности. Онѣ развиваются почти одновременно во всѣхъ странахъ: въ Италіи, благодаря *Галилею*, *Кавальери* [3]), *Вивіани* и *Риччи* [4]); во Франціи—*Декарту*, примѣнившему алгебру къ геометріи, *Паскалю*, написавшему *Опытъ о коническихъ сѣченіяхъ*, придумавшему новый способъ геометрическаго анализа и числительную машину: *Ферма* [5]), которому мы обязаны усовершенствованіемъ алгебры, способа

---

[1]) Великіе ауто-да-фе были еще въ 1623 и даже въ 1680 г. при Карлѣ II. При немъ рабочіе въ Мадридѣ во множествѣ предлагали свои услуги для сооруженія обширнаго амфитеатра.

[2]) Впрочемъ, *Мендоза* выказалъ настоящій талантъ, разсказавъ возмущеніе Гренады при Филиппѣ II. *Хуанъ де-Маріана*, іезуитъ, въ своей исторіи Испаніи, пытался подражать Титу Ливію; *Антоніо де-Эррера* написалъ исторію Индій; *Гарсиласо де-ла-Вега*, род. въ Перу,—*Исторію Флориды*. Можно назвать еще *Монкаду*, *Колому* и *Антоніо де-Солисъ*, написавшаго *Завоеваніе Мексики*.

[3]) Бонавентура Кавальери, род. въ Миланѣ (1598—1647).

[4]) Винченто Вивіани (1622—1703), Микель Анджело Риччи (1619—1692).

[5]) Род. близъ Монтобана (1601—1665). Онъ былъ совѣтникомъ парламента въ Тулузѣ.

максимумовъ и *минимумовъ* и счисленіемъ вѣроятностей; *Робервалю*, одному изъ основателей Академіи наукъ; въ Германіи *Кеплеру*, придумавшему логариѳмы, философу *Лейбницу*, открывшему дифференціальное счисленіе; въ Англіи *Непиру*, *Генри Бриггсу*, раздѣлившему съ Кеплеромъ честь открытія логариѳмовъ, *Барроу*, учителю *Ньютона*, самому Ньютону, который не могъ бы быть знаменитымъ астрономомъ, если бы не былъ великимъ математикомъ; въ Голландіи *Гейгенсу*, одному изъ творцовъ *механики*; въ Бельгіи *Симону де-Брюжъ* и *Грегуару де Сенъ-Венсену*; въ Швейцаріи *Якобу Бернулли* и множеству другихъ, которыхъ мы не можемъ перечислить здѣсь.

Въ XVI в. Тихо де-Браге еще слишкомъ много къ астрономіи примѣшивалъ астрологіи. Одинъ изъ его учениковъ, Кеплеръ, родившійся въ Виртембергѣ, вмѣсто того, чтобы отдаваться фантазіямъ, началъ вычислять. Стараясь найти единство и гармонію въ кажущемся безпорядкѣ міра, онъ довольно близко подошелъ къ закону всемірнаго тяготѣнія. По крайней мѣрѣ, онъ открылъ нѣсколько законовъ, носящихъ его имя, какъ, напр., законъ эллипсисовъ. Онъ оставилъ интересныя работы о свѣтѣ, преломленіи, затмѣніяхъ и о кометахъ.

Галилей, родившійся въ Пизѣ, соорудилъ первый астрономическій телескопъ, увеличивавшій въ сто разъ, и изучалъ луну, звѣзды, планеты, открылъ четыре спутника Юпитера, солнечныя пятна, обращеніе солнца вокругъ своей оси, и, вернувшись къ системѣ Коперника, подтвердилъ вращеніе земли. Узкое суевѣріе было еще такъ могущественно, что Галилей, хотя и пользовавшійся покровительствомъ просвѣщенныхъ папъ, былъ приговоренъ судомъ инквизиціи къ отреченію отъ своихъ взглядовъ, что не помѣшало, однако, землѣ двигаться; самъ Галилей, какъ говорятъ, послѣ своего отреченія которое онъ долженъ былъ произнести стоя на колѣняхъ, поднимаясь на ноги, проговорилъ: «Авсетаки она движется!» («E pur si muove»)

Галилей опредѣлилъ положеніе земли въ солнечной системѣ. Англичанинъ Ньютонъ, сынъ простого фермера, одаренный необычайными способностями къ математикѣ, открылъ законъ притяженія земли и небесныхъ тѣлъ. Онъ доказалъ, что солнце дѣйствуетъ на планеты, что планеты дѣйствуютъ другъ на друга пропорціонально своимъ массамъ, и изложилъ міровой законъ въ слѣдующихъ простыхъ словахъ: сила притяженія тѣла равняется массѣ, раздѣленной на квадратъ разстоянія [1]). Этотъ законъ, сдѣлавшійся точкой отправленія всей астрономической науки, сначала не былъ вполнѣ понятъ; тѣмъ не менѣе, это было однимъ изъ самыхъ удивительныхъ открытій. Человѣкъ достигъ возможности уловить тайну вселенной. Небеса сдѣлались открытой книгой.

Съ той поры по ней читаютъ свободно. Другой англичанинъ, Эдмондъ *Галлей* вычислилъ путь кометы, появившейся въ 1681 г.,

---

[1]) Ньютонъ опредѣлилъ также, по сплющенности Юпитера, настоящую форму земли: онъ вывелъ изъ сплющенности шара съ двумя полюсами предвареніе равноденствій, поставилъ механическій вопросъ о *нутаціи* луны и связалъ съ міровымъ тяготѣніемъ явленіе приливовъ.

и сохранившей его имя. *Флэмстидъ*[1]) составилъ каталогъ звѣздъ и былъ первымъ директоромъ обсерваторіи въ Гринвичѣ (1676 г.). Въ то время существовали уже обсерваторіи въ *Копенгагенѣ* (1632), основанная *Лонгомонтаномъ*, въ *Данцигѣ* (1641), основанная *Гевеліусомъ*, и въ *Альторфѣ*, въ Баваріи (1667). Въ 1667 г. было положено основаніе Парижской обсерваторіи, оконченной въ 1671 г. по планамъ *Кассини*.

Семья *Кассини* была настоящей династіей ученыхъ, подобно династіямъ фламандскихъ живописцевъ[2]). Кромѣ того, аббатъ *Жанъ Пикаръ*[3]) принималъ участіе въ первоначальныхъ работахъ Парижской обсерваторіи[4]). Пикаръ работалъ также надъ опредѣленіемъ *Парижскаго меридіана*; трудъ его продолжалъ Жакъ Кассини, который довелъ этотъ меридіанъ на югѣ до Канигу, а на сѣверѣ—до Дюнкирхена.

Гейгенсъ[5]), міровой ученый, самъ дѣлалъ телескопы, превосходившіе всѣ, какіе были извѣстны до того времени. Онъ первый замѣтилъ свѣтлую полосу, окружающую Сатурнъ: это было его *кольцо* (1655); затѣмъ онъ открылъ одинъ изъ его спутниковъ. Доминикъ Кассини открылъ остальные.

Датчанинъ, Олай Рёмеръ[6]), пріѣхавшій во Францію вмѣстѣ съ Пикаромъ въ 1672 г. и поселившійся въ обсерваторіи, принималъ видное участіе въ астрономическихъ трудахъ французовъ; затѣмъ, отозванный въ Копенгагенъ, онъ продолжалъ тамъ свои изысканія. Ему первому удалось, въ 1700 г., установить телескопъ на плоскости меридіана, двигавшійся на своей оси. Онъ вычислилъ, что свѣту нужно около восьми минутъ, чтобы достигнуть съ солнца до земли.

Труды астрономовъ и математиковъ могли только содѣйствовать развитію физическихъ наукъ. Бэконъ возвратилъ имъ почетное положеніе: онъ въ особенности ихъ имѣлъ въ виду, когда въ своихъ сочиненіяхъ восхвалялъ достоинство наукъ. Онъ совѣтывалъ ученымъ наблюдать природу, разлагать, анализировать явленія и выводить законы изъ фактовъ. «Смотрите и понимайте», говорилъ онъ:—громадная услуга, заставляющая историка поставить имя Бэкона во главѣ списка физиковъ и естествоиспытате-

---

1) Эдмондъ Галлей (1656—1742). Флэмстидъ (1646—1719).

2) Жанъ Доминикъ Кассини, род. въ графствѣ Ницца (1625—1712); сынъ его Жакъ Кассини, род. въ Парижѣ (1677—1756); сынъ Жака, Кассини де-Тюри (1714—1784); сынъ его *Жакъ Доминикъ Кассини* ум. въ 1845 г.

3) Пикаръ (1620—1682).

4) Съ своей стороны, Цукки, англичанинъ Джекъ Грегори и французскій проф. Касгренъ усовершенствовали телескопъ. Примѣненіе микрометра къ подзорнымъ трубамъ и телескопамъ позволяло измѣрять отражавшіеся въ нихъ предметы.

5) Род. въ Гагѣ (1629—1695).

6) Къ нимъ слѣдуетъ прибавить *Гевеліуса* (1611—1687) изъ Данцига, посвятившаго себя исключительно изученію луны и составившаго первыя ея карты; *Гримальди* (1618—1663) изъ Болоньи, также составившаго лунную карту и открывшаго явленіе дифракціи свѣта. *Симонъ Маріусъ* и *Давидъ Фабриціусъ*, нѣмецкіе астрономы, изучали звѣзды; Симонъ Маріусъ открылъ первую небесную туманность. *Ричардъ Норвудъ* измѣрилъ *земной радіусъ* между Лондономъ и Іоркомъ (1635).

лей, такъ же, какъ и философовъ, хотя лично онъ обладалъ посредственными знаніями, а съ нравственной точки зрѣнія, совѣстью болѣе, чѣмъ посредственной.

Впрочемъ, нѣкоторые геніи не дожидались сочиненій Бэкона, чтобы обратиться къ опыту. Невольно приходится смущаться при мысли, какіе простые и обыденные факты приводили иногда человѣка къ самымъ удивительнымъ открытіямъ. *Галилей* смотрѣлъ на люстру, качавшуюся въ Пизанскомъ соборѣ (1583). Онъ замѣтилъ, что, когда это качаніе уменьшалось, дуги, хотя и меньшихъ размѣровъ, описывались въ тотъ же промежутокъ времени. Онъ опредѣлилъ законъ *одновременности* качаній маятника; затѣмъ, онъ установилъ законъ *тяжести*. Одинъ флорентинскій садовникъ, устроивъ насосъ длиннѣе обыкновеннаго, съ удивленіемъ замѣтилъ, что вода въ немъ никогда не поднималась выше 32 футовъ; Галилей напрасно пытался объяснить это явленіе. Его ученикъ *Торричелли* разъяснилъ это, и его опыты надъ тяжестью воздуха привели къ устройству *трубокъ*, положившихъ начало *барометру*.

Паскаль возобновилъ опыты Торричелли, измѣрилъ высоту ртутнаго столба въ Клермонѣ и на вершинѣ горы Пюи-де-Дома (1648), и нашелъ, что высота его обратно пропорціальна высотѣ мѣста надъ уровнемъ моря. Онъ провѣрилъ этотъ фактъ новыми наблюденіями въ Парижѣ, на башнѣ Сенъ-Жакъ де-Бушри [1]). *Декартъ*, несмотря на свои познанія въ физикѣ, былъ болѣе математикомъ и путался въ химерической системѣ *вихрей*, которая, однако, заслуживаетъ нѣкотораго вниманія съ исторической точки зрѣнія, такъ какъ, быть можетъ, она привела Ньютона на путь его открытій.

Аббатъ *Маріоттъ* [2]), умершій въ 1684 г. и принимавшій участіе въ трудахъ Академіи Наукъ съ самаго ея основанія, открылъ законъ, сохранившій его имя, но которому напрасно придано было слишкомъ широкое обобщеніе. Согласно этому закону, «объемъ данной массы какого-либо газа, при одинаковой температурѣ, обратно пропорціоналенъ давленію, испытываемому ею». Нѣмецъ *Отто Герике* [3]) работалъ надъ полученіемъ безвоздушнаго пространства и устроилъ первую *пневматическую машину*. Ирландецъ *Бойль* [4]) содѣйствовалъ учрежденію знаменитаго *Лондонскаго Королевскаго Общества*. Къ этому списку слѣдуетъ присоединить еще другого англичанина *Самуэля Морленда* [5]), посвятившаго себя изученію механики и, въ особенности, *гидростатики*, и *Гильома Амонтона* [6]), родившагося въ Парижѣ и занимавшагося барометрами, термометрами и гигрометрами.

---

[1]) Робертъ Гокъ (1638—1703), въ Англіи, продолжалъ работы надъ тяжестью воздуха и барометромъ, одновременно усовершенствовавъ стѣнные часы, микрометры и микроскопы.

[2]) Маріоттъ жилъ, обыкновенно, въ Диньѣ. Законъ его открытъ въ 1676 г.

[3]) Отто ф. Герике изъ Магдебурга (1602—1686).

[4]) Бойль, Робертъ (1626—1691).

[5]) Самуэль Морлендъ (1625—1695).

[6]) Гильомъ Амонтонъ (1663—1705).

Наконецъ, къ этой же эпохѣ относится открытіе, которое должно было произвести наиболѣе значительный переворотъ; это открытіе — сила *пара*. *Дени Папенъ* [1]) родился въ Блуа, былъ изгнанъ изъ Франціи отмѣною Нантскаго эдикта, и съ 1674 года производилъ опыты надъ водой, нагрѣтой на открытомъ воздухѣ и перегрѣтой въ закупоренномъ сосудѣ. И его открытіе приписываютъ случайно замѣченному имъ дѣйствію пара на крышку кастрюли. Какъ бы то ни было, ему удалось устроить аппаратъ, предназначенный для извлеченія, посредствомъ пара высокаго давленія, студенистой части костей. Затѣмъ, онъ устроилъ первую паровую машину съ поршнемъ и спустилъ на Фульдѣ, въ Германіи, настоящій пароходъ, который невѣжественные и завистливые матросы разбили въ дребезги. Понадобилось еще болѣе вѣка, прежде, чѣмъ удалось составить понятіе объ этой новой силѣ, которую обнаружилъ Папенъ и которая должна была произвести глубокія міровыя измѣненія.

Ботаника, наука не столь новая, такъ какъ наблюденіе растеній всегда пользовалось почетомъ, въ это время также сдѣлала большіе успѣхи [2]). Въ Амстердамѣ былъ устроенъ ботаническій садъ, управлявшійся Фридрихомъ Рѣйскомъ; въ Италіи ботаническій садъ въ Болоньѣ пользовались славой подъ управленіемъ братьевъ Амброзини; во Франціи первый ботаническій садъ былъ основанъ въ 1626 г., при Ришельѣ, а первымъ директоромъ этого сада былъ *Гюи де-ла-Броссъ*. Въ 1635 г. въ немъ была акклиматизирована первая акація, ввезенная въ Европу. Франція въ особенности гордилась *Турнефоромъ* [3]). Онъ не только изучилъ значительное число растеній и привезъ ихъ во Францію, при Людовикѣ XIV, но и составилъ *классификацію*, служившую наукѣ въ теченіе болѣе ста лѣтъ.

Успѣхи хирургіи въ XVI в. затронули самолюбіе врачей. Въ то время появились знаменитые труды англичанъ *Гарвея* [4]), открывшаго законы кровообращенія, *Сайденгэма* [5]), изучавшаго эпидеміи, голландца *Бургава* [6]), одного изъ основателей клиническаго преподаванія, французовъ *Пеке* [7]), имя котораго сохранилось въ названіи одного изъ сосудовъ, открытыхъ имъ въ человѣческомъ тѣлѣ, и служащаго для распредѣленія млечнаго сока, *Фагона* [8]), врача Людовика XIV, *Марешаля* [9]) и *Феликса де-Тасси* [10]), его хи-

---

[1]) Дени Папенъ род. въ 1647 г., ум. въ Марбургѣ. въ 1714 г.

[2]) Братья *Богэнъ* въ Швейцаріи, англичане *Паркинсонъ*, *Морисонъ* и *Рей*, нѣмцы *Юнгъ*, *Юнгерманъ*, *Германъ*, *Ривинъ* и др. посвятили жизнь изученію и описанію растеній, а изслѣдованіе отдаленныхъ странъ открыло множество новыхъ семействъ.

[3]) Жозефъ Питтонъ де-Турнефоръ, род. въ Э (1656—1708). Къ его имени слѣдуетъ присоединить имена Корню, Пьера Морена, Жана и Веспазьена Робена и Барелье.

[4]) Гарвей (Вильямъ), 1578—1657.

[5]) Сайденгэмъ (1624—1689). Его имя связано съ придуманнымъ имъ препаратомъ изъ опіума.

[6]) Бургавъ, род. близъ Лейдена (1668—1738).

[7]) Жанъ Пеке, род. въ Діеппѣ (1622—1674).

[8]) Фагонъ (1638—1718).

[9]) Марешаль (1658—1736).

[10]) Феликсъ де-Тасси, ум. въ 1703 г.

ругговъ; нѣмцевъ *Фридриха Гоффмана* [1]) и *Георга Шталя* [2]). Старая медицина, основанная на догадкахъ, напрасно пыталась бороться съ медициной, основанной на опытѣ, и не замедлила подвергнуться насмѣшкамъ, которыми Мольеръ покрылъ медиковъ-педантовъ, недавно еще достаточно сильныхъ, чтобы унизить хирурговъ, смѣшивая ихъ школы съ цехомъ цирульниковъ.

Успѣхи наукъ подготовили средства для улучшенія условій жизни; искусство продолжало украшать ее. Но воображеніе итальянцевъ, столь блестящее въ XVI в., истощилось. *Бернини* [3]), отуманенный ранними успѣхами, пересталъ изучать мастеровъ, сбился съ настоящей дороги, и ввелъ въ архитектуру, въ видѣ декоративныхъ элементовъ, утолщенія, завитки, фестоны и гирлянды. Борромини [4]) еще болѣе преувеличилъ эти выдумки и дошелъ до нелѣпости.

Французская архитектура сообразовалась всегда съ итальянской, не слѣдуя ея заблужденіямъ. Въ эту эпоху она, главнымъ образомъ, подчинялась теоріямъ ордена іезуитовъ, которые, добиваясь красиваго, ослабили религіозный стиль и отняли у него его торжественность и величественность стиля среднихъ вѣковъ. Тѣмъ не менѣе, французскіе архитекторы заимствовали у прекрасныхъ итальянскихъ памятниковъ куполъ, сначала скромный въ церкви *Сорбонны*, затѣмъ болѣе обширный и смѣлый въ Валь-де-Грасъ, и болѣе легкій въ *церкви Инвалидовъ*. Куполъ *св. Павла въ Лондонѣ*, хотя болѣе внушительный, чѣмъ куполъ Валь-де-Граса, менѣе красивъ. Архитекторы, воздвигавшіе французскія церкви этой эпохи, были: *Жакъ де-Броссъ*, *Франсуа Мансаръ*, *Жакъ Лемерсье и Габріель Ледюкъ*.

Гражданская архитектура была болѣе удачной. Жакъ де-Броссъ построилъ (около 1611 г.) для Маріи Медичи дворецъ *Люксембургъ*, фасады котораго напоминаютъ архитектуру внутренняго двора дворца Питти. Ришёлье велѣлъ выстроить *Дворецъ Кардинала* (впослѣдствіи Пале-Ройяль), Мазарини — *Коллегію Четырехъ Націй* (нынѣшній Институтъ). *Лемерсье* продолжалъ украшать *Фонтенебло* [5]); онъ развилъ для Лувра планы Пьеар Леско и построилъ центральный павильонъ, увѣнчанный четвероугольнымъ куполомъ. *Лево* [6]) менѣе удачно измѣнилъ планы Филибера Делорма при продолженіи постройки дворца Тюильри, которому онъ придалъ тяжесть неизящнымъ куполомъ. Лево построилъ нѣсколько княжескихъ дворцовъ и, между прочимъ, домъ президента Ламбера де-Ториньи, одинъ изъ наиболѣе изящныхъ образцовъ архитектуры XVII в. Онъ воздвигъ также знаменитый замокъ Во, бывшій гордостью и причиною гибели Фуке. Парижъ

---

[1]) Фридрихъ Гоффманъ (1660—1742).
[2]) Георгъ Эрнстъ Шталь (1660—1734).
[3]) Джіовани Лоренцо Бернини, называемый кавалеромъ Берненъ, род. въ Неаполѣ въ 1598 г., сдѣлалъ планъ колоннады площади св. Петра, фонтана *Навоннъ* и пр.
[4]) Франческо Борромини (1599—1667).
[5]) Лемерсье (1595—1660).
[6]) Лево (1612—1670).

украсился тріумфальными арками воротъ *Сенъ-Дени*, произведеніе Франсуа Блонделя, и воротъ *Сенъ-Мартенъ*.

Либеріаль Брюанъ [1]) разработалъ фасадъ Дома Инвалидовъ, который Мансаръ увѣнчалъ церковнымъ куполомъ.

Эта архитектура выражала мысль и волю, господствовавшія въ политикѣ и литературѣ Франціи, т.-е. принадлежавшія Людовику XIV. Чтобы удовлетворить вкусу этого государя, *Клодъ Перро* придумалъ сдѣлать передъ Лувромъ эпохи Возрожденія колоннаду по античному образцу; онъ достигъ величественности прекраснымъ сочетаніемъ пятидесяти двухъ колоннъ и пилястровъ, соединенныхъ попарно, длиною въ 176, высотою въ 28 метровъ. Его произведеніе возбудило тогда настоящій восторгъ.

Но Людовикъ XIV затруднялся дать ходъ въ Парижѣ своему исключительному пристрастію къ прямой линіи: поэтому онъ велѣлъ выстроить громадный Версальскій дворецъ, фасадъ котораго, выходившій въ садъ, представляетъ внушительный видъ. *Жюль Гардуэнъ Мансаръ* [2]) построилъ тамъ великолѣпную капеллу и хотѣлъ поднять дворецъ до той же высоты; Людовикъ XIV не согласился на это, къ большому ущербу для дворца, надъ которымъ капелла поднимается вродѣ мрачной гробницы. Версаль представляетъ повтореніе колоннады, казавшейся тогда послѣднимъ словомъ архитектуры. Какъ ни замѣчательны эти памятники, они были слишкомъ холодны и торжественны; правильность тамъ преобладаетъ надъ вдохновеніемъ, и симметрія мѣшаетъ порыву.

Традиціи скульпторовъ XVI в. поддерживались *Пьеромъ Саразеномъ* [3]), создавшимъ замѣчательные мавзолеи и каріатиды центральнаго павильона Лувра. Но *Пьеръ Пюже* [4]), свободный и независимый геній, отказался подчиниться правиламъ министровъ Людовика XIV. Повинуясь своему увлеченію, онъ никогда не отступалъ передъ самыми сложными произведеніями. «Я вскормленъ великими трудами, говорилъ онъ; я плаваю, когда работаю, и мраморъ трепещетъ передо мной, какъ бы ни была велика его глыба». Онъ изваялъ громадную группу *Персея* и *Андромеды*, *Отдыхающаго Геркулеса*, *Милона Кротонскаго*, пожираемаго львомъ и барельефъ *Александръ* и *Діогенъ*.

Куазво, *Жирардонъ и Никола Кусту* продолжали свои труды до XVIII в. Первый создалъ мавзолеи Мазарини и Кольбера, а также бюсты Людовика XIV; второй—гигантскія группы для Версаля, третій—группу *Сліяніе Сены и Марны* (въ Тюильрійскомъ саду). Братъ его, Гильомъ Кусту, принадлежалъ, болѣе XVIII в.

---

[1]) Франсуа Блондель изъ Круазеттъ (1617—1686) Либеріаль, Брюанъ, ум. около 1697 г.

[2]) Жюль Гардуэнъ Мансаръ, внучатый племянникъ Франсуа Мансара (1646—1708).

[3]) Родился въ Нойонѣ (1588—1660). Онъ сдѣлалъ надгробные памятники принцу Конде и кардиналу Берюль.—Среди скульпторовъ этой эпохи слѣдуетъ упомянуть Симона Галльена (1581—1658), двухъ братьевъ Ангье—Франсуа Ангье (1614—1699), изваявшаго надгробные памятники Жака Огюста де-Ту и принцессы Конде, Шарлотты де-ла-Тремуайль.

[4]) Род. въ Марсели (1632—1694). Куазво (1640—1720). Жирардонъ (1628—1715). Кусту (1658—1733).

Живопись, составлявшая славу Италіи въ XVI в., находила еще тамъ усердныхъ работниковъ. Болонская школа выдѣлялась среди другихъ, благодаря *Гверчино* [1]), возвеличеннаго слишкомъ притязательнымъ прозвищемъ «*Волшебника живописи*». *Альбано*, названный *Анакреономъ живописи*, любилъ воспроизводить въ небольшихъ размѣрахъ миѳологическіе сюжеты. *Доменикино*, одинъ изъ главныхъ живописцевъ болонской школы, писалъ картины религіознаго и свѣтскаго содержанія; въ Ватиканскомъ музеѣ находится его наиболѣе извѣстная картина: *Послѣднее причащеніе св. Іеронима*. *Гвидо Рени* [2]), плодовитый художникъ, болѣе любилъ эффекты: онъ также, по выбору сюжетовъ, слѣдовалъ стариннымъ традиціямъ, одновременно религіознымъ и свѣтскимъ, но недостаточно заботился о правдивости; о немъ говорили, что онъ писалъ «фигуры, вскормленныя розами».

Неаполитанская школа имѣла замѣчательнаго и весьма популярнаго художника *Сальватора Розу* [3]), который былъ въ одно и то же время живописцемъ, поэтомъ, музыкантомъ и актеромъ и, родившись въ Неаполѣ, провелъ большую часть жизни внѣ родной страны, разсѣевая повсюду свои батальныя картины, пейзажи и морскіе виды.

Италія, хотя и пришедшая въ упадокъ, не переставала привлекать и вдохновлять живописцевъ. Именно она пробудила геній испанца *Риберы* [4]). Прибывъ въ Римъ и живя тамъ скитальческою жизнью, Рибера изучалъ Караваджіо и Корреджіо, затѣмъ, поселившись въ Неаполѣ, пріобрѣлъ состояніе и сдѣлался однимъ изъ значительныхъ лицъ своего времени. Покинувъ отечество, онъ не отказывался отъ него и внесъ въ свое подражаніе итальянцамъ испанскую пылкость. Обладая геніемъ мрачнаго характера, онъ выбиралъ сюжеты, гдѣ могъ противополагать свѣтъ и тѣни. Это былъ реалистъ, какъ сказали бы теперь, и хотя онъ находилъ удовольствіе въ изображеніи страшнаго, дикаго и отвратительнаго, онъ, тѣмъ не менѣе, удивляетъ силой своей кисти.

Сурбаранъ [5]) преувеличенно былъ названъ «испанскимъ Караваджіо», вѣроятно, вслѣдствіе голубоватыхъ оттѣнковъ, которые онъ предпочиталъ; никто лучше его не умѣлъ передавать суровости аскетической жизни. *Эррера Старшій* и *Пачеко* извѣстны, главнымъ образомъ, какъ учителя Веласкеса.

---

[1]) Джіованни-Франческо Барбіери, изъ Ченто, прозванный Гверчино (il Guercino — Косой (1591 — 1606). (Въ Спб. Имп. Эрмитажѣ находятся его *Св. Іеронимъ въ пустынѣ*, *Преображеніе* и два *Св. Семейства*. (*Прим. пер.*).— Франческо Альбано (1578—1660). Въ Эрмитажѣ — его *Торжество Венеры* и *Благовѣщеніе*.—Доменико Цампьери, назыв. Доменикино (1581—1641).

[2]) Гвидо Рени (1575—1642). Въ Луврѣ находится множество произведеній Гвидо Рени и между ними четыре обширныя композиціи изъ исторіи Геркулеса. Въ Спб. Эрмитажѣ хранится 15 его картинъ и между ними *Споръ о безгрѣшномъ зачатіи*; *Похищеніе Европы* и *Св. Францискъ, поклоняющійся Младенцу Іисусу*.

[3]) Сальваторъ Роза (1615—1673). Самая знаменитая картина его — *Заговоръ Катилины* находится во Флоренціи, во дворцѣ Питти. Въ Спб. Эрмитажѣ хранятся также нѣкоторыя изъ его картинъ.

[4]) Хове Рибера (1588—1659).

[5]) Франческо Сурбаранъ (1598—1662).

Веласкесу [1]), живописцу и придворному Филиппа IV, удавались всѣ роды живописи: историческій, портреты, пейзажъ, жанровыя сцены, животныя, цвѣты и плоды. Жанъ Жакъ Руссо называлъ его «человѣкомъ природы и правды». Его портреты живутъ и, кажется, готовы заговорить. Онъ вполнѣ человѣкъ того вѣка, когда уже люди не теряются въ идеальномъ, когда они приближаются къ природѣ. Веласкесъ вовсе не энтузіастъ: онъ не любитъ религіозной живописи, и стремленія этого живописца юга вводятъ его въ семью живописцевъ сѣвера.

Но въ католической Испаніи религіозная живопись не могла быть оставлена. *Мурильо* возобновилъ ея славу. Будучи ученикомъ Веласкеса, онъ въ тоже время много упражнялся на итальянскихъ мастерахъ. Въ Севильѣ онъ написалъ безчисленное множество картинъ для церквей и монастырей; большое количество его произведеній собрано въ одномъ монастырѣ, который превращенъ въ музей. Его Св. Дѣвы, восторженные святые, Благовѣщенія и Св. Семейства отличаются какой-то особой воздушностью, передающей мистическое вдохновеніе художника, причисляемаго къ самымъ славнымъ именамъ Испаніи и живописи [2]). Но послѣ Мурильо, послѣ *Хуана Карреньо*, подражателя Веласкеса, искусство въ Испаніи пришло въ такой же упадокъ, какъ и литература. Безсиліе, охватившее націю, овладѣло, въ свою очередь, литературой и искусствомъ; это былъ неизбѣжный законъ: жизнь не могла идти объ руку со смертью.

Въ XVI в. французы обладали уже художественнымъ воспитаніемъ, но въ родной странѣ вытѣснялись итальянцами; въ XVII вѣкѣ они уже соперничали съ ними. *Симонъ Вуэ* [3]), послѣ четырнадцатилѣтняго пребыванія въ Римѣ, вывезъ оттуда образцы болонской школы и самъ сдѣлался образцомъ для послѣдующихъ живописцевъ.

Николà Пуссенъ, подобно Риберѣ, пришелъ въ Римъ нищимъ, поселился тамъ, и такъ же, какъ послѣдній оставался испанцемъ въ Италіи, онъ остался французомъ. Человѣкъ со строгимъ и суровымъ геніемъ, свѣдущій въ анатоміи и философіи, знакомый съ исторіей и поэзіей, Пуссенъ доказалъ, насколько наука возвышаетъ и питаетъ искусство. Въ религіозныхъ сюжетахъ, въ свѣтскихъ картинахъ и въ пейзажахъ (онъ работалъ съ одинаковымъ успѣхомъ во всѣхъ родахъ живописи), Пуссенъ довелъ до совершенства расположеніе и композицію сюжета, выраженіе чувствъ и всегда благородный стиль лицъ. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ блестящихъ послѣдователей итальянскихъ мастеровъ и, въ то же время, оригинальнымъ художникомъ, сохранившимъ въ живописи пониманіе и вкусъ французовъ. Онъ сдѣлался главою французской школы [4]).

---

[1]) Донъ-Діего Родригесъ де-Сильва-и-Веласкесъ (1599—1660). Въ королевскомъ музеѣ въ Мадридѣ находятся 64 картины Веласкеса.

[2]) Бартоломе Эстебанъ Мурильо (1618—1682). Въ Имп. Эрмитажѣ находится 19 картинъ его.

[3]) Симонъ Вуэ (1590—1649) былъ живописцемъ Людовика XIII.

[4]) Николá Пуссенъ (1590—1649). Въ Спб. Имп. Эрмитажѣ находится 23 картины Пуссена и между ними *Эсѳирь передъ Ассуромъ*, трогательная

Клодъ Желе, прозванный Лорреномъ, былъ также французомъ и итальянцемъ. Его поэтическій талантъ, увлеченный одновременно природою и идеаломъ, находилъ для себя выраженіе въ пейзажахъ и морскихъ видахъ, причемъ первые дышатъ спокойствіемъ и свѣжестью, а вторые блестятъ солнечнымъ свѣтомъ. Его прозвали Рафаэлемъ пейзажа [1]).

Другъ Пуссена, *Моизъ Валентенъ* или Валентинъ, называемый *Булонскимъ*, покинулъ французскія традиціи, чтобы сдѣлаться подражателемъ бурнаго Караваджіо и соперникомъ Риберы [2]).

Кальо [3]) написалъ только нѣсколько картинъ, но достигъ высокаго совершенства въ *гравюрѣ* офортъ; его неистощимое воображеніе оживляетъ для насъ міръ его времени или, по крайней мѣрѣ, міръ бѣдности—*сцены нищеты, войны и грабежа*. Онъ оставилъ болѣе полутора тысячъ образцовыхъ гравюръ, которыя, какъ историческіе документы, раскрываютъ глубину общества XVII в., еще весьма грубаго и жестокаго, не смотря на изящество высшихъ классовъ. Это общество много теряетъ, когда къ нему присматриваться близко, въ особенности, при помощи такого руководителя, какъ Кальо, столь возбужденнаго и волнующаго.

Эсташъ Лесюёръ самъ выработался во Франціи, гдѣ онъ жилъ и умеръ въ возрастѣ 38 лѣтъ, исполнивъ значительныя произведенія, почти всѣ находящіяся въ Луврскомъ музеѣ. Его живопись чисто французская: ясность сюжета, благородная постановка сценъ, нѣжность чувства въ выраженіи, мѣра и гармонія красокъ и плѣнительное изящество. Лесюёръ болѣе всѣхъ другихъ художниковъ былъ проникнутъ религіозными идеями, въ которыхъ онъ искалъ вдохновенія. Въ стѣнахъ Картезіанскаго монастыря онъ написалъ 22 картины обширной мистической *Исторіи св. Бруно*. Впрочемъ, онъ также посвящалъ себя миѳологіи и расписалъ въ замкѣ Ламберъ *залу Амура* и *залу Музъ*. Лесюёръ былъ отстраненъ отъ двора Лебрёномъ и не пользовался извѣстностью при жизни, но онъ былъ оцѣненъ потомствомъ, принизившимъ его соперника, слишкомъ превознесеннаго современниками и самимъ собою [4]).

Пуссенъ, Клодъ Лорренъ и Лесюёръ принадлежали вѣку Ришельё. *Лебрёнъ* подчинилъ живопись правиламъ Людовика XIV и заставилъ ее служить прославленію государя. Онъ былъ образцомъ и руководителемъ того, что мы называемъ оффиціальнымъ искусствомъ. Онъ воспользовался миѳологіей и исторіей для созданія апоѳеоза Людовику XIV, а его *Исторія Александра*—не что иное, какъ послѣдовательная аллегорія, легко понятная для той классической эпохи. Какъ и его повелитель, онъ любилъ театральность и, добиваясь величественнаго, достигалъ только напыщен-

---

сцена замѣчательной компановки; *Два Св. Семейства*; *Нимфа, встревоженная Сатиромъ*; *Снятіе со Креста*, *Іамуры грающіе* и др.

[1]) Клодъ Желе род. въ Лотарингіи (1600—1682). Въ Спб. Эрмитажѣ есть нѣсколько картинъ этого художника.

[2]) Валентинъ (1600—1634).

[3]) Жакъ-Клодъ Кальо (1592—1635).

[4]) Эсташъ Лесюёръ (1617—1655).

ности. Тѣмъ не менѣе, нельзя не удивляться могуществу его работы, обдуманности его замысловъ и поразительному количеству божественныхъ фигуръ, которыхъ онъ заставлялъ сходить съ Олимпа, чтобы составлять на плафонахъ Версаля свиту Юпитера его времени. Лебрёнъ былъ декоративнымъ живописцемъ, по преимуществу, и замокъ Ламберъ хранитъ еще галлерею, украшенную его рисунками [1]).

Пьеръ Миньяръ былъ соперникомъ Лебрёна, которому онъ наслѣдовалъ въ качествѣ королевскаго живописца. Будучи одновременно историческимъ живописцемъ и портретистомъ, онъ написалъ замѣчательныя фрески въ Валь-де-Грасъ и множество историческихъ портретовъ: онъ прикрашиваетъ свои правильныя, изящныя и утонченныя модели и доводитъ стремленіе къ изяществу до афектаціи. Имя его стало символомъ неестественности: «миньярдизмъ»—синонимъ жеманства [2]).

Въ портретной живописи, которую въ то время прославилъ Ванъ-Дикъ, достигъ также совершенства *Гіацинтъ Риго* [3]), котораго даже сравнивали съ знаменитымъ фламандцемъ. Этого сравненія онъ заслуживаетъ, по крайней мѣрѣ, своей плодовитостью. Лебрёнъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе зависти, убѣдилъ Риго замкнуться въ портретной живописи. Но онъ любилъ другого своего ученика и помощника *Жана Жувене*, ставшаго его продолжателемъ и еще болѣе преувеличившаго театральность въ искусствѣ. Вмѣстѣ съ нимъ начался упадокъ послѣдняго.

На ряду съ французскими живописцами и будучи почти сами французами, работали художники, вышедшіе изъ дѣятельнаго улья, изъ Фландріи: *Франсуа Пурбюсъ* младшій, написавшій портреты Генриха IV, Маріи Медичи и Людовика XIV, *Жакъ Фукье*, *Филиппъ Шампень*, *Фанъ деръ-Мёйленъ* [4]). Два послѣдніе особенно оспаривались Фландріей, въ которой они родились, и Франціей, гдѣ они жили. Живописецъ Анны Австрійской, Филиппъ Шампень, написалъ и оставилъ бо̀льшую часть своихъ произведеній во Франціи: они носятъ отпечатокъ благородства и правильности, которые должны были составить славу французской школы. *Фанъ-деръ-Мёйленъ* былъ исторіографомъ Людовика XIV: онъ присутствовалъ при всѣхъ битвахъ и воспроизводилъ ихъ на полотнахъ большихъ или малыхъ. Хотя и чужеземецъ, онъ подчинялся французскому вліянію до того, что посвящалъ свою кисть изображенію славы побѣдителей своего отечества.

Эти два художника приводятъ насъ къ настоящей фламандской школѣ, самой плодовитой и блестящей школѣ XVII в. Фла-

---

[1]) Шарль Лебрёнъ (1619—1690).

[2]) Пьеръ Миньяръ род. въ Труа (1610—1695).

[3]) Гіацинтъ Риго (1659—1743). Между портретами его работы наиболѣе замѣчательные, находящіеся въ Луврѣ, Людовикъ XIV въ королевскомъ одѣяніи и Боссюэтъ.

[4]) Франсуа Пурбюсъ (1569—1622). Филиппъ де-Шампень род. въ Брюсселѣ (1602—1674). Въ Луврѣ находятся принадлежащія ему 23 картины, и между ними *Мертвый Христосъ* и портретъ *Ришельё*. Фанъ-деръ-Мёйленъ род. въ Брюсселѣ (1634—1690). Главная часть его картинъ находится въ Луврѣ и въ Версали.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ
ЖУРНАЛА
„МІРЪ БОЖІЙ".

Іюль 1896 г.

Содержаніе. Беллетристика.—Публицистика.—Исторія науки и искусства.—Русская исторія.—Логика.—Естествознаніе.—Новости иностранной литературы.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Элиза Ожешкова. «Бабушка».—*Эдгаръ По.* «Таинственные разсказы».

Элиза Ожешкова. «Бабушка». Переводъ г. Лаврова. Библіотека «Русской Мысли». Въ разсказѣ г-жи Ожешковой всего сорокъ страницъ очень небольшого формата, содержаніе его можно вмѣстить въ нѣсколько словъ: больныя дѣти и бабушка, за ними ухаживающая, и даже не дѣти, а только мальчикъ, любимый внукъ старушки, и не «ухаживающая» за больными бабушка, такъ какъ мы видимъ ее всего на нѣсколько мгновеній у постели спящаго мальчика, а потомъ она въ своей комнатѣ, въ полудремотѣ, предается воспоминаніямъ о давно минувшихъ дняхъ и умершихъ людяхъ... Что, повидимому, можетъ быть заурядпѣе такой темы? Кто не знаетъ, что бабушки чувствуютъ всегда особенную слабость къ внукамъ, что старушки любятъ предаваться мечтамъ о прошломъ и это прошлое неизмѣнно является имъ въ самомъ розовомъ свѣтѣ, а настоящее кажется сквернымъ и подневольно доживаемыми часами въ виду недалекой смерти. Все это такъ въ порядкѣ вещей. Попробуйте кого-либо заинтересовать подобными событіями, развѣ только ближайшіе родственники бабушки и внучка удѣлятъ вамъ нѣкоторое вниманіе, а всѣ другіе сочтутъ васъ просто сентиментальнымъ резонёромъ, скучнѣйшимъ, какъ извѣстно, лицомъ, во всемъ драматическомъ жанрѣ.

Но у г-жи Ожешковой получается совершенно другой результатъ. Вы читаете разсказъ съ непрестанно возрастающимъ интересомъ, нѣкоторыя страницы перечитываете и, дойдя до конца, сожалѣете, что авторъ такъ скоро удалилъ васъ изъ общества бабушки и больного ребенка. Можно подумать, авторъ изобрѣлъ какой-либо искусственный интересъ, прикрасилъ и до крайней степени разсластилъ зерно правды, заключающееся въ его повѣствованіи. Ничего подобнаго. Вы не можете указать ни одной строки, о которой вы были бы въ правѣ сказать: такъ никогда не бываетъ, это авторская фантазія, это—лирическій вымыселъ. Напротивъ, все, отъ начала до конца, оставляетъ такое впечатлѣніе, будто предъ вами воспроизводятъ отрывокъ вашей собственной біографіи, или эпизодъ изъ жизни весьма близкихъ и досконально

извѣстныхъ намъ людей. Совершенная простота, правдивость и неотразимая увлекательность, по существу заурядная, сѣрая картинка будней, по впечатлѣнію—поэтичнѣйшее дѣтище творческаго воображенія! То же самое, что античная классическая статуя: кусокъ бѣлаго мрамора, безъ единаго слѣда украшеній и стараній со стороны художника—взволновать зрителя, а между тѣмъ, вы, не отрываясь любуетесь каменнымъ изваяніемъ и самая нарядная и изысканная фигура модной красавицы кажется рядомъ съ нимъ комическимъ, чуть не шутовскимъ явленіемъ.

Не подумайте, читатель, что мы пускаемся въ сравненія для красоты стиля,—намъ именно пришли подобныя мысли необходимо и непосредственно послѣ маленькаго разсказа г-жи Ожешковой. Припомните, что происходитъ въ настоящее время на самой шумной сценѣ поэзіи, вообще художественнаго творчества. Почти то же самое, что въ балаганѣ на народныхъ праздникахъ въ послѣдніе дни торжества. Публика успѣла пересмотрѣть всѣ фокусы и хитрости артистовъ, но она еще въ праздничномъ настроеніи, т. е. бездѣльничаетъ и ей нужны зрѣлища. У господъ увеселителей ничего, въ сущности, новаго нѣтъ, и они стараются изобразить старое, какъ ни на есть, замысловатѣе. Раньше акробатъ кувыркался въ воздухѣ два раза, теперь онъ постарается сдѣлать тотъ же вольтъ три раза и прибавитъ еще нѣкоторыя вдохновенныя подробности. То же самое и съ поставщиками литературныхъ зрѣлищъ. Сообразите, сколько современному символисту и декаденту стоитъ труда въ безнадежно старые мотивы на счетъ женскихъ жестокостей и дѣвичьихъ капризовъ вложить что-нибудь «интересное»! Нужно набрать неслыханныхъ на землѣ эпитетовъ, необходимо расположить ихъ такъ, чтобы они всѣ начинались съ одной буквы или образовывали извѣстное музыкальное созвучіе, само стихотвореніе устроить, по возможности, на манеръ старинныхъ піитъ, сооружавшихъ изъ стиховъ геометрическія фигуры, насѣкомыхъ и тому подобныя диковинки. Попробуйте додуматься до «чёлна томленья», или до «нѣмыхъ вереницъ мёртвыхъ чувствъ», или до «блѣдно-желтой души»,— своего рода подвигъ. И все-таки публика посмотритъ минуту-другую на всѣ эти штучки и разойдется равнодушная и скучная, а главное—немедленно забудетъ о представленіи. Это самый жестокій ударъ для выбивающихся изъ силъ лицедѣевъ. Много-много, если кто-нибудь среди празднаго разговора, чтобы прервать тѣ непріятныя минуты, въ которыя, говорятъ «пролетаетъ тихій ангелъ», вспомнитъ о какомъ-нибудь salto-mortale балаганнаго потѣшника, въ родѣ классической поэмы изъ пяти словъ: «О, закрой твои блѣдныя ноги!..» Скучающее человѣчество искони чувствовало наклонность къ сенсаціоннымъ и ненормальнымъ явленіямъ. Попробуйте появиться въ общественномъ мѣстѣ въ эксцентрическомъ костюмѣ или пройдите по улицѣ не общепринятой походкой, — вы навѣрное соберете вокругъ себя толпу, только отнюдь не съ чувствомъ уваженія къ вамъ и вашимъ поступкамъ.

И ради всего этого столько труда, шума, даже теорій и невѣдомыхъ, будто бы, міру эстетическихъ и психологическихъ откро-

веній! И здѣсь же рядомъ, безъ всякихъ задорныхъ воплей и мучительныхъ потугъ, искренній, простой поэтъ по волѣ высшихъ силъ напишетъ нѣсколько страницъ, и на васъ будто повѣетъ свѣжимъ воздухомъ послѣ инквизиторскихъ застѣнковъ. И посмотрите, какъ легко дается такому поэту и изящная форма и главное — содержаніе, всегда богатое, значительное, одновременно и исполненное поэтическихъ «символовъ», и жизненныхъ реальныхъ красокъ. И весь секретъ объясняется до крайности просто: человѣку дано чуткое человѣческое сердце, наблюдательный, осмысленный взглядъ и инстинктивная, непреодолимая жажда *правды* вездѣ,—въ наблюдаемой внѣшней жизни и въ личныхъ впечатлѣніяхъ. Зачѣмъ здѣсь теоріи, смѣхотворные поиски за неизреченными мыслями и за немыслимыми символами? Зачѣмъ даже преднамѣренное стремленіе—сказать непремѣнно что-нибууь сильное и полезное! Сила и польза приложатся сами,—требуется только писателю не лукавить съ собой и съ жизнью. Если у писателя живетъ въ груди дѣйствительно гуманное и отзывчивое чувство, повѣрьте, онъ, безъ всякой критики и публицистики какой бы то ни было окраски, будетъ своими произведеніями подтверждать истину, высказанную двумя русскими поэтами, совершенно различными по характеру талантовъ, но шедшими къ одной и той же цѣли. Одинъ негодовалъ на

Бредни новыя враля,
Которому досугъ пѣть рощи да поля,

а другой писалъ:

Съ талантомъ стыдно спать,
Еще стыднѣй въ годину горя
Красу долинъ, небесъ и моря
И ласку милой воспѣвать.

И вопросъ не въ *чистомъ* или *тенденціозномъ* искусствѣ, а просто въ болѣе или менѣе благородной организаціи творческой натуры. Этимъ фактомъ объясняется любопытное совпаденіе у такъ-называемыхъ чистыхъ художниковъ культа отраженной красоты съ самыми первобытными и эгоистическими общественными представленіями. Очевидно, для воспѣванія трелей соловья и робкаго дыханья требуется извѣстная *нравственная* психологія, все равно, какъ та же психологія, независимо отъ какихъ бы то ни было тенденцій, Пушкина и Гоголя привела къ самой живой въ общественномъ смыслѣ литературной дѣятельности.

Такою же благородной организаціей одарена и г-жа Ожешкова. Она, въ противоположность своему пышному соотечественнику, г-ну Сенкевичу, ни разу не пускается въ философію и публицистику, и между тѣмъ и то, и другое переполняетъ каждую ея страницу, часто болѣе богатую смысломъ и содержаніемъ, чѣмъ иной цѣлый романъ эффектнаго шляхтича и кавалера. Въ разбираемомъ разсказѣ авторъ, повидимому, хотѣлъ только изобразить заброшенное одинокое существованіе старушки, когда-то жившей полной и глубокой жизнью, а теперь наплывомъ новыхъ лицъ и новыхъ житейскихъ интересовъ устраненной на задній планъ, никому ненужной, для многихъ даже тягостной. Это обычное явленіе. По-

токъ жизни непреодолимъ и безжалостенъ, его жертвы безчисленны, а побѣды суровы и часто неумолимы. И кому же быть бо́льшей жертвой, какъ не старухѣ, пережившей вмѣстѣ съ молодостью и свое счастье, и дорогихъ людей? Это воплощенное безсиліе, безконечная хотя и затаенная жалоба и по временамъ невольная, почти восторженная мечта о близкомъ концѣ. Это не героиня, даже не «дѣйствующее лицо», но какія краснорѣчивыя и сильныя картины создаетъ г-жа Ожешкова изъ такого мотива и безъ помощи какого бы ни было краснорѣчія. Сынъ «бабушки» сидитъ за работой, онъ истомленъ трудомъ и давно отвыкъ отъ чувствительныхъ идиллическихъ настроеній. Каждый часъ и прожитой и надвигающейся жизни ложится на честнаго, сильнаго мужа и отца тяжелой отвѣтственностью и нѣжныя слова и ласковые взгляды для него почти недоступная роскошь. И «бабушка» успѣла отвыкнуть даже отъ *сыновняго* голоса. Но на свѣтѣ ничто даромъ не переживается. Вѣдь старушка когда-то лелѣяла дѣтскія радости этого человѣка и все равно, какъ подъ зимнимъ снѣгомъ цѣлѣютъ хлѣбные посѣвы, такъ подъ горькой житейской накипью и тяжелыми опытами борьбы сохранились побѣги благодарнаго и все еще дѣтски-поэтическаго чувства. И скажите, замѣнятъ ли вамъ самыя красивыя и изысканныя рѣчи людей вѣчно праздныхъ и довольныхъ собой—простое восклицаніе, какимъ неожиданно поражаетъ Зигмунтъ свою мать? Человѣку такъ легко быть «милымъ» и «любящимъ», когда тягота и проза жизни проходятъ стороной, и столько эффекта, высокаго и трогательнаго, даже въ мелкой услугѣ и одномъ любезномъ словѣ человѣка, ведущаго счетъ своимъ днямъ по пережитымъ заботамъ и перетерпѣннымъ разочарованіямъ! Этого не понять здѣсь же рѣющей нарядной Адели, такъ некстати шумящей шелковымъ платьемъ у постели больного ребенка, будто совершая подвигъ и осчастливливая всѣхъ предстоящихъ смертныхъ... Всего два-три штриха, и предъ вами во весь ростъ эти люди, и только потому что художникъ умѣлъ захватить основной жизненный нервъ въ личности каждаго изъ своихъ героевъ. Онъ врядъ ли съ такимъ успѣхомъ достигъ бы цѣли, если бы подробнѣйшимъ образомъ разсказалъ біографіи съ самыми экстренными происшествіями, предъ нами оказалось бы не мало банальностей, еще больше, можетъ быть, того, что въ романахъ называется «интереснымъ» и «героическимъ», но людей, просто *человѣческихъ натуръ* не было бы въ такихъ яркихъ индивидуальныхъ оправахъ. Такъ, истинный поэтъ изъ самыхъ простыхъ сердечныхъ ощущеній умѣетъ создать драму, въ зауряднѣйшихъ эпизодахъ, мимолетныхъ фразахъ и сценахъ — показать цѣльнаго живого человѣка. И это взаимное будто органическое сліяніе старческой отживающей жизни съ только-что разцвѣтающимъ дѣтствомъ—правдивѣйшая изъ идиллій, какія только могутъ существовать въ поэзіи и въ дѣйствительности, и эта идиллія, какъ и все остальное, полна внутренняго идеальнаго смысла. Бабушка и ея внукъ оказываются единственными, одинаково искренними поэтическими явленіями на прозаическомъ, какъ всегда отчасти грубомъ, отчасти пошломъ фонѣ, и нѣтъ у ребенка болѣе тѣсной

нравственной привязанности, чѣмъ отживающая свой вѣкъ старуха. Молодое, Богъ вѣсть что обѣщающее существованіе, такъ часто грозящее разладомъ и недоразумѣніями съ жизнью и идеалами «отцовъ», сохранитъ лучшую преемственную связь съ прошлыми поколѣніями, будетъ лелѣять, можетъ быть, лучшія воспоминанія именно благодаря минутамъ, когда съ бабушкой выучивались старинные стихи. И такъ будетъ потому, что, сколько бы ни мѣнялась жизнь, ея смыслъ и стремленія, вѣчнымъ останется чуткое самоотверженное сердце—и не умретъ также искусство, умѣющее изображать съ такой простотой и правдой эту, можетъ быть, единственную въ нашемъ мірѣ, *неизмѣнно*-положительную силу.

Эдгаръ По. Таинственные разсказы. Переводъ съ англійскаго г. Бальмонта, изд. кн. Урусова. Москва 1895 г. Цѣна 1 р. «Эдгаръ По» и «Таинственные разсказы»... всего четыре слова, имя автора и заглавіе книги—и между тѣмъ врядъ ли можно вполнѣ исчерпать все необычайно интригующее и, если угодно, дѣйствительно таинственное, заключающееся въ этихъ словахъ. Г. Бальмонтъ выпускаетъ уже вторую книгу сочиненій американскаго поэта и въ предисловіи къ первой «Баллады и фантазіи» представилъ краткую біографію поэта съ нѣкоторыми критическими мыслями объ его талантѣ. Къ сожалѣнію, и біографія, и мысли оказались въ высшей степени неудачными. Переводчикъ вообразилъ, что предисловіе фактическаго содержанія можно писать на манеръ стихотворенія въ прозѣ, съ разнаго рода метафорами, гиперболами, восклицательными знаками, лирическимъ безпорядкомъ. Это, именно, выходитъ отчасти конкурренціей съ переводимымъ поэтомъ, но писатель остается въ чистомъ проигрышѣ. Попробуйте составить какое-либо представленіе о жизни и, что особенно важно въ данномъ случаѣ, о личности Эдгара По на основаніи словеснаго упражненія переводчика! Вы прочтите все, что угодно и о «клюкѣ» бѣдности, и о «небесномъ эфирѣ» и «сверхземномъ блаженствѣ», и о «неподвижномъ пейзажѣ» и ужъ, конечно, о «подлой человѣческой толпѣ». Небесно-эфирные критики и поэты, по странной игрѣ судьбы, какимъ-то чудомъ, эфирность непремѣнно соединяютъ вмѣстѣ съ самой «подлой прозой», какъ выражались когда-то не менѣе выспренніе піиты... Но не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что г. Бальмонтъ подобной микстурой наполнилъ 12 страницъ, и успѣлъ сообщить только два положительныхъ земныхъ факта: Эдгаръ По былъ бѣденъ и пилъ. Но и это еще не было бы такъ странно, если бы Бальмонтъ въ концѣ предисловія не грозилъ преподнести намъ «критико-біографическій этюдъ объ Эдгарѣ По». Правда, обѣщаніе было дано, повидимому, въ самый разгаръ гнѣва на «подлую толпу», и срокъ выполненія—1895 годъ — милостью Божіей прошелъ, а этюда мы не видали. Но все таки—будущее чревато всякими событіями и публика рискуетъ снова услышать разныя поучительныя вещи на счетъ эфира и неподвижнаго пейзажа. Мы поэтому, въ интересахъ общаго блага и собственнаго спокойствія автора, столь безпощаднаго къ «подлой человѣческой толпѣ», рекомендуемъ ему продолжать заниматься своимъ настоящимъ дѣломъ,—

издавать прекрасные переводы поэтическихъ произведеній и предоставить другимъ защищать своихъ героевъ отъ разныхъ «мизерностей», упивающихся «спиртными напитками и собственнымъ ничтожествомъ» «ради развлеченія». А переводы г-на Бальмонта дѣйствительно прекрасны и сами по себѣ даютъ объ авторѣ-поэтѣ столь ясное и полное представленіе, что всякіе пейзажи и прочія небылицы переводчика являются совершенно излишними, а, главное, все это неизмѣримо ниже личности и судьбы Эдгара По, какъ бы высоко ни парила небесно-эфирная фантазія г-на Бальмонта. Есть люди и предметы, о которыхъ всегда и вездѣ слѣдуетъ говорить только простую, самую скромную правду—и именно правда окажется на современной высотѣ съ даннымъ человѣкомъ и предметомъ; такъ краснорѣчиво и громко она заговоритъ сама за себя, что всѣ наши украшенія и изліянія покажутся дерзкой и смѣшной мишурой. Какая, напримѣръ, поэма могла бы сравниться съ фактически-точнымъ, просто протокольнымъ разсказомъ о смерти Сократа! Эдгаръ По не Сократъ и участь его не горитъ такой звѣздой на горизонтѣ міровой культуры, какъ личность и смерть аѳинскаго мудреца. Но и исторія американскаго поэта—одинъ изъ трогательнѣйшихъ мартирологовъ истинно-человѣческаго сердца, глубоко и незаслуженно несчастнаго. Что можно представить драматичнѣе—быть одареннымъ отъ природы жгучей, стихійно-непреодолимой жаждой любви, любви не въ шаблонномъ романическомъ смыслѣ: такое счастье доступно самымъ обыкновеннымъ людямъ,—нѣтъ, любви въ смыслѣ нравственнаго единенія идеальныхъ, чуткихъ натуръ, и умереть въ полномъ одиночествѣ и въ душевномъ недугѣ! Такова въ краткихъ словахъ жизнь, или что одно и то же, драма Эдгара По. Авторъ «Ворона» симпатиченъ намъ не тѣмъ, что писалъ вещи, недоступныя для «вульгарной публики», какъ выражается г. Бальмонтъ: вѣдь та же публика съумѣла оцѣнить Диккенса, Тэккерея и даже Байрона. И еще большой вопросъ, кто больше виноватъ—публика ли, равнодушная къ писателю, или писатель, страдающій отъ этого равнодушія, и ужъ конечно, этого вопроса никакъ нельзя разрѣшить какими бы то ни было сильными эпитетами. Г. Бальмонтъ упустилъ изъ виду, что Эдгаръ По интересенъ и симпатиченъ вовсе не благодаря болѣе или менѣе «сверхъестественному» содержанію своихъ «философскихъ сказокъ» и всякимъ фантастическимъ ужасамъ своего вдохновенія: все это въ сильнѣйшей степени результатъ разныхъ гнетущихъ вліяній и болѣзненныхъ опытовъ личной жизни поэта, и Эдгаръ По, при болѣе счастливыхъ условіяхъ, врядъ ли дошелъ бы до такихъ «чаръ», которые вызываютъ лирическій восторгъ переводчика. Надо помнить, что вдохновеніе поэта осуществлялось при безусловно ненормальныхъ обстоятельствахъ, Эдгаръ По страдалъ припадками delirium tremens и пилъ, дѣйствительно, не для развлеченія, *а для работы*, лишь затѣмъ, чтобы писать. Достоевскій принужденъ былъ разными средствами бороться съ своей разбитой нервной системой и одновременно писать свои «жестокіе романы», часто творилъ въ завѣдомо отравленномъ нервномъ состояніи. Это не біографическая по-

дробность только, это извѣстная психологія творчества. Въ какомъ видѣ должна представляться самая реальная, доподлинно извѣстная автору дѣйствительность во время ночной *искусственно*-взвинченной работы при безпрестанно *пришпориваемой* фантазіи? Это не свободное, естественное самооткровеніе таланта, это электризація одной способности въ ущербъ всѣмъ другимъ. Въ такіе моменты отнюдь не утрачивается логическій инстинктъ, все равно, какъ и въ самомъ настоящемъ безуміи есть своя логика, извѣстная послѣдовательность въ психическихъ явленіяхъ и даже въ самыхъ нелѣпыхъ идеяхъ. Но контролирующая сила разсудка падаетъ до наиболѣе низкаго уровня и чувство *реальности* замѣняется крайне податливымъ сознаніемъ *правдоподобія*. Достоевскій косвенно призналъ этотъ фактъ для своего творчества въ слѣдующемъ, весьма оригинальномъ заявленіи, высказанномъ по поводу «Записокъ изъ-подъ подполья»: «И авторъ записокъ, и самыя записки, разумѣется, вымышлены, тѣмъ не менѣе, такія лица, какъ сочинитель такихъ записокъ, не только могутъ, но даже должны существовать въ нашемъ обществѣ, взявъ въ соображеніе тѣ обстоятельства, при которыхъ вообще складывалось наше общество...» Обратите вниманіе на эти *могутъ*, *должны* существовать. Авторъ, слѣдовательно, отправляется отъ *гипотезы*, отъ *предполагаемой* дѣйствительности, создаетъ себѣ, въ сущности, призракъ и гипнотизируетъ свое воображеніе его отнюдь не обоснованной наблюденіями реальностью. Если такъ разсуждалъ Достоевскій—человѣкъ только съ очень потрясенной нервной системой, чтó же могло быть съ Эдгаромъ По, формальнымъ алкоголикомъ и въ полномъ смыслѣ неудачникомъ въ жизни? Самъ поэтъ признавалъ себя только «нервнымъ», но самые искренніе цѣнители его таланта шли гораздо дальше, по крайней мѣрѣ, касательно именно моментовъ творчества, и даже Бодлэръ, на котораго ссылается г. Бальмонтъ, выражается очень энергично: «Il ne buvait pas en gourmand, mais en barbare» (онъ пилъ не какъ лакомка, а какъ варваръ), и въ то же время работалъ. Въ результатѣ: «алгебра, приспособленная къ услугамъ безумія», по выраженію другого французскаго критика: и недаромъ самъ поэтъ въ разсказѣ «Черный котъ» алкоголизмъ призналъ страшнѣйшимъ изъ недуговъ. Это значитъ—ужаснѣйшія, противоестественныя темы, внушенныя больнымъ мозгомъ и въ конецъ разбитыми нервами, и въ то же время та самая логичность, которую самъ По приписываетъ своимъ больнымъ героямъ. Эти соображенія должны быть приняты во вниманіе раньше какихъ бы то ни было восторговъ предъ разсказами и поэмами американскаго поэта, и любопытнѣйшей задачей психолога было бы выяснить развитіе *болѣзненнаго направленія* въ талантѣ По. Такое объясненіе принесло бы пользу не только настоящей *исторической* біографіи поэта, но оказалось бы одной изъ существенныхъ страницъ вообще въ характеристикѣ современной общественной жизни. Въ виду этого было бы крайне желательно появленіе на русскомъ языкѣ этюда объ Эдгарѣ По, и выполнить это желаніе тѣмъ легче, что врядъ-ли отыщется за послѣднія десятилѣтія болѣе симпатичная, болѣе *сердечная* фигура поэта во всѣхъ литературахъ. Какой бы періодъ въ жизни Эдгара По изслѣдователь ни

взялъ, онъ непремѣнно натолкнется на какой-либо трогательный эпизодъ, часто настоящую, не литературную и фантастическую драму. Напримѣръ, будущему поэту всего 13—14 лѣтъ, онъ еще школьникъ, но какое страстное, мучительно-любящее сердце у этого ребенка! Онъ случайно встрѣчается съ матерью одного изъ своихъ товарищей, она говоритъ ему нѣсколько ласковыхъ словъ и прочувствованными звуками своего голоса повергаетъ мальчика въ такое волненіе, что онъ не находится, что̀ ей отвѣчать. Эдгаръ возвращается домой будто во снѣ, весь исполненный одного желанія, одной надежды—еще разъ услышать голосъ, столь сильно захватывающій дѣтское сердце. У него не стало родителей уже съ двухлѣтняго возраста, и мимоходомъ брошенныя теплыя слова чужой матери наполняютъ его несказаннымъ волненіемъ. Добрая дама становится повѣренной всѣхъ дѣтскихъ печалей Эдгара, а ихъ такъ много у сироты! Но смерть уноситъ генія-утѣшителя, и еще разъ осиротѣвшій ребенокъ цѣлыя ночи проводитъ на могилѣ, несмотря ни на какую непогоду и потомъ, въ теченіе всей жизни По не забываетъ «Елены». Именно ея памятью вызвано вдохновенное стихотвореніе «Къ Еленѣ» и столь излюбленныя поэтомъ невыразимыя ощущенія страха и трудно опредѣлимыя словомъ «видѣнія»—плоды чувствъ, пережитыхъ имъ въ темныя ночи на ея могилѣ. Такъ умѣлъ цѣнить и помнить несчастный поэтъ чужое вниманіе къ своему одиночеству и сиротству! И подобныя исторіи наполняютъ всю біографію Эдгара. Исторія его брака и краткой семейной жизни—своего рода поэма, несмотря на самый удручающій реализмъ нужды, лишеній, страданій за чужую неудавшуюся жизнь, и опять предъ нами трогательная эпитафія и этому прошлому въ поэмѣ «Аннабель-Ли», прекрасно переведенной г-номъ Бальмонтомъ Поэту безпрестанно приходилось воспѣвать жесточайшія потери своего сердца, пока, наконецъ, надъ нимъ окончательно не повисла безпросвѣтная тьма одиночества и жестокій недугъ не завладѣлъ имъ безраздѣльно. Самые блестящіе моменты славы давно уже не могли залѣчить ранъ сердца, въ которомъ не оставалось живого мѣста отъ огорченій, преслѣдовавшихъ поэта съ самаго ранняго дѣтства, и когда при появленіи въ свѣтъ знаменитаго «Ворона» имя Эдгара По было на устахъ всей публики, самъ авторъ въ такой, столь желанный для всѣхъ авторовъ день—явился публично на улицахъ Нью-Іорка въ состояніи безчувственнаго опьяненія... Немудрено, рядомъ съ чистѣйшей, трагически-прочувствованной поэзіей въ разсказахъ По кишатъ странные, болѣзненно-вымученные ббразы, и мотивы исключительныхъ душевныхъ разстройствъ и нервныхъ недуговъ чередуются съ воплями глубокаго личнаго горя поэта. Нѣкоторые изъ этихъ мотивовъ представляютъ несомнѣнный психологическій интересъ, точнѣе психіатрическій. Таковъ, напримѣръ, разсказъ «Демонъ извращенности», изображающій извѣстное явленіе самовнушенія, гипнотизирующаго нервно-разстроенныхъ субъектовъ, но чаще всего вымыслы Эдгара По построены на совершенно фантастическихъ основаніяхъ: берется чрезвычайно жестокое душевное или внѣшнее положеніе человѣка и съ неуклонной логичностью рисуются столь же потрясающіе узоры.

Если читатель найдетъ возможнымъ помириться съ исходной точкой, онъ съ интересомъ прочтетъ дальнѣйшее, развертывающееся, будто замысловатая, но необыкновенно симметрическая сѣть. Къ сожалѣнію, только весьма рѣдко именно основной пунктъ у Эдгара По представляетъ какое-либо *реальное* значеніе, большею частью онъ только—одна изъ характерныхъ чертъ болѣзненнаго авторскаго психическаго состоянія. Въ виду этого переводчику слѣдовало бы съ крайней осмотрительностью выбирать произведенія Эдгара По и не заполнять свои страницы хотя бы такими во всѣхъ отношеніяхъ блѣдными, хотя и причудливыми фантазіями, каковъ разсказъ «Красная смерть», стоящій во главѣ сборника. Но такая задача врядъ ли исполнима для г. Бальмонта, пока онъ не избавится отъ своего увлеченія какъ разъ *отрицательнымъ* и *ненормальнымъ* элементомъ въ творчествѣ американскаго поэта. Переводчику особенно любезны именно тѣ произведенія По, которыя болѣе всего похожи на *галлюцинаціи*. Но это вѣдь только симптомы болѣзни, и имѣютъ, конечно, свое автобіографическое значеніе. Только отнюдь не они ставятъ Эдгара По въ ряду талантливѣйшихъ поэтовъ нашего времени. Что бы переводчикъ ни толковалъ о «вульгарной публикѣ» и о «подлой человѣческой толпѣ», несомнѣнно, мало склонныхъ ко всякаго рода психозамъ,—жизнь и развитіе всегда будутъ на сторонѣ здоровья и яснаго реальнаго творчества, и относительно Эдгара По слѣдуетъ непремѣнно отдѣлить личныя несчастія и недуги человѣка отъ истиннаго поэтическаго вдохновенія автора.

ПУБЛИЦИСТИКА.

Д. Милль. «О подчиненіи женщинъ».—*Б. Брандтъ.* «Современная женщина».—*Н. И. Борисовъ.* «Волшебный фонарь въ народной школѣ».

Джонъ Стюартъ Милль. О подчиненіи женщины. Переводъ съ англійскаго М. Лялиной, подъ редакціей В. С. Лялина. Ц. 60 к. П. 1896 г. Изд. Губинскаго. Нѣкоторые полагаютъ, что названный трудъ Дж. Стюарта Милля, написанный лѣтъ 40 тому назадъ, въ настоящее время утратилъ почти всякое значеніе; но это далеко не такъ. Въ самомъ дѣлѣ, обратитесь ли вы къ повременной печати, и вы услышите наставленія, всецѣло проникнутыя духомъ «Домостроя»; оглянетесь ли на окружающую дѣйствительность, и вы увидите тысячи примѣровъ того печальнаго, угнетеннаго и подчиненнаго положенія, въ какомъ находится современная женщина по отношенію къ командующей половинѣ человѣческаго рода. Нѣтъ, мощныя слова Милля въ защиту женской эмансипаціи не потеряли своего значенія и теперь; мы уже не говоримъ объ его основоположеніи, которое еще долго будетъ считаться недосягаемымъ идеаломъ. «Я пришелъ къ убѣжденію,—заявляетъ Милль въ началѣ своего труда,—что принципъ, на которомъ зиждутся отношенія двухъ половъ другъ къ другу, т.-е. подчиненіе женщины мужчинѣ, не только самъ по себѣ ложенъ, но еще служитъ сильнѣйшимъ тор-

мазомъ человѣческому прогрессу. Представляя собою соціальное зло, *принципъ этотъ долженъ быть замѣненъ принципомъ полнѣйшаго равенства, не допускающаго правъ и преимуществъ, съ одной стороны, и безправія—съ другой»...*

По нашему мнѣнію, даже самая аргументація Милля въ пользу раскрѣпощенія женщины сохранила свою силу и до нашихъ дней. Наведя историческую справку, Милль приходитъ къ тому выводу, что система неравноправности женщины возникла въ доисторическій періодъ, когда человѣчество, будучи еще въ младенческомъ состояніи, оцѣнивало женщину соотвѣтственно ея мускульной силѣ, и, въ виду слабости послѣдней, подчинило ее мужчинѣ; такимъ образомъ, подчиненность женщины мужчинѣ въ настоящее время есть вопіющая аномалія, одинъ изъ тѣхъ «пережитковъ», которые не должны быть оправдываемы никѣмъ и ничѣмъ.

Переходя къ вопросу объ уравненіи правъ женщины, т. е. о допущеніи ея къ такимъ профессіямъ, которыя составляли до сихъ поръ монополію мужчинъ, Милль, между прочимъ, замѣчаетъ: «Обсуждая дѣло, я невольно, логикою положенія, прихожу къ убѣжденію, что понятіе о пресловутой неспособности женщинъ зиждется единственно на желаніи мужчинъ удержать ихъ въ подчиненіи, такъ какъ большинство не можетъ переварить мысли о равноправности въ совмѣстной жизни. Если бы не подобные эгоистическіе разсчеты, то, при современномъ взглядѣ на политику и на политическую экономію, едва ли бы кто рѣшился устранить цѣлую половину рода человѣческаго отъ участія въ выгодныхъ профессіяхъ и отъ занятія должностей, которыя легально предоставлены всякому бездарному и безнравственному мужчинѣ. Лучше ужъ открыто заявить, что если женщины даже и способны ко всевозможнымъ профессіямъ, то все-таки слѣдуетъ ихъ устранить, ради исключительной выгоды мужчинъ».

Вслѣдъ за соображеніями общаго характера, Милль переходитъ къ деталямъ: онъ беретъ профессію за профессіей и доказываетъ, что женщина во всѣхъ этихъ профессіяхъ можетъ обнаружить полную способность быть общественнымъ дѣятелемъ и конкуррентомъ мужчинѣ.

Намъ особенно пріятно отмѣтить эту черту труда Милля, такъ какъ ему пришлось въ свое время выслушать массу незаслуженныхъ упрековъ въ доктринерствѣ и оптимизмѣ. Теперь смѣло можно сказать, что знаменитый проповѣдникъ женской эмансипаціи былъ правъ въ каждой своей строчкѣ. Теперь женщина доказала и на каждомъ шагу доказываетъ, что она не только не хуже мужчины можетъ отправлять разныя общественныя должности, но во многихъ случаяхъ гораздо лучше. Подробности можно найти въ книгѣ Брандта: «Современная женщина, ея положеніе въ Европѣ и Америкѣ».

Б. Ф. Брандтъ. Современая женщина, ея положеніе въ Европѣ и Америкѣ. Ц. 60 к. Изд. Ф. Павленкова. П. 1896 г. Особенность названнаго труда Брандта заключается въ томъ, что здѣсь обрисовывается *современное* положеніе женщины, и притомъ на основаніи весьма богатаго фактическаго матеріала и цифровыхъ данныхъ.

Эти факты и цифры краснорѣчиво говорятъ о томъ, какого огромнаго труда, какихъ невѣроятныхъ усилій стоило женщинѣ добиться своего, сравнительно сноснаго положенія; съ другой стороны, эти же данныя свидѣтельствуютъ и о томъ, какой длинный путь нужно еще пройти, чтобы добиться полнаго уравненія правъ женщины съ правами мужчины, сколько нужно борьбы и борьбы, прежде чѣмъ терминъ «подчиненность женщины» сдѣлается архаизмомъ.

Противники женской эмансипаціи, какъ извѣстно, отводятъ женщинѣ кухню и дѣтскую; но они игнорируютъ тотъ неотразимый и огромной важности фактъ, что по тѣмъ или инымъ причинамъ далеко не всѣ дѣвушки могутъ вступить въ бракъ, какъ показываетъ слѣдующая табличка процентнаго отношенія лицъ, находящихся въ брачномъ союзѣ, къ общему числу взрослаго населенія большинства европейскихъ странъ.

Венгрія	62,58.	Германія	52,35.	Бельгія	47,79.
Францiя	54,82.	Данія	52.18.	Швейцарія	47,43.
Италія	53,68.	Голландія	51,65.	Шотландія	46,77.
Англія	53,40.	Швеція	49,25.	Ирландія	41,93.
Австрія	52,77.	Норвегія	49,11.		

Такимъ образомъ, изъ всѣхъ лицъ, достигшихъ зрѣлаго возраста, только половина находится въ бракѣ; другая же половина должна снискивать себѣ средства къ существованію внѣ семейнаго союза. И, дѣйствительно, подъ вліяніемъ экономическаго гнета, подъ вліяніемъ нужды, женщина вышла на рынокъ труда и предложила свои незанятыя руки. Что же отсюда вышло? А то, что капиталисты какъ нельзя лучше поняли безвыходное положеніе женщины и пользуются этимъ; въ большинствѣ случаевъ заработная плата женщинъ нисходитъ до $^1/_2$ и даже до $^1/_3$ рабочей платы мужчинъ.

Отсюда видно, что свобода одного только мускульнаго, фабричнаго труда не можетъ освободить женщину отъ разнаго рода гнетовъ—ей нужно открыть рѣшительно всѣ общественныя поприща, предоставить всѣ тѣ права, какими такъ еще недавно пользовались однѣ только мужчины. Но отовсюду слышатся возраженія: можетъ ли женщина съ достоинствомъ выполнять эти новыя и трудныя для нея функціи? Отвѣтъ на такія возраженія даетъ исторія Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ американкамъ настежь открыты двери къ образованію, не только низшему и среднему, но и высшему.

Не излагая здѣсь подробностей борьбы, которую пришлось вести американкѣ, чтобы добиться широкаго участія въ жизни, отмѣтимъ только, что въ одномъ еще отношеніи американскія женщины остаются до сихъ поръ не уравненными съ мужчинами—въ обладаніи избирательнымъ правомъ, какъ активнымъ, такъ и пассивнымъ, не смотря на то, что американки уже около 50 лѣтъ борются за эти права. Впрочемъ, было бы ошибочно утверждать, будто борьба женщинъ осталась безрезультатной,—нѣкоторыя улучшенія въ правовомъ положеніи ихъ несомнѣнно произошли. Такъ, напримѣръ, во всѣхъ почти штатахъ американки получили право избранія, какъ активное, такъ и пассивное, въ училищные

комитеты, играющіе такую важную роль въ дѣлѣ воспитанія американскаго юношества; въ штатѣ Канзасъ онѣ участвуютъ въ муниципальныхъ выборахъ, а въ штатѣ Віомингъ женщины пользуются полными политическими правами, наравнѣ съ мужчинами, въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ.

Поучительна эта исторія американской женщины: ея сравнительно весьма сносному и независимому положенію завидуютъ ея европейскія сестры; между тѣмъ, послѣднія какъ будто и не подозрѣваютъ, что измѣнить свое неприглядное настоящее могутъ *только онѣ сами*, что ихъ лучшее будущее находится всецѣло *въ ихъ рукахъ*; имъ нужно только тѣснѣе сплотиться другъ съ другомъ, серьезнѣй обдумать свое положеніе—и затѣмъ начать борьбу съ вѣковыми предразсудками.

Н. И. Борисовъ. Волшебный фонарь въ народной школѣ. По даннымъ александрійскаго уѣзднаго земства за 1889—1895 годы. Изданіе Херсонской губернской земской управы. Херсонъ. 1896. in. 8-vo. Стр. 4 + 77 + таблица. Для интересующихся вопросами о народномъ образованіи книжка г. Борисова представляетъ выдающійся интересъ: она посвящена подробному отчету о публичныхъ народныхъ чтеніяхъ въ Александрійскомъ уѣздѣ, Херсонской губерніи, правильно организованныхъ при земскихъ школахъ уѣзда съ 1889 г. Александрійскій уѣздъ—третій по счету, въ которомъ земство устроило при школахъ систематическія народныя чтенія съ волшебнымъ фонаремъ (первыми являются Петергофскій и Московскій уѣзды). Особенностью организаціи чтеній въ земскихъ школахъ Александрійскаго уѣзда является требованіе управой подробныхъ отчетовъ отъ завѣдующихъ чтеніями учителей и учительницъ. Нельзя не поставить въ особенную заслугу г. Борисову, что онъ по достоинству оцѣнилъ этотъ матеріалъ, широко имъ воспользовался и значительную его часть напечаталъ въ подлинникѣ: намъ приходится только упорно настаивать на томъ, чтобы всѣ земства ввели подробную отчетность и опубликовали ее во всеобщее свѣдѣніе по образцу Херсонской управы; въ подобныхъ изданіяхъ ощущается самая настоятельная нужда. Отчеты, опубликованные г. Борисовымъ, свидѣтельствуютъ, что устройство чтеній въ школѣ производитъ желательное и необходимое сближеніе народа съ послѣдней. Но польза этихъ чтеній въ значительной степени парализуется низкимъ уровнемъ читаемыхъ брошюръ. Въ такомъ серьезномъ дѣлѣ, какъ брошюры для чтенія въ народныхъ аудиторіяхъ, ничего не можетъ быть вреднѣе монополіи; а такая монополія какъ разъ установилась для петербургской постоянной коммиссіи, брошюры которой почти исключительно допущены въ народныя аудиторіи. Авторъ статьи *Голосъ провинціи въ вопросѣ о народныхъ чтеніяхъ*, напечатанной въ майской книжкѣ журнала «Русская Мысль» за текущій годъ, собралъ не мало данныхъ для характеристики того вреда, который приноситъ подобная монополія, и того всеобщаго недовольства, которое вызываютъ въ провинціи названныя брошюры. Отчеты александрійскихъ учителей и учительницъ еще лишній разъ подкрѣпляютъ выводы цитованной сейчасъ статьи. «Брошюра *О*

преемникахъ Петра Великаго для народа скучна и непонятна вслѣдствіе своей сухости и сжатости (стр. 32)», читаемъ въ отчетѣ учителя с. Варваровки. Учитель министерской школы въ Новой Прагѣ прямо говоритъ, что «одна изъ причинъ неудачнаго чтенія заключается въ томъ, что оно ведется по брошюрамъ, не популярнымъ среди простого люда» (стр. 44, 45). Въ другихъ мѣстахъ, какъ извѣстно, народъ прямо отказывается слушать брошюры, для него непонятныя, ибо написаны онѣ лицами, которыя не знаютъ народа даже и по книжкамъ. Вотъ почему теперь требуютъ изданія новыхъ брошюръ, требуютъ изъятія изъ употребленія непригодныхъ для народа брошюръ постоянной коммиссіи, а въ числѣ ходатайствъ второго съѣзда русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію выдвинуто ходатайство о допущеніи для чтенія въ народныхъ аудиторіяхъ всѣхъ изданій, разрѣшенныхъ для народныхъ библіотекъ и читаленъ. Какъ успѣхъ чтеній парализуется плохими брошюрами постоянной коммиссіи, такъ, въ свою очередь, вредъ, ими наносимый, сильно парализуется устными разсказами, чтецовъ, что, конечно, гораздо цѣлесообразнѣе, чѣмъ монотонное чтеніе даже хорошихъ брошюръ. Живой разсказъ, а не чтеніе, по единогласному свидѣтельству отчетовъ производитъ наилучшее впечатлѣніе на слушателей изъ народа; въ живомъ разсказѣ лекторъ всегда имѣетъ возможность приспособиться и къ потребностямъ, и къ умственному уровню своей аудиторіи, такъ что было бы весьма желательно его повсемѣстное введеніе. Оставляемъ въ сторонѣ множество замѣчательно любопытныхъ подробностей, разсѣянныхъ по отчетамъ въ книжкѣ г. Борисова, подчеркивая лишь основные практическіе выводы, которые можно и должно изъ нихъ сдѣлать: 1) необходимость изъять изъ употребленія брошюры постоянной коммиссіи, 2) создать спеціальную литературу для народной аудиторіи, ей понятную, и 3) установить порядокъ живого устнаго разсказа, а не безцѣльнаго чтенія сплошь по тексту, которое нерѣдко прерывается и самими слушателями.

ИСТОРІЯ ИСКУССТВЪ И НАУКЪ.

С. И. Лаврентьева. «Пятидесятилѣтіе артистической дѣятельности Эрнесто Росси».—*Дж. Мармери.* «Прогрессъ наукъ».

Пятьдесятъ лѣтъ артистической дѣятельности Эрнесто Росси, составила по мемуарамъ Э. Росси С. И. Лаврентьева (съ предисловіемъ Э. Росси). Спб. Изд. А. М. Лесмана. 1896 г. Ц. 2 р. (VIII + 317). Не прошло еще и двухъ мѣсяцевъ, какъ одинъ изъ величайшихъ міровыхъ драматическихъ артистовъ нашего вѣка, Эрнесто Росси, отпраздновалъ въ Россіи, въ Петербургѣ, полувѣковой юбилей своей артистической дѣятельности, и вотъ, уже 25-го мая получилось горестное извѣстіе о его кончинѣ, послѣдовавшей на станціи Пескара, въ Италіи, на пути его изъ Одессы во Флоренцію. Съ Росси случился ударъ еще въ вагонѣ, и, когда его вынесли

въ залъ на станціи, онъ, задыхаясь, не переставалъ кричать: «воздуху, воздуху». Приходя ненадолго въ себя, онъ, по словамъ итальянскихъ газетъ, намекая на сильный припадокъ, случившійся съ нимъ на сценѣ въ Одессѣ, въ «Королѣ Лирѣ», говорилъ: «Отчего не умеръ я въ Одессѣ,—я всегда хотѣлъ умереть на сценѣ». Цѣлыхъ трое сутокъ боролся покойный со смертью, въ бреду декламируя свои роли, особенно любимыя мѣста изъ Людовика XI-го, и 24-го мая въ $11^{1}/_{4}$ час. утра великаго артиста не стало.

Росси, до самой смерти своей любившій Россію, русскихъ и русское искусство и кончившій у насъ въ Одессѣ свою сценическую карьеру, чаще и дольше всѣхъ другихъ иностранныхъ великихъ актеровъ доставлялъ намъ и въ столицахъ, и во многихъ городахъ, своей игрой наслажденіе. Пріѣхавъ въ первый разъ въ Петербургъ, въ полномъ разцвѣтѣ таланта, въ 1877 году, онъ гастролировалъ у насъ въ 1878, 1890, 1894, и наконецъ въ 1895 г. уже 66-лѣтнимъ старикомъ, но почти сохранившимъ всю силу дивнаго генія, кромѣ обычныхъ пьесъ своего репертуара, показалъ въ Москвѣ «Скупого рыцаря» Пушкина, а въ день своего бенефиса удостоился торжественнаго поднесенія адреса отъ публики и диплома на почетное членство Общества любителей россійской словесности; въ предпослѣдній же пріѣздъ свой, въ Москвѣ, въ 1894 г., выступилъ онъ съ огромнымъ успѣхомъ въ роли Іоанна Грознаго, въ извѣстной трагедіи гр. А. Толстого, а въ одинъ изъ предшествовавшихъ пріѣздовъ, съигралъ и Донъ - Жуана въ «Каменномъ гостѣ» Пушкина, котораго трагикъ особенно цѣнилъ и съ которымъ, къ стыду нашему, онъ, иностранецъ, познакомилъ насъ самихъ съ сценическихъ подмостокъ, въ геніальномъ исполненіи, первый. Росси—личность исключительная. Вмѣстѣ съ другимъ трагикомъ Сальвини, уже давно почти вовсе оставившимъ сцену, и итальянской же артисткой Аделаидой Ристори, онъ — величайшій представитель высокой и тонкой классической игры, помимо величайшаго наслажденія, ею доставляемаго, имѣющей огромное воспитательное значеніе, особенно для молодежи, которая, какъ и публика, находила въ покойномъ высокообразованнаго и глубокаго истолкователя Шекспира и др. трагиковъ. Актеры всего міра изъ его примѣра учились познавать, какого образованія, глубокаго изученія характеровъ и труда надъ малѣйшими деталями роли требуетъ даже геній, если онъ хочетъ воспользоваться вполнѣ данными, полученными отъ природы, чтобы тѣмъ понятнѣе и рельефнѣе запечатлѣть въ зрителѣ созданные актеромъ великіе образы и подѣйствовать на душу. Всегдашняя же связь этого трагика съ высшей интеллигенціей всего міра, съ университетами и университетской молодежью, всюду носившей его на рукахъ, его открытый, симпатичнѣйшій характеръ, отзывчивость къ нуждамъ молодежи, которой онъ всегда готовъ былъ служить своимъ талантомъ, отсутствіе корыстолюбія и мелочной зависти — все это сдѣлало Росси идеаломъ художника - человѣка, сильнаго не только геніемъ, но и благотворнымъ вліяніемъ своей безупречной и великой личности и

благоговѣйнаго служенія искусству. За свою долгую дѣятельность переигралъ онъ не малое число ролей, но его коронными ролями, объясненіе которыхъ онъ даетъ въ своихъ запискахъ, были: Макбетъ, Лиръ, Гамлетъ, Ромео, Отелло, Ричардъ III, Шейлокъ, Людовикъ XI и Кинъ, которыхъ всякій, видѣвшій Росси, не забудетъ никогда.

Составительница разбираемой прекрасной книги, совершенно необходимой не только для актера, но и всякаго интересующагося серьезно театромъ, С. И. Лаврентьева, великая почитательница Росси, умѣло воспользовалась обширными его мемуарами. Изъ нихъ выбрала она наиболѣе существенное и общеинтересное, и дала не только яркую его автобіографію, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и драгоцѣнный выборъ, какъ мнѣній артиста объ искусствѣ, сценѣ, игрѣ, артистахъ вообще въ ихъ психологіи и привычкахъ жизни, объ отдѣльныхъ артистахъ, Ристори, Сарѣ Бернаръ, Леметрѣ и др., такъ и цѣлые небольшіе трактаты о театральной школѣ, Шекспирѣ, о типахъ Прометея, Фауста и Гамлета, о Ромео, Макбетѣ, Лирѣ, Отелло, Людовикѣ XI, наконецъ, объ Іоаннѣ Грозномъ (стр. 290—313). Эта книга о Росси, могущая теперь, у его свѣжей могилы, быть достойной данью благодарности со стороны нашей, столь любимой имъ, родины за незабвенныя минуты высокаго наслажденія, — эта книга, назидательнѣйшая и трогательная исповѣдь усопшаго великаго артиста, особенно интересна и полезна для нашей публики, испорченной жалкимъ репертуаромъ и дурной, легкомысленной игрой. Книга вноситъ широкій просвѣщенный взглядъ на театръ и его священное, высокое, назначеніе, выясняетъ важность образованности и подготовки для актера, и этотъ взглядъ несетъ съ собой Росси всюду, куда бы онъ ни явился, въ Парижъ ли, Америку, Россію,—словомъ, уже одна личность его, какъ она въ книгѣ рисуется, сама по себѣ цѣлые полвѣка горѣла всемірнымъ свѣточемъ всего лучшаго, что только даетъ жизни драматическое искусство. Изъ чтенія этой книги вынесетъ читатель, какъ величайшее удовольствіе, такъ и пользу. Къ книгѣ приложены, во-первыхъ, предисловіе, написанное нарочно для г-жи Лаврентьевой самимъ Росси, относящимся къ Россіи съ необыкновенной симпатіей и пророчащимъ ей впереди высокое художественное развитіе; во-вторыхъ, прекрасный фототипическій портретъ артиста и изображеніе его въ роляхъ Отелло, Гамлета, Лира, Шейлока, Донъ - Жуана, Ричарда III *) и Іоанна Грознаго. Издана книга прекрасно и недорого.

Въ виду того, что въ библіографіи *Міра Божьяго* еще вовсе не говорилось о книгахъ, знакомящихъ съ театромъ и драматическимъ искусствомъ, позволяемъ себѣ рекомендовать слѣдующія книги:

1) *Руководство къ чтенію поэтическихъ произведеній* Л. Эккардта съ приложеніемъ *Краткаго учебника теоріи поэзіи В. Острогорскаго* (теорія изложена полнѣе, чѣмъ въ другихъ учебникахъ; въ книгѣ вопросы для анализа драмы, съ разъясненіями). Спб. 1877, изд. 2. Ц. 1 р.

---

*) По непростительному недосмотру издателя, подписано, вм. Ричарда III, Людовикъ XI.

2) *О драмѣ.—Критическое разсужденіе Д. В. Аверкіева съ приложеніемъ статьи Три письма о Пушкинѣ.* Спб. 1893. Ц. 1 р. 50 к. (XIII + 336 + 46).—Самое подробное и обстоятельное на русскомъ языкѣ изслѣдованіе о трагедіи и комедіи съ изложеніемъ и критикой существующихъ теорій.

3) *Статьи Бѣлинскаго* о театрѣ, особенно о Гамлетѣ и Мочаловѣ.

4) *Театральная библіотека Дидро о сценическомъ искусствѣ* пер. Гриднина, ц 75 к. Спб. Изд. книжн. маг. Н. Г. Мартынова. 1883. (*Парадоксъ объ актерѣ*—въ видѣ діалога); много вѣрныхъ и остроумныхъ замѣчаній и мыслей объ игрѣ, о сентиментальной драмѣ и сценической естественности.

5) *Гамбургская драматургія, Лессинга.* Великое классическое сочиненіе, считающееся основой драматическаго искусства.

6) *Необычайное страданіе одного театральнаго директора. Э. Т. А. Гофмана,* пер. М. Карнѣева, подъ ред. артиста М. И. Писарева. Спб. 1894 г. ц. 40 к. (Моя библіотека. Изд. М. М. Ледерле).—Книжкой особенно увлекались въ Москвѣ въ 30-хъ годахъ кружокъ Станкевича и Бѣлинскій. Много свѣтлыхъ и остроумныхъ мыслей о театрѣ, его высокомъ назначеніи и актерахъ.

7) *Актеры и сценическое искусство. Дж. Льюиса, пер. съ англ.* Павлова, подъ ред. Яковлева. Варшава 1876, ц. 1 р.—Сборникъ шестнадцати статей, разбирающихъ игру разныхъ актеровъ, напр. Кина, Макреди, Леметра, Сальвини и др., также о драмѣ въ Парижѣ, Германіи и Испаніи.

Для элементарнаго знакомства съ театромъ можно указать *Хрестоматію А. Филонова ч. III. Драматическая поэзія,* въ которой много образцовъ съ цѣнными критическими примѣчаніями и указаніями.

Прогрессъ науки, его происхожденіе, развитіе, причины и результаты. Соч. Дж. В. Мармери. Пер. съ англійскаго. Съ приложеніемъ библіографическаго указателя русскихъ переводовъ классическихъ и научныхъ трудовъ, а также и другихъ книгъ и статей по различнымъ отраслямъ знанія. Спб. 1896. Изд. О. Н. Поповой. Ц. 1 р. 75 к. Въ предисловіи авторъ выказываетъ не малыя претензіи. Онъ думаетъ, что «исторія науки почти еще никѣмъ не написана», но что она «несомнѣнно заинтересовала бы публику, если бы ее изложить въ соотвѣтственной формѣ, т.-е. сжато, ясно, связно и увлекательно». «Предполагаемое сочиненіе,—продолжаетъ онъ,—именно и ставило себѣ такія цѣли». Онъ оговаривается, что «книга, предлагаемая теперь читателямъ, представляетъ лишь эскизъ, простой очеркъ этого обширнаго предмета, очеркъ, грубо набросанный мѣломъ на классной доскѣ», но, вмѣстѣ съ тѣмъ, успокаиваетъ читателя: «Это лишь руководящая нить въ лабиринтѣ, правда, очень тонкая, но прочная настолько, что можетъ безопасно провести изслѣдователя отъ древнегреческаго періода до нашихъ дней, не позволяя ему сбиться съ дороги». Онъ поясняетъ еще, что въ его книгѣ сообщаются «только такіе факты, которые имѣютъ болѣе или менѣе первостепенное значеніе; они связаны другъ съ другомъ такъ, чтобы непрерывность научнаго развитія

и естественная эволюція науки выступали на первый планъ... Поэтому наше скромное обозрѣніе науки включаетъ происхожденіе, ростъ и результаты, и предназначается какъ для лицъ, изучающихъ науку, такъ и для обыкновенной публики»—(II—IV). Кромѣ того, «значеніе» своей книги авторъ видитъ въ «массѣ свѣдѣній, которыя она сообщаетъ», разсматривая «труды болѣе четырехсотъ представителей науки» (VII).

Эта задача такъ почтенна, что даже посредственное выполненіе ея заслуживало бы величайшей признательности, но самая постановка ея, сдѣланная въ предисловіи, не можетъ не вызывать нѣкотораго недоумѣнія. Что хочетъ сказать авторъ, говоря, что исторія науки никѣмъ еще не написана? Изложить исторію всѣхъ наукъ въ одной книгѣ, дѣйствительно, никто еще не брался, но исторія отдѣльныхъ наукъ, написанная въ извѣстной связи и по опредѣленной программѣ, существуетъ и на французскомъ, и на нѣмецкомъ языкѣ. Таковы, напр., «Исторія наукъ въ Германіи», издававшаяся въ семидесятыхъ годахъ исторической коммиссіей при Мюнхенской академіи наукъ, при участіи такихъ ученыхъ, какъ Блунчли, Пешель, Лотце, Коппъ, Кормаршъ, Целлеръ, Карусъ, Рошеръ, Заксъ и др., и «Собраніе отчетовъ о прогрессѣ наукъ во Франціи», выходившее въ Парижѣ въ шестидесятыхъ годахъ и выполнявшееся такими силами, какъ Катрфажъ, Минье, Эдвардсъ и др. Очерки отдѣльныхъ наукъ, изложенныя въ опредѣленной системѣ извѣстными спеціалистами, существуютъ и на англійскомъ языкѣ, входя въ составъ «Британской энциклопедіи» и т. п. Кромѣ того, основныя идеи современнаго знанія, идеи послѣдовательнаго развитія, единства и превращенія силъ и т. п., создали каждое обширную литературу. Нашъ авторъ, однако, не знаетъ, или не хочетъ знать этихъ работъ, и упоминаетъ (III) какъ объ историкѣ науки, только о г-жѣ Арабеллѣ Беклэй. Мы съ большимъ уваженіемъ относимся къ этой писательницѣ и ея «Краткую исторію естествознанія», на которую намекаетъ авторъ, желали бы видѣть на русскомъ языкѣ предпочтительно передъ его трудомъ, но не можемъ согласиться съ нимъ, чтобы эта книга, предназначенная для юношества, «выдавалась» среди всѣхъ другихъ по исторіи науки.

Начало науки авторъ ищетъ у грековъ. Это—то же, что начинать исторію человѣчества съ египтянъ или изученіе дерева съ нижней части ствола, забывая о корняхъ. Не только греческой наукѣ, заимствованной у египтянъ, но и наукѣ болѣе древнихъ кушитовъ и аккадійцевъ предшествовалъ громадный докультурный періодъ, когда слагались первыя понятія человѣка о собственной жизни и жизни вселенной. Эти понятія далеко не исчезли даже въ нынѣшнее время, и часто съ первобытной силой живутъ рядомъ съ нами въ некультурныхъ и полукультурныхъ слояхъ нашего общества. То, что̀ мы называемъ миѳологіей дикихъ или первобытныхъ народовъ, есть, въ сущности, ихъ наука и философія, которыя и теперь еще кажутся удовлетворительными для простого ума. Выводы науки, воспринимаемые нами, попадаютъ не въ пустое пространство, а встрѣчаются въ нашемъ умѣ

съ истинами, усвоенными раньше, съ готовыми отвѣтами на самые важные вопросы существованія нашего и окружающаго насъ міра; между тѣми и другими возникаетъ борьба, которая далеко не всегда оканчивается въ пользу первыхъ. Уже это обстоятельство не благопріятно широкому распространенію научныхъ идей, и послѣднее затрудняется еще болѣе, когда знанія составляютъ ревниво охраняемую привиллегію небольшой касты или группы. Непрочность науки древнихъ именно и заключалась въ томъ, что она была разлита тонкимъ слоемъ на самой поверхности народной жизни, ни мало не проникая въ ея глубину. Наука тогда только пускаетъ крѣпкіе корни, когда она становится общимъ достояніемъ, а этого не было ни въ древнихъ восточныхъ, ни въ древнихъ европейскихъ государствахъ. Поразительная талантливость и проницательность греческихъ ученыхъ и философовъ не требуетъ подтвержденій, и, съ точки зрѣнія исторіи прогресса, гораздо любопытнѣе явленіе продолжительнаго затменія, наступившаго на долго послѣ яркаго блеска греческой учености. Нашъ авторъ не въ силахъ выяснить это явленіе. Фактъ, что наука, «не смотря на изумительный умъ Аристотеля», не развилась въ античномъ мірѣ, онъ объясняетъ «недостаточнымъ развитіемъ математическихъ знаній, отсутствіемъ приборовъ и стекла и предвзятыми теоріями», какъ будто эти препятствія не устранились бы сами собою при дальнѣйшемъ развитіи теоріи и техники и знанія. Только мимоходомъ онъ упоминаетъ о рабствѣ, какъ о препятствіи къ прогрессу науки, не догадываясь, что оно было, если не единственной, то главной причиной остановки въ развитіи науки древнихъ.

Онъ отмѣчаетъ, какъ извѣстные факты, не входя въ разъясненіе ихъ, такъ-называемые, александрійскій и арабскій періоды разцвѣта науки. При этомъ онъ даетъ лишь сухой перечень открытій ученыхъ грековъ и арабовъ, безъ всякаго истолкованія терминовъ, вродѣ «эпициклы», «эвенція» и мн. др., что́ едва ли удобно для «обыкновенной публики». Изъ его указаній заслугъ арабскихъ ученыхъ выходитъ, что Альхазенъ въ 1100 году сдѣлалъ двадцать открытій, которыми предупредилъ всѣ важнѣйшія открытія прошлаго и нынѣшняго столѣтій, между прочимъ, Ньютона и Дарвина (стр. 35—37), но мы не видимъ, почему эти и другія открытія ученыхъ арабовъ остались безплодными. По его мнѣнію, арабы не только значительно подвинули математику, физику, химію, географію и медицину, и организовали средства распространенія знаній въ видѣ школъ, библіотекъ, лабораторій, обсерваторій и т. п., но и стояли выше европейцевъ своей вѣротерпимостью и признаніемъ господства разума надъ вѣрой. Вѣроятно, желаніе сказать что-нибудь новое заставляетъ автора утверждать, что «исламъ былъ самымъ вѣрнымъ авангардомъ цивилизаціи въ теченіе пяти или шести столѣтій». Очевидно, онъ никогда не слыхалъ о работахъ Ренана и др. знатоковъ Востока, доказывающихъ совершенно противное, и ему не приходитъ въ голову, что не исламъ, всегда бывшій враждебнымъ наукѣ, а прихоть калифовъ вызвала къ жизни арабскую науку, которая сошла со сцены вмѣстѣ съ этими калифами.

Авторъ не понимаетъ сущности прогресса науки и тогда, когда говоритъ о наукѣ средневѣковой. Въ его умѣ плохо примиряются героическая дѣятельность отдѣльныхъ ученыхъ, не прекращавшихъ своихъ работъ, несмотря на всѣ ужасы преслѣдованій того времени, и фактъ средневѣковаго застоя. Поэтому, и эпоха Возрожденія представляется ему «чѣмъ-то положительно чудеснымъ» (49). Такъ и должно казаться, если развитіе научнаго духа видѣть въ исторіи однѣхъ только научныхъ теорій и приборовъ, какъ это дѣлаетъ авторъ. Для подтвержденія нашихъ словъ, сошлемся только на VI главу «Многочисленныя причины научнаго прогресса»; въ ней достаточно выражена вся спутанность понятій автора, который смѣшиваетъ прогрессъ науки съ прогрессомъ техники и научную культуру съ промышленностью.

Не будемъ слѣдить за его дальнѣйшимъ изложеніемъ, заключающимся, главнымъ образомъ, въ «спискѣ великихъ людей» и ихъ открытій. Даже о великихъ людяхъ, которымъ онъ придаетъ такое исключительное значеніе, онъ сообщаетъ лишь отрывочныя свѣдѣнія, похожія на тѣ, какія даются въ краткихъ біографическихъ словаряхъ. При такомъ закомствѣ съ двигателями науки, мы теряемъ возможность судить даже объ ихъ сравнительномъ величіи: они являются передъ нами не въ извѣстной перспективѣ, а на одномъ планѣ, точно выстроенные въ рядъ. А если мы не можемъ сравнивать ихъ и судить о преемственности ихъ идей и работъ, то и свѣдѣнія о нихъ могутъ быть для насъ только безполезнымъ балластомъ.

Книга заканчивается выводомъ, что «наука *была* (курс. авт.), главнымъ образомъ, первымъ двигателемъ всего, что есть высшаго въ цивилизаціи, и она же была первымъ двигателемъ всей ея матеріальной стороны. Со всевозможныхъ точекъ зрѣнія, она была силой, направлявшей прогрессъ, улучшавшей общество, усовершенствовавшей человѣческую жизнь и создавшей современный міръ. Таковы ея результаты» (306). Съ этимъ мы спорить не будемъ, но не думаемъ, чтобы «авторъ успѣлъ, хоть бы лишь въ извѣстной мѣрѣ, сообщить изучающимъ исторію науки достаточно ясное понятіе о происхожденіи и развитіи ея» (тамъ же). Если онъ самъ не понималъ, что исторія науки есть только глава изъ исторіи культуры, и можетъ быть разсматриваема лишь въ связи съ нею, то онъ не только яснаго, но и никакого понятія не могъ сообщить ни о происхожденіи, ни о развитіи науки.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ.

А. Трачевскій. «Русская исторія».—*А. Дмитріевъ-Мамоновъ.* «Декабристы въ Западной Сибири».—*Вл. Михневичъ* «Русская женщина въ XVIII в.»

Русская исторія профессора А. Трачевскаго. Второе, исправленное и расширенное изданіе съ указателями именъ, годовъ и предметовъ, съ 96 рисунками, 6 планами и 3 раскрашенными картинами. Спб. 1885 г. Изданіе К. Л. Риккера. Часть I. Стр. VIII+587+3.—

Часть II. Стр. III+637+3. Цѣна за двѣ части 8 руб. «Русская исторія» проф. А. С. Трачевскаго, въ объемѣ 78 печатныхъ листовъ, составляетъ одинъ только отдѣлъ въ серіи предпринятыхъ имъ историческихъ учебниковъ (четыре тома посвящены всеобщей исторіи. I «Древняя Исторія». Спб. 1889; II «Средняя Исторія»; III и IV «Новая Исторія») и предназначается «для взрослой молодежи, для учителей и для самообразованія». Положивъ въ основу своей работы «культурную точку зрѣнія», авторъ имѣлъ въ виду «дать сочиненіе, которое представило бы, въ общедоступной формѣ, обработанный сводъ современныхъ знаній о прошломъ его отечества, которыхъ ищетъ теперь каждый образованный русскій». Формулируя такъ свою основную цѣль, авторъ справедливо замѣчаетъ нѣкоторое движеніе въ нашемъ обществѣ въ пользу осмысленнаго знакомства съ отечественной исторіей, до послѣднихъ дней изучавшейся у насъ на зыбкой почвѣ грубыхъ предразсудковъ и фальшивыхъ увлеченій, прикрашенныхъ узко націоналистическими словечками. «У насъ,—говоритъ проф. А. С. Трачевскій,—замѣчается возрожденіе интереса къ положительному, историческому знанію вообще и къ болѣе осмысленному ознакомленію съ судьбами родной страны въ частности: понятно всеобщее желаніе выйти изъ смуты противорѣчивыхъ воззрѣній, наставшей съ ослабленіемъ такихъ отчетливыхъ направленій, какъ западничество и славянофильство. Въ то же время задачи отечественной исторической науки становятся все шире и сложнѣе, перерастая даже развитіе ея средствъ: въ ней, кажется, нѣтъ ни одного основного вопроса, который былъ бы рѣшенъ окончательно. Это замѣтно даже съ внѣшней, прагматической стороны, которую естественно наиболѣе разрабатывали до сихъ поръ, и настала очередь углубиться въ *бытовое* развитіе нашего народа, перейти къ *соціологическому* объясненію нашего прошлаго». Въ своей книгѣ авторъ не могъ, конечно, осуществить во всей широтѣ подчеркнутый сейчасъ взглядъ и сдѣлалъ это лишь въ предѣлахъ доступныхъ ему литературныхъ источниковъ. Но и этого достаточно, чтобы поставить ему въ заслугу отступленіе отъ традиціоннаго изложенія хода русской исторіи, который представленъ имъ своеобразно и порой со смѣлостью, не особенно оправдываемою подлинными текстами источниковъ. Послѣдній упрекъ относится, главнымъ образомъ, къ тѣмъ частямъ труда, гдѣ авторъ, по характеру прошлыхъ своихъ занятій, не могъ быть самостоятельнымъ и поневолѣ обрисовывалъ недочеты изученной имъ литературы, т.-е. въ вопросахъ по древней русской исторіи. Онъ самъ же замѣтилъ, что задачи современной русской исторической науки переросли развитіе ея средствъ; справедливость этого замѣчанія онъ испыталъ на своемъ трудѣ: много приходилось либо оставлять совсѣмъ въ сторонѣ, либо освѣщать болѣе или менѣе гипотетически—и все это только потому, что наши требованія далеко ушли впередъ сравнительно со средствами, имѣющимися въ нашемъ распоряженіи. Спеціалистамъ, конечно, многое можно было бы оспаривать въ учебникѣ проф. Трачевскаго, и послѣдній едва ли отказалъ бы въ справедливости ихъ замѣчаніямъ по отдѣльнымъ вопросамъ, когда самъ же идетъ имъ навстрѣчу

въ предисловіи: «Знатокамъ дѣла, говоритъ проф. Трачевскій, извѣстны трудности, сопряженныя съ исполненіемъ указанной задачи; *признательный* имъ за *строгую* критику перваго изданія «Русской Исторіи», авторъ ожидаетъ и теперь товарищеской поддержки съ ихъ стороны; они поймутъ, что порой ему приходилось поневолѣ, даже въ важныхъ вопросахъ, брать на себя тяжелую отвѣтственность держаться самостоятельнаго взгляда». Пишущій настоящій отчетъ могъ бы сказать, напр., по поводу изложенія «сумеречныхъ зачатковъ» русской исторіи въ изложеніи нашего автора, отлично сознававшаго роль археологическихъ данныхъ для изученія древнѣйшей русской исторіи. Читатель находитъ въ книгѣ проф. Трачевскаго кое-что по этой части (здѣсь имѣется въ виду подземная археологія), но при вдумчивомъ чтеніи безъ труда замѣтитъ, что имѣющагося далеко недостаточно для сознательнаго усвоенія вопроса объ этнографическомъ составѣ и бытѣ древнѣйшихъ насельниковъ восточно-европейской равнины. За это можно съ ожесточеніемъ напасть на профессора Трачевскаго, но надо припомнить тутъ же, что этимъ недостаткомъ страдаетъ даже единственное у насъ популярно научное пособіе, составленное спеціалистами—«Русскія Древности», изд. Н. П. Кондаковымъ и И. И. Толстымъ (остановилось на четвертомъ выпускѣ).

Итакъ, нельзя не признать нѣкоторыхъ научныхъ недочетовъ въ книгѣ проф. Трачевскаго. Для читающей публики, тѣмъ не менѣе, разбираемая «Русская исторія» все-таки составитъ превосходную книгу для ознакомленія съ фактической стороной отечественной исторіи; особенно цѣнной для нея явится вторая часть учебника проф. Трачевскаго, которая могла бы быть болѣе обширной, какъ первая должна бы быть болѣе сжатой.

Любопытенъ планъ книги проф. Трачевскаго; все изложеніе двухъ частей дѣлится на семь крупныхъ отдѣловъ: I. «Первобытные славяне и ихъ сосѣди»; II. «Начало государства и христіанства у славянъ»; III. «Удѣльныя усобицы»; IV. «Татары и Москва»; V. «Самодержавіе и смута»; VI. «Преобразованія и Западъ» и VII. «Девятнадцатый вѣкъ». Этому дѣленію едва ли можно отказать въ остроуміи и удобствѣ для популярнаго изложенія русской исторіи, не преслѣдующаго какихъ-либо спеціальныхъ задачъ. Авторъ излагаетъ предметъ живо, вполнѣ доступно даже для очень невысокаго уровня, и обставляетъ свое изложеніе съ возможной наглядностью: рисунки, карты, планы, указатели и пр. облегчаютъ ознакомленіе съ его книгой, которая на первый взглядъ можетъ отпугивать читающую публику своими крупными размѣрами, на самомъ же дѣлѣ читается отъ начала до конца съ неослабѣвающимъ интересомъ. Даже внѣшность самого изданія не оставляетъ желать ничего лучшаго при тѣхъ условіяхъ, которыми былъ обставленъ авторъ.

Декабристы въ Западной Сибири. Очеркъ по оффиціальнымъ документамъ. Составилъ А. И. Дмитріевъ-Мамоновъ. М. 1896. 8-vo. Стр. 210. Ц. 1 руб. 25 коп. Наша научная литература о такомъ важномъ историческомъ явленіи русской жизни, какъ движеніе декабристовъ, болѣе чѣмъ ничтожна. Въ виду этого обстоятельства, въ

концѣ минувшаго царствованія, академику Н. Ѳ. Дубровину разрѣшено было снять печати съ подлиннаго дѣла декабристовъ и предать его научной обработкѣ; въ очень непродолжительномъ, быть можетъ, времени г. Дубровинъ начнетъ знакомить русскую читающую публику съ своимъ любопытнымъ трудомъ. Очеркъ, заголовокъ котораго выписанъ выше, составленъ также оффиціальнымъ лицомъ и по оффиціальнымъ документамъ, написанъ весьма толково, тепло и довольно живо; цѣнность его для науки и читающей публики внѣ всякаго сомнѣнія. Къ сожалѣнію, за изданіе его взялось московское Общество исторіи и древностей, которое въ данный моментъ переживаетъ крайнюю степень упадка. Достаточно сказать, что общая редакція «Чтеній» поручена въ этомъ Обществѣ одному изъ редакторовъ уличнаго листка, издающагося въ Москвѣ Пастуховымъ. Не говоря о научной некомпетентности уличной редакціи, приходится считаться даже съ простой корректурной тщательностью изданій Общества. Въ «Очеркѣ» г. Дмитріева-Мамонова такъ много опечатокъ, что можно предположить случайный выпускъ его въ свѣтъ до послѣдней корректуры. На стр. 29 нѣсколько разъ напечатано «верховой уголовный судъ» вмѣсто «верховный уголовный судъ», на стр. 37 вмѣсто Пелымь встрѣчается Польша, на стр. 203 большая ошибка въ цифрахъ,—съ путаницей въ именахъ и городахъ соперничаютъ простыя опечатки, пестрящія все изданіе и особенно обильно украшающія страницы 4, 10, 13, 37, 73, 91—93, 102 и друг. На стр. 34 авторъ пишетъ: «многія могилы, частью съ сохранившимися, частью съ разрушающимися уже отъ времени памятниками *еще нынѣ* существуютъ,—нѣкоторыя же хотя и утрачены, но память объ усопшихъ *еще и нынѣ* жива: такъ высоконравственна и благодѣтельна была дѣятельность въ Сибири большинства декабристовъ на пользу мѣстнаго населенія» (срв. еще стр. 105). Къ какому времени относится это *нынѣ* читатель не знаетъ, ибо Общество не могло даже къ столь важному труду г. Дмитріева-Мамонова присоединить хоть какое-нибудь объяснительное предисловіе. Хорошо же, надо думать, издаетъ Общество тексты документовъ. Какъ бы то ни было, но «Очеркъ» г. Дмитріева Мамонова представляетъ очень важное явленіе по предмету новѣйшей русской исторіи, и если Общество исторіи и древностей своимъ неряшествомъ постаралось нѣсколько испортить его научную цѣнность, то его интересъ для читающей публики остается на той же высотѣ.

Весь трудъ А. И. Дмитріева-Мамонова состоитъ изъ 39 главъ и двухъ дополненій (о графѣ П. Мошинскомъ и подполковникѣ Кржижановскомъ). Первая глава посвящена общей характеристикѣ положенія и быта декабристовъ въ Западной Сибири. Перечисливъ въ заключеніе главы 39 лицъ, изъ которыхъ каждому въ дальнѣйшемъ изложеніи посвящено по цѣлой главѣ, исключая XXXII-й, гдѣ изложена судьба двоихъ, Николая и Павла Сергѣевичей Бобрищевыхъ - Пушкиныхъ (стр. 170—174), авторъ пишетъ: «Неблагопріятныя, суровыя климатическія условія большинства мѣстностей, избранныхъ для поселенія, тяжелая нужда при едва обез-

печенномъ дневномъ пропитаніи, какую претерпѣвали нѣкоторые изъ поселенцевъ, а затѣмъ утраченная надежда на лучшее будущее и сожалѣніе о навсегда потерянной связи съ своею прошлою жизнью, порождавшія, какъ физическія, такъ и душевныя страданія, свели многихъ, изъ числа осужденныхъ верховнымъ уголовнымъ судомъ, въ могилу въ Сибири» (стр. 34). Не касаясь мѣръ поразительной жестокости, предпринятыхъ, по словамъ А. И. Дмитріева-Мамонова, по отношенію къ декабристамъ въ Сибири, отмѣтимъ весьма характерное запрещеніе снятія съ нихъ портретовъ, послѣдовавшее въ 1845 г., т.-е. двадцать лѣтъ спустя послѣ извѣстныхъ декабрьскихъ событій въ С.-Петербургѣ. 18 декабря 1845 г. графъ Орловъ увѣдомилъ (стр. 23) генералъ-губернатора Западной Сибири князя П. Д. Горчакова, что отставной инженеръ-поручикъ Давиньонъ въ проѣздъ свой черезъ Томскъ снималъ портреты съ декабристовъ и что нѣкоторые изъ послѣднихъ завели собственные дагерротипы и сами другъ съ друга снимаютъ портреты, предполагая отправить ихъ своимъ роднымъ. Снимать портреты было запрещено безусловно, даже тѣмъ, которые уже состояли на государственной службѣ. На основаніи этой бумаги произведены были поголовные обыски, но они не обнаружили ни портретовъ, ни принадлежностей дагерротипа. Несомнѣннымъ оказалось только то, что за декабристами слѣдили не одни лишь чины западно-сибирской администраціи, но и лица, имъ совершенно чуждыя, проще говоря—обыватели-добровольцы.

Въ 1835 г. предпринята была мѣра надѣленія декабристовъ 15-ти-десятинными земельными участками. Авторъ (стр. 20) доказываетъ, что въ дѣйствительности надѣленіе пахатною землей «нисколько не послужило къ облегченію участи наиболѣе нуждающихся». Дѣло въ томъ, что участки были слишкомъ отдалены отъ мѣстъ населенія декабристовъ, которымъ отлучки, какія бы то ни было, запрещались, а если и разрѣшались, то при такихъ условіяхъ, которыя не давали рѣшительно никакой возможности заняться хозяйствомъ. Декабристы и положили всѣ свои усилія на дѣла благотворительности и народнаго образованія въ Сибири. «Ялуторовская колонія декабристовъ,—говоритъ авторъ (стр. 105),—жила тѣсною, дружною семьей, домъ Муравьевыхъ - Апостоловъ служилъ мѣстомъ объединенія членовъ этой семьи. Посвящая свое знаніе и средства на пользу гражданскаго развитія населенія и на пользу общественной благотворительности, эта колонія оставила въ средѣ не только ялотуровскаго городского населенія, но и среди населенія всей Западной Сибири вообще самыя лучшія, благодарныя о ней воспоминанія, еще и нынѣ сохраняющіяся, по прошествіи болѣе 35 лѣтъ со времени выбытія декабристовъ изъ предѣловъ Западной Сибири». Авторъ подбираетъ затѣмъ рядъ примѣровъ безкорыстнаго служенія декабристовъ сибирскому обществу (см. стр. 139, 143, 172, 191) или ихъ популярности среди послѣдняго (стр. 197, 87, 156, 159): «граждане и чиновники,—говоритъ онъ,—не переставали искать знакомства съ декабристами, сознавая ихъ высшее по сравненію съ ними развитіе и благородство воспитанія». Тѣмъ не менѣе, однако, декабристамъ часто приходилось

плохо: не разъ фальшивые доносы смущали ихъ жизнь, отравляя послѣдніе остатки вынужденнаго спокойствія. Приходилось плохо и женамъ (срв. статью В. И. Шенрока *Одна изъ женъ декабристовъ*) декабристовъ, которыя, появившись въ Сибири добровольно, трактовались, какъ преступницы; по смерти мужей, онѣ не могли даже вернуться въ Россію, хотя въ Сибирь никогда и никто ихъ не ссылалъ, равно какъ никогда и никакой судъ ихъ не судилъ. Такъ, авторъ указываетъ на несчастную судьбу Ентальцевой, которой по смерти мужа ея (25 января 1845 г.) не позволили вернуться въ Россію, не смотря ни на какія ея просьбы, такъ что она прожила въ Сибири до извѣстнаго манифеста 26 августа 1856 г. (стр. 74, 75 и особенно 195). Для большей характеристики всѣхъ фактовъ, изложенныхъ въ «Очеркѣ», г. Дмитріевъ-Мамоновъ на стр. 153 приводитъ заключительныя слова письма барона Вл. Ив. Штейнгеля, къ графу Орлову (въ 1846 г.); слова эти весьма замѣчательны. Послѣдняя глава «Очерка» (со стр. 198) излагаетъ судьбу Г. С. Батенкова, уроженца города Томска, участника въ военныхъ дѣйствіяхъ 1812—1815 гг. Съ 1816 г. по 1820 г. онъ состоялъ на службѣ въ Западной Сибири въ званіи управляющаго X-мъ округомъ путей сообщенія; въ 1818 г. вмѣстѣ съ генераломъ фонъ-Трейблютъ онъ основалъ въ Томскѣ масонскую ложу «Восточное Свѣтило». Въ генералъ - губернаторство графа М. М. Сперанскаго Батенковъ сдѣлался ближайшимъ его сотрудникомъ: оба ревностно принялись за насажденіе въ глухомъ краѣ ланкастерскихъ школъ (стр. 200—201): эта попытка заведенія въ Сибири училищъ, по методѣ взаимнаго обученія, весьма замѣчательна; замѣчательность самой попытки соперничаетъ съ своеобразностью судьбы обоихъ дѣятелей. Въ 1821 г. Батенковъ былъ вмѣстѣ со Сперанскимъ уже въ Петербургѣ, а въ 1825 г. въ Грузинѣ его встрѣтилъ за обѣдомъ Шервудъ, который въ своей автобіографической запискѣ аттестовалъ такъ: это—«человѣкъ замѣчательнаго ума, одинъ изъ самыхъ ревностныхъ» декабристовъ (стр. 80 записки). Такая аттестація Шервуда вмѣстѣ съ фактомъ рожденія Батенкова въ Сибири создали послѣднему то, что онъ *не* былъ посланъ въ Сибирь на 15-лѣтнюю каторгу, какъ приговорилъ верховный уголовный судъ, а былъ выдержанъ двадцать лѣтъ въ крѣпостяхъ въ фортѣ Свартгольмѣ (стр. 199) на Аландскихъ островахъ и затѣмъ въ Петропавловской крѣпости въ одиночномъ заключеніи; только въ 1846 г. его отправили въ Томскъ въ «состояніи одичалости и растерянности» (стр. 202), какъ выражается А. И. Дмитріевъ-Мамоновъ.

Отсылая читателей къ самой книгѣ А. И. Дмитріева-Мамонова, составленной исключительно на основаніи оффиціальныхъ документовъ, не будемъ далѣе останавливаться на ея содержаніи, потому что въ болѣе или менѣе непродолжительномъ времени должно появиться въ свѣтъ упомянутое выше изслѣдованіе генерала Дубровина, до появленія котораго всякія новыя заключенія будутъ преждевременными и едва ли особенно полезными въ интересахъ научной истины. Декабристы и ихъ процессъ давнымъ-давно отошли въ область далекаго и смутнаго прошедшаго; уже при Импе-

раторѣ Николаѣ I изданъ былъ для публики извѣстный трудъ барона М. А. Корфа; съ тѣхъ поръ появилось не мало воспоминаній и замѣтокъ о декабристахъ, разсѣянныхъ въ разныхъ журналахъ, а частью вышедшихъ отдѣльными изданіями. Читающей публикѣ, конечно, нѣтъ возможности слѣдить за всѣми ними, она нуждается въ общихъ сочиненіяхъ и на первое время въ такихъ, которыя составлены исключительно на основаніи оффиціальныхъ данныхъ, какъ разобранная сейчасъ книга г. Дмитріева-Мамонова или имѣющій появиться трудъ академика Н. Дубровина. Во всякомъ случаѣ, тѣмъ изъ читателей, которые имѣютъ въ виду болѣе или менѣе сознательно познакомиться съ вопросомъ объ общественныхъ настроеніяхъ въ Россіи XIX вѣка, придется ознакомиться съ трудами *А. Н. Пыпина* «Общественное движеніе при Александрѣ Первомъ» (Спб. 1885. Изд. 2-е) и «Характеристики литературныхъ мнѣній отъ 20 до 50 годовъ» (Спб. 1890. Изд. 2), равно какъ съ книгой А. М. Скабичевскаго *Очерки исторіи русской цензуры* (Спб. 1892) и его же серіей статей въ *Отечественныхъ Запискахъ* за 1870—1872 годы по исторіи развитія прогрессивныхъ идей въ нашемъ обществѣ. Прекрасная общая схема для изученія вопроса о русскихъ общественныхъ настроеніяхъ напечатана на стр. 40—45 «Отчета Общества взаимнаго вспомоществованія учителямъ и учительницамъ Нижегородской губерніи» (Нижній-Новгородъ. 1895); къ сожалѣнію, послѣднее изданіе, выпущенное въ свѣтъ въ самомъ концѣ 1895 г., въ настоящее время все разошлось и пользоваться имъ возможно лишь при посредствѣ библіотекъ; нужно при этомъ замѣтить, что самое появленіе въ свѣтъ этого «отчета» есть уже фактъ, имѣющій большое общественное значеніе.

Русская женщина XVIII столѣтія. Историческіе этюды Вл. Михневича. Кіевъ. 1896. in-16. Стр. 402+2 нен. Ц. 1 руб. 25 коп. Къ книжкѣ г. Михневича можно было бы отнестись снисходительно, еслибъ авторъ не выражалъ слишкомъ большихъ претензій. Во-первыхъ, совершенно зря, онъ титулуетъ свою работу историческимъ «изслѣдованіемъ» (стр. 7, 32), тогда какъ это просто предназначенная для очень средней публики компиляція; во-вторыхъ, напрасно на нѣсколькихъ скучныхъ и никому не интересныхъ страницахъ разводитъ полемику съ какими-то историками-апологистами, декораторами и панегиристами петербургскаго преобразовательнаго періода; въ-третьихъ, напрасно, вмѣсто живыхъ біографическихъ очерковъ избранныхъ русскихъ женщинъ XVIII столѣтія по доступнымъ ему литературнымъ пособіямъ пытается изобразить общій типъ русской женщины прошлаго вѣка, игнорируя возможно болѣе отрицательныя стороны и, наоборотъ, подчеркивая положительныя. Весьма естественно, что этотъ фальшивый методъ привелъ къ очень блѣдному отрывочному изложенію прочитанныхъ авторомъ пособій подъ рубриками: «на порогѣ изъ терема», «дѣтство», «отрочество», «дѣвичество», «любовь и сватовство», «артистка», «благотворительница», «субретка». Книжка, такимъ образомъ, не даетъ ни общаго типа русской женщины XVIII столѣтія, ни связной біографіи хотя бы одной русской жен-

щины того времени. Еслибъ авторъ не увлекался такой обширной задачей, изъ его книжки вышло бы нѣчто не ученое, но дѣльное и интересное для средняго читателя. Не смотря на крайне живую тему, на множество любопытныхъ подробностей, надъ книжкой царитъ какая-то тягота и скука, именно вслѣдствіе глубокой пропасти между поставленной цѣлью и средствами, какія имѣлись въ распоряженіи автора.

ЛОГИКА.

Минто. «Дедуктивная и индуктивная логика».—*Лаландъ.* «Этюды по философіи наукъ».—*Фирсовъ.* «Опытъ элементарной алгебры».

Минто. Дедуктивная и индуктивная логика. М. 1896. (Изданіе библіотеки для самообразованія). Знаменитый англійскій философъ Д. С. Милль называлъ логику «наукой наукъ», разумѣется не въ томъ смыслѣ, что изучившій ее можетъ создать науку, сдѣлать какія-либо открытія. Никакая логика не въ состояніи руководить кого бы то ни было по пути къ открытіямъ. Изобрѣтеніе не можетъ быть подведено подъ правило; нѣтъ науки, которая могла бы навести человѣка на мысль о томъ, что пригодно для его цѣли. Но когда онъ что-нибудь изобрѣлъ, то наука можетъ сказать, соотвѣтствуетъ ли его мысль цѣли или нѣтъ? Изслѣдователь долженъ руководиться своимъ знаніемъ и своею мудростью въ выборѣ данныхъ, изъ которыхъ онъ хочетъ построить свое доказательство. Но состоятельность аргумента уже построеннаго зависитъ отъ принциповъ и должна быть доказана. Разсмотрѣніе тѣхъ условій, при которыхъ возможна состоятельность аргумента, и есть задача логики. Задача логики можетъ быть объяснена еще и инымъ образомъ. Мы обладаемъ познаніями истинъ двухъ родовъ. Есть истины, познаваемыя непосредственно и истины познаваемыя при посредствѣ другихъ истинъ. Посредственное знаніе есть, строго говоря, умозаключеніе. Когда мы познаемъ одну вещь посредствомъ другой, то мы можемъ надѣлать много ошибокъ; мы нуждаемся въ извѣстныхъ правилахъ, предостерегающихъ отъ такихъ ошибокъ; эти правила составляютъ содержаніе логики. Логика указываетъ, какія должны существовать отношенія между данными истинами и заключеніями изъ нихъ, она знакомитъ насъ съ признаками и отличіями, по которымъ мы можемъ различать доказанныя вещи отъ недоказанныхъ. Однимъ словомъ, логика есть наука доказательства, не потому, чтобы она показывала, какъ нужно находить доказательства, но потому, что она указываетъ именно на то, что дѣлаетъ эти доказательства собственно доказательствами. Если логика имѣетъ своею цѣлью научить не открытію истинъ, а научить доказательству уже открытыхъ истинъ, то мы поймемъ утвержденіе Милля, что польза логики, главнымъ образомъ, отрицательная; дѣло ея состоитъ не столько въ томъ, чтобы научать насъ идти вѣрно, сколько удерживать насъ отъ того, чтобы идти невѣрно, и въ этомъ заклю-

чается громадное практическое значеніе логики. Она одинаково необходима для представителей всѣхъ наукъ: для историка и юриста изслѣдованіе началъ очевидность; для натуралиста изслѣдованіе различныхъ методовъ представляютъ огромную важность. Наконецъ, въ рѣшеніи высшихъ вопросовъ міропониманія, или философіи, логика можетъ оказать очень важныя услуги. Нѣкоторые ученые утверждаютъ, что философскія истины, какъ не подлежащія провѣркѣ, не могутъ достигнуть характера очевидности. Логика можетъ дать намъ отвѣтъ на вопросъ, имѣютъ ли построенія философіи признакъ научности, или нѣтъ? Въ этомъ случаѣ логика становится *теоріей познанія.*

Логика Минто разсматриваетъ по преимуществу *практическую часть логики*, именно ту часть, которая даетъ намъ возможность уберечься отъ всевозможныхъ ошибокъ, въ которыя умъ человѣческій склоненъ впадать въ силу самыхъ различныхъ причинъ. Впрочемъ, отсутствіе изложенія вопросовъ *теоріи познанія* нужно признать вполнѣ цѣлесообразнымъ для элементарнаго учебника. Особенность изложенія Минто заключается въ томъ, что онъ старается *исторически* прослѣдить начало той или другой теоріи, и въ самомъ дѣлѣ такой способъ нужно считать очень практичнымъ въ дидактическомъ отношеніи. Не слѣдуетъ думать, что разбираемое сочиненіе есть просто компилятивный трудъ подобно большинству учебниковъ; въ дѣйствительности это сочиненіе вполнѣ оригинальное и въ частностяхъ содержитъ удачную полемику противъ общепринятыхъ положеній. Онъ отвергаетъ обычный взглядъ на роль Бэкона въ реформѣ логики. Бэконъ, по его мнѣнію, на практикѣ не подвинулся ни на іоту впередъ въ сравненіи съ Аристотелемъ. Онъ отвергаетъ мысль Милля, по которой индукціей нельзя называть просто суммированіе частностей. Онъ упрекаетъ Милля въ томъ, что тотъ, пытаясь соединить дедукцію съ индукціей, слишкомъ тѣсно соединилъ ихъ. Минто одинаково подробно излагаетъ какъ индукцію, такъ и дедукцію. Всѣ отдѣлы логики у него разработаны вполнѣ равномѣрно и, слѣдуетъ прибавить, очень искусно. Къ числу достоинствъ книги нужно отнести также и то, что переводчики вполнѣ добросовѣстно отнеслись къ своему труду: переводъ сдѣланъ весьма тщательно. Приложеніе многочисленныхъ примѣровъ является новинкой въ нашей литературѣ, и если читатель, серьезно стремящійся къ самообразованію, пожелаетъ какъ слѣдуетъ воспользоваться указаннымъ сочиненіемъ, то онъ пріобрѣтетъ вполнѣ основательныя познанія, при помощи которыхъ можетъ перейти къ изученію болѣе спеціальныхъ произведеній по логикѣ.

Лаландъ. Этюды по философіи наукъ. Спб. 1896. Подъ философіей наукъ можно понимать или основныя положенія той или другой науки, или указаніе методовъ, которыми пользуется та или другая наука. Такъ какъ различныя науки пользуются различными методами, то и сравненіе этихъ методовъ представляетъ большой научный интересъ. Въ капитальныхъ сочиненіяхъ, появившихся въ послѣднее время и носящихъ названіе «логики наукъ» (напр., соч. Вундта по логикѣ), принято именно разсмотрѣніе почти

исключительно методологіи. Въ разбираемой нами книгѣ эти двѣ задачи переплетаются.

Что касается важности философіи наукъ, то нельзя не согласиться со взглядомъ автора, что все болѣе и болѣе возрастающая спеціализація наукъ производитъ то, что люди науки и вообще образованные люди не могутъ схватить связи одной науки съ другими. «Благодаря постоянной спеціализаціи науки произошло то, что между учеными остается уже очень мало людей, охватывающихъ мыслью совокупность всего содержанія даже одной какой-нибудь науки, которая, однакоже, сама является частью великаго цѣлаго. Большинство же всецѣло ограничивается отдѣльнымъ изученіемъ какого-нибудь одного, болѣе или менѣе обширнаго отдѣла, нѣкоторой одной опредѣленной науки, ни мало не заботясь о связи своихъ частныхъ изслѣдованій съ общей системой знаній». Этого можно избѣжать именно при помощи философіи наукъ. Для этой цѣли нужно, чтобы особый классъ ученыхъ посвятилъ себя исключительно опредѣленію духа каждой науки, раскрытію взаимныхъ отношеній наукъ и ихъ связи, приведенію принадлежащаго каждой изъ нихъ основныхъ началъ къ наименьшему числу принциповъ. Это, по мнѣнію автора, приведетъ къ наиболѣе правильной организаціи науки. Такимъ образомъ, раздѣленіе труда въ наукахъ, оказавшееся весьма полезнымъ для развитія отдѣльныхъ наукъ, должно быть проведено и дальше, именно должна существовать наука, имѣющая цѣлью объединеніе всѣхъ наукъ.

Книга Лаланда представляетъ собственно хрестоматію, т.-е. сборникъ отдѣльныхъ большихъ отрывковъ изъ сочиненій выдающихся мыслителей (Огюста Конта, Г. Спенсера, Джона Стюарта Милля, Бэкона, Гершелля, Паскаля, Клодъ Бéрнара и др.), но слѣдуетъ прибавить, что эти отрывки очень искусно связаны другъ съ другомъ. Содержаніе книги очень разнообразно; кромѣ метода отдѣльныхъ наукъ, разсматриваются и общіе вопросы по логикѣ: понятіе науки, абстракція и обобщеніе, анализъ и синтезъ, классификація наукъ.

Что касается значенія книги для самообразованія, то она въ этомъ отношеніи заслуживаетъ полнѣйшаго вниманія. Она можетъ быть полезной для всякаго образованнаго человѣка, такъ какъ ознакомленіе съ методологіей наукъ по подлиннымъ сочиненіямъ далеко не для всѣхъ можетъ быть доступно. Единственный упрекъ, который можетъ быть сдѣланъ автору, заключается въ томъ, что онъ совсѣмъ игнорируетъ взгляды нѣмецкихъ мыслителей. Такъ, напр., въ вопросѣ о методѣ математическихъ наукъ важно было бы познакомить читателя со взглядами Кантовской школы. Въ методологіи историческихъ наукъ также отсутствуютъ указанія на взгляды нѣмецкихъ писателей. Переводъ книги вполнѣ удовлетворительный и мѣстами снабженъ дѣльными замѣчаніями.

Фирсовъ. Опытъ элементарной алгебры въ связи съ логикой. Руководство къ самообразованію Спб. 1895. Между алгеброй и логикой есть много общаго: въ недавнее время возникла логика, которая называется математической: въ ней слова замѣнены буквами, надъ которыми и производятся обыкновенныя логическія

операціи. Если читатель подумаетъ, что и въ разбираемой книгѣ рѣчь идетъ о чемъ-нибудь подобномъ, то онъ ошибается. Задача автора совсѣмъ иная. По его мнѣнію (стр. 15), «читатель, чтобы быть истинно образованнымъ человѣкомъ, долженъ, хотя бы и въ самыхъ общихъ чертахъ, изучить весь курсъ «положительной философіи». При этомъ онъ полагаетъ, что свое научное самообразованіе слѣдуетъ начинать съ самой простѣйшей науки—математики. Авторъ находитъ, что и логика наука очень полезная и что изученіе ея только тогда можетъ принести пользу, когда она изучается практически, т.-е. когда можно видѣть приложеніе ея правилъ. Поэтому, авторъ «предлагаетъ читателю опытъ приложенія общаго метода научныхъ изслѣдованій въ самой простѣйшей области ихъ и притомъ въ самой элементарной формѣ, именно въ приложеніи къ элементарной алгебрѣ» (стр. 24). (Авторъ, очевидно, забываетъ, что между методомъ математики и методомъ другихъ наукъ есть коренное различіе, такъ что ознакомиться съ методомъ математики вовсе не значитъ ознакомиться съ методомъ другихъ наукъ). Въ дальнѣйшемъ изложеніи у автора логика остается сама по себѣ, а алгебра сама по себѣ. Алгебра излагается (стр. 74 — 233) такъ, какъ она излагается въ обыкновенныхъ элементарныхъ учебникахъ и только въ четырехъ мѣстахъ (стр. 111, 132, 195, 216) указывается, какой логическій методъ можно усмотрѣть въ томъ или другомъ случаѣ.

Въ книгѣ г. Фирсова встрѣчаются промахи, совсѣмъ нежелательные въ книгѣ, предназначаемой для самообразованія. Логика автора—это краткое изложеніе логики Милля и Джевонса, существующихъ и на русскомъ языкѣ (изъ нихъ элементарный учебникъ логики Джевонса очень доступно изложенъ). У автора встрѣчаются выраженія неудачныя въ философскомъ отношеніи. Напр., на стр. 16 говорится: «все, о чемъ только мы можемъ мыслить, мы мыслимъ въ пространствѣ». Не думаетъ ли авторъ, что мысли, чувства тоже мыслятся нами въ пространствѣ? Тамъ же «Еврейскій (?) философъ (вм. философъ-еврей) Борухъ Спиноза построилъ свою систему философіи на слѣдующемъ положеніи: мысль есть невидимее пространство, а пространство есть видимая мысль» (Откуда авторъ почерпнулъ эти свѣдѣнія?). Стр. 75: «Обыкновенное опредѣленіе величины ничего не говоритъ о происхожденіи и природѣ величины, какъ *вещи*, о чемъ обыкновенно трактуется въ метафизикѣ». Интересно знать, въ какой метафизикѣ трактуется о величинѣ, какъ вещи? За метафизикой числится весьма много грѣховъ, но отъ этого грѣха она свободна. Стр. 76: «Такъ называемая чистая математика разсматриваетъ количество, какъ необходимый *аттрибутъ всѣхъ вещей*». Положеніе весьма спорное! Вообще, о книгѣ г. Фирсова нужно сказать, что въ ней слишкомъ мало алгебры для того, кто логику знаетъ, и слишкомъ много логики для того, кто элементарной алгебры не знаетъ. Рекомендовать ее для самообразованія мы отнюдь не можемъ.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

П. Жиро. «Общества у животныхъ». — *К. Фламмаріонъ.* «Многочисленность обитаемыхъ міровъ».—*П. Шперъ.* «Монографія медоносной пчелы».—*Ремсенъ.* «Введеніе къ изученію органической химіи».

Жиро, П., профессоръ. Общества у животныхъ. Перевелъ В. В. Склифасовскій. М. 1896 г. Цѣна 1 р. («Современная научная библіотека»). Жиро, описывая различные виды обществъ у животныхъ и выясняя причины происхожденія такого явленія, разбиваетъ укоренившійся предразсудокъ, въ силу котораго одинъ лишь человѣкъ считается способнымъ къ общежитію и именуется «животнымъ общественнымъ». Простѣйшій и низшій видъ обществъ у животныхъ составляютъ, такъ-называемыя, ассоціаціи индифферентныя, въ которыхъ животныя преслѣдуютъ одну какую-нибудь цѣль, причемъ ни во время совмѣстнаго преслѣдованія этой цѣли, ни по достиженіи ея, животныя нисколько не заботятся о судьбѣ своихъ сосѣдей. Такъ, рыбы въ періодъ метанія икры охотно составляютъ стаи; многія изъ птицъ образуютъ подобныя сообщества съ цѣлью размноженія или переселенія изъ одной мѣстности въ другую (перелетныя птицы); крысы, лемминги и т. п. предпринимаютъ отдаленныя путешествія для подыскиванія пищи и болѣе благопріятныхъ климатическихъ условій, причемъ точно также соединяются въ огромныя стада. Во всѣхъ подобныхъ соединеніяхъ животныхъ въ общества нѣтъ и доли альтруистической подкладки, животныя не думаютъ о своихъ падающихъ и погибающихъ отъ руки непріятелей товарищахъ; «инстинктъ имъ подсказываетъ, что спасеніемъ они обязаны тѣмъ, которыя сдѣлались добычей преслѣдующихъ хищниковъ. Они тѣснятся другъ къ другу, такъ какъ спасеніе—во множествѣ».

Второй видъ обществъ у животныхъ, это—ассоціаціи взаимопомощи. Онѣ предполагаютъ предварительное соглашеніе между соединенными членами относительно общихъ цѣлей. Потребность воспроизведенія или эгоистическаго самосохраненія не являются здѣсь единственными двигателями ассоціаціи; въ примѣненіи силъ и способностей соединившихся выражается нѣкоторое единство общей воли. Ассоціаціи взаимопомощи встрѣчаются у птицъ. Послѣднія нерѣдко организуютъ большія стаи, располагаясь въ опредѣленномъ порядкѣ, болѣе удобномъ для полета, какъ, напримѣръ, журавли.

Значеніе ассоціаціи взаимопомощи является характернымъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда животныя, соединяясь для извѣстной цѣли на очень короткое время, дѣйствуютъ, тѣмъ не менѣе, съ поразительной планомѣрностью. Такъ, наши охотничьи собаки обнаруживаютъ удивительное умѣнье дѣйствовать сообща во время преслѣдованія добычи. Волки соединяются въ стаи для нападенія на лошадей и быковъ. «Животное, легко отбиваясь отъ одного волка, не въ состояніи защищаться отъ нападающихъ со всѣхъ сторонъ, и падаетъ мертвымъ. Въ другихъ случаяхъ одни волки симулируютъ аттаку, отвлекая пастуха и собакъ; другіе волки той же стаи вторгаются въ средину беззащитнаго стада.

Иногда волки гонятъ добычу къ засадѣ, въ которой спрятаны сочлены ихъ стаи».

Къ третьему виду ассоціацій нужно отнести, такъ-называемыя, ассоціаціи постоянныя; отличительными свойствами такого рода ассоціацій являются: раздѣленіе труда, болѣе близкія взаимныя отношенія между членами и, наконецъ, яснѣе выраженная тенденція—преслѣдованіе общаго благосостоянія.

Въ царствѣ пернатыхъ подобныя ассоціаціи составляютъ грачи и ворòны: въ ихъ обществахъ существуютъ профессіи сторожей, предводителей, работниковъ и проч. Нѣтъ сомнѣнія, что ассоціаціи пчелъ и муравьевъ (особенно послѣднихъ) представляютъ самую развитую форму изъ всѣхъ видовъ обществъ у животныхъ; недаромъ о муравьяхъ говорятъ, что ихъ мѣсто въ природѣ, по справедливости, должно находиться рядомъ съ человѣкомъ. Уже самое устройство муравьинаго гнѣзда говоритъ о сильно развитомъ интеллектѣ его строителей и глубокомъ пониманіи всѣхъ преимуществъ раздѣленія труда. Такъ, одни муравьи добываютъ пищу для своихъ товарищей и принадлежатъ къ разряду охотниковъ, другіе занимаются земледѣліемъ, третьи исполняютъ роль пастуховъ и скотниковъ. По временамъ изъ мирныхъ обывателей муравьи дѣлаются воинственными, храбрыми солдатами-патріотами; это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда граждане сосѣдняго муравейника допустили какую-нибудь несправедливость по отношенію къ членамъ другого государства. Въ такихъ случаяхъ война неизбѣжна и она вспыхиваетъ, причемъ ведется по всѣмъ правиламъ военнаго искусства. Печальнымъ послѣдствіемъ войнъ у муравьевъ является институтъ рабства.

Одною изъ первыхъ и главныхъ причинъ происхожденія ассоціацій Жиро признаетъ общность того мѣста, гдѣ животныя одновременно родились и воспитались. Вотъ почему всюду можно наблюдать такое явленіе, что даже самыя неуживчивыя и необщительныя животныя первое время своей молодости спокойно живутъ со своими ближайшими родственниками (братьями и сестрами). Другой причиной ассоціацій у животныхъ нужно признать переселенія, все равно, вызываются ли послѣднія инстинктомъ продолженія рода, недостаткомъ пищи или, наконецъ, перемѣной времени года. Далѣе, на происхожденіе и развитіе соціальныхъ чувствъ у животныхъ въ сильной мѣрѣ вліяетъ общность того мѣста, на которомъ они добываютъ себѣ пищу.

Многочисленность обитаемыхъ міровъ. Этюдъ, въ которомъ излагаются условія обитаемости небесныхъ тѣлъ съ астрономической, физіологической и философской точекъ зрѣнія. Камилла Фламмаріона. Съ тридцатаго французскаго изданія перевелъ К. Толстой съ 4-мя рисунками и одною хромолитографіею. Изд. А. П. Коломнина. Спб. 1896 г. 390 стр. Ц. 2 руб. Въ какой мѣрѣ интересуетъ читающую публики, по крайней мѣрѣ, во Франціи, вопросъ объ обитаемости міровъ, показываетъ количество французскихъ изданій (30) разсматриваемаго нами сочиненія Фламмаріона, вышедшихъ въ теченіе 20 лѣтъ. Мы думаемъ, что и у насъ, въ Россіи, въ скоромъ времени потребуются еще новыя изданія. Фламмаріонъ,

пріобрѣвшій большую извѣстность своими популяризаціями по астрономіи, съ обычнымъ мастерствомъ, живымъ языкомъ, мѣстами, впрочемъ, въ черезчуръ восторженномъ тонѣ, знакомитъ читателей съ современнымъ положеніемъ вопроса объ органической жизни внѣ земного шара. Въ I-й главѣ авторъ излагаетъ исторію воззрѣній объ этомъ предметѣ съ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней; во 2-й главѣ онъ даетъ короткое описаніе солнечной системы и физическихъ особенностей планетъ примѣнительно къ вопросу о возможности на нихъ животной или растительной жизни. 3-ю главу, которую, по нашему мнѣнію, полезнѣе было бы помѣстить раньше предыдущей, Фламмаріонъ посвящаетъ изложенію самыхъ общихъ условій существованія организмовъ на землѣ. Эта глава намъ кажется наименѣе удачной. Въ ней собрано слишкомъ мало фактическихъ данныхъ объ эластичности организмовъ, о способности ихъ примѣняться ко всевозможнымъ условіямъ, между тѣмъ этого рода данныя, въ особенности добытыя въ новѣйшее время, болѣе другихъ могли бы убѣдить читателя въ возможности жизни на планетахъ. 4-я глава заключаетъ короткое описаніе свѣтилъ, находящихся внѣ солнечной системы; въ 5-й гл. разсмотрѣны предположенія или фантазіи различныхъ ученыхъ и философовъ о человѣческомъ населеніи планетъ, а также изложены взгляды автора на духовныя несовершенства земного человѣчества. Около $^1/_3$ книги занимаютъ прибавленія, имѣющія то или другое отношеніе, а иногда, впрочемъ, очень отдаленное, къ предмету, которому посвящено сочиненіе. Въ 1-мъ прибавленіи данъ списокъ маленькихъ планетъ, находящихся между Марсомъ и Юпитеромъ, во 2-мъ—сообщены нѣкоторыя данныя о фактическихъ особенностяхъ планетъ, въ 3-мъ говорится о внутреннемъ строеніи земного шара, въ 4, 5 и 6-мъ—о спектральномъ анализѣ, о способахъ опредѣленія разстоянія звѣздъ отъ земли и о самозарожденіи и, наконецъ, 7-е приложеніе посвящено опять изложенію фантазій, а иногда и просто бредней различныхъ философовъ о жителяхъ планетъ. Изъ этого короткаго перечня содержанія книги видно, что матеріалъ ея изложенъ безъ достаточной послѣдовательности и безъ строго выдержанной системы. Позднѣйшія добавленія не приведены въ связь съ прежнимъ матеріаломъ и потому однородные факты и мысли оказались разбросанными въ различныхъ мѣстахъ сочиненія. Другой недостатокъ разсматриваемой книги, присущій всѣмъ популяризаціямъ Фламмаріона, заключается въ слишкомъ приподнятомъ тонѣ, который употребляетъ авторъ всюду, гдѣ онъ оставляетъ почву фактовъ и переходитъ къ философскимъ размышленіямъ; мѣстами лирическія изліянія автора принимаютъ характеръ настоящаго пустословія. Не смотря на указанные недостатки, книга читается съ большимъ интересомъ и мы не сомнѣваемся въ успѣхѣ ея среди русскихъ читателей.

Монографія медоносной пчелы, главнымъ образомъ, ея анатомія и физіологія. Сравнительное и критическое обозрѣніе взглядовъ древнѣйшихъ и новыхъ изслѣдователей пчелы. Сочиненіе П. Ф. Шпера. Съ 42 рисунками въ текстѣ. Изд. А. Ф. Девріена. Спб.,

1896 г., 164 стр. Ц. 1 руб. Въ то время, какъ по пчеловодству даже на русскомъ языкѣ существуетъ цѣлая литература, по естественной исторіи пчелы мы имѣли только одно обстоятельное и вполнѣ научное и популярно составленное сочиненіе. Это—книга Кована «Медоносная пчела» въ переводѣ Л. А. Потѣхина. Совершенно тотъ же характеръ носитъ только-что появившееся сочиненіе русскаго автора П. Ф. Шпера. Его «Монографія медоносной пчелы» есть въ дѣйствительности естественно-историческая монографія, т.-е. полное описаніе этого насѣкомаго, его анатоміи, физіологіи и образа жизни. Книга составлена вполнѣ научно и вмѣстѣ съ тѣмъ на столько популярно, что не представляетъ никакихъ затрудненій для пониманія читателей со среднимъ образованіемъ. 42 рисунка, работы самаго автора, хотя и грубоваты по исполненію, но достаточно наглядны и много помогаютъ усвоенію прочитаннаго. Монографія г. Шпера можетъ служить пчеловодамъ прекраснымъ руководствомъ для пріобрѣтенія техническихъ познаній, безъ которыхъ немыслимо раціональное пчеловодство.

Ремсенъ. Введеніе къ изученію органической химіи, или химіи углеродистыхъ соединеній. Переводъ Н. С. Дрентельна. Съ измѣненіями и дополненіями М. И. Коновалова. Москва. 1896. Ц. 1 р. 75 к. Названное сочиненіе представляетъ 4-й выпускъ «Библіотеки для самообразованія», выходящей въ Москвѣ. Выборъ такой прекрасной книги, какъ книга Ремсена, безспорно дѣлаетъ честь лицамъ, остановившимся именно на ней. Дѣйствительно, книга Ремсена представляетъ рѣдкія *педагогическія* достоинства. Помѣщенные вопросы, дающіе возможность учащемуся повторять въ болѣе обобщенной формѣ то, что онъ прошелъ на частныхъ фактахъ, наконецъ, общее повтореніе пройденнаго, разумно обдуманные опыты — все это представляется цѣннымъ вкладомъ въ крайне бѣдную педагогическую литературу химіи. И намъ кажется, что либо книгу слѣдовало издать, избавивъ ее отъ всякихъ редакторскихъ примѣчаній, или же — разъ рѣшено было кое-что выбрасывать, кое-что прибавлять, то слѣдовало прежде всего подумать объ исключеніи всего того, что собственно къ химіи не имѣетъ никакого отношенія и что, къ сожалѣнію, удерживается въ химіи по традиціямъ, чуть ли не средневѣковымъ, когда авторы писали сочиненія подъ названіемъ «Summa», въ которыхъ предлагался всевозможный винегретъ изъ разныхъ сферъ человѣческаго знанія. Въ естественно-научныхъ сочиненіяхъ XIV-го, XV-го, XVI-го и т. д. столѣтій мы встрѣчаемъ рядомъ съ серьезнымъ астрономическимъ вопросомъ и указаніе, какъ приготовлять краску для волосъ, чернила, какъ коптить рыбу и проч. Остатки этой привычки сохранились въ химіяхъ и физикахъ даже современныхъ, и вотъ подобные-то остатки встрѣчаются и у Ремсена. Такъ, напримѣръ, говоря объ обыкновенномъ спиртѣ (стр. 49), Ремсенъ начинаетъ говорить о броженіи вообще, о его формахъ (при чемъ далеко не исчерпываетъ всѣхъ формъ, напр., масляннаго, слизистаго, гнилостнаго и т. д.), далѣе заводитъ рѣчь о сивушномъ маслѣ, о содержаніи спирта въ различныхъ спиртныхъ напиткахъ и т. д. Говоря объ углеводородахъ, Ремсенъ описываетъ нефть

(а г. Коноваловъ даже говоритъ о различіи между бакинской и пенсильванской нефтью), говоритъ о керосинѣ, о бензинѣ и проч., говоритъ о температурѣ вспышки, объ испытаніи керосина на вспышку и т. д. Спрашивается, какое отношеніе все это имѣетъ къ химіи; какіе новые просвѣтляющіе элементы введетъ ученіе о керосинѣ въ міросозерцаніе человѣка? Для чего химику забираться въ область химической технологіи, представляющей собраніе химическихъ фактовъ, примѣненныхъ къ тѣмъ или другимъ нуждамъ человѣка? Почему, говоря объ углеродистыхъ водородахъ, надо говорить и о томъ, что такой-то керосинъ безопасенъ, а такой-то опасенъ; почему въ такомъ случаѣ, говоря, напримѣръ, о сахарѣ, не говорить, какъ приготовляютъ конфекты? Вотъ этого, къ сожалѣнію, и до сихъ поръ химики понять не желаютъ, и въ литературѣ я знаю лишь одно сочиненіе, представляющее въ этомъ отношеніи исключеніе—это книга Оствальда «Lehrbuch des allgemeinen Chemie» и «Grundriss der allgemeinen Chemie». Конечно, будетъ время, когда химики поймутъ, что такая наука, чисто умозрительная, не должна вводить въ сферу охватываемаго ею матеріала факты, не имѣющіе никакого химическаго значенія.

Въ заключеніе не мѣшаетъ прибавить, что разбираемое сочиненіе, будучи прекраснымъ учебникомъ, является, если на него смотрѣть съ точки зрѣнія потребностей самообразованія, слишкомъ подробнымъ, содержащимъ слишкомъ большое количество фактическихъ подробностей.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*De Marseille au Paraguay*» *par Edouard Deiss* (*Leopold Cerf*). (*Изъ Марселя въ Парагвай*). Очень полезная книга для тѣхъ, кто мечтаетъ о переселеніи въ обѣтованныя земли Южной Америки. Авторъ ѣздилъ изъ Ріо-Жанейро въ Аргентину и Парагвай и во время своего путешествія по этимъ странамъ старался собрать самыя точныя и вѣрныя свѣдѣнія о всѣхъ выгодахъ и недостаткахъ мѣстностей, куда устремляется теперь европейская эмиграція. Прочтя эту книгу, переселенцы могутъ составить себѣ болѣе или менѣе ясное понятіе о томъ, что ихъ ожидаетъ на новыхъ мѣстахъ.

(Journal des Débats).

«*De la Croyance*» *par Jules Payot* (*F. Alcan*). *1896*. (*О вѣрованіи*). Авторъ извѣстнаго сочиненія «Воспитаніе воли» (l'éducation de la volonté) изучаетъ въ своей новой книгѣ природу и механизмъ вѣрованій. По мнѣнію автора, главный недостатокъ современнаго нравственнаго воспитанія заключается въ томъ, что это воспитаніе чисто абстрактное, интеллектуальное и имѣетъ въ виду лишь усвоеніе идей, оставляя въ сторонѣ воспитаніе и развитіе чувства. Авторъ находитъ, что въ нашей власти внушить тѣ или иныя вѣрованія ребенку и поэтому мы должны позаботиться о томъ, чтобы утвердить въ національномъ сознаніи цѣлую систему нравственныхъ вѣрованій, имѣющихъ универсальное значеніе и необходимыхъ для всего человѣчества. Въ заключеніе авторъ доказываетъ, что народное воспитаніе должно составлять самую главную функцію государства и къ нему должны стремиться всѣ частныя лица.

(Journal des Débats).

«*L'Année politique 1895*» *par André Daniel* (*Charpentier et Fasquelle*). (*Политическій ежегодникъ*). Это весьма полезное изданіе, составляющее обзоръ всѣхъ политическихъ событій истекшаго года, вступило уже въ 22-й годъ своего существованія. Къ изданію приложенъ указатель, хронологическая таблица и разнаго рода замѣтки и документы, освѣщающіе наиболѣе значительныя политическія событія.

(Journal des Débats).

«*Ethnology*» *by A. H. Keane* (*Cambridge University Press*). (*Этнологія*). Небольшая книга, въ которой собраны научныя данныя, относящіяся къ классификаціи человѣческихъ расъ, ихъ происхожденію и распредѣленію на поверхности земли. Авторъ постарался въ сжатомъ изложеніи познакомить читателей съ главными проблемами этнологіи, по возможности придерживаясь середины между крайними взглядами филологовъ и антропологовъ. Книга можетъ служить прекраснымъ руководствомъ для приступающихъ къ изученію этнологіи.

(Daily News).

«*Commentaries on the Constitution of the United States*» *by Roger Foster* (*Kegan Paul and C⁰*). (*Комментаріи къ конституціи Соединенныхъ Штатовъ*). Можно смѣло рекомендовать эту книгу всѣмъ, изучающимъ конституціонное право и законы. Изслѣдованіе конституціи Соединенныхъ Штатовъ можетъ разъяснить интересующимся этимъ вопросомъ тотъ сложный механизмъ, который до сихъ поръ успѣшно управляетъ шестидесятью-милліоннымъ населеніемъ Штатовъ, и указать, почему американская конституція остается попрежнему въ силѣ, несмотря на предсказанія многихъ пессимистическихъ пророковъ. (Daily News).

«*Authors and their Public in Ancient Times*» *G. H. Putnam* (*Oxford, Clarendon Press*). (*Авторы и ихъ читатели въ древнія времена*). Авторъ разсматриваетъ въ своей книгѣ средневѣковую эпоху съ совершенно новой стороны, интересуясь преимущественно научнымъ и культурнымъ развитіемъ этой эпохи. Книга изобилуетъ историческимъ матеріаломъ, бросающимъ новый свѣтъ

на средневѣковое общество и начало новой исторіи до конца XVII столѣтія. (Daily News).

«*La vie de Mirabeau*», *par Alfred Stern* (*Calmann Levy*). (*Жизнь Мирабо*). Книга эта была написана на нѣмецкомъ языкѣ къ празднованію столѣтней годовщины революціи и безспорно занимаетъ первое мѣсто въ ряду сочиненій, посвященныхъ Мирабо. Авторъ—цюрихскій профессоръ, изучилъ эпоху Мирабо и въ своей книгѣ представилъ въ высшей степени симпатичную и глубокую оцѣнку замѣчательнаго генія, повидимому, воплотившаго въ себѣ революціонную Францію, но не имѣвшаго почти никакого вліянія на теченіе революціи. Авторъ бросаетъ въ своемъ изслѣдованіи совершенно новый свѣтъ на поѣздку Мирабо въ Германію и на его отношенія къ герцогу Орлеанскому и графу Прованскому. (Revue de Paris).

«*Quatre Portraits*» *par Jules Simon* (*Calmann Levy*). (*Четыре портрета*). Ламартинъ, Эрнестъ Ренанъ, кардиналъ Лавижери и Вильгельмъ II — вотъ четыре героя, портреты которыхъ рисуетъ Жюль Симонъ. Имя автора слишкомъ извѣстно читателямъ, чтобы было нужно хвалить его стиль, литературный талантъ и умѣнье въ нѣсколькихъ штрихахъ дать полную характеристику личности. Быть можетъ, Вильгельмъ II, изображаемый Жюлемъ Симономъ, и не вполнѣ отвѣчаетъ дѣйствительности, но, тѣмъ не менѣе, очеркъ, посвященный ему, прочтется съ особеннымъ интересомъ, также какъ и очеркъ о Ренанѣ. (Journal des Débats).

«*The Story of Sir Walter Scott's First Love*» *by Adam Scott* (*Macmillian and Wallace*) *Edinburgh*. (*Исторія первой любви Вальтеръ Скотта*). Исторія жизни выдающихся людей всегда представляетъ огромный интересъ, особенно такіе эпизоды, въ которыхъ отражается психическая жизнь человѣка, возвышающагося надъ уровнемъ толпы. Съ этой точки зрѣнія исторія юношеской любви Вальтеръ Скотта заслуживаетъ вниманія читателей, тѣмъ болѣе, что героиня ея фигурируетъ во многихъ его произведеніяхъ подъ разными именами. Вальтеръ Скоттъ былъ въ то время слишкомъ бѣденъ, чтобы жениться, и его невѣста вышла замужъ за другого. Сердце юноши было разбито и два года онъ не могъ утѣшиться, но затѣмъ, мало-по-малу успокоился, хотя до конца жизни сохранилъ воспоминаніе о своей любви и рана въ его сердцѣ, повидимому, никогда не зажила вполнѣ. Исторія этой любви представляетъ одну изъ самыхъ поэтическихъ главъ литературной исторіи Англіи и прекрасно обрисовываетъ благородный характеръ ея героя. (Daily News).

«*La Morale de la Concurrence par Yves Guyot* (*Armand Colin*) *1896*. (*Нравственность конкурренціи*). Авторъ доказываетъ, что центръ тяжести всѣхъ современныхъ цивилизацій надо искать въ настоящее время въ промышленности. Прежде война двигала цивилизаціями и порождала героевъ. Теперь двигателемъ цивилизацій является промышленность. Въ интересахъ промышленника обращаться человѣчно со своими рабочими, такъ какъ въ этомъ заключается залогъ его успѣха, но то, что дѣлаетъ промышленникъ, онъ дѣлаетъ не для себя, а для другихъ. Въ экономической конкурренціи заключается, по мнѣнію автора, самый дѣйствительный факторъ, способствующій развитію альтруизма, составляющаго основу всякой морали. (Journal des Débats).

«*The Soil*; *its Nature*, *relations and Fundamental Principles of Management*. *By F. H. King*, *Professor of agricultural Physics in the University of Wisconsin*. (*Macmillian and C°*). (*Почва*). Маленькая книга, заключающая, несмотря на свой большой объемъ, массу полезныхъ свѣдѣній, входитъ въ составъ серій сельскохозяйственной библіотеки, издаваемой профессоромъ Баклей. Книга, главнымъ образомъ, разсчитана на сельскихъ хозяевъ, нуждающихся въ руководствѣ и практическихъ свѣдѣніяхъ, но въ ней можно найти изложеніе всѣхъ новѣйшихъ теорій почвы. Вообще, всѣмъ интересующимся земледѣліемъ можно смѣло рекомендовать эту книгу. (The Citizen).

«*The Universities of Europe in the Middle Ages*» (*Oxford*, *Clarendon Press*) *by H. Rashdall*. (*Европейскіе университеты въ средніе вѣка*). Это изслѣдованіе положенія университетовъ въ средніе вѣка заключаетъ массу историческаго матеріала, дающаго очень ясное представленіе о средневѣковой наукѣ и способахъ преподаванія. Интересующіеся исторической наукой найдутъ въ этой книгѣ множество любопытныхъ свѣдѣній; во всякомъ случаѣ, среди историческихъ сочиненій, появившихся въ послѣднее время, этой книгѣ слѣдуетъ отвести одно изъ первыхъ мѣстъ. (Daily News).

«*Introduction to Political Science*». *Two series of Lectures. By Sir J. R. Seeby. Regius Professor of Modern History in the University of Cambridge*. (*Введеніе въ политическую науку*). Лекціи про-

фессора исторіи Кэмбриджскаго университета представляютъ въ высшей степени ясное изложеніе основъ политической науки и указываютъ на связь этой науки съ исторіей. Для лицъ, интересующихся политикой, эти лекціи могутъ служить прекраснымъ руководствомъ, такъ какъ пониманіе современной политики возможно только при условіи основательнаго знакомства съ данными политической науки. (The Citizen).

«*The Child and Childhood in Folk-Thought*» (*The Child in Primitive culture*) *by Alexander Francis Chamberlain, Lectures on Anthropology in Clark University; Fellow of the American Association for the Advancement of Science*). (*Дитя въ первобытной культурѣ*). Очень интересное изслѣдованіе первобытной культуры. Авторъ, главнымъ образомъ, интересуется положеніемъ ребенка въ первобытной человѣческой семьѣ и изучаетъ эволюцію воззрѣній первобытнаго человѣчества по отношенію къ дѣтямъ и т. д. Въ ряду сочиненій по исторіи культуры книга эта, безъ сомнѣнія, должна занять далеко не послѣднее мѣсто. (Daily News).

«*An Introduction to the Study of American Litterature*» *by Brander Matthews (American Book Company) New-York*. (*Введеніе къ изученію американской литературы*). Книга какъ указываетъ ея заглавіе, служитъ лишь вступительнымъ очеркомъ американской литературы; авторъ ея, профессоръ Мэтью, знакомитъ читателей, главнымъ образомъ, съ исторіей этой литературы. Хотя профессоръ предназначаетъ свою книгу какъ руководство для студентовъ, приступающихъ къ изученію литературы, но она менѣе всего пригодна для этой цѣли. Профессоръ Мэтью писалъ ее скорѣе какъ журналистъ, нежели какъ составитель учебника, и поэтому его книга представляетъ занимательный и прекрасно написанный историческій обзоръ американской литературы, не обладающій, однако, тѣми качествами или недостатками, которые требуются отъ учебника. (Daily News).

«*Political Economy for High Schools and Academies*» *by Robert Ellis Thompson (Ginn and C°) Boston*. (*Политическая экономія для высшихъ школъ и академій*). Очень хорошо и ясно написанное руководство къ политической экономіи. Авторъ, шагъ за шагомъ, проводитъ читателя черезъ различныя стадіи промышленной жизни и даетъ прекрасную характеристику развитія и отличительныхъ чертъ экономической жизни и современныхъ общественныхъ учрежденій. Автору можно сдѣлать только одинъ упрекъ: онъ является слишкомъ ярымъ защитникомъ протекціонистской системы. (The Citizen).

«*The Story of the Indian*» *by George Bird Grinnell* (*Chapman and Hall*). (*Исторія индѣйцевъ*). Американскій писатель Гринелль, очень долго прожившій среди краснокожихъ, издалъ очень интересную книгу, въ которой описываетъ индѣйцевъ, ихъ жизнь, характеръ, склонности и привычки и указываетъ, какъ велика еще власть преданій и предразсудковъ надъ индѣйскою расой. Авторъ не касается вопроса, почему вымираютъ индѣйцы и насколько виновны тутъ «бѣлые люди», вытѣсняющіе постепенно краснокожихъ изъ ихъ владѣній; онъ только изучаетъ, въ какой степени и какъ отразилось вліяніе европейской цивилизаціи на индѣйцевъ. Авторъ явно симпатизируетъ краснокожимъ, у которыхъ находитъ многія черты, свойственныя великимъ націямъ. По словамъ автора, индѣйцы далеко не такіе дикіе, какъ это принято думать; онъ отвергаетъ также господствующее мнѣніе, что индѣйцы, подобно многимъ дикарямъ, неспособны заботиться о будущемъ. Наоборотъ, индѣйцы во многихъ случаяхъ обнаруживаютъ большую предусмотрительность, хотя у нихъ и нѣтъ такихъ учрежденій, какъ банки или страховыя общества. Очень интересно описаніе соціальныхъ обычаевъ индѣйцевъ, ихъ жизни въ лѣсахъ и преріяхъ, ихъ воззрѣній и идей. Масса этнологическихъ свѣдѣній, сообщаемыхъ авторомъ, придаютъ его книгѣ не только литературное, но и научное значеніе. (Daily News).

«*Mémoires d'un artiste*» *par Charles Gounod* (*Calmann Levy*) *1896*. (*Мемуары артиста*). Выдержки изъ этихъ мемуаровъ, печатавшіеся въ журналахъ, обратили на себя вниманіе читающей публики. Великій артистъ начинаетъ свои мемуары слѣдующими словами: «Если я сдѣлалъ что-нибудь хорошее въ своей жизни, то этимъ обязанъ только своей матери, которой и посвящаю эти воспоминанія». Этимъ чувствомъ горячей сыновней любви проникнуты всѣ страницы воспоминаній Шарля Гуно. Написанные просто и увлекательно, они читаются съ большимъ интересомъ, тѣмъ болѣе, что заключаютъ много любопытныхъ подробностей, касающихся жизни композитора, дѣтства, его взглядовъ на современную музыку, отношеній къ друзьямъ и т. п. (Journal des Débats).

«*The Lawyer in History, Literature and Humour*» *Edited by William Andrews*

(*Andrews and C°*). (*Адвокаты и судьи въ исторіи, литературѣ и въ сатирѣ*). Издатель книги въ первыхъ выпускахъ представилъ анекдотическую исторію духовенства и врачей, теперь онъ посвящаетъ свое вниманіе адвокатской профессіи. На его книгу, впрочемъ, не слѣдуетъ смотрѣть только какъ на сборникъ забавныхъ анекдотовъ, касающихся той или иной профессіи, такъ какъ, кромѣ разсказовъ, она заключаетъ много литературнаго и историческаго матеріала. Въ составленіи книги участвовали разныя компетентные авторы, которымъ издатель поручилъ написать тѣ или иныя главы, касающіяся судебной профессіи, обычаевъ и нравовъ адвокатуры и суда, законовъ, дѣйствующихъ въ Англіи и т. п.; фактическій матеріалъ, собранный въ книгѣ, отличается большимъ разнообразіемъ и интересомъ.

(Daily News).

«*Reviews and Critical Essays*» *by Charles H. Pearson. Edited by H. A. Strong, with a Geographical Sketch and Portrait* (*Methuen*). (*Критическіе опыты*). Извѣстный авторъ книги «National Life and Character» (Національная жизнь и характеръ) Пирсонъ былъ профессоромъ исторіи въ Мельбурнскомъ университетѣ и въ то же время выдающимся журналистомъ. Послѣ его смерти, его другъ, профессоръ Стронгъ, собралъ его статьи, разбросанныя по разнымъ журналамъ, и издалъ ихъ въ отдѣльной книгѣ, снабдивъ ее біографическимъ очеркомъ и предисловіемъ. Изъ статей, заключающихся въ этомъ сборникѣ, особеннаго вниманія заслуживаютъ статьи о пессимизмѣ и оптимизмѣ, о Ренанѣ, о цинизмѣ въ литературѣ, о Бисмаркѣ, о дворѣ Наполеона и о Шериданѣ. Этотъ краткій перечень указываетъ, что Пирсонъ касался въ своихъ статьяхъ весьма разнообразныхъ вопросовъ.

(Daily News).

«*Croyance et légendes du moyen âge*» *par Alfred Maury. Nouvelle edition, publiée par M. Auguste Loignon, membre de l'Institut et M. Gaston Bonet-Maury, professeur. Préface de M. Michel Bréal, membre de l'institut.* (*Librairie Champion*). (*Вѣрованія и легенды среднихъ вѣковъ*). Подъ этимъ общимъ заглавіемъ изданы первые труды Альфреда Мори: «Le Fées du moyen âge» и «Essai sur les légendes pieuses du moyen âge», сдѣлавшіеся въ послѣднее время почти библіографическою рѣдкостью. Всѣ сочиненія, также какъ и эти первые труды Мори, однако, заслуживаютъ какъ можно большаго распространенія, именно потому, что несмотря на все свое научное значеніе, онѣ написаны такъ живо и просто, что, прочтутся съ интересомъ не одними только учеными. Въ первой части заключается опытъ сравнительной миѳологіи, а во второй—критическій разборъ мартирологовъ и священныхъ легендъ.

(Journal des Débats).

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ

съ 15-го мая по 15-е іюня.

Новый сборникъ стихотвореній А. Д. Львовой. *Водоросли.* Спб. 96 г., изданіе Ледерле. Ц. 1 р. 75 к.

Сборникъ стихотвореній Северина-Янишевскаго. *«Новый годъ».* Москва 96 г. Ц. 50 к.

Стихотворенія Северина-Янишевскаго. Съ портретомъ автора. Москва 96 г. Ц. 1 р. 20 к.

Собраніе сочиненій Генрика Ибсена. Т. II. Изданіе Юровскаго. Спб. 96 г.

Собраніе сочиненій Бьернстьерне-Бьернсона. Перев. съ норвежскаго М. В. Лучицкой. Кіевъ 96 г. Ц. кажд. тома 35 к.

А. Барановъ. *Разсказы.* Изданіе Л. В. Кекина. Вятка 96 г. Ц. 1 р.

Иванъ Щегловъ. *Дачный мужъ*, его похожденія, наблюденія и разочарованія. Спб. 96 г. Изданіе Ледерле. Ц. 1 р.

Ея Крейцерова соната. Изъ дневника г-жи Позднышевой. Перев. съ нѣмецкаго. Изданіе Іогансона. Кіевъ 96 г. Ц. 50 к.

В. Быстренинъ. *Сухарь.* Очеркъ изъ жизни городской бѣдноты. Изданіе В. Я. Муринова.

О. Гольдсмитъ. *Векфильдскій священникъ.* Перев. З. Н. Журавской. Изданіе Ледерле. Спб. 96 г. Ц. 40 к.

Святочные разсказы. Рождественская ночь, разск. *Бретъ-Гарта.* Скрудтъ, *Диккенса.* Изд. С. М—ва. Спб. 96 г. Ц. въ папкѣ 25 к.

Изданія Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности. № 35. *С. Р.* Карлъ Великій. 95 г. Ц. 3 коп. № 36. *Д. П. Миллэръ.* Заселеніе Новороссійскаго края и Потемкинъ. 95 г. Ц. 3 к.

Г. А. Мачтетъ. *Жидъ.* 96 г. Ц. 3 к.

Вересаевъ, В. *Страшная смерть невиннаго человѣка.* 96 г. Ц. 4 к.

Изданія А. М. Муриновой:

Вл. Короленко. *Дѣти подземелья.* 2 изд. 96 г. М. Ц. 5 к.

Г. И. Гуринъ. *Стельная корова*, какъ ходить за ней и какъ помогать ей при теленіи. М. 93 г.

В. И. Немировичъ-Данченко. *Живодеръ.* М. 93 г.

В. Быстренинъ. *Сухарь*, очеркъ изъ жизни городской бѣдноты. М. 93.

Ч. Вѣтринскій. *Жизнь и пѣсни А. В. Кольцова.* М. 93 г.

Его же. *Жизнь и стихотворенія И. С. Никитина.* М. 94 г.

Е. Волкова. *Бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ и его время.* М. 94 г.

Ч. Вѣтринскій. *Т. Гр. Шевченко.* М. 94 г.

Д. Кудрявскій. *Какъ жили люди въ старину* (очерки первобытной культуры). М. 94 г. Ц. 30 к.

А. Курочкинъ. *Изъ жизни растеній.* Вып. I. Какъ питается растеніе. М. 94 г. Ц. 20 к.

Ч. Вѣтринскій. *И. С. Тургеневъ* (очеркъ его жизни и отрывки изъ сочиненій). М. 94 г.

А. Быкова. *Вильгельмъ Оранскій.* Борьба Нидерландовъ за независимость и свободу вѣроисповѣданія. М. 94 г.

Несчастные. Сборникъ. М. 95 г.

Ч. Вѣтринскій. *Н. В. Гоголь и его произведенія.* М. 95 г.

Сельскій, А. *Бесѣды о землѣ.* I книжка. Какой видъ имѣетъ земля и какая сила поддерживаетъ ее въ небесномъ пространствѣ. М. 95 г.

В. Я. Я—въ. *Георгъ Вашингтонъ и основаніе С.-Амер. Соединенныхъ Штатовъ.* М. 95 г.

Вл. Бончъ-Бруевичъ. *Родныя пѣсни.* Сборникъ стихотвореній Н. А. Некрасова, И. С. Никитина, И. З. Сурикова и др.

А. Быкова. *Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты.* М. 96 г.

D-r M. Legrain. *Соціальное вырожденіе и алкоголизмъ* — переводъ Бастамова, подъ ред. врача В. М. Бяшкова. Тверь 96 г. Ц. 75 к.

Дж. Ст. Милль. *Основанія политической экономіи*, съ нѣкоторыми примѣненіями къ общественной философіи. Пер. съ послѣдняго изданія Е. И. Остроградской. Изданіе въ 5 выпускахъ. Подписная цѣна 2 рубля. Выпускъ I. Кіевъ. Ф. А. Іогансона 96 г.

Идеалы воспитанія и обученія. Опытъ педагогической хрестоматіи. *Христофора Пахолкова.* Казань 96 г. Ц. 35 к.

Бесѣды дѣдушки Пахома о худой болѣзни. Спб. 96 г. Ц. 10 к.

Справочная книжка для кустарныхъ, ремесленныхъ и земледѣльческихъ артелей. Спб. 96 г. Ц. 60 к.

Отчетъ Нижегородской общественной библіотеки за 1895 г. Нижній Новгородъ 96 г.

Судебно-медицинская экспертиза въ дѣлѣ мултанскихъ вотяковъ, обвиняемыхъ въ принесеніи человѣческой жертвы языческимъ богамъ. *Э. Ф. Беллина.* Спб. 96 г.

Чтенія для народа. Изданіе книжн. маг. Луковникова, составлено Ѳ. Ѳ. Пуцыковичемъ. Ц. кажд. выпуска 5 к. *абиссинцы, китайцы, англичане, русины, хорваты, черногорцы, чехи, сербы, болгары.*

Отчетъ совѣта Общества попеченія о начальномъ образованіи въ г. Красноярскѣ.

Отчетъ десятилѣтней дѣятельности Общества попеченія о начальн. образованіи въ г. Красноярскѣ.

I. Рейнке. *Приходъ и расходъ въ природѣ. Международная библіотека.* Изданіе Юровскаго. Спб. 96 г. Ц. 15 к.

Джонъ Стюартъ Милль. *Автобіографія* (Исторія моей жизни и убѣжденій). Цѣна 75 к. М. 96 г. Изд. магазина «Книжное дѣло».

Г. Шерръ. *Всеобщая исторія литературы.* Выпуски VII, VIII, IX, X и XI. Подписная цѣна на всѣ 20 выпусковъ 8 руб. съ пересылкой. Изданіе Байкова и К°. Москва. 96 г.

Г. Ф. Шершеневичъ. *Учебникъ русскаго гражданскаго права.* Второе изданіе. Казань. 96 г. Ц. 5 р.

Альфредъ Фулльe. *Темпераментъ и характеръ.* Перев. В. Н. Линда. Ц. 1 р. 96 г. Москва.

I. Д—въ. *Кустарныя артели и кредитъ для нихъ.* Ц. 45 к. Черниговъ 96 г.

Къ сѣверному полюсу на воздушномъ шарѣ. Проектъ Андрё. Спб. 96 г. Ц. 35 к.

Д-ръ В. Гориневскій. *Какъ намъ обуваться?* О нормальной обуви, по преимуществу дѣтской. Спб. 96 г. Ц. 25 к.

Д-ръ Ланге. *Эмоціи.* Психофизіологическій этюдъ. Москва. 96 г. Ц. 30 к. Изданіе магазина «Книжное дѣло».

В. М. Краузе. *Путешествіе Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая Александровича.* 1891—1892 г. Составлено по оффиціальнымъ источникамъ. Изданіе II. Ледерле. Спб. 96 г. Ц. 30 к.

Афоризмы изъ сочиненій Герберта Спенсера, извлечены и приведены въ систему Юліей Рэймондъ Гинджеллъ, съ портретомъ Г. Спенсера. Перев. съ англ. А. Гойжевскаго. Спб. 96 г. Изданіе Карбасникова. Ц. 1 р.

НОВЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ ШКОЛЬНАГО ВОЗРАСТА

„ВСХОДЫ“

24 КНИГИ ВЪ ГОДЪ.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ: а) 1-го числа—книгой большого формата—отъ 4 до 5 печатныхъ листовъ—въ два столбца, съ **многочисленными рисунками и разнообразнымъ матеріаломъ**, б) 15-го—небольшой изящной книжкой—отъ 8 до 10 печатныхъ листовъ, содержащей въ себѣ одно произведеніе беллетристическое или научно-популярное. Редакція остановилась на этой новой формѣ изданія дѣтскаго журнала, находя болѣе цѣлесообразнымъ давать дѣтямъ то или другое произведеніе законченнымъ въ одномъ или много въ двухъ номерахъ, и оставляющимъ вслѣдствіе этого болѣе цѣльное, ясное и глубокое впечатлѣніе, что трудно достигается при дробленіи произведенія на большее количество номеровъ.

Программа журнала слѣдующая: Повѣсти и романы для дѣтей, оригинальные и переводные; стихотворенія; историческія повѣсти; сказки; историческія легенды; біографіи знаменитыхъ людей; очерки по естествознанію, географіи, этнографіи и проч. Большое вниманіе будетъ обращено редакціей на ознакомленіе дѣтей съ Россіей, ея исторіей, этнографіей и географіей, а также на сообщеніе разнаго рода свѣдѣній изъ міра научныхъ изобрѣтеній и открытій, которыя будутъ излагаться въ простой формѣ, вполнѣ доступной для дѣтскаго пониманія. Ближайшее участіе въ редакціи принимаетъ извѣстная писательница для дѣтей **А. Н. Анненская.**

Въ журналѣ **«ВСХОДЫ»** будетъ помѣщаться ежемѣсячно: 1) **отдѣлъ для маленькихъ дѣтей** и 2) для родителей—**критическій указатель** дѣтской литературы.

Кромѣ того, подписчики получатъ книгу беллетристическаго или научно-популярнаго содержанія, **въ видѣ безплатнаго приложенія.**

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ:

Цѣна 5 рублей въ годъ съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи, за границу **8 рублей. Разсрочка допускается слѣдующая: 3** рубля при подпискѣ и **2** рубля къ 1-му мая.

Безплатное приложеніе получаютъ только тѣ подписчики, **которые уплатили подписную плату полностью.**

Адресъ: **С.-Петербургъ, Лиговка, 25, кв. 5, въ редакціи журнала «МІРЪ БОЖІЙ».**

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать 20 к. съ каждаго экземпляра. Разсрочка черезъ книжные магазины не допускается

Издательница **А. Давыдова.** Редакторъ **П. Голяховскій.**

Первое изданіе сочиненія Милюкова **„Очерки по исторіи русской культуры“** разошлось. Готовится къ печати второе.

„МІРЪ БОЖІЙ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

(25 листовъ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

и

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ и редакціи: Лиговка, д. 25—8, кв. 5 и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. **Въ Москвѣ**: въ отдѣленіи конторы—книжный магазинъ Карбасникова, Кузнецкій мостъ, д. Коха, и въ конторѣ *Печковской*, Петровскія линіи.

1) *Рукописи,* присылаемыя въ редакцію, должны быть *четко переписаны* снабжены подписью автора и его адресомъ, а также и указаніемъ размѣра платы, какую авторъ желаетъ получить за свою статью. Въ противномъ случаѣ размѣръ платы назначается самой редакціей

2) Непринятыя мелкія рукописи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ редакція ни въ какія объясненія не вступаетъ.

3) **Принятыя статьи**, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются, непринятыя же сохраняются въ теченіе **полугода** и возвращаются по почтѣ только по уплатѣ почтоваго расхода деньгами или марками.

4) *Лица,* адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, для полученія отвѣта, прилагаютъ **семикопѣечную марку**.

5) Жалобы на неполученіе какого-либо № журнала присылаются въ редакцію *не позже двухъ-недѣльнаго срока* съ обозначеніемъ № адреса.

6) Иногороднихъ просятъ обращаться исключительно въ контору редакціи. Только въ такомъ случаѣ редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.

7) При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородные доплачивается 70 копѣекъ; изъ иногороднихъ въ городскіе 40 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того-же разряда 14 копѣекъ.

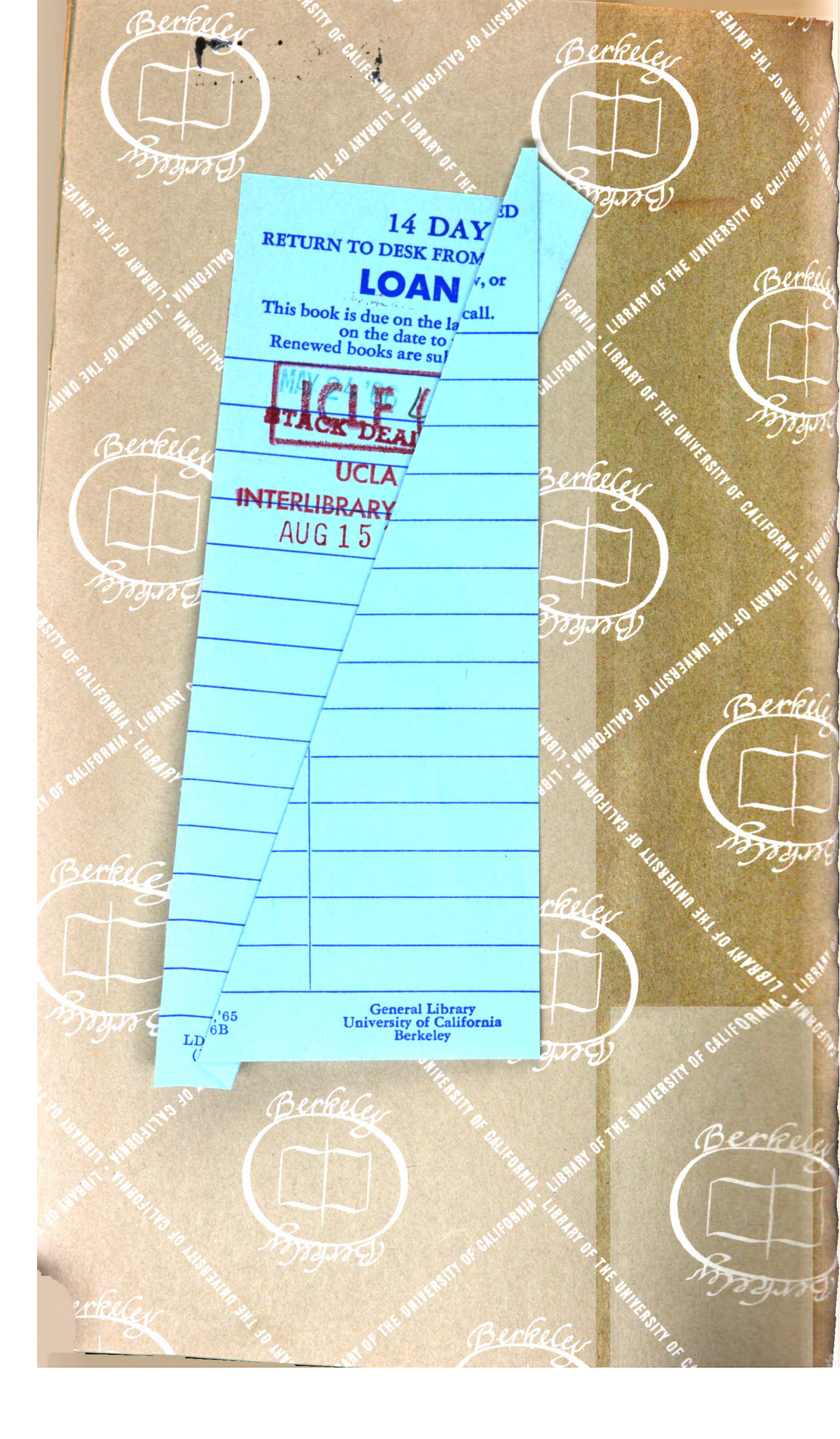
8) Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ 35 коп. съ каждаго годового экземпляра.

Контора редакціи открыта ежедневно, **кромѣ праздниковъ**, отъ 11 ч. утра до 4 ч. пополудни. Личныя объясненія *съ редакторомъ по вторникамъ*, отъ 2 до 4 час., *кромѣ праздничныхъ дней*.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ безъ доставки **6** руб., съ доставкой и пересылкой въ Россіи **7** руб., за границу **10** руб.

Издательница **А. Давыдова** Редакторъ **Викторъ Острогорскій.**

14 DAY
RETURN TO DESK FROM
LOAN
This book is due on the la
on the date to
Renewed books are su
ED
v, or
call.
ICLF
STACK DEAL
UCLA
INTERLIBRARY
AUG 15
,'65
6B
LD
General Library
University of California
Berkeley
LIBRARY OF THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA
Berkeley

U. C. BERKELEY LIBRARIES
C042636561